

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

58

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2017 Issue 58

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2017 Выпуск 58

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Упсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
(ответственный секретарь)
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 58

М.: ИВИ, 2017. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 58

Moscow: IWN, 2017. — 400 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2017
- © Институт всеобщей истории, 2017
- © Журнал «Диалог со временем», 2017

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

И. М. САВЕЛЬЕВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В XXI ВЕКЕ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА¹

В статье подводятся первые итоги XXI века для исторической науки. Под углом зрения существования истории в поле старых и новых социальных дисциплин анализируются новые объекты изучения, развитие понятийного аппарата, основные категории и междисциплинарные альянсы. Как показывает автор, в последние десятилетия стандарты строгого научного изложения, заложенные в 1960-е гг. 'новой научной историей', значительно ослабли, при этом предметное поле исторической науки неимоверно расширилось. Изменилось отношение историков к теоретическим моделям. Снизилась ответственность высказываний, и в результате обычной стала практика волонтаристского объединения разных теорий, концептов и понятий в одном исследовании. Дисциплинарный язык заметно преобразился. Произошедшие изменения объясняются, в том числе, влиянием новых социальных наук, на которые переключилось внимание историков: *cultural studies*, *memory studies*, *urban studies*, *media studies*, *cinema studies*, *digital studies*, семиотика и пр. В результате историческая наука сегодня отражает общие тренды в развитии наук о человеке.

Ключевые слова: *теория, сциентизация, дисциплинарный язык, тематика, фрагментация объекта, междисциплинарные альянсы, глобализация истории, социология, новые социальные науки*

Дважды два уже четыре, а будет еще лучше (Генрих Ягодзинский)

Последние годы я пытаюсь понять, что произошло с исторической наукой в новом веке, как она преобразилась². Я старалась проследить эти изменения, исследуя разные сегменты современной историографии. Здесь я предполагаю обобщить ряд своих исследований, объединив их вопросом о природе привязанности истории к социальным наукам, и проанализировать новые обстоятельства ее «социальности». Свести воедино и обсудить несколько тем, описывающих состояние нашей дисциплины (понятийный словарь, тематические предпочтения, теоретические новации, междисциплинарные альянсы) придется по необходимости кратко, поэтому вставки, которыми я иллюстрирую свое рассуждение, будут выполнять исключительно функцию примеров. Речь пойдет только о когнитивном компоненте исторической науки, а не о состоянии со-

---

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

² *Савельева* 2012; 2016; *Saweliewa* 2015. См. также: *Eley* 2005; *Harlaftis* 2010; *Репина* 2011.

обществ историков разных стран и школ, положении исторической дисциплины в университете и за его стенами, ее социальной значимости, критической функции и прочих институциональных аспектах, хотя понятно, что способ организации сообществ создает атмосферу, влияющую на производство и содержание знаний³.

Социальные и гуманитарные науки

Деление наук о человеке на социальные (social sciences) и гуманитарные (humanities) – явление относительно недавнего времени. Сегодня классификационные системы создаются по прагматическим соображениям: в связи с потребностями университетов, издательств, библиотек, энциклопедий, библиометрических исследований и статейных рейтингов, электронных баз данных и информационных служб. Все такие классификаторы подразделяют науки на три блока – science, social science и humanities⁴ (в шутку знаменитый физик Лев Ландау делил науки на естественные, неестественные и протиестественные). В WoS и Scopus большая часть исторических журналов относятся к блоку humanities, т.е. история опорной ногой твердо стоит в humanities, а вторую ногу только занесла в social science. В университетских классификаторах история чаще относится к социальным дисциплинам. Тем самым, позиция ее и формально, и по существу остается двойственной. Более того, со времени становления истории как научной дисциплины устойчиво присутствует и крайняя точка зрения, согласно которой, история – не наука, а искусство (причем, в значении «осмысление мира в художественных образах», а не liberal arts). Все три позиции представлены как внутри самого исторического сообщества, так и вне его – науковедами, социальными учеными, общественностью.

Однако не так важно, к какой категории причисляется история в современных утилитарных классификаторах. Важно другое. Считается, что гуманитарные науки используют преимущественно критические или спекулятивные методы и нагружены историзмом. Предполагается, что этим они отличаются от социальных наук, которые для познания общества используют инструменты, напоминающие методы *естественных наук*, – преимущественно эмпирические и формализующие. Именно формализацию, т.е. инструментарий исследования, когда упорядоченной социальной реальности соответствует четкая структура дисциплины и алгоритмизированные процедуры, подразумевают чаще всего, когда говорят о сциентизации наук о человеке. Методом таких «сциентизированных» социальных наук может быть что угодно – математика, кибернетика, лингвистика и пр. Важно, что именно формаль-

---

³ Qu'est-ce qu'une discipline? 2006; Lloyd 2009. Применительно к гуманитариям: Steven 2006. P. 15–21; Пост 2011.

⁴ О классификациях подробнее см.: Савельева, Полетаев 1997. С. P. 554–597; Makkreel 2010; Савельева 2015.

ные методы считаются основным показателем научности дисциплины. У этой позиции, естественно, есть и будут серьезные оппоненты, считающие знание, не подкрепленное строгими теориями, формулами и наблюдениями, ничуть не менее научным. Не случайно и в социологии укрепляются позиции представителей качественных методов.

Историки научились мыслить социологически

Я собираюсь говорить об исторической науке XXI века, но начать мне придется с 1960-х гг., оптимальной точки отсчета для того, чтобы показать эволюцию и механизмы изменения исторической науки. Это время, когда теории были большими, законы универсальными, методы точными. Во всяком случае, в той части историографии, которая считалась образцовой.

1960–1970-е гг. оказались необычайно динамичным периодом для социальной науки в целом и для истории в частности. Именно тогда для большинства историков не существовало дилеммы, должна ли история стать социальной наукой. В СССР вопрос так вообще не ставился, потому что единой для всех исследований объяснительной схемой был исторический материализм, развитая социальная теория. Даже принудительный и догматический, марксизм, тем не менее, учил мыслить социологически, хотя и в определенных пределах (очень многие проблемы и целые периоды с опорой на марксистскую теорию просто нельзя было объяснить). В западной исторической науке в середине прошлого столетия вообще утверждался «бравый, новый мир» (кстати, не без влияния марксистской теории и академического марксизма). Происходила немислимая прежде (да и после) сциентизация истории с опорой на структурно-функциональный анализ и системный подход. В экономической истории главными темами стали конъюнктурная динамика, экономические кризисы, экономический рост; в социологии – модернизация, миры-системы, стадии роста, культурная интерпретация, сетевые отношения, символическая власть, социальный капитал. В тот же период с небольшим лагом появились оригинальные микро-исторические исследования, смоделированные по образцу микро-экономических или микро-социологических теорий (символического интеракционизма Джорджа Герберта Мида и Герберта Блумера, символической власти Пьера Бурдьё, масштабов социального взаимодействия Фредерика Барта; сетевых взаимодействий Джорджа Хоманса и т.д.).

Представление о строгости исследования в то время отсылало к точным наукам и, соответственно, к математическим методам. Главным инструментом «онаучивания» истории с 1960-х гг. стала клиометрика. Вслед за экономической и социальной историей клиометрика нашла применение в демографической (нетто-коэффициент воспроизводства и вероятность выживания в самых разных регионах и в очень далекие времена), политической (серийная административная история

и регрессионная картография) и культурной истории (регрессионный анализ антропологических данных). Клиометрику приспособили даже к изучению ментальности: велись количественные исследования письменных источников, распространился контент-анализ. Пытаясь постичь скрытые в словах смыслы, отдельные историки овладели количественной семантикой. Многие представители исторической профессии в те десятилетия научились считать и потратили на это немалые усилия. Изучение прошлого, основанное на синтезе относительно строгой теории и точных методов, получило название «новой научной истории».

В середине прошлого века обратиться за теориями и методами можно было почти исключительно к экономике, социологии или демографии. Собственно, других дисциплинарных моделей и инструментов для переноса в мастерскую историка тогда и не было. Поэтому теоретичность истории преимущественно измерялась ее социологичностью. Рискну утверждать, что социологическими понятиями и концепциями мыслили в то время и экономические историки (теория модернизации, стадии роста, мира системы и др.). Мыслить социологически историки учились массово, хотя не стоит все же преувеличивать степень освоения социологических теорий. Многие историки научились мыслить социологически в том смысле, какой имел в виду Зигмунт Бауман: не знать социологию, а мыслить социологически (только не о повседневности, а о прошлом, но отчасти как о повседневности)⁵.

Структурирование предмета

Стойким результатом социологизации истории стало специфическое структурирование предмета, пришедшее из социальной истории и распространившееся на другие области. В итоге в современной историографии «по предмету» можно выделить следующие блоки:

- Социальные институты: школа, фирма, приход, армия, тюрьма, клиника, бордель и т.д. / детство, семья, старость, наука и т.д. (в принципе дальше от институтов можно производить группы и практики).
- Социальные группы: этносы, дети, молодежь, старики, профессии, женщины, прокаженные, безумные, преступники, субалтерны, маргиналы, меньшинства и т.д.
- Социальные практики: переговоры, игры, церемонии, труд, демонстрации, посиделки, чтение, разбой, доносы, наказания и все возможные др. интеракции.

Конечно, в небольших дозах в предшествующей историографии все уже присутствовало. Отсюда номинирование в качестве отцов-основателей «новой научной истории» Фернана Броделя, Марка Блока и Люсьена Февра и «открытия» в середине прошлого века Макса Вебера, Норберта Элиаса, Эрнста Канторовича и других предтеч.

---

⁵ *Bauman* 1990.

В целом, по моему мнению, историческая наука в 1960–1970-е годы вовсе не испытала «ледяных объятий научности» (Ханс-Ульрих Гумбрехт)⁶ – я бы назвала эти объятия энергичными. Свободное обращение к разным теориям и теоретическим конструкциям сделало возможной дальнейшую историческую специализацию и привело к появлению множества исторических субдисциплин. Благодаря активному освоению инструментария социальных наук история сегодня демонстрирует колоссальный потенциал развития в предметной области, в способах самовыражения, в освоении новых материалов, в умении извлекать радикально новую информацию из уже известных документов. Но очень скоро историкам пришлось учиться читать (Э. Ле Руа Ладюри), причем совсем иначе, чем они это делали несколько веков подряд. Кстати, «читать по-новому» с энтузиазмом научилось не только молодое поколение, но и ведущие представители старого.

Однако к 1980-м гг. «новая научная история» на самом деле *passé*. Многие тогда не заметили этого, да и 50 лет спустя далеко не все историки покинули хорошо распаханное поле (достаточно посмотреть список тем диссертаций по истории в современной России). Не случайно относительно недавние проводы Эрика Хобсбаума, Жака Ле Гоффа или Эдварда Томпсона стали столь знаковыми⁷. Как будто эпоха длилась до их ухода. А она давно закончилась, и ее представителей вполне можно наречь «шестидесятниками». Так же как в 70-е годы «новые научные историки» списали в архив старую политическую историю, историю идей и интеллектуальную историю, затем, обратившись к новациям культурной антропологии, *cultural studies* и *literary theory*, «новая культурная история», окруженная скороспелым множеством исторических субдисциплин, оттеснила царицу «научной историографии» – социальную историю. На западе «конец» новой научной истории зафиксировали в 1990-е и связали, прежде всего, с успехом (и опасностью) постмодернизма. В России в 1990-е годы новая научная история еще только утверждалась. Запоздалая фиксация радикального поворота в науке – феномен интересный и заслуживающий отдельных исследований сам по себе. Я здесь выскажу только пару соображений.

Почему трудно определить границу между «новой научной историей» и той, не имеющей единого обозначения и, по сути, отрицающей базовые принципы «шестидесятников», что пришла ей на смену?

Одна из важных причин состоит в том, что в исторической науке полвека работало поколение, которое и создало новую научную историю, более того, именно это поколение вошло в силу в 1990-е. Многие крупнейшие историки, начав в 1960-е, создали себе имена, приобрели

---

⁶ Гумбрехт 2006.

⁷ Foster 2014; McWilliam 2014.

репутации, основали и возглавили лучшие до сих пор журналы, поэтому эпоха в определенном смысле длилась.

Во-вторых, в представителях самого поколения изначально обнаружилась удивительная гибкость и открытость поискам нового. Не под влиянием *cultural studies* формируется новая культурная история, ее создает социальный историк Эдвард Палмер Томпсон. Фактически именно ведущие социальные историки еще в 1960-е обратились к изучению культуры, вдохновившись его книгой «Становление английского рабочего класса» (1963)⁸. Этот 800-страничный труд об обычаях и ритуалах, подметных письмах, рабочем фольклоре, сходках заговорщиков и питейных привычках английских рабочих конца XVIII – начала XIX в. произвел переворот в представлениях об источниках и интерпретациях среди специалистов по социальной истории. Повернувшись лицом к культурной истории, многие из них в дальнейшем оказались способными и мотивированными к целой серии междисциплинарных поворотов. Точно так же история детства, которая, безусловно, расцвела на базе феноменально разнообразных исследований детства в социальных науках, инициирована была еще в 1960 г. книгой Филиппа Арьеса «Ребёнок и семейная жизнь при старом порядке»⁹.

Повороты или переворот?

Еще раз обращаю внимание на то, что смена теоретических оснований исторической науки начинается уже в 1970-е годы: от макро к микро, от причинности к случайности, от универсального к индивидуальному, от реального к релятивному, от дуалистических оппозиций (буржуазия/рабочие, аристократия/простолюдины, город/деревня, модернизация/традиция) к изучению социальных траекторий, культурных обменов, множественных идентичностей. Новые веяния в итоге приводят к методологическому индивидуализму и у историков получают наименование пуантилизма, история в осколках, история-пэчворк и пр. Но ведь пересмотр базовых оснований происходил не только в истории. Эйфория по поводу возможности открытия и применения универсальных законов, все объясняющих теорий, достижения междисциплинарного синтеза, всеобщих математических методов и многих других универсальных отмычек поубавилась и в социальных науках. С 70-х годов прошлого века социальные науки все больше фокусируются на проблемах языка, культуры и знания, соответственно на их объяснении через механизмы коммуникации и интеракции. В этом отношении история отражала общие тренды в развитии наук о человеке.

К тому же внимание историков переключилось с социологии на другие социальные и гуманитарные дисциплины (антропологию, семи-

---

⁸ *Thompson* 1980.

⁹ *Арьес* 1999 [1960].

отику, cultural studies, memory studies, urban studies, media studies, digital studies, и пр.). Под влиянием культурного и лингвистического «поворотов»¹⁰ историки узнали о семантических, социальных и политических конструкциях и, овладев техниками деконструкции, научились «серьезно относиться к языку». Если произошедшие перемены повлекли падение интереса к массовым источникам, особенно статистическим, заметное охлаждение к использованию математических методов и отход от структурного анализа, то «стратегия присвоения» моделей и теорий социальных наук оказалась устойчивой и востребованной.

В итоге изменилось отношение к теоретическим моделям, шире – к научности истории, и к системе аргументации: стандарты строгого научного изложения значительно ослабли. При этом теоретического обновления истории, сколько-нибудь сопоставимого даже с любым из десятилетий второй половины XX в., в наступившем столетии не происходило – ни на уровне внедрения новых «сильных» концепций, ни в сфере теоретической рефлексии. Развернутое обоснование этого тезиса содержится в статье «Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир»¹¹, но сегодня у меня уже есть новые наблюдения. Вытекающие из них заключения не опровергают прежние выводы, но они, как мне кажется, более тонкие. Самая наглядная модель для сравнения – лексикон историков, считавших себя современными полвека назад и в настоящее время (не забудем, что всегда есть и достаточно много старомодных историков, и их словарь меняется намного медленнее).

Основные понятия

В 1960–1970-е гг. опорными понятиями исторических трудов были: общество, прогресс, процесс, эволюция, детерминизм, рост, традиция, модернизация (и производные от нее), конструкция, структура, модель, порядок, механизм, конфликт, класс, парадигма, циклы, кризис, стадии, культура, личность и т.д.

С 1980-х утверждается существующий поныне новый словарь понятий: культура, парадигма, дисциплинирование, эпистема, трансфер, идентичность, коммуникация, ритуал, дискурс, деконструкция, случайность (контингентность), выбор, гендер, субальтерн, гибридность, метисизация, расизация, лиминальность, граница, пограничье, agency, reciprocity, mediation, participation, negotiation и т.д.

Последние четыре понятия даже нет смысла переводить – используется калька. Все эти новые конструкты (кстати, тоже новое слово) остаются в словаре исторической науки до сих пор, хотя какие-то важные возвращаются, например, *эволюция* (через науки о человеке, ориентированные сегодня на науки о природе) и *кризис*.

---

¹⁰ Clark 2004.

¹¹ Савельева 2012.

Понятия первого блока существовали больше века, некоторые и на века дольше. И вот появляется новый лексикон (почти не пересекающийся со старым), он утверждается, и большинство из нас его осваивают. Если не работает закон «ускорения социального времени», то на нем мы будем говорить еще лет 100. Конечно, это социальные понятия, а не просто теоретические, т.е. они отражают важные общественные процессы, появление новых групп интересов. Такой словарь предполагает радикальное изменение объяснительных моделей, с помощью этих слов мы не можем конструировать прошлое по старым лекалам. Но ведь эти термины не историки изобрели, они заимствованы в основном из новых социальных наук. Новая терминология связана не только с объяснительными схемами, пришедшими извне, но и с появлением новых источников. Визуальная и перформативная история, устная история, история повседневности и другие исторические субдисциплины ввели в оборот историка источники, уже освоенные культурной антропологией, *visual studies*, *cultural studies* и т.д. Именно новые социальные науки выработали вопросники к этим источникам и язык их описания.

Подчеркну еще один важный момент: в новом лексиконе очень много социологических терминов, т.е. отказ от словаря понятий, связанного с классовыми теориями и теориями социального контроля, в пользу таких категорий как ‘идентичность’, ‘гендер’, ‘субалтерн’, ‘социальная иерархия’, ‘воображаемые сообщества’ ‘agency’, ‘reciprocity’, mediation, ‘participation’, ‘negotiation’ автоматически не означает сужения социологического горизонта в изучении прошлого. Но дело в том, что новые категории, вошедшие в лексикон современного историка, чаще всего были заимствованы историками из новых социальных наук без обращения к социологии, т.е. уже переинтерпретированными, часто в постмодернистском духе¹².

Фрагментация предметного поля

Союз историков с экономикой и социологией, возникший в 1960-е годы, стал матрицей для последующих междисциплинарных альянсов, в изобилии заключаемых в исторической науке. Процесс создания таких союзов пошел по экспоненте, тем более что социальные науки с 1970-х гг. стали плодиться и размножаться (медиа исследования, человеческая география, международные отношения, лингвистика, медиа, социальная работа, исследования образования, урбанистика, *cultural studies*, *internet studies* и др.). Кстати, все они самоидентифицировались как *социальные науки*, что само по себе свидетельствует об устремленности к вхождению именно в корпус социальных наук, соответственно, о теоретических и методических претензиях на «hard» science. Хотя, как легко догадаться, представители многих из них полагаются пре-

---

¹² Savelieva 2015.

имущественно, а порой и исключительно, на интерпретативные методы, что сильно облегчает жизнь историку.

В этих обстоятельствах историки подпитывались самыми разными теоретическими наработками и смогли изучать буквально все, что воображение позволяет разместить между любыми полюсами: от всемирной истории бактерий до истории запахов, от глобальной истории идей до практик чтения в отдельной европейской деревне, от эволюционных эпосов «большой истории» до «истории одного дня». Фрагментация предмета основывалась на обращении к самым разным социальным наукам или хотя бы на общей информированности о происходящем за границами собственной дисциплины. Подобно тому, как в 1960–1970-е гг. возникли социальная интеллектуальная история, социальная история понятий, социальная история детства, социальная история женщин; на следующей волне появляются культурная история идей, культурная интеллектуальная история, культурная история детства, культурная история женщин; теперь наступает глобальная и постколониальная история всего сущего, может, если обратить внимание на то, как активизировались контакты наук о человеке с науками о природе, настать черед и естественной истории.

Часто к наработкам разных социальных наук обращаются одни и те же специалисты, и, что важно, среди них изначально оказались самые последовательные адепты социальной истории. Показателен, например, список книг одного из основателей социальной истории, автора и составителя более 100 монографий, создателя и бессменного редактора *Journal of Social History* с 1967 до 2015 г. Питера Стирнза.

Книги Питера Стирнза (выборка из списка публикаций с 2000 г.):

- *Sexuality in World History*, 2nd ed. (2017);
- *A History of Shame* (2017);
- *Globalization in World History*, 2nd ed. (2016);
- *The Industrial Turn in World History* (2016);
- *Childhood in World History*, 3rd ed. (2016);
- *The Civil War in Global Perspective* (2015);
- *Gender in World History*, 3rd ed. (2015);
- *Debating the Industrial Revolution* (2015);
- *Guiding the American University: Challenges and Choices* (2015);
- *Peace in World History* (2014);
- *Doing Emotions History* (2013);
- *Demilitarization in the Contemporary World* (2013);
- *Satisfaction Not Guaranteed: Dilemmas of Progress in Modern Society* (2012);
- *Globalization in World History* (2010);
- *Educating Global Citizens in Colleges and Universities: Challenges and Opportunities* (2009);

- From Alienation to Addiction: The History of American Work in Global Context (2008);
- Revolutions in Sorrow: American Death Experience and Policy in Global Context (2007);
- American Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety (2006);
- Anxious Parents: a 20th Century History (2003);
- Fat History (2002)¹³

В 2000-е гг. книг по социальной истории в списке Стирнза почти не осталось, хотя часть интересующих его направлений от социальной истории когда-то отпочковались (история детства, история гендера).

Примечателен и список работ известного медиевиста Жака Ле Гоффа, одного из ведущих представителей школы *Анналов* и, соответственно, новой научной истории (*nouvelle histoire*)¹⁴.

Книги Жака Ле Гоффа с 2000 г.:

- Faut-il vraiment découper l'histoire en tranches?, éd. Seuil, 2014;
- La fin du village, éd. Gallimard, 2012;
- À la recherche du temps sacré, Jacques de Voragine et la Légende dorée, Paris, Perrin, coll. Pour l'histoire, 2011;
- Le Moyen Âge et l'argent : Essai d'anthropologie historique, Paris, Perrin, coll. « Pour l'Histoire », 2010;
- L'Europe expliquée aux jeunes, Seuil, 2007;
- Marchands et banquiers du Moyen Âge, Paris, PUF, coll. « Que sais-je? », 2006;
- Héros et merveilles du Moyen Âge, Seuil, 2005;
- Un long Moyen Âge, Paris, Tallandier, 2004;
- Héros du Moyen Âge, Le roi, le saint, au Moyen Âge, Gallimard Quarto, 2004;
- Entretien avec Pierre Soulages à propos des vitraux de Conques (préface de Xavier Kawa-Topor, photographies Pascal Piskiewicz). Toulouse, 2003. Le Pérégrinateur Éditeur
- À la recherche du Moyen Âge, Louis Audibert, 2003;
- Une histoire du corps au Moyen Âge (avec Nicolas Truong), Liana Lévi, 2003;
- Le Dieu du Moyen Âge, Bayard, 2003;
- L'Europe est-elle née au Moyen Âge?, Seuil, 2003;
- Cinq personnages d'hier pour aujourd'hui : Bouddha, Abélard, saint François, Michelet, Bloch, La Fabrique, 2001;
- Le Sacre royal à l'époque de Saint-Louis, Gallimard, 2001;
- Un Moyen Âge en images, Hazan, 2000;
- Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval (en collaboration avec Jean-Claude Schmitt), Fayard, 1999;
- Saint François d'Assise, Gallimard, collection « à voix haute », 1999 (CD);
- *Un Autre Moyen Âge*, Paris, Gallimard, coll. « Quarto », 1999;
- Le Moyen Âge aujourd'hui, Léopard d'Or, 1998.

¹³ <http://historyarthistory.gmu.edu/people/pstearns>

¹⁴ La nouvelle histoire 1978.

Мы видим, что, оставаясь преимущественно в пределах медиэвистики, но производя и обобщающие работы, прежде всего по периодизации истории, Ле Гофф активно перемещался по наделам прошлого между историей воображаемого и историей жестов, историей тела и историей еды, священного и мирского, пространства и времени.

Ключевые слова

Еще более интересная особенность исторической науки в XXI в. – констелляции понятий и подходов разных дисциплин в одной работе. Увидеть такую особенность можно, анализируя наборы ключевых слов в статьях исторических журналов. Несмотря на то, что журналы, как правило, специализированы на субдисциплине, проблеме, регионе и/или периоде, публикации отсылают к самым разным областям социального знания. В качестве примера приведу вполне репрезентативный номер *Journal of Social History* (Fall 2011, Vol. 45 Issue 1.) Обращает на себя внимание не просто тематическое разнообразие, присутствующее даже в названиях статей, но и отсылки к разным дисциплинарным полям, эксплицитно присутствующие в наборах ключевых слов.

Содержание *Journal of Social History* (Fall 2011, Vol. 45, Issue 1.)

1. MALIN, BRENTON J. Electrifying Speeches: Emotional Control and the Technological Aesthetic of the Voice in the Early 20th Century US. P. 1–19.

Ключевые слова: PUBLIC speaking; METHODOLOGY; SPEECH – Study & teaching; ELOCUTION; RADIO – Social aspects; RADIO announcing; TECHNOLOGICAL innovations – Social aspects; SOCIAL history – 20th century; Independent Artists, Writers, and Performers; Independent actors, comedians and performers.

2. VARDI, ITAI. Auto Thrill Shows and Destruction Derbies, 1922–1965: Establishing the Cultural Logic of the Deliberate Car Crash in America. P. 20–46.

Ключевые слова: DEMOLITION derbies; AUTOMOBILES; HISTORY; AUTOMOBILE industry; CAPITALISM; AMUSEMENTS; TRAFFIC accidents; PRIVATIZATION; AUTOMOBILES – Collision damage; AUTOMOBILE safety; Automotive Body, Paint, and Interior Repair and Maintenance; All Other Automotive Repair and Maintenance; New Car Dealers; Automobile and Other Motor Vehicle Merchant Wholesalers; New and used automobile and light-duty truck merchant wholesalers; Automobile Manufacturing; Automobile and light-duty motor vehicle manufacturing; Motor Vehicle Body Manufacturing; UNITED States; ECONOMIC aspects; UNITED States – Social conditions – 20th century.

3. OLDSTONE-MOORE, CHRISTOPHER. Mustaches and Masculine Codes in Early Twentieth-Century America. P. 47–60.

Ключевые слова: MASCULINITY; HISTORY; MUSTACHES; SHAVING – Equipment & supplies; MARKETING; ADVERTISING & youth; SYMBOLISM; PRESIDENTS – United States; POPULAR culture; PUBLIC opinion; UNITED States; SOCIAL aspects; ELECTION; UNITED States – Social conditions – 20th century; DEWEY, Thomas E. (Thomas Edmund), 1902–1971; GABLE, Clark, 1901–1960.

4. SIGEL, LISA Z. Censorship in Inter-War Britain: Obscenity, Spectacle, and the Workings of the Liberal State. P. 61–83.

Ключевые слова: CENSORSHIP; HISTORY; OBSCENITY (Law); INTERWAR period (1918–1939); GOVERNMENT policy; HUMAN sexuality in literature; PUBLIC opinion; LAW – Great Britain – History; GREAT Britain. Home Office; GREAT Britain; SOCIAL aspects; GREAT Britain – Social conditions – 20th century; GREAT Britain – Politics & government – 20th century.

5. WOOD, GREGORY “Habits of Employees”: Smoking, Spies, and Shopfloor Culture at Hammermill Paper Company. P. 84–107.

Ключевые слова: SMOKING; BLUE collar workers; INDUSTRIAL management; EMPLOYEES; CONDUCT of life; INDUSTRIAL relations; HISTORY; HAMMERMILL Paper Co.; UNITED States; SOCIAL conditions; EMPLOYMENT.

6. SHINE, JACQUELINE. “Open to the People for Their Free Assembly”: Tompkins Square Park, 1850–1880. P. 108–124.

Ключевые слова: PARKS; PUBLIC spaces; HISTORY; INDUSTRIAL relations; IMMIGRANTS – United States; GERMAN Americans – History – 19th century; DEMONSTRATIONS (Collective behavior); National Security; NEW York (State); NEW York; UNITED States; SOCIAL conditions; NATIONAL Guard; NEW YORK (N.Y.); 19TH century.

7. KAISER, DANIEL H. Icons and Private Devotion among Eighteenth-Century Moscow Townsfolk. P. 125–147.

Ключевые слова: ICONS (Religious art); RELIGIOUS art; HISTORY; WORSHIP; CHRISTIAN art & symbolism – History; DEVOTION; SUPERNATURAL; RELIGION; PRIVATE collections; RUSSIA; RUSSIAN Orthodox Church; MOSCOW (Russia); MOSCOW (Russia) – Social conditions; 18TH century; MARY, Blessed Virgin, Saint – Devotion to.

8 FRENCH, KATHERINE L.. Rebuilding St. Margaret’s: Parish Involvement and Community Action in Late Medieval Westminster. P. 148–171.

Ключевые слова: PARISHES; COMMUNITIES; CHRISTIANITY; CHURCH buildings – Design & construction; ELITE (Social sciences); VOLUNTEERS; FUNERALS; FUNDRAISING; RITES & ceremonies; HISTORY; WESTMINSTER (London, England); Grant-making and giving services; Grantmaking Foundations; Commercial and Institutional Building Construction; GREAT Britain; RELIGIOUS aspects; MEDIEVAL period, 1066–1485.

9. CARON, JAMES. Reading the Power of Printed Orality in Afghanistan: Popular Pashto Literature as Historical Evidence and Public Intervention. P. 172–194.

Ключевые слова: PUSHTUNS; HISTORY; ETHNOLOGY; POETRY (Literary form); POWER (Social sciences); AFGHAN folk literature; AFGHANISTAN; AFGHANISTAN – Social life & customs; JAN, Malang.

10. TROTTI, MICHAEL A. The Scaffold’s Revival: Race and Public Execution in the South. P. 195–224.

Ключевые слова: PUBLIC executions; AFRICAN Americans; HISTORY; RITES & ceremonies; AFRICAN Americans – Social conditions; RACE relations; SOUTHERN States; UNITED States; 1865–1951; SOUTHERN States – Social conditions – 1865-1945; UNITED States – Religious life & customs.

На страницах одного выпуска ведущего международного журнала по социальной истории мы обнаруживаем поразительно широкий спектр проблем и субдисциплинарных подходов: влияние технологических практик на риторику публичной речи, её эмоциональный фон и

эстетику; производство, дизайн и ремонт автомобилей; история маскулинности, повседневности и маркетинга; символические практики; история цензуры; рабочая культура; история публичных пространств, индустриальные отношения (социальные термины, практики и институты); история искусства, религиозное сознание; история благотворительности; литературный критицизм и история чтения, история церемоний и обычаев. Мы видим, что социальная история в профильном издании сохраняется, но как же она преобразена и разбавлена массой других «историй» и маячащих за ними, в основном новых, социальных и гуманитарных концепций. В подобной широте тематики нет ничего исключительного. При внимательном чтении разных международных научно-исторических периодических журналов очевидно, что какой бы ни была специализация (глобальная история, культурная история, рабочая история), содержательно в них присутствует целый веер социальных и гуманитарных концептов.

История без границ

В последнее десятилетие социальные науки активно обращаются к таким дисциплинам как география, экология, биология, нейрология, антропология, и взаимодействие с ними образует новые междисциплинарные союзы и «повороты», среди которых пространственный поворот, эволюционная экономика, моральная география, социобиология (биологический или когнитивный поворот). Из всех трансформаций, происходящих сегодня на поле социальных дисциплин, наиболее актуальной для историков оказалась «специализация» социальных наук¹⁵. Новации в современной историографии связаны не только с происходящим переосмыслением фактора пространства или вызовами глобализации. Еще в 1970–1980-е гг. возникла и быстро набрала обороты постколониальная критика. Ее инспирировала знаменитая работа Эдварда Саида «Ориентализм» (1978) и исследования ученых, объединенных в группу Subaltern Studies Group (SSG)¹⁶, самый знаменитый из них – историк Дипеш Чакрабартти. Кстати, именно постколониальная история стала одним из мощных трансляторов нового словаря понятий в исторические исследования XXI века. Ее же усилиями были переопределены такие старые конструкты как «Запад» или «Восток», «Балканы», «Евразия», «Латинская Америка», «Тихоокеанский регион», «Атлантический мир» и др. В целом историческая глобалистика в самых разных

---

¹⁵ О специализации социальных наук см.: *Gieryn* 2000; *Löw* 2001; *Филиппов* 2003; *Massey* 2005; *Murdoch* 2006; *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives* 2009.

¹⁶ Подробнее см.: *Reading Subaltern Studies. Critical History...* 2001. Термин «субалтерн» отсылает к Антонио Грамши. Так он обозначил отдельного человека или группу, которым приписан низший статус из-за принадлежности к определенной расе, этносу, религии, классу, гендеру, сообществам нетрадиционной сексуальной ориентации и пр.

вариантах (глобальная, пост/неоколониальная, транснациональная, интернациональная, история империй и др.)¹⁷ вышла на лидирующее место в исторических публикациях, особенно журнальных.

Необычайное разнообразие исторического пространства характеризует сегодня содержание всех ведущих исторических изданий. Из-за невозможности привести много примеров, предлагаю вполне репрезентативное *Оглавление* одного из недавних номеров *Journal of Social History* (июнь 2014, Vol. 47, Issue 4.) Это вовсе не спецвыпуск, однако обращает на себя внимание географическое разнообразие, присутствующее даже в названиях статей (курсив – *И.С.*).

- Andrews, George Reid. *Racial Inequality in Brazil and the United States, 1990–2010.*
- Pante, Michael D. *Mobility and Modernity in the Urban Transport Systems of Colonial Manila and Singapore.*
- Reilly, Benjamin. *Mutawalladeen and Malaria: African Slavery in Arabian Wadis I.*
- Schermerhorn, Calvin. *Capitalism's Captives: The Maritime United States Slave Trade, 1807–1850.*
- Harris, Lashawn. The “Commonwealth of Virginia vs. Virginia Christian”: Southern Black Women, Crime & Punishment in Progressive Era *Virginia.*
- Foyster, Elisabeth. *Prisoners Writing Home: The Functions of Their Letters c. 1680–1800. (Britain – И.С.)*
- Sivaramakrishnan, Kavita. *Aging and Dependency in an Independent Indian Nation: Migrant Families, Workers and Social Experts (1940–60).*
- Brickell, Chris. *Sensation and the Making of New Zealand Adolescence.*
- Alexanderson, Kris. “A Dark State of Affairs”: Hajj Networks, Pan-Islamism, and *Dutch Colonial* Surveillance during the Interwar Period.
- Reay, Barry. *The Transsexual Phenomenon: A Counter-History. (US – И.С.)*
- Brodie, Marc. “You Could Not Get Any Person to be Trusted Except the State”: Poorer Workers’ Loss of Faith in Voluntarism in Late 19th Century *Britain.*

Тенденция к «глобализации» прослеживается сегодня в поле практически любой исторической субдисциплины. Процветает глобальная экономическая история, начало которой положил еще Рондо Камерон¹⁸. Развивается социальная история (история миграций, контакты и трансферы между нациями и цивилизациями). Историки занимаются сравнительным анализом – *histoire croisée*, *entangled history*¹⁹. Только это не прежний сравнительный анализ как поиск «10 отличий», а исследование истории разнообразия. Появились и исследования взаимодействия

¹⁷ Reynolds 2000; Cowen 2001; Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History 2002; Bentley, Ziegler 2003. The Global History Reader 2005; Mazlish 2006; Bulliet, Crossley, a.o. 2008; Crossley 2008; Sirinelli J.-F. 2011; Ионов 2015.

¹⁸ Cameron 1989; Clark 2007; Baten, Muschallik 2012; A History of the Global Economy: 1500 to the Present 2016; Marks 2016.

¹⁹ Cohen, O'Connor 2004; Werner and Zimmermann 2006.

между историческими знаниями (и наукой) на Западе и в остальной части мира²⁰. Утверждается глобальная интеллектуальная история, глобальная история науки и т.д. Правда, часто «глобализация» достигается механическим путем, но есть и очень интересные примеры исследований²¹. Задача таких исследований состоит в том, чтобы определить причины и истоки специфичности, отвечая на вопросы: объясняется ли она локализацией, социальной конфигурацией, историческим моментом или особенностями адаптации к привнесенным влияниям²².

В выпуске *History and Theory*, посвященном прогнозам развития истории Дэвид Кристиан предсказывает: «в следующие 50 лет мы увидим возвращение древней традиции “универсальной истории”; но это будет новая форма универсальной истории, глобальной на деле и научной по духу и методу, вплоть до возможной интеграции исторической гуманитаристики с исторически ориентированными естественными науками, включая космологию, геологию и биологию»²³.

Выводы

Историки за последние годы узнали много нового, радикально переосмыслили уже известную информацию, освоили ранее неизвестные им техники и языки исследования – масштаб сделанного поражает. Спрос на социальную теорию у историков определенно остался, но социология как источник опорных теорий обеспечивает его минимально. В поле зрения историков попали многие другие социальные дисциплины. В отличие от социологии они менее строгие, хотя и называют себя социальными. После 1970-х гг. социологов потеснили классики культурной и социальной антропологии, потом представители перформативного поворота, постколониальной критики. В итоге эволюция исторической науки далеко вышла за пределы, заданные сциентизацией дисциплины в духе 1960–1970-х.

При оценке ‘социальности’ истории необходимо учитывать изменения в междисциплинарном поле. Проведенное исследование показывает, что отказ от структурализма, функционализма, эволюционизма, детерминизма, монизма сопровождался поверхностным и часто «из вторых рук» освоением новых социологических подходов и концептуального аппарата, что радикально трансформировало теоретический арсенал истории и ее дисциплинарный лексикон. Даже социологическая классика – этнометодология, интеракционизм, аналитический дуализм – очень соответствующая ориентации современных историков на индивидуальное и случайное, не говоря уже о «третьей волне» истори-

---

²⁰ *Osterhammel* 2005; *A Global History of Modern Historiography* 2008.

²¹ В области интеллектуальной истории см.: *Rethinking Modern European Intellectual History* 2014.

²² *Charle* 2003. P. 64.

²³ *Christian* 2010. P. 6.

ческой социологии в США, практически не представлены на страницах исторических работ. Из социологов конца XX в. в арсенале историков остается Пьер Бурдьё, (эпизодически Люк Болтански и Лоран Тевено с теорией социологии градов); ранняя классика представлена ритуальными ссылками на Карла Маркса, Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма, а история памяти редко обходится без оммажа Морису Хальбваксу.

Отношение к теоретическим моделям, и шире – к научности истории, изменилось. Ответственность высказываний снизилась. Стандарты строгого научного изложения значительно ослабли. Язык исторических исследований на рубеже веков изменился, но с тех пор демонстрирует устойчивость. Предметное поле неизмеримо расширилось. Междисциплинарные союзы – эклектичные, обычной стала практика объединения разных теорий, концептов и понятий в одном исследовании. Для многих историков характерно свободное скольжение в поле субдисциплин, и такая свобода облегчается вольным отношением к теоретическим заимствованиям. Приверженность к строгости аргументации сохраняется в основном в экономической истории, а также в истории научных сообществ, истории профессий, истории образования – областях, динамично развивающихся в последние десятилетия²⁴.

В целом, возвращаясь к поставленной в данной работе задаче проанализировать новые обстоятельства «социальности» исторической науки, следует признать, что она достаточно ‘социальна’ и отражает state of arts современных социальных наук.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гумбрехт Х.У.* Ледяные объятия «научности», или Почему гуманитарным наукам предпочтительнее быть «Humanities and Arts» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 7–17.
- Ионов И.Н.* Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание. М.: Аквилон. 2015.
- Науки о человеке: история дисциплин / Ред. И.М. Савельева, А.Н. Дмитриев. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2015.
- Пост Р.* Дискуссии о дисциплинарности // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 107–122.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ. 2011.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры. 1997.
- Савельева И.М.* Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 25–53.
- Савельева И. М.* Социальная история в XXI веке: диагностика исследовательского поля // Общественные науки и современность. 2016. № 1. С. 157–169.

---

²⁴ Подробно об истории наук о человеке см.: Науки о человеке: история дисциплин 2015; *Ridley* 2015. См. также краткую выборку современных работ по истории социологии: *Bloom* 2002; *Sociology in America* 2007; *Halsey* 2004; *Steinmetz* 2009; *Nash* 2010; историографию современных социальных наук – в кн.: *A Historiography of the Modern Social Sciences* 2014. По истории профессий см.: *Torstendahl* 2015.

- Филиппов А.Ф. Теоретические основания социологии пространства. М.: Канон-Пресс, 2003.
- A Historiography of the Modern Social Sciences / Eds. R. E. Backhouse, Ph. Fontaine. Cambridge: Cambridge University Press. 2014.
- A History of the Global Economy: 1500 to the Present / Ed. J. Baten. Cambridge: CUP, 2016.
- A Global History of Modern Historiography / Eds. G.G. Iggers, Q. Edward Wang (with contributions from Supriya Mukhejee). Longman: Pearson Education Ltd, 2008.
- Ariès Ph. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Plon, 1960.
- Bauman Z. Thinking sociologically. Oxford: Basil Blackwell. 1990.
- Bentley J.H., Ziegler H.F. Traditions and Encounters: A Global Perspective on the Past. Boston: McGraw-Hill, 2003.
- Bloom S.W. The Word as Scalpel: A History of Medical Sociology. Oxford University Press 2002.
- Bulliet R.W., Crossley P.K., Headrick D.R., Johnson L.L. The Earth and its Peoples: a Global History. Boston: Houghton Mifflin Company, 2008.
- Cameron R. A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. New York: Oxford University Press. 1989.
- Charle Ch. Contemporary French Social History: Crisis or Hidden Renewal? // Journal of Social History. 2003. Vol. 37. No. 1. Pp. 57–68.
- Clark E. A. History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2004.
- Christian D. The Return of Universal History // History and Theory. Special Issue: History and Theory: The Next Fifty Years. 2010. Vol. 49, Issue 4. Pp. 6–27.
- Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective / Eds. D Cohen, M. O'Connor. New York: Routledge, 2004.
- Cowen N. Global History: A Short Overview. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Crossley P.K. What is Global History? Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2008.
- Eley G.A. Crooked Line: From Cultural History to the History of Society. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan, 2005.
- Foster J. Eric Hobsbawm, Marxism and Social History // Social History. 2014. Vol. 39. No. 2. Pp. 160–171.
- Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History / Ed. A. Shigeru. New York: Palgrave Macmillan, 2002.
- Gieryn T.F. A Space for Place in Sociology // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26, Issue 1. Pp. 463–496.
- Halsey A.H. A History of Sociology in Britain: Science, Literature, and Society. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Harlaftis G. The New Ways of History: Developments in Historiography. New York: Tauris Academic Studies, 2010.
- Joyce P. What is the Social in Social History? // Past and Present. 2010. Vol. 206. No. 1. Pp. 213–248.
- La nouvelle histoire / Eds. R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. Paris: Retz/CEPL, 1978.
- Lloyd G. Disciplines in the Making: Cross-cultural Perspectives on Elites, Learning and Innovation. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Löw M. Raumsoziologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.
- Makkreel R., Luft, S. Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute over the Status of the Human and Cultural Sciences / Ed. D. Moyer. The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy. London: Routledge. 2010. P. 554–597.
- Marks S.G. The Information Nexus: Global Capitalism from the Renaissance to the Present. New York: Cambridge University Press, 2016.
- Massey D. For Space. London: Sage, 2005.
- Mazlish B. The New Global History. London: Routledge, 2006.
- McWilliam R. Back to the Future: E.P. Thompson, Eric Hobsbawm and the Remaking of Nineteenth-century British History // Social History. 2014. Vol. 39, No. 2. Pp. 149–159.
- Murdoch J. Post-Structuralist Geography: a Guide to Relational Space. London: Sage, 2006.
- Nash K. Contemporary Political Sociology: Globalization, Politics, and Power. London: Wiley-Blackwell Publishers, 2010.

- Qu'est-ce qu'une discipline? / Eds. J. Boutier, J.-C. Passeron and J. Revel. P.: Éd. Gallimard. 2006.
- Osterhammel J. and Peterson N. P.* Globalization: A Short History. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2005.
- Reading Subaltern Studies. Critical History, Contested Meaning and the Globalization of South Asia / Ed. D. Ludden. London: Anthem Press. 2001.
- Rethinking Modern European Intellectual History / Eds. D. M. McMahon and S. Moyn. Oxford: Oxford University Press 2014.
- Reynolds D.* One World Divisible: a Global History. London: Allen Lane. 2000.
- Ridley M.* The Evolution of Everything: How New Ideas Emerge. New York: Harper Collins, 2015.
- Saweliewa I.* Why Humanities Did Not Become Social Sciences: Flexibility and Resistibility // Imagine there were no humanities... Transdisciplinary perspectives / Ines Ackermann, Katarzyna Chruszczewska, Ewa Róża Janion, Agnes Mate, Natalia Obukowicz editors. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. Pp. 59-67.
- Sirinelli J.-F.* L'histoire politique à l'heure du transnational turn: l'agora, la Cité, le monde... et le temps, *Revue historique*. 2011. № 2. P. 391–408.
- Sociology in America. The ASA Centennial History / Ed. C. Calhoun. Chicago: University of Chicago Press. 2007.
- Steinmetz G.* Neo-Bourdieuian Theory and the Question of Scientific Autonomy: German Sociologists and Empire, 1890s-1940s // *Political Power and Social Theory* 2009. Vol. 20. Pp. 71-131.
- Steven M.* Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes toward the History of an Idea // *Daedalus*. 2006. Vol. 135. № 2. R. 15–21.
- The Global History Reader / Eds. B. Mazlish, A. Iriye. London, New York: Routledge. 2004.
- The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / Eds. B. Warf and S. Arias. L.: Routledge. 2009.
- Torstendahl R.* The Rise and Propagation of Historical Professionalism. N.Y., L.: Routledge, 2015.
- Werner M. and Zimmermann B.* Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. Pp. 30–50.

REFERENCES

- A Historiography of the Modern Social Sciences / Eds. R. E. Backhouse, Ph. Fontaine. Cambridge: Cambridge University Press. 2014.
- A History of the Global Economy: 1500 to the Present / Ed. J. Baten. Cambridge: CUP, 2016.
- A Global History of Modern Historiography / Eds. G. G. Iggers, Q. Edward Wang (with contributions from Supriya Mukhejee). Longman: Pearson Education Ltd, 2008.
- Ariès Ph.* L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris: Plon. 1960.
- Bauman Z.* Thinking sociologically. Oxford: Basil Blackwell. 1990.
- Bentley J.H., Ziegler H.F.* Traditions and Encounters: A Global Perspective on the Past. Boston: McGraw-Hill. 2003.
- Bloom S.W.* The Word as Scalpel: A History of Medical Sociology. Oxford, 2002.
- Bulliet R.W., Crossley P.K., Headrick D.R., Johnson L.L.* The Earth and its Peoples: a Global History. Boston: Houghton Mifflin Company. 2008.
- Cameron R.* A Concise Economic History of the World: From Paleolithic Times to the Present. New York: Oxford University Press. 1989.
- Charle Ch.* Contemporary French Social History: Crisis or Hidden Renewal? // *Journal of Social History*. 2003. Vol. 37. No. 1. Pp. 57–68.
- Christian D.* The Return of Universal History // *History and Theory*. Special Issue: History and Theory: The Next Fifty Years. 2010. Vol. 49, Issue 4. Pp. 6–27.
- Clark E. A.* History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2004.
- Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective / Eds. D Cohen, M. O'Connor. New York: Routledge. 2004.
- Cowen N.* Global History: A Short Overview. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2001.
- Crossley P.K.* What is Global History? Cambridge Univ. Press. 2008.
- Eley G. A.* Crooked Line: From Cultural History to the History of Society. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan. 2005.

- Foster J.* Eric Hobsbawm, Marxism and Social History // *Social History* 2014. Vol. 39. No. 2. Pp. 160–171.
- Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History / Ed. A. Shigeru. New York: Palgrave Macmillan. 2002.
- Gieryn T. F.* A Space for Place in Sociology // *Annual Review of Sociology*, 2000. Vol. 26, Issue 1. Pp. 463–496.
- Halsey A. H.* A History of Sociology in Britain: Science, Literature, and Society. Oxford: Oxford University Press 2004.
- Harlaftis G.* The New Ways of History: Developments in Historiography. New York: Tauris Academic Studies. 2010.
- Joyce P.* What is the Social in Social History? // *Past and Present*. 2010. Vol. 206. No. 1. Pp. 213–248.
- La nouvelle histoire / Eds. R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel. Paris: Retz/CEPL. 1978.
- Lloyd G.* Disciplines in the Making: Cross-cultural Perspectives on Elites, Learning and Innovation. Oxford: Oxford University Press. 2009.
- Löw M.* Raumsoziologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 2001.
- Makkreel R., Luft, S.* Dilthey and the Neo-Kantians: The Dispute over the Status of the Human and Cultural Sciences / Ed. D. Moyar. The Routledge Companion to Nineteenth Century Philosophy. London: Routledge. 2010. P. 554–597.
- Marks S. G.* The Information Nexus: Global Capitalism from the Renaissance to the Present. New York: Cambridge University Press, 2016.
- Massey D.* For Space. London: Sage. 2005.
- Mazlish B.* The New Global History. London: Routledge. 2006.
- McWilliam R.* Back to the Future: E. P. Thompson, Eric Hobsbawm and the Remaking of Nineteenth-century British History // *Social History*. 2014. Vol. 39, No 2. Pp. 149–159.
- Murdoch J.* Post-Structuralist Geography: a Guide to Relational Space. London: Sage. 2006.
- Nash K.* Contemporary Political Sociology: Globalization, Politics, and Power. London: Wiley-Blackwell Publishers. 2010.
- Qu'est-ce qu'une discipline? /Jean Boutier, Jean-Claude Passeron and Jacques Revel. Paris: Éditions Gallimard. 2006.
- Osterhammel J. and Peterson N. P.* Globalization: A Short History. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2005.
- Reading Subaltern Studies. Critical History, Contested Meaning and the Globalization of South Asia / Ed. D. Ludden. London: Anthem Press. 2001.
- Rethinking Modern European Intellectual History / Eds. D. M. McMahon and S. Moyn. Oxford: Oxford University Press 2014.
- Reynolds D.* One World Divisible: a Global History. London: Allen Lane. 2000.
- Ridley M.* The Evolution of Everything: How New Ideas Emerge. 2015. New York: Harper-Collins.
- Saweliewa I.* Why Humanities Did Not Become Social Sciences: Flexibility and Resistibility // *Imagine there were no humanities.... Transdisciplinary perspectives* / Ines Ackermann, Katarzyna Chruszczewska, Ewa Róża Janion, Agnes Mate, Natalia Obukowicz editors. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. Pp. 59-67.
- Sirinelli J.-F.* L'histoire politique à l'heure du transnational turn: l'agora, la Cité, le monde et le temps, *Revue historique*. 2011. №2. P. 391–408.
- The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / Eds. B. Warf and S. Arias. London: Routledge. 2009.
- Sociology in America. The ASA Centennial History / Ed. C. Calhoun. Chicago: University of Chicago Press. 2007.
- Steinmetz G.* Neo-Bourdieuian Theory and the Question of Scientific Autonomy: German Sociologists and Empire, 1890s-1940s // *Political Power and Social Theory* 2009. Vol. 20. Pp. 71-131.
- Steven M.* Humanities from Classics to Cultural Studies: Notes toward the History of an Idea // *Daedalus*. 2006. Vol. 135, № 2. R. 15–21.
- The Global History Reader / Eds. B. Mazlish, A. Iriye. London, New York: Routledge. 2004.

- Torstendahl R.* The Rise and Propagation of Historical Professionalism. N.Y., L.: Routledge, 2015.
- Werner M. and Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge Of Reflexivity // History and Theory. 2006. Vol. 45. Pp. 30–50.
- Gumbrecht H.U.* Ledyanye ob'yatiya "nauchnosti", ili Pochemu gumanitarnym naukam predpochtitel'nee byt' "Humanities and Arts" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. No. 81. S. 7–17.
- Ionov I.N.* Mirovaya istoriya v global'nyj vek: novoe istoricheskoe soznanie. M.: Akvilon. 2015. Nauki o cheloveke: istoriya disciplin / Red.: I. M. Saveleva, A. N. Dmitriev. Moskva: Izdatelskij dom NIU VSHE. 2015.
- Post R.* Diskussii o disciplinarnosti // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. №107. S.107–122.
- Repina L.P.* Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011.
- Savelieva I.M., Poletaev A.V.* Istorija i vremja: v poiskah utrachennogo. M.: Jazyki russkoj kul'tury. 1997.
- Savelieva I.M.* Istoricheskie issledovaniya v XXI veke: teoreticheskij frontir // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 38. S. 25–53.
- Savelieva I.M.* Sotsial'naya istoriya v XXI veke: diagnostika issledovatel'skogo polya // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2016, N1. S. 157-169.
- Filippov A.F.* Teoreticheskie osnovaniya sociologii prostranstva. M.: Kanon-Press-C, 2003.

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поletaева, ординарный профессор Школы исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); isavelieva@yandex.ru

History in the 21st century. Key Words

This article summarizes manifesting trends that develop in historical discipline in the 21st century: new research topics, transformation of lexicon, main categories and interdisciplinary alliances. The author demonstrates that in the past few decades standards of the stern scientific approach established in 1960s by the new scientific history considerably deteriorated while the subject area has broadened enormously. The attitude of historians towards theoretical models has changed. The requirement for accuracy of scientific statements declined and, as a result, the eclectic merging of different theories, concepts and ideas in the same research has become a common practice. The disciplinary language of contemporary historian has changed significantly as well. These changes might be explained by paradigm shifting and influence of new social sciences: cultural studies, memory studies, urban studies, media studies, cinema studies, digital studies, semiotics and others. To sum up, contemporary historical science reflects the state of social sciences.

Keywords: theory, scientization, lexicon, research areas, subjects, sociology, new social sciences, interdisciplinary alliances, globalization of history

Irina Savelieva, DSc. (History), tenured professor School of History, director of the Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, the National Research University Higher School of Economics (Moscow), Russian Federation, visiting professor, Faculty of Artes Liberales University of Warsaw; isavelieva@yandex.ru

И. И. КОБЫЛИН

«АВТОНОМИЯ АФФЕКТА» ИСТОРИЯ, СТАНОВЛЕНИЕ, БИОПОЛИТИКА

В статье рассматриваются ключевые положения «аффективного поворота» в современной теории. На примере работ Брайана Массуми демонстрируются новые подходы к концептуализации аффективного: радикальное отделение аффекта от чувственно-эмоциональной сферы, акцент на его вегетативно-телесном, доиндивидуальном или до-субъективном характере, наконец, понимание аффективного движения как потока чистой интенсивности, располагающегося по ту сторону процесса означивания. Такое понимание аффекта может стать средством переосмысления устоявшихся практик историописания и на уровне новых предметных областей, и на уровне самой аксиоматики исторических исследований.

Ключевые слова: *аффект, аффективный поворот, эмоции, интенсивность, становление, биополитика*

В обзорной, но от этого не менее интересной и провокативной статье «Без большой теории?» Михаил Ямпольский определил историю в качестве одной из самых теоретически «отсталых» дисциплин в сфере гуманитарных наук: «История обновляется главным образом за счет смены точки зрения (приблизиться к быту человека, подняться над ним на высоту птичьего полета) и материала (история экономики, женщин, детей, понятий, суеверий, запахов, досуга и т.д.), но мало испытывает на себе влияние больших парадигмальных сдвигов (получившее распространение в последнее время теоретизирование вокруг темы коллективной памяти – показатель, до какой степени теоретические инновации в этой области робки)»¹. Под новыми «парадигмальными сдвигами» – теми, к которым история и историография нечувствительны именно сегодня – Ямпольский понимает широкий круг разнообразных теоретических разработок, объединенный общим недоверием к телеологии, принципу иерархии и к самой идее репрезентации – идее, являвшейся ключевой для культуры европейского модерна.

Так, например, политолог, профессор Колумбийского университета, автор заслуженно знаменитой книги «Углеродная демократия» Тимоти Митчелл в ранних своих работах убедительно показал, что мир западной «современности» (modernity) организован вокруг различия между «сырой» реальностью и ее репрезентацией². Содержание и форма, объективный и субъективный миры, оригинал и копия, означаемое и означающее, структура и деятельность – вот далеко не полный список

---

¹ Ямпольский 2011.

² См. Mitchell 1991; 2014.

бинарных оппозиций «модерной» метафизики. Мир существует только для того, чтобы быть символически удвоенным в субъективно-психическом представлении, тексте, изображении, диаграмме, графике и т.д. Но репрезентация работает не только в «дисциплинарной педагогике», производящей субъекта и не только в науке и искусстве, поставляющих этому субъекту понятия и образы, которые он должен научиться отличать от материальных вещей³. Она укоренена в самой экономике капитализма. Здесь Митчелл обращается к классическому марксистскому анализу товарной формы и его деконструктивистским интерпретациям: «Никакой предмет не может превратиться в товар, в стоимость, просто представляя сам себя. Чтобы обрести товарную форму, он должен репрезентировать еще и нечто другое. <...> Как отмечает Деррида, если товар – это всегда отношение между “вещью” и обещаемой ее стоимостью, то существование вещи в качестве вещи изначально поставлено под вопрос. В потребительную стоимость всегда уже вписана возможность обмена, возможность подстановки одного вместо другого»⁴. В работе «Колонизация Египта» Митчелл, анализируя социокультурные формы европейского империализма XIX в., использует метафору «мира-как-выставки» (“world-as-exhibition”), которая, с одной стороны, отсылает к знаменитой хайдеггеровской «картине мира», с другой – к всемирным промышленным выставкам, которые, начиная с лондонской “The Great Exhibition of the Works of Industry of All Nations” (1851), регулярно проводились в Европе. Эти грандиозные витрины прогресса становятся в описании Митчелла сценой, на которой – в духе *mise en abîme* – разыгрывается буржуазный спектакль тотальной коммодификации⁵.

Разбирая модерную «картину мира», Митчелл подчеркивает, что действительность и ее репрезентация онтологически неравноценны. Дуальная структура предполагает иерархию: любой образ – лишь слабое, онтологически ущербное подобие того, что он пытается заместить. Но будучи «всего лишь» неполноценной копией, он апофатически утверждает бытийную мощь представляемой реальности, во всей ее материальной плотности и нередуцируемом присутствии. Согласно Митчеллу, постмодернизм, при всех поверхностных отличиях от предшествующего периода, следует той же логике. Это по-прежнему философия «доступа», пусть этот «доступ» и объявляется окончательно закрытым. То, что реальность оказалась полностью окутана постоянно дифференцирующей знаковой поверхностью, не вывело из метафизической игры чистое различие между ними.

Этой «репрезентационистской» парадигме, в том или ином виде существующей по сей день, и противостоит новая теоретическая кон-

---

³ См. Pandolfo 2000.

⁴ Митчелл 2014. С. 137.

⁵ См. Mitchell 1991. С. 1-15.

фигурация, описываемая Ямпольским. Здесь на смену ригидным иерархическим построениям приходят распределенные сети и «плоские онтологии», когнитивно-символические модели уступают место коннективистским, процессы означивания – процессам выражения или экспрессивности. Жесткое деление на природный и социальный миры (и, соответственно, на естественные и гуманитарные науки) исчезает, и пространство заполняется гибридами, смесями, странными сборками и ассамбляжами. Идея репрезентации если и не уходит вовсе, то, во всяком случае, существенно трансформируется – речь уже идет не об «атомизированной репрезентации», а о «дистрибутивной»⁶.

Особую роль в «новой теории» играют эмоции и аффекты, именно в силу их нерепрезентативности⁷. Как подчеркивает Ямпольский: «Еще несколько лет назад сама проблематика эмоций, страстей казалась совершенно архаической»⁸. Сегодня же «аффективный бум» разразился и в нейронауках, и в гуманитарных исследованиях, и в попытках совместить те и другие. И если посмотреть на исторические исследования последнего времени, то высказанный Ямпольским в 2011 г. упрек в адрес исторической науки можно считать уже неактуальным. Действительно, количество книг, конференций, учебных курсов, посвященных «истории эмоций» стремительно растет⁹. Однако более внимательный взгляд на «эмоциональный-аффективный» библиографический поток позволяет согласиться с тем, что диагноз до сих пор справедлив: в большинстве работ, связанных с новым историографическим направлением, эмоции – а вернее их репрезентации в культурных текстах прошлого – и в самом деле не более чем одна из областей исследования, фактически не затрагивающая сложившуюся научную аксиоматику¹⁰.

Вместе с тем, новая концептуализация аффекта, осуществляемая в различных направлениях актуальной философской мысли могла бы оказать существенное влияние на стратегическое и тактическое пере-

---

⁶ Частным случаем «дистрибутивной репрезентации» Ямпольский вслед за Полом Силлиерсом считает деконструкцию Жака Деррида. См.: Cilliers 1998.

⁷ Влиятельный современный исследователь, работающий на стыке социально-экономической географии, социологии пространства и урбанистики, Найджел Трифт выделил ориентацию на аффект в качестве одного из семи принципов «нерепрезентативной теории». См. Thrift 2008.

⁸ Ямпольский 2011.

⁹ Библиография по «истории эмоций» представлена, например, в Dixon 2003. На русском языке см. обзорную статью: Николаи, Хазина 2015.

¹⁰ Эмоционально-аффективная составляющая играет некоторую роль и в игре дистанций между историком и объектом исследования – другом ресурсе «обновлений» в историографии, указанном Ямпольским. Речь, прежде всего, идет о проблеме исследовательской эмпатии по отношению к жертвам при описании «предельных событий»: войн, геноцида, этнических чисток и т. д. Этот вопрос неоднократно обсуждался в работах американского историка Доминика ЛаКапры. См., например, *LaCapra D.* 2009.

осмысление «смысла и назначения» современного историописания. Разумеется, предлагаемая статья ни в коей мере не претендует на сколько-нибудь полное отображение открывающихся перспектив и, соответственно, исследовательских задач. Речь пойдет лишь о самых общих ориентациях и возможностях.

Как известно понятие аффекта является чрезвычайно значимым в «унивокальной» онтологии Жюль Делеза¹¹ и разрабатывается сегодня в разнообразных версиях постделезизанства. Пожалуй, наиболее интересная и влиятельная среди них – концепция Брайана Массуми, сделавшего область аффективного центром своего философского проекта.

Уже в «Заметках» к собственному переводу книги Делеза и Гваттари «Тысяча плато» Массуми специально останавливается на понятиях «аффект/аффектация» (“affect/affection”), столь часто используемых французскими теоретиками. Поясняя контексты и способы употребления этих концептов в шизоанализе, Массуми подчеркивает, что речь ни в коем случае не идет о «персональных чувствах». Аффект необходимо мыслить как «до-личностную» интенсивность, как процесс прохождения телом различных состояний, в которых его (тела) способность действовать либо увеличивается, либо уменьшается. «*L'affection* (affectio у Спинозы) есть каждое такое состояние, понимаемое в качестве столкновения между аффектированным и аффектирующим телами (где “тело” берется в наиболее широком смысле из возможных – включая “ментальные” и идеальные тела)»¹².

Даже из этого небольшого текста, носящего в целом комментаторский характер, становится ясно, что, следуя связке Спиноза/Делез, автор порывает с традиционными психологическими интерпретациями, в которых аффект понимался как усиленная до крайней степени эмоция – неконтролируемая субъектом, но переживаемая лишь очень непродолжительное время. В прочтении Массуми аффективное состояние оказывается радикально отделено и от эмоций, и от чувств¹³.

Критик, культуролог и специалист по коммуникациям Эрик Шоуз, работающий в схожем с Массуми ключе, предложил сжатый анализ различий внутри триады чувство-эмоция-аффект. С его точки зрения

---

¹¹ «Всегда существовало только одно онтологическое предположение: Бытие однозначно. Всегда была лишь одна онтология, онтология Дунса Скота, дающая бытию лишь один голос... Не бытие делится по требованиям представления, но все вещи распределяются в нем в однозначности простого присутствия». Делез 1998. С. 53-55.

¹² *Massumi B.* 1987. P. xvi.

¹³ Необходимо отметить что, далеко не все представители «аффективного поворота» строго следуют подобным дистинкциям. Так, например, Стивен Шавиро в своем разборе «критики чистого чувства» (“critique of pure feeling”) Альфреда Норта Уайтхеда употребляет понятия чувства, аффекта и эмоции как взаимозаменяемые, следуя словоупотреблению самого Уайтхеда. См.: Shaviro 2009. P. 46. О различии исследовательских стратегий внутри “affective turn” см.: Leys 2011.

первое всегда лично и биографично. Чувство, испытываемое в настоящем, соотносится с предыдущим опытом отрефлектированных ощущений, интерпретируется и лингвистически маркируется. «Младенцы не испытывают чувств, поскольку они лишены одновременно и языка, и биографии»¹⁴. Эмоции представляют собой внешнюю проекцию чувств, своего рода публичную репрезентацию внутренней чувственной сферы. Если чувства не могут быть квалифицированы как истинные или ложные, то их направленное вовне выражение, связанное с определенными социальными ожиданиями, вполне поддается такой квалификации. Шоуз ссылается здесь на эксперимент Пола Экмана, показывавшего фильм о лицевой хирургии американцам и японцам. Когда люди смотрели фильм поодиночке, то эмоциональные реакции у всех были одинаковыми в независимости от национально-культурной принадлежности. Когда же фильм демонстрировали отдельно группе американцев и отдельно группе японцев, то эмоциональные отклики этих групп существенно различались. Видимо коды локальной традиции, предписывающие определенный эмоциональный режим, в кругу и под наблюдением «своих» оказались значительно сильнее универсального внутреннего чувства¹⁵. Важно, что, согласно Шоузу, младенцы также способны на эмоциональную репрезентацию, но выражаются здесь не чувства, а именно аффект. Что же касается последнего, то Шоуз во многом повторяет определения Массуми, трактуя аффект как «абстракцию» и «момент неформленного и неструктурированного потенциального»¹⁶. Все эти не слишком привычные характеристики зоны аффективного нуждаются в более детальном рассмотрении.

Развернутый анализ аффекта как вне-сознательного опыта интенсивности Массуми дает в работе “Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation” (2002). Действительно, каждая глава начинается с короткой истории (parable), на примере которой проясняются сложные теоретические ходы. Первая такая история принципиально важна для всего дальнейшего изложения, поэтому имеет смысл остановиться на ней более или менее подробно.

«Человек лепит снеговика у себя в саду, расположенном на крыше дома. Снеговик начинает таять под лучами полуденного солнца. Человек наблюдает. Спустя какое-то время он уносит снеговика на прохладную вершину горы, где снеговик перестает таять. Человек прощается с ним и уходит. Только образы, никаких слов, все очень просто»¹⁷. Так Массуми описывает содержание короткого фильма, демонстрировавшегося на немецком телевидении для заполнения пауз между програм-

---

¹⁴ Shouse 2005.

¹⁵ Шоуз обращается к Ekman 1972. P. 207-283.

¹⁶ Shouse 2005.

¹⁷ Massumi 2002. P. 23.

мами и ставшего в итоге ключевым элементом научного эксперимента. Эксперимент состоял в следующем. Группе девятилетних детей показали три версии фильма – немую, нейтрально озвученную (фактическую) и эмоционально озвученную – и попросили оценить эти версии по различным шкалам: по шкале удовольствие/неудовольствие, по шкале запоминаемости и, наконец, по шкале веселая/печальная.

В результате выяснилось, что изначальная «бессловесная» версия вызвала наибольшее удовольствие, но она же стала для детей и самой печальной. Этому странному «мазохистскому» сближению удовольствия и печали экспериментаторы попытались дать объяснение в терминах «преждевременного анти-фрейдовского протеста»¹⁸: немой вариант вызвал возбуждение, и дети просто приравнивали возбуждение к удовольствию. Но как несколько иронически замечает Массуми: «Это было эмпирическое исследование. Дети подключались к приборам и их физиологические реакции тщательно фиксировались»¹⁹. Приборы же выявили физиологическую расколотость испытуемых: все признаки возбуждения (учащенное сердцебиение, сбивчивое дыхание и т.д.) наличествовали во время просмотра нейтрально-фактического варианта. При этом отсутствовали реакции кожного покрова. Зато кожа активно реагировала на «безмолвную» копию фильма, а это верный признак вегетативного, т.е. собственно аффективного отклика.

Согласно Массуми, эта расколотость имеет диагностическую ценность для понимания аффекта. Пространство аффективного как раз и определяется разрывом между содержанием как «социолингвистической определенностью» или «качеством образа» и эффектом (силой и продолжительностью воздействия этого образа или иначе – его интенсивностью). Вернее, не чистым разрывом, поскольку связь здесь, безусловно, существует, а скорее неожиданным, предельно асигнификативным и алогичным характером этой связи. На уровне интенсивности происходит странное перекрещивание семантических линий, подвешивающее логический закон исключенного третьего. Именно поэтому печаль и удовольствие наложились друг на друга во время «немого сеанса». Логико-семантические границы и различия уступают тут место запутанным соединениям того, что, как правило, существует по отдельности. Если же интенсивность все же означает, то только через парадокс: «Отделение означивания от интенсивности конституирует другой порядок связи, работающий параллельно. Отмеченный ранее зазор выявляется не только между содержанием и эффектом, но и между формой содержания (сигнификацией как конвенциональной системой различий) и интенсивностью. Разрыв между формой/содержа-

---

¹⁸ Massumi 2002. P. 23.

¹⁹ Ibid. P. 24.

нием и эффектом/интенсивностью не является чисто негативным: он дает возможность другому типу связанности, другому различию – параллельному»²⁰. Как показывает Массуми, оба уровня – и «качественный», и «интенсивный» – получают непосредственное телесное воплощение. Однако эти воплощения по-разному распределяются. Область телесного, «ответственная» за работу интенсивности – это, прежде всего, кожная поверхность, являющаяся по выражению Массуми, своеобразным «интерфейсом» человеческого тела. «Качественный» уровень (форма/содержание) также затрагивает некоторые вегетативные функции (в первую очередь дыхание и сердцебиение), но эти функции так или иначе связаны с сознательным опытом и нарративом. Дыхание и сердцебиение могут учащаться в связи с определенными ожиданиями и предвосхищениями, а значит – с линейными формами темпоральности и нарративного развертывания. Массуми даже пишет о некоем потоке, циркулирующем между «вегетативными глубинами» и сознанием, своего рода петле, соединяющей висцеральное и психическое. Аффект же, будучи рассеян по телесной поверхности за пределами функциональной петли «сердце/голова», оказывается вообще крайне слабо «смонтированным» с адаптационными механизмами и жизненно-важными отправлениями организма. Он никогда не был и никогда не будет хоть в малейшей степени «сознательным» (“never-to-be-conscious”).

Однако язык все же взаимодействует с интенсивностью/аффектом, но это взаимодействие не семиотическое, а «силовое». Языковые выражения могут либо ослаблять, заглушать аффективную вибрацию («интерференция»), либо, напротив, усиливать ее («резонанс»). Если вернуться к примеру с фильмом про снеговика, то «фактическая» версия будет вступать с аффектом в отношения интерференции, а «эмоциональная» – в отношения резонанса. Действительно, объективно-нейтральный рассказ о происходящем на экране предполагает наличие повествовательной непрерывности, ориентированной от прошлого через настоящее к будущему. А значит – зрители вводятся в ситуацию ожидания, которая, как отмечалось выше, всегда связана с кругом «сердце/голова». Именно поэтому «фактический» вариант провоцировал у детей признаки «сердечно-дыхательного» возбуждения и подавлял аффективные возмущения кожного интерфейса. Копия же фильма с «эмоциональной» озвучкой обладала тем, что Массуми назвал чувственной «пунктуацией», включающей разного рода паузы и остановки²¹. Эти внезапные цезуры и резонировали с током интенсивности,

---

²⁰ Massumi 2002. P. 24-25.

²¹ «Остановки» у Массуми противоречивы. Здесь прерывание нарративного развертывания позволяет получить доступ к аффективному, но как будет видно в дальнейшем и сам нарратив (и вообще операции означивания) можно понимать как «остановку» или стабилизацию интенсивности.

поскольку и сама интенсивность – это неопределенное «подвешивание», «дыра во времени», хронологическая воронка, информационный и темпоральный «шум». Аффект в описании Массуми все более напоминает воплощенный парадокс: он и не пассивен, поскольку постоянно исполнен вибрирующего движения, но он и не активен – это движение никак не направлено и лишено «практических целей» в мире объектов.

Подводя итог своим первичным и базовым концептуализациям, Массуми пишет: «...Всегда существуют два языка и два измерения любого выражения: одно – сверх-линейное, другое – линейное. Каждое событие располагается сразу на обоих уровнях и между уровнями, в той мере, в какой эти уровни резонируют друг с другом, образуя более масштабную систему, состоящую из взаимодействующих подсистем с абсолютно различными принципами. Для большей ясности можно было бы дать другие имена этим двум половинкам события. В этом случае *приостановку* (suspense) можно было бы одновременно отличить от и связать с *ожиданием* (expectation) как сверх-линейное измерение с линейным измерением одного и того же образа-события, который вместе с тем можно понимать и как выражение-событие»²².

Какое отношение эти философские интерпретации психофизиологических экспериментов могут иметь к проблемам историописания? Можно выделить, по меньшей мере, три взаимосвязанных ответа на этот вопрос. Во-первых, это отношение выстраивается через понятие становления. Как пишут Делез и Гваттари в «Тысяче плато»: «Аффекты – это становления»²³. Чтобы проанализировать блок аффект/становление-история, нужно, по необходимости кратко, напомнить онтологические последствия той «бергсоннианской революции», которую Массуми стратегически противопоставляет репрезентативистским моделям. Прежде всего, оппозиция интенсивное/экстенсивное здесь намного важнее более привычной оппозиции реальное/символическое²⁴. Различие между интенсивным и экстенсивным – это, в конечном итоге, различие между движением и остановкой, причем онтологический приоритет отдается движению. Речь, конечно, не идет о том, что движение объектов более значимо, чем их статичное положение. Скорее, тут постулируется мысль, что сами «твердые» объекты (и делимое экстенсивное пространство их позициональности) являются производными от остановки. Сигнификацию и кодирование можно толковать и в качестве своеобразных «стоп-операций». Все репрезентации (включая «исторические»), модели, образы и «картины мира» – это «стоп-кадры» аффективного потока становления/интенсивности.

---

²² Massumi 2002. P. 26.

²³ Делез, Гваттари 2010. С. 423.

²⁴ Разработку категориальной пары интенсивное/экстенсивное в контексте делезовской онтологии см.: DeLanda 2010.

Однако быть революционером-бергсонянцем не означает просто предпочесть одну бинарную оппозицию (реальность vs. репрезентация) другой (интенсивность-становление vs. экстенсивность-остановка). Это означает выйти из порочного круга бинаризма вообще и начать размышлять в терминах эмерджентности. «“Переходить в” и “возникать” – это не бинаризмы, а динамические единства. <...> Они строго процессуальны (и лишь на втором шаге эти единства являются означающими и кодирующими). Их можно ухватить посредством только такой логики, которая была бы достаточно абстрактной, чтобы поймать самодизъюнктивное совпадение непосредственности вещи с ее же собственной вариацией: проследить как понятия динамического единства и непосредственной гетерогенности взаимно предполагают друг друга. Концепт “поля” – если упомянуть здесь только его – полезный логический инструмент для выражения неразрывности самоопределения и гетерогенности одновременно»²⁵. Иными словами, «остановки» являются такими же реальными событиями в мире, как и то, что они прерывают. Будучи эмерджентным феноменом, возникая из движения как его собственный стоп-кадр, «ставшее» ретроактивно влияет на условия собственного появления. Получившийся сложный комплекс, где линейное сцеплено с нелинейным, определенное с неопределенным, порядок с хаосом, подвешивает и другие различия, характеризующие наш способ мышления – материя и форма, природа и культура, биологическое и социальное²⁶. Здесь, настаивает Массуми, имеет смысл говорить не столько о чистой онтологии, сколько об онтогенезисе. Это относится и к паре история-становление: тут также необходимы онтогенетические термины. История как уровень «ставшего» (т.е. нормативный уровень возможных²⁷ взаимодействий вполне определенных агентов, будь то индивиды или группы, и репрезентации этих взаимодействий) находится со становлением в отношениях онтогенетического «различающейся неразрывности». Она рождается из интенсивности, но затем обратным ходом переопределяет обстоятельства рождения: «Возникновение возникает. Изменение изменяется. Если история обладает становлением как тем, от чего она и неотделима и отлична, то и становление в свою очередь имеет собственную историю»²⁸.

Вторым моментом, связывающим философию аффекта с теоретическими задачами историописания, является делезианская концепция

---

²⁵ Massumi 2002. P. 8.

²⁶ Критикуя все эти различия, Массуми во многом следует за пионерскими работами Жильбера Симондона.

²⁷ Массуми строго различает «возможное» (possible) и «потенциальное» (potential). Уровень возможного – это уровень уже «ставших» объектов. Потенциальное же отсылает к становлению.

²⁸ Massumi 2002. P. 10.

«сборок» или «ассамбляжей». В начале книги «Ницше и философия» Делез отмечает: «Феномен – не видимость (apparence) и даже не явление (apparition), он – знак, симптом, обретающий смысл в актуально присутствующей силе»²⁹. Поясняя это высказывание в своем «Путеводителе», Массуми приводит пример с деревом и плотником. Плотник, обрабатывая подходящие заготовки для будущего стола, взаимодействует с текстурой дерева – он «читает и интерпретирует» ее. Деревянная деталь оказывается носителем знаков как определенных качеств – цвета, прочности, фактуры и так далее. Эти качества «содержат в свернутом виде потенциальность – способность подвергаться воздействию (to be affected), подчиняться некоей силе (рубанку, а позже – давлению солонок и грубых локтей) и способность оказывать воздействие (to affect), проявлять собственную силу...»³⁰.

Речь вроде бы идет о знаках, их чтении и дешифровке, но эта чувственная «семиотика» телесного контакта предельно далека от лингвистического империализма теорий затрудненного доступа. В итоге, мы оказываемся в не слишком комфортном для нашего «гилеморфического» и иерархического мышления мире силовых взаимодействий и аффективных сборок или альянсов – дерево-плотник, человек-животное, воин-оружие, всадник-лошадь-седло и т. д. Эти сборки – «противоестественные» союзы гетерогенного в их сложных отношениях с машинным филумом, с одной стороны, и стратами, с другой³¹, – вновь поднимают вопрос о действующих субъектах истории и заставляют пересмотреть базовые теоретические допущения, касающиеся исторической агентности. Примером такого пересмотра могут послужить работы Мануэля ДеЛанды, где социальное входит в сборки с природным, человеческое – с не-человеческим, и история описывается в естественнонаучных терминах синергетики – самоорганизация, турбулентность, бифуркации, аттракторы, сингулярности, фазовые переходы и т.п.³²

Наконец, третьим вариантом ответа будет конкретный пример того, каким образом «аффективный поворот» в нейронауках и философии меняет наши историко-политические представления о власти и генеалогии ее изменчивых форм.

Известный нейропсихолог Оливер Сакс в своей книге «Человек, который принял жену за шляпу» рассказывает историю о том, как в психиатрической клинике пациенты смотрели по телевизору выступление президента Рональда Рейгана. Люди, страдающие тяжелыми

²⁹ Делез 2003. С. 37.

³⁰ Massumi 1992. P. 10.

³¹ Подробный анализ этих отношений см. в: Делез, Гваттари 2010. С. 682-702, 853-858.

³² См.: Деланда 2014, DeLanda 2000; 2010. Среди немногих историков, не отстающих от современных теоретических трендов, Ямпольский называет ДеЛанду.

афазиями, видя экранный образ актера-политика, известного своим обаянием, почему-то реагировали на его «зажигательную» речь хохотом и бурным весельем. Как известно, афатическое расстройство приводит к тому, что человек перестает понимать слова, но чрезвычайно чувствителен к «тональной окраске» или «экспрессивному смыслу» высказывания. Именно поэтому, утверждает Сакс, «афатикам невозможно лгать. <...> Слова легко встают на службу лжи, но не понимающего их афатика они обмануть не могут, поскольку он с абсолютной точностью улавливает сопровождающее речь *выражение* – целостное, спонтанное, произвольное выражение, которое выдает говорящего»³³. Смех афатиков над Рейганом – это смех над обнажившейся фальшью его интонации. Но Рейгану не удалось обмануть и человека с противоположным заболеванием – тональной агнозией. При агнозии пациент не распознает эмоциональную составляющую речи, но зато предельно внимателен к нюансам семантики и грамматики. В описываемой клинике находилась пациентка Эмили Д., страдавшая агнозией, и Сакс приводит ее отзыв о телевизионном спиче президента: «Говорит неубедительно. <...> Правильной прозы нет. Слова употребляет не к месту. Либо он дефективный, либо что-то скрывает»³⁴.

Этот случай, безусловно, парадоксален: соединение фальшивой интонации и неубедительного содержания в президентской речи оказывало гипнотическое воздействие на «нормальных» избирателей, и разоблачалось во всей своей лживости людьми с серьезными поражениями головного мозга. Сакс никак не объясняет причину замороженности психически здоровых американцев своим «дефективным» президентом, отделяясь фразой об извечном человеческом желании поддаться обману. Массуми же в своем прочтении не просто предлагает «аффективную» интерпретацию этой истории, но и уточняет режим функционирования идеологии в современных обществах.

Массуми отвергает тезис об особой харизматичности Рейгана, одурманившей и ослепившей наивный электорат. Напротив, ни для кого не являлись секретом рассогласованность его речи и «мямлящая» манера публичных выступлений. Не только афатики смеялись над усилиями бывшего актера – для подавляющего большинства лингвистическая беспомощность Рейгана был предметом постоянных шуток. И его визуальный образ отнюдь не компенсировал риторические неудачи: именно постепенный телесный распад президента стал предметом «замороженного» общественного внимания. Более того, как замечает Массуми, многие из тех, кто голосовал за него, скорее всего не соглашались с ним по ключевым вопросам. И, тем не менее, Рейган дважды изби-

---

³³ Сакс 2006. С. 118.

³⁴ Там же. С. 120.

рался на пост президента. «Единственное объяснение состоит в том, что Рейган был эффективным лидером не вопреки, а благодаря своей двойной дисфункции. Он производил идеологические эффекты неидеологическими средствами. <...>. Его средства были аффективными. Еще раз: аффективными, как противоположными эмоциональным. Речь не идет ни об эмпатии, ни об эмотивной идентификации...»³⁵.

Согласно Массуми, Рейган ввел в пространство политического силу мимики. Мимика – это прерывание движения. Каждое мимическое конвульсивное подергивание на мгновение останавливает движение, открывая зону виртуального как область потенциальных отклонений движения, «присутствующих, но не актуализованных». Серии мимических рывков – это серия «вспышек», точек бифуркации, всякий раз вписывающих виртуальное в актуальное. И для Рейгана это мимическое свойство стало «счастливым случаем»: вербальная некогерентность его речи резонировала с «жестикულიационным идиотизмом» (*gestural idiocy*), а сам этот резонанс воплощался в тембре президентского голоса, в «прекрасно вибрирующем голосе». Голос стал «местом» той асигнифкативной интенсивности, которая лишь на втором – «эмоциональном» – шаге превращалась в пресловутое электоральное «доверие». «Доверие» – это уже захват открывшегося потенциального. Будучи олицетворенным «коммуникативным спазмом», Рейган именно в своей немощи транслировал «витальность, виртуальность, стремление», которые тут же инструментализировались и «национализировались» в рамках «аффективного джингоизма»³⁶.

Хотя в этом тексте Массуми не употребляет термин «биополитика», в случае с Рейганом мы сталкиваемся именно с ней, причем в буквальном смысле. Дело уже не в том, что «жизнь» с определенного момента начинает входить в сферу административных интересов, как полагал Фуко в своих размышлениях о биовласти. Скорее сама внесознательная, телесная, аффективная «жизнь» осуществляет власть на том уровне, который не достигает системы «сердце-голова». Истина политики и идеологии вновь разыграна на другой сцене, но это уже не марксова сцена экономических интересов, и не сексуализированная сцена фрейдовского бессознательного. Это сцена мимических сокращений, конвульсивных рывков и кожных реакций. И Рейган был только самым началом той дрящей до сих пор эпохи, когда власть стала обнаруживать подлинную действенность не в видимых ответах на свои ритуально-идеологические эпифании, а в наших неотрефлексированных «вегетативных» микро-реакциях на интернет-серфинг, клиповый монтаж и в целом на те бесконечные потоки медийных «нарезанных»

³⁵ Massumi 2002. P. 40.

³⁶ Massumi 2002. P. 41-42.

образов, где виртуальные перспективы открываются лишь для того, чтобы быть тут же быть захваченными и лимитированными.

Подводя итог, необходимо заметить, что рассмотренные варианты ответа на вопрос о «пользе и вреде» аффекта для историописания далеко не исчерпывают всех открывающихся перед историком потенциальностей. Равно как и сама концепция Брайана Массуми не является единственно возможной интерпретацией «аффективной революции» в философии. Однако даже по необходимости беглый обзор «притч» о виртуальном показывает, что понятие аффекта, взятое в онтологической перспективе, способно стать действенным средством переосмысления как ближайших целей и задач исторических исследований, так и современного режима исторического знания в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Деланда М.* Война в эпоху разумных машин. Москва: Кабинетный ученый. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. 338 с.
- Делез Ж.* Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
- Делез Ж.* Ницше и философия. М.: Издательство «Ад Маргинем», 2003. 392 с.
- Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
- Митчелл Т.* «Сцена» современности // Неприкосновенный запас. 2014. № 98. С. 123-139.
- Николаи Ф., Хазина А.* История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 97-115.
- Сакс О.* Человек, который принял жену за шляпу. СПб.: Science Press, 2006. 301 с.
- Ямольский М.* Без большой теории? // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1080>.
- Cilliers P.* Complexity and Postmodernism. Understanding Complex Systems. L.; N.Y.: Routledge, 1998. 156 p.
- DeLanda M.* A Thousand Years of Nonlinear History. N.Y.: Swerve Editions, 2000. 333 p.
- DeLanda M.* Deleuze: History and Science. Saas-Fee: Atropos Press, 2010. 160 p.
- Dixon T.* From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category. Cambridge: CUP, 2003. 287 p.
- Ekman P.* Universal and Cultural Differences in Facial Expression of Emotion // Nebraska Symposium on Motivation / Ed. J.R. Cole. Lincoln: Univ. of Nebraska, 1972. P. 207-283.
- LaCapra D.* History and its Limits: Human, Animal, Violence. N.Y.: Cornell Univ. Press, 2009. 230 p.
- Leys R.* Turn to Affect: a Critic // Critical Inquiry. 2011. Vol. 37. P. 434-472.
- Massumi B.* Notes on the Translation and Acknowledgments // *Deleuze G., Guattari F.* A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis, L.: Univ. of Minnesota Press, 1987. 612 p.
- Massumi B.* A User's Guide to Capitalism and Schizophrenia: Deviations from Deleuze and Guattari. Cambridge, Massachusetts: A Swerve Edition, The MIT Press, 1992. 229 p.
- Massumi B.* Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham; L.: Duke Univ. Press, 2002. 328 p.
- Mitchell T.* Colonising Egypt. Berkeley, Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1991. 218 p.
- Pandolfo S.* The Thin Line of Modernity: Some Moroccan Debates on Subjectivity // Questions of Modernity / Ed. by T. Mitchell. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2000. 229 p.
- Shaviri S.* Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2009. 174 p.
- Shouse E.* Feeling, Emotion, Affect // M/C Journal. 2005. 8(6). URL: <http://journal.media-culture.org.au/0512/03-shouse.php>.
- Thrift N.* Non-representational Theory: Space, Politics, Affect. L.; N.Y.: Routledge, 2008. 325 p.

REFERENCES

- Delanda M. *Vojna v jepohu razumnyh mashin*. Moskva: Kabinetnyj uchenyj. M., 2014. 338 s.
- Delez Zh. *Razlichie i povtorenie*. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1998. 384 s.
- Delez Zh. *Nicshie i filosofija*. M.: Izdatel'stvo «Ad Marginem», 2003. 392 s.
- Delez Zh., Gvattari F. *Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija*. Ekaterinburg: U-Faktorija; M.: Astrel', 2010. 895 s.
- Mitchell T. «Scena» sovremennosti // *Neprikosnovennyj zapas*. 2014. № 98. S. 123-139.
- Nikolai F., Hazina A. *Istorija jemocij i «afektivnyj povorot»: problemy dialoga // Dialog so vremenem*. 2015. № 50. S. 97-115.
- Saks O. *Chelovek, kotoryj prinjal zhenu za shljapu*. SPb.: Science Press, 2006. 301 s.
- Jampol'skij M. *Bez bol'shoj teorii? // Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. № 110.
- Cilliers P. *Complexity and Postmodernism. Understanding Complex Systems*. L.; N.Y.: Routledge, 1998. 156 p.
- DeLanda M. *A Thousand Years of Nonlinear History*. N.Y.: Swerve Editions, 2000. 333 p.
- DeLanda M. *Deleuze: History and Science*. Saas-Fee: Atropos Press, 2010. 160 p.
- Dixon T. *From Passions to Emotions: The Creation of a Secular Psychological Category*. Cambridge: CUP, 2003. 287 p.
- Ekman P. *Universal and Cultural Differences in Facial Expression of Emotion // Nebraska Symposium on Motivation / Ed. J.R. Cole*. Lincoln: Univ. of Nebraska, 1972. P. 207-283.
- LaCapra D. *History and its Limits: Human, Animal, Violence*. N.Y.: Cornell Univ. Press, 2009. 230 p.
- Leys R. *Turn to Affect: a Critic // Critical Inquiry*. 2011. Vol. 37. P. 434-472.
- Massumi B. *Notes on the Translation and Acknowledgments / Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis; L.: Univ. of Minnesota Press, 1987. 612 p.
- Massumi B. *A User's Guide to Capitalism and Schizophrenia: Deviations from Deleuze and Guattari*. Cambridge, Massachusetts: A Swerve Edition, The MIT Press, 1992. 229 p.
- Massumi B. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Durham and London: Duke University Press, 2002. 328 p.
- Mitchell T. *Colonising Egypt*. Berkeley, Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 1991. 218 p.
- Pandolfo S. *The Thin Line of Modernity: Some Moroccan Debates on Subjectivity // Questions of Modernity / Ed. by T. Mitchell*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2000. 229 p.
- Shaviro S. *Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2009. 174 p.
- Shouse E. *Feeling, Emotion, Affect // M/C Journal*. 2005. 8(6). URL: <http://journal.media-culture.org.au/0512/03-shouse.php>
- Thrift N. *Non-representational Theory: Space, Politics, Affect*. L.; N.Y.: Routledge, 2008. 325 p.
- Кобылин Игорь Игоревич**, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Нижегородской государственной медицинской академии; kigor55@mail.ru

The “autonomy of affect”: history, becoming, biopolitics

This article is devoted to the key points of the so-called "affective turn" in contemporary theory. By the example of works by Brian Massumi the author demonstrates new approaches to conceptualizing affective zone: the radical separation of affect from feelings and emotions, the emphasis being made on its autonomic bodily, pre-individual or pre-subjective nature, and finally the affective movement understood as a flow of asignifying, unqualified pure intensity. Such affect understanding can be a means of rethinking the established practices of history, both at the level of new subject areas, and at the level of the historical research axioms.

Keywords: affect, affective turn, emotions, intensity, becoming, biopolitics

Igor Kobylin, PhD, Associate Professor, Department of Social Sciences; Nizhny Novgorod State Medical Academy; kigor55@mail.ru

В. Ю. Волошина, В. П. Корзун

ЭМИГРАНТСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ А. А. КИЗЕВЕТТЕРА В ОПТИКЕ «ПРОФЕССОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ»¹

В статье рассматривается проблема трансформации в зарубежье дореволюционной «профессорской культуры». Обратившись к эмигрантскому периоду жизни выдающегося отечественного историка А.А. Кизеветтера (1866–1933), авторы показали консервативный вариант трансформации профессорской культуры, показательный для той части эмигрантской профессуры, которая делала ставку на возвращение в Россию после свержения большевиков и соответственно на сохранение и воспроизводство дореволюционной отечественной научной традиции.

Ключевые слова: *А.А. Кизеветтер, советская историография, русское зарубежье, научное сообщество, коммуникация, «профессорская культура»*

Понятие «профессорская культура» и его когнитивный потенциал

Современное состояние исторической науки, стремящейся выработать новый образ научного мышления, стимулирует интерес к ценностным установкам, исследовательским практикам, профессиональной наших предшественников по ремеслу. Это связано с процессом переосмысления исследовательских парадигм, новыми вызовами общества, с падением престижа науки и статуса ученого в российском обществе, с ярко выраженной фрагментированностью научного сообщества и утратой ряда прежних корпоративных ценностей. Обращение к теме «профессорской культуры», как одному из направлений изучения научного сообщества, в т.ч. и эмигрантского, представляется уместным не только в разрезе социальной истории, что характеризует состояние осмысления проблем Русского зарубежья, но и в ракурсе интеллектуальной, или даже шире – культурной истории.

Большинство представителей научного сообщества зарубежья идентифицировало себя с дореволюционной отечественной наукой и высшей школой. Это нашло отражение в стремлении возродить инфраструктуру научного сообщества (образовательные и научные институты, в т.ч. научные общества, архивы, журналы, публичные лекции), в стремлении продолжить прежние исследовательские программы, воссоздать дореволюционную систему воспроизводства научных кадров в создаваемых ими вузах, но главное, сохранить основные аксиологические признаки дореволюционной «профессорской культуры».

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания ВУЗам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014-2016 гг., проект № 2467.

В предлагаемой статье на примере жизни и творчества крупнейшего российского историка, профессора Московского университета А.А. Кизеветтера авторы намерены выяснить направление трансформации этой культуры, отдавая, разумеется, себе отчет в том, что индивидуальные стратегии адаптации русской профессуры к инокультурной научной среде были различными². Вариант А.А. Кизеветтера представляется нам показательным для той части эмигрантской профессуры, которая делала ставку на возвращение в Россию после свержения большевиков и, соответственно, на сохранение и воспроизводство дореволюционной отечественной научной традиции.

Проблема отечественной «профессорской культуры» была поставлена В.К. Кантором³, который рассмотрел «профессорскую культуру» с точки зрения общественной мысли и системы нравственно-эстетических ценностей, сформировавшихся внутри профессорского сообщества в пространстве XIX века. Обретя самосознание приблизительно к 1870-м гг., этот слой в начале XX в. получил уже своего историографа и бытописателя – Андрея Белого, который и назвал это новообразование социально-общественной жизни России «профессорской культурой». В дальнейшем проблема «профессорской культуры» была затронута Д.Г. Гориним, который выделил аксиологические критерии «профессорской культуры» из культурной целостности и сформулировал определение «профессорской культуры» как корпоративной субкультуры университетской профессуры России XIX – начала XX в.⁴

Это определение нуждается в дальнейшей конкретизации. Мы исходим из того, что пространством формирования этой особой субкультуры являются университеты, наряду с другими академическими институтами, а основным актором выступает социальная группа, занимающаяся образовательными практиками и производством нового знания. Данный социум изначально не представляет собой единого целого. Это определенный «конгломерат» людей из разных сословий, которые связывают свою жизнь с наукой и просвещением. В условиях вызовов XIX в. вера в знание становится путеводной звездой для наиболее одаренной части молодого поколения Российской империи. Особый статус наука приобретает во второй половине века, а служение науке поколением последней трети XIX в. осмысливается как важнейшая ценность и долг. Неоднородный социальный состав вносил свою окраску в профессорскую культуру, но ее сущностную специфику составляла профессиональная сфера – то, что исследователи культуры определяют как «систему корпоративной идентификации»⁵. Исходя из этого, про-

---

² Антощенко 2014. С. 201-223; Захаров 2014(а). С. 38-53; 2014(б). С. 112-126.

³ Кантор 1978.

⁴ Горин 1996. С. 42.

⁵ Корзун, Сидорякина 2009. С. 66-67.

фессорская культура включает следующие элементы: образовательные практики, направленные на воспроизводство «себе подобных», дискурсивные практики и интеллектуальные процедуры, связанные с производством и оформлением нового знания, школообразующие практики, направленные на формирование интеллектуальной культуры и норм профессионального академизма, правила вхождения в научное сообщество, включающие и диссертационную культуру, коммуникации и каналы трансляции научного знания в социум, в т.ч. экспертные оценки в различных сферах экономической и политической жизни, и, наконец, мемориальные практики как способ самоидентификации научного сообщества. Специфика производства научного знания, исходные условия научно-педагогического труда, регламентируемые университетскими уставами, «более или менее равные возможности академической карьеры профессоров и преподавателей превращали их в фактически бессловную профессионально-корпоративную группу интеллектуалов со своей субкультурой»⁶ и соответствующим стилем жизни⁷.

Подобные подходы к профессорской культуре (в неотрефлексиrowанном виде и с ориентацией на более короткий перечень ее составляющих) характерны для работ Н.Н. Никс и Л.А. Бушуевой⁸. Обе исследовательницы, проанализировав ценностные ориентации, социально-психологические установки, специфику повседневной жизни профессуры в Москве и Казани во второй половине XIX – начале XX в., приходят к выводу о наличии особой академической субкультуры.

Черты любой культуры определяются материальными, политическими, социальными условиями, историческими традициями. Понятно, что экстремальные условия эмиграции должны были повлиять на культуру изгнанников в целом, в т.ч. и на профессорскую культуру. Впервые, изменились задачи и формы бытования институций научного сообщества. В дореволюционной России основными структурными единицами последнего были вузы и ученые советы их факультетов. Организационно не связанных с ними научно-исследовательских учреждений было немного. Именно в вузах существовала материальная база для исследовательской работы (библиотеки, лаборатории, кабинеты), создавались научные школы, сохранялась преемственность знаний, обеспечивалась подготовка кадров⁹. Организованный в марте 1905 г. Академический союз, имел ярко выраженную политическую окраску. Его платформа соответствовала программным установкам возникшей впоследствии кадетской партии. Он направлял свою деятельность на объединение усилий ученых в обеспечении академической свободы и

---

⁶ Иванов, Кулакова 2013. С. 134.

⁷ Корзун 2011.

⁸ Никс 2008; Бушуева 2012.

⁹ Иванов 1991.

автономии. В зарубежье же основной структурной единицей эмигрантского научного сообщества становятся региональные академические группы (РАГ), обладавшие правами советов факультетов дореволюционных вузов, но в отличие от отечественных аналогов главной задачей их, а также образованного в 1921 г. Союза русских академических организаций за границей, являлось облегчение социальной адаптации ученых в новых условиях. Они демонстративно дистанцируются от политики и сосредоточиваются на вопросах трудоустройства и материальной поддержки ученых, предоставлении им возможности продолжать научные изыскания, помощи студентам в продолжении образования. Социальная поддержка ученых становится главной целью практически всех научных институций зарубежья.

Во-вторых, в эмиграции меняется роль научной интеллигенции. Она превращается в своего рода «мозговой центр» диаспоры. Теперь, когда способом выживания эмигрантов становится сохранение национальной идентичности и исторической памяти диаспоры, пропаганда исторических знаний, культурно-воспитательная работа, направленная на формирование исторической памяти, проводимая учеными, создает единое духовное пространство и способствует формированию социокультурного феномена русского зарубежья. Все это заставляло не только воссоздавать вне России традиционные формы существования корпоративной субкультуры, но и актуализировало поиск новых практик.

До недавнего времени вопрос о трансформациях «профессорской культуры» в зарубежье практически не ставился, изучению подлежало творческое наследие отдельных ученых-эмигрантов, специфика их адаптации и возникшие институции научного сообщества¹⁰. Собрать эти историографические пазлы в единое целое – одна из сложных задач современной историографии, в какой-то мере это возможно, обращаясь к такой генерализирующей категории, как «профессорская культура». При этом акцент в данной статье делается на коммуникативных практиках и их специфике в эмиграции. Как справедливо заметила Л.П. Репина, «интеллектуальная коммуникация с помощью циркулирующих внутри нее текстов, имеющих форму переписки, книг и статей, публичных выступлений или частных разговоров, не только передает информацию, но и поддерживает некое интеллектуальное сообщество, формируя общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя сетевую структуру»¹¹. Не претендуя на

---

¹⁰ Антощенко 2014. С. 201-223; Волошина 2010; 2013; Емельянов 2008; Захаров 2014(б); История российского зарубежья...; Ковалев 2012; Российская интеллигенция на родине и в зарубежье...; Российская научная эмиграция... 2001; Болховитинов 2005; Российские ученые и инженеры в эмиграции...; Русские без отечества... 2000; Ульянкина 2010; Цепилова 2005(а); 2005(б); Шестаков 2009.

¹¹ Репина 2008. С. 13.

полноту освещения данной проблемы, попытаемся проследить изменения в условиях эмиграции таких практик профессорской субкультуры как коммуникации и каналы трансляции научных знаний на примере деятельности профессора Александра Александровича Кизеветтера.

Начало изучению творческого наследия этого талантливого представителя школы В.О. Ключевского положила М.Г. Вандалковская¹², ею также были обнаружены и введены в научный оборот многие документы, связанные с его деятельностью, как в России, так и в зарубежье.

Об источниках

Обозначенный ракурс исследования, требует широкого привлечения источников личного происхождения, но, к сожалению, личного фонда самого А.А. Кизеветтера в ГА РФ нет, его письма к друзьям и знакомым разбросаны по разным фондам. 22 письма историка хранятся в фонде Александра Филаретовича Изюмова (Ф. 5962). Фондооснователь, будучи заведующим отделом документации Русского заграничного исторического архива (РЗИА), вел активную деловую и личную переписку с членами Совета и Ученой комиссии РЗИА, его корреспондентами в разных странах, с друзьями и знакомыми. С Кизеветтером его связывала многолетняя дружба. Изюмов, еще студентом Московского университета, в 1905–1906 гг. слушал лекции Кизеветтера по русской истории и занимался у него в семинарах. Впоследствии их жизненные пути неоднократно пересекались. В 1918 г. они сидели в одной камере Бутырской тюрьмы, потом вместе работали в книжном магазине, открытом кооперативным издательством «Задруга» на Моховой улице. В августе 1922 г. их объявили неблагонадежными и выслали из России. Оказавшись в Берлине, их семьи поселились в одном пансионе. С 1925 г. Изюмов переезжает в Прагу и работает в РЗИА под началом своего учителя. Письма Кизеветтера к Изюмову искренни и доверительны. Он сообщает в них сведения о своих близких, делится душевными переживаниями и раздумьями. Их переписка дает представление о психологическом состоянии эмигрантов в новой среде, об их повседневной жизни и взаимоотношениях с местным населением.

Интересная информация о быте профессорской семьи, ее традициях и устоях содержится в фонде «Кудрявцевы и А.А. Кизеветтер» (Ф. 566), хранящемся в научно-исследовательском отделе рукописей РГБ (введен в научный оборот М.Г. Вандалковской). В нем отложились документы (переписка, дневники, фотографии, программы домашних концертов и т.п.) семьи Кудрявцевых – Кизеветтер в конце XIX – первой половине XX в. О жизни людей из своего окружения до революции Кизеветтер достаточно подробно писал и в книге воспоминаний «На рубеже двух столетий» (вышла в Праге в 1929 г., переиздана в России в

¹² Вандалковская 1992. См. также: Вандалковская 1996; 1997; 1997; 2005.

1997 г.)¹³, но в ней мемуарист описывает свою жизнь только до 1914 г. Недавно опубликованные М.Г. Вандалковской фрагменты его воспоминаний, не вошедшие в книгу, а напечатанные в рижской газете «Сегодня» в 1931–1932 гг., позволяют дополнить представления о жизни дореволюционной профессуры в первые годы Советской власти¹⁴.

Значительным вкладом в расширение источниковой базы можно считать публикацию писем Кизеветтера, хранящихся в архиве университета штата Индиана¹⁵. Адресатами были Николай Иванович Астров (1868–1934), с которым его связывали дружеские отношения и совместная работа в ЦК кадетской партии; Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976), соредактор и секретарь журнала «Современные записки», с которым тесно сотрудничал автор писем; академик Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), геофизик, создатель учения о ноосфере.

Изучение коммуникативных практик представителей научного сообщества невозможно без привлечения массива периодической печати русского зарубежья. Известно, что в эмиграции А.А. Кизеветтер активно сотрудничал со многими изданиями, в первую очередь, с наиболее авторитетным и популярным «толстым» журналом зарубежья «Современные записки». Это издание он особенно ценил за «литературное джентельменство».¹⁶ На страницах «Современных записок» Кизеветтер публиковал в основном рецензии и обзоры исторической литературы, в т.ч. издававшейся в советской России. Данные, казалось бы, периферийные жанры, являются важными эго-источниками, в которых историк в явной форме свидетельствует о себе, о своем отношении к конкретным авторам и исторической науке в целом, и к советской историографии, в частности. Рецензии в этом плане можно рассматривать и как важный инструмент самоидентификации Кизеветтера как историка и носителя профессорской культуры, что в новых условиях, предполагало не только осмысление своей миссии и функции внутри русской диаспоры и европейского научного сообщества, но и отношение к советской исторической науке и ее представителям, а это уже шаг к складыванию нового проблемного поля историографии. Такой поворот открывает возможности исследовать восприятие становления советского образа науки историками-эмигрантами, а советскими историками – работ русских эмигрантов¹⁷. До конца 1920-х – начала 1930-х гг. взаимное рецензирование было весьма активным, что отражается даже на уровне провинциальных журналов и библиографических указателей¹⁸.

---

¹³ Кизеветтер 1997.

¹⁴ Кизеветтер 2013. С. 327-348.

¹⁵ Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку...

¹⁶ Кизеветтер А.А. – М.В. Вишняку. 14 июля 1925. С. 469.

¹⁷ Эта проблематика требует специального исследования. Здесь мы обращаемся к ней на примере личностной оценки Кизеветтером советской историографии.

¹⁸ Бернгард, Корзун 2013. С. 197.

Традиция дольше чем жизнь...

После высылки из России на одном из «философских пароходов» А.А. Кизеветтер оказался в Берлине, а с 1923 г. в Праге. Как известно, чешские власти, проводившие «Русскую акцию», настаивали на прекращении политической деятельности ученых-эмигрантов. Кизеветтер отходит от политики, отдавшись преподавательской и культурно-просветительской работе. Впрочем, и прежде он не испытывал «непосредственного влечения» к политике. «Я по природе вовсе не политик. Я ученый и писатель», – признавался он в мемуарах, но бывают в жизни страны «грозные моменты, когда каждый гражданин обязан, независимо от своего призвания, принять участие в общей политической “страде”, если у него имеются к тому хоть какие-нибудь способности»¹⁹ (таким временем он считал, например, 1905–1907 гг.). В Праге Кизеветтер преподавал историю в Русском Юридическом Институте, в Карловом университете и Русском народном университете (РНУ), читал многочисленные лекции и курсы в чешской провинции (Ужгород, Мукачево), а также в Эстонии, Латвии, Германии, Болгарии, Королевстве СХС. Кроме того ученый вел активную общественную работу, будучи председателем Совета РЗИА, одним из учредителей (1925) и председателем (1930) Русского исторического общества в Праге, членом Педагогического бюро, участником IV (1928) и V (1930) съездов русских академических организаций за границей. На протяжении ряда лет он входил в состав редакционно-издательского совета Комитета по подготовке Дней русской культуры, был почетным членом Союза русских писателей и журналистов в Чешской Республике.

Как многие представители «первой волны» эмиграции Кизеветтер считал изгнание временным и не стремился к ассимиляции и инкультурации. Свою историческую миссию ученые видели в сохранении и преемственности российской культуры, в т.ч. профессорской. Без такой преемственности, считали они, невозможно будет возродить Россию и вернуться на Родину после падения большевистского режима. В учебных, научных и исследовательских заведениях, создаваемых в зарубежье, они стремились повторить дореволюционный опыт, воссоздавая прежние корпоративные нормы и правила: они пытались возродить институт профессорских стипендиатов, сохраняли высокие требования к защите магистерских и докторских диссертаций, к присуждению ученых степеней, боролись за сохранение хотя бы подобия университетской автономии, в которой видели неотъемлемую часть жизни любого университета. В русских вузах зарубежья сохранялись выборность и конкурсное замещение должностей, коллегиальность управления. Любое вмешательство властей в деятельность научного сообщества рассматривалось учеными как недопустимое посягательство на их права.

---

¹⁹ Кизеветтер 1929. С. 466.

Так, при образовании РЗИА в Праге между его учредителями (Объединение земских и городских деятелей – Земгор и Союз русских академических организаций за границей) возник принципиальный спор. Ученые настаивали на самостоятельности этого научного учреждения и недопустимости вмешательства в его внутренние дела представителей Земгора²⁰. Непримируемую позицию Правления Союза поддержал и III съезд Русских академических организаций за границей (1924), но впоследствии для сохранения РЗИА пришлось пойти на компромисс и согласиться с тем, что он стал автономным учреждением Земгора. Причину такого решения объяснил Кизеветтер в письме к Изюмову в декабре 1924 г.: «Правление Союза академических организаций вопреки энергичным протестам со стороны моей и Струве решило отклонить предложение Земгора на счет участия представителей академического союза в надежде на то, что Министерство [народного образования Чехословакии] обратится к профессорам по этому делу помимо Земгора. Решили также отправить депутацию в Министерство с уведомлением о таком своем постановлении. Там им, разумеется, в самой вежливой форме сказали, что руководство делом об устройстве архива принадлежит всецело Министерству и больше никому. <...> Одно несомненно: архив существовать будет, и форма его существования окончательно будет решена не Земгором и не профессорами, а Министерством»²¹. Чешские власти, осуществлявшие «Русскую акцию», дали понять профессорам-эмигрантам – «кто платит, тот и заказывает музыку». В целом, изучение документов о деятельности вузов русского зарубежья в Праге, Париже и Харбине, свидетельствует, что профессуре не всегда удавалось сохранить внутреннюю автономию, а их Советы и администрация находились под контролем местных властей.

В это же время в советской России усиливается контроль над научным сообществом. Еще 9 октября 1918 г. декретом СНК РСФСР были отменены ученые степени и звания, что фактически уничтожило систему научной аттестации. В 1920–1921 гг. было принято несколько десятков постановлений СНК по вопросам науки и высшей школы. Проводилась политическая дифференциация ученых, менялась структура учебных планов за счет увеличения в них доли общественных наук, от преподавания отстранялась «реакционная профессура», вводился классовый принцип набора абитуриентов и т.п. Для ослабления влияния «старой» профессуры на студентов ломалась прежняя система обучения посредством лекций, семинаров, экзаменов и зачетов. Вместо нее вводился т.н. «бригадный метод», при котором основное внимание уделялось самостоятельной работе студенческих групп по определенным заданиям. 2 сентября 1921 г. декретом Совнаркома РСФСР было

²⁰ ГАРФ. Ф. 5965, Оп. 1, Д. 628, Л. 2.

²¹ ГАРФ. Ф. 5962, Оп. 1, Д. 9, Л. 18.

утверждено «Положение о высших учебных заведениях», ставшее первым университетским уставом. «Положение» фактически упразднило университетскую автономию, поскольку все изменения в организации и личном составе вузов впредь мог производить только Наркомпрос. В этом документе все работавшие в вузах признавались научными работниками и были разделены на три группы: профессора, избираемые Государственным ученым советом Наркомпроса (ГУС), преподаватели и научные сотрудники. Исполнительная власть концентрировалась в руках правления. Ради разрушения «иммунитета профессорской корпорации» в состав ГУСов наряду с членами правления, представителями профессуры, преподавателями и научными сотрудниками, вводились представители от партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, от губисполкома и наркоматов. На ГУСы возлагались функции по аттестации научно-педагогических работников высшей квалификации, которая теперь зависела от политической позиции преподавателей, а не от имевшихся у них в прошлом ученых степеней, званий и опыта. В 1921–1922 гг. наметилась тенденция закрытия университетов. Из 177 в стране осталось 30 вузов. Были закрыты не только многие из открывшихся недавно университетов (Астраханский, Костромской, Орловский, Северо-Двинский, Симбирский и Тамбовский), но и такие прославленные учебные заведения, как 2-й Московский университет и высшие Бестужевские курсы²². Проведение «радикальной» вузовской реформы, а также нищенские условия существования и низкая заработная плата не раз вызывали протест со стороны профессуры и беспартийного студенчества. В 1921–1922 гг. в вузах Москвы, Петрограда, Казани и других городов прошли их забастовки. Профессора Московского университета (В.С. Гулевич, В.А. Костицын, А.П. Павлов, О.Д. Плетнев, М.В. Сергиевский, В.В. Стратонов) направили письмо членам Политбюро ЦК РКП(б), в котором призывали остановить уничтожение науки и высшей школы. Власти отреагировали новой волной репрессий: высылкой за границу на «философских пароходах» около 200 ученых. За участие в протестном движении из вузов были исключены и высланы из столицы около 850 студентов и 50 рабфаковцев.²³ Оценивая происходящее, А.А. Кизеветтер в письме к Н.И. Астрову от 15 октября 1922 г. писал: в России «высшая школа и другие проявления духовной культуры опустошаются сейчас без всякой пощады. По этой части водворяется самый унылый пустырь»²⁴.

Одной из основных ценностей в профессорской корпорации была суверенная человеческая личность. В значительной мере это было связано со спецификой интеллектуального труда, предполагающего лич-

---

²² Наука и кризисы. С. 462; Козлова 2001. С. 150; Выскуб 2005; Гришина 2014.

²³ Наука и кризисы. С. 464.

²⁴ Кизеветтер А.А. – Н.И. Астрову. 15 октября 1922. С. 465.

ную свободу и проявление индивидуальности. Эту связь тонко подметил В.И. Вернадский: «Научная работа развивает чувство личности и личного достоинства. Она вырабатывает свободного человека, стоящего в среднем гораздо выше того уровня, который может от души подчиниться министерству»²⁵. Отстаивание собственного мнения, не всегда совпадающего с мнением окружающих, уважение взглядов оппонента были не только правилами поведения, но и важнейшими этическими нормами большинства представителей научного сообщества. Вместе с тем, не стоит идеализировать взаимоотношения в научном мире зарубежья в условиях, когда шла борьба за выживание. Об этом из Праги писал А.Ф. Изюмов М.М. Карповичу в 1929 г.: «На отношение со стороны чехов пожаловаться не могу: они ценят мою работу. С русскими же всяко бывает. Трудно Вам <...> объяснить здешнюю атмосферу пауков в банке. Лучшие отношения сохраняю с А.А. Кизеветтером, хотя во взглядах на настоящее часто и расходимся»²⁶.

До революции многие ученые придерживались либеральных взглядов. При их непосредственном участии возникла партия кадетов. По данным Н.Г. Думовой, примерно треть состава ЦК этой партии была представлена профессорами и юристами²⁷. Убежденный либерал и западник А.А. Кизеветтер стоял у истоков «профессорской» партии, являясь одним из руководителей Московского губернского комитета и членом городского комитета кадетской партии. В 1906 г. он был избран членом ее ЦК и вошел в состав Государственной думы второго созыва²⁸. Революционные события и последовавшая за ними гражданская война, безусловно, повлияли на политические воззрения многих ученых-эмигрантов, но большинство из них остались верны либеральным ценностям. Несмотря на их стремление дистанцироваться от политики, избежать споров на эту тему им все же не удалось. В поисках средств к существованию приходилось печатать свои статьи в разных изданиях, однако недопустимым считалось сотрудничество с теми, которые придерживались противоположной политической ориентации.

Весной 1925 года, когда редакцию ежедневной газеты «Возрождение», стоявшую на консервативных позициях, возглавил П.Б. Струве, Кизеветтер стал активно печататься в ней. Свое решение он объяснял Изюмову следующим образом: «Мое вступление в «Возрожд[ение]» не включает в себе никакого отступления от моих всегдашних взглядов. Как Вам известно, кадеты всегда допускали и монархию, и республику, лишь бы только и та и другая опирались на правовой (подчеркнуто автором – В.В., В.К.) конституционный строй. Имя Струве служит мне

---

²⁵ Вернадский 1995. С. 189.

²⁶ ГА РФ Ф. 5962. Оп. 1. д. 12. Л. 94.

²⁷ Думова 1990. С. 6.

²⁸ Вандалковская 1992. С. 86-91.

порукой в том, что дело отнюдь не идет о реставрации самодержавного произвола. А если так, то для меня одинаково приемлема та форма правления, к[ото]рая сможет лучше содействовать восстановлению России. <...> Все мои личные симпатии на стороне республики. Но я не разделяю идиллических грез о том, что стоит только пасть большевикам, и все пойдет как по маслу»²⁹. Он считал, что вдали от Родины политические разногласия только вредят изгнанникам и призывал «не забывать: мы на походном бивуаке, а не в нормально действующем парламенте, в котором нужно резкое размежевание партий. А эмигранты все воображают, что им нужно вести себя так, как будто бы мы все сидим в Таврическом дворце, в Государственной Думе»³⁰.

Надежды не оправдались. «Возрождение» все более приобретало правоконсервативную направленность, и летом 1925 г. Кизеветтер отказался сотрудничать с его редакцией. Объясняя П.Б. Струве, причину отказа, он писал, что, несмотря на сочувствие некоторым исходным принципам издания, прежде всего непримиримому антибольшевизму, он не может примкнуть к политической платформе «Возрождения». «Если я отнюдь не разделяю неумной мысли о том, что “с монархистами нельзя иметь ничего общего”, если я, вопреки Милюкову, допускаю возможность возвращения в России монархии, то в такой же мере я не могу согласиться с тем, что только в восстановлении монархии для России заключается единственно возможный путь к возрождению. Между тем, это – пункт настолько основоположный для позиции “Возрождения”, настолько обуславливающий подход газеты ко всем решительно вопросам, что при несогласии с ним, невозможно работать в “Возрождении”»³¹. В другом письме он обращал внимание Струве на то, что для освобождения России от большевизма «не полезно углублять и закреплять сейчас резкие водораздельные линии между политическими группировками. Вопросы о форме правления всего лучше было бы сейчас снять с очереди». Он признавался, что «какое-то, я бы сказал, безотчетное чувство побуждает меня воздерживаться от участия в этой борьбе. Мне кажется, что такое воздержание может быть бесполезным для будущего»³². Отказ от сотрудничества не был демонстративным. Уважая взгляды своего оппонента, Кизеветтер писал в следующем письме: «Конечно, только будущее покажет, кто из всех нас сейчас более прав. Но повторяю, я не могу не следовать моему внутреннему чувству, которое для меня всегда важнее логических выкладок при определении линии моего поведения»³³. При этом он выражал надежду, что его уход не

---

²⁹ ГАРФ. Ф. 5962, Оп. 1, Д. 9, Л. 26.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5962, Оп. 1, Д. 9, Л. 27.

³¹ ГАРФ. Ф. 5912, Оп. 1, Д. 65, Л. 4.

³² ГАРФ. Ф. 5912, Оп. 1, Д. 65, Л. 7.

³³ ГАРФ. Ф. 5912, Оп. 1, Д. 65, Л. 8.

отразится на дружеских личных взаимоотношениях со Струве: «Мне было бы очень больно, если бы прекращение моего сотрудничества заронило в Вас неприятное чувство по отношению ко мне, ибо я люблю Вас той истинной сердечной любовью, которая выдерживает искус расхождения в точках зрения. Верю, что Вы не усомнитесь в моей искренности и не лишите меня Вашей дружбы»³⁴.

Данный эпизод свидетельствует, что в эмиграции Кизеветтер несколько меняет свое отношение к монархии. В марте 1917 года в статье «Партия народной свободы и республика» он, разъясняя позицию кадетов, подчеркивал, что до 1917 г. русские либералы ратовали за парламентскую и конституционную монархию, рассматривая ее как переход к созданию правового государства. После отречения Николая II русские либералы стали выступать за парламентскую республику, поскольку борьба за монархию в изменившихся условиях, по их мнению, могла привести к восстановлению деспотизма. Как справедливо заметила М.Г. Вандалковская, А.А. Кизеветтер, игравший видную роль в кадетской партии, формы политического правления ставил в зависимость от условий политической жизни³⁵. Пережив и осмыслив ужасы революции и гражданской войны, оказавшись вдали от родины, ученый согласился с возможностью реставрации монархии, если она будет способствовать возрождению и объединению России. Конечно, ему нелегко было сделать этот шаг назад. Симпатии его оставались на стороне парламентского строя. «Я упрям и продолжаю думать, – писал он в ноябре 1930 года, – что пафос свободы еще возьмет свое и придется еще перед ним посторониться разным запоздалым Аракчеевым и итальянским пародиям на Юлия Цезаря».³⁶ Но выбор формы правления Кизеветтер, как и прежде, ставил в зависимость от политической ситуации и говорил о беспочвенности и преждевременности дискуссий эмигрантов по поводу будущего устройства России. В одном из писем к М.В. Вишняку в 1925 г. он писал: «Россия еще мучается на одре страшного недуга, я стоны ее слышу, я конвульсии ее вижу, мне надо знать, как прекратить эти стоны и конвульсии, и пока они не прекратились, меня не захватывают толки о том, как она станет жить да поживать, когда поправится»³⁷. «Россию, – писал он тому же адресату в другом письме, – спасать надо сейчас; делать практические политические шаги всегда приходится, опираясь, увы, на готовый наличный человеческий материал, как бы он ни был малоудовлетворителен. <...> Когда же действительно встанет необходимость немедленных практических действий, тогда, по-моему, мы все должны будем найти в себе мужество решить-

³⁴ ГАРФ. Ф. 5912, Оп. 1, Д. 65, Л. 4.

³⁵ Вандалковская 1992. С. 98.

³⁶ А.А. Кизеветтер – М.В. Вишняку. 7 ноября 1930. С. 521.

³⁷ А.А. Кизеветтер – М.В. Вишняку. 14 июля 1925. С. 472-473.

ся на известное время стать друг с другом рядом без всякого отношения к нашим партийным ярлыкам <...> чтобы, поступаясь в виду необходимости известным кругом своих максимальных устремлений, выработать некоторую общую ближайшую платформу»³⁸. В условиях изгнания он считал бессмысленными и преждевременными бескомпромиссные споры о политическом строе будущей России, ибо судьба последнего будет решаться не внешними, а внутренними антибольшевистскими силами. Можно сказать, что, несмотря на «поправление» политических взглядов, ученому все же удалось сохранить основные аксиологические принципы своей корпоративной культуры, важнейшими из которых были либеральные воззрения.

Трансляция канонов исследования и норм поведения внутри корпорации часто осуществлялась в виде различных схолярных практик, хотя не исключалась и индивидуальная работа. А.В. Свешников отмечает, что именно «принципиальный механизм подготовки молодых научных и преподавательских кадров провоцировал генезис таких неформальных структур научного сообщества как научные школы»³⁹. Профессора, как правило, чувствовали ответственность за судьбы своих воспитанников. Это в значительной мере объясняет огромное внимание научного сообщества зарубежья работе по созданию условий для завершения образования студентов-эмигрантов. А.А. Кизеветтер также никогда не порывал связей со своими учениками, но особенно близкие отношения у него сложились с А.Ф. Изюмовым. Переехав в Прагу, он хлопочет о том, чтобы Изюмову назначили стипендию, как «лицу, оставленному для приготовления к профессорскому званию» и приняли на работу в РЗИА. Чтобы ускорить решение этого вопроса, он вместе с В.А. Мякотиным ходил на прием к министру народного образования Чехословакии, после чего вопрос был решен положительно. После переезда Изюмова в Прагу отношения между ними становятся еще более дружественными, а переписка приобретает доверительный характер. Видимо, нелегкие условия эмигрантского существования способствовали сближению изгнанников, нуждающихся в поддержке соотечественников. Наряду с деловыми письмами Кизеветтер, как правило, присылает Изюмову и его жене поздравления с праздниками. Его послания полны остроумия, оптимизма и иронии. Так, поздравляя Изюмовых с Новым 1932 годом, он писал: «Хотя мы все и сильно опасаемся того, что наступивший год не будет стоить того, чтобы поздравлять с ним, тем не менее, следуя душевной потребности, шлем вам и Александре Степановне сердечные пожелания всего доброго в наступающем году. Уверенность в счастливых перспективах часто приносит разочарование. Авань мы ошибемся и в наших опасениях! Вдруг, да и окажет-

³⁸ А.А. Кизеветтер – М.В. Вишняку. 31 июля 1926. С. 479-480.

³⁹ Свешников 2010. С. 169.

ся, что «не так страшен чорт» [здесь и далее орфография автора]. Пожелаем этого от души друг другу. Будьте здоровы. Ваш Кизеветтер»⁴⁰.

Важное место в профессорской культуре занимали просветительские ценности. Русский ученый всегда выступал в нескольких ипостасях: исследователя, педагога и просветителя, хотя в разные периоды соотношение этих функций изменялось. Общение с аудиторией, донесение до слушателей результатов своих исследований было неотъемлемой частью труда ученого. Большое внимание этой деятельности уделялось и в эмиграции. Кизеветтер был одним из самых активных пропагандистов русской культуры. Он вел огромную лекционную работу в Праге и других городах Чехословакии, Югославии, Германии, Эстонии, Латвии, Болгарии, являясь профессором Русского Народного университета. Везде его лекции пользовались большим успехом. Без его участия не обходилось ни одно празднование Дней русской культуры. По свидетельству Изюмова, пражский период жизни Кизеветтера был «безрассудным расходом своих сил, уже надломленных роковым недугом. А.А. выступал с докладами и лекциями чуть ли не каждый день. Уже за несколько дней до смерти он должен был читать три доклада в один день»⁴¹. Но такая активность была обусловлена не только потребностью популяризации знания. К усиленной работе побуждала, в первую очередь, материальная необеспеченность. Цитируя в письме к дочерям из Софии (апрель 1927 г.) местную газету, сообщавшую, что популярности его лекций могли бы позавидовать Анна Павлова и Шаляпин, Кизеветтер с горькой иронией добавлял: но «они не могут позавидовать моему гонорару»⁴². В конце жизни он сильно нуждался. Сначала болезнь и смерть жены, потом падчерицы требовали больших расходов. В ноябре 1932 года, за два месяца до смерти, он писал М.В. Вишняку: «Вы спрашиваете, как я живу. Все прыскаюсь два раза в день инсулином, и Бог весть, когда это кончится. Из-за этого не могу ездить на публичные лекции и отказываюсь от разных приглашений, то есть лишаюсь заработка. Читаю русскую историю в Карловом университете и получаю за это жалкие гроши. А затем, зажмурив глаза, ожидаю, что принесет январь, когда вступят в силу новые правила о наших стипендиях, сулящие нам житие на пище святого Антония»⁴³.

Изюмов не раз спрашивал своего старшего коллегу, почему он никогда не отдыхает и почему так не бережет себя. Но тот неизменно отвечал: «Когда я занят работой, я не могу думать о другом»⁴⁴. Понятно, что в таких условиях времени на серьезную научную работу не

---

⁴⁰ ГАРФ, Ф., 5962, Оп. 1, Д. 9, Л. 44.

⁴¹ Изюмов А.Ф. 1937. С. 213.

⁴² Цит по: Вандалковская 1992. С. 103.

⁴³ А.А. Кизеветтер – М.В. Вишняку. 2 ноября 1932. С. 526.

⁴⁴ Изюмов 1937. С. 213.

оставалось, и создать что-либо крупное в эмиграции ему не удалось. Впрочем, подобная ситуация была у большинства ученых-эмигрантов.

Поскольку одной из основных функций профессора университета являлось производство новых знаний и рефлексия по поводу развития своей науки, то, соответственно, дискурсивные практики и интеллектуальные процедуры, связанные с производством нового знания, являются базовыми для характеристики профессорской культуры. Естественно, что новая социальная и культурная среда оказывала травмирующее воздействие на ученого – носителя великой классической традиции, которым, безусловно, был А.А. Кизеветтер. Много для него и не только для него было профессионально неприемлемо. Посмотрим с этой стороны на историографическое творчество нашего героя.

Отступление, под воздействием новой социальности, от сложившихся, классически-академических ориентиров научного сообщества воспринимается представителями традиционной гуманитаристики как проявление депрофессионализации и, зачастую, аморальности. И если сохранение культурной традиции ими воспринимается как единственная ценностно оправданная задача, то уместен вопрос – насколько это возможно в изменившейся социальной реальности? Возможен ли диалог традиций, культурно-профессиональная, ценностная медиация? Забегая несколько вперед, мы можем констатировать реальность и плодотворность такого синтеза в советской исторической науке несмотря на репрессивно-ограничительную составляющую ее социального бытования. Как отмечают исследователи, результатом соединения традиционной культуры исторического исследования и присущего советской исторической науке стремления к постижению абсолютной истины, было получение относительных, ограниченных рамками советского историографического дискурса, но все же весьма научных результатов⁴⁵. Хотя заметим, что совмещение традиций характерно для более позднего периода советской историографии. Нас собственно и интересует, сколь рано могли проявиться такие синтезирующие процессы, могли ли они проявиться на уровне индивидуального сознания у такого историка, как А.А. Кизеветтер, видящего свой долг и предназначение в условиях эмиграции в продлении старой культурной традиции.

Советская историография под пером А.А. Кизеветтера непонимание «чужого»

Как и большинство ученых-эмигрантов, занимающихся проблемами российской истории, Кизеветтер, был лишен возможности работать в отечественных архивах и книгохранилищах. Это неизбежно вело к сужению источниковой базы его исследований. Приоритетной становится т.н. периферия научного дискурса (рецензии, обзоры). Вместе с тем его научный диапазон был очень широк: ученого интересовали

---

⁴⁵ Метель, Крих 2014. С. 201.

такие масштабные проблемы русской истории как национальное самосознание, взаимоотношения государства и общества, положение различных социальных слоев, истоки революции и др.

В эмиграции А.А. Кизеветтер много писал, но крупных работ не создал⁴⁶. Он печатался во многих эмигрантских изданиях («Последние новости», «Сегодня», «Руль», «Крестьянская Россия», «Воля России»), но большая часть его статей и рецензий была опубликована на страницах исторических альманахов «На чужой стороне» и «Голос минувшего на чужой стороне», а также в журнале «Современные записки». Поскольку Ю.Н. Емельяновым уже был сделан основательный анализ рецензий Кизеветтера, напечатанных на страницах названных альманахов⁴⁷, мы более подробно остановимся на рецензиях, опубликованных в «Современных записках». С 1922 г. Кизеветтер становится постоянным сотрудником этого журнала. Его статьи и рецензии публиковались практически в каждом номере в течение последующих десяти лет.

Известно, что характерной чертой эмигрантской периодической печати в целом и публицистики в частности, является ее духовная связь с дореволюционной Россией. Ностальгические настроения большинства эмигрантов и желание понять, почему в их стране произошла революционная катастрофа, порождали небывалый интерес к историческому прошлому родины. Понимая это, редакция «Современных записок» решает продолжить традицию дореволюционных «толстых» журналов и, наряду с литературно-художественными, начинает публиковать исторические материалы. Об этом, в частности, писал в феврале 1925 года один из основателей и редакторов этого журнала И.И. Фондаминский (Бунаков) двум своим коллегам М.В. Вишняку и В.В. Рудневу: «Мы повертываем журнал на Россию, – Но в России идет теперь большая архивная работа – печатается масса материала по истории революции и революцион[ного] движения. Непосредственно знакомиться с этим нет сил, средств и времени. Но не учитывать этого материала преступление»⁴⁸. Раздел критики и библиографии появляется в журнале с 3-го номера (1921), но до прихода А.А. Кизеветтера в нем помещались обзоры только на литературные и общественно-политические темы. Именно Кизеветтер был автором первой рецензии на исторические сочинения, напечатанной в «Современных записках». В 13-м номере журнала за 1922 г., правда, в разделе «Культура и жизнь», была помещена рецензия Кизеветтера на первый том опубликованных в Берлине писем царицы Александры Федоровны. В него вошли 199 писем, написанных ею с июля 1914-го по январь 1916 года. По оценке Кизеветтера, они «представляют собой исторический материал первостепенной важ-

---

⁴⁶ Цепилова 2005(б). С. 99-100.

⁴⁷ Емельянов 2008.

⁴⁸ Современные записки. 1920–1940... С. 204.

ности» и «бросают яркий свет на ту роль, которую сыграла Александра Федоровна в бессознательной подготовке крушения монархии в России». Анализируя письма, ученый прослеживает складывание «дружного трио» (императрица, Анна Вырубова и Распутин) и рост его влияния на Николая II в вопросах государственного управления. По мнению историка, эти документы опровергают легенды о физической близости Распутина и императрицы и о её принадлежности к «военной измене». Они свидетельствуют о том, что основой возвышения Распутина служили «религиозный фетишизм» и «вера Александры в спасительность распутинских чар для здоровья наследника»⁴⁹. Кизеветтер приходит к выводу о значительной роли Распутина в осуществлении внутренней политики в последние годы царствования. Александра Федоровна же «служила послушным рупором для внушений Григория и вкладывала всю присущую ей страстность в соответствующие атаки на Николая, всегда приводившую к желанному ей и её другу результату»⁵⁰.

Всего в «Современных записках» напечатано 60 работ А.А. Кизеветтера, значительная часть из них посвящена состоянию советской исторической науки. М. Вишняк вспоминал: «По истечении 3-4 недель по выходе очередной книги с методической правильностью получалось пространное, иногда на 16 страничках письмо, в котором Александр Александрович своим характерным размашистым почерком в «частном», доверительном порядке, не для оглашения, делился впечатлениями по поводу напечатанного материала. Неизменно благожелательная по своему устремлению и мотивам, критика эта бывала часто очень суровой по отношению к отдельным авторам или произведениям»⁵¹.

Изучение историографического наследия Кизеветтера, опубликованного на страницах периодической печати зарубежья, позволяет говорить, что он чутко реагировал на публикацию в СССР монографий коллег (12 рецензий)⁵², сборников статей на исторические темы (6)⁵³ и публикацию архивных документов (12)⁵⁴. Таким образом, из 60 работ, опубликованных в «Современных записках», ровно половина была посвящена работам, вышедшим в советской России. Еще одно значимое обстоятельство – очень короткий временной лаг между рецензией и

---

⁴⁹ Кизеветтер 1922. С. 322, 327.

⁵⁰ Там же С. 334.

⁵¹ Вишняк 1933. С. 400.

⁵² Кизеветтер 1924. №18. С. 444-447; №19. С. 433-440; №21. С. 411-414; 1925. №23. С. 488-491; 1926 №27. С. 583-586; №28. С. 499-503; №29. С. 495-497; 1928. №35. С. 547-550; №36. С. 550-551; 1929. №40. С. 548-551; 1930. №43. С. 514-517; №44. С. 530-531.

⁵³ Кизеветтер 1923. №16. С. 425-430; №17. С. 496-499; 1924. №21. С. 414-417; №22. С. 466-469; 1927. №31. С. 456-459; 1928. №34. С. 504-511; С. 530-535.

⁵⁴ Кизеветтер 1924. №21. С. 443-445; 1925. №24. С. 445-447; №26. С. 488-494; С. 494-496; 1926. №29. С. 500-503; С. 497-500; 1927. №30. С. 571-576; №33. С. 543-546; 1929. №38. С. 534-536; 1930. №41. С. 550-552; 1932. №49. С. 471; №50. С. 474-476.

объектом рецензирования. Он составляет, как правило, менее одного года, иногда год. Поражает не только оперативность рецензирования, связанная с нескрываемым интересом Кизеветтера к историографии советского периода, но и интенсивный научный книгообмен русской диаспоры как внутри нее, так и с научным миром советской России.

Каждая из рецензий Кизеветтера несмотря на небольшой формат, по сути, являлась самостоятельным научным исследованием. Часть рецензий посвящена обзору исторических изданий академического плана, редакторы и большинство участников которых были представителями дореволюционного научного сообщества. К ним относится издаваемый петроградскими историками исторический сборник «Русское прошлое», издаваемый Российской Академией Наук журнал всеобщей истории «Анналы», сборник памяти А.Н. Савина, выпущенный Институтом истории. К оценке рецензируемых сборников Кизеветтер стремится подходить с позиций строгой научности, в этом плане для него не существует авторитетов и запретов. Нарекания вызывает у него сборник «Русское прошлое», на страницах которого встречаются статьи, написанные наспех (принадлежащий перу С.Ф. Платонова «короткий обзор исторической литературы о личности Ивана Грозного-чрезвычайно беглый, неполный и даже недостаточно точный...»). Очевидно, предполагает Кизеветтер, «почтенный историк написал свой очерк... просто для того, чтобы дать “на зубок” новому журналу что-нибудь, подписанное своим авторитетным именем»⁵⁵. Наибольший оценочный негативизм наблюдается у Кизеветтера в отношении публикаций конъюктурно политизированных, к статье Б. Титлинова о стригольниках и ереси жидовствующих или С.В. Вознесенского «Дворянская реакция после смерти Петра Великого», где «к рассказу о всем давно известных событиях автор прицепляет предисловие, долженствующее разъяснить смысл этих событий с точки зрения классовой борьбы... цитаты из Рожкова и Покровского сыплются из-под пера нашего неопита беспрепятственно... каемся, мы не могли без улыбки читать этих страниц»⁵⁶. В то же время основной массив рецензируемых работ оценивается положительно, как содержащий «не мало весьма интересного научно-исторического материала». Особенно отрадно для Кизеветтера констатировать преемственность научных поколений и традиций: «ученая молодежь энергично ведет серьезную научно-исследовательскую работу, следуя научным традициям, издавна утвердившимся на исторических кафедрах Московского университета»⁵⁷. Он откликнулся и на проходящие в

---

⁵⁵ Кизеветтер 1923. №16. С. 425.

⁵⁶ Там же. С. 427.

⁵⁷ Кизеветтер 1928. №34. С. 535. В рецензиях Кизеветтера присутствуют имена представителей новой генерации историков, которые впоследствии по разным причинам не сохранились в истории советской исторической науки. О поколенческом составе историков в первые послереволюционные годы см.: Сидорова. 2008.

России научные дискуссии, о чем свидетельствуют его статьи «Научно-историческая литература в современной России» (1923) и «Общие построения русской истории в современной литературе» (1928), «Новейшие исследования по социальной истории Московского государства» (1931). «Русская историография в оценке советских историков» (1931).

В первом по времени историографическом обзоре с анализом состояния послереволюционной историографии «Научно-историческая литература в современной России» Кизеветтер обращается к творчеству ученых, продолжающих в новых условиях «чисто академическую научную традицию». Он практически исключает из рассмотрения то, что так или иначе связано со злобой дня, с революционными событиями⁵⁸. Анализируемую литературу он делит на два больших вида. К первому относит «произведения, носящие характер специальных монографий, обширных по объему, специальных по содержанию», называя известный ему неполный список такого рода работ. Речь идет, подчеркивает он, «только о московских ученых-историках, работа которых протекала на моих глазах»⁵⁹. Кизеветтер включает в этот список научно значимых работ исследование М.К. Любавского по истории русской колонизации Малороссии, работы Ю.В. Готье о провинциальной администрации в России XVIII в., очерки С.В. Бахрушина по социально-экономической истории Сибири XVII в., диссертацию В.Н. Бочкарева о функционировании губернской реформы 1775 г. Эти работы, основанные на богатом архивном материале («безбрежное море бумажных кип»), продолжающие традиции добротного позитивистского исследования, рассматриваются Кизеветтером как образцы подлинной научности – «обширные фундаментальные труды», первостепенные историографические факты. Сложность оценки заключается в том, что, как указывает Кизеветтер, ввиду отсутствия средств на издание этих монографий («прекрасных и ценных в научном отношении») нечего и думать. Научное знание пульсирует на уровне устных докладов и рефератов в сохранившихся научных обществах. При этом он ссылается на свой личный опыт участия в такого рода коммуникациях до своей высылки из России в 1922 г. Такого рода работу «в авторский портфель» Кизеветтер рассматривает как свидетельство «истинно-героического самоотвержения» российских ученых, «проявление беззаветного идеализма в среде нашей многострадальной ученой интеллигенции»⁶⁰.

---

⁵⁸ За исключением работ «Общие построения русской истории в современной литературе» и «Из размышлений о революции» (1930), в которых он анализирует публикации о революции Г.П. Федотова, Ф.А. Степуна, В.В. Бунакова, Б.Э. Нольде, на эту тему он не пишет. С иронией замечает: «издаются, конечно, разные «Красные архивы», но ведь подбор материала для подобных изданий носит вполне специфический характер». Кизеветтер 1923. С. 389.

⁵⁹ Там же, С. 389-390.

⁶⁰ Там же.

В печати советской России появляются исторические сочинения несколько иного типа, определяемые Кизеветтером как этюды различного калибра и значения, преимущественно популяризаторские. Кизеветтер пытается проанализировать главные сочинения такого рода, попавшие в его поле зрения. Предметом рассмотрения становятся книги Р.Ю. Виппера об Иване Грозном, С.Ф. Платонова о Борисе Годунове, работа А.Е. Преснякова «Московское царство» и 5-томная «История России» Н.А. Рожкова. При оценке этих сочинений главным для него являются не достоинства изложения (хотя он отмечает, например, что книга С.Ф. Платонова «написана очень красиво, прекрасным литературным языком»), а их соответствие исповедуемому самим Кизеветтером принципу научности, опора авторов на собственные научные исследования, способность абстрагироваться от «злобы дня». Вызвавшую наибольшую сенсацию «небольшую книжку Р.Ю. Виппера об Иване Грозном Кизеветтер оценил как в сущности, слабое произведение»⁶¹, на которое чересчур большое воздействие оказали «текущие переживания» исторического момента, где научно-аналитическое уступает полемическому. При этом он не отрицает право историка отзываться на окружающую его жизнь, но для этого, на его взгляд, требуется хотя бы минимальная свобода печатного слова.

Кизеветтер не мог, разумеется, вообще игнорировать советскую марксистскую историографию, его позиция по отношению к ней эволюционирует от пренебрежительного игнорирования «разных Красных архивов специфической окраски» до раздраженно-критического восприятия ранней советской историографической конкретики. В оценках наличествует как профессиональная составляющая (мастер оценивает начинающих), так и конфликт традиций и ценностей (не признаю за чужим права на существование и развитие). Отдельные конкретно-исторические труды могут быть оценены и снисходительно позитивно, как приемлемые в своей фактографической части для ученого традиционно-позитивистской ориентации. В этом плане показательна оценка вышедших в 1927 г. номеров исторического журнала «Красный Архив» (воспринимаемого ранее столь негативно-иронически): «топорная публицистика, но «весьма разнообразна и любопытна» историческая конкретика⁶². Еще более показательна в этом плане рецензия на работу М.В. Нечкиной «Общество соединенных славян», вышедшую в Москве в 1927 г.⁶³ Кизеветтер признает труд Нечкиной полезным, так как она

---

⁶¹ Там же. С. 395.

⁶² Кизеветтер 1928. №34. С. 511.

⁶³ В связи со 100-летней годовщиной восстания декабристов в СССР началась публикация архивных материалов об этом событии. Кизеветтер рецензирует сборники документов, статьи и монографии, посвященные декабристам, вышедшие как в России, так и в зарубежье. Кроме того, он сам написал серию статей о декабристах («Заметки о декабристах», «Спорные вопросы в истории декабристов» и др.).

сумела тщательно, по крупицам собрать разнородный материал по истории «Общества соединенных славян», организовать его, воссоздать историю общества «очень обстоятельно и отчетливо»⁶⁴. Концептуальные же выводы Нечкиной, ее противопоставление «славян, как героически бесстрашных демократов, южанам – “аристократам и оппортунистам”» Кизеветтер не приемлет, не без основания считая, что в этом случае Нечкина некритически следует за схематическими построениями М.Н. Покровского, «большевистского обер-историографа», по иронически-недоброжелательному определению А.А. Кизеветтера⁶⁵. Вышедший из школы В.О. Ключевского, для которой был характерен интерес к социальной истории, Кизеветтер высоко оценивает социальный портрет участников общества, реконструируемый исследовательницей, но выступает против жесткой привязки социального происхождения и политических позиций и стратегий его участников.

Негативизм оценок резко усиливается, когда историк сталкивается с попытками советских авторов перейти от исторически-конкретного к историографически-обобщенному, когда предметом пристрастного рассмотрения молодых советских историков становится отечественная историография вообще и позитивистская традиция, к которой принадлежит сам Кизеветтер, в особенности. Такая попытка предпринимается в сборнике статей «Русская историческая наука в классовом освещении» (1930), автором предисловия к сборнику и редактором которого был М.Н. Покровский. На опыты весьма прямолинейного препарирования классической традиции скальпелем марксистского классового анализа, предпринятой авторами сборника, Кизеветтер отвечает отлучением их от науки. В инкриминационном списке, предъявляемом рецензентом молодым советским историкам, на первом месте стоит близость к Покровскому: «этот коллективный сборник вышел из того семинара, который вел в ИКП М.Н. Покровский» и представляет собой «собрание ученических работ, все авторы которого... поют с голоса учителя, рассказывают своими словами то, что натвердил им их руководитель, следуют тощей прямолинейности казенно-большевистской исторической доктрины». Вторым пунктом обвинения выступает nepочтительное отношение к корифеям дореволюционной историографии: «ни сам Покровский, ни его послушная паства не могут догадаться, сколь комичное получается зрелище, когда разные никому не ведомые г.г. Рубачи, Лидаки, Петровы и Сидоровы или только что едва-едва заявившие о себе печатными работами, как г-жа Нечкина, строго разносят за недомыслие и историческую неосведомленность Чичерина, Соловьева, Ключевского, Милокова». Третий и главный, пожалуй, пункт обвинения – гипертрофированное представление о классовой подосно-

⁶⁴ Кизеветтер 1928. № 35. С. 548, 550.

⁶⁵ Там же. С. 550.

ве историографического процесса, стремление в каждом тексте выявить его корыстно-классовый, «подтекст», показать, что историография «всегда и всюду есть ни что иное, как служанка классовой борьбы». Исходя из таких посылок, авторы сборника оценивают мотивацию и историческую роль дореволюционной историографии с позиций гипертрофированной социальности, жесткой классовой детерминированности – дореволюционные историки «умышленно или бессознательно... обслуживали интересы либо помещиков, либо купцов, либо фабрикантов». Для них, иронизирует Кизеветтер, историческая истина глаголет устами Покровского, поскольку он, «первый дал истолкование русской истории с точки зрения интересов пролетариата». По мнению Кизеветтера, «логика тут хромает на обе ноги»: если «у Покровского и его последователей история пишется ради обслуживания интересов той классовой партии, которой они служат, значит и у них нечего искать исторического беспристрастия... объективной исторической истины»⁶⁶.

Историк фиксирует у авторов сборника многочисленные фактологические и концептуальные неувязки, связанные с прямолинейным переносом классового в область историографического, выявлением классовой основы творчества западников и славянофилов, историков-федералистов – Н.И. Костомарова, А.П. Щапова, марксиста Н.А. Рожкова. В то же время он отмечает определенное приближение к критериям научности в историографических персоналиях: «наиболее корректно изложены статьи о С.М. Соловьеве (З. Лозинского) и о В.О. Ключевском (М. Нечкиной). Достоинством этих статей Кизеветтер считает добросовестное и подробное изложение взглядов и научных заслуг великих старых историков. Недостатки лежат в оценочной части, в попытке критического рассмотрения взглядов классиков дореволюционной историографии: «критика их взглядов сводится к тому совершенно правильному указанию, что ни Соловьев, ни Ключевский не были сторонниками марксизма». Выявление несовпадений с марксизмом для авторов статей достаточно для признания взглядов Соловьева и Ключевского ошибочными (своеобразная презумпция виновности). Кизеветтер иронизирует над классовыми характеристиками научных позиций: «Будь Ключевский жив, как посмеялся бы он над попыткой г-жи Нечкиной причислить его к шовинистам и идеологам промышленного капитализма». И уж совсем неприемлем для него митинговый жаргон авторов сборника, выходящая за рамки научной полемики и элементарных приличий грубость обличительных определений, «не столько наивных, сколько нахальных»⁶⁷, к которым прибегают авторы некоторых статей. Воспроизводя наиболее колоритные из них (например, Чичерин как выразитель лжи и лицемерия буржуазной науки, Милоков

⁶⁶ Кизеветтер 1931. № 46. С. 514-515.

⁶⁷ Там же. С. 517-518.

как лжец и грязный клеветник), Кизеветтер справедливо отмечает, что подобные фразы позорят только того, кто их высказывает. Компетентно и профессионально, сочетая научную эрудицию и ироническое остроумие, он фиксирует слабые места молодой советской историографии.

Отметим, однако, что и он небезупречен как фиксатор современного ему состояния оформляющейся советской исторической науки, и еще более – как предсказатель ее будущего. То, что Кизеветтер сумел увидеть и понять в молодой советской историографии, выглядело преимущественно негативно, и этот оценочный негативизм проецируется им на состояние историографии в целом и ее творческие потенции («целое поколение ушибленных марксизмом молодых русских историков обречено на исторический дальтонизм и непрерывное топтание все на одном месте»). Дальнейшее развитие советской историографии, при всей сложности и трагичности, не подтвердило односторонне-негативных оценок Кизеветтера. Классовый подход, идеологическая ангажированность, ставшие родовыми признаками советской историографии, тем не менее не стали непреодолимыми препятствиями для научного прогресса. Известный специалист по историографии Французской революции А.В. Гордон пишет: «как ни парадоксально, наиболее значимым оказалось продвижение советских историков именно в наиболее идеологизированных сферах – изучении Якобинской диктатуры и народных выступлений»⁶⁸. Анализируя советскую историографию древности, С.Б. Крих и О.В. Метель отмечают такие стороны реализации марксистского проекта историографии (в их характеристике – «смелой и рискованной интеллектуальной авантюры»), как «острое чувство теоретической рефлексии, значимые успехи в конкретных темах»⁶⁹.

В рецензируемом сборнике Кизеветтер сталкивается прямолинейно-наивным вариантом понимания классовой детерминации развития историографии, частично преодолеваемом в ходе развития науки. В несколько упрощенном понимании классового детерминизма как права историка игнорировать историческую действительность в интересах своего класса Кизеветтер, как это ни парадоксально, близок к наиболее радикально настроенным из критикуемых им авторов⁷⁰. С развитием советской историографии меняется отношение к классической историографической традиции: прямолинейная обличительность оценок постепенно уходит, дореволюционная историография оказывается востребованной, некоторые ее представители, в особенности В.О. Ключевский, обретают статус неформальных классиков. И даже с М.Н. Покровским

---

⁶⁸ Гордон 2009. С. 365.

⁶⁹ Крих, Метель. С. 201-202.

⁷⁰ Наши наблюдения созвучны размышлениям М.В. Ковалева об идеологизации эмигрантской исторической науки и ее сходстве со своим антиподом – советской исторической наукой. См.: Ковалев 2012. С.254, 257.

все не так просто. Отразившееся в риторике рецензий язвительно-раздражительное, негативное отношение Кизеветтера к Покровскому во многом объясняется тем, что ревнителями дореволюционной научной традиции последний воспринимался как отступник, изменивший школе великого Ключевского (к ней, напомним, принадлежал и сам Кизеветтер) и выпавший из поля подлинной научности. Оценка его Кизеветтером представляется односторонней. Напомним, что у внимательного наблюдателя и аналитика П.Н. Милюкова научный образ Покровского выглядит гораздо более сложно и трагично. Милюков отмечает, что, при всем квазимарксистском правоверии и запредельной политизированности, в определенном смысле творчество Покровского развивалось в русле научного мейнстрима: «он все-таки был человеком нашей выучки, мы вместе пережили полосу увлечения экономическим материализмом, его “История России с древнейших времен” идет, конечно, дальше курса Ключевского – на все то расстояние, которое прошло от составления этого курса до появления новых работ нашего поколения, следовавшего за Ключевским»⁷¹. Покровский, как точно отметил В.А. Муравьев, принадлежал к «новой волне» русских историков, наследовавших взгляды Ключевского, но существенно отличавшихся от него по проблематике, методологии, представлении о содержании российского исторического процесса. О научной значимости творчества М.Н. Покровского свидетельствует его неоднократная актуализация в процессе последующего развития историографии. Наконец, отметим, что «поколение ушибленных марксизмом» дало целый ряд серьезных и талантливых исследователей (сам А.А. Кизеветтер выделяет М.В. Нечкину).

Опыт проживания А.А. Кизеветтера в эмиграции демонстрирует консервативный вариант трансформации профессорской культуры. Перед нами, ярко выраженная направленность на сохранение и дление уже сложившегося ранее. С особой отчетливостью эта направленность проявилась в дискурсивных практиках и интеллектуальных процедурах производства нового знания. И дело не только в оторванности от отечественных архивов и господстве периферийных жанров историографического творчества, но в неготовности войти в коммуникативный контакт с новым поколением советских историков, воспринимать иной тип знаний, нежели позитивистский. Это совсем не означает отрицательной характеристики выдающегося историка, каким, несомненно был Кизеветтер. В такой позиции проявилось извечное, характерное для любой научно-образовательной системы, противоборство классического и модерна, осознание и переформатирование роли классика и классического наследия в дальнейшем развитии исторической науки, противоборство, усиленное грандиозными социальными трансформациями и

---

⁷¹ Милюков 1993. С. 126.

личностными переживаниями. С другой стороны, в этом несостоявшемся диалоге Кизеветтер выступает как носитель и защитник не только позитивистской традиции, но и общенаучных принципов исследования, ценностно-этических норм профессорской культуры.

Парадоксально, но факт, в ходе дальнейшего развития советской историографии и отечественной науки происходит селективно усеченное, но все же вполне реальное усвоение этих норм научным сообществом. Оставшиеся в стране представители дореволюционной науки, того поколения, к которому принадлежал и Кизеветтер, выполняли важнейшую функцию трансляции конвенциональных норм профессиональной деятельности, позволив тем самым советской исторической науке оставаться наукой. «Этос» науки склонен к экспансии и механизмы саморегуляции науки неизбежно включаются по мере ее развития. В этом плане представляется продуктивным рассмотреть «русский историографический процесс» в единстве эмигрантской и советской версий развития исторической науки, обратив особое внимание на множественность аспектов коммуницирования: моменты взаимовосприятия, взаимооценки, прогноза путей развития историографии, отразившихся в таком оперативном жанре, как рецензия. Безусловно, в перспективе речь должна идти о специфике взаимных культурных трансферов, в рамках которых наблюдалось как сохранение, так и затемнение, и даже забвение не только исторической информации, но и норм профессорской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антоценко А.В.* Г.П. Федотов: в поисках академической карьеры в США // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. ГУ, 2014. С. 201-223.
- Болховитinov Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. 142 с.
- Бернгард Т.В., Корзун В.П.* Историческая библиография как форма трансляции интеллектуальной культуры: меняющиеся функции, дисциплины первой трети XX в. (на материале Сибири) // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 186-205.
- Бушужева Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. 288 с.
- Вандалковская М.Г.* П.Н. Милуков и А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 288 с.
- Вандалковская М.Г.* Вечный россиянин: Александр Александрович Кизеветтер // Историки России XVIII-XX вв. М., 1996. С. 626-657.
- Вандалковская М.Г.* Кизеветтер Александр Александрович // Российское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997. С. 291-293.
- Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.
- Вандалковская М.Г.* Исторические взгляды А.А. Кизеветтера // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005, С. 90-124.
- Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 189.
- Вишняк М.* Памяти Кизеветтера // Современные записки. Париж. 1933. № 51. С. 398-401.

- Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции. Проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010. 218 с.
- Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е годы. М., 2013. 448 с.
- Выскуп В.Г. Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М., 2005. 256 с.
- Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. 380 с.
- Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начало XX в. // Отечественная культура и история науки XVIII–XX в. Брянск, 1996. С. 42–51.
- Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. С. 122-145.
- Думова Н.Г. Кончилось ваше время... М., 1990. 336 с.
- Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1930-е годы). М., 2008. 494 с.
- Захаров О.И. Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева // Мир историка. Вып. 9. 2014(а). С. 38-53.
- Захаров О.И. Стратегия интеграции русских историков-эмигрантов «первой волны» в американское научное общество // Российская история. 2014(б). №. 3. С. 112-126.
- Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. 392 с.
- Иванов А.Е., Кулакова И.П. Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX-XX вв. // Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2013. С. 134.
- Изюмов А.Ф. Страничка воспоминаний // Записки Русского исторического Общества в Праге. Кн. III. Прага Чешская – Нарва, 1937. С. 213.
- История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1996. 174 с.
- Кантор В.К. Русское искусство и «профессорская культура» // Вопросы литературы. 1978. №3.
- Кизеветтер А.А. А.А. Корнилов: Годы странствий Михаила Бакунина. Государственное издательство Ленинград-Москва. 1925 // Современные записки. 1926. №27. С. 583-586.
- Кизеветтер А.А. «Анналы»: журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией наук, под ред. акад. Ф.И. Успенского и проф. Е.В. Тарле. Издательство «Петроград». 1924 // Современные записки. 1924. №21. С. 414-417.
- Кизеветтер А.А. А.Ф. Тютчева: при дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник 1853–1855. М. Издание М. и С. Сабашниковых 1927 // Современные записки. 1929. №38. С. 534-536.
- Кизеветтер А.А. «Века: исторический сборник I / под ред. А.И. Заозерского и М.Д. Приселкова. Петроград. 1924 // Современные записки. 1924. №22. С. 466-469.
- Кизеветтер А.А. Воспоминания // История и историки: историографический вестник. 2011–2012 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2013. С. 327-348.
- Кизеветтер А.А. Восстание декабристов. Материалы. Дела Верховного Уголовного Суда и Следственной Комиссии, касающиеся государственных преступников. Т. I. Под ред. М. Покровского. Центархив. Государственное издательство. 1925 // Современные записки. 1925. №26. С. 488-494.
- Кизеветтер А.А. Восстание декабристов. Материалы. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II, III, IV, VIII // Современные записки. 1927. №33. С. 543-546.
- Кизеветтер А.А. В.П. Семенников: Радищев. Очерки и исследования. М.-Пг. // Современные записки. 1925. №23. С. 488-491.
- Кизеветтер А.А. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. Перевод и вступительная статья И.И. Полосина. Издание М. и С. Сабашниковых. М. 1925 // Современные записки. 1925. №24. С. 445-447.
- Кизеветтер А.А. «Голос минувшего» 1923 г. № 2, март-апрель // Современные записки. 1923. №17. С. 496-499.

- Кизеветтер А.А.* Григорий Писаревский: К истории царства польского при Александре I. По неизданным архивным документам. Смоленск. 1927 // Современные записки. 1928. №36. С. 550-551.
- Кизеветтер А.А.* Декабристы. Неизданные материалы и статьи / Под ред. Б.А. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. М. 1925 // Современные записки. 1925. №26. С. 494-496.
- Кизеветтер А.А.* Дневник графа Ламсдорфа // Современные записки. 1927. №30. С. 571-576.
- Кизеветтер А.А.* Из размышлений о революции». 1930. №42. С. 344-373.
- Кизеветтер А.А.* «Красный архив» за 1927 г. // Современные записки. 1928. №34. С. 504-511.
- Кизеветтер А.А.* Крестьянство и националы в революционном движении 1666–1671 г. Разинщина // Современные записки. 1932. №50. С. 474-476.
- Кизеветтер А.А.* Л. Жемчужников: В крепостной деревне 1852–1855. М. 1928 // Современные записки. 1929. №40. С. 548-551.
- Кизеветтер А.А.* – М.В. Вишняку. 14 июля 1925; 31 июля 1926; 7 ноября 1930; 2 ноября 1932 // Новый журнал. Кн. 172-173.
- Кизеветтер А.А.* – Н.И. Астрову. 15 октября 1922 // Новый журнал. Кн. 172-173.
- Кизеветтер А.А.* М.В. Нечкина. Общество соединенных славян. Москва. 1927 // Современные записки. 1928. №35. С. 547-550.
- Кизеветтер А.А.* М.К. Любавский: Образование основной государственной территории великорусской народности. М. 1930 // Современные записки. 1930. № 44. С. 530-531.
- Кизеветтер А.А.* Научно-историческая литература в современной России. // Современные записки. №15 (2), Париж, 1923 г. С. 388-400.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 / сост., вступ. ст. и коммент. М.Г. Вандалковской. М., 1997. 396 с.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: (Воспоминания, 1881–1914). Прага, 1929. 535 с.
- Кизеветтер А.А.* Общие построения русской истории в современной литературе // Современные записки. 1928. №37. С. 310-341.
- Кизеветтер А.А.* Памяти декабристов. Сборник материалов. Т. I. Академия Наук. 1926 // Современные Записки. 1926. №29. С. 500-503.
- Кизеветтер А.А.* Письма царицы: [Рец. на кн.: Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II: В 2 т. / пер. с англ. В.Д. Набокова. Берлин. 1922. Т. 1.] // Современные записки. 1922. №13. С. 324-334.
- Кизеветтер А.А.* Попов И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Издательство «Колос» Петербург Ч. I. Детство и годы борьбы // Современные записки. 1924. №21. С. 443-445.
- Кизеветтер А.А.* Проф. С.В. Бахрушин: очерки по истории колонизации Сибири в 16 и 17 вв. М. Изд. М.и С. Сабашниковых. 1930 // Современные записки. 1930. №43. С. 514-517.
- Кизеветтер А.А.* Проф. Е.И. Тарасов: Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Самара // Современные записки. 1924. №21. С. 411-414.
- Кизеветтер А.А.* Пугачевщина. Т. I. Из архива Пугачева. Централхив. Госиздат. 1926 // Современные записки. 1926. №29. С. 497-500.
- Кизеветтер А.А.* Пугачевщина. Т. II // Современные записки. 1930. № 41. С. 550-552.
- Кизеветтер А.А.* Пугачевщина. Т. III. Централхив. М.-Л. 1931 // Современные записки. 1932. №49. С. 471.
- Кизеветтер А.А.* Пушкин в мировой литературе: сборник статей. Государственное издательство. 1926. // Современные записки. 1927. №31. С. 456-459.
- Кизеветтер А.А.* Русская историография в оценке советских историков. Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / ред. и предисл. М.Н. Покровского. Том I. Труды Института красной профессуры // Современные записки. Париж. 1931. №46. С. 514-520.
- Кизеветтер А.А.* «Русское прошлое». Исторические сборники. Петроград-Москва. I-III // Современные записки. 1923. №16. С. 425-430.
- Кизеветтер А.А.* Сергей Гессен. Декабристы перед судом истории. Предисл. Б.Л. Модзалевского. Изд-во «Петроград». М.-Л. 1926 // Современные записки. 1926. №28. С. 499-503.

- Кизеветтер А.А.* С.И. Тхоржевский: народные волнения при первых Романовых. Книгоиздательство «Сеятель». Петроград. 1924 // Современные записки. 1924. №19. С. 433-440.
- Кизеветтер А.А.* С.Ф. Платонов «Иван Грозный» Петербург. Изд-во Брокгауз-Эфрона 1923 // Современные записки. Париж. 1924. №18. С. 444-447.
- Кизеветтер А.А.* С.Ф. Платонов: Петр Великий. Личность и деятельность. Издательство «Время» Ленинград. 1926 // Современные записки. 1926. №29. С. 495-497.
- Кизеветтер А.А.* Труды Института Истории: сборник статей памяти Александра Николаевича Савина // Современные записки. 1928. №34. С. 530-535.
- Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.) Саратов, 2012. 408 с.
- Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935годы // Социологический журнал. 2001. №2. С. 145-158.
- Корзун В.П.* Профессорская семья: Отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011. 192 с.
- Корзун В.П., Сидорякина Т.А.* К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. 2009. №1 (27). С. 66-67.
- Метель О.В., Крих С.Б.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М., 2014. 256 с.
- Миллюков П.Н.* Величие и падение Покровского (Эпизод из истории науки в СССР) // Вопросы истории. 1993. №4. С. 114-126.
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки /* Ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2003. 1040 с.
- Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – XX в. Социокультурный аспект. М., 2008. 304 с.
- Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку /* публ. М.И. Раева // Новый журнал. Кн. 172-173. Нью-Йорк, 1988. С. 462-527.
- Репина Л.П.* Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. Вып. 22. С. 5-15.
- Российская интеллигенция на родине и в зарубежье.* Сб. ст. М., 2001.
- Российская научная эмиграция: Двадцать портретов /* под ред. Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. 228 с.
- Российские ученые и инженеры в эмиграции.* Сб. ст. / под ред. В.П. Борисова. М., 1993. 186 с.
- Русские без отчества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х г. М., 2000.* 497 с.
- Свейшников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. 408 с.
- Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX в.: Синтез трех поколений историков. М., 2008.
- Современные записки.* Париж, 1920–1940. Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Т. 1. М.: НЛЮ, 2011. 952 с.
- Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950) М., 2010. 640 с.
- Цепилова В.И.* А.А. Кизеветтер в эмиграции (1922–1933) // Известия Уральского гос. ун-та. № 34. 2005(а). С. 108-114.
- Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005(б). 294 с.
- Шестаков В.П.* Русские в британских университетах. (Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена). СПб., 2009. 304 с.

REFERENCES

- Antoshchenko A.V. G.P. Fedotov: v poiskakh akademicheskoi kar'ery v SShA // Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik. Vyp. 9. Omsk, 2014. S. 201-223.
- Bolkhovitinov N.N. Russkie uchenye-emigranty (G.V. Vernadskii, M.M. Karpovich, M.T. Florinskii) i stanovlenie rusistiki v SShA. M., 2005. 142 s.
- Bergard T.V., Korzun V.P. Istoricheskaya bibliografiya kak forma translyatsii intellektual'noi kul'tury // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 44. S. 186-205.
- Bushueva L.A. Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani. 1863–1917. Kazan, 2012. 288 s.
- Dumova N.G. Konchilos' vashe vremya... M. 1990. 336 s.

- Emel'yanov Yu.N. Istoriya v izgnanii: Istoricheskaya periodika russkoi emigratsii (1920–1930-e gody). M., 2008. 494 s.
- Gordon A.V. Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoj istoriografii. M., 2009. 380 s.
- Gorin D.G. K voprosu o «professorskoj kul'ture» Rossii XIX – nachalo XX v. // Otechestvennaya kul'tura i istoriya nauki XVIII–XX v. Bryansk, 1996. S. 42–51.
- Grishina N.V. Ot «ostavennykh dlya podgotovki k professorskomu zvaniyu» k sovetskim aspirantam: transformatsiya sistemy vosproizvodstva nauchnykh kadrov v 1860–1920-e gg. // Mir istorika. Istorigraficheskii sbornik. Vyp. 9. Omsk, 2014. S. 122–145.
- Ivanov A.E. Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX v. M., 1991. 392 s.
- Ivanov A.E., Kulakova I.P. Ipostasi russkogo professora: sotsial'nye vyskazyvaniya rubezha XIX–XX vv. // Soslovie russkikh professorov: sozdateli statusov i smyslov. M., 2013. S. 134.
- Izumov A.F. Stranichka vospominanii // Zapiski Russkogo istoricheskogo Obshchestva v Prage. Kn. III. Praga Cheshskaya – Narva, 1937. S. 213.
- Istorija rossijskogo zarubezh'ya. Problemy adaptatsii migrantov v XIX–KhKh vv. Sb. st. / pod red. Yu.A. Polyakova. M., 1996. 174 s.
- Kantor V.K. Russkoe iskusstvo i «professorskaya kul'tura» // Voprosy literatury. 1978. №3.
- Kizevetter A.A. A.A. Kornilov: Gody stranstvii Mikhaila Bakunina. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Leningrad-Moskva. 1925 // Sovremennye zapiski. 1926. №27. S. 583–586.
- Kizevetter A.A. «Annaly»: zhurnal vseobshchei istorii, izdavaemyi Rossijskoi Akademiei nauk, pod red. akad. F.I. Uspenskogo i prof. E.V. Tarle. Izdatel'stvo «Petrograd». 1924 // Sovremennye zapiski. 1924. №21. S. 414–417.
- Kizevetter A.A. A.F. Tyutcheva: pri dvore dvukh imperatorov. Vospominaniya. Dnevnik 1853–1855. M. Izd. M. i S. Sabashnikovykh 1927 // Sovremennye zapiski. 1929. №38. S. 534–536.
- Kizevetter A.A. «Veka: istoricheskii sbornik I / pod red. A.I. Zaozerskogo i M.D. Priselkova. Petrograd. Izd-vo «Nauka i shkola» 1924 // Sovremennye zapiski. 1924. №22. S. 466–469.
- Kizevetter A.A. Vospominaniya // Istorija i istoriki: istorigraficheskii vestnik. 2011–2012 / otv. red. A.N. Sakharov. M., 2013. S. 327–348.
- Kizevetter A.A. Vosstanie dekabristov. Materialy. Dela Verkhovnogo Ugolovnogo Suda i Sledstvennoi Komissii, kasayushchiesya gosudarstvennykh prestupnikov. T. I. Pod red. M. Pokrovskogo. Tsentrarkhiv. 1925 // Sovremennye zapiski. 1925. №26. S. 488–494.
- Kizevetter A.A. Vosstanie dekabristov. Materialy. Dela Verkhovnogo ugolovnogo suda i sledstvennoi komissii. T. II, III, IV, VIII // Sovremennye zapiski. 1927. №33. S. 543–546.
- Kizevetter A.A. V.P. Semennikov: Radischev. Ocherki i issledovaniya. M.-Pg. // Sovremennye zapiski. 1925. №23. S. 488–491.
- Kizevetter A.A. Genrikh Shtaden. O Moskve Ivana Groznogo: Zapiski nemtsa-oprichnika. Perevod i vstupitel'naya stat'ya I.I. Polosina. Izdanie M. i S. Sabashnikovykh. M. 1925 // Sovremennye zapiski. 1925. №24. S. 445–447.
- Kizevetter A.A. «Golos minuvshego» 1923 g. № 2, mart-aprel' // Sovremennye zapiski. 1923. №17. S. 496–499.
- Kizevetter A.A. Grigorii Pisarevskii: K istorii kongressovogo tsarstva pol'skogo pri Aleksandre I. Po neizdannym arkhivnym dokumentam. Smolensk. 1927 // Sovremennye zapiski. 1928. №36. S. 550–551.
- Kizevetter A.A. Dekabristy. Neizdannye materialy i stat'i / Pod red. B.A. Modzalevskogo i Yu.G. Oksmana. Trudy Pushkinskogo Doma pri Rossijskoi Akademii Nauk. Izd. Obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl'nopereselentsev. M. 1925 // Sovremennye zapiski. 1925. №26. S. 494–496.
- Kizevetter A.A. Dnevnik grafa Lamsdorfa // Sovremennye zapiski. 1927. №30. S. 571–576.
- Kizevetter A.A. Iz razmyshlenii o revolyutsii». 1930. №42. S. 344–373.
- Kizevetter A.A. «Krasnyi arkhiv» za 1927 g. // Sovremennye zapiski. 1928. №34. S. 504–511.
- Kizevetter A.A. Krest'yanstvo i natsionaly v revolyutsionnom dvizhenii 1666–1671 g. Razinshchina // Sovremennye zapiski. 1932. №50. S. 474–476.
- Kizevetter A.A. L. Zhemchuzhnikov: V krepostnoi derevne 1852–1855. M. 1928 // Sovremennye zapiski. 1929. №40. S. 548–551.

- Kizevetter A.A. – M.V. Vishnyaku. 14 iyulya 1925; 31 iyulya 1926; 7 noyabrya 1930; 2 noyabrya 1932 // *Novyi zhurnal*. Kn. 172-173.
- Kizevetter A.A. M.V. Nechkina. *Obshchestvo soedinennykh slavyan*. Moskva. 1927 // *Sovremennye zapiski*. 1928. №35. S. 547-550.
- Kizevetter A. A. M.K. Lyubavskii: *Obrazovanie osnovnoi gosudarstvennoi territorii velikorusskoi narodnosti*. M. 1930 // *Sovremennye zapiski*. 1930. № 44. S. 530-531.
- Kizevetter A.A. *Nauchno-istoricheskaya literatura v sovremennoi Rossii*. // *Sovremennye zapiski*. №15 (2), Parizh, 1923 g. S. 388-400.
- Kizevetter A.A. – N.I. Astrovu. 15 oktyabrya 1922 // *Novyi zhurnal*. Kn. 172-173.
- Kizevetter A.A. *Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914 / sost., vstup. st. i komment. M.G. Vandalkovskoi. M., 1997. 396 s.*
- Kizevetter A.A. *Na rubezhe dvukh stoletii: (Vospominaniya, 1881–1914)*. Praga, 1929. 535 s.
- Kizevetter A.A. *Obshchie postroeniya russkoi istorii v sovremennoi literature // Sovremennye zapiski*. 1928. №37. S. 310-341.
- Kizevetter A.A. *Pamyati dekabristov. Sbornik materialov. T. I. Akademiya Nauk. 1926 // Sovremennye Zapiski*. 1926. №29. S. 500-503.
- Kizevetter A.A. *Pis'ma tsaritsy: [Rets. na kn.: Pis'ma imperatritsy Aleksandry Fedorovny k imperatoru Nikolayu II: V 2 t. / per. s angl. V.D. Nabokova. Berlin. 1922. T. 1.] // Sovremennye zapiski*. 1922. №13. S. 324-334.
- Kizevetter A.A. *Popov I.I. Minuvshee i perezhitoe. Vospominaniya za 50 let. Izd-vo «Kolos». Peterburg Ch. I. Detstvo i gody bor'by // Sovremennye zapiski*. 1924. №21. S. 443-445.
- Kizevetter A.A. *Prof. S.V. Bakhrushin: ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v 16 i 17 vv. M. Izd. M.i S. Sabashnikovyykh. 1930 // Sovremennye zapiski*. 1930. №43. S. 514-517.
- Kizevetter A.A. *Prof. E.I. Tarasov: Dekabrist Nikolai Ivanovich Turgenev v Aleksandrovskuyu epokhu. Samara // Sovremennye zapiski*. 1924. №21. S. 411-414.
- Kizevetter A.A. *Pugachevshchina. T. I. Iz arkhiva Pugacheva. Tsentrarkhiv. Gosizdat. 1926 // Sovremennye zapiski*. 1926. №29. S. 497-500.
- Kizevetter A.A. *Pugachevshchina. T. II // Sovremennye zapiski*. 1930. № 41. S. 550-552.
- Kizevetter A.A. *Pugachevshchina. T. III. Tsentrarkhiv. M.-L. 1931 // Sovremennye zapiski*. 1932. №49. S. 471.
- Kizevetter A.A. *Pushkin v mirovoi literature: sbornik statei. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1926 // Sovremennye zapiski*. 1927. №31. S. 456-459.
- Kizevetter A.A. *Russkaya istoriografiya v otsenke sovetских istorikov. Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osvshchenii. Sb. st. / red. i predisl. M.N. Pokrovskogo. Tom I. Trudy Instituta krasnoi professury // Sovremennye zapiski*. 1931. №46. S. 514-520.
- Kizevetter A.A. «*Russkoe proshloe*». *Istoricheskie sborniki. Petrograd-Moskva. I-III // Sovremennye zapiski*. 1923. №16. S. 425-430.
- Kizevetter A.A. *Sergei Gessen. Dekabristy pered sudom istorii. Predisl. B.L. Modzalevskogo. Izd-vo «Petrograd». M.-L. 1926 // Sovremennye zapiski*. 1926. №28. S. 499-503.
- Kizevetter A.A. *S.I. Tkhorzhevskii: narodnye volneniya pri pervykh Romanovykh. Knigoizdatel'stvo «Seyatel'». Petrograd. 1924 // Sovremennye zapiski*. 1924. №19. S. 433-440.
- Kizevetter A.A. *S.F. Platonov «Ivan Grozniy» Peterburg. Izd-vo Brokgauz-Efrona. 1923 // Sovremennye zapiski. Parizh. 1924. №18. S. 444-447.*
- Kizevetter A.A. *S.F. Platonov: Petr Velikii. Lichnost' i deyatelnost'. Izd-vo «Vremya» Leningrad. 1926 // Sovremennye zapiski*. 1926. №29. S. 495-497.
- Kizevetter A.A. *Trudy Instituta Istorii: sbornik statei pamyati Aleksandra Nikolaevicha Savina // Sovremennye zapiski*. 1928. №34. S. 530-535.
- Kovalev M.V. *Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.) Saratov, 2012. 408 s.*
- Kozlova L.A. «*Bez zashchity dissertatsii...*»: statusnaya organizatsiya obshchestvennykh nauk v SSSR, 1933–1935gody // *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2001. №2. S. 145-158.
- Korzun V.P. *Professorskaya sem'ya: Otets i syn Lappo-Danilevskie*. SPb., 2011. 192 s.
- Korzun V.P., Sidoryakina T.A. *K probleme transformatsii «professorskoi kul'tury» // Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 2009. №1 (27). S. 66-67.

- Metel' O.V., Krikh S.B. Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoi istoriograficheskoi mysli. M., 2014. 256 s.
- Milyukov P.N. Velichie i padenie Pokrovskogo (Epizod iz istorii nauki v SSSR) // Voprosy istorii. 1993. №4. S. 114-126.
- Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki / pod red. E.I. Kolchinskogo. SPb. 2003. 1040 s.
- Niks N.N. Moskovskaya professura vo vtoroi polovine XIX – KhKh v. Sotsiokul'turnyi aspekt. M., 2008. 304 s.
- Pis'ma A.A. Kizevettera N.I. Astrovu, V.I. Vernadskomu, M.V. Vishnyaku / publ. M.I. Raeva // Novyi zhurnal. Kn. 172-173. N.-Iork, 1988. S. 462-527.
- Repina L.P. Intellektual'naya kul'tura kak marker istoricheskoi epokhi // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 22. S. 5-15.
- Rossiiskaya intelligentsiya na rodine i v zarubezh'e. Sb. st. M., 2001.
- Rossiiskaya nauchnaya emigratsiya: Dvadsat' portretov / red. G.M. Bongard-Levin i V.E. Zakharov. M., 2001. 228 s.
- Rossiiskie uchenye i inzhenery v emigratsii. Sb. st. / pod red V.P. Borisova. M., 1993. 186 s.
- Sidorova L.A. Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny XX v.: Sintez trekh pokolenii istorikov. M., 2008.
- Russkie bez otechestva: Ocherki antibol'shevistskoi emigratsii 20-40-kh g. M., 2000. 497 s.
- Shestakov V.P. Russkie v britanskikh universitetakh. SPb., 2009. 304 s.
- Sovremennye zapiski. Parizh, 1920–1940. Iz arkhiva redaktsii / pod red. O. Korosteleva i M. Shruby. T. 1. M.: NLO, 2011. 952 s.
- Sveshnikov A.V. Peterburgskaya shkola medievistov nachala KhKh veka. Popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshchestva. Omsk, 2010. 408 s.
- Tsepilova V.I. A.A. Kizevetter v emigratsii (1922–1933) // Izvestiya Ural'skogo gos. un-ta. № 34. 2005(a). S. 108-114.
- Tsepilova V.I. Istoricheskaya nauka russkogo zarubezh'ya: problemy istoriografii (1920–2004 gg.). Ekaterinburg, 2005(b). 294 s.
- Ul'yankina T.I. «Dikaya istoricheskaya polosa...» Sud'by rossiiskoi nauchnoi emigratsii v Evrope (1940–1950). M., 2010. 640 s.
- Vandalkovskaya M.G. P.N. Milyukov i A.A. Kizevetter: istoriya i politika. M., 1992. 288 s.
- Vandalkovskaya M.G. Vechnyi rossiyanin: Aleksandr Aleksandrovich Kizevetter // Istoriki Rossii XVIII-XX vv. M., 1996. S. 626-657.
- Vandalkovskaya M.G. Kizevetter Aleksandr Aleksandrovich // Rossiiskoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' KhKh veka. M., 1997. S. 291-293.
- Vandalkovskaya M.G. Istoricheskaya nauka rossiiskoi emigratsii: «evraziiskii soblazn». M., 1997.
- Vandalkovskaya M.G. Istoricheskie vzglyady A.A.Kizevettera // Ocherki istorii otechestvennoi istoricheskoi nauki XX veka / Pod red. V.P. Korzun. Omsk, 2005, S. 90-124.
- Vernadskii V.I. 1911 god v istorii russkoi umstvennoi kul'tury // Vernadskii V.I. Publitsisticheskie stat'i. M.: Nauka, 1995. S. 189.
- Vishnyak M. Pamyati Kizevettera // Sovremennye zapiski. Parizh. 1933. № 51. S. 398- 401.
- Voloshina V.Yu. Uchenyi v emigratsii. Problemy sotsial'noi adaptatsii uchenykh-emigrantov skvoz' prizmu «personal'noi istorii». Omsk, 2010. 218 s.
- Voloshina V.Yu. Vyrvannye iz rodnoi pochvy. Sotsial'naya adaptatsiya rossiiskikh uchenykh-emigrantov v 1920-1930-e gody. M., 2013. 448 s.
- Vyskub V.G. Rossiiskaya obshchestvenno-gosudarstvennaya sistema attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshei kvalifikatsii. M., 2005. 256 s.
- Zakharov O.I. Strategii integratsii russkikh istorikov-emigrantov v amerikanskoe nauchnoe soobshchestvo na primere M.I. Rostovtseva // Mir istorika. Istorigraficheskii sbornik. Vyp. 9. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2014(a). S. 38-53.
- Zakharov O.I. Strategiya integratsii russkikh istorikov-emigrantov «pervoi volny» v amerikanskoe nauchnoe obshchestvo // Rossiiskaya istoriya. 2014(b). №. 3. S. 112-126.

Волошина Валентина Юрьевна, д.и.н., доц., профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; valvoloshina@rambler.ru

Корзун Валентина Павловна, д.и.н., проф., заведующая кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

A.A. Kiesewetter's life of emigrant in the light of "professorial culture"

The authors discuss the transformation of Russian pre-revolutionary "professorial culture" in exile. The article is focused on the emigration period in the life of a well-known Russian historian A.A. Kiesewetter (1866–1933). The authors show a conservative version of this transformation, typical for those emigre professors who counted on returning to Russian after the fall of the Bolsheviks, and, accordingly, desired to preserve and reproduce pre-revolutionary Russian academic tradition.

Keywords: AA Kiesewetter, Soviet historiography, Russian emigres, the scientific community, communicating, "professorial culture"

Valentina Voloshina, Dr.Sc. (History), Professor, Department of contemporary Russian history and historiography, Omsk State University; valvoloshina@rambler.ru

Valentina Korzun Dr.Sc. (History), Professor, Department of contemporary Russian history and historiography, Omsk State University; korzunv@mail.ru

О. Л. ПРОТАСОВА

«ВОЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК» МАРКСИЗМА ЖИЗНЬ И ИДЕЙНЫЕ ВЗГЛЯДЫ Н. В. ВОЛЬСКОГО*

В статье рассматриваются основные этапы жизни известного русского социал-демократа, философа-марксиста и публициста Н.В. Вольского (Валентинова); анализируются его идейные убеждения и принципы, дающие возможность причислить Вольского к представителям российского демократического социализма – течения, отстаивавшего принципы плюрализма, необходимости признания прав демократического меньшинства, использования ненасильственных методов в движении по пути социального прогресса.

Ключевые слова: Н.В. Вольский (Валентинов), В.И. Ленин, марксизм, демократический социализм, демократия, диктатура, большевики, меньшевики

В советской историографии практически отсутствовал жанр политического портрета, исключая избранную когорту «пламенных революционеров», чьи жизнеописания более походили на средневековые «жития». На этом фоне сформировался спрос на развернутые личностно-портретные характеристики политических героев прошлого, во многом удовлетворенный публикациями последних десятилетий. Большинство их – биографические очерки, но со второй половины 1990-х гг. прослеживается тенденция к созданию более масштабных трудов, позволяющих дать научную оценку практической деятельности и идейного наследия российских социалистов. Возросла и степень объективности в науке, уже не скованной никакой «генеральной линией»; стало меньше элементов тенденциозности, в научный оборот была введена масса самых разнообразных источников и т.п.

А.Ю. Суслов, обзревая современную историографию российских социалистических партий, отмечает «общую тенденцию развития отечественной историографии меньшевиков, которая, преодолевая стереотипы идеализации отдельных фигур, приближается к созданию полноценной научной истории российских социалистических партий»¹. Тем досаднее, что на периферии, если не сказать, вне научного внимания историков до сих пор остается такая замечательная во многих отношениях фигура, как экономист, философ, публицист, мемуарист Николай Владиславович Вольский (1879–1964).

Не беремся объяснить этот парадокс. Возможно, дело в недостаточно четкой партийной самоидентификации Вольского: будучи сначала

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00157а.

¹ Суслов 2013. С. 339-340.

ла большевиком, а затем перейдя к меньшевикам, он, как истый философ, противился всякой идейной одномерности и догматизму, являясь, по сути дела, социал-демократом вообще, поборником умеренного, разумного, эволюционного социализма. Лучше всего ему подходит определение «демократический социалист». Этот термин с недавнего времени прочно вошел в научный и политический обиход. Его автором считается теоретик австрийской межвоенной социал-демократии Отто Бауэр, впервые применивший его в 1919 г.² Данное понятие указывает не только на идеологическую ориентацию человека, но и на его отношение к жизненно-ценностным установкам, методам деятельности, в т.ч. в политической практике³. Деятели демократического социализма включали в понятие демократии концепции плюрализма с признанием прав демократического меньшинства, в своей тактике отдавая предпочтение ненасильственным методам движения по пути социального прогресса. Для правого крыла русских марксистов, в отличие от большевиков – поборников целесообразности, нравственные принципы были неотделимы от политики так же, как и от повседневной жизни.

Н.В. Вольский, со временем избавившись от юношеского радикализма, стал целиком и полностью разделять эти идеи. Состоя в партийных группировках, он не принадлежал к числу их лидеров и функционеров; скорее он выступал как независимый интерпретатор марксизма, сохраняя и оберегая свою внутреннюю свободу. Вольский оценивал марксистскую идеологию в соответствии со своими представлениями о разумности тех или иных ее постулатов и проводил научное сравнение (опять же, скорее, как мыслитель, а не как политик!) с близкими, пограничными, на его взгляд, философскими течениями.

Уже в очень зрелом возрасте, находясь в эмиграции, Валентинов написал ряд интереснейших мемуаров, свидетельствующих о его активном участии в общественной жизни, наблюдательности, мастерстве психологического портретиста, оригинальном взгляде на процессы, явления, людей. При этом он как бы переключал внимание исследователей с собственной персоны на своих героев. В умении сделать это, наверное, и заключается «высший пилотаж» мемуариста. Так политический деятель «второго плана» стал важнейшим свидетелем эпохи, своеобразным «медиумом» между современной наукой и прошлым в его событийном и личностном измерениях.

Николай Владиславович Вольский (другие псевдонимы – Самсонов, Е. Юрьевский) родился 7 (19) мая 1879 г. в г. Моршанске Тамбовской губернии в семье уездного предводителя дворянства, в 1896 г. закончил местное реальное училище, затем продолжил образование

---

² Кукушкина 2014.

³ Протасова 2015(б). С. 42.

в Санкт-Петербурге. 1890-е гг., как известно, отмечены острой борьбой между народничеством и революционным марксизмом. Вместе со значительной частью тогдашней молодежи Вольский примкнул к последнему течению. Вот как сам он объяснял свой выбор: «Мы обеими руками хватили марксизм потому, что нас увлекал его социологический и экономический оптимизм, эта фактами и цифрами свидетельствуемая крепчайшая уверенность, что развивающаяся экономика, развивающийся капитализм (отсюда и внимание к нему), разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повялят самодержавный строй со всеми его гадостями...». Молодой марксист настаивал, что «уже в конце 90-х годов он не встречал никого, кто разделял бы народнический взгляд о возможности перехода от самодержавного строя к “высшему этапу” – строительству социализма, минуя “средний этап” – буржуазно-капиталистическое общество»⁴. Европеизм – еще одно качество марксистского социализма, привлекавшее в ряды марксистов юных и энергичных людей, склонных романтизировать, «сентиментально раскрашивать» преимущества буржуазного строя (парламент, партии, собрания, свобода печати и т.д.), которых не было в России и которые они, марксисты, намеревались со временем на родине дополнить социальным равенством и справедливостью.

Студентом Петербургского технологического института Вольский вошел в марксистский кружок, за что из института был исключен и выслан под гласный надзор полиции в Уфу, где прожил до 1900 г., работая в железнодорожных мастерских. Затем он поступил в Киевский политехнический институт (Высшую техническую школу), и его революционная деятельность стала еще более осмысленной и активной. Страстный, волевой, физически очень сильный, он слыл хорошим оратором и человеком, которому можно доверить самое рискованное задание, что в революционном подполье очень ценилось. В 1901 г. он был арестован за участие в политической демонстрации и провел полгода в Бутырской тюрьме в Москве, по освобождении вернулся в Киев и в 1902–1903 гг. работал репортером «Киевской газеты». При расколе РСДРП (1903) молодой социалист примкнул к большевикам. В том же году вновь последовал арест, и после 12-дневной голодовки, основательно подорвавшей его здоровье, в самый канун 1904 г. Вольский был выпущен из тюрьмы, после чего эмигрировал. Тайно перейдя границу, он добрался до Женевы, где был представлен Ленину и, будучи тогда «стопроцентным ленинцем» и «активнейшим большевиком», стал его постоянным собеседником (по определению самого Вольского, «лейтенантом»). Кстати, псевдоним «Самсонов» (под этой фамилией Воль-

---

⁴ Валентинов 1993. С. 40.

ский жил за границей) придумал Ленин: библейский Самсон утратил свою силу вместе с волосами, а Вольский – вследствие голодовки. Симпатией Ленина, впрочем, молодой марксист пользовался лишь несколько месяцев, затем обнажились различия в оттенках взглядов, несходство характеров и – что послужило мотивом разрыва – отношение к философии, которую Вольский глубоко изучал и искренне любил, а Ленин использовал отдельные философские постулаты как полезный инструмент. Попытки Вольского дополнить марксизм идеями эмпириомониста Э. Маха и эмпириокритика Р. Авенариуса вызвали ярые нападки Ленина, вплоть до обвинений в ревизионизме и обскурантизме. Эти обвинения были характерны для Ленина.

Вождь большевиков, по словам Вольского, «с размаху лепил позорную печать», «наклеивал бубновые тузы» на тех, кто был в чем-либо с ним не согласен: «Ленин умел гипнотизировать свое окружение, бросая в него разные словечки; он бил ими, словно обухом по голове, своих товарищей, чтобы заставить их шарахаться в сторону от той или иной мысли. Вместо долгих объяснений одно только словечко должно было вызывать, как в экспериментах профессора Павлова, условный рефлекс»⁵. В 1903–1904 гг. такими «бубновыми тузами» были лидеры т.н. «экономизма» А.С. Мартынов (Пиккер) и В.П. Акимов (Махновец). Сравнения с ними в глазах ленинцев считались позором, ибо вождь большевиков бичевал их за «политический кретинизм, теоретическую отсталость и организационный хвостизм»⁶ (якобы Акимов и его сторонники не *направляли* рабочее движение, а *следовали* за ним, «плелись в хвосте») ⁷. Акимов отрицал всю ленинскую концепцию партии как организации профессиональных революционеров, считая, что она проникнута вредным, антидемократическим, деспотическим духом, и заявил об этом одним из первых. Вольский, в 1919–1921 гг. хорошо узнавший Акимова, отмечал его обширные знания, кристальную честность и то, что тот был «до мозга костей демократ»⁸ – высшая похвала в устах человека, когда-то являвшегося ленинцем. Надо сказать, что еще в период «благоволения» Ленина к Вольскому, последнего, несмотря на искреннее желание быть большевиком, смущали некоторые ленинские постулаты, а, главное, нетерпимость будущего основателя первого в мире социалистического государства не столько к явному инакомыслию (это-то понятно), но и – особенно! – к его же собственным партийным товарищам, осмелившимся высказать нечто отличное от авторитетного мнения вождя. Многих, как, например, народника

---

⁵ Там же. С. 123.

⁶ Там же. С. 121.

⁷ Акимов 2012. С. 167.

⁸ Валентинов 1993. С. 122.

В.В. Водовозова, поделившегося впечатлениями о знакомстве с совсем еще юным, лишь начинавшим свою политическую карьеру В. Ульяновым, неприятно поражали некоторые черты будущего лидера большевиков. Возмущала «невыносимая полемическая грубость Ульянова, его безграничная самоуверенность, его самомнение, разжигаемое тем, что уже тогда в семье его считали “гением”, а окружающие его единомышленники марксисты видели в нем “непрекаемый авторитет”»⁹. Отталкивало и допущение будущим Лениным всяких средств, лишь бы они шли к цели¹⁰. По мнению современного историка А.В. Шубина, «явление марксизма в России проходило в такой форме, что обмен идеями то и дело перерастал в склоку, да и само наследие Маркса не столько углублялось, сколько примитивизировалось для более удобного потребления рабочими и студенческой молодежью»¹¹. Не последнюю роль в этом идейном упрощении, как и скандальности форм ведения политической дискуссии, сыграл В.И. Ленин.

Ленин всегда настаивал на необходимости демократического централизма в построении и деятельности революционной партии, делая при этом акцент на централизм. Он считал: если нет централизма, всё летит кувырком в революционной социалистической партии, поэтому ни один ортодоксальный марксист не может стоять за федеративный принцип. Он «вдолбил в голову всем большевикам полное отрицание федеративного принципа и абсолютное железное признание принципа централизма»¹², и нигде идолократия централизма не приняла такого чудовищного выражения, как у эпигонов Ленина в эпоху сталинизма. С большой горечью уже после Второй мировой войны Валентинов писал: «Главнейшая часть СССР называется РСФСР... Слово федерация здесь каким-то чудом допущено, но за этой мнимой федерацией стоит маниакальный, чудовищный, деспотический централизм Кремля, всюду проникающий, всё связывающий. Из централизма Ленина выросло *Etat concentrationnaire* – Государство концентрационных лагерей!»¹³.

Отдаляясь от Ленина, Вольский оставался вдумчивым наблюдателем и исследователем его жизни. Исключительно информативны его труды «Ранние годы Ленина», «Малознакомый Ленин», «Встречи с Лениным», написанные уже гораздо позже, во второй эмиграции. Они дают разностороннюю личностную характеристику основателя советского государства со всеми его сильными и слабыми сторонами, открывшимися наблюдателю умному и тонкому. «По счастливой случайности, – писал автор вступительной статьи к парижскому изданию книги «Мало-

---

⁹ Там же. С. 372.

¹⁰ Там же.

¹¹ Шубин С. 498.

¹² Валентинов 1993. С. 120-121.

¹³ Там же. С. 121.

знакомый Ленин», французский коммунист Борис Суварин, – на Западе оказался бывший большевик, честный и очень осведомленный, к счастью, свободный от влияния хозяина и групповой схоластики, свидетель беспристрастный и бесстрашный, пронизывающий наблюдатель, с независимым характером, восстающий против всякой ортодоксии, подчиняющийся только велениям своей совести, человек, исключительно способный внести неоценимый вклад в подлинную биографию Ленина»¹⁴.

Вольский отошел от Ленина и от большевиков в 1904 г. потому, что не мог принять их идейной нетерпимости и моральной неразборчивости. В этом сказалась одна из характерных его черт: духовная свобода и обусловленная ею недопустимость порабощения себя какой бы то ни было партийной «линией», если та расходится с объективной правдой в понимании самого Вольского. «Мы находили, – вспоминал он, – что служение революции, «общественному благу» не должно чувствоваться долгом, должно быть чувство свободного “я того хочу”»¹⁵. Вместе с тем, Вольский проникся человеческой симпатией к лидеру меньшевиков Ю. Мартову, всегда готовому терпеливо и терпимо выслушать даже малознакомого человека, не клеймя пресловутыми «бубновыми тузами» за любое несовпадение взглядов.

Вернувшись в том же 1904 г. в Россию и взяв псевдоним «Валентинов» (он жил под чужим паспортом), Николай Владиславович примкнул к меньшевистской фракции, но, по его собственному признанию, меньшевиком был «плохим». Он пытался критически пересмотреть некоторые из основных положений марксизма, отвергая ленинские обвинения в ревизионизме. Однако когда, после долгого сопротивления этим обвинениям, в результате упорных размышлений о своих философских предпочтениях Вольский, наконец, сам признал себя ревизионистом, ему сразу стало морально легче, словно он «вынул занозу из мозга»¹⁶. В 1905 г. он возобновил журналистскую деятельность, став соредктором первой в России легальной социал-демократической «Псковской газеты». В межреволюционные годы Валентинов занимался, главным образом, публицистикой, часто печатался в периодических изданиях, включая такие влиятельные газеты, как «Киевская мысль» (1908–1911) и «Русское слово», где он был фактическим редактором (1911–1913). В 1908 г. он опубликовал книги «Философские построения марксизма» и «Э. Мах и марксизм»¹⁷. Отталкиваясь от посыла, что марксизм существует лишь в виде «элементов», «научного материала», из которого должна быть построена «новая история социализма», и находя, что у К. Маркса и Ф. Энгельса философия намечена лишь «об-

---

¹⁴ URL: <http://www.litmir.me/br/?b=186087>.

¹⁵ Валентинов 1993. С. 46.

¹⁶ Там же. С. 173.

¹⁷ Валентинов 1908(а) и 1908(б).

щими штрихами», Валентинов полагал, что «новая философия марксизма» может быть построена путем соединения принципов марксистского учения с «ценными сторонами» «критического реализма» Р. Авенариуса и Э. Маха. По вопросу о соотношении марксизма и махизма он даже обменялся письмами с Махом, но последний уклонился от подтверждения связи между эмпириокритицизмом и марксизмом¹⁸.

В сфере политики, подытожив опыт Первой русской революции, Валентинов в 1907 г. встал на позиции меньшевиков-«ликвидаторов», соглашаясь с их основными тезисами (реформа П.А. Столыпина в целом в состоянии приблизить общество к разрешению аграрного вопроса, устранив в деревне почву для борьбы против помещиков, Государственная дума может обеспечить мирное реформирование монархического режима и, таким образом, снимает необходимость новой буржуазно-демократической революции, которой в ближайшем будущем меньшевики и не ждали). В связи с возросшей ролью парламента в новых общественно-политических условиях главное внимание «ликвидаторы» уделяли выборам в Государственную думу. Они требовали легализации социал-демократической партии, доказывая необходимость реформирования общества силами открытых, законных организаций и легальной прессы и считая актуальной задачей свернуть нелегальные формы работы и ликвидировать нелегальные комитеты, в т.ч. Русский ЦК РСДРП. Валентинов ратовал за то, чтобы «скорее выбраться из подполья, идти во все легально организуемые профессиональные союзы, участвовать и развивать все виды кооперации, работать в разных просветительных учреждениях, в отделах городских управлений и земств, укрепляться всюду, быть полезным, говоря «свое слово»¹⁹. Отношение Ленина к «ликвидаторам» было уничтожающе непримиримым (в сохранении подполья он видел важнейшее условие самого существования и сохранения заговорщического характера партии). Вождь большевиков, называя меньшевиков-легалистов «столыпинской рабочей партией», писал: «Ликвидаторы — это мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду»²⁰. По мнению же Валентинова, человек, чтобы сохранить свой «антибуржуазный и социалистический дух», вовсе не обязательно должен быть нелегалом; в качестве доказательства он приводил в пример основоположника марксизма, бизнесмена Ф. Энгельса, являвшегося крупным пайщиком большого текстильного предприятия в Англии²¹.

Валентинов и в молодости, и на закате жизни много размышлял о человеке-социалисте, его морально-психологическом облике, органи-

---

¹⁸ URL: <http://www.termo.ru/dictionary/879/word/valentinov-n>.

¹⁹ Валентинов 2000. С. 146.

²⁰ Ленин. ПСС. Т. 23. С. 80. URL: <http://bse.sci-lib.com/article070244.html>.

²¹ Валентинов 2000. С. 147.

зации его души. Марксист был убежден, что, помимо борьбы за правду, справедливость, защиты интересов угнетенных, социалист должен стремиться к изменению отношения людей друг к другу. Впрочем, юношеские мечты о том, что с исчезновением классов, уравниванием условий жизни людей при социализме «из конкурирующих особей они превратятся в товарищески-дружную семью... вместе с ростом утонченности их психической жизни»²², со временем уступили место реальному взгляду на мир и общество с их пестротой и проблемами, о многих из которых молодежь не могла подозревать.

Иллюстрацией к пересмотру взглядов с приобретением жизненного опыта может послужить следующий факт. В межреволюционный период Валентинов как философ-марксист выступал с резкой критикой индивидуализма. По его словам, это была «законная реакция на выпиравшую после революции, особенно в литературе, идею личности с безобразными наслоениями на нее эгоизма, мистицизма, анархизма и всякой разнузданности» (эстетику «Серебряного века» Валентинов, как и многие социалисты-реалисты, ставил невысоко). Поэтому он старался доказать необходимость приоритета категории «мы» над «я». По прошествии многих лет, получив возможность понаблюдать и ощутить коллективизм советского общества, в стране, «где диктатура десятилетиями убивала все проблески личности, стремясь заменить ее безличной, покорной человечинной», Валентинов нашел, что в подобном случае «рост индивидуализма, выпрямление рабски согнутой личности – явление необходимое и желательное»²³.

Показательно, что период с 1907 по 1914 г., который многие социалисты (в т.ч. и демократические!) называли «безвременьем» и «реакцией», публицист Валентинов находил «крайне интересным в российской истории». Положительная оценка межреволюционного десятилетия подтверждает идейную самобытность Валентинова, не зависевшего в своих суждениях от тех, с кем он был духовно близок и, в принципе, разделял их политические взгляды. Его практический ум не мог не отметить «замечательного роста индустрии», громадных масштабов жилищного строительства в городах, «развития всех видов кооперации, в особенности деревенской»²⁴. Посетив в эти годы множество русских городов, Валентинов всюду видел «оживление, подъем... рост культурных потребностей, в народных массах жажду образования»²⁵. По его словам, в 1912 г., при «бездарном правительстве» и бездействовавшей IV Государственной Думе, «хныканьи не видевшей никакого просвета части интеллигенции», выросал новый быт, проявлялись новые

---

²² Там же. С. 148.

²³ Там же. С. 22.

²⁴ Там же. С. 373.

²⁵ Там же. С. 374.

типы рабочего, крестьянина, интеллигента. При этом не на «поверхности», а «в самых глубоких... недрах... появились и укреплялись элементы европеизма». В поездках по России он всюду наблюдал борьбу старого и нового, двух экономических и культурных формаций, двух «душ» – многовековой, восточной, византийско-татарской, и другой, «экономически, культурно, психологически, бытом своим и всем прочим отходившей от Востока к Западу»²⁶.

Отношение Валентинова к европеизму претерпело эволюцию как с накоплением жизненного опыта, так и под влиянием политических изменений. В 1907–1908 гг. он видел основную задачу России в ориентации на Европу, под которой понимал не только смену политических форм и учреждений, но и «отказ от самобытности, переделку наших Обломовых, Каратаевых, Рудиных, создание нового культурного человека, изменение психологии, форм и ритма жизни, самочувствия, быта, навыков всякой работы, отношений людей»²⁷. Перед Первой мировой войной русский марксист был уверен, что Россия на этот путь вступила; последующие десятилетия, особенно период тоталитаризма и «железного занавеса», это убеждение опровергли.

В 1914–1916 гг. Вольский-Валентинов работал над книгой «Россия и русская культура», судьба которой оказалась трагичной, вполне в духе того времени: рукопись была в 1918 г. сожжена в печи в качестве топлива неграмотной женщиной – хозяйкой квартиры²⁸. В 1917 г. философ-марксист издал книги «Пути решения аграрного вопроса», «Революция и аграрная программа социалистов-революционеров»²⁹. Летом того же года он официально вышел из РСДРП из-за несогласия с руководством меньшевиков в оценке общественно-политической ситуации в стране – с конца 1916 г. он выступал за сепаратный мир, установление твердой власти и тем самым «сеял недоверие к революции»³⁰.

Если политику Ленина в 1905–1907 гг. Валентинов считал «вреднейшей», то захват власти в 1917 г. – «актом преступным». Большевистский переворот, полагал он, стал возможен «только потому, что Временное правительство Керенского было абсолютно неспособно ни оказать Ленину физическое сопротивление, ни провести те смелые мероприятия (сепаратный мир, передачу земли крестьянам и т.д.), которые... предохранили бы страну от Октябрьской революции»³¹.

В первые послереволюционные годы (1917–1919) Валентинов, внимательно наблюдая за Лениным и его государственной деятельно-

---

²⁶ Там же. С. 368-369.

²⁷ Там же. С. 23.

²⁸ Валентинов 1991. С. 4-5.

²⁹ <https://slovari.yandex.ru>

³⁰ См.: Валентинов 1993. С. 7.

³¹ Валентинов 1991. С. 70.

стью, не находил в ней ничего созидательного, считал бессмысленным «почти все, что тогда делалось»³². Он сознавал, что не может ужиться с новым строем и, избегая всякого сотрудничества с властью, жил тем, что продавал книги из своей богатой библиотеки. Отношение его к Ленину и историческим перспективам страны стало постепенно меняться с 1921 г., с началом новой экономической политики. Он «с радостью видел, как постепенно снимаются со страны удушающие ее обручи военного коммунизма». На взгляд Валентинова, Ленин был уже не тот, что бросал массам лозунг «Грабь награбленное!», звал «на всех парах нестись к социализму» и «поголовно всем по очереди управлять государством»³³. Видя, что НЭП встречает ожесточенное сопротивление в партии и вождь большевиков мужественно и энергично, даже грозя отставкой, это сопротивление преодолевает, Валентинов, почувствовав к Ленину отголоски былой симпатии, «стал искренне жалеть его». «В 1921 году Ленин уже не безответственный подпольщик-демагог, а человек, переживший четырехлетний грандиозный опыт социально-экономического строительства, проверивший в нем социалистические схемы, освободившийся от множества иллюзий и, с высоты правителя-диктатора России, познавший и увидевший то, чего прежде не знал, чего совсем не понимал...», – отмечал Валентинов³⁴.

В самом начале 1920-х гг. у многих представителей российской социалистической интеллигенции (меньшевиков, эсеров, народных социалистов) возникла потребность работать для нового государства, содействовать скорейшему восстановлению хозяйства и нормальной жизни. Непривычная для них, деятельных и образованных людей, роль созерцателей перестала их удовлетворять, тем более что для планомерной, конструктивной работы в области государственного строительства, развития экономики, социальной сферы у большевиков катастрофически не хватало собственных кадров. К тому же сам факт существования новой власти перестал быть одиозным: с окончанием гражданской войны, военного коммунизма и переходом к нэпу советская власть не только устояла, но и окрепла, и никакой реальной альтернативы ей не предвиделось. У демократической интеллигенции возникли надежды на «возможную здоровую эволюцию Советской власти» и отход от постоянного грубого провозглашения «диктатуры партии»³⁵.

Валентинов строит предположение, что именно послужило одним из поводов к изменению отношения вождя большевиков к «спецам». Ленин однажды в свойственной ему грубой форме заявил, что простейшее средство привлечь специалистов на сторону коммунистиче-

---

³² Там же. С. 71.

³³ Там же. С. 28-29.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 57.

ской власти и заставить их хорошо работать – «купить их за деньги», как это «всегда делали капиталисты»³⁶. Один из специалистов, профессор Воронежского сельскохозяйственного института М.П. Дукельский, написал Ленину по этому поводу возмущенное письмо, где, в частности, говорилось, что для использования специалистов нужно научиться уважать их как людей, а не покупать их, не смотреть на них как на «нужный до поры до времени живой и мертвый инвентарь». Специалист работает не ради животного благополучия; он «не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества, ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его не оплачивали. Все даст доброволец, работающий и творящий среди окружающих его товарищей-сотрудников в качестве знающего руководителя, а не поднадзорного, охраняемого комиссаром из коммунистов урожая 1919 года»³⁷. Как ни странно, Ленин эту критику воспринял вполне благодушно, он вызывал Дукельского в Москву для конструктивного разговора и даже поблагодарил за указание на политическую и психологическую ошибку большевиков в вопросе о специалистах. Советская власть от такой помощи социалистической интеллигенции только выиграла. При всем неприятии Лениным меньшевиков, которых он «отбрасывал и преследовал как политических деятелей», он ценил их в качестве «спецов». В этом случае они «подлежали тому особому благожелательному уходу, которое к специалистам вообще проявлял Ленин три последних года своей жизни»³⁸.

Резолюция с призывом «беречь спецов» была написана Лениным и принята по его настоянию XI партийным съездом. «Если, – писал он, – все наши руководящие учреждения, т.е. компартия и Соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли каждого спеца, работающего добросовестно, со знанием дела и любовью к нему, то ни о каких успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи»³⁹. Эти ленинская позиция еще больше стимулировала небольшевицкую интеллигенцию, которая уже была готова идти на контакт с советской властью и не за страх, а за совесть работать для нее и вместе с ней. По впечатлениям остававшихся к тому времени в советской России социалистов-небольшевиков, к каковым принадлежал и Валентинов, в начале 1920-х гг. в стране стали появляться «ростки возрождающейся жизни»⁴⁰, и народ «начал вылезать из ямы, в которую он свалился»⁴¹. Обладая большими знаниями и опытом в разных обла-

---

³⁶ Там же. С. 58.

³⁷ URL: <http://www.famhist.ru/famhist/lisenko/00155b67.htm#0000641b.htm>

³⁸ Валентинов 1991. С. 59.

³⁹ Цит. по: Валентинов 1991. С. 57.

⁴⁰ Пешехонов 1923. С. 27.

⁴¹ Там же. С. 25.

стях, в т.ч. в экономике, и недюжинной энергией, Валентинов в 1922 г. поступил на работу в ВСНХ, фактически редактируя его печатный орган – «Торгово-Промышленную газету», и делая это с энтузиазмом.

В декабре 1922 г. в Москве сложился неформальный кружок из девяти интеллигентов-хозяйственников, в основном меньшевиков. Помимо самого Валентинова, в эту группу вошли В.Г. Громан, П.Н. Мясникович, Л.Б. Кафенгауз⁴² и др. В шутку названный его участниками «Лигой объективных наблюдателей» (что вполне конкретно обозначает его деятельный статус), кружок не шел дальше интеллектуальной оппозиции режиму. На встречах «Лиги» в основном происходил обмен информацией, анализ личных впечатлений от общения с большевистскими сановниками. Программным документом (если это применимо к заявлению камерного кружка единомышленников) стал меморандум «Судьба основных идей Октябрьской революции», в котором все «наблюдатели» признавали, что «жизнь разбила и отказалась принять»⁴³ базовые установки Октября. Потерпели, в частности, крушение ленинские ожидания казавшейся неизбежной мировой социалистической революции, идеи управления государством «поголовно всем населением», замены торговли планомерным распределением продуктов...

Незадолго до своей смерти Ленин, по мнению Валентинова, явно хотел внести элемент демократичности в созданную им диктаторскую (и предназначенную оставаться таковой) партию. Указывая на личные недостатки членов Политбюро ЦК РКП(б) из «старой гвардии», вождь дал им понять, что настоящими заместителями его они быть не могут. Руководящей силой должен быть коллектив численно расширенных ЦК и ЦКК. Против такой потери власти восстали члены Политбюро⁴⁴.

С введением новой экономической политики в ВСНХ начался процесс реорганизации, который, по мнению Вольского, мог бы проходить «менее хаотично, более разумно», если бы в ВСНХ была какая-то «авторитетная, дирижирующая фигура ...хозяин, способный в нужные моменты твердо говорить “да” или “нет”»⁴⁵, но такового не было. В оценке деятельности руководителей ВСНХ Валентинов был весьма критичен. А.И. Рыков (кстати, Вольский находился с ним в прекрасных отношениях, практически считая его своим другом), показавший управленческие способности при «военном коммунизме», в период болезни Ленина вновь был назначен руководить ВСНХ, но не имел на это времени, так как параллельно председательствовал в Совнарком. Его помощники П.А. Богданов и Г.Л. Пятаков должны были возмещать фактическое отсутствие руководителя. По словам Валентинова, оба

---

⁴² Валентинов 1991. С. 363.

⁴³ Там же. С. 33.

⁴⁴ Валентинов. Наследники Ленина...

⁴⁵ Валентинов 1991. С. 157.

мало подходили для выполнения столь ответственных функций. Богданов как коммунист был недостаточно авторитетен: его партийное прошлое было малозаметным; к тому же по натуре он был слишком мягок, слабхарактерен и подбирал себе, как нарочно, пьющих коллег. Полную противоположность Богданову представлял собой Пятаков, который «с юности был так радикален, что до 1910 г. даже в большевиках видел простую разновидность реформистской социал-демократии»⁴⁶. Крайности были свойственны его натуре, но он был человек, безусловно, незаурядный: волевой, с замечательными организаторскими способностями. По оценке Ленина (с чем был вполне согласен Вольский), Пятаков слишком «увлекался администраторством... чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе»⁴⁷. Реальный образ Пятакова, воссоздаваемый по сохранившимся источникам, можно оттенить следующим красноречивым фактом: 11 августа 1936 г. в беседе по делу Каменева и Зиновьева с Н.И. Ежовым, Пятаков говорил, что «назначение обвинителем рассматривал как крупнейшее доверие ЦК и шел на это от души», и «просил предоставить ему любую форму реабилитации, в частности, со своей стороны вносил предложение разрешить ему лично расстрелять всех приговоренных к расстрелу на процессе, в том числе и свою бывшую жену». Его письмо Валентиннову кажется откровенно патологическим: «Большевизм есть партия, несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым... Ради чести и счастья быть в ее рядах мы должны действительно пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим... Мы – партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным: проникаясь мыслью о насилии, мы направляем его на самих себя, а если партия этого требует, если для нее нужно и важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из головы идеи, с которыми носились годами... Подавляя свои убеждения, выбрасывая их, нужно в кратчайший срок перестроиться так, чтобы внутренне, всем мозгом, всем существом быть согласным с тем или иным решением, постановлением партии... Для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней»⁴⁸. Такой фанатизм – если он был искренним, а не наигранным, – вполне мог внушить сомнение в душевном здоровье человека.

Сравнивая деятельность разных руководителей ВСНХ, Валентиннов (и не только он) наиболее высоко оценивал работу Ф.Э. Дзержинского, который при слабом здоровье «не щадил себя» и не хотел (это явилось полной неожиданностью для многих), чтобы его имя ассоциировалось только с ОГПУ. Валентиннов называл Дзержинского «самым правым коммунистом» и был убежден, что в годы сталинских репрес-

---

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Валентиннов Н. Пятаков и большевизм...

сий тот попал бы под их «каток» одним из первых. При Дзержинском на наиболее ответственных постах ВСНХ находились пять бывших меньшевиков: сам Валентинов, А.М. Гинзбург, А.Б. Штерн, А.Л. Соколовский, Л.Б. Кафенгауз⁴⁹. На упреки по поводу «меньшевицкого засилья» в ВСНХ Дзержинский отвечал: «Пожелаю, чтобы и в других наркоматах было такое же засилье... Мы бы очень многое потеряли бы, если бы у нас их не было... Если бы они продолжали быть меньшевиками, их непременно тянуло бы к оппозиции... Они в высшей степени лояльны и разделяют политику правительства... Кроме того, именно потому, что прошли марксистскую школу, они ближе к нам, чем беспартийные спецы-производственники, из которых многие прежде придерживались весьма правых убеждений»⁵⁰.

В 1926 г. с приходом после смерти Дзержинского на его место В.В. Куйбышева вся обстановка в ВСНХ изменилась, как констатировал Валентинов, в худшую сторону. Куйбышев имел установку от Сталина «ударить по интеллигенции, слишком уж поднявшей голову, почувствовавшей свою силу и значение в хозяйстве»⁵¹, так что ни о каких поощрениях «спецов» речи уже идти не могло.

Валентинов оказался, по-видимому, единственным из «наблюдателей», кто благополучно пережил годы сталинских «чисток». Это произошло не без помощи случая. В 1928 г. он был командирован в Париж в качестве редактора журнала советского торгпредства «Экономическая жизнь Советов» (на французском языке). В 1930 г. он перешел на положение эмигранта – именно в это время в СССР шли аресты экс-меньшевиков и готовился открытый процесс по инспирированному ОГПУ делу «Союзного бюро меньшевиков». Подсудимыми на этом процессе были главным образом специалисты-хозяйственники из Госплана, Государственного банка, Комиссариата внутренней торговли, Центросоюза; были среди них и коллеги Валентинова по работе в ВСНХ, которых, в частности, очень ценил Дзержинский: А.М. Гинзбург, А.Л. Соколовский и др. Все они были объявлены «гнусными вредителями, продажными пособниками капиталистической иностранной интервенции». Валентинов был потрясен поведением обвиняемых, которые «ревностно и даже с пылом подтверждали все, что от них требовал прокурор»⁵². Нет сомнений, что, не оказись Валентинов вовремя за границей, он бы очутился на той же скамье подсудимых.

В эмиграции Валентинов жил в Париже и вплоть до своей смерти в 1964 г. работал на литературной ниве, публикуя статьи в эмигрантской прессе: «Современные записки», «Новая Россия», «Последние

---

⁴⁹ Валентинов 1991. С. 205.

⁵⁰ Там же. С. 211-212.

⁵¹ Там же. С. 212.

⁵² Там же. С. 214.

новости», «На рубеже», «Социалистический вестник», «Новое русское слово» и др. Не утратил он и интереса к философии. За границей Валентинов (взяв с 1931 г. псевдоним Е. Юрьевский, чтобы его родственники не пострадали от преследований сталинского режима⁵³) постепенно сблизился с когортой русской социалистической эмиграции, активно развивавшей и пропагандировавшей идеи демократического социализма. Главным образом, это были эсеры – партия самая многочисленная в предреволюционной России, она и в эмиграции среди социалистических партий была представлена наиболее широко; к ним примыкали меньшевики и народные социалисты. С течением времени отдалившиеся от советской России с ее реалиями и отошедшие от идейных резкостей молодости, социалисты-эмигранты, прошедшие политическую инкультурацию в западной среде, образовали единый фронт русского демократического социализма, деятельность которого была возможна, разумеется, только вне СССР. В начале 1952 г. Н.В. Вольский (под псевдонимом Е. Юрьевский) в числе 14 самых «долговечных» и верных последователей идей демократического социализма, с М.В. Вишняком, В.М. Зензиновым, В.М. Черновым и др., подписал обращение с призывом к созданию единой социалистической партии⁵⁴.

В воззвании говорилось: «Теперь уже не может быть сомнения в том, что “социализм” без свободы означает худший вид рабства и бесчеловечного варварства. Теперь уже потеряли смысл все старые споры и взаимоотношения между социализмом и демократией. Демократия для нас является неотъемлемой частью самого социализма, она входит в самое название социализма»⁵⁵. В этом обращении меньшевики и эсеры «уже не трактовались как “друзья-враги”», а признаны были «родственным течением», призванным в послебольшевистской России влиться в «единую социалистическую партию, широкую, терпимую, гуманитарную и свобододлюбивую»⁵⁶. Хотя это заявление, выдержанное в духе мудрости и терпимости, которых так не хватало демократическим социалистам на заре и на пике их карьеры, в период практического приложения созидательных сил и творческого потенциала, оно явно запоздало. «Если бы молодость знала, если бы старость могла» – слова, ярко характеризующие впечатление, произведенное этим достойнейшим документом на постаревшую, поредевшую и усталую русскую социалистическую эмиграцию. В 1970 г. один из последних долгожителей-социалистов правый эсер Вишняк сказал: «Наша и предшествовавшая нашему поколению российская интеллигенция оказалась в числе тех, кого французы называют «защитниками проигрышных дел»,

---

⁵³ Валентинов 2000. С. 372-373.

⁵⁴ Морозов 2014. С. 45.

⁵⁵ Цит. по: Морозов 2014. С. 45.

⁵⁶ Вишняк. Годы эмиграции...

или среди «великих неудачников» XX века, невзирая на все частичные достижения и временные удачи, как и бескорыстную жертвенность»⁵⁷.

Однако и сегодня демократический социализм в российском варианте, предложенном еще в первой четверти XX в., может дать ценные рекомендации по воспитанию гражданского самосознания, привитию этических принципов политикам, а, главное, служит примером подлинной заботы о народе и желания сделать его жизнь лучше и справедливее. Неоценим и политический опыт, приобретенный и осмысленный российскими социалистами-демократами, переданный потомкам в форме интеллектуального – научного и публицистического – наследия, достойный вклад в которое внес и марксист Н.В. Вольский (Валентинов).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия. Изб. труды. М., 1996. 256 с.
- Акимов В.П. Очерк развития социал-демократии в России. М.: Либроком, 2012. 176 с.
- Большая советская энциклопедия // URL: <http://bse.sci-lib.com/article/070244.html>.
- Валентинов Н. Два года с символистами. М.: Согласие, 2000. 384 с.
- Валентинов Н.В. Наследники Ленина // <http://bookz.ru/authors/valentinov-n/f16/page-2-f16.html>.
- Валентинов Н.В. Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. 560 с.
- Валентинов Н. (Вольский Н.). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. С.С. Волк. М.: Современник, 1991. 367 с.
- Валентинов Н. Пятаков и большевизм // Новый журнал. № 52, Нью-Йорк, 1958.
- Валентинов Н. (Вольский Н.В.). Философские построения марксизма: Дialeктический материализм, эмпириомонизм и эмпириокритическая философия // Критические очерки. Кн. 1. М.: Тип. В.М. Саблина, 1908(a). 307 с.
- Валентинов Н. Э. Мах и марксизм. М.: Сотрудник провинции, 1908(a). 119 с.
- Вишняк М.В. Годы эмиграции. Нью-Йорк, 1970. 246 с.
- Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. 414 с.
- Кукушкина И.А. Красная Вена: теория и практика австрийского демократического социализма // Судьбы демократического социализма в России: Сборник материалов конференции. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2014. С. 194-201.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5 изд. М., 1966. Т. 23. С. 80.
- Морозов К.Н. «Партия трагической судьбы»: вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма... 2014. С. 37-56.
- Пешехонов А.В. Почему я не эмигрировал? Берлин: Обелиск, 1923. 78 с.
- Протасова О.Л. Н.В. Вольский (Н. Валентинов) о демократии и диктатуре // Современные модели развития в аспекте глобализации: мировой опыт, российские реалии, тенденции и перспективы. СПб.: КультИнформПресс, 2015(a). С. 183-187.
- Протасова О.Л. Н.В. Вольский (Н. Валентинов) – представитель российского демократического социализма // Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени. Екатеринбург, 2015(б), № 4(9). С. 40-42.
- Протасова О.Л. Управление ВСНХ в 1920-х гг. в оценке Н.В. Вольского (Валентинова) // Роль науки в развитии общества: сборник статей. Уфа: АЭТЕРНА, 2015(в). С. 76-81.
- Селунская Н.Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005. 336 с.
- Суслов А.Ю. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии. Казань, 2013. 488 с.
- Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: НЛЮ, 2007. 744 с.

⁵⁷ Там же. С. 263-264.

REFERENCES

- Aikhler V. Eticheskii realizm i sotsial'naya demokratiya. Izbrannye trudy. M., 1996. 256 s.
- Akimov V.P. Ocherk razvitiya sotsial-demokratii v Rossii. M.: Librokom, 2012. 176 s.
- Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya // URL: <http://bse.sci-lib.com/article070244.html>.
- Valentinov N. Dva goda s simvolistami. M.: Soglasie, 2000. 384 c.
- Valentinov N.V. Nasledniki Lenina // <http://bookz.ru/authors/valentinov-n/f16/page-2-f16.html>.
- Valentinov N.V. Nedorisovannyi portret. M.: Terra, 1993. 560 s.
- Valentinov N. (Vol'skii N.). Novaya ekonomicheskaya politika i krizis partii posle smerti Lenina. Gody raboty v VSNKh vo vremya NEP. Vospominaniya / Sost. i avt. vstup. st. S.S. Volk. M.: Sovremennik, 1991. 367 s.
- Valentinov N. Pyatakov i bol'shevizm // Novyi zhurnal. № 52, N'yu-Iork, 1958.
- Valentinov N. (Vol'skii N.V.). Filosofskie postroeniya marksizma: Dialekticheskii materializm, empiriomonizm i empiriokriticheskaya filosofiya // Kriticheskie ocherki. Kn. 1. M.: Tip. V.M. Sablina, 1908(a). 307 s.
- Valentinov N. E. Makh i marksizm. M.: Sotrudnik provintsii, 1908(a). 119 s.
- Vishnyak M.V. Gody emigratsii. N'yu-Iork, 1970. 246 s.
- Vishnyak M.V. Dan' proshlomu. N'yu-Iork: Izd-vo im. Chekhova, 1954. 414 s.
- Kukushkina I.A. Krasnaya Vena: teoriya i praktika avstriiskogo demokraticeskogo sotsializma // Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii: Sbornik materialov konferentsii. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2014. S. 194-201.
- Lenin V.I. Poln. sobr. soch., 5 izd. M., 1966. T. 23. S. 80.
- Morozov K.N. «Partiya tragicheskoi sud'by»: vklad partii sotsialistov-revolutsionerov v kontseptsiyu demokraticeskogo sotsializma i ee mesto v istorii Rossii // Sud'by demokraticeskogo sotsializma... 2014. S.37-56.
- Peshkhanov A.V. Pochemu ya ne emigriroval? Berlin: Obelisk, 1923. 78 s.
- Protasova O.L. N.V. Vol'skii (N. Valentinov) o demokratii i diktature // Sovremennye modeli razvitiya v aspekte globalizatsii: mirovoi opyt, rossiiskie realii, tendentsii i perspektivy. SPb: Kul'tIn-formPress, 2015(a). S.183-187.
- Protasova O.L. N.V. Vol'skii (N. Valentinov) – predstavitel' rossiiskogo demokraticeskogo sotsializma // Otechestvennaya nauka v epokhu izmenenii: postulaty proshlogo i teorii novogo vremeni. Ekaterinburg, 2015(b). № 4(9). S. 40-42.
- Protasova O.L. Upravlenie VSNKh v 1920-kh gg. v otsenke N.V. Vol'skogo (Valentinova) // Rol' nauki v razvitiu obshchestva: sbornik statei. Ufa: AETERNA, 2015(v). S. 76-81.
- Selunskaya N.B., Toshtendal' R. Zarozhdenie demokraticeskoi kul'tury: Rossiya v nachale XX veka. M.: ROSSPEN, 2005. 336 s.
- Suslov A.Yu. Rossiiskie sotsialisty posle oktyabrya 1917 goda v otechestvennoi istoriografii. Kazan', 2013. 488 s.
- Shubin A.V. Sotsializm. «Zolotoi vek» teorii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 744 s.
- Протасова Ольга Львовна, кандидат исторических наук, доцент, Тамбовский государственный технический университет; olia.protasowa2011@yandex.ru*

A “Free artist” of Marxism: the life and ideological views of N.V. Volsky

The article traces the main stages of life of the famous Russian social democrat, Marxist philosopher and publicist N.V. Volsky (Valentinov); his ideological beliefs and the principles allow to rank Volsky as representatives of the Russian democratic socialism – the movement the principles of pluralism, need of recognition of the rights of democratic minority, use of non-violent methods in the movement on a way of social progress are analyzed.

Keywords: N.V. Volsky (Valentinov), V.I. Lenin, Marxism, democratic socialism, democracy, dictatorship, Bolsheviks, Mensheviks

Olga Protasova, PhD in History, Associate Professor, Tambov State Technical University; olia.protasowa2011@yandex.ru

А. А. Кузнецов

ПИСЬМА Н. И. КАРЕЕВА С. И. АРХАНГЕЛЬСКОМУ

Статья посвящена исследованию писем академика Н.И. Кареева нижегородскому историку С.И. Архангельскому. Эти письма за 1924–1930 гг. хранятся в личном архивном фонде С.И. Архангельского. Письма Н.И. Кареева являются ценным источником для изучения научной биографии С.И. Архангельского и коммуникационной сети историков 1920-х гг. Средством верификации полученных выводов является сборник материалов по биографии и творчеству Н.И. Кареева (2015 г.).

Ключевые слова: Н.И. Кареев, С.И. Архангельский, Д.М. Петрушевский, Анри Пиренн, письма, коммуникационная сеть, локальный метод, аграрное законодательство Английской революции

В 2015 г. вышла книга, содержащая материалы по биографии и творчеству великого историка Н.И. Кареева в период 1914–1931 гг.¹ Автором-составителем Е.А. Долговой была проведена большая работа по формированию документального «кареевского» массива из источников, хранящихся в разных архивах страны. Большинство материалов составляют документы, вышедшие из-под пера самого Н.И. Кареева. Его письма, обращения, записные книжки суть личные тексты «эпохи перемен»: с начала Первой мировой войны через революции 1917 г., «военный коммунизм», бурные и крутые социально-политические события 1920-х гг. до самой кончины историка. Эти материалы дают возможность исследовать, как преломлялись военные, революционные процессы и события «великого перелома» в среде историков, как на уровне персоны, так и на уровне корпорации.

Из последнего весьма интересно, как в сообществе историков складывался алгоритм трансляции профессиональных ценностей между уходящим поколением дореволюционных историков и тем поколением, которому доведётся развивать историю в последующее советское время. При этом надо отметить, что вторые как исследователи в большинстве своём формировались в лоне исторической школы до 1917 г. Наследникам великой традиции историков Московского, Санкт-Петербургского, Киевского, Харьковского, Дерптского и Казанского университетов доведётся не только сохранить и приумножить накопленное предшественниками историческое знание, но укоренить его в тех регионах, в которых в начале XX в. не было высшей школы. Опубликованные бумаги Н.И. Кареева проливают свет на эту проблему, в частности, на её нижегородский аспект.

---

¹ Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. ...

Данная тема звучит более чем актуально, так как в 2016 г. нижегородская высшая школа отмечает вековой юбилей: в 1916 г. был основан Нижегородский университет. За это время практически «с нуля» историческая наука Нижнего Новгорода (Горького) стала весьма заметной в российском и даже европейском масштабе. Оба центра высшего исторического образования и науки в городе – в классическом университете им. Н.И. Лобачевского и педагогическом университете им. Козьмы Минина – формировались усилиями плеяды крупных историков. Из них в первую очередь надо назвать Сергея Ивановича Архангельского (1882–1958) и Николая Петровича Соколова (1890–1979).

В нижегородской историографии уже общим местом стала цитата из мемуаров Н.И. Кареева: «...еще очень дельный и работающий, хорошо подготовленный к научной деятельности Ник. Петр. Соколов. Он, собственно, не был петербургским студентом, а... был прикомандирован к нашему университету, избрав для своих занятий руководство мое и И.М. Гревса. Когда окончился срок его прикомандирования, он уехал на родину, и что с ним случилось, мне неизвестно, хотя одно время он и подавал вести о себе. В Соколове я видел тоже будущую научную силу»². Сам Н.П. Соколов в анкете советского времени назвал своими наставниками профессоров Н.И. Кареева, И.М. Гревса, М.И. Ростовцева и С.Ф. Платонова³.

Долгое время Н.П. Соколова, который вернулся в историческую науку после долгого перерыва, защитил в 1943 г. кандидатскую диссертацию о философско-исторических взглядах Тюрго (в основе её лежала выпускная работа Соколова в Нежинском историко-филологическом институте), а в 1954 г. – докторскую диссертацию об образовании Венецианской колониальной империи⁴, считали единственным связующим звеном горьковской исторической науки с Кареевым.

Относительно недавно были обнаружены письма Н.И. Кареева, адресованные С.И. Архангельскому, а также отзыв первого о научной деятельности второго⁵. Из этих документов следует, что Кареев внимательно и взыскующе читал исследование Архангельского об аграрном законодательстве Английской буржуазной революции, давал рекомендации. Теперь стало возможным говорить, что выпускник Московского университета (1907), специалист в области нижегородской истории и историографии, исследователь аграрного законодательства Английской революции и внешней политики Англии во время протектората Оливера Кромвеля и пр., декан исторического факультета Горьковского государственного педагогического института с 1936 по 1946 г., основатель

---

² Кареев 1990. С. 260.

³ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3, 27.

⁴ См. подробнее: Григорьева, Кузнецов 2012.

⁵ Кузнецов 2010а.; 2011а.; 2011; Кареев 2011. С. 448.

и первый декан историко-филологического факультета (с 1946 г.) Горьковского государственного университета, член-корреспондент АН СССР (1946) Сергей Иванович Архангельский⁶ в своём научном становлении испытал влияние Н.И. Кареева.

Поиск упоминаний Н.П. Соколова и С.И. Архангельского в опубликованных письмах, записных книжках Н.И. Кареева может дать дополнительные сведения по истории исторической науки в 1920-е гг., биографиям Кареева и нижегородских учёных и особенностям коммуникационных связей, центром которых является сам Кареев, в среде историков в первую трети XX в. В изданных Е.А. Долговой материалах Н.И. Кареева имя Н.П. Соколова не встречается. Зато С.И. Архангельский фигурирует 14 раз⁷ в записных книжках (в именном указателе неверно указана дата смерти Архангельского: 1952 год вместо 1958-го). Надо отметить, что в 1920-е г. Архангельский и Соколов ещё не были знакомы. Соотнесение писем Кареева Архангельскому с его упоминаниями в записных книжках позволяет представить неизвестные ранее аспекты биографий обоих историков.

В первом послании (от 21.12.1924), обнаруженном в фонде Архангельского, Н.И. Кареев написал ему: «Дело в том, что аграрная история Англии в эпоху первой революции остается почти совсем неизвестной, по крайней мере, в общей литературе Ваш вопрос не привлекал к себе такого внимания исследователей, как аграрная история реформационной эпохи», что историография больше занималась аграрной историей Англии XVI в., что лишь покойный А.Н. Савин затронул аграрную историю Англии XVII в. в статье «Журнала Министерства Народного Просвещения», но мало сказал об этом в «Лекциях по истории английской революции» 1924 г., что по мемуарам помочь не может, советовал посмотреть ряд изданий источников и библиографических справочников. Дав комментарии по закону Кромвеля 1656 г., который только похоронил то, что давно уже было умершим, Кареев неутешительно заключил: «в России ничего сделать по этому вопросу сделать (так – А.К.) Вам ничего нельзя будет»; «Вам лучше было бы обратиться к Виноградову (Оксфорд), который на месте мог бы навести необходимые Вам справки»⁸. В конце письма Н.И. Кареев приложил список работ, где мог быть нужный Архангельскому указатель⁹.

Из содержания письма следует, что оно стало ответом на обращение нижегородца. Каким был канал связи, неизвестно. Можно лишь констатировать, что в конце 1924 г. немолодой по нынешним меркам –

---

⁶ О биографии и научном наследии С.И. Архангельского см.: Кузнецов 2009; 2010; 2011б; 2012.

⁷ Именной указатель // Учёный в эпоху перемен... С. 462.

⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 1–2

⁹ Там же. Л. 3–3 об.

42 года – нижегородский историк Архангельский, за плечами которого были учеба на истфиле Московского университета, работа на преподавательских должностях в нижегородских гимназиях и вузах, участие в работе нижегородских кадетов, изучение родного края в рамках деятельности Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, выживание в тяжелые 1917–1918 гг. и пр., обратился к мэтру Н.И. Карееву. Архангельский просил оценить перспективность предстоящего научного исследования по аграрной истории Англии «в эпоху первой революции», интересовался, какие мемуары по этой теме можно найти.

Несмотря на высказанный скепсис в отношении выбранной Архангельским темы исследования (возможно, его бесперспективность для Кареева определялась тем, что Архангельский жил и работал в далёком от библиотек Нижнем Новгороде), 2 февраля 1925 г. Н.И. Кареев с оказией переслал нижегородцу информацию об интересующем того издании. Открытка была передана Архангельскому через его знакомую Зою Владимировну Звереву (сведений о ней нет)¹⁰.

Год и месяц спустя Кареев написал Архангельскому: «Книга такого историка, как Пиренн, и в таком предмете, как средневековые города и возрождение торговли, конечно, заслуживает издания в русском переводе, но сильно сомневаюсь, чтобы Вы могли в скором времени увидеть ее изданною у нас», поскольку издательское дело переживает кризис из-за сокращения кредитов Государственного банка, из-за дефицита бумаги, из-за того, что труд Пиренна не является «ходким товаром». Чтобы не быть голословным, Кареев писал: «У меня накопилось несколько работ, которых я нигде не могу пристроить, а две рукописи, уже давно принятые редакторами издательств, лежат без движения, и неизвестно, когда будут напечатаны. Издатели прямо говорят, что исторические книги в настоящее время “не идут”». Кареев обещал навести справки, похлопотать, в случае нескорого успеха дела готов был написать предисловие к переведённой книге Анри Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли»¹¹. Контекст письма показывает, что оно было ответом на послание Архангельского. Тот, очевидно, обратился к Карееву с просьбой издать книгу Пиренна.

Предыстория этого вопроса такова. В октябре – декабре 1922 г. выдающийся бельгийский историк Анри Пиренн прочитал цикл лекций в ряде университетов США. Они были переведены на английский язык Фрэнком Хэлси и изданы в 1925 г. Принстонским университетом под названием “*Medieval Cities. Their Origins and the Revival of Trade*”¹². С этого английского перевода лекций Пиренна Архангельский выпол-

¹⁰ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 5.

¹¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 6, 6 об., 7.

¹² *Маслов* 2009.С. 171–172.

нил перевод на русский язык. Судя по письму Кареева, отправленному 1 марта 1926 г., перевод был закончен Архангельским в начале того же года. Следовательно, книга Пиренна, изданная в США в 1925 г., попала к Архангельскому в том же году, и он сразу же приступил к её переводу, надеясь вскоре его издать.

15 марта 1926 г. Кареев сообщил в Нижний Новгород, что из тех, к кому он обращался по поводу издания перевода книги Пиренна, «...был моск[овский] проф[ессор] Дм[итрий] Моис[еевич] Петрушевский. После долгого молчания... мне ответил следующими словами, касающимися Пиренна: «Сейчас ничего определённого нет, но возможно, что чего-нибудь выяснится, и тогда я напишу Вам»». «На всякий случай» Кареев дал Архангельскому адрес Д.М. Петрушевского¹³. Думается, что Кареев советовал Архангельскому обратиться к Петрушевскому, поскольку тот впервые в России осуществил обращение к средневековой городской истории в историографическом аспекте. Истоки разработки данного вопроса принадлежали немецким историкам, и разбору их позиций были посвящены статьи Петрушевского¹⁴.

Уже 16 апреля 1926 г. Архангельский почтительно писал Петрушевскому, одному из своих бывших университетских наставников: «Николай Иванович Кареев, в письме ко мне от 15.03 сообщает, что Вы подали ему некоторую надежду на возможность издания перевода книги Пиренна, который я подготовил к печати»¹⁵. 11 мая 1926 г. Петрушевский достаточно смело для открытки ответил Архангельскому: «Не отвечал Вам до сих пор потому, что все ждал, не получили наконец хоть какого-нибудь ответа на давно наводимые мною справки по интересующему Н[иколая]. Ивановича и Вас вопросу. И сейчас ничего сообщить не могу. Переведенная Вами работа Пиренна, конечно, весьма нужна всем интересующимся этими вопросами; но к ним, к сожалению, не принадлежат те, кто занимается не чтением книг, а их убиением. У них на этот счет особое мнение. Сомневаюсь, чтобы у них пробудилась благоприятность к книге Пиренна»¹⁶.

История с книгой Пиренна, связавшая ленинградского, московского и нижегородского историков в 1926 г., закончилась в 1942-м. В июле 1941 г. Архангельский наконец-то издал книгу Пиренна в Горьком¹⁷ и выслал её в Казань Петрушевскому в июле 1942 г., сопроводив подарок словами: «Посылаю Вам вышедший в прошлом году, но появившийся только теперь перевод книги Пиренна «Средневековые города». Я его сделал давно, о нем еще вел переписку с покойным Н.Ив.

¹³ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 9.

¹⁴ Кузнецов, Федосеева 2013. С. 282.

¹⁵ Переписка С.И. Архангельского и Д.М. Петрушевского. 2013. С. 128.

¹⁶ Там же. С. 128–129.

¹⁷ *Пиренн*. 1941.

Кареевым, но только теперь удалось его издать»¹⁸. Это было последнее письмо Архангельского Петрушевскому (он умер в декабре 1942 г.). В определённом смысле получилось символично: переписка Архангельского с Петрушевским началась с проблемы издания Пиренна и упоминания имени Кареева и ими же завершилась. Петрушевский высоко оценил книгу Пиренна в письме Архангельскому: «И Пиренн, и письмо очень тронули меня и спешу выразить Вам за них мою сердечную самую признательность. Ваше интересное введение к Пиренну, о переводе которого Вами я очень давно слыхал, я уже успел прочесть. Этот перевод – немалая Ваша заслуга перед нашей наукой»¹⁹. И этой заслугой «наша наука» оказалась обязанной и Н.И. Карееву, который сразу поддержал С.И. Архангельского в его инициативе.

Сложившийся в 1926 г., благодаря поддержке Кареева и теме Пиренна, своеобразный эпистолярный «треугольник»: «Кареев–Архангельский–Петрушевский» – позволяет выявить неизвестные факты из их общения, например, исходящее письмо Кареева Петрушевскому, написанное в марте 1926 г. На сегодняшний день такого письма не выявлено, как нет указаний на написание его в записной книжке Кареева за март 1926 г.²⁰. Приведённые выше три письма Кареева Архангельскому тоже пока не проявились в рукописном наследии первого²¹.

Из книги, составленной Е.А. Долговой, следует, что первый контакт Кареева и Архангельского состоялся 17 марта 1926 г., основанием чего служит запись Кареева: «17 марта, среда. Днём у Архангельского...»²². С такой однозначностью трудно согласиться: нет данных о том, что Архангельский в марте 1926 г. был в Ленинграде, и даже в этом случае, нелогичным выглядит, чтобы маститый учёный Кареев пошёл куда-то (в гостиницу?) к приезжему нижегородцу. Это упоминание Архангельского в записях Кареева надо считать не атрибутированным.

Следующее письмо Н.И. Кареева С.И. Архангельскому от 15 сентября 1927 г., хранящееся в нижегородском фонде, зафиксировано как первое в перечне исходящих писем Кареева²³. Он писал, что вернулся из Москвы, близ которой он был в санатории, что получил письмо и статью Архангельского (интересовался, в каком сборнике напечатана статья), которые обещал прочитать и дать свои соображения, а также информировал, что аграрной историей Англии XVI в. в Москве занимается его ученик И.Л. Попов-Ленский и его адрес (он, по мнению Ка-

---

¹⁸ Переписка С.И. Архангельского и Д.М. Петрушевского. 2013. С. 138.

¹⁹ Там же. С. 139.

²⁰ Среди коллег. Записные книжки; Перечень исходящих писем Н.И. Кареева 1914–1931 // Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг... С. 289; 454.

²¹ Там же. С. 437.

²² Там же. С. 290 (см. также С. 462).

²³ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 10. Среди коллег... С. 330; 437.

реева, мог быть полезен Архангельскому). Упомянутая статья, очевидно, была посвящена локальному методу (см. ниже). Санаторий, где отдыхал Кареев в августе – начале сентября 1927 г., был в Узком (сам Архангельский, став членом-корреспондентом АН СССР в 1946 г., не раз отдыхал и лечился в этом санатории). Очевидно в письме Архангельского выражалось его намерение изучать аграрную историю Англии, в связи с чем Кареев упомянул своего ученика Попова-Ленского, с которым у него были встречи в Москве 6 и 10 сентября 1927 г.²⁴

Кареев прислал Архангельскому обещанные соображения по его статье (как следует из ответа, Архангельский консультировался у Кареева по вопросам истории Англии XVII в.). Это письмо Кареева не датировано. Приблизительно, по размытому штемпелю на конверте²⁵ это послание могло быть отправлено 18 октября 1927 г. (в списке исходящих писем Кареева оно отсутствует)²⁶. Его часть, посвященная разбору статьи Архангельского о локальном методе, уже публиковалась²⁷. Теперь письмо издаётся целиком (см. приложение). В начале его Кареев рассмотрел план диссертационного исследования Архангельского об аграрном законодательстве Английской революции. Затем он критически отозвался о статье Архангельского, посвященной локальному методу, указал на ее слабые стороны, но критика носила дружеский характер. Надо отметить, что данный неформальный отзыв Кареева оставался до недавнего времени единственной критикой и поныне используемой в научных изысканиях методологической статьи о локальном методе²⁸. В принципе, Кареев не принял этот метод.

Письма Кареева Архангельскому в 1928 г. связаны с обсуждением исследования проблем аграрного законодательства революционной Англии. В открытке от 2 марта 1928 г. (в списке исходящих писем и записной книжке за март 1928 г. отсутствует) Кареев извещал Архангельского о том, что получил его рукопись, которую сможет скоро вернуть²⁹. Через две недели он написал (письмо зафиксировано в списке исходящих писем и в записной книжке³⁰), что берётся просмотреть рукопись Архангельского, но сомневался, что от этого будет большая польза; ведь он давно не занимался этой эпохой и лишь по статьям знает, что происходит в проработке темы³¹. Но несмотря на такую позицию, Кареев в письме от 3 апреля 1928 г. (в записной книжке датирова-

---

²⁴ Среди коллег... С. 290.

²⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 13.

²⁶ Перечень исходящих писем Н.И. Кареева... С. 437.

²⁷ Кареев 2011. С. 448.

²⁸ Кузнецов 2011; Маловичко 2011.

²⁹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 22.

³⁰ Среди коллег... С. 345; 437.

³¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 14.

но 2-м апреля³² – днём написания, по штемпелю отправки – 3 апреля) дал подробную рецензию на рукопись, в которой увидел диссертацию Архангельского, дал ей общую положительную оценку, советы, предложения по отдельным вопросам четвёртой главы³³. Пакет и бандероль, посланные Архангельскому 4 и 11 апреля соответственно³⁴, в фонде Архангельского отсутствуют. В открытке от 17 апреля 1928 г. (отложилась в записных книжках и в списке исходящей корреспонденции) Кареев извещал, что ждёт четвёртую главу (видимо, исправленную).

22 мая 1928 г. Кареев писал (не фиксируется в записной книжке и перечне исходящих писем), что письмо Архангельского получил тяжелобольным в постели (с 6 по 23 мая в записной книжке Кареев отмечал температуру тела³⁵), а потому не может указать, где искать краеведческую литературу по Англии; извещал, что в Москве первые главы труда Архангельского читают с интересом. Кареев писал, что в июне уезжает в санаторий под Москву³⁶. Открытка от 27 мая и письмо Кареева от 14 июня, сведения о которых представлены Е.А. Долговой³⁷, в фонде Архангельского отсутствуют.

4 октября 1928 г. Кареев писал³⁸: «Большое спасибо за “Указ Диоклетиана”, полученный мною на днях. Его кто-то принес в мое отсутствие, и я подумал, не были это ли Вы сами, а потому и поджидал все это время повторения вашего посещения. Убедившись теперь в ошибочности такого предположения, спешу с благодарностью известить о получении Вашей брошюры. Вы счастливы тем, что Ваш университет имеет свои “Известия”, которых у нас нет. Как идет Ваша работа по Англии? Скоро ли, как можно надеяться, она будет напечатана? Читали ли Вы “Лильберна” Попова-Ленского?»³⁹. За строками Кареева об указе Диоклетиана не увидеть сложных обстоятельств публикации большой работы «Указ Диоклетиана о таксах»⁴⁰, которая стала в нижегородской науке первой критической публикацией переведённого на русский язык исторического источника. Они вскрываются при чтении писем И.М. Гревса⁴¹, который безуспешно хлопотал перед Ф.И. Успенским об издании статьи Архангельского и указа Диоклетиана. Ответ на недоумение Кареева по поводу того, как к нему попала книга, находится в письме другого корреспондента Архангельского от 5 октября 1928 г.:

---

³² Среди коллег... С. 346; 437.

³³ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 16–19 об.

³⁴ Среди коллег... С. 346; 437.

³⁵ Там же С. 349–350.

³⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 23

³⁷ Среди коллег... С. 351, 352; 437.

³⁸ Там же. С. 361; 437.

³⁹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 24.

⁴⁰ Архангельский 1928.

⁴¹ Кузнецов 2009. С. 161–163.

«Книгу к Карееву отнес. Дома его не застал и просил передать»⁴². Это строки из письма Константина Архангельского отцу⁴³. В письме Архангельскому от 16 октября 1928 года (в записной книжке датировано 18-м октября⁴⁴) Кареев досадовал из-за того, что они не встретились в Москве, где были одновременно, что плохо обстоит дело с возможным изданием Пиренна, что у «самого есть несколько вещей, которые хотел бы видеть напечатанными, но нигде не нахожу желающих»⁴⁵.

6 марта 1929 г. Кареев в открытке сообщил (в записной книжке письмо не фиксируется), что отзыв для Архангельского был быстро – сразу после получения письма – написан и отправлен для скорости через Главпочтамт. Отзыв на почту отнёс сын Кареева⁴⁶. О том, что Кареев даст отзыв о научной работе Архангельского, они могли договориться 30 декабря 1928 г. (Архангельский нанёс визит Карееву)⁴⁷. Речь шла об отзыве Кареева о научно-исследовательской работе Архангельского по проблемам всеобщей истории в связи с конкурсом последнего на должность доцента. В «Сведениях о замещении вакантной должности научного работника по кафедре всеобщей истории Нижегородского государственного университета» (от 7 июня 1929 года) конкурсант отметил, что прилагаются отзывы профессоров Н.И. Кареева, Е.А. Косминского и В.Н. Бочкарева⁴⁸ (отзывы ныне находятся в личном деле Архангельского, были опубликованы⁴⁹). В отзыве Кареева примечательны его строки: «Я своевременно знакомился с выходившими в свет историческими работами С.И. Архангельского и всегда видел в них результат серьезного научного труда. Особенно хорошо мне известны последние, из которых один (“Аграрное законодательство в Англии в сороковых годах XVII века”) имел в рукописи и очень внимательно читал, вступив даже в переписку с автором по этому поводу. Эти работы С.И. Архангельского принадлежат к области экономической и социальной истории, причем одна относится к древней, другая к новой истории, свидетельствуя как бы о том, что их автор не замыкается в одном каком-то периоде (у него прежде была статья и на тему средневековой истории). Далее обе работы имеют исследовательский характер и основываются на источниках, с которыми автор обращается в методологическом смысле вполне правильно. Незаконченная книга по аграрной истории Англии в XVII веке касается притом предмета еще

---

⁴² ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 86. Л. 146.

⁴³ Уже доводилось отмечать его роль своеобразного курьера между отцом и С.Ф. Платоновым. См.: *Кузнецов* 2011в. С. 471.

⁴⁴ Среди коллег... С. 362; 437.

⁴⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 25.

⁴⁶ Там же. Л. 26.

⁴⁷ Среди коллег... С. 368.

⁴⁸ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 41.

⁴⁹ *Кузнецов* 2011а. С. 245–254.

сравнительно мало исследованного, большой, наконец, важности для понимания первой английской революции и вообще всего социально-экономического развития Англии в новое время»; «Тщательное отношение к источникам, критическая вдумчивость в них и осторожность сделанных выводов обнаруживают в С.И. Архангельском настоящего научного работника в области истории, которому можно только пожелать идти и далее по избранному им и удачно научному пути».

Следующие письма Кареева датированы ноябрем 1929 г. 15 ноября он писал⁵⁰, что не против чтения новых глав Архангельского, хотя не является специалистом по его тематике, что «скоро выйдет книга акад. Бузескула “Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века” Т. I.»⁵¹. Уже через неделю – 21 ноября (нет в списке исходящих писем) он приступил к чтению новой рукописи Архангельского⁵², 22 ноября выслал подробный анализ V–VII глав этой работы⁵³. В письме от 29 мая 1930 г. (нет в списке исходящей корреспонденции) Кареев благодарил Архангельского за присылку первых напечатанных глав работы и поздравлял с началом ее выхода⁵⁴. Это была последняя по времени из всех эпистолярных Кареева, адресованных Архангельскому. Оставалось немного времени до кончины Н.И. Кареева.

Что можно извлечь из упомянутых выше писем Н.И. Кареева применительно к его биографии и биографии адресата? Среди прочих дел последних семи лет жизни мэтра обнаруживается неожиданное обращение к проблемам истории революционной Англии, обусловленное просьбой выпускника Московского университета. Неожиданное потому, что Кареев, как он сам признавал, выступил в ранге научного консультанта Архангельского по относительно далекой для себя теме. Более двух лет последнего периода своей жизни Кареев так или иначе читал англоведческие и другой проблематики тексты Архангельского и, по сути, благословил его в большую науку. Даже после смерти Н.И. Кареева его импульс ощущался в научном росте С.И. Архангельского, поскольку затем первым читателем и критиком англоведческих текстов последнего надолго стал Д.М. Петрушевский⁵⁵.

На какие размышления наводят эти документы. Во-первых, есть возможность опустить временную планку начала англоведческих штудий Архангельского (в предшествующих работах – 1926 г.) – это 1924 г. То есть, между этим годом и годом выхода первой работы Архангель-

---

⁵⁰ Среди коллег... С. 395; 437.

⁵¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 27.

⁵² Там же. Л. 28.

⁵³ Там же. Л. 29–30. Среди коллег... С. 395; 437. Пакет, высланный Архангельскому 23 ноября, в его фонде не фиксируется.

⁵⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 32.

⁵⁵ Переписка С.И. Архангельского и Д.М. Петрушевского. С. 128–139.

ского, посвященной аграрному законодательству революционной Англии – 6 лет, чем и можно объяснить ее высокий уровень, отмеченный многими специалистами. Сам уровень исследования (первая публикация)⁵⁶ был обусловлен научным редактированием Н.И. Кареева.

Кареев оказался осведомлённым и о других успехах нижегородской историографии в лице Архангельского – статья об указе Диоклетиана и его публикация, книга Пиренна и статья о локальном методе. Первые две знаменательны тем, что на протяжении долгого времени являлись единственными крупными научными переводами источника и исторического исследования, сделанными в городе на устье Оки. А книга Пиренна в этом качестве пребывает до сих пор.

Изучение писем Кареева и связанных с ними материалов позволяет обострить проблему отправной точки развития нижегородской научной исторической традиции. Сам Архангельский так и не успел её обрести в наследии С.В. Ешевского⁵⁷. Уже заявлялось, что нижегородская историография XX в. развивалась дискретно, под влиянием нескольких импульсов⁵⁸. В упрощенном виде эту схему можно представить так: старшее поколение нижегородских архивистов (чаще всего, любителей) со времен подготовки юбилеев событий 1611–1616 гг. ставку делало на сотрудничество с С.Ф. Платоновым; с постепенным уходом поколения старых архивистов всё более проявлялся другой вектор в лице молодых профессионалов – выпускников Московского университета, которые уповали в деле постижения отечественной истории на московских наставников; со второй половины 1940-х гг. С.И. Архангельский собрал когорту историков, в которой доминировали представители московской школы. Хотя в конце 1930-х чуть было не получилось создание группы представителей Санкт-Петербурга (С.Н. Чернов, Н.П. Соколов)⁵⁹. Эти процессы шли при участии и воздействии С.И. Архангельского.

Сам Архангельский выступил организатором коммуникационной эпистолярной сети. 16 февраля 1923 г. датируется письмо Архангельскому от Б.С. Жукова (1892–1934), которого считают ныне родоначальником отечественной археологии. В этом письме урождённый нижегородец, младший современник Архангельского⁶⁰, кроме прочего, предложил вместо Нижегородской археолого-этнологической комиссии (НАЭК), преемницы Нижегородской губернской учёной архивной комиссии, создать Нижегородское научное общество по изучению местного края (ННОИМК): «Здесь и Главнаука, дающая субсидии научным обществам, и Центральное Краеведное Бюро при Академии

---

⁵⁶ Архангельский 1930.

⁵⁷ Кузнецов 2011 г.

⁵⁸ Кузнецов 2012а. С. 248–255.

⁵⁹ Григорьева, Кузнецов 2011.

⁶⁰ См. подробнее: Кузнецов 2013.

Наук, в котором я состою, высказывают определенные пожелания, чтобы Археолого-Этнологическая Комиссия преобразовалась бы в Общество изучения Нижегородского Края с широкой программой и привлечением работников других дисциплин кроме археологии и истории. “Пожелания” Главнауки в конце концов сводятся к вопросу о том, давать или не давать субсидии»⁶¹. Итогом реализации этого предложения стало образование ННОИМК наряду с сохранением НАЭК⁶². Жуков и Архангельский входили в состав и комиссии, и общества. Более того, Архангельский возглавил ННОИМК, стремясь поставить ему принципиально новые задачи научного краеведения, с чем была связана и его программная статья о локальном методе⁶³, который не принял Кареев. В том же 1923 г. Архангельский установил контакт с С.Ф. Платоновым⁶⁴. Вопросы, которые он поднимал в письмах, были посвящены нижегородским краеведческим исследованиям, в том числе проводимым им самим. Примерно в том же ключе строилась с 1925 г. и переписка Архангельского с его университетским наставником по российской истории М.М. Богословским: нижегородские краеведческие издания, обмен книгами, присылка в Нижний Новгород для ННОИМК полного комплекта томов «Чтений общества исследователей древностей российских»⁶⁵. С 1926 по 1928 г. шла переписка С.И. Архангельского с И.М. Гревсом, в которой обсуждались возможная публикация работы Архангельского об указе Диоклетиана и приезд Гревса в Нижний Новгород по вопросам налаживания краеведческой работы⁶⁶.

В период 1923–1928 гг. С.И. Архангельский инициировал эпистолярное общение с рядом крупных историков. На этом своеобразном краеведческом фоне писем Архангельского, естественно, особняком стоят его послания Н.И. Карееву. Именно в них, начиная с 1924 г., он заявляет о том, что хочет состояться как исследователь аграрного вопроса Английской революции. По рекомендации Кареева он вступает в диалог со своим университетским наставником Д.М. Петрушевским, специалистом по английской истории. Следов общения Архангельского с И.Л. Поповым-Ленским, как это предлагал Н.И. Кареев, не обнаружено. Зато с 1926 г. Архангельский начал переписываться с Е.А. Косминским, обсуждая вопросы изучения Английской революции⁶⁷.

Таким образом, Кареев стал первым коллегой, с кем Архангельский поделился своим замыслом начать изучать аграрный вопрос Ан-

⁶¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 168. Л. 2об. –3об.

⁶² Кузнецов, Уткина 2011.

⁶³ Архангельский 1927 (2011).

⁶⁴ Кузнецов 2011в. С. 471.

⁶⁵ См. ответы М.М. Богословского: ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 110. Л. 1–5.

⁶⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–8.

⁶⁷ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 193. Л. 1 и далее.

глийской революции и кому представил свои первые штудии по этой теме. Тем самым, в распоряжении историографов оказывается первое документальное свидетельство того, что Архангельский определился с магистральной проблематикой своих исследований ещё в 1924 г., который в биографии Архангельского считается временем увлечённости краеведческими исследованиями. В среде нижегородских историков утвердилось мнение, что Архангельский ушёл из краеведения во всеобщую историю на рубеже 1920–1930-х гг. под влиянием политических обстоятельств. Письма Кареева опровергают этот тезис и свидетельствуют о том, что Кареев поддержал Архангельского во всех его начинаниях, будь то англоведческие исследования или издание Пиренна, или указ Диоклетиана, или локальный метод (даже при несогласии с ним он не отмахнулся от этой новации, но критически разобрал её).

Что же подтолкнуло С.И. Архангельского обратиться к именитому историку за консультацией по аграрному законодательству Английской революции? Думается то, что Н.И. Кареев исследовал аграрное законодательство Французской буржуазной революции.

Приложение

*Письмо Н.И. Кареева С.И. Архангельскому*⁶⁸

Дата письма, предположительно (по л. 13) – 18 октября 1927 г.
В.О., Большой, 24

Многоуважаемый Сергей Иванович, –

Я уже известил Вас открыткой о получении от Вас письма и статьи, а теперь получаю более обстоятельно. План Вашей работы мне нравится. Конечно, Вам нужно начать с очерка экономического состояния в Англии первой половины XVII в., но порядок глав II–IV, мне кажется, был бы более уместным, если бы Вы начали землями короны, продолжали землями церкви и кончили землями частных лиц. Как-никак, борьба шла в первую голову с королем и с англиканской церковью, а потом уже со сторонниками главного врага. Впрочем, может быть, у Вас были более веские мотивы для той последовательности глав, которую Вы выбрали. Во всяком случае, Ваша глава II должна была бы особенно позаботиться о том, чтобы в скором вскрыть классовую борьбу этой эпохи в связи с чем я позволил бы себе посоветовать Вам не давать окончательной редакции главы I до завершения редакции глав II–IV. В названии главы V «Ликвидация некоторых остатков агр[арного] феодализма» я поставил знак недоуменного вопроса. «Некоторых», а почему не вообще? Или это нужно понять в том смысле, что сами-то остатки были не только некоторыми в сравнении с прежними временами? Как бы там ни было, хорошо было бы, если бы в книге не только была изображена «ликвидация», но и дана была характеристика «остатков». Вероятно, впрочем, это у Вас и намечено для главы I.

---

⁶⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183. Л. 11–12 об. Сохранены орфография и пунктуация. [Публикация А.А. Кузнецова]

Глава VI (о пересмотре агр[арного] законодательства в эпоху реставрации), конечно, вполне необходима, но я думаю, что и глава VII, о которой Вы говорите предположительно, была бы крайне желательна, чтобы не сказать необходима: без рассмотрения того, как фактически осуществлены были законы революционной и реставрационной эпох, книга не имела бы настоящего конца, хотя бы Вы и могли это сделать только по отношению к двум графствам. Из Вашего плана, однако, я не вижу, где Вы дали бы место изменению тогдашней экономической и политической истории, так и революции. Как бы, может быть, и не показалась Вам эта тема трудной все-таки ей нужно было бы, дать место в книге. Упомянутый в моей открытке Ин[нокентий] Лавр[ентьевич] Попов-Ленский, одно время служил в Институте Маркса и Энгельса, как раз специально занимается английскими экономикой и историями XVII века. Кстати, обращались ли Вы вообще к богатому материалу названного Института?

Статью Вашу я прочитал. Она посвящена «локальному методу», и термин этот, то и дело, встречается на страницах статьи рядом, с одной стороны, с такими выражениями, как «лок[альные] ограничения» (стр. 183), «идея локальности» (192), «лок[альные] исследования» или «изыскания» (193), а с другой – с такими как «общенаучный метод» (186, 189). К сожалению, в статье не дано ни определения «лок[альный] ме[тод]» не указаны на его отношения к методу общенаучному, о котором упоминается также без определения. Правда некоторый намек на то, что «в сущности представляет собою лок[альный] ме[тод]» у Вас дается на стр. 193, но дается это только в конце статьи. Главное же в моем несогласии с Вашей основной идеей заключается в том, что тут нет никакого особого метода, да и вообще метода. Метод значит путь, способ, средство, логический прием, а «идея локальности» относится не к путям исследования, а его предмету, к его материалу, к его масштабу. Взяли ли бы исследовать агр[арную] историю всей Англии или в одном только графстве, метод (общейсторический) оставался тем же самым, и из того, что в общем случае Вы изучали бы только одно графство, а в другом всю Англию, нельзя было бы вывести, что в одном случае Вы работали бы методом локальным, а в другом – общенациональным. Ведь и вся Англия есть нечто локальное в сравнении с общеевропейским, как и в целом графстве один приход был бы чем-то особенно локальным. У меня нет сейчас времени развить всю логичную свою аргументацию против соединения слов «локальный» и «метод», а потому здесь я ставлю точку, оговариваясь, что во всем остальном, касающихся локального интереса, материала и т.п. я с Вами в общем согласен. Есть еще однако, кое какие частные замечания которые я мог бы сделать при устной беседе. Письменно укажу на следующее. На стр. 186 говоря о применявших лок[альный] мет[од] (=областное изучение) Вы почему-то пропустили Костомарова и всю школу Антоновича, из которой вышел Дов[нар]-Зап[ольский], на стр. 187 следовало бы назвать и Бокля, в данном случае более выпукло, нежели Конт, а из русских Щапова.

Жму Вашу руку и желаю Вам всякого благополучия
уважающий Вас Н. Кареев.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архангельский С.И.* Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194 (перизд.: Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2011. С. 432–447).
- Архангельский С.И.* Аграрное законодательство Великой английской революции (40-е гг. XVII в.) // Известия Нижегородск. гос. ун-та. 1930. Вып. IV. С. 89–166.
- Архангельский С.И.* Указ Диоклетиана о таксах // Известия Нижегород. гос. ун-та. 1928. № 2. С. 365–401.
- Григорьева Е.А., Кузнецов А.А.* Историк Николай Петрович Соколов (новые данные к биографии ученого) // Диалог со временем. 2012. Вып. 41. С. 165–180.
- Григорьева Е.А., Кузнецов А.А.* Представители петербургской исторической школы в Горьковском педагогическом институте (проблема адаптации традиций исторических школ в советском образовании 1930–1950-х гг.) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 7. Омск: ОмГУ, 2011. С. 205–223.
- Кареев Н.И.* Письмо С.И. Архангельскому // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2011. С. 448.
- Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградск. университета, 1990. 384 с.
- Кузнецов А.А.* С.В. Ешевский и нижегородская историографическая традиция // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 204–212.
- Кузнецов А.А.* К перизданию статьи С.И. Архангельского о локальном методе // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2011. С. 421–431.
- Кузнецов А.А.* Научная и организационная деятельность Сергея Ивановича Архангельского в Нижегородском научном обществе по изучению местного края // Материалы V нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святые земли Нижегородской. Нижегородский кремль». Нижний Новгород, 2010. С. 156–171.
- Кузнецов А.А.* Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // Материалы II нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я. Садовского. Н. Новгород, 2006. С. 168–194.
- Кузнецов А.А.* Новые материалы к биографии Б.С. Жукова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5 (1). С. 238–244.
- Кузнецов А.А.* Новые факты биографии С.И. Архангельского // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 267–282.
- Кузнецов А.А.* Отзывы Н.И. Кареева, Е.А. Косминского, В.Н. Бочкарева в 1929 г. о научных работах С.И. Архангельского // История и историки в пространстве национальной культуры XVIII – начала XXI вв. Челябинск: Энциклопедия, 2011а. С. 245–253.
- Кузнецов А.А.* «Ошибки космополитического порядка налицо...»: к истории одной идеологической кампании в г. Горьком // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени Вып. 2. Н. Новгород: Пламя, 2011б. С. 70–91.
- Кузнецов А.А.* Письма Н.И. Кареева к С.И. Архангельскому // Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство. М., 2010а. С. 294–295.
- Кузнецов А.А.* Письма С.И. Архангельского С.Ф. Платонову (1923–1925 гг.) как историографический источник // Памяти академика Сергея Фёдоровича Платонова: исследования и материалы. СПб.: Любавич, 2011в. С. 470–476.
- Кузнецов А.А.* Провинциальная историография России первой трети XX в.: альтернативы развития и реализованные возможности // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012а. С. 239–256.
- Кузнецов А.А.* С.И. Архангельский (1882–1958). Вехи научного пути // *Пиренн А.* Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. и предисл. С.И. Архангельского. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. пед. ун-та, 2009. С. 146–168.
- Кузнецов А.А., Уткина Н.А.* Письма Б.С. Жукова А.Я. Садовскому и С.И. Архангельскому как источник по истории краеведческого движения в Нижнем Новгороде в 1920 – первой половине 1930-х гг. // Материалы VI Нижегород. межрегиональной архивоведческой конференции «Человек и документ». Н. Новгород, 2011. С. 154–163.

- Кузнецов А.А., Федосеева К.В. «Вы оказали русской исторической науке большую услугу...» (к переписке историков Д.М. Петрушевского и С.И. Архангельского) // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155. Кн. 1. Ч. 1. С. 280–290.
- Маловичко С.И. Некраеведческий манифест историка С.И. Архангельского // Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5. Ростов-н/Д., 2011. С. 449–460.
- Маслов А.Н. Смесь французского... Переводы книги А. Пиренна о средневековых городах как историографическая и филологическая проблема // Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли / Пер. с англ. и предисл. С.И. Архангельского. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. пед. ун-та, 2009. С. 169–190.
- Переписка С.И. Архангельского и Д.М. Петрушевского (публ. и комментарии А.А. Кузнецова и К.В. Федосеевой) // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013. Нижний Новгород: М-Принт, 2013. С. 128–139.
- Пиренн Ари. Средневековые города и возрождение торговли. Горький: Горьковский педагогический институт, 1941. 125 с.
- Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / автор-составит. Е.А. Долгова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 512 с.
- Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Личное дело Н.И. Соколова.
- ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1 – Фонд члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского.

REFERENCES

- Arkhangel'skii S.I. Lokal'nyi metod v istoricheskoi nauke // Kraevedenie. 1927. № 2. S. 181–194 (pereizd.: Cogito. Al'manakh istorii idei. Vyp. 5. Rostov-n/D., 2011. S. 432–447).
- Arkhangel'skii S.I. Agrarnoe zakonodatel'stvo Velikoi angliiskoi revolyutsii (40-e gg. KhVII v.) // Izvestiya Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 1930. Vyp. IV. S. 89–166.
- Arkhangel'skii S.I. Ukaz Diokletiana o taksakh // Izvestiya Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Nizhnii Novgorod. 1928. № 2. S. 365–401.
- Grigor'eva E.A., Kuznetsov A.A. Istorik Nikolai Petrovich Sokolov (novye dannye k biografii uchenogo) // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 41. S. 165–180.
- Grigor'eva E.A., Kuznetsov A.A. Predstaviteli peterburgskoi istoricheskoi shkoly v Gor'kovskom pedagogicheskom institute (problema adaptatsii traditsii istoricheskikh shkol v sovetskom obrazovanii 1930–1950-kh gg.) // Mir istorika: istoriograficheskii sbornik. Vyp. 7. Omsk: OmGU, 2011. S. 205–223.
- Kareev N.I. Pis'mo S.I. Arkhangel'skomu // Cogito. Al'manakh istorii idei. Vyp. 5. Rostov-n/D.: YuFU, 2011. S. 448.
- Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1990. 384 s.
- Kuznetsov A.A. S.V. Eshevskii i nizhegorodskaya istoriograficheskaya traditsiya // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2011. T. 153. Kn. 3. S. 204–212.
- Kuznetsov A.A. K pereizdaniyu stat'i S.I. Arkhangel'skogo o lokal'nom metode // Cogi-to. Al'manakh istorii idei. Vyp. 5: Foundation. Rostov-n/D.: YuFU, 2011. S. 421–431.
- Kuznetsov A.A. Nauchnaya i organizatsionnaya deyatelnost' Sergeya Ivanovicha Arkhangel'skogo v Nizhegorodskom nauchnom obshchestve po izucheniyu mestnogo kraja// Materialy V nizhegorodskoi mezhtsegorodskoi arkhivovedcheskoi konferentsii «Svyatyni zemli Nizhegorodskoi. Nizhegorodskii krem'l'». Nizhnii Novgorod, 2010. S. 156–171.
- Kuznetsov A.A. Novye istochniki po nauchnoi biografii S.I. Arkhangel'skogo // Materialy II Nizhegorodskoi arkhivovedcheskoi konferentsii. Chteniya pamyati A.Ya. Sadovskogo. N. Novgorod, 2006. S. 168–194.
- Kuznetsov A.A. Novye materialy k biografii B.S. Zhukova // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 5 (1). S. 238–244.
- Kuznetsov A.A. Novye fakty biografii S.I. Arkhangel'skogo // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. S. 267–282.
- Kuznetsov A.A. Otzvyvy N.I. Kareeva, E.A. Kosminskogo, V.N. Bochkareva v 1929 g. o nauchnykh rabotakh S.I. Arkhangel'skogo // Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noi kul'tury XVIII – nachala XXI vv. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2011a. S. 245–253.

- Kuznetsov A.A. «Oshibki kosmopoliticheskogo poryadka nalitso...»: k istorii odnoi ideologicheskoi kampanii v g. Gor'kom // Al'manakh po istorii Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni Vyp. 2. N.Novgorod: Plama, 2011b. S. 70–91.
- Kuznetsov A.A. Pis'ma N.I. Kareeva k S.I. Arkhangel'skomu // Natsional'nyi/sotsial'nyi kharakter: arkhologiya idei i sovremennoe nasledstvo. M.: IVI RAN, 2010a. S. 294–295.
- Kuznetsov A.A. Pis'ma S.I. Arkhangel'skogo S.F. Platonovu (1923–1925 gg.) kak istoriograficheskii istochnik // Pamyati akademika Sergeya Fedorovicha Platonova: issledovaniya i materialy. SPb.: Lyubavich, 2011v. S. 470–476.
- Kuznetsov A.A. Provintsial'naya istoriografiya Rossii pervoi treti XX v.: al'ternativy razvitiya i realizovannye vozmozhnosti // Istoricheskoe poznanie i istoriograficheskaya situatsiya na rubezhe XX–XXI vv. M., 2012a. S. 239–256.
- Kuznetsov A.A. S.I. Arkhangel'skii (1882–1958). Vekhi nauchnogo puti // Pirenn A. Srednevekovye goroda i vozrozhdenie torgovli / Per. s angl. i predisl. S.I. Arkhangel'skogo. Nizhnii Novgorod, 2009. S. 146–168.
- Kuznetsov A.A., Utkina N.A. Pis'ma B.S. Zhukova A.Ya. Sadovskomu i S.I. Arkhangel'skomu kak istochnik po istorii kraevedcheskogo dvizheniya v Nizhnem Novgorode v 1920 – pervoi polovine 1930-kh gg. // Materialy VI Nizhegorodskoi mezhhregional'noi arkhivovedcheskoi konferentsii «Chelovek i dokument». Nizhnii Novgorod, 2011. S. 154–163.
- Kuznetsov A.A., Fedoseeva K.V. «Vy okazali russkoi istoricheskoi nauke bol'shuyu uslugu...» (k perepiske istorikov D.M. Petrushevskogo i S.I. Arkhangel'skogo) // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. 2013. T. 155. Kn. 1. Ch. 1. S. 280–290.
- Malovichko S.I. Nekraevedcheskii manifest istorika S.I. Arkhangel'skogo // Cogito. Al'manakh istorii idei. Vyp. 5. Rostov-n/D., 2011. S. 449–460.
- Maslov A.N. Smes' frantsuzskogo... Perevody knigi A. Pirenn o srednevekovykh gorodakh kak istoriograficheskaya i filologicheskaya problema // Pirenn A. Srednevekovye goroda i vozrozhdenie torgovli. N. Novgorod, 2009. S. 169–190.
- Perepiska S.I. Arkhangel'skogo i D.M. Petrushevskogo (publ. i kommentarii A.A. Kuznetsova i K.V. Fedoseevoi) // Al'manakh po istorii Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni. Vyp. 3–4. 2012–2013. Nizhnii Novgorod: M-Print, 2013. S. 128–139.
- Pirenn Anri. Srednevekovye goroda i vozrozhdenie torgovli. Gor'kii, 1941. 125 s.
- Uchenyi v epokhu peremen: N.I. Kareev v 1914–1931 gg. Issledovaniya i materialy / avtor-sostavit. E.A. Dolgova. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 512 s.
- Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F. 2734. Op. 9a. D. 85. Lichnoe delo N.P. Sokolova.
- TsANO. F. 6299. Op. 1 – Fond chlena-korrespondenta AN SSSR S.I. Arkhangel'skogo.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; nalbuз@mail.ru

N. I. Kareev's letters to S. I. Arkhangel'sky

The article presents a study of the letters send by Academician N. I. Kareev to a Nizhny Novgorod historian S. I. Arkhangel'sky. These letters of 1924–1930 are stored in personal archival collection of S. I. Arkhangel'sky. Letters by N. I. Kareev are a valuable source for an academic biography of S. I. Arkhangel'sky and a communication network of historians of the 1920s.

Keywords: N. I. Kareev, S. I. Arkhangel'sky, D. M. Petrushevsky, Henri Pirenn, letters, communication network, local method, agrarian legislation of English revolution

Andrey Kuznetsov, Dr.Sc. (History), Associate professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod; nalbuз@mail.ru

К. А. Юдин

АЛЬБЕРТО СОРДИ И КИНЕМАТОГРАФ ПОСТФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ В КОНСЕРВАТИВНОЙ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ*

Настоящая статья посвящена истории итальянского кинематографического искусства 1950–1980-х гг. и творчеству выдающегося актера и режиссера Альберто Сорди. Автор предпринял попытку дать историко-философскую оценку кинематографу Италии, рассмотреть его как интеллектуально-эстетический феномен, а также изучить роль киноискусства в процессе отображения «цивилизационных трансформаций», связанных с катаклизмами послевоенного периода – сменой режимов, идейно-политических координат и социально-экономического уклада, становлением постфашистской Италии. Анализируется избранная фильмография, которая содержит образы-амплуа, раскрывающие социально-политическую проблематику: соотношение личности и власти в институциональном спектре, идейную конфронтацию интеллигенции с представителями низших социальных групп, восприятие и рефлексию войны в массовом сознании и процесс формирования коллективной памяти.

Ключевые слова: кинематограф Италии, Альберто Сорди, фашизм, консервативная политическая традиция, «консервативная революция», энтропия, эгалитаризм

В научной литературе, публицистике, различных киноведческих экскурсах, организуемых в рамках специализированно-тематических телевизионных проектов, посвященных отдельным актерам, режиссерам и их соратникам по «киноиндустрии», уже устоялось представление о второй половине XX столетия как о некоем «золотом веке» мирового кинематографа. Расцвет искусства кино, безусловно, был связан с атмосферой послевоенного времени, отличавшейся повышенной идейной напряженностью, что потребовало качественного, и, самое главное, открыто и доступно осуществляемого переосмысления морально-нравственных ценностей, мировоззренческих ориентиров, национально-государственных приоритетов, идеологических убеждений и т.д.

В силу этого, кинематограф, как нам уже приходилось отмечать¹, становится важнейшей трибуной, форумом, своеобразным зеркалом социально-политического бытия, в образно-аллегорической ирреальности которого происходит радикальная постановка или решение тех фундаментальных проблем, которые носят уже не локально-национальный, партикулярный, а метаисторический характер.

---

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX – начала XXI в.: виртуальность и реальность».

¹ Юдин 2012; 2014.

Одним из самых тяжелых последствий Второй мировой войны стал глубочайший экзистенциально-онтологический кризис, выразившийся в столкновении миров, измерений бытия. Смена режимов, форм военно-политического присутствия привели к обострению конфликта между проявлениями «старого» и «нового», порожденных как исторически неисчерпаемым антагонизмом «традиционного», консервативно-патриархального уклада и современно-секуляризованного, урбанически-«буржуазного» образа жизни, так и обусловленного многократными экзистенциальными перевоплощениями и социально-ролевыми «переворотами-инверсиями», когда исполнение гражданского долга, да и элементарно-повседневная реальность стремительно меняли координаты и смыслы, вызывая к жизни до абсурда эклектичные и в корне антиномические уровни сосуществования сторонников различных идеологий и политических доктрин, как сохраняющих легальный статус, так и объявленных «реакционными» и экстремистскими.

В наибольшей степени от всех этих катаклизмов пострадали страны, которые во второй четверти XX века попытались реализовать на практике концепцию «третьего пути». Агрессивная человеконенавистническая практика, диктаторско-вождистский волюнтаризм, проявленные лидерами нацистской Германии и фашистской Италии – Гитлером и Муссолини – вызвали на эмоциональной волне гуманистического негодования очередной реваншистский импульс, заключавшийся в стремлении получить возмездие за все социально-политические эксперименты, носившие преступный характер.

Однако, как это уже неоднократно случилось в истории, осуждение приобрело чрезмерный размах. Была неправомерно дискредитирована сама, в целом положительная, идея «консервативной революции», устремленная к построению органичного государства и общества традиционного воинско-героического типа, основанного на строгом соблюдении особого этоса бытия, отражающего культуру духа, предполагающую аскетизм, умеренность, благоразумие во всем, дисциплину и социально-интеллектуальную иерархию. Соблюдение этих фундаментальных принципов проистекало из верности внутренней сущности личности и детерминированным ей пределам самораскрытия, определявшим статус в этой системе подлинно консервативной интеграции всех элементов, осуществляемой не насильственным путем, а под влиянием осознанного сопричастия – «метафизического притяжения» к ядру общих целей и смыслов. Именно таких перспектив, которые как раз *отчасти* вбирала в себя фашистская доктрина, ставшая конкретно-исторической попыткой продолжить развитие европейской политической традиции², как полагал известный мыслитель-традиционалист ба-

---

² Более обстоятельный разбор этих проблем см.: Юдин 2015.

рон Юлиус Эвола, и лишилась послевоенная Италия, превратившаяся, по его горько-ироническому выражению, в бесформенную в идейном отношении «лубочную Италию для туристов, с ее мандолинами, гондолами, музеями, руинами, “Sole mio”»³, где место указанных принципов благородного духа заняли подрывные установки левого фронта – социалистического эгалитаризма, возобладало господство коллективистско-материалистических инстинктов, индивидуалистической вседозволенности, одержимость экономикой и производственной лихорадкой, оправдываемой «волей большинства», не признающего никаких иных ценностей и аргументов, кроме количественно-силового превосходства. Все эти симптомы деструктивного миропорядка отчетливо проявились в итальянском обществе 1950–1980 гг. и стали объектом смелых и оригинальных разоблачений в кинематографе, в котором социальная тематика, трагикомические метаморфозы демократического строя, заняли ведущее место в творчестве актеров с мировыми именами, не равнодушных к судьбе своей страны, таких как Витторио Гасман, Марчелло Мastroяни, Уго Тоньцци, Уго Болонья, Паоло Вилладжо, Адриано Челентано, Нино Манфреди, Франко Фабрици и многих других. Не исключением из этого ряда является и один из выдающихся «мэтров», ставших своеобразным национальным символом итальянского киноискусства – Альберто Сорди (1920–2003).

Жизненный путь Альберто Сорди с самых ранних этапов был неразрывно связан с киноиндустрией. Уже в 1937 г., в 17 лет, он устроился на работу статистом в киногородке Чиничетта, параллельно выступая как актер дубляжа до 1951 г., а также – радиоведущий в мюзикхолле⁴. Как и все начинающие актеры, долгое время Альберто Сорди принимал лишь эпизодическое участие в таких фильмах, как «Сципион африканский» / «Scipione l'africano» (1937), «Жестокий Саладин» / «Il feroce Saladino» (1937), «Сердце в бурю» / «Cuori nella tormenta» (1940), сыграв первую значительную для него роль в фильме режиссера Марио Маттоли «Три орленка» / «I 3 aquilotti» (1942). Однако, уже в начале 1950-х гг. он снялся в двух ранних кинокартинах впоследствии знаменитого режиссера Федерико Феллини – это «Белый шейх» / «Lo sceicco bianco» (1952) и «Маменькины сынки» / «I vitelloni» (1953), а также начал сотрудничество с режиссером Марио Моничелли и познакомился с творчеством талантливого и уже известного в это время итальянского комика аристократического происхождения Тото⁵, выступив с ним партнером по сценической площадке в 1951 г. в фильме «Тото и императоры Рима» / «Toto e i re di Roma», где «комический дуэт» в полной

---

³ Эвола 2007. С. 351.

⁴ См. подробную биографию: Ливи 1971.

⁵ Настоящее имя – Антонио Фокас Флавио Анджело Дукас Комнено Де Куртис Бизанццо Гальярди.

мере демонстрирует подлинное искусство смешить, связанное с мастерством игры в антиномии – сочетание полусерьезного выражения лица и эксцентричного поведения. Все это Сорди взял на «вооружение», включив трагикомический компонент в состав своего образа.

Именно в это время складывается амплуа «типичного итальянца», чаще всего – южанина, которое, в значительное степени было обусловлено его личными качествами – неутоимым, иногда даже взрывным темпераментом, невероятной энергичностью и активизмом, порой доходящими до абсурда. В то же время все это сочеталось с удивительным обаянием и непередаваемым шармом, интеллигентным обликом, дополняемым богатством мимики и внешней фактуры (от ослепительной улыбки, которую можно сравнить разве что с улыбкой Фернанделя, до гримасы страха, негодования или глубокой меланхолии, передаваемой с помощью выразительных глаз), неподдельной эмоциональностью, благодаря которым даже преимущественно отрицательные герои Сорди вызывали симпатию.

Образ коренного итальянца, аборигена, полностью впитавшего в себя дух, национальный ментально-психологический колорит своей родины и соотечественников, становится практически лейтмотивом, сквозной темой творчества Сорди, передавшего ее всем своим персонажам, кого бы он не играл – полицейского, прокурора (советника юстиции) республики, священника или простого обывателя, «маленького человека», как по социальному статусу, так и по внутренней сущности. В ранних кинокартинах, таких как, например, «Случай в исправительной тюрьме» / «Accadde al penitenziario» (1955) или «Случай в комиссариате» / «Accadde al commissariato» (1954), ставших своеобразной стартовой площадкой для полноценного раскрытия многогранного таланта Альберто Сорди даже в рамках «мини-ролей». Например, в последнем фильме Сорди участвует в небольшом, но весьма колоритном эпизоде: он играет экстравагантного, пафосного и слегка неуравновешенного посетителя кабинета начальника полиции, к которому он приходит в странном облачении – пиджаке и женской юбке, изображая из себя представителя древнеримского рода, продающего мыльные пузыри, которому в современных условиях ничего не остается, как попытаться возродить статус аристократа-«предводителя» с помощью подобного низкопробного эпатажа. В ответ на навязчивые психологические атаки героя Сорди, комиссар полиции реагирует предельно здравомысляще и

адекватно, произносит фразу, которая после неоднократного повторения в патерналистско-снижидельном тоне действует на «бунтаря» как успокоительное лекарство: «Будь мужчиной!». Этот короткий эпизод – превосходная пародия, пасквиль, иллюстрирующий печальное положение дел в постфашистской Италии, в которой место консервативного этоса, подлинной культуры духа и осмысленной, органичной самоактуализации, заняли профаническое судорожно-лихорадочное псевдобытие, леворадикальное экзистенциальное лицедейство.

Этот образ «ускользающего человека», бесхребетного, позитивно-жизнерадостного филлистера, растворяющегося в наличном бытии и чувствующего себя комфортно в реке эмпирического становления, дарованного демократической «Итальянией», эволюционирует и доведен до гротеска в таких ранних картинах, как «Мамочка моя, вот это да!» / «Mamma mia, che impressione!» (1951), «Венеция, луна и ты» / «Venezia, la luna e tu» (1958), «Вдовец» / «Il vedovo» (1959), «Отпуск на Майорке» / «Brevi amori a Palma di Majorca» (1959), «Уличный регулировщик» / «Il vigile» (1960). Первые четыре фильма объединены гинекократической темой, раскрывающейся в иллюстрациях как личностно-индивидуальной, так и цивилизационной патологии, связанной с преклонением перед женским началом, утратой подлинного миропорядка консервативной устойчивости, который должен быть основан, согласно убеждениям И.Я. Баховена и Ю. Эвола⁶, только на *мужской, уранической духовности*, олицетворяющей собой твердость, стабильность, дисциплину, мужество, благородие.

Эти принципы находятся в уверенной и непримиримой оппозиции к бесформенности, текуче-преходящей, материалистической, непредсказуемой природе женской сущности, капитуляция перед которой или даже любые уступки ей влечет за собой искажение экзистенциально-онтологической иерархии, когда цивилизация приобретает *хтоническо-теллурический* облик – индивидуальное, партикулярное, субъективное, порожденное культом «земли и крови», матриархальным конформизмом, начинает доминировать над объективной истиной и идейной парадигмой, направленной на защиту и сохранение того, что обладает надвременной и вечной ценностью вопреки всем навязанным абсурдным изменениям и установкам. Послевоенная Италия стала демонстрировать патологические признаки гинекократического омертвления, когда мужчины, утратив даже скудные представления об атмосфере героического напряжения, деградировали до «касты слуг», подчиняясь афродитическому или деметрическому господству – воле женщины-любовницы или женщины-матери, рассматривающих мужчин – мужей или сыновей – как свою собственность или даже рабов.

---

⁶ См. подробнее: Эвола 1996. С. 163-170; 190-194 и далее; Эвола 2009.

Так, в фильме «Мамочка, вот это да!» Сорди играет агрессивного, задиристого и самоуверенного филистера, который ради того, чтобы заслужить внимание со стороны особы женского пола идет на невероятные ухищрения, действуя как эгоист-индивидуалист, для которого не существуют пределы дозволенного, относящиеся к социальным нормам поведения, этике. Он бесцеремонно врывается в личную сферу каждого человека и дерзко, беспринципно с помощью психологического доминирования пытается мобилизовать попавшуюся ему «жертву», принуждая ее к соучастию в лакействе, угодничестве перед «дамой сердца». Он пугает старика, мешая ему спуститься с лестницы, которую он украсил, чтобы произвести впечатление на особь женского пола, отнимает у пассажиров автобуса личные вещи, провизию с той же целью – угостить даму и оказаться в выгодном положении. Далее, герой Сорди не останавливается и перед прямой фальсификацией – он дезорганизует спортивные соревнования, прибегая к низкопробным уловкам, чтобы добиться первенства, кажимости превосходства над честным спортсменом-конкурентом, и, тем самым, создать образ «сильного мужчины», которым в действительности он не является и никогда не станет.

В картине «Венеция, луна и ты» Сорди исполняет роль гондольера-ловеласа Беппи, который, попадая в «гинекократическую паутину», становится в силу своей страсти к эротическому гедонизму, объектом манипулирования со стороны трех женщин – двух американских туристов, прибывших в Венецию на каникулы, и своей невесты. Внешне забавный сюжет, по содержанию соответствующий жанру классической «комедии положений», тем не менее, с консервативных идейных позиций, да и с точки зрения здравого смысла, оставляет негативное впечатление. Ибо за яркими красками пасторали солнечной Венеции скрывается совершенно иная палитра. Кисть художника-режиссера рисует мрачную картину утраты мужского достоинства, «вирильности», как особой силы и качества духа, выступающего признаком *личности*⁷, способной благодаря этому решать вопрос об иерархии ценностей, приоритетов, и тем самым, противостоять бессмысленным и ничтожным «экзистенциальным провокациям», что низводит гондольера Беппи до уровня индивида, «человека-массы», погруженного, как, впрочем, и остальные герои, в энтропию – хаос становления и дискурсов ситуаций, из которых они не в состоянии выйти самостоятельно без консультаций со стороны служителей культа или иных посредников.

Близкий по типологии образ «пробивного» обывателя, «маленького человека», мещанина-филистера, но с большими претензиями, создает А. Сорди в кинокартине «Отпуск на Майорке», где он играет хромоногоего путешественника-туриста, легко вытесняющего с помощью

---

⁷ Эвола 1996. С. 128.

своего темперамента, настойчивости, доходящей до бестактной навязчивости, даже самых молодых и перспективных «кавалеров», претендующих на руку известной актрисы. Он разрушает все социальные, классовые, сословные барьеры, выступая, тем самым, символической фигурой, наглядно демонстрирующей антитрадиционные и подрывные принципы доктрины эгалитаризма, воцарившейся в послевоенной Италии, призывающей на основе натуралистического подобия и сходства индивидов – к всеобщему и якобы «естественному» равенству и праву, смещению и стиранию различий, проистекающих из внутренней сущности и пределов эманации духа личности. Отметим, что поистине экстремальный *активизм* – «экзальтацию и практику действия... ради действия, слепой, инстинктивный порыв»⁸, – который постоянно проявляют герои Альберто Сорди, вечно суетливые и неутомимые, как раз выступает еще одним признаком культурно-цивилизационной патологии, ибо этот образ «энтропийного активиста» практически полностью совпадает с аналогичным персонажем американского комика Нормана Уиздома – «мистера Питкина». Последний также не «страдает» никакими комплексами и не чувствует барьеров и пределов, что, впрочем, простительно для него, ибо так называемая американская «цивилизация» не имеет никаких духовных корней, а представляет собой технико-экономическую, механистическую матрицу: «Американцы – живое опровержение декартовской схемы “я мыслю, следовательно, я существую”». Американцы не мыслят, но, тем не менее, существуют... это *общество партий*, которые «свели к чисто практической и физической области всякую власть, здоровье, активность и индивидуальность, и из-за этого создали еще более опасную форму варварства»⁹.

Именно такие «парии» показаны в ряде фильмов конца 1950–1960-х гг.: уже упомянутые «Уличный регулировщик» (1960), «Вдовец» (1959), далее – «Преступление» / «Crimen» (1960), «Инспектор» / «Il commissario» (1962), «Бум» / «Il boom» (1963), «Ведьмы» / «Le streghe» (1967) и некоторые другие. Так, в фильме «Уличный регулировщик» (режиссер Луиджи Дзампа) Альберто Сорди исполняет роль бесхребетного «главы семейства», который практически ничего не умеет делать, но духовная нищета не только не удручает его, а напротив, становится источником уже упомянутого активизма (он вмешивается во все и повсюду) и полное отсутствие минимальной рефлексии, его конформизм в сочетании с непомерными амбициями, позволяет успешно выходить даже из самых затруднительных ситуаций. Безработный Отелло Челетти (Сорди) терроризирует мэра города, настаивая на протекционизме в деле трудоустройства, рассматривая этот потен-

⁸ Эвола. Преодоление активизма. С. 46, 49.

⁹ Эвола. Американская «цивилизация». С. 173; Два лика национализма. С. 140.

циальный шаг как компенсацию за исполнение «гражданского долга» его сыном, спасшим своего сверстника – сына члена городского совета. Мэр под давлением избыточной назойливости Челетти, который не просит, а бесцеремонно требует от него конкретную работу (полицейским), уступает ему. После этого существование мэра, как и всех близких и знакомых Челетти становится практически невыносимым.

Создав фиктивно устрашающий образ «бравого полицейского», ревностно выполняющего свои служебные обязанности, которые он везде понимает искаженно и гипертрофированно, герой Сорди, бросается из одной крайности в другую – от снисходительности, допущенной по отношению к известной киноактрисе, до воинственной принципиальности в разоблачении мэра, которого он штрафует за превышение скорости, будучи уверен, что высокий чиновник сам того желает, проверяя Челетти на качество исполнения своих полномочий по принципу «невзирая на лица» после истории с проявленной «слабостью» по отношению к симпатичной киноактрисе. В результате банальная ситуация со штрафом перерастает в социально-политический конфликт со скандалом на уровне городского муниципалитета. Фигуру Челетти, внешне продемонстрировавшего готовность «идти до конца» во всем, после того, как он узнал о злоупотреблениях со стороны администрации, спекуляциях с земельными участками, попытались использовать право-монархические круги для смещения мэра-либерала, и с этой целью даже начали кампанию по выдвижению Челетти в депутаты. Однако, все оказалось тщетно – идейной трансформации и анагогического «перерождения» «маленького человека» не произошло. В самый решительный момент Челетти, не без влияния со стороны встречных «компрометирующих материалов», на суде отказывается от всех показаний против мэра ради сохранения вождя деленного полицейского мундира и мешанско-обывательской стабильности, рисуя прямо противоположную картину личности мэра как полностью «безупречного человека».

Этот фильм – превосходная сатира на систему демократического эгалитаризма, на каждом этапе обнажающего ущербность атмосферы релятивизма и индивидуалистической вседозволенности, которая оказывается фатальной как для рядовых социальных элементов, так и для партийно-государственной «элиты»: символично, что в конце фильма мэр, постоянно превышающий скорость и устраивающий экзистенциальную гонку, попадает в автокатастрофу, получая справедливое и закономерное возмездие за безрассудный активизм. Подобные ситуации присутствуют в сюжетной линии и других названных фильмов. В кинокартине «Вдовец», вышедшей на экраны в 1959 г., Сорди также играет «мелкого буржуа», который занимается финансовыми махинациями, не имеющими никакого успеха, и полностью зависит от своей жены, знающей, в отличие от нелучшего мужа, как нужно вести дела.

В 1963 г. на экраны выходит фильм режиссера Витторио де Сика с колоритным названием «Бум», когда все общество действительно испытало подобный патологический эффект – непреодолимое вожделение и тяготение к беззаботной, роскошной жизни, косному самодовольству с «мечтами о “prosperity”»¹⁰. Это превосходная пародия, едкая сатира над предельно материалистической и бездуховной атмосферой постфашистской Италии, в которой, как и в американской «цивилизации», все продается и все покупается, где место прежних героев – воинов, философов, мудрецов-аскетов, заняли подрывные персонажи, олицетворяющие собой иррациональный культ силы, «тиранию группы», – «боксер, ковбой и еврейский банкир»¹¹ как идеальные мужские типы, распыляющие свою энергию на достижение ложных целей, приводящих их, в конечном итоге, в экзистенциальный капкан. Причем эти персонажи часто увлекают за собой и тех, кто не желает крутиться в водовороте энтропии, однако неизбежно туда попадает вместе с ними.

Герой Сорди, синьор Альберти, живет иллюзорной жизнью – берет огромные кредиты, чтобы обеспечить себе и жене «респектабельный» образ жизни, что приводит его к полному банкротству. Чтобы расплатиться с долгами, он решается на отчаянный шаг – продать не что иное, как... собственный глаз, и уже получает задаток-аванс за операцию, который тут же тратит на пышный «светский раут», затеянный им из тщеславных побуждений – продемонстрировать мнимое благополучие перед отказавшимися помочь ему материально «друзьями», испытывая при этом невероятные страдания от осознания грядущей физической неполноценности. Фильм заканчивается трагикомично – попытка феерического бегства Альберти из клиники оказывается неудачной, последний кадр – герой Сорди, с похоронно-обреченным видом следует в сопровождении команды врачей на место «экзистенциальной казни»: лишение полноценного зрения рассматривается в кинокартине как закономерный итог и расплата за «духовную слепоту».

Логично дополняют многообразие личин «самодовольного недоросля», «заурядной души»¹², «человека бесхребетного»¹³ фильмы «Инспектор» (режиссер Луиджи Коменчини) и вышедший еще в 1959 г. «Моралист» / «Il moralista» (режиссер Джорджо Бьянки), в которых сущность описанного выше типа человека раскрывается в «институциональном ракурсе», а именно – в спектре взаимовлияния личностных установок, приоритетов и системы власти, испытывающей тех, кто причастен к ней на прочность. В обоих фильмах Сорди играет государственных чиновников – полицейского, педантичного помощника ин-

---

¹⁰ Эвола 2007. С. 85.

¹¹ Эвола. Феминизм и героическая традиция. С. 169.

¹² Ортега-и-Гассет. 1991. С. 311, 333.

¹³ Эвола 2009. С. 45-50.

спектора, и сурового контролера-цензора, ревностного блюстителя общественной морали, которые на собственном опыте получают возможность убедиться, какие катастрофические последствия могут наступить, если утратить чувство меры, нарушить часто зыбкий и тонкий, как лед, баланс, объем «интервенций» в ту или иную сферу. В этом случае, искомая справедливость, истина будут безнадежно искажены в кривом зеркале предубеждений, возведенных поспешно и механистически работающим «холодным» разумом.

Первый из персонажей Сорди, с колоритным именем Данте Ломбардоцци, после долгожданного назначения на пост инспектора полиции пережил головокружительное падение с этой ступени социальной иерархии, ибо все его тщательно спланированное и проводимое расследование разрушил иррациональный элемент – тот, кого он считал главным преступником, оказался лишь соучастником, взявшим часть вины на себя. В результате, вся карьера следователя в буквальном смысле рухнула, как карточный домик. На суде, осознав, что зашел в тупик, он полностью поддался стечению обстоятельств – согласился со лжесвидетельствами соучастника преступления, обвинившего его в физическом давлении, и вернулся в «лоно семьи», став простым водителем в бизнесе отца невесты, которого он раньше игнорировал.

Второй персонаж – генеральный секретарь итальянского филиала международной организации «Союза за общественную нравственность» также демонстрирует антиномичность, которая была присуща всем героям Сорди, показывавшим внешнюю силу, уверенность и постепенно проступавшую внутреннюю слабость и противоречивость, или наоборот, силу, но прямо противоположную по качеству. Аналогичная ситуация имеет место и здесь. Генеральный секретарь Августо – эксцентричный мужчина средних лет, при формировании образа которого Сорди, судя по всему, приложил максимум усилий, чтобы визуально-театрально подчеркнуть идейную непримиримость к социальным порокам – стриптизу и откровенной порнографии, царящих в увеселительных заведениях: пронизывающий, практически испепеляющий взгляд, светящийся ярким «лучом» сквозь старомодные очки, экспрессивная жестикуляция и мимика, указывающая на настоящую одержимость в борьбе со злом. И эта борьба уже перерастает в ханжескую нетерпимость и пристрастие, поскольку Августо готов запрещать абсолютно все, начиная от античных статуй и заканчивая балетом, однако, в конце выясняется, что все это – не более, чем лицемерная личина, маска, скрывающая его подлинную *аморальную* сущность – афериста, занимающегося подпольной вербовкой женского персонала для ночных клубов. Далекое не безупречным оказывается и весь «общественно-политический актив» Союза за нравственность, погрязший в коррупции – мелком взяточничестве и подлогах документов, демон-

стративной богобоязненности и реальной развращенности, что стало типичным для послевоенной либерально-демократической «Италянии», вступившей в эру технико-экономической, механистической стандартизации отношений и приоритетов, заимствованных у США.

Значительное место в итальянском кинематографе заняла военно-политическая тематика. Это выразилось в обращении к таким сложным темам, как участие Италии во Второй мировой войне, феномен фашистской диктатуры Муссолини, внутренний идейно-мировоззренческий климат этого режима, взаимоотношения между его сторонниками и противниками (движением Сопротивления, антифашистами) в исторической динамике «переходного периода», связанного с, как это нередко обозначается в историографии, «преодолением» тоталитарного прошлого и его наследия, формированием постфашистской Италии. В драматическом, психолого-аналитическом ключе с элементами сатиры, или, как верно отмечено в литературе, *язвительной ироничности*¹⁴, раскрывающими актуальную проблему «фашизм и личность», были выдержаны кинокартины – «Трудная жизнь» / «Una vita difficile» (1961), «Все по домам» / «Tutti a casa» (1960) с Альберто Сорди, «Ревущие годы» / «Gli anni ruggenti» («Инспектор-игкогноито») с Нино Манфредди, а также – «Генерал делла Ровере» / «Il Generale della Rovere» (1959), «Долгая ночь 1943 года» / «Lunga notte del '43, La» (1960). Не ослабевал интерес к этой тематике и в 1970-е гг., когда в рамках итало-германо-французского сотрудничества появились на свет фильмы режиссера Бернардо Бертолуччи «Конформист» / «Il conformista» (1970), «Двадцатый век» / «Novecento» (1976), Этторе Сколы – «Необычный день» / «Una giornata particolare» (1977), Паскуале Скуитьери – «Железный префект» / «Il prefetto di ferro» (1977), сатирическая комедия Федерико Феллини «Амаркорд» / «Amarcord» (1973) и многие другие.

Сразу стоит отметить, что большинство из названных картин носят идейно-политически односторонний, прицельно антифашистский характер, что, безусловно, имеет под собой основание и поэтому придает им весомую гносеологическую ценность: ни в коей мере нельзя отрицать справедливость критических атак на произвол тоталитарно-репрессивной машины и ее наиболее активных адептов, которые и в период агонии фашистского режима продолжали осуществлять бессмысленное и неоправданное насилие над своими противниками, как это показано, например, в кинокартине «Долгая ночь 1943 года». Однако, детальный анализ этих кинокартин, традиционно относимых к «антифашистским» показывает, что далеко не все было так однозначно. Дело в том, что объектом критики, как правило, выступали лишь внеш-

---

¹⁴ Альберто Сорди // URL: <http://www.russkoekino.ru/books/foreign-kino/foreign-0008.shtml>

ние, поверхностные, институциональные или сугубо субъективно-персонализованные проявления, выдаваемые за «ужасы фашизма», хотя те или иные симптомы в действительности носили метаисторический характер, *типичный* для всех режимов, стран и народов, независимо от идейно-политической полярности. При этом от внимания режиссеров и актеров, погружавшихся в собственные амплуа, ускользало главное – сама сущность фашистской доктрины, достоинства и преимуществ которой, связанные с консервативно-органичной актуализацией личности, становились очевидными и заметными даже вопреки замыслу авторов. Так, например, демонстративно антифашистским можно назвать фильм «Рычащие годы» («Инспектор-инкогнито»), снятый по мотивам русской классики – «Ревизора» Н.В. Гоголя, с той лишь разницей, что действие переносится в Италию 1930-х гг. – расцвет диктатуры Муссолини. В общих чертах гоголевская концепция осталась неизменной. Действие разворачивается, как в классической пьесе: чиновники небольшого итальянского города N (название не указывается) благодаря избыточной «политической бдительности» одного из коллег принимают обыкновенного страхового агента Омеро Ботифьоре (Нино Манфреди) за инспектора от фашистской партии, присланного из Рима. Ободренная своей «проницательностью», администрация городка, во главе с мэром, развертывает лихорадочные приготовления к приему важной персоны по тщательному сокрытию всех реальных и мнимых недостатков и созданию образа идеального города: в спешке заколачиваются перегородками все неблагоприятные переулочки, по всему городу на стенах домов расписываются изречения дуче, да и самого Омеро принимают, словно Муссолини, в подобострастно-лакейском стиле выполняя всего его пожелания, которые тот, ничего не подозревая, излагает, выполняя свои профессиональные обязанности. Особенно забавен эпизод, когда Омеро вместо с мэром города выезжает «инспектировать» окрестности города, деревню, и в каждом населенном пункте наталкивается на рогатый скот с одним и тем же клеймом, поскольку впередидвигающиеся машины муниципалитета перевозят одно единственное стадо, фальсифицируя несуществующие успехи «фашистского» животноводства.

Однако все эти приемы и ухищрения, какими бы они искусными ни были, как уже отмечалось выше, принадлежат более широкому проблемному спектру «личность и власть» во всех пространственно-временных модификациях, и не могут быть адресованы только Италии. Кроме того, показательно, что Омеро Ботифьоре отнюдь не выступает эквивалентом гоголевского Хлестакова. Напротив, он безупречен во всем, олицетворяя собой образ «идеального фашиста», такого, какой он *должен был быть*: он великолепно воспитан, элегантен и привлекателен как внешне, так и внутренне, приближаясь к античным

эталонам калокагатии, удачно сочетая ум, находчивость, искреннюю непосредственность со спортивно-воинской закалкой, приобретенной во время участия в «больших фашистских играх». В отличие от Хлестакова он не только не отдается низменному инстинкту разнузданности и вседозволенности, дарованных его положением, вернее, восприятием как значительной персоны, но смущается и искренне удивляется такому «особому приему», доверию со стороны простых людей, крестьян, которые видят в нем не «ревизора», а доверенное лицо дуче, призванное выслушать и передать лидеру страны все «челобитные». Но Ботифьоре не дает обещаний, которые не может выполнить: он скромно удаляется, оставив при себе все тайны, которые ему невольно были открыты, обличая местных чиновников лишь морально. Тем самым, отрицательный персонаж «Ревизора» здесь, по сути, приобретает прамю противоположный по полярности знак.

Два известных фильма с Альберто Сорди – «Все по домам» и «Трудная жизнь» – посвящены тяжелейшим культурно-цивилизационным трансформациям, экзистенциальным катаклизмам, которые пришлось испытать итальянской нации на переломном этапе от «фашистской эры» к становлению «нового порядка», связанного с формированием либерально-демократической Италии. Именно в этих фильмах по настоящему раскрылся драматический талант Сорди, превосходно сумевшего показать судьбу обыкновенного человека, типичного современника-очевидца той эпохи, беззащитного перед давлением обстоятельств, сила воздействия которых коррелировала с его собственной натурой приспособленца, идейно-политического хамелеона. Фильм «Все по домам» рисует мрачное зрелище наступившей суровой расплаты за геополитический экспансионизм, в который ввязался фашистский режим во главе с Муссолини: это полная деморализация и разложение армии, изнуренной затяжной войной. На примере истории одного взвода, которым командует лейтенант Альберто Инноченце (А. Сорди) показано подлинное состояние «боевого духа»: солдаты, услышав о перемирии, достигнутом влиятельной фигурой итальянского Сопrotивления маршалом Пьетро Бадольо, забывают о чести мундира, дисциплине и разбегаются *«все по домам»*, вступая в ряды партизанских антифашистских формирований. Сам Инноченце еще какое-то время внешне демонстрирует верность долгу и даже угрожает отдать «предателей» под суд, однако, скоро полностью капитулирует, подтверждая тем самым печальную истину: для большинства фашизм воспринимался лишь поверхностно и предельно прагматически, как очередной институционально-политический дискурс, к которому можно было прибегнуть лишь пока он был жизнеспособен и обеспечивал привилегированное положение солдат, оказавшихся на деле лишь «наемниками-милитаристами» по духу, чем воинами «консервативной революции».

В некоторой степени логическим продолжением идейной линии этой кинокартины можно считать вышедший в следующем, 1961 году фильм режиссера Дино Ризи «Трудная жизнь», где Альберто исполняет роль бывшего партизана Сильвио Маньоцци, которого в послевоенной Италии, освобожденной от «фашистско-монархического ига» при его участии, ждало горькое разочарование: республиканская «Италяния» погрязла в коррупции, демократия, фиктивная «диктатура большинства», коллективизм стали превосходной ширмой, прикрывающей криминальную деятельность по легализации средств, экспорта капитала за границу, осуществляемого представителями «бизнес-кланов». Герою Сорди, ставшему после войны журналистом, пришлось испытать немало унижений: его посадили в тюрьму за «клевету» после неудавшегося разоблачения «криминального авторитета», он постоянно испытывал психологический терроризм со стороны своей жены, для которой индивидуальная материальная стабильность, даже достигнутая капитулянтско-конформистским путем, была важнее верности идеям и ценностям, духовным ориентирам, призывавшим к справедливости, благородству и совестливости, т.е. тем качествам, которых был начисто лишен социальный тип «ускользающего человека»: их моральное чувство, как справедливо отмечал Ю. Эвола, «именно что “анестезировано”... по отношению к принципам последовательности и четкой линии они зачастую демонстрируют почти истерическую нетерпимость»¹⁵.

Эскалация социально-политической напряженности в стране на почве усугубляющейся криминализации властных структур, следствием которой стала колоссальная разница в доходах и уровне жизни разных категорий населения, сопровождалась повышенной конфронтацией, подогреваемой набравшим обороты левым движением, чья борьба за якобы «социальную справедливость» перерастала в экстремистский анархический эгалитаризм, как это произошло во Франции в 1968 г. Тогда студенты Сорбонны, не зная, как иначе компенсировать свою духовную нищету, пустоту существования, обусловленного пресыщением и скукой от материалистического самооблагодотворения, устроили восстание против любого порядка, пытаясь на место истины поставить частное, партикулярное мнение, а знания, которые им не хватало терпения и усердия получить – на «ситуационистские» установки¹⁶, сводящиеся к одной единственной цели – абсолютной вседозволенности.

Абсурдность и трагикомичность претензий разных категорий уже итальянского населения – студентов, священнослужителей, попавших под влияние левой идеологии, раскрывается в ряде фильмов, таких как «Всеобщий протест» / «Contestazione generale» (1970), «Всеобщее чув-

¹⁵ Эвола. Соображения об ускользающем человеке. С. 136.

¹⁶ См.: Сидоров 2006. С. 57-60.

ство стыда» / «Il comune senso del pudore» (1976), «Новые чудовища» / «I nuovi mostri» (1977), в которых студент вместо того, чтобы учиться занимается эпатажем, пишет «революционные» прокламации, скромный провинциальный священник дон Джузеппе, чей приход уже полностью угасает, устав от несправедливых упреков, лишений, встречая по пути к епископу своего уважаемого и обеспеченного «коллегу» по клирическому бизнесу от лютеранской церкви, решает на социальный протест: он просит у епископа жену, машину, теплое жилье, новую состоятельную паству. В остальных новеллах сталкиваются антагоничные по характеру герои в конфликтной обстановке, когда до гротеска алчные, лицемерно-двуличные, пристрастившиеся ко всем порокам, но внешне сохраняющие маску мнимой благопристойности отпускают гневные инвективы в адрес тех, кто знает пределы дозволенного и стоит по ту сторону – как ханжества, так и разнузданности.

В некоторых фильмах Альберто Сорди выступает уже не только как актер, сценарист, но и как режиссер, сотрудничая с французскими актерами – знаменитыми Филиппом Нуаре («Свидетель» / «Le témoin», 1978, режиссер Жан-Пьер Моки), Бернаром Блие («На всю катушку» / «Una botta di vita», 1988 г., режиссер Энрико Олдоини), соотечественниками Уго Тоньяцци, Нино Манфреди, Адриано Челентано, Паоло Вилладжо, приобретшим популярность после снятой по мотивам его книг серии фильмов Лучано Сальче и Нери Паренти (10 фильмов, с 1975 по 2000 гг.) о злоключениях бухгалтера Фантоцци, всю жизнь, как и многие «среднестатистические» итальянцы того времени, оставшегося на нижней ступени социальной лестницы за те добродетели – искренность, порядочность, усердие, трудолюбие, которые в жестокой реальности стали искаженно восприниматься как признак инфантилизма, а их носители – даже как чужеродные элементы. Отсутствие прагматизма, материалистического вождения, неумеренных амбиций, тщеславия и стремления к мгновенному карьерному росту любой ценой – все это вызывает недоумение в республиканской Италии, а тип человека, не попадающий в общий поток, безжалостно квалифицируется как «неудачник», презираемый за то, что «не умеет жить».

С конца 1960-х и до 2000-х гг. Альберто Сорди сам снял почти два десятка фильмов преимущественно по социальной тематике: «Лондонский туман» / «Fumo di Londra» (1966), показывающий контрасты между двумя идейно-экзистенциальными «мирами» – старой викторианской Англией и новой молодежной субкультурой, «Я и Катерина» / «Io e Caterina» (1980), «Торговцы смертью» / «Finche c'e guerra c'e speranza» (1974) – сатира на технико-механистическую цивилизацию и гонку вооружений, далее – вечная тема борьбы с коррупцией и преступностью, неискоренимого зла, которое торжествует над немногочисленными поборниками справедливости и обращает политико-юридические меха-

низмы в противоположную сторону – это «Задержанный в ожидании суда» / «Detenuto in attesa di giudizio» (1971), Всех за решетку» / «Tutti dentro» (1984). Вызвала заметный общественный резонанс вышедшая еще в 1968 г. картина «Врач страховой кассы» / «Il medico della mutua», снятая в стиле остро сатирических фельетонов М.М. Зощенко, резко критикующая часть итальянской интеллигенции «среднего звена» – врачей – за бездушность и формализм по отношению к пациентам, грубое нарушение профессиональной этики, цинизм по отношению к человеческим проблемам, тревогам, переживаниям за свое здоровье.

Сильное впечатление производят картины 1960–1970-х гг., сохраняющие актуальность и в настоящей социально-политической реальности, раскрывающие две темы: *интеллигенция и мир, внутренний культурный конфликт в сопряжении с экзистенциальной трансформацией личности*. Первой теме посвящен фильм «Учитель из Виджевано» / «Il maestro di Vigevano» (1963), в котором Сорди исполняет роль представителя благородной профессии и настоящего интеллигента, воспринимающего свой статус не функционально-прагматически, а в сакральном ключе, предполагающем особый этос, культуру бытия, верность идейным принципам и вере в силу знаний, способных разрушить любые предрассудки. Убежденный в своем верховенстве как «интеллектуального лидера», патриарха, маэстро Момбелли (Сорди) вырабатывает соответствующую модель и стратегию поведения: запрещает жене и сыну работать, несмотря на то, что денег на жизнь им катастрофически не хватает, старается общаться с людьми исключительно своего круга, поддерживая «духовную автаркию» и идейно-экзистенциальную сегрегацию. Однако его самоидентификация не встречает понимания. Напротив, учитель и его коллега, доведенный до отчаяния невозможностью пройти изошренную аттестацию и добиться статуса «полноценного» преподавателя и поэтому кончающий жизнь самоубийством, постоянно подвергаются уничижительным нападкам: со стороны директора-карьериста, родителей учеников, состоятельных филистеров-буржуа, не воспринимающих никакой действительности, кроме материальной, жен и знакомых (один из них даже избивает учителя, презирая его за непригодность к производительному труду и махинациям для ухода от налогов и получения прибыли), абсолютно индифферентных к идейной парадигме и миссии по накоплению и трансляции знаний и опыта, ради исполнения которой приходится жертвовать всем остальным. *Морально-политический смысл фильма: республиканская, демократическая Италия, утратившая героический дух, безжалостно отторгает подлинную элиту, интеллигенцию, которой нет места в этой «цивилизации становления»¹⁷, предполагающей единственный «правильный»*

---

¹⁷ Юдин 2013. № 2. С. 42-48.

вариант поведения, заключающийся в естественном конформизме, послушной реакции на все, даже в корне абсурдные «вызовы времени».

Второй фильм «Мафиозо» / «Mafioso» (1962) поучительно рассказывает о том, насколько опасен партикуляризм любого рода – национального, территориального, конфессионального, когда растворение в частном «дискурсе» влечет за собой трагические последствия. Герой Альберто Сорди – Антонио Бадоломенти – южанин, уроженец Сицилии, отличающийся крайним реакционно-патриархальным менталитетом, а также криминальной обстановкой, принимающей агрессивновязчивый характер, отторгающей все «инородное». Вырвавшийся из этой среды и переехавший на север Бадоломенти, вернувшись на родину, вновь попадает под влияние этой атмосферы местнических «традиций» – он оставляет в угнетенном и в буквальном смысле затравленном положении свою жену, которая чувствует психологическое давление со стороны его родственников, предается воспоминаниям о соучастиях в преступных практиках в раннем возрасте, гордясь прозвищем «молодого мафиози». Все заканчивается фатально: в обмен на оказанную протекцию в получении собственности для его отца и под влиянием традиционного для Сицилии криминального «кодекса чести», уже мирный, ассимилировавшийся на севере и в центре Италии работник автомобильного завода абстрагируется от всех морально-правовых идеалов, превратившись на одну ночь в наемного убийцу, устраняющего неугодного сицилийскому «патрону» человека, обрекая себя после этого на вечное раскаяние в содеянном.

Наконец, еще один киношедевр постфашистской Италии – это фильм «Мелкий-мелкий буржуа» («Маленький горожанин») / «Un borghese piccolo piccolo» (1977, режиссер Марио Моничелли). Здесь мы наблюдаем настоящую экзистенциальную трансформацию, когда в довольно робком и заурядном служащем министерства Джованни Вивальди пробуждается поистине героический дух, вызванный к жизни тяжелейшим потрясением: его единственный сын, являющийся полной копией отца, «молодым Фантоцци» с предсказуемым и казалось бы предельно детерминированным будущим благонадежного и исполнительного чиновника, погибает от «шальной» пули, выпущенной грабителем банка как раз в знаковый день – экзамена на «бухгалтерский чин». Режиссер дает гениальную концептуальную художественную интерпретацию, показывая ничтожность и бренность бытия, которое может закончиться в любой «самый неподходящий» момент – окровавленный труп сына с рассыпавшимися канцелярскими принадлежностями бессильно лежит на городской площади... И отец скидывает с себя личину мелкого «бюргера» и конвертируется в сурового и беспощадного воина-мстителя – восстановителя порядка: сначала он расправляется с убийцей своего сына, а затем переключается на аналогичные подрыв-

ные элементы, представителей «потерянного поколения», стремящихся волонтаристско-авантюристическим путем получить то, на что никакого права не имеют. Тем самым, герой Сорди «перерождается» в стиле Э. Юнгера, демонстрируя принцип «бытия в действии», предполагающего «высочайшую дисциплину сердца и нервов», хладнокровие, «героическое сознание, которое умеет распоряжаться своим телом, как орудием, и, забывая об инстинкте самосохранения, принуждать его к выполнению самых сложных операций...»¹⁸.

Знакомство с творчеством Альберто Сорди, проходившим в унисон с развитием всего итальянского кинематографа и социально-политических реалий послевоенного времени, позволяет сделать вывод о колоссальной и фундаментальной идейно-гносеологической ценности киноискусства этого периода, которое, вопреки некоторым поверхностным киноведческим публикациям, имело морально-политический, а не увеселительный характер. Как мы могли убедиться, даже самые непринужденно комичные персонажи, ситуации, отражающие их инфантильный образ мысли и действия, в действительности всегда имели глубокий внутренний философский смысл и контекст.

Большинство фильмов отразили мрачную картину инволюции итальянского общества, расставшегося с принципами подлинного консерватизма – социально-интеллектуальной иерархией, дисциплиной и атмосферой героического напряжения, с идеалами настоящей интеллигентности и культуры бытия, открывавшихся на пути к цивилизационной модели, предлагавшей не слепое прогрессистское движение «вперед», а движение вокруг устойчивого полюса идейных координат, обладающих универсальной, наиндивидуальной ценностью. Вместо этого воцарилось иррациональное механистическо-материалистическое состояние инертной, безликой американизированной экзистенциальности, энтропийность, принимавшая различные формы, ставшие, употребляя название одного из фильмов, в буквальном смысле «новыми чудовищами»: восстание масс, в каждом человеке в отдельности, и в манифестации коллективизма, как следствие парализации мышления установками левой идеологии, гинекократия, власть абсурдного и бесформенного, преходящего и конъюнктурно-партикулярного.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ливи Г. Альберто Сорди / Пер. с итал. А. С. Богемской; предисл. Г.Д. Богемского. М.: Искусство, 1971.
- Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
- Сидоров А.Н. Жан-Поль Сартр и либертарный социализм во Франции (50–70-е гг. XX в.). Иркутск, 2006.
- Эвола Ю. Живем ли мы в гинекократическом обществе? // Эвола Ю. Традиция и Европа. Сб. ст. Тамбов, 2009. С. 179–186.

¹⁸ Эвола 2005. С. 42–43, 45.

- Эвола Ю. Американская «цивилизация» // Эвола. Ю. Традиция и Европа... 2009.
- Эвола Ю. Два лика национализма // Эвола Ю. Традиция и Европа... 2009.
- Эвола Ю. Лук и булава. СПб., 2009.
- Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М., 2007.
- Эвола Ю. Метафизика пола. М., 1996.
- Эвола Ю. Преодоление активизма // Эвола Ю. Империя солнца. Сб. ст. Тамбов, 2010.
- Эвола Ю. «Рабочий» в творчестве Эрнста Юнгера. СПб., 2005.
- Эвола Ю. Соображения об ускользающем человеке // Эвола Ю. Империя Солнца... 2010.
- Эвола Ю. Феминизм и героическая традиция // Эвола Ю. Традиция и Европа... 2009.
- Юдин К.А. Западноевропейская консервативная политическая традиция в зеркале французского кинематографа эпохи голлизма (1959–1969 гг.) // На пути к гражданскому обществу. 2012. № 1-2(5-6). С. 80-83.
- Юдин К.А. Луи де Фюнес и кинематограф Франции эпохи «славного тридцатилетия»: от Шарля де Голля до Франсуа Миттерана. Опыт историко-философского анализа // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 3(15). С. 64-77.
- Юдин К.А. Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эвола и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1. С. 52-62.
- Юдин К.А. Человечество в пути: от «цивилизации бытия» к «цивилизации становления» (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 42-48.

REFERENCES

- Livi G. Al'berto Sordi / Per. s ital. A. S. Bogemskoi; predisl. G.D. Bogemskogo. M.: Iskustvo, 1971.
- Ortega-i-Gasset Kh. Estetika. Filosofiya kul'tury. M., 1991.
- Sidorov A.N. Zhan-Pol' Sartr i libertarnyi sotsializm vo Frantsii (50–70-e gg. XX v.). Irkutsk, 2006.
- Evola Yu. Zhivem li my v ginekokraticeskom obshchestve? // Evola Yu. Traditsiya i Evropa. Sb. st. Tambov, 2009. S. 179-186.
- Evola Yu. Amerikanskaya «tsivilizatsiya» // Evola. Yu. Traditsiya i Evropa... 2009.
- Evola Yu. Dva lika natsionalizma // Evola Yu. Traditsiya i Evropa... 2009.
- Evola Yu. Luk i bulava. SPb., 2009.
- Evola Yu. Lyudi i ruiny. Kritika fashizma: vzglyad sprava. M., 2007.
- Evola Yu. Metafizika pola. M., 1996.
- Evola Yu. Preodolenie aktivizma // Evola Yu. Imperiya solntsa. Sb. st. Tambov, 2010.
- Evola Yu. «Rabochii» v tvorchestve Ernsta Yungera. SPb., 2005.
- Evola Yu. Soobrazheniya ob uskol'zayushchem cheloveke // Evola Yu. Imperiya Solntsa... 2010.
- Evola Yu. Feminizm i geroicheskaya traditsiya // Evola Yu. Traditsiya i Evropa... 2009.
- Yudin K.A. Zapadnoevropeiskaya konservativnaya politicheskaya traditsiya v zerkale frantsuzskogo kinematografa epokhi gollizma (1959–1969 gg.) // Na puti k grazhdanskomu obshchestvu. 2012. № 1-2(5-6). S. 80-83.
- Yudin K.A. Lui de Fyunes i kinematograf Frantsii epokhi «slavnogo tridsatiletija»: ot Sharlya de Gollya do Fransua Mitterana. Opyt istoriko-filosofskogo analiza // Na puti k grazhdanskomu obshchestvu. 2014. № 3(15). S. 64-77.
- Yudin K.A. Natsional-sotsializm, fashizm vo vzglyadakh Yuliusa Evoly i nekotorye teoreticheskie problemy konservatizma // Na puti k grazhdanskomu obshchestvu. 2015. № 1. S. 52-62.
- Yudin K.A. Chelovechestvo v puti: ot «tsivilizatsii bytiya» k «tsivilizatsii stanovleniya» (razmyshleniya o prirode kommunisticheskoi vlasti i obshchestva) // Voprosy filosofii. 2013. № 2. S. 42-48.

Юдин Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете; kirill-yudin.hist@mail.ru

Alberto Sordi and the post-war Italian cinema in the conservative historical and philosophical perspective

The article is dedicated to the history of the Italian cinema in the 1950s-1980s, and to the work of a famous actor and director Alberto Sordi in particular. The author attempted to produce a historical and philosophical evaluation of the Italian cinema, and to analyse it as an intellectual and aesthetical phenomenon, and to study the role of cinema in the reflection of “civilizational transformations” connected to the post-war cataclysms in the post-Fascist Italy. The author analyses selected films with images that revealed social and political problems: a private citizen and the authorities, ideological confrontation between intellectuals and lower social groups, reflection on the war in mass conscience, and the process of the shaping of collective memory

Keywords: Italian cinema, Alberto Sordi, fascism, Western conservative political tradition, «conservative revolution», entropy, egalitarianism

Kirill Yudin, PhD in history, senior research fellow, Research Institute for Intelligentsia Studies, Ivanovo state university; kirill-yudin.hist@mail.ru

А. Д. ПАНТЕЛЕЕВ

«ДЛЯ УПРАЖНЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ ТЕХ, КТО НАМЕРЕВАЕТСЯ»: РАННИЕ АГИОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ КАК НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ ХРИСТИАН*

В статье предлагается прочтение раннехристианских мученичеств и актов II–III вв. как сборников практических указаний для тех, кто готовился стать исповедником или мучеником. Незначительные, на первый взгляд, детали в этих сочинениях указывают на то, как христианину следовало вести себя при аресте, в темнице, на допросе и суде и во время казни; кроме того, они дают важные советы для тех, кто остается жить. Чтение мученичеств формировало модель поведения, готовившую человека к прохождению всех этапов этого пути, и предлагало ему легко запоминающиеся и легко воспроизводимые варианты ответов. Точного подражания героям прошлого не требовалось, но следовало проникнуться их отвагой и добродетелями.

Ключевые слова: раннее христианство, агиография, мученичество, гонения, Римская империя

Одним из ключевых вопросов при изучении истории раннего христианства является исследование механизмов формирования и сохранения христианской идентичности, в частности, инструментов, при помощи которых поддерживалась и развивалась традиция мученичества. Мы обратимся к роли первых агиографических текстов – мученичеств и актов мучеников – в трансляции идеалов праведного поведения при жизни и на пороге смерти. В центре внимания окажутся сочинения, относящиеся ко II–III вв. (в основном, до начала гонений Диоклетиана). В жизни христиан эти рассказы выполняли увещательные, доксологические и литургические функции, кроме того, они были основанием для культа мучеников и укрепляли общину, сохраняя память о святых. Однако не стоит рассматривать эти тексты исключительно как литургические или риторические сочинения¹: едва ли не важнейшей их ролью было формирование образцов поведения, которым должны были следовать христиане. «Память о тех, кто мудро прожил свою жизнь с сердцем, наполненным верой, служит опорой для желающих подражать тем, кто лучше», – пишет автор «Мученичества Пиония» (1,1), а в «Мученичестве Поликарпа» прямо сказано, что его текст читается «для упражнения и подготовки тех, кто намеревает-

---

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 15–31–01260 «Раннехристианская агиография в контексте позднеантичной культуры».

¹ Castelli 2004. P. 26.

ся (совершить мученичество — А.П.)» (18,3). Сочинения о мучениках стали рецептом образцового поведения во время суда и казни, и многие из тех, кто готовился к мученичеству, следовали примеру тех, кто принял участие в этом состязании раньше². Постараемся показать, как отдельные детали этих текстов, на первый взгляд, призванные продемонстрировать праведность и героизм мучеников, ненавязчиво, но достаточно твердо формировали модель поведения для последователей³.

К. Келли не так давно показала, что ранние мученичества можно воспринимать как продолжение традиции духовных практик античной философии, позволявших индивидууму спокойно пережить любые превратности судьбы и подготовиться к смерти⁴. На такие упражнения в свое время обратил внимание П. Адо⁵. Эти практики — размышления о том, что следует сделать и что было сделано и на основании каких принципов; чтение; слушание; медитация — можно обнаружить у стоиков, платоников, эпикурейцев, а в более раннее время — у Пифагора и его учеников; яркий пример — рассуждения Сократа в платоновском «Федоне» о смерти и о том, что истинные философы боятся ее меньше, чем кто-либо другой. Упражнения по преимуществу сводятся к умению сдерживать свои страсти и тому, что П. Адо называет «естественным видением», при котором каждое событие помещается в перспективу универсальной природы. Многие философы писали на эти темы трактаты. У стоика Сенеки это «О гневе», «О блаженной жизни», «О стойкости мудреца», у платоника Плутарха — «О равновесии духа», «О любви к правде», «Как надлежит сдерживать гнев». Особое место среди этих упражнений Адо отвел «искусству умирать»; образцом смерти философа за свои убеждения стала казнь Сократа, который предпочел погибнуть, но не отступить от истины. «Упражняться в науке смерти — это упражняться в умерщвлении своей индивидуальности, своих страстей для усмотрения вещей в перспективе универсальности и объективности»⁶. В этой перспективе то, что происходит с человеком, перестает иметь какое бы то ни было значение, а тот, кто познал суть вещей и обрел гармонию со вселенной, уже ничего не боится⁷.

Подобные практики, по мнению К. Келли, существовали и в раннем христианстве и нашли отражение в мученичествах. Первый тип таких упражнений — декламация библейских формул, например, «Господь Бог, сотворивший небо и землю, море и все, что в них» (Ex. 20,11; Jer. 10,11–12; Pss. 145:5–7; Act. 4:24 и др.). Этот пассаж очень часто по-

² Thompson 2002. P. 41; Young 2001. P. 9.

³ О других способах «подготовки» мучеников см.: Nicholson 2009. P. 61–90.

⁴ Kelley 2006. P. 723–747.

⁵ Адо 2005.

⁶ Адо 2005. С. 42.

⁷ Droge, Tabor 1992. P. 29.

вторяется в ранних агиографических текстах⁸. Мы встречаем его в «Актах Карпа» (10), «Мученичестве Аполлония» (2), «Мученичестве Пиония» (8,3), «Актах Киприана» (1,2), «Мученичестве Фруктуоза» (2,3–4) и других мученичествах (Acta Eupli 2,5; Mart. Crisp 1,7; Acta Phil. 4). Келли полагает, что такие пассажи играли ту же роль, что максимы философов, «которые мы сможем процитировать сами себе в трудных обстоятельствах, чтобы остановить боязнь, гнев или печаль»⁹. При помощи таких формул мученик оказывался вписанным в универсальную перспективу: он – христианин, поклоняющийся Господу, Который сотворил весь мир. Это напоминало читателю, что краткий миг страдания – ничто по сравнению с последующей наградой, а вечных мук за отступничество следует бояться больше, чем телесной боли. Вторая техника упражнений, готовивших к мученичеству, – подражание Христу (*imitatio Christi*)¹⁰. Самый ранний пример – «Мученичество Поликарпа», а позже оно встретится в рассказе о Лионских мучениках, «Мученичестве Монтана и Луция»¹¹ и др. Подражание Христу создавало еще одну универсальную перспективу: подобно тому, как смерть Иисуса была не случайностью, а частью Божьего замысла спасения, так и казни мучеников принадлежали тому же плану. Все происходящее было отзвуком Страстей Господних, и понимание этого превращало позорную смерть в победу космоса над хаосом, где смерть и страдания оказываются самыми сильными проявлениями добродетели и благочестия.

Добавим, что к практикам, рассмотренным К. Келли, примыкают и другие эпизоды, например, поведение лионского мученика Санкта, который в ответ на все вопросы служителей и проконсула твердил «Я христианин!», и то же исповедовал во время пыток (Eus. HE V, 1,20–24), или Карпа, повторявшего те же слова во время бичевания (Acta Carpi gr. 23). Повторение таких формул могло ввести мученика в транс, позволявший не замечать боль и страдания. Можно отметить и особую «театральную» перспективу, в которую некоторые церковные авторы помещали происходящее на арене. Уже апостол Павел пишет: «Ибо я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделались позорищем (θέατρον) для мира, для ангелов и человеков» (1 Cor. 4,9), а у Оригена мы читаем: «Собирается вокруг нас многочисленная толпа (μεγά θέατρον), она хочет быть свидетельницей нашего подвига, когда нас призывают к мученичеству. Подобное происходит лишь при состязании весьма знаменитых атлетов, потому что на зрелище борьбы их собирается множество народа» (Exh. ad mart. 18); о театральности (θεατρικόν) суда и казни го-

⁸ Kelley 2006. P. 739–743. Подробнее см.: Perendy 2010. P. 221–239.

⁹ Адо 2005. С. 28.

¹⁰ Kelley 2006. P. 743–746.

¹¹ Каргальцев 2014. С. 276–301.

ворит и Послание о лионских мучениках Eus. HE V,1,47). Такая перспектива побуждала человека помнить о том, что он находится в центре внимания большой аудитории, и это заставляло его идти до конца и как можно лучше играть свою роль. В чем-то это было похоже на стоический взгляд на мир как театр, где каждый играет свою роль: «Человек величественно проводил свой час на сцене: он был должен не провалиться перед аудиторией – и нынешней, и будущей. В любом случае, он умрет, но позвольте ему, подобно гомеровскому герою, умереть, сделав что-нибудь великое, чтобы запомниться тем, кто это видел»¹².

Однако рассказы о мучениках наставляли не только в духовных практиках, но и давали массу конкретных советов о том, как следует вести себя на всем протяжении пути к обретению вечной жизни, от ареста до казни. Частое чтение или слушание агиографических сочинений могло подсказать, что следует делать при определенных обстоятельствах, и даже выработать что-то вроде условных рефлексов на стандартные вопросы во время суда. Такого рода подражание встречалось не только среди христиан, но и язычников, ярчайший образец – самоубийство Сенеки, взявшего себе примером Сократа. Последние речи Сенеки, обращенные к родным и друзьям, были записаны, а затем изданы, как и последние беседы Сократа. Когда Сенека понял, что кровь слишком медленно течет из вскрытых вен, то приказал дать ему «заранее припасенный яд, которым умерщвляются осужденные уголовным судом афинян», а после этого обрызгал водой стоящих вокруг со словами, что «совершает этой влагою возлияние Юпитеру Освободителю» (Tac. Ann. XV,63–64). Конечно, образцом для мучеников был Христос, но даже достаточно подробное повествование евангелистов о Страстях не давало ответов на многие конкретные вопросы, и такая же ситуация была с мучениками из Маккавейских книг – они были образцами, достойными подражания¹³, но гонения на иудеев при Антиохе слишком отличались от того, что происходило в Римской империи II–III вв. Необходимо было рассказать о героях недавнего времени для того, чтобы показать «что более новые события должны считаться важнее, из-за того, что они новее, так как в последние времена обещано возрастание благодати» (Pass. Perp. 1,3) и описать путь к венцу бессмертия *hic et nunc*, в Римской империи во II–III вв.

Прежде всего, христианин должен был знать, что мученичество происходит по воле не человека, но Господа. Можно стремиться и готовиться к этому подвигу, но нельзя совершить его только по своему желанию. Отрицательное отношение к добровольному мученичеству формируется очень рано, уже в «Мученичестве Поликарпа» рассказы-

---

¹² Нок 2011. С. 219.

¹³ Joslyn-Siemiatkoski 2009. P. 13–27.

вается о некоем фригийце Квинте, который «принудил себя и других придти добровольно», но струсил, увидев зверей, и принес жертву (Mart. Pol. 4). Позже эта тема появляется в греческой версии «Актос Карпа, Папила и Агатоники», где Агатоника, зрительница на трибуне, добровольно бросилась к костру; в более поздней латинской версии она превращается в задержанную вместе с остальными христианами¹⁴. Запрет самовольного исповедания содержится и в текстах церковных авторов. Климент Александрийский прямо пишет: «Есть и другого рода люди, не имеющие ничего общего с нами, кроме имени, которые преднамеренно бегут навстречу палачу и отдают себя на смерть... Относительно этих самоубийц мы провозглашаем: смерть их не есть мученичество, хотя их и казнят по приговору властей» (Strom. IV,17), а Киприан говорит: «Никто да не выдает себя добровольно пред язычниками» (Epist. 81,4). Знаком, показывавшим богоугодность мученичества, были видения, готовившие христианина к предстоящему подвигу веры. Впервые о таком видении рассказывается в связи с Поликарпом: «Явилось ему видение, и он увидел свою подушку, охваченную огнем. И повернувшись, сказал тем, кто был с ним: “Следует мне быть сожженным заживо”» (Mart. Pol. 5,2). Позже такие видения будут у Перпетуи (Pass. Petr. 4; 10), воина Василида (Eus. HE VI,5,2), Пиония (Mart. Pionii 2,3), Мариана и Иакова (Mart. Mar. et Jac. 2–3)¹⁵ и др. Это могли быть аллегорические сцены восхождения на небо, небесного суда, битвы с дьяволом или явления уже казненных святых. Необходимость подобного знака (видения) должна была, с одной стороны, сдерживать пыл желающих обрести венец бессмертия, особенно новообращенных христиан, а с другой, поднять статус исповедников и мучеников¹⁶.

Путь на суд начинался с ареста. Не следовало его провоцировать, но и не нужно было скрываться от солдат; в Церкви велась дискуссия о возможности бегства во время преследований, но она велась в сочинениях иных жанров¹⁷. Верующие уговорили Поликарпа покинуть Смирну, но когда за ним пришли воины, он не стал укрываться, сказав «Да свершится воля Божья» (Mart. Pol. 7,1). Важно было помнить, что солдаты, пришедшие за христианином, хотя и представляли враждебное римское государство, но не являлись истинными противниками, так как христианин сражался с самим дьяволом, а не с его земными слугами. В том же «Мученичестве Поликарпа» дан образец того, как следует

---

¹⁴ Хотя, как мы увидим, зрители во время суда могли объявлять себя христианами, и это не рассматривалось авторами мученичеств как осуждаемое отступление от нормы.

¹⁵ Каргальцев 2013. С. 208–239.

¹⁶ Ivanović 2013. P. 231–244; Пантелеев 2015(b). С. 33–43.

¹⁷ Подробнее о возможности бегства во время гонений см.: Leemans 2003. P. 901–910.

обращаться с римскими воинами: Поликарп попросил у них отсрочку для молитвы и приказал «подать им есть и пить, сколько они пожелают» (Mart. Pol. 7). На солдат он произвел впечатление благородного и удивительного старца, и некоторые из них даже раскаялись в том, что оказались замешаны в таком деле. Другие мученики также стремились сразу показать верность Христу: Пионий и его товарищи надели на себя сплетенные из веревок цепи (κλωστὰς ἄλυσεις), чтобы никто не подумал, что они собираются отступить от веры (Mart. Pionii 2,3), а епископ Тарракона Фруктуоз был готов отправиться в тюрьму в соляях (домашней обуви; Mart. Fruct. 1). Христиане должны были радоваться тому, что выбор Господа пал на них, и автор «Мученичества Мариана и Иакова» при описании ареста мучеников восклицает: «О, желанное для нас нападение!» (Mart. Mar. et Jac. 4,4).

Воины конвоировали мученика на допрос к местным властям, после чего он оказывался в тюрьме. Во многих текстах, особенно кратких актах, этот этап опускается. Это объясняется характером самого документа – *acta* были, по сути, копией протокола допроса, кроме того, автор мог решить, что излишне подробный рассказ о тюремной жизни может отпугнуть от подвига: в самом деле, кому захочется несколько недель в ожидании суда наместника находиться в грязной, душной, дурно пахнущей темнице и быть объектом издевательств и вымогательства со стороны стражи¹⁸. Тем не менее, несколько сочинений не скрывают эти подробности и сообщают, как следует вести себя в заточении. Послание о Лионских мучениках упоминает о тяжести пребывания в «мрачной и убийственной» тюрьме: условия там были настолько тяжелыми, что несколько христиан задохнулись (Eus. HE V,1,27–28). «Мученичество Перпетуи» также содержит жалобы на суровое содержание: «Я ужаснулась, так как никогда не оказывалась в таком мраке. Тягостный день! Было очень душно из-за скопища народа, солдаты занимались вымогательством» (3,5–6), но после того, как диаконы Терций и Помопоний дали взятку, условия тут же изменились, «и тюрьма для меня стала дворцом» (3,9). Сходным образом описывается тюрьма и в других текстах (Mart. Mont. et Lucii 4,3; Mart. Mar. et Jac. 6,1 et al.). Эти ужасы могли смягчаться благодаря заботам оставшихся на воле христиан: верующие давали взятки для улучшения положения заключенных, обеспечивали пищей и всем необходимым, для укрепления в вере в темницу приходили священники.

Условия пребывания в темнице во многом зависели от охранников и от их отношения к заключенным. Стражам в мученичествах отводилось особое место, к ним следовало относиться с достоинством и не заискивая. Часто солдаты и служители проявляли злобу и жестокость

¹⁸ Пантелеев 2013(а). С. 53–63.

по отношению к христианам, но и остальные заключенные тоже не вызвали у них симпатии: тюремщики пользовались такой репутацией, что Филон Александрийский даже задумывается о происхождении этого вида людей, «безжалостных по природе и ожесточившихся из-за своих занятий» (Philo. De Jos. 81–84)¹⁹. Обычным промыслом стражников было вымогательство у заключенных и посетителей тюрьмы, и не следовало им противиться, так как это могло создать проблемы и для мучеников, и для других христиан и заключенных. Это вполне созвучно совету Киприана вести себя в тюрьме скромно и не тщеславясь, чтобы не спровоцировать жестокие пытки, которые приведут не к славе мученика, а отступничеству (Сург. Ер. 11,1,3).

Идеальные модели поведения мученика в тюрьме — Перпетуя и Пионий. Первая демонстрировала твердость в вере, ставя ее выше любви к своим родным, и заботу о товарищах по заточению. В темнице она молилась, получала видения, обещавшие ей победу над дьяволом и обретение венца бессмертия, и вела дневник, в котором записывала все происходившее с ней. Когда начальник тюрьмы начал строго обращаться с мучениками, боясь, что они при помощи колдовства совершат побег, Перпетуя усовестила его (16,2–4), и благодаря ее доблести караульный воин Пуденс начал помогать заключенным и вскоре сам обратился в христианство. Пионий отказался от помощи единоверцев, а когда стражи, поняв, что из-за этого лишились источника дохода, бросили христиан во внутреннюю часть тюрьмы (аналог карцера), отнесся к этому с таким спокойствием, что те раскаялись и вернули его. Он вел беседы с товарищами по темнице и посетителями. Особое место отводится описанию его отношения к отступникам, которых было много в Смирне во время гонения Деция. Пионий не даровал им прощения, но всячески поддерживал их, давая надежду на воссоединение с общиной и указывая, что отступничество, вызванное насилием, — прощительный грех, а добровольный отказ от Христа непрощителен. Так же поступали и лионские мученики: «Они не превозносились над падшими, но чем богаты были сами, то давали и нуждающимся» (Eus. HE V,2,6). В тюрьме рядом с ним оказался монтанист Евтихиан, но Пионий не вступил в общение с ним, поступая так же, как писал Аполлинарий Иерапольский: «Вот почему мужи, благославляемые Церковью на подвиг мученичества за истину веры, когда бы ни встретились с "мучениками" фригийской ереси, всегда отделяются от них и умирают без всякого общения с ними» (Eus. HE V,16,22). Сходным образом себя вели и мученики в Лионе: они героически претерпевали пытки и тяжесть тюремного быта, ободряли новичков и даже добились раскаяния отступников. Отдельно в этом послании отмечено,

---

¹⁹ Пантелеев 2013 (а). С. 57.

что в темнице не следует проявлять чрезмерную строгость: когда некий Алквиад попытался сохранить свой обычный образ жизни, питаясь лишь хлебом и водой, то Аттал указал, что он поступает нехорошо, давая остальным повод к соблазну (Eus. HE V,3,2–3). Небесная награда мученика была намного важнее соблюдения поста²⁰. Таким образом, мы видим, что в этих текстах даются рекомендации для всех возможных ситуаций, в которых мог оказаться христианин. Особенно важно было для них сохранять мир между собой, не ссориться и не враждовать друг с другом. Мученик или исповедник не должен был гордиться своим статусом, извлекать из него какие-то выгоды, воздействовать на свою и чужие общины и даровать прощение всем грешникам, что обращались к нему с такой просьбой. Напротив, следовало вести себя скромно, не превозносясь и без спеси, как это делали лионские мученики «Они не только сами не объявляли себя мучениками, но запрещали нам их так называть... Они охотно отдавали звание мученика Христу, верному, истинному Мученику, Первенцу из мертвых, Владыке жизни в Боге» (Eus. HE V,2,2).

В тюрьме мученик дожидался суда наместника провинции или другого магистрата, который мог выносить смертные приговоры. Исповедание Христа на этом суде являлось центральным элементом мученичества, арест и тюрьма были подготовительными стадиями, а казнь – его следствием. Каждый мученик по-своему объявлял, что он не отступится от Бога и не будет приносить жертвы языческим богам, здесь не было какой-то процедуры, которой можно было научиться. Считалось, что во время суда христианин говорил не сам, а Христос присутствовал в нем и говорил его устами: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Mt. 10:19–20). Тем не менее, описание происходившего на суде готовило христиан к тому, с чем им предстояло столкнуться. Для мученика исповедание было битвой с дьяволом, ловушки и искушения здесь подстерегали на каждом шагу.

Процедура допроса была стандартной: сначала задавались вопросы об имени, месте рождения и статусе, затем – по существу дела, в случае христиан это могло быть что-нибудь вроде «Ты знаешь, что приказали императоры?» (Acta Carpī gr. 4; Mart. Fruct. 2 et al.), «Будешь ли ты упорствовать в христианском безумии?» (Mart. Agar. 3; Mart. Crisp. 1 et al.) или просто «Ты христианин?» (Iust. Apol. II 2,12; Mart. Iust. 4 et al.). Уже при вопросе об имени можно было заявить о своей

---

²⁰ Хотя, например, Фруктуоз не отказался от соблюдения поста в тюрьме (Mart. Fruct. 3,2; Пантелеев 2013 (b). С. 459–470); иногда мученики постились вынуждено из-за недостатка пищи (Mart. Mont. et Lucii 9; Tert. Ad mart. 3).

вере, подобно тому, как Карп ответил проконсулу: «Первое и лучшее имя – христианин, а если ты спрашиваешь то имя, что в мире, – Карп» (Acta Carpi gr. 3), Максимилиан – «Зачем ты хочешь узнать мое имя? Мне не позволено служить, так как я христианин» (Acta Max. 2), а Дасий – «По положению я солдат, а об имени моем скажу тебе так: лучшее мое имя – христианин, а родителями я был назван Дасием» (Mart. Dasii 6). Впрочем, это было необязательно, и многие мученики давали ожидаемые судьями ответы. Отметим, что при определенных обстоятельствах допускалась и ложь. Беглая рабыня Сабина, арестованная вместе с Пионием, назвалась по его совету Феодотой, чтобы ее не вернули ее госпоже (Mart. Pionii 9,3–5). Миряне Флавиан (Mart. Mont. et Lucii 12,3; 20,2–4) и Иаков (Mart. Mar. et Jac. 5,2) называют себя диаконами, чтобы добиться смертного приговора. Это не считалось добровольным мученичеством, так как христиане были уже задержаны и получили видения о том, что их ждет.

Если во время заключения было нежелательно раздражать стражу, то на суде, когда мученик объявлял себя христианином и тем самым обрекал себя на смерть, можно было позволить любые дерзости. Уже Поликарп выворачивает наизнанку требование проконсула проклясть безбожников, грозя толпе зрителей, а когда тот не оставляет попыток сохранить жизнь престарелому епископу, говорит: «Если ты тщетно надеешься, что я поклянусь фортуной Цезаря, как ты говоришь, и прикидываешься, что не знаешь, кто я такой, услышь со всей откровенностью: я христианин» (Mart. Pol. 10). Лионский епископ Потин на вопрос проконсула «Кто Бог христиан?» ответил «Узнаешь, если будешь достоин» (Eus. HE V,1,31), Пионий не дерзит магистратам, однако отыгрывается на язычниках, пытавшихся его задеть (Mart. Pionii 5,3–6; 15–17)²¹, но ярче всех выступил воин Дасий, заявив легату «Да плевал я на твоих императоров и их славу и презираю ее» (Mart. Dasii 10,2).

Источником беспокойства были зрители-язычники, присутствовавшие на суде. Они могли сочувствовать или негодовать, их настроение могло изменяться по ходу суда, они могли оскорблять мученика и требовать его казни. Если позволяли образование и находчивость, мученик мог парировать их насмешки и угрозы, как это делали Аполлоний (33) или Пионий, но лучшим выходом было игнорировать толпу, обращаясь только к магистрату, подобно Поликарпу. Когда наместник призвал его убедить толпу, тот сказал: «Я удостоил речи тебя; ведь мы научены властью и от Бога поставленным начальникам честь, которую им прилична, отдавать, не вредящую нам. Остальных же я не считаю достойными, чтобы перед ними оправдываться» (Mart. Pol. 10), и большинство мученичеств просто говорят о невозмутимости христиан.

---

²¹ Pernot 1997. P. 111–123.

Судья мог быть расположен к христианам вообще и к отдельному верующему в частности. В таком случае он мог попытаться его спасти, напоминая о возрасте, многократно призывая отречься от Христа и даже пытая мученика, чтобы заставить его принести жертву языческим богам. Наместник в меру своего понимания христианской религии мог предлагать какие-то компромиссы, которые позволяли христианину формально соблюсти его требования, не отступаясь от Христа, как это было в случае Поликарпа (9,2), или прямо подсказывать ответы на вопросы, как в «Мученичестве Феликса»: «Феликс, почему писаний Господних не отдаешь? Или, может быть, у тебя их нет?» (Mart. Fel. add.). Он мог привести на суд родственников и обратиться к ним с призывом воздействовать на мученика и вернуть его к обычному образу мыслей (Pass. Perp. 6; Acta Max. 2,3; Acta Phil. 6,8). В любом случае, следовало игнорировать все эти ухищрения и явно исповедовать себя христианином. Если наместник негативно относился к христианам, он мог свести допрос к единственному вопросу: «Ты христианин?», издеваться и шутить во время суда (Mart. Fruct. 2,9; Acta Max. 2,5 et al.), приговорить к мучительной казни или пыткам на арене. Не стоило бояться или переживать из-за таких вещей – ведь это было последнее испытание на земле перед обретением венца бессмертия, дьявол бился в ярости из-за своего бессилия, и многие мученики благодарили судью за приговор (Acta Carpi gr. 4,1; Acta Apoll. 6 et al.). Если судья предлагал отсрочку для раздумий, то ею можно было воспользоваться, как это сделали Аполлоний (Acta Apoll. 10) и неизвестная римская матрона (Iust. Apol. II 2,8), а можно было и отказаться (Acta Scil. 13).

Вплоть до вынесения приговора обвиняемый оставался субъектом права и мог общаться с магистратом почти на равных. Иногда это позволяло мученику произнести речь в защиту христианства, доказывая, что христиане не атеисты и не преступники, и обличить языческое идолопоклонство. Образцы таких апологий можно найти в «Актах Карпа» (1–2) или «Мученичестве Пиония» (3–4), самая большая речь содержится в «Актах Аполлония». Большинство исследователей считают, что речь Аполлония существовала независимо и в более позднее время была включена в «Акты»²²; возможно, это верно и для других речей²³. В этих речах, как и в «обычных» апологиях, часто подчеркивалась лояльность христиан Римской империи и императорам: христиане не злоумышляют против установленного порядка и готовы молиться за здоровье владыки²⁴, но, отдавая кесарю кесарево, не приемлют вторжения в сферу Бога и веры.

²² Musurillo 1972. P. xxiv–xxv; Сочинения древних христианских апологетов. С. 376–377.

²³ Пантелеев 2014. С. 762–770.

²⁴ Moss 2014. P. 147–161; Пантелеев 2015(a). С. 91–104.

Допрос во время суда был для христианина единственной возможностью публично выступить и высказаться о своей вере. Во время казни это было уже не сделать – и в республиканское, и в императорское время казнь преступников была вписана в римскую систему зрелищ и проводилась по устоявшемуся сценарию, не оставлявшему возможностей для самовыражения. Осужденные доставлялись на арену связанными попарно или по трое, причем часто им в рот вставлялся особый крик или на них надевался намордник для того, чтобы они не оскорбляли императора и наместника. Их могли подвергнуть пыткам, после чего сжечь, обезглавить или бросить зверям²⁵. При таких обстоятельствах мученик физически не мог обратиться с проповедью к зрителям; все, что ему оставалось, – совершить какой-то яркий жест²⁶. Так, Бландина распростерлась на столбе подобно Христу (Eus. HE V,1,41) Перпетуя отказалась выйти на арену в одежде, посвященной языческим богам (Pass. Perp. 18,4), а ее товарищи кричали прокуратору Илариану «Ты нас, а тебя Бог!» (18,8). По большому счету, этот перформанс был не обязателен: для христиан мученичество связывалось со спасением, а не проповедью, и в глазах мученика совершающееся было индивидуальным, а не публичным актом, имевшим ценность только для него²⁷. Прямо перед казнью он мог обратиться к служащим арены, готовившим костер или присматривавшим за зверями, со словами о страшном суде (Acta Carpi gr. 40) или, наоборот, ободрить их и пообещать заступничество перед Господом (Pass. Perp. 21,4–5; Eus. HE VI,5,3). Некоторые мученики оставляли в подарок солдатам свою одежду или деньги (Acta Carpi gr. 44; Acta Cypri. 5,4; Acta Max. 3,3). Наконец, прямо перед смертью следовало вознести молитву Господу с благодарностью за славную кончину и помолиться за Вселенскую Церковь.

Особо следует указать на примеры доблести мучениц; самые знаменитые героини – Бландина и Перпетуя²⁸. Женщины могли быть центральными фигурами мученичеств или спутницами других христиан, но их подвиг никогда не ставился ниже подвига мужчин. Напротив, их героизм особенно подчеркивался такими фразами, как «Сами язычники сознавались, что у них ни одна женщина не смогла бы выдержать столько таких мучений» (Eus. HE V,1,56) или «Такая женщина, которой страшился нечистый дух, не смогла бы умереть, если бы сама не захотела» (Pass. Perp. 21,10). Женщинам могли угрожать пытками или публичным домом (Eus. VI,4,2; Mart. Pionii 7,6), иногда эти угрозы испол-

---

²⁵ Potter 1993. P. 66–67.

²⁶ Пантелеев 2015(b). С. 35.

²⁷ Пантелеев 2015(b). С. 36.

²⁸ Женщинам-мученицам посвящено большое число исследований; укажем на основные: Сергеева 2013. С. 37–53; Frend 1978. P. 167–177; Castelli 1991. P. 29–49; Hall 1993. P. 1–22; Perpetua's Passion 2012.

нялись (Mart. Agar., 5,8–6,1), но их не следовало бояться. Беременность и дети — младенцы или более взрослые — не должны были становиться помехой для мученичества. Агатоника в ответ на призыв пожалеть ребенка ответила: «У него есть Бог, Который может пожалеть его» (Acta Carpi gr. 44), а рабыня Перпетуи Фелицитата переживала, что из-за беременности ее не казнят вместе с ее товарищами (Pass. Perp. 15). Об осиротевших детях заботились оставшиеся на воле христиане. Наконец, женщине следовало помнить об эстетике смерти: «И когда она села, поправила разорванную на боку тунику, чтобы закрывала бедро, помня больше о стыдливости, чем о страдании. После этого заколку нашла и поправила растрепавшиеся волосы, так как не подобает мученику страдать с неприбранными волосами» (Pass. Perp. 20,4–5).

Агиографические сочинения давали образцы поведения и для тех, кто остается жить. Оставшиеся на свободе христиане сопровождали мучеников, посещали и обеспечивали их необходимым в темнице, давали взятки стражам за облегчение условий заточения, присутствовали на суде и во время казни, ободряя мучеников, а иногда и заступаясь за них перед магистратами. Во время суда в Риме над Птоломеем некий Луций сделал замечание городскому префекту, за что был приговорен к смерти (Iust. Apol. II 2,15–18), а в Лионе при сходных обстоятельствах пострадали Ветгий Эпагаф (Eus. HE V,1,9–10) и Александр (49–50). Но самым важным делом для общины было сохранить для захоронения и дальнейшего почитания останки мученика. Уже «Мученичество Поликарпа» предупреждает о проблемах, которые могут при этом возникнуть: язычники, подстрекаемые иудеями, не желали отдавать тело казненного христианам (17–18). Еще тяжелее обстояло дело в Лионе: ожесточение против христиан было настолько сильным, что тела мучеников не только не выдали выжившим, но тщательно охраняли — «с воинской старательностью». Особое удивление и негодование авторов Послания вызвало то, что «ночь не приходила на помощь, и деньги не убеждали» (Eus. HE V,1,57–63). Здесь можно увидеть прозрачный намек на те средства, которыми иной раз приходилось пользоваться для вызволения тел казненных. Два рассказа отражают более позднюю практику отношения к останкам мучеников. Первый — случай в «Мученичестве Фруктуоза». Казнь тарраконского епископа и двух его диаконов произошла во время гонения Валериана (259 г.), когда культ мучеников уже достаточно развился. Каждый верующий хотел получить долю праха казненных, и в итоге, все останки оказались растащены по частным домам. Христианам ночью во сне явился Фруктуоз и убедил их собрать все воедино, под алтарем церкви (Mart. Fruct. 7). Второй связан с Максимилианом, тело которого забрала некая Помпеяна. Сначала она поместила его у себя, а затем похоронила в Карфагене рядом с могилой Киприана, где вскоре упокоилась и сама (Mart. Max. 3,4).

Таким образом, за рассказом о последних днях святого, его храбрости и твердости в исповедании Христа можно увидеть целый набор конкретных советов и рекомендаций. В какой степени и кем эти мученичества могли восприниматься как наставления? Те христиане, кто поддерживал мучеников и находился в постоянном контакте с ними, не нуждался в этих наставлениях, они все знали из первых уст, были свидетелями суда и казни и, как правило, именно ими создавались эти тексты. Но были и те, кто в силу самых разных причин был не причастен к этому процессу. Одни не желали рисковать жизнью, афишируя свою веру, другим не позволял посещать мучеников социальный статус, третьи просто не имели возможности это сделать, так как в их городе или деревне пока не было мучеников. Очевидно, именно для таких христиан и были записаны эти *exempla*, образцы, которым стоит следовать. Большое влияние на последующие поколения оказали примеры Поликарпа, Перпетуи, Киприана; в «Мученичестве Монтаан и Луция» будущий мученик в видении беседовал с Киприаном (21). Точного воспроизведения их ответов и жестов, конечно, не требовалось, хотя такие формулы исповедания, как «Господь Бог, сотворивший небо и землю, море и все, что в них», встречаются во многих текстах. Намного важнее было описание тех этапов, которые придется пройти христианину по пути к казни, ведь вряд ли многие из них до того подвергались аресту, заточению в тюрьму, допросу или суду наместника. Попав в новую и крайне некомфортную ситуацию, человек мог смутиться, растеряться и, самое страшное, выполнить требования магистрата и принести жертвы богам не из-за пыток или решения об отступничестве, а только по привычке подчиняться властям, особенно такого высокого ранга. Многократное чтение или прослушивание мученичеств создавало определенную модель поведения, готовившую человека к последовательному прохождению всех этапов этого пути, и предлагало ему некие простые, легко запоминающиеся и легко воспроизводимые варианты ответов. Когда их не хватало, всегда можно было ответить на вопрос наместника так, как это сделал Максимилиан: «Какое же зло творят те, кто служит в армии?» – «Ты сам знаешь, что они делают» (2,10).

Немногие сочинения дают описание всего пути мученика, но мы знаем, что уже в III–IV вв. существовали сборники мученичеств, наподобие того, о котором говорит Евсевий (HE IV,15,47)²⁹. Такой набор текстов мог ответить на все вопросы, возникавшие перед вставшим на путь мученичества, причем иногда в нескольких вариантах, так что можно было выбрать наиболее подходящий к данной ситуации.

Если сравнить то, к чему призывали мученичества, с тем, что советовали авторы специальных сочинений или писем, обращенных к

---

²⁹ Carriker 2003. P. 250–255.

исповедникам – Тертуллиан в «К мученикам», Ориген в «Увещании к мученичеству», особенно Киприан в посланиях, то без труда можно заметить, что там содержатся те же советы: не следует самостоятельно искать мученичества, перейдя порог тюрьмы, нужно отрешиться от всех забот, мученикам необходимо хранить между собой мир и согласие, не провоцировать стражу и т.д. Как нам кажется, эти два жанра, мученичества и увещания, дополняли друг друга. Акты мучников могли читаться и за пределами общин, к которым принадлежали казненные христиане, создавая тем самым представления о «правильном мученичестве» там, где еще не было своих героев, а сочинения церковных писателей могли быть направлены на решение конкретных проблем и давать более частные рекомендации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: «Коло», 2005. 448 с.
- Каргальцев А.В. Мученичество Мариана и Иакова: вступительная статья, перевод и комментарий // Религия. Церковь. Общество. Вып. 2. 2013. С. 208–239.
- Каргальцев А.В. Мученичество Монтана и Луция: вступительная статья, перевод и комментарий // Религия. Церковь. Общество. Вып. 3. 2014. С. 276–301.
- Нок А.Д. Обращение. Старое и новое в религии от Александра Великого до Блаженного Августина / Пер. А.Д. Пантелеева. СПб.: «Гуманитарная Академия». 2011. 352 с.
- Пантелеев А.Д. Гонения на христиан и императорский культ по данным агиографической традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015(а). № 3. С. 91–104.
- Пантелеев А.Д. Мученик и стража в раннехристианской агиографии // Вестник СПбГУ. Серия 2: История. 2013(а). № 3. С. 53–63.
- Пантелеев А.Д. Мученичество и распространение христианства в Римской империи // Вестник СПбГУ. Серия 2: история. 2015(б). № 3. С. 33–43.
- Пантелеев А.Д. Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 18. 2014. С. 762–770.
- Пантелеев А.Д. Страсти святых мучеников епископа Фруктоза и диаконов Авгурия и Евлогия. Вступительная статья, перевод и комментарий // Мнемон. Исследования и публикации по античной истории. Вып. 13. СПб., 2013(б). С. 459–470.
- Сергеева Е.В. Конфликт идентичностей в «Мученичестве свв. Перпетуи и Фелицитаты» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 17 (118). С. 37–53.
- Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: «Алетей», 1999. 948 с.
- Carriker A. The Library of Eusebius of Caesarea. Leiden: Brill, 2003. 358 p.
- Castelli E.A. “I Will Make Mary Male”: Pieties of the Body and Gender Transformation of Christian Women in Late Antiquity // Body Guards: The Cultural Politics of Gender Ambiguity / Ed. by J. Epstein and K. Straub. New York; London, 1991. P. 29–49.
- Castelli E.A. Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making. New York: Columbia University Press, 2004. 335 p.
- Droge A.J., Tabor J.D. A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1992. 252 p.
- Frend W.H.C. Blandina and Perpetua: Two Early Christian Martyrs // Les martyrs de Lyon / ed. Rougé J. et Turcan R. Paris, 1978. P. 167–177.
- Hall S. G. Women among the Early Martyrs // Martyrs and martyrologies / Ed. by Diana Wood. Oxford, 1993. P. 1–22.
- Ivanovici V. Competing Paradoxes: Martyrs and the Spread of Christianity Revisited // Studia Patristica. Vol. 62. 2013. P. 231–244.

- Joslyn-Siemiatkoski D. *Christian Memories of the Maccabean Martyrs*. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 251 p.
- Kelley N. *Philosophy as Training for Death. Reading the Ancient Christian Martyr Acts as Spiritual Exercises // Church History*. Vol. 75. 2006. P. 723–747.
- Leemans J. The Idea of “Flight for Persecution” in the Alexandrian Tradition from Clement to Athanasius // *Origeniana Octava. Papers of the 8th International Origen Congress*. Pisa, 27–31 August 2001 / Ed. by L. Perrone. Vol. II. Leuven, 2003. P. 901–910.
- Moss C.R. *Resisting Empire in Early Christian Martyrdom Literature // Reactions to Empire. Sacred Texts in their Social-Political Contexts / Ed. by J.A. Dunne, D. Batovici*. Tübingen, 2014. P. 147–161.
- Musurillo H. *The Acts of the Christian Martyrs*. Oxford: Oxford University Press, 1972. 379 p.
- Nicholson O. *Preparation for Martyrdom in the Early Church // The Great Persecution: Proceedings of the Fifth Patristic Conference Maynooth 2003 / Ed. by Humphries M. and Twomey D.V*. Dublin, 2009. P. 61–90.
- Perendy L. “Deum qui fecit caelum et terram”: Identifying the God of Christians in the Acts of Martyrs // *Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity: Festschrift Boudewijn Dehandschutter / Ed. J. Leemans*. Leuven, 2010. P. 221–239.
- Pernot L. *Saint Pionios, martyr et orateur // Du héros païen au saint chrétien / Ed. G. Freyburger, L. Pernot*. Paris, 1997. P. 111–123.
- Perpetua’s Passion. *Multidisciplinary Approaches to the Passio Perpetuae and Felicitatis / Ed. by J.N. Bremmer and M. Formisano*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 383 p.
- Potter D. *Martyrdom as Spectacle // Theater and Society in the Classical World / Ed. by R. Scodel*. Ann Arbor, 1993. P. 53–88.
- Thompson L.L. *The Martyrdom of Polycarp: Death in the Roman Games // Journal of Religion*. Vol. 82. 2002. P. 27–52.
- Young R.D. *In Procession before the World: Martyrdom as Public Liturgy in Early Christianity*. Milwaukee: Marquette University Press, 2001. 70 p.

REFERENCES

- Carriker A. *The Library of Eusebius of Caesarea*. Leiden: Brill, 2003. 358 p.
- Castelli E.A. “I Will Make Mary Male”: Pieties of the Body and Gender Transformation of Christian Women in Late Antiquity // *Body Guards: The Cultural Politics of Gender Ambiguity / Ed. by J. Epstein and K. Straub*. New York; London, 1991. P. 29–49.
- Castelli E.A. *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. N.Y., 2004. 335 p.
- Droge A.J., Tabor J.D. *A Noble Death: Suicide and Martyrdom among Christians and Jews in Antiquity*. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1992. 252 p.
- Frend W.H.C. *Blandina and Perpetua: Two Early Christian Martyrs // Les martyrs de Lyon / ed. Rougé J. et Turcan R*. Paris, 1978. P. 167–177.
- Hadot P. *Duhovnye uprazhnenija i antichnaja filosofija*. M.; St.-Petersburg, 2005. 448 p.
- Hall S.G. *Women among the Early Martyrs // Martyrs and martyrologies / Ed. by Diana Wood*. Oxford, 1993. P. 1–22.
- Ivanovici V. *Competing Paradoxes: Martyrs and the Spread of Christianity Revisited // Studia Patristica*. Vol. 62. 2013. P. 231–244.
- Joslyn-Siemiatkoski D. *Christian Memories of the Maccabean Martyrs*. N.Y., 2009. 251 p.
- Kargal’cev A.V. *Muchenichestvo Mariana i Iakova: vstupitel’naja stat’ja, perevod i kommentarij // Religija. Cerkov’. Obshestvo*. Iss. 2. 2013. P. 208–239.
- Kargal’cev A.V. *Muchenichestvo Montana i Lucija: vstupitel’naja stat’ja, perevod i kommentarij // Religija. Cerkov’. Obshestvo*. Iss. 3. 2014. P. 276–301.
- Kelley N. *Philosophy as Training for Death. Reading the Ancient Christian Martyr Acts as Spiritual Exercises // Church History*. Vol. 75. 2006. P. 723–747.
- Leemans J. The Idea of “Flight for Persecution” in the Alexandrian Tradition from Clement to Athanasius // *Origeniana Octava. Papers of the 8th International Origen Congress*. Pisa, 27–31 August 2001 / Ed. by L. Perrone. Vol. II. Leuven, 2003. P. 901–910.
- Nock A.D. *Obrashhenie. Staroe i novoe v religii ot Aleksandra Velikogo do Blazhennogo Avgustina / Per. A. D. Panteleeva*. St.-Petersburg: «Gumanitarnaja Akademija». 2011. 352 p.

- Moss C.R. Resisting Empire in Early Christian Martyrdom Literature // Reactions to Empire. Sacred Texts in their Social-Political Contexts / Ed. by J. A. Dunne, D. Batovici. Tübingen, 2014. P. 147–161.
- Musurillo H. The Acts of the Christian Martyrs. Oxford: Oxford University Press, 1972. 379 p.
- Nicholson O. Preparation for Martyrdom in the Early Church // The Great Persecution: Proceedings of the Fifth Patristic Conference Maynooth 2003 / Ed. by Humphries M. and Twomey D.V. Dublin, 2009. P. 61–90.
- Panteleev A.D. Gonenija na hristian i imperatorskij kul't po dannym agiograficheskoj tradicii // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2015(a). № 3. P. 91–104.
- Panteleev A.D. Muchenichestvo i rasprostranenie hristianstva v Rimskoj imperii // Vestnik SPbGU. Serija 2: istorija. 2015(b). № 3. P. 33–43.
- Panteleev A.D. Muchenik i strazha v rannehristianskoj agiografii // Vestnik SPbGU. Serija 2: Istoriija. 2013(a). № 3. P. 53–63.
- Panteleev A.D. Rechi v «Muchenichestve Pionija»: real'nost' ili fikcija? // Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija. Iss. 18. 2014. P. 762–770.
- Panteleev A.D. Strasti svjatyh muchenikov episkopa Fruktuoza i diakonov Avgurija i Evlogija. Vstupitel'naja stat'ja, perevod i kommentarij // Mnemon. Issledovanija i publikacii po antichnoj istorii. Iss. 13. SPb., 2013(b). P. 459–470.
- Perendy L. “Deum qui fecit caelum et terram”: Identifying the God of Christians in the Acts of Martyrs // Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity: Festschrift Boudewijn Dehandschutter / Ed. J. Leemans. Leuven, 2010. P. 221–239.
- Pernot L. Saint Pionios, martyr et orateur // Du héros païen au saint chrétien / Ed. G. Freyburger, L. Pernot. Paris, 1997. P. 111–123.
- Perpetua's Passion. Multidisciplinary Approaches to the Passio Perpetuae and Felicitatis / Ed. by J.N. Bremmer and M. Formisano. Oxford: Oxford University Press, 2012. 383 p.
- Potter D. Martyrdom as Spectacle // Theater and Society in the Classical World / Ed. by R. Scodel. Ann Arbor, 1993. P. 53–88.
- Sergeeva E. V. Konflikt identičnostej v «Muchenichestve svv. Perpetui i Felicitaty» // Vestnik RGGU. Serija: Istoriija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie. 2013. № 17 (118). P. 37–53.
- Sochinenija drevnih hristianskih apogetov / Pod red. A.G. Dunaeva. SPb., 1999. 948 p.
- Thompson L.L. The Martyrdom of Polycarp: Death in the Roman Games // Journal of Religion. Vol. 82. 2002. P. 27–52.
- Young R.D. In Procession before the World: Martyrdom as Public Liturgy in Early Christianity. Milwaukee: Marquette University Press, 2001. 70 p.

Пантелеев Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, a.panteleev@spbu.ru

“For the training and preparation of ones to come”: early hagiographic texts as instructions for Christians

The article provides an interpretation of the early Christian martyrdoms and acts of the 2nd – 3rd centuries as a set of practical guidelines for those who prepared to become a confessor or a martyr. Insignificant at first glance, the details in these works point out how a Christian should behave at arrest, in prison, on trial and the court and during the time of execution. Moreover they give important advice for those who remain to live. The reading of the martyrdoms developed the specific model of behavior, preparing a person to go through all the stages of this way, and offered him answer variants easy to remember and reproduce. The exact imitation of the heroes of the past was not required, but it was necessary to imbibe their courage and virtues.

Keywords: Early Christianity, hagiography, martyrdom, persecutions, Roman Empire
Aleksey Panteleev, PhD (History), Associate Professor, Saint-Petersburg State University; a.panteleev@spbu.ru; alpant@hotmail.com

Г. Е. ЗАХАРОВ

АРИАНСКИЙ КРИЗИС IV ВЕКА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОППОЗИЦИИ ЗАПАД–ВОСТОК В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Статья посвящена возникновению в рамках раннехристианской традиции оппозиции между Западом и Востоком. Автор показывает, что уже арианский кризис IV в. интерпретировался современниками как столкновение локальных церквей Востока и Запада. В то же время категории «Восток» и «Запад» в христианской традиции прямо не связывались с областями распространения латинского и греческого языка или с политико-административным делением Империи. В эту эпоху противопоставление Востока и Запада было обусловлено развитием института церковного собора. Причем отсутствие четкого разделения областей юрисдикции восточных и западных соборов и жесткого регламента функционирования самого соборного института придавали понятиям «Восток» и «Запад» семантическую неопределенность.

Ключевые слова: *Запад, Восток, арианский кризис, римский примат, церковные соборы, экклезиология*

Противопоставление Востока и Запада является одной из фундаментальных констант осмысления исторического процесса в современной историософии и историографии. Являясь первоначально результатом внутренней поляризации христианского мира, достигшим своей кульминации на рубеже I и II тысячелетий, эта оппозиция была впоследствии перенесена на отношения стран европейской культурной традиции с иными развитыми культурами (исламский мир, цивилизации Индии и Дальнего Востока). Ее часто использовали и для описания взаимоотношений России и стран Западной Европы. В XX в. в условиях холодной войны оппозиция Запад–Восток привлекалась также для осмысления конфронтации между странами «социалистического» и «атлантического» военно-политических и экономических лагерей. Несмотря на общеупотребительность категорий «Восток» и «Запад», их противопоставление, как правило, воспринимается как данность и редко становится предметом научного исследования. В историографии фактически отсутствуют специальные работы, посвященные изучению раннехристианских истоков данной оппозиции.

Первым конфликтом в истории христианства, который был интерпретирован его участниками как столкновение Востока и Запада, следует считать арианский кризис IV в. Более ранние конфронтации предста-

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Церковь, литература и язык в Средние века (отдельные магистральные аспекты)», осуществляемого при поддержке Фонда развития Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

вителей восточного и западного епископата, такие как спор о времени празднования Пасхи между Римской церковью и церквями Малой Азии (конец II в.)¹ или спор о необходимости повторного крещения еретиков (середина III в.), в котором Римский престол противостоял церквям Африки и Каппадокии², в таких категориях не осмысливались.

Арианский кризис, вызванный богословским спором между епископом Александрии Александром и его пресвитером Арием, первоначально имел характер локального конфликта. Поддержка Ария целым рядом влиятельных восточных епископов придала противостоянию общевосточный масштаб, а проведение в 325 г. первого вселенского собора в Никее, созванного императором Константином Великим для разрешения кризиса, привело к тому, что конфликт получил общецерковный характер. В то же время нельзя не отметить, что участие западных церквей в работе собора было крайне ограниченным³. Позиции церквей Запада и Востока в этот период никем не противопоставлялись. Скорее речь может идти о привлечении западного епископата к инициированному императором общецерковному консенсусу, в созидании которого определяющую роль сыграли все же восточные епископы.

Конфликт был осмыслен как столкновение Востока и Запада лишь на рубеже 330-х и 340-х гг., когда влиятельная на Востоке группа епископов, т.н. евсевиане (сторонники Евсевия Никомидийского) инициировали повторное изгнание с Александрийской кафедры св. Афанасия Великого. Последний интерпретировал свой конфликт с евсевианами как попытку их стороны реанимировать осужденную в Никее арианскую ересь и отправился на Запад искать себе поддержку. Именно в этот момент в конфликт вмешивается римский епископ Юлий I. Оскорбленный тем, что он не был привлечен евсевианами к рассмотрению дела св. Афанасия, папа попытался взять на себя роль посредника в разрешении восточного конфликта. В 340(1) г. он провел в Риме собор италийского епископата, на котором александрийский епископ, а также другой восточный «диссидент» Маркелл Анкирский, низложенный евсевианами за идеи, близкие к монархианской ереси, были полностью оправданы. Евсевиане, отказавшиеся от участия в Римском соборе, провели в то же самое время параллельный собор в Антиохии, который продемонстрировал незыблемость их позиции по делу св.

---

¹ *Euseb. Hist. eccl. V. 23–25.*

² Так, Фирмилиан Кесарийский противопоставляет Римскому престолу не только восточный епископат (*cum orientalibus*), но и епископов Юга, т.е. Африки (*vobiscum qui in meridie estis*), при этом понятие «Запад» не используется. По утверждению кесарийского епископа, папа Стефан был в разномыслии с епископами всего мира (*cum tot episcopis per totum mundum dissensisse*) (*Cyprian. Ep. 75. 25*).

³ Об участии западных епископов и римских легатов в Никейском соборе см.: *Ulrich 1994. S. 6–25.*

Афанасия и Маркелла Анкирского. Остроту конфликту придавало то, что действия евсеевиане были полностью поддержаны восточным императором Констанцием II, в то время как св. Афанасий нашел опору в лице западного императора Константа: церковное противостояние наложилось на соперничество двух братьев-соправителей.

В 343 г. Константин и Констанций II попытались разрешить конфликт, создав в Сердике вселенский собор, на котором восточные и западные епископы должны были быть представлены в практически равных пропорциях. Однако вместо одного собора единения в Сердике прошло два параллельных собора. Противоборствующие стороны не только не пришли к согласию, но, напротив, разорвали между собой евхаристическое общение. Практически весь западный епископат, за исключением некоторых иллирийских епископов, поддержал св. Афанасия и папу Юлия. Большая часть восточных епископов заняла сторону евсеевиан, хотя в некоторых восточных регионах сохранили свои позиции сторонники св. Афанасия⁴.

Документы Римского, Антиохийского и Сердикского соборов свидетельствуют о серьезных расхождениях противоборствующих сторон в интерпретации самого характера конфликта. Западный епископат отстаивал универсалистскую модель Церкви и подчеркивал особое значение Римского престола как центра единения и высшей апелляционной инстанции⁵. Учитывая «восточное» происхождение своих противников (*οἱ τῆς ἑφᾶς; venerunt enim ab Oriente episcopi*)⁶, западные епископы и св. Афанасий Великий в то же время отстаивали вселенский статус «своего» Сердикского собора и подчеркивали наличие широкой поддержки своей позиции на Востоке⁷. Таким образом, свой конфликт с евсеевианами они склонны были интерпретировать, как столкновение никейской ортодоксии и арианской и евсеевианской ереси (*Arrianam et Eusebianam heresim*)⁸.

---

⁴ О развитии арианского кризиса в 40-е гг. IV в. см.: Захаров 2012. С. 99–139; 2014. С. 40–47, 119–128.

⁵ Соборное послание (*Hilar. Pict. Fragmenta historica. II. 9*): «Будет очевидно, что прекрасно и совершенно правильно, если священники Господни из каждой конкретной провинции будут обращаться к главе, то есть к престолу апостола Петра» (*Nos enim optimum et valde congruentissimum esse videbitur, si ad caput, id est ad Petri apostoli sedem, de singulis quibusque provinciis Domini referant sacerdotes*). См. также каноны собора 3, 4, 7 по латинской версии и 3, 4, 5 по греческой. Текст канонов собора в разных версиях и его обстоятельный исторический анализ см. в: Hess 2002.

⁶ *Athan. Alex. Apol. contr. ar. 37, 41; Hilar. Pict. Fragmenta historica. II. 1. Cp. Athan. Alex. Apol. contr. ar. 48; Hilar. Pict. Fragmenta historica. II. 7.*

⁷ *Athan. Alex. Apol. contr. ar. 37, 50* (перечень регионов, которые были представлены на соборе, включает Египет, Кипр, Аравию и Палестину).

⁸ *Hilar. Pict. Fragmenta historica. II. 11.*

Евсевияне, напротив, не рассматривали свою конфронтацию с западными епископами в догматической перспективе и указывали на то, что конфликт произошел из-за незаконного вмешательства западного епископата в дела восточного (*novam legem introducere putaverunt, ut Orientales episcopi ab Occidentalibus iudicarentur*)⁹. Таким образом, евсевияне впервые выдвинули тезис о разделении христианского мира на две автономные «церковные области»: Восток и Запад. По их мнению, решения любых законных соборов должны признаваться всеми церквами автоматически и не подлежат пересмотру. Для доказательства этого тезиса евсевияне ссылаются на прецеденты доникейской эпохи. Так, восточные епископы в свое время приняли решение западных об осуждении Новата, Савеллия и Валентина, а западные – решение восточных по поводу учения Павла Самосатского¹⁰. В случае с делом св. Афанасия и Маркелла Анкирского западный епископат вновь должен был одобрить решение восточных епископов, однако этого не произошло, поскольку западные епископы, в частности папа Юлий, по гордости решили поставить себя выше восточных и тем нанесли им оскорбление¹¹. Еще в 341 г. евсевияне напоминали папе, что учителя веры пришли в Рим с Востока, поэтому у Римской кафедры нет оснований превозноситься над восточными престолами¹².

Таким образом, мы видим, что осмысление арианского кризиса как конфликта Запада и Востока первоначально возникает как полемическая стратегия одной из сторон конфликта и не признается в полной мере другой его стороной. Впрочем, помимо ситуативной целесообразности, появление оппозиции Запад–Восток в евсевиянских полемических текстах можно объяснить и спецификой развития церковной организации в восточных областях. Восточный епископат достиг еще в доникейский период достаточно высокого уровня консолидации. Воз-

⁹ *Hilar. Pict. Fragmenta historica*. III. 12. Следует отметить, что византийские историки V в. Сократ и Созомен рассматривают Сердикский собор как момент формального разрыва общения между церквами Запада и Востока (*Socr. Schol. Hist. eccl.* II. 22; *Sozom. Hist. eccl.* III. 13).

¹⁰ *Hilar. Pict. Fragmenta historica*. III. 26: «Но деяния наших предшественников подтверждают, что решения всех справедливо и законно действующих соборов должны быть признаваемы. Ведь получил же подтверждение от восточных собор, созданный в городе Риме против еретиков Новата, Савеллия и Валентина. И, напротив, то, что было на Востоке решено относительно Павла Самосатского, было подписано всеми» (*Verum omnium conciliorum iuste legitimeque actorum decreta firmanda maiorum nostrorum gesta consignant. Nam in urbe Roma sub Novato et Sabellio et Valentino haereticis factum concilium ab Orientalibus confirmatum est. Et iterum in Oriente, sub Paulo a Samosatis quod statutum est, ab omnibus est signatum*).

¹¹ О том, что евсевияне были оскорблены, неоднократно упоминает папа Юлий в своем послании, обращенном к участникам Антиохийского собора 341 г. (*Athan. Alex. Apol. contr. ar.* 21–25).

¹² *Sozom. Hist. eccl.* III. 8.

никновение института общевосточного собора относится к 260-м гг.¹³ К этому типу можно отнести также многие соборы первой половины IV в.: Тирский собор 335 г., ряд Антиохийских соборов, Константинопольский собор 336 г., Сирмийский собор 351 г. Формирование концепции общевосточного церковного единства логически требовало противопоставление Востоку Запада как особой церковной области, хотя западные церкви не достигли к этому моменту сопоставимого уровня консолидации, и соборная активность на Западе имела скорее региональный (Африка, Италия, Галлия), а не общезападный характер.

В 350-е гг. церковно-политическая ситуация радикальным образом изменилась: император Констанций стал единодержавным правителем Империи и на Арелатском (353) и Медиоланском (355) соборах смог силовым путем навязать западному епископату осуждение св. Афанасия. В то же время на Востоке единое евсеврианское течение распалось на несколько церковных партий, ведущих между собой острую богословскую полемику (омиусиане, акакиане, аномеи). В этих условиях происходит своеобразный синтез двух сформулированных в 340-е гг. интерпретаций арианского кризиса: теперь он рассматривается участниками конфликта как результат несогласия в вере между церквями Востока и Запада¹⁴. Именно такое понимание текущей исторической ситуации легло в основу проекта восстановления церковного единства, разработанного императором Констанцием и доверенными ему епископами. В 359 г. Констанций созвал в Аримине и в Селевкий два параллельных собора: общезападный и общевосточный. Епископы из окружения императора должны были представить на этих соборах проект нового компромиссного символа веры, разработанного незадолго до этого на совещании в Сирмии (четвертая сирмийская формула). После достижения консенсуса Ариминский и Селевкийский соборы должны были направить ко двору императора в Константинополь свои делегации и в присутствии Констанция восстановить церковное единство. Несмотря на то, что и в Аримине, и в Селевкий епископат разделен на две партии и большинство епископов императорский проект восстановления церковного мира не поддержало, Констанцию удалось заставить участников Аримино-Селевкийского собора одобрить новую омиийскую ортодоксию¹⁵. Фактически Аримино-Селевкийский собор являет собой уникальный прецедент разделения христианского мира на

¹³ Marot 1960. P. 19–43; Афанасьев 2003. С. 168–178.

¹⁴ См., например, высказывание Урсакия Сингидунского и Валента Мурсийского на Ариминском соборе 359 г.: «Да и кто положить конец раздорам, если то, что устроило восточных, не нравится западным?» (et quis discordiarum finis foret, si, quae Orientalibus placuisset, Occidentalibus displiceret?) (*Sulp. Sev. Chron.* II. 44. 4).

¹⁵ Об Аримино-Селевкийском соборе см.: Захаров 2012. С. 178–193; 2014. С. 51–53, 66–84.

две «соборные зоны», что в полной мере соответствовало обозначенной выше евсевиянской экклезиологической модели. В этот период западный епископат также начинает осмыслять арианский кризис сквозь призму оппозиции «Восток–Запад», пытаясь найти пути к единению с Востоком через отвержение навязанного императором омийского компромисса и всеобщее признание вероучения Никейского собора. Такой взгляд на текущую ситуацию характерен, в частности, для участников Парижского собора 360(1) г.¹⁶

Призыв западного епископата и вернувшегося на свою кафедру св. Афанасия Великого был услышан значительной частью восточного епископата. В 360-е – 370-е гг. на Востоке формируется т.н. новоникейское течение, представители которого стремятся войти в общение с Александрией и западными церквями, чему препятствовали церковно-политические противоречия и сохранявшиеся подозрения в богословском неправомыслии. Важнейшую роль в диалоге между восточными новоникейцами и западным епископатом, завершившемся восстановлением церковного общения в 379 г., сыграл митрополит Кесарии Каппадокийской св. Василий Великий.

Обширная переписка позволяет реконструировать представления кесарийского предстоятеля об устройстве Церкви. Св. Василий сохранил характерное для евсевиянской традиции деление церквей на восточные и западные. При этом безусловным главой западных церквей он считает Римскую кафедру¹⁷. На Востоке важную роль играет Антиохия. Св. Василий даже именуется ее в письме к св. Афанасию Великому главой, которая, исцелившись, могла бы сообщить здравие всему телу¹⁸. Судя по всему, в данном случае речь идет о том, что Антиохия главенствует на Востоке в узком значении этого термина, т.е. в рамках гражданского диоцеза Восток. В других местах св. Василий использует термин «Восток» в широком смысле, понимая под ним все пространство от Иллирика на севере до Египта на юге (λέγω δὲ Ἀνατολήν τὰ ἅπλ

¹⁶ В послании Парижского собора 360(1) г. к восточным епископам Аримино-Селевкийский собор рассматривается как попытка со стороны еретиков привести к отступничеству от истинной веры епископов Востока и Запада (*divisi in partibus Orientis atque Occidentis diversis invicem opinionibus falleremur*) (*Hilar. Pict. Fragmenta historica*. XI. 1). Папа Дамас I, призывая на рубеже 60-х и 70-х гг. IV в. к всеобщему принятию никейской веры (*solam fidem quae apud Nicaeam apostolorum auctoritate fundata est*), подчеркивает вероучительное согласие Запада и той части восточного епископата, которая придерживается кафоличества (*ac nobiscum Orientales qui se catholicos recognoscunt, Occidentalesque gloriari*) (*Damasus I. Confidimus quidem* (*Reuter* 2009. S. 249)).

¹⁷ *Basil.* Ep. 69. 1. В послании 239 (2) Дамас именуется «корифеем» (τῷ κορυφαίῳ) по отношению к западным епископам, однако все послание пронизано горечью оттого, что западные епископы не способны понять проблемы восточных.

¹⁸ *Basil.* Ep. 66. 2.

τοῦ Ἰλλυρικοῦ μέχρῃς Αἰγύπτου)¹⁹. Если евсевiane отстаивали идею полной независимости Востока от Запада, то св. Василий, напротив, просит западных епископов и в особенности папу Дамаса I принять активное участие в разрешении восточных конфликтов в качестве посредников. При этом удаленность западных церквей от восточных воспринимается им как гарантия беспристрастности суда²⁰.

На рубеже 370-х и 380-х гг. никейское течение одержало полную победу в церковно-политической борьбе как на Западе, так и на Востоке. Не последнюю роль в этом сыграли церковные соборы 381–382 г. (Аквилейский и Римский соборы на Западе, два Константинопольских собора на Востоке), а также проникийские императоры Грациан и Феодосий I, закрепившие торжество никейской ортодоксии в государственном законодательстве²¹. В то же время источники, относящиеся к данному периоду, указывают на то, что, несмотря на разрешение арианского кризиса, епископат Востока и Запада был далек от консенсуса в сфере «гео-эклезиологии». Фактически в церковных текстах, относящихся к 380-м гг., можно выделить шесть отчасти пересекающихся друг с другом моделей взаимоотношений между Западом и Востоком:

1. *Римоцентрическая концепция*. Папа Дамас отстаивал унитаристскую модель Церкви, объединенную вокруг трех Петровых кафедр – Рима, Александрии и Антиохии, при абсолютном преобладании первого²². Он не склонен был ограничивать свой примат Западом и вообще противопоставлять Запад Востоку, считая себя вправе принимать активное участие в разрешении восточных конфликтов²³.

2. *Концепция западного соборного арбитража*. Несколько более нюансированной и при этом более противоречивой была позиция св. Амвросия Медиоланского и его сторонников, участвовавших в Аквилейском соборе 381 г. Полемизируя на этом соборе с иллирийским омиийским епископом Палладием Ратиарским, св. Амвросий ссылается

---

¹⁹ *Basil. Ep. 70. Cp. Basil. Ep. 92. 2* (возможно, текст был написан Мелетием Антиохийским. См.: *Rousseau. 1994. P. 299*).

²⁰ *Basil. Ep. 263. 2*.

²¹ О соборах 381–382 гг. см.: *Захаров 2015*.

²² Кафедра Римской церкви именуется первым престолом ап. Петра (*est ergo prima Petri apostoli sedes Romanae ecclesiae*), «не имеющая на себе пятна или порока или чего-либо подобного» (*non habens maculam neque rugam nec aliquid eiusmodi*) (Еф 5. 27), затем следует Александрийский престол, установленный учеником ап. Петра евангелистом Марком от его имени (*beati Petri nomine*). Отмечается также, что ап. Марк был послан проповедовать в Египет именно ап. Петром (*in Aegypto directus a Petro apostolo*). Третье место занимает Антиохийская кафедра (*tertia vero sedes apud Antiochiam beatissimi apostoli Petri habetur honorabilis*), поскольку до отъезда в Рим здесь жил ап. Петр и ученики Христа впервые стали именоваться христианами *Decretum Damasi III (Reutter 2009. S. 475)*.

²³ В частности, ссылаясь на Петрово преемство Римской кафедры, Дамас вмешался в дела церкви Берита (*Theodoret. Hist. eccl. V. 10*).

на практику созыва на Востоке и Западе сепаратных соборов (*interim quia superioribus temporibus concilium sic factum est ut Orientales in Orientis partibus constituti haberent concilium, Occidentales in Occidente*)²⁴ и, таким образом, поддерживает евсевиянскую модель церковного устройства. В то же время он критикует позицию восточного епископата в связи с замещением Константинопольской и Антиохийской кафедр²⁵. Св. Амвросий и его сторонники указывают на устоявшуюся практику арбитража римского, итальянских и в целом западных епископов в восточных конфликтах (*ad ecclesiae Romanae, Italiae et totius Occidentis confugisse iudicium*)²⁶ и призывают восточных епископов явиться на собор в Рим, организовать который решил папа Дамас²⁷. При этом в послании Аквилейского собора особо подчеркивается вселенское первенство Римского престола (*tamen totius orbis Romani caput Romanam ecclesiam*)²⁸. Таким образом, решительно отменяя идею восточного арбитража в западных спорах, св. Амвросий настаивает на праве западного епископата выступать в роли посредников в разрешении восточных конфликтов. Фактически речь идет о своеобразном преобладании Запада над Востоком, хотя сам св. Амвросий оговаривается, что западные епископы претендуют не на преимущественное право расследования (*non praerogativum vindicamus examinis*), а на участие в принятии решения (*consortium tamen debuit esse communis arbitrii*)²⁹.

3. *Концепция alexandрийского посредничества.* Примечательно также, что св. Амвросий указывает, что Александрийская кафедра имеет особо тесные отношения с Западом³⁰, и даже предполагает созвать в Александрии собор для разрешения восточных конфликтов (*ut et Alexandriae sacerdotum catholicorum omnium concilium fieri censeatis*)³¹. Вероятно, подобного рода идеи были характерны для позиции самого Александрийского престола, хотя об этом можно судить только по косвенным данным, поскольку прямые свидетельства об эклезиологической позиции alexandрийских епископов отсутствуют. В этой связи

²⁴ *Gesta Conc. Aquil.* 7.

²⁵ *Ambros. Ep. ex. coll.* 9(13). 2–6. Послание было написано св. Амвросием не только от своего лица, но и от лица других итальянских епископов уже после завершения Аквилейского собора.

²⁶ *Ambros. Ep. ex. coll.* 9(13). 4.

²⁷ *Ambros. Ep. ex. coll.* 9(13). 6.

²⁸ *Ambros. Ep. ex. coll.* 5(11). 4.

²⁹ *Ambros. Ep. ex. coll.* 9(13). 4.

³⁰ Св. Амвросий и другие участники Аквилейского собора указывают на то, что между Александрией и Западом всегда существовало, по обычаю предков (*iuxta morem consuetudinemque maiorum*), неразрывное общение (*eius communionem indissolubili societate servemus*). Западные епископы всегда принимали ее «установления и порядок» (*Alexandrinae ecclesiae semper dispositionem ordinemque tenuerimus*) (*Ambros. Ep. ex. coll.* 6(12). 6).

³¹ *Ambros. Ep. ex. coll.* 6(12). 5.

отметим, что Петр Александрийский оказал существенное влияние на позицию Римской кафедры в отношении восточных конфликтов и вмешался в 380 г. в ситуацию в Константинополе, попытавшись поставить на кафедру этого города своего ставленника – Максима Киника³². Петр также был провозглашен в эдикте Феодосия I *Sinctos populos* вторым столпом никейской ортодоксии наряду с папой Дамасом³³. Судя по всему, Александрийский престол в этот период начинает претендовать на роль единого центра Востока, опираясь при этом на свое согласие и активное взаимодействие с епископатом Запада. Впрочем, если св. Амвросий готов был поддержать Александрию в деле Максима Киника³⁴, то папа Дамас осудил вмешательство египетских епископов в дела Константинопольской церкви³⁵.

4. *Концепция восточного соборного арбитража*. Примечательна также позиция противника св. Амвросия Палладия Ратиарского, которая может отражать в целом экклезиологические воззрения омиийских епископов Северных Балкан. Палладий решительно отвергает идею римского примата и его обоснование Петровым преемством³⁶, но при этом настаивает на участии восточного епископата в качестве арбитра в его споре со св. Амвросием и требует созыва общецерковного собора³⁷. Таким образом, противопоставляя Восток Западу, Палладий в то же время полагает, что важнейшие вероучительные вопросы должны решаться восточным и западным епископатом сообща, причем роль судий в его восприятии должна принадлежать епископату Востока³⁸.

5. *Идея автономии Востока*. Пример св. Амвросия и Палладия Ратиарского показывает, что оппозиция Запад–Восток, возникнув в восточных церковных кругах и сохраняя там свою актуальность, благодаря арианским спорам вошла и в западную церковную традицию. Каноны Константинопольского собора 381 г. и послание Константино-

³² *Ambros. Ep. ex. coll.* 9(13). 3; *Greg. Nazianz. Carm. Lib. II. I.* 11. 750–1029.

³³ СTh. XVI. 1. 2.

³⁴ *Ambros. Ep. ex. coll.* 9(13). 4–6.

³⁵ *Damas. I. Ep.* 8–9 (*Vetustissimae epistulae Romanorum Pontificum – Die ältesten Papstbriefe (Fontes Christiani. 58). Bd. 1 / Hrg. H.-J. Sieben. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2014. S. 264–270.*)

³⁶ *Dissertatio Maximini contra Ambrosium.* 123–124.

³⁷ *Gesta Conc. Aquil.* 6, 12, 14, 29, 32, 43, 48, 52. В своей «Апологии» Палладий заявляет, что прибыл в Аквилею с надеждой на «всеобщий собор как восточных, так и западных» (*spe generalis tam Orientalium quam Occidentalium concilii*) (*Dissertatio Maximini contra Ambrosium.* 89). Даже после осуждения в Аквилее он продолжил требовать созыва собора с участием восточных епископов (*consortioque orientali*) (*Dissertatio Maximini contra Ambrosium.* 96).

³⁸ Д. Уильямс полагает, что Палладий подразумевает под «восточными» епископов из восточных областей владений императора Грациана, т.е. епископов Балкан, однако такое употребление термина «восточные» не характерно для IV в. См.: *Williams* 1995. P. 172.

польского собора 382 г.³⁹ указывают на то, что восточный епископат, дорожа вероучительным единством с Западом, вернулся к идее церковной самостоятельности Востока⁴⁰. Восточные епископы стремились избежать непосредственного вмешательства Римского престола и западного епископата в целом в разрешение восточных конфликтов. В этой связи восточные епископы не приняли участие в Аквилейском соборе 381 г., собравшись на параллельный собор в Константинополе (II Вселенский собор)⁴¹, и отправили лишь скромную делегацию на Римский собор 382 г., который папа Дамас I и император Грациан со звали как общецерковный⁴². Восточные епископы также не поддержали учение об уникальном статусе и вселенском примате Римского престола, отдавая Риму лишь «прерогативы чести» (τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς) и сопоставляя в этом отношении статус Рима со статусом Константинополя как «Нового Рима» (3 канон Константинопольского собора 381 г.). Во 2-м каноне Константинопольского собора 381 г. вводится также принцип незыблемости автономии церквей, располагающихся в рамках того или иного гражданского диоцеза, что должно было в теории воспрепятствовать появлению на Востоке центра, сопоставимого по статусу с Римом на Западе, и в ближайшей перспективе сдержать амбиции Александрии. В то же время данная каноническая норма так и не была реализована на практике. Как показывает послание Константинопольского собора 382 г., восточные епископы в целом сохраняют приверженность евсеианской идее коллективного епископского руководства восточными регионами⁴³, особо выделив Антиохийскую кафедру как апостольскую (πρεσβυτάτης καὶ ὄντως ἀποστολικῆς) и Иерусалимский престол как мать всех церквей (μητρὸς ἀπασῶν τῶν ἐκκλησιῶν)⁴⁴.

б. *Учение о двух Римях*. Св. Григорий Богослов предложил в своих сочинениях альтернативу традиционной восточной экклезиологии и развил учение о двух Римях как центрах вселенной⁴⁵. Таким образом,

³⁹ *Theodoret. Hist. eccl. V. 9.*

⁴⁰ См.: *Pietri 1976. P. 866; De Vries 2011. P. 48; Dagron 1974. P. 460.*

⁴¹ *Ambros. Ep. ex. coll. 9(13). 4.*

⁴² *Ambros. Ep. ex. coll. 9(13). 6; Hieron. Ep. 108. 6; Theodoret. Hist. eccl. V. 9.*

⁴³ О пагульном многоначалии (πλειοσταρχία) на соборах писал св. Григорий Богослов (*Greg. Nazianz. Carm. Lib. II. I. 11. 1740–1744*).

⁴⁴ *Theodoret. Hist. eccl. V. 9.*

⁴⁵ Св. Григорий Богослов сравнивал два Рима с двумя светилами (δισσὰς δὲ Ῥώμας, τῆς ὅλης οἰκουμένης λαμπτήρας) и рассматривал их как два центра мира: один – для Запада, другой – для Востока. Св. Григорий при этом отдавал предпочтение Ветхому Риму за его стойкость в вере и сожалел об уклонении Константинополя в арианскую ересь (*Greg. Nazianz. Carm. Lib. II. I. 11. 562–582*). В то же время в творениях св. Григория подчеркивается особое вселенское значение Константинополя как центра церковного общения: «общего торжища веры» (ἐμπορίου κοινοῦ τῆς πίστεως) и «взаимного узла Востока и Запада» (ἐφῶς τε καὶ ἐσπερίου λήξεως οἶον σύνδεσμον) (*Greg. Nazianz. Or. 42. 10*).

идея вселенского примата Рима была совмещена в его экклезиологии с дихотомией Востока и Запада. Вполне вероятно, что данное учение было ответом на уже обозначенное стремление Александрийской кафедры играть роль посредника между Западом и Востоком, если не своеобразного «восточного Рима»⁴⁶.

Несмотря на то, что дихотомия Востока и Запада прочно вошла в период арианских споров в церковную традицию, совершенно неправильно было бы говорить о возникновении в IV в. Восточной и Западной Церквей⁴⁷. Во-первых, понятия «церковь» в словоупотреблении рассматриваемой эпохи обозначало, как правило, либо единую Церковь Христову, либо локальные христианские общины, возглавляемые епископами⁴⁸. Во-вторых, между Западом и Востоком в эпоху арианских споров отсутствовали четкие границы. Так, Египет то рассматривался как часть Востока, то противопоставлялся ему⁴⁹. Илирик в целом относился к Западу, но илирийские епископы часто привлекались к участию в восточных соборах⁵⁰. Фракийский епископ Демофил, напротив, в 359 г. был направлен участвовать в западном Ариминском, а не в восточном Селевкийском соборе, хотя Фракия традиционно рассматривалась как один из восточных диоцезов⁵¹. В-третьих, в рассматриваемый период не существовало еще четких маркеров «восточной» или «западной» церковной идентичности. Противопоставление Востока и Запада в церковной традиции зачастую было непосредственно связано с соперничеством двух императоров-соправителей (напр., в 340-е гг. Константа и Констанция II, или в 380-е гг. – Грациана и Феодосия I), но уже евсевяне, как показано выше, ссылались на прецеденты доникейской

---

⁴⁶ Св. Григорий Богослов создает в своих сочинениях крайне негативный образ Александрии: *Greg. Nazianz. Carm. Lib. II. I. 11. 575–582*.

⁴⁷ Именно в таких категориях раскол между западным и восточным епископатом в Сердике (343 г.) описывает Р.П.К. Хэнсон (*Hanson 2005. P. 306*).

⁴⁸ Об употреблении понятия «церковь» у св. Василия Великого см.: *Vasilii (Кривошеин), архиеп.* 2011. С. 536–537. О фундаментальной автономии локальной церкви см.: *Vogel 1962. P. 601*. В то же время в собрании документов Римских соборов 370-х гг. (*Exemplum synodi*) об Антиохийском соборе 379 г. говорится как о соборе, в котором участвовала «вся Восточная Церковь» (*omnis Orientalis ecclesia*), хотя данное выражение можно перевести и иначе – «всякая Восточная Церковь», что более соответствует словоупотреблению IV в. (ср. немецкий и английский переводы фразы: *Reutter 2009. S. 344; Field 2004. P. 21*).

⁴⁹ Это противоречие наблюдается даже у одних и тех же авторов. См., напр., автобиографическую поэму св. Григория Богослова (*Greg. Nazianz. Carm. Lib. II. I. 11. 1509, 1800–1803*). Папа Либерий в период своего противостояния с императором Констанцием II противопоставлял епископат Востока епископам Египта, после же своего т.н. падения он стал говорить о восточном епископате как о едином целом (*Hilar. Pict. Fragmenta historica. V. 2; VI. 5*).

⁵⁰ См.: *Захаров 2012. С. 122–127*.

⁵¹ *Athan. Alex. De synod. 8*.

эпохи для обоснования восточной автономии, возводя тем самым идею деления христианского мира на западную и восточную части к тому времени, когда подобная поляризация еще не получила развитие в политической практике Империи. Кроме того, в IV в. Римская держава далеко не всегда делилась на две части. Власть в ней могла сконцентрироваться в одних руках или, напротив, быть разделена между тремя соправителями. Границы и число префектур постоянно варьировались⁵². И мы не наблюдаем каких-либо попыток со стороны епископата рабски следовать за этими политическими и административными изменениями. Несмотря на преобладание на Востоке греческого, а на Западе латинского языка и осознание современниками значимости лингвистической проблемы в развитии арианских споров⁵³, Восток и Запад в церковной традиции определенно не соотносились с языковыми общностями. В доказательство достаточно отметить, что значительная часть т.н. западных епископов на Сердикском соборе 343 г. представляла грекоязычные области южной части Балканского полуострова⁵⁴. Фессалоникийская кафедра именуется св. Амвросием западной, несмотря на то, что церковная община этого города явно была грекоязычной⁵⁵.

Важнейшим фактором, определившим возникновение оппозиции Запад–Восток в IV в., было стремительное развитие в этот период института церковного собора. Многие представительные соборы эпохи арианских споров выходили за провинциальные и региональные рамки, но не могли претендовать на общецерковное значение. Отсюда и возникает стремление обозначить в качестве «зон» их ответственности Восток или Запад при всей расплывчатости географических рамок этих понятий. Данная тенденция заметна и на евсевийских и новоникейских соборах Востока, и на Аквилейском соборе на Западе. Наиболее же последовательно данный принцип был реализован при организации Армино–Селевкийского собора. В то же время все эти соборы при желании могли быть интерпретированы как собрания церковных течений и значимость их решений для всего Запада или всего Востока оспаривалась их противниками. Таким образом, в эпоху арианских споров оппозиция Запад–Восток оказала определенное влияние на реальную церковную политику, но окончательного деления христианского мира на две части еще не произошло. Данное деление станет реальностью в средневековую эпоху, когда во главе церковью Запада и Востока

---

⁵² См.: Grumel 1951.

⁵³ Greg. Nazianz. Or. 21. 35.

⁵⁴ Hilar. Pict. Fragmenta historica. II. 15. В этой связи представляется не вполне обоснованным вывод М. Симонетти, что на Сердикском соборе впервые в жизнь Церкви проник культурный и политический антагонизм романизированного Запада и эллинизированного Востока (Simonetti 1975. P. 177).

⁵⁵ Ambros. Ep. ex. coll. 9(13). 7.

ка встанут два неоспоримых центра власти – престолы Рима и Константинополя – и церковные границы в целом совпадут с политическими и этнокультурными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афанасьев Н., протопр.* Церковные соборы и их происхождение. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2003.
- Василий (Кривошеин), архиеп.* Экклезиология свт. Василия Великого // *Василий (Кривошеин), архиеп.* Богословские труды. Н. Новгород: Изд-во «Христианская библиотека», 2011. С. 536–564.
- Захаров Г.Е.* Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV – начало V в.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
- Захаров Г.Е.* «...Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами»: Экклезиологическая проблематика в истории арианских споров. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.
- Захаров Г.Е.* Церковные соборы 381–382 годов и проблема поляризации западной восточной частей позднеантичного мира // *Вестник древней истории.* 2015. № 2. С. 151–169.
- Dagron G.* Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P.: Presses Universitaires de France, 1974.
- De Vries W.* Orient et Occident: les structures ecclésiales vues dans l'histoire des sept premiers conciles oecuméniques. P.: Les éditions du CERF, 2011.
- Field L.L.* On the Communion of Damasus and Meletius: Fourth-Century Synodal Formulae in the Codex Veronensis LX. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2004.
- Grumel V.* L'Illyricum de la mort de Valentinien Ier (375) à la mort de Stilicon (408) // *Revue des études byzantines.* 1951. T. IX. P. 5–46.
- Hanson R.P.C.* The Search for the Christian Doctrine of God. The Arian Controversy, 318–381. L.: T&T Clark, 2005.
- Hess H.* The Early Development of Canon Law and the Council of Serdica. Oxford: OUP, 2002.
- Marot H.* Conciles anténicéens et conciles oecuméniques // *Le Concile et les conciles.* Contribution à l'histoire de la vie conciliaire de l'Église. P.: Les éditions du CERF, 1960. P. 19–43.
- Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome: École française de Rome, 1976.
- Reutter U.* Damasus, Bischof von Rom (366–384). Leben und Werk (Studien und Texte zu Antike und Christentum). Tübingen: Mohr Siebeck, 2009.
- Rousseau Ph.* Basil of Caesarea. Berkeley etc.: Un-ty of California Press, 1994.
- Simonetti M.* La crisi ariana nel IV secolo (Studia Ephemeridis Augustinianum. 11). Roma: Augustinianum, 1975.
- Ulrich J.* Die Anfänge der abendländischen Rezeption des Nizänums (Patristische Texte und Studien. 39). Berlin; N.Y.: Walter De Gruyter, 1994.
- Vogel C.* Unité de l'Église et pluralité des formes historiques d'organisation ecclésiastiques du IIIe au Ve siècle // *L'épiscopat et l'Église universelle* / Ed. Y. Congar, B.-D. Dupuy. P.: Les éditions du CERF, 1962. P. 591–636.
- Williams D.H.* Ambrose of Milan and the End of the Nicene-Arian Conflicts. Oxford: OUP, 1995.

REFERENCES

- Afanasev N., protopr.* Tserkovnyie sobory i ih proishozhdenie. Moscow: Svyato-Filaretovskiy pravoslavno-hristianskiy institut, 2003.
- Vasilii (Krivoshain), arhiiep.* Ekkeziologiya svt. Vasiliya Velikogo // *Vasilii (Krivoshain), arhiiep.* Bogoslovskie trudyi. Nizhnyi Novgorod: Izd-vo «Hristianskaya biblioteka», 2011. S. 536–564.
- Zakharov G.E.* Illiriyskie tserkvi v epokhu arianskih sporov (IV – nachalo V v.). Moscow: Izd-vo PSTGU, 2012.
- Zakharov G.E.* «...Ibo nadlezhit byit i raznomyisliyam mezhdzu vami»: Ekkeziologicheskaya problematika v istorii arianskih sporov. M.: Izd-vo PSTGU, 2014.

- Zakharov G.E.* Tserkovnyie soboryi 381–382 godov i problema polyarizatsii zapadnoy vostochnoy chastey pozdneantichnogo mira // *Vestnik drevney istorii*. 2015. №2. S. 151–169.
- Dagron G.* Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P.: Presses Universitaires de France, 1974.
- De Vries W.* Orient et Occident: Les structures ecclésiales vues dans l'histoire des sept premiers conciles oecuméniques. P.: Les éditions du CERF, 2011.
- Field L.L.* On the Communion of Damasus and Meletius: Fourth-Century Synodal Formulae in the Codex Veronensis LX. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2004.
- Grumel V.* L'Illyricum de la mort de Valentinien Ier (375) à la mort de Stilicon (408) // *Revue des études byzantines*. 1951. T. IX. P. 5–46.
- Hanson R.P.C.* The Search for the Christian Doctrine of God. The Arian Controversy, 318–381. L.: T&T Clark, 2005.
- Hess H.* The Early Development of Canon Law and the Council of Serdica. Oxford: OUP, 2002.
- Marot H.* Conciles anténicéens et conciles oecuméniques // *Le Concile et les conciles. Contribution à l'histoire de la vie conciliaire de l'Église*. P.: Les éditions du CERF, 1960. P. 19–43.
- Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome: École française de Rome, 1976.
- Reutter U.* Damasus, Bischof von Rom (366–384). Leben und Werk (Studien und Texte zu Antike und Christentum). Tübingen: Mohr Siebeck, 2009.
- Rousseau Ph.* Basil of Caesarea. Berkeley etc.: University of California Press, 1994.
- Simonetti M.* La crisi ariana nel IV secolo (Studia Ephemeridis Augustinianum. 11). Roma: Augustinianum, 1975.
- Ulrich J.* Die Anfänge der abendländischen Rezeption des Nizänums (Patristische Texte und Studien. 39). Berlin; N. Y.: Walter De Gruyter, 1994.
- Vogel C.* Unité de l'Église et pluralité des formes historiques d'organisation ecclésiastiques du IIIe au Ve siècle // *L'épiscopat et l'Église universelle* / Éd. Y. Congar, B.-D. Dupuy. P. Les éditions du CERF, 1962. P. 591–636.
- Williams D.H.* Ambrose of Milan and the End of the Nicene-Arian Conflicts. Oxford: OUP, 1995.

Захаров Георгий Евгеньевич, кандидат исторических наук, зав. кафедрой систематического богословия и патрологии, доцент кафедры всеобщей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; g.e.zakharov@gmail.com

Arian crisis of the 4th century and the formation of West-East opposition in the Early Christian tradition

This article deals with the emergence of the West-East opposition within the Early Christian tradition. The author shows that even the Arian crisis in the 4th century was interpreted by the contemporaries as a struggle between the Churches of East and West. At the same time, the categories the "East" and the "West" in the Christian tradition were not directly linked with the dissemination of the Latin and Greek language and the political and administrative division of the Empire. The opposition between East and West was in this period due to the development of the institution of the church council. At the same time, the absence of a clear division of areas of jurisdiction of the eastern and western councils and of strict regulation of the Synodal activity made extremely vague in the ecclesiastical tradition the very "western" and "eastern" identities.

Keywords: West, East, the Arian crisis, the Roman primacy, church councils, ecclesiology

Georgy Zakharov, PhD. in history, associate professor of world history department in St. Tikhon's Orthodox University; g.e.zakharov@gmail.com

М. Ю. АНДРЕЙЧЕВА

“ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ” ОПИСАНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В КОСМОГРАФИЧЕСКОМ ВВЕДЕНИИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

В статье рассматриваются описания нравов и обычаев восточных славян и половцев, представленные в недатированной части Повести временных лет. Анализируя источники летописного фрагмента, автор выявляет признаки прямого и косвенного влияния на него Хроники Георгия Амартола, «Диалогов Псевдо-Кесария» и «Палладиевой статьи». Показано, каким образом тексты указанных византийских источников воздействовали на принципы отбора “этнографического” материала, которыми руководствовался летописец. Отдельное внимание автор уделяет вопросу о влиянии контекста этих источников на текст летописи и приходит к выводу, что основными прообразами положительных героев летописи – полян – были благочестивые «брахманы» и фисониты, а негативные описания прочих восточнославянских племен были сконструированы по аналогии с изображениями диких племен индийцев и склавинов. По мнению автора, выявленная семантика летописных образов указывает на то, что летописец стремился обозначить полян как богоизбранное племя, которое, будучи языческим, обладало чертами, позволившими ему в конечном итоге воспринять и усвоить христианскую веру и стать проводником христианизации прочих восточнославянских племен.

Ключевые слова: *Повесть временных лет, Хроника Георгия Амартола, “Диалоги” Псевдо-Кесария, “Палладиева статья”, восточные славяне, поляне, древляне, радимичи, кривичи, северяне, вятичи, половцы, язычество*

Сюжет, который мы рассмотрим, касается образов славянских и тюркских язычников, представленных в недатированной части Повести временных лет – в так называемом космографическом введении¹. Начиная с рассказа о расселении сыновей Ноя во введении прослеживались древнейшие судьбы славянства (преимущественно – восточного) до основания Киева тремя братьями-полянами и истории о хазарской дани. В нем содержалось описание нравов и обычаев, бытовавших в старину у восточнославянских племен² (полян, древлян, радимичей, кривичей, северян, вятичей), а также упоминались традиции половцев – современных летописцу соседней Древней Руси:

«Имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своих и преданья кождо свои нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ и стыдѣние къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и к родителямъ своимъ, къ свекровемъ и

---

¹ Предшествующая датированной части ПВЛ неразделенная на годы часть.

² Термин “племя” принят в историографии, но в ПВЛ не встречается. Как отмечает П.В. Лукин, «на вопрос, кто такие вятичи, кривичи, древляне и т.п. летописи ответа не дают». В отношении указанных общностей летописец теоретически мог использовать “этнические” термины: напр., “язык” или “род”. (Лукин 2010. С. 84).

къ деверемъ велико стыдѣние имѣху. Брачныи обычаи имяху: не хожеше зять по невѣсту, но приводяху вечерь, а завѣтра приношаху по неи что владуче.

А древяне живяху звѣринскимъ образомъ, живоуще скотьски. Оубиваху друг друга, ядяху вся нечисто и брака оу нихъ не бываше, но оумыкиваху оу воды девица. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверь одинъ обычаи имяху. Живяху в лѣсѣ, якоже всякии звѣрь ядуще все нечисто. Срамословье в нихъ предъ отьци и предъ снохами. Браци не бываху в нихъ и игрища межю селы схожахуся на игрища на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту оумыкаху жены собѣ, с нею же кто сѣвѣшашеся. Имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто уомряше творяху к[р]яду³ велику и възложахуть на к[р]яду мертвеца, сожыжаху и по-семь, собравше кости, вложяху в судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычаи Кривичи [и] прочии поганини, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ». [далее следует цитата из Хроники Георгия Амартола о нравах разных народов]: «Якоже се и при нас нынѣ Половци законъ держать отецъ своихъ: кровь проливати, а хваляще о сихъ, ядуще мертвечину и всю нечистоту: хомѣки и сусолы. Поимають мачехи своя, ятрови и ины обычаи отецъ своихъ.

Мы же христеане елико земль, иже вѣрують в Святую Троицу, въ едино крещенье, в едину вѣру, законъ имамъ единъ: елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся»⁴.

Большинство историков полагало, что приведенный летописный фрагмент вставил в летопись составитель ПВЛ 1110-х. гг.⁵ Основным датирующим признаком считалось наличие в тексте цитаты из Хроники Георгия Амартола (далее – ХГА), которая, по мнению текстологов, могла быть включена в ПВЛ только на последнем этапе ее создания. Признавалось, что в обозначенных границах летописный отрывок не содержал идейных противоречий и разновременных текстовых вкраплений, а, следовательно, мог принадлежать одному автору⁶.

К летописным сведениям о нравах и обычаях восточнославянских племен исследователи, как правило, подходили избирательно: благочестие полян считали плодом патриотических чувств летописца-киевлянина⁷ и воспринимали со скепсисом, а к неприглядным языческим порядкам других племен, напротив, относились с доверием⁸. Исходя из буквального понимания текста, историки полагали, что летописец в “этнографическом обозрении” преследовал две задачи: выделить

³ В Лаврентьевском списке приводится ошибочное чтение – “кладу”. Восстановлено по Радзивилловскому списку (далее – РА). См.: Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ)). Т. 1. М., 2001. Стб. 14.

⁴ Там же. Стб. 13-16.

⁵ Шахматов 2001. С. 14, 282; Истрин 1924. С. 248-251; Приселков 1996. С. 75-76; Лихачев 1947. С. 36-43, 152-155; Насонов 1969. С. 13-14; Черепнин 1948. С. 321-122; Тихомиров 1960. С. 42-43, 45; Петрухин 2006. С. 36-37; Гиттис 2012. С. 86; Михеев 2011. С. 101-102.

⁶ Исключение составляло слабо аргументированное мнение А.Г. Кузьмина о гетерогенности летописного фрагмента. (Кузьмин 1977. С. 298-325).

⁷ См.: Лихачев 1947. С. 155; Насонов 1969. С. 76.

⁸ Рыбаков 1963. С. 243.

полян, как будущих проводников христианизации восточнославянских племен, и противопоставить языческий закон, как человеческое изобретение – христианскому закону, как порядку, ниспосланному свыше⁹.

Некоторые стороны содержания летописного фрагмента (его композиционные особенности, семантика, достоверность “этнографических” сведений) уже рассматривались в трудах историков¹⁰. Однако в них не был предпринят комплексный анализ текста. В данной статье мы попытаемся его осуществить. Вначале будут изучены принципы, по которым был выстроен аутентичный текст летописи, затем определена его зависимость от композиции и содержания вставки из ХГА. Поскольку “этнографическое” описание в ХГА также являлось компиляцией, мы попытаемся установить ее источник и выяснить, присутствуют ли в летописи признаки, говорящие о том, что летописец был с ним знаком. После этого рассмотрим “этнографические” сведения Амартола в общем контексте ХГА и оценим его влияние на летописные характеристики восточных славян. Комплексное исследование летописного фрагмента поможет определить методику работы автора с “этнографическим” материалом, выявить смыслы, заложенные летописцем в описание языческих нравов восточных славян и половцев, а также оценить степень реалистичности, представленных в нем данных.

Композиция летописного фрагмента и влияние на него вставки из Хроники Георгия Амартола

Вначале выделим в аутентичном летописном тексте ключевые признаки, легшие в основу образов восточнославянских племен и половцев: нрав, пищевые предпочтения, отношение к родственникам, брачный обычай и способ погребения. Представим летописные характеристики племен в виде таблицы, распределив “этнографические” данные в согласии с выделенными признаками (см. таблицу на с. 180).

По таблице видно, что не все описания племен имели одинаковую структуру. В соответствии с выделенными критериями в летописи наиболее полно были представлены радимичи, вятичи, северяне и кривичи, тогда как в описаниях полян, древлян и половцев те или иные характеристики отсутствовали. Такую особенность структуры летописных образов поможет раскрыть анализ их содержания. В первую очередь обратим внимание на изображение полян. В их описании летописец обращает внимание на кроткое и тихое поведение, почтительное отношение к близким родственникам и упорядоченный брачный обычай. Автор описывает их нравы с явной симпатией, выделяя полян среди прочих восточнославянских племен.

---

⁹ Мирзоев 1979. С. 187; Лихачев 2014. С. 120; Данилевский 2004. С. 148-150; Шайкин 2004. С. 31.

¹⁰ Никольский 1930. С. 88; Лебедев 2005. С. 417-420; Данилевский 2014. С. 70-71; Рыбаков 1970. С. 41; Живов 2002. С. 175-177; Ранчин 2007. С. 391.

Характеристики древлян лишь немногим отличаются от «законов» радимичей, вятичей, северян и кривичей. Древляне живут «зверинским образом» и указанные племена «живяху в лѣсѣ, якоже всякии звѣрь», что может свидетельствовать не только о лесной локализации радимичей и их соседей, но и об их диких нравах, подобных древлянам. Сразу за этими описаниями, как их своеобразное подтверждение, следует сообщение, что древляне, радимичи и прочие племена «ядуще все нечисто». Все перечисленные племена вместо брачного обычая практиковали умыкание женщин: древляне «у воды», радимичи и другие «погании» – на «бесовских игрищах». Деталь, отличавшая древлян от прочих язычников, – кровожадность («убиваху друг друга»), тогда как к характеристикам радимичей, вятичей, северян и кривичей летописец добавляет непочтительность к родственникам, многоженство и отдельно упоминает особенности погребения.

Сходство обычаев древлян с обычаями прочих восточнославянских племен позволяет нам объединить их описания в один блок негативных языческих характеристик, которые предстают в летописи своеобразной антитезой положительным свойствам полян: «кротости и тихости» противопоставлены «зверинская» жизнь и кровожадность, почтению к родственникам – сквернословие перед ними, брачному договору – беспорядочные половые связи и полигамия.

Описания древлян, радимичей, северян, вятичей и кривичей близки сведениям о половцах. Как и древляне, тюркские язычники были привержены к кровопролитию. Развернутый рассказ о том, что половцы употребляли в пищу «мерьтвечину и всю нечистоту: хомѣки и сусоль», похоже, пояснял аналогичное, но более краткое сообщение о «нечистом ядении» восточнославянских племен¹¹. Несмотря на то, что летописец все же признавал супружество у половцев, чем отличал их от «безбрачных» восточных славян, матримониальные обычаи и тех, и других оценивались им негативно. Если древляне, радимичи, вятичи и прочие племена представляли своеобразными антиподами полян, то половцы, как следует из концовки исследуемого отрывка, противопоставлялись христианам «елико земля, иже вѣрують в Святую Троицу».

Обратим теперь внимание на общую композицию фрагмента. В ПВЛ «этнографическое обозрение» было разбито вставкой из ХГА на две части. В первой говорилось о полянах и их соседях, т.е. отображались древнерусские архаичные времена, тогда как во второй автор ПВЛ повествовал уже о современной ему христианской Руси и живущих вблизи нее половцах. Таким образом, летописное описание обрисовы-

---

¹¹ С точки зрения древнерусского книжника, пищевая девиация была значимой характеристикой в образе язычников. Она приписывалась в летописи не только восточнославянским племенам и половцам, но также мифическим «нечистым» народам «Тог и Магор». (См.: ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 235).

вало своего рода ретроспективную картину древнерусского прошлого и настоящего, которая в контексте сведений ПВЛ о полянах и их ключевой роли в христианизации восточнославянских племен могла быть расшифрована следующим образом: в старину в суровом и диком окружении жили благочестивые поляне, которые благодаря “кроткому и тихому” нраву смогли воспринять христианство; через них христианство распространилось на древлян, радимичей, северян, вятичей и кривичей; все эти племена, будучи ранее языческой периферией, теперь вошли в число христианских земель. Соответственно, в современном летописцу мире роль языческой окраины перешла к половцам.

В.М. Живов и А.М. Ранчин обратили внимание на семантические и композиционные связи между летописным “этнографическим обзором” и вставкой из Хроники Амартола, но, к сожалению, эта тема в их трудах была рассмотрена частично¹². Детальное сравнение двух фрагментов позволяет оценить степень влияния хроники на ПВЛ.

ПВЛ по Лаврентьевскому списку	Цитата ХГА из ПВЛ
<p>“Имяху бо обычаи свои и законъ отецъ своих и преданья кождо свои нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ и стыдѣние къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣние имѣху. Брачныи обычаи имяху: не хожеше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по неи что вдадуче.</p> <p>А древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живоуще скотьски¹³. <i>Оубиваху друг друга, ядыху вся нечисто и брака оу нихъ не бываше, но оумыкиваху оу воды девица.</i></p> <p>И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверь одинъ обычаи имяху. Живяху в лѣсѣ,</p>	<p>“Глаголет Георгий в лѣтописаньи: “Ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане [законъ]¹⁴ незаконникомъ отечестве мнится. От нихже первие Сирии, жиоуще на конецъ земля, законъ имуть от своихъ обычаи: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати ли оубити, ли злодѣяти весьма. Законъ же и у Ктирианъ, глаголеми Врахманеи островничи, еже от прадѣдъ показаньемъ и благочестьемъ мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакая же злобы творяще страха ради многа [и Божия вѣры]¹⁵,</p> <p>ибо явѣ таче прилежащимъ к ним [Индом]¹⁶ <i>оубиштвождѣици</i>, сквернотворяще, гнѣвливи и паче естества ли нутрьнѣишимъ странѣ ихъ человекъ ядуще и страньствующихъ оубиваху, паче же ядять яко пси.</p> <p>Етеръ же законъ Халдѣемъ [и]¹⁷ Вавилонямъ: <u>матери поимати, съ братними чады</u></p>

¹² См.: Живов 2002. С. 175; Ранчин 2007. С. 389-391.

¹³ Жирным шрифтом, курсивом, подчеркиванием и разрядкой выделены семантически близкие фрагменты.

¹⁴ Дополнено по ХГА. Матвеевко 2006. С. 143.

¹⁵ Дополнено по ХГА. Там же.

¹⁶ Восстановлено по РА. См.: ПСРЛ. Т.1. Стб.15.

¹⁷ РА. Там же.

якоже всяки звѣрь ядуще все нечисто. Срамословье в них предъ отцы и предъ снохами. Браци не бываху в них и игрища межю селы схожахуся на игрища на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту оумыкаху жены собѣ с нею же кто съвѣщашеся. Имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто уомряше творяху к[р]яду велику и възложяху на к[р]яду мертвеца, сожжаху и посемь, собравше кости, вложяху в судину малу и поставяху на столпѣ на путех, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычаи Кривичи [и] прочии поганин, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законь...

Якоже се и при нас нынѣ Половци законъ держать отец своих: кровь проливати, а хваляше о сих, ядуще мертвечину и всю нечистоту: хомѣки и сусолы. Поимають мачехи своя ятрови и ины обычаи отец своих”.

блудь дѣяти и оубивати. Всякое бо студеное дѣянье яко дѣтелье мянста дѣюше любо далече страны своя будуть.

Инь же законъ Гилиомъ: жены в них орют, зижють храми, мужская дѣла творять, но лобы творять елико хочеть, не въздержаеми от мужии своихъ весьма ли зрят [ни зазрят]¹⁸. В нихъ же суть храбрыйя жены ловити звѣрь крѣпко. Владѣють же жены мужи своими, ни добляють ими.

Во Врѣтаны же мнози мужи съ единою женою спятъ и [многы]¹⁹ жены съ единымъ... мужемъ... похотѣствуютъ, безаконная [яко]²⁰ законъ отец творять независтно ни въздержанно.

Амазоне же мужа не имуть, но и **аки скотъ бесловесный**, но единою лѣтомъ къ вечнымъ [вешнимъ]²¹ днемъ оземьствени будуть и сочтаются съ окрестныхъ и въ мужи яко [нѣкоторое]²² имъ торжество и велико празднество время тѣмнѣять. От них заченшимъ въ чревѣ паки разбѣгнутся отсюду вси во время же хотящихъ родити, аще родится отроча – погубят, аще дѣвоческъ поль, то въздоать прилѣжне, възпитають”²³.

В Хронике, как и в летописи, текст выстроен по единому принципу: вначале упоминаются народы с положительными характеристиками – “сирии” (они же китайцы)²⁴ и “брахманы”²⁵, затем следует описание неприглядных или причудливых обычаев их соседей – индийцев, халдеев и вавилонян и прочих народов – “гилиов”, жителей “Врѣтаны” и амазонок. Это говорит о том, что летописец заимствовал композицию изложения своего материала у Амартола.

В характеристиках некоторых народностей обнаруживается ряд семантических пересечений ХГА и ПВЛ. Жители Индии у Амартола,

¹⁸ РА. Там же.

¹⁹ Добавлено по ХГА. *Матвеевко* 2006. С. 143.

²⁰ Добавлено по ХГА. Там же.

²¹ РА. См.: ПСРЛ. Т.1. Стб. 16.

²² Исправлено по РА. Там же.

²³ Там же. Стб. 14-16.

²⁴ “Сирии” или “серы” (“Zḥres”), упоминаемые в трактате, – одно из наименований китайцев у античных авторов (*Матвеевко, Щеголева*. 2000. С. 359). Подробнее см.: *Древний восток...* С. 569-571; *Берзин* 1995. С. 22-23.

²⁵ В древности индийскую касту брахман считали отдельной этнической общностью. (См.: *Шохин* 1988. С. 225-233).

так же, как летописные древяне, были склонны к убийствам. Только индийцам в ХГА приписывалась пищевая девиантность, выражавшаяся в том, что они могли отведать человечину и, вообще, ели “яко пси”. Такого рода отклонения сближали их с “нечисто ядущими” древянами и прочими восточнославянскими племенами. Рассказ о “блудных вылазках” амазонок имел схожие черты с описанием “бесовских игрищ” радимичей, вятичей, северян и кривичей. И в том и другом случае указанное действо имело вид праздника, на котором по обоюдному уговору мужчины и женщины вступали в интимные связи. Соответственно, сообщение о полигамии, распространенной среди жителей “Врѣтаны”, перекликалось с данными о многоженстве радимичей, вятичей, северян и кривичей.

Описание халдеев и вавилонян типологически было близким к описанию половцев. И тем, и другим приписывались блудные связи с близкими родственниками (у халдеев и вавилонян – с матерью и с детьми брата, у половцев – с женою отца и с женою брата) и склонность к убийствам. Перекликались также сообщение Хроники о том, что халдеи и вавилоняне почитают добродетелью свои богопротивные деяния, совершая их даже за пределами своей страны, и наблюдение летописца об обычае половцев хвалиться своими скверными делами. Половцы имели общие черты и с индийцами, поскольку были также кровожадны и питались “нечистой” пищей, с той лишь разницей, что, в отличие от жителей “внутренней Индии”, ели трупы животных (“мертвечину”), а не людей.

Указанные пересечения свидетельствуют о том, что летописец опирался на текст ХГА как на типологический образец, откуда черпал композиционные идеи и прообразы. Было бы неверным думать, что создатель ПВЛ прямо копировал “этнографические” характеристики из ХГА. Он, скорее, находил и проводил аналогии между обычаями восточнославянских племен и половцев и диковинными порядками народов Хроники. Отсюда в сознании читателя летописи могли возникнуть своеобразные ассоциативные ряды: древяне – индийцы; радимичи и их соседи – индийцы, амазонки и отчасти жители “Врѣтаны”; половцы – халдеи, вавилоняне и индийцы. Эти ассоциации вряд ли были созданы исключительно с литературно-художественной целью показать сходство грубых языческих нравов летописных племен с теми или иными чертами этносов их ХГА. По-видимому, мы сможем приблизиться к пониманию смысла указанных сопоставлений, подробно рассмотрев ассоциативные связи, проводимые летописцем между положительными персонажами своего рассказа.

*Поляне и их соседи в контексте
идей и образов Хроники Георгия Амартола и ее источников*

На первый взгляд, уподобление между полянами и “сириями” и “брахманами” возможно лишь через известное обобщение: “кротость и тихость” первых схожа с незлобностью последних. Вместе с тем, амартоловское описание указанных племен насыщено иными качественными характеристиками, чем летописный образ полян: перечень “законов” “сириев” едва ли не дословно следовал перечню Десяти заповедей («не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати ли оубити»), а про “брахманов” говорилось, что они придерживаются аскетического правила не вкушать мясо и вино и соблюдают целомудрие.

Для понимания того, в чем заключался смысл сопоставления полян с “брахманами” и “сириями”, целесообразно обратиться к сочинению, из которого Георгий Амартол почерпнул данные для своего “этнографического обзора”. В ХГА указывалась прямая ссылка на этот источник: «Кесарии, брат великого Григория... вѣщааетъ»²⁶. Речь шла о приписываемых Кесарию (жил в IV в.), брату свят. Григория Богослова, «Диалогах», памятнике середины VI в., содержащем 220 вопросов и ответов на богословские и естественнонаучные темы²⁷.

Георгий Амартол скомпилировал “этнографические” сведения из 109²⁸ вопроса “Диалогов”. Этот вопрос и следующий за ним 110-й содержали антиастрологическую полемику²⁹. 109 диалог представлял “этнографическое обозрение” с доводами против того, что характер

²⁶ Матвеевко 2006. С. 142. Подробнее об указанной отсылке ХГА см.: Шестаков 1891. С. 107-108; Матвеевко, Щеголева 2000. С. 359.

²⁷ Иванов 1994. С. 251. Трактат Псевдо-Кесария сохранился в 16-ти греческих списках, в заглавии которых автором значился Кесарий. Наиболее аутентичными из них являются списки, дошедшие до нас в составе Московской синодальной рукописи №113 (X в.) и Патмосских рукописях №103 (XIII в.) и №161 (880-930) (см.: Riedinger 1969. S. 13-228). Р. Ридингер осуществил критическое издание греческого текста по Московскому списку, приведя разночтения по Патмосским рукописям (Riedinger 1989). В славянском переводе памятника, представленном исключительно русскими списками XV–XVII вв., заглавие и первые 36 вопросов и ответов были утрачены, а в названии вопросы приписывались св. Сильвестру, а ответы – преп. Антонию. Языковые особенности славянского текста свидетельствуют о том, что перевод относился к преславской школе первой четверти X в. (Леонид (Кавелин) архим. 1890. С. XII; Милтенов 2006. С. 102; Корогодина 2013. С. 23). Исследователи полагают, что староболгарский перевод памятника прямо восходил к архетипу византийского оригинала. (Riedinger 1969. S. 188; Милтенов 2006. С. 101-102) Наилучшим образом этот перевод отразил русский список по рукописи МДА № 156, впервые опубликованный архим. Леонидом (Кавелиным). (Леонид (Кавелин) архим. 1890). Новейшее критическое издание этого списка осуществил Я. Милтенов. (Милтенов 2006). Считается, что преславский перевод «Диалогов» послужил одним из источников Толковой Палеи. (Милтенов 2007. С. 183-196).

²⁸ Нумерация приводится по изданию Миня (S. Caesarius 1862. P. 851-1190).

²⁹ Подробнее см.: Иванов 1994. С. 251-252

народов зависит от звезд, под которыми они обитают. В 110 диалоге опровергалось мнение о том, что звезды предопределяют нравы этносов согласно их проживанию в семи климатических зонах.

Амартол подошел к тексту Псевдо-Кесария избирательно. Он опустил антиастрологические выпады и подверг частичной редакции “этнографические” описания. Для начала обратим внимание на содержащиеся в «Диалогах» сведения о соседях “брахманов” – индийцах: “индийцы совершают убийства³⁰, возбуждаются вином и как дикие вепри или свиньи блудят с женщинами и предаются грехам. В западных же пределах, во внутренней Индии некоторые странников едят и пришельца, убив, съедают”.... “индийцы же умерших своих сжигают огнем, а с ними и их сожигательниц”³¹.

Как уже отмечалось выше, рассказ о нравах индийцев послужил основным типологическим образцом при создании летописного описания древлян, радимичей, вятичей, северян и кривичей. У Псевдо-Кесария мы встречаем упоминание о сожжении покойников у индийцев, которое не вошло в ХГА, но имело очевидную перекличку со сведениями ПВЛ об обычае восточнославянских племен кремить умерших³². Обращает на себя внимание и семантическая близость речевого оборота, примененного в “Диалогах” по отношению к индийцам (“яко вепрем дивиим или свиньям”), в котором упоминались близкородственные зверь и скот, и летописной оценки древлян: “живяху звѣринскимъ образомъ, живоуще скотьски”.

Важную для понимания текста летописи характеристику содержания и фрагмент из 110 раздела “Диалогов”, который неоднократно привлекал внимание исследователей-славистов³³, поскольку в нем описывались древнейшие обычаи славян:

«...А как же [могло бы случиться, что] находящиеся в другом поясе³⁴ склавны и фисониты, называемые также данувиями, – первые с удовольствием

³⁰ Курсивом отмечены фрагменты, вошедшие в ХГА.

³¹ “...καίτοι τῶν παρακειμένων αὐτοῖς Ἰνδῶν μαιφονούντων καὶ οἰοφλυγοούντων καὶ μονιῶν ἀγρίων ἢ συῶν δίκην θηλυμανούντων καὶ τῷ λάθει κραδαινομένων. ἐν δὲ τοῖς ἐσπερίοις κλίμασιν ἐνδοτέρω τῶν ἐκεῖσε Ἰνδῶν ξενοβόροι τινές ὑπάρχοντες τοὺς ἐπὶ λυθὰς ἀναίρουντες ἐσθίουσιν... Ἰνδοὶ δὲ τοὺς νεκροὺς ἑαυτῶν τεφροποιοῦσιν πυρὶ, μεθ’ ὧν καταφλέγουσιν τινῶν τὰς συμβίους”. (Riedinger 1989. P.84). Ср.: “Цѣ и присѣдящим ихъ Индомъ оубиство творящемъ и виномъ раждизаемом и яки вепрем дивиимъ или свиньямъ съ женами блоудящимъ и грѣхы колеблющемъ ся. Въ западныхъ же предѣлахъ, въ ютрныхъ Индахъ странники ядоуще нѣщии суть и пришелца оубивающе изѣдаютъ... Индыне же мертвца своя съжигаютъ огнемъ, с ними же оужизаютъ нѣккимъ соужигательница” (Милтенов 2006. С. 382, 384)

³² Любопытно, что у восточных авторов IX–X вв. писавших о погребальных обычаях славян и русов, традиция трупосожжения непосредственно ассоциировалась с тем же обычаем у индусов. См.: Заходер 1967. С. 103-104.

³³ См.: Иванов 1994. С. 254-255.

³⁴ Речь идет об одной из семи климатических зон.

подают женские груди, когда [они] наполнены молоком, а грудные младенцы [при этом] разбиваются о камни, подобно мышам, в то время как вторые воздерживаются даже от общепринятого и безупречного мясоедения? Первые живут в строптивости, своенравии, безначалии, сплошь и рядом убивая, [будь то] за совместной трапезой или в совместном путешествии, своего предводителя и начальника, питаюсь лисами, и лесными кошками, и кабанами, переключаясь же волчьим воем. Вторые же воздерживаются от обжорства, а подчиняются и повинуются всякому»³⁵.

Как отмечал С.А. Иванов, образ благочестивых фисонитов в отрывке «лишен конкретности и весь обрисован “от противного” (в противовес образу славян). Знаменательно, что оба раза, когда Псевдо-Кесарий говорит о них, он упоминает о пищевых пристрастиях: этот мотив неизменно входил в ту схему, по которой “астрологическая этнография” характеризовала народы. Вегетарианство считалось в античности признаком особого статуса человека. Псевдо-Кесарий наделил им фисонитов, видимо, по аналогии с упомянутыми им... брахманами, о вегетарианстве которых было в античности широко известно»³⁶. Верно подмеченная исследователем аналогия между “фисонитами” и “брахманами”, дополняется тем, что и образ “склавинов” автор трактата выстроил по аналогии с индийцами: в основные характеристики и тех, и других входили поедание человечины и склонность к убийствам.

В довольно скупом описании “фисонитов” упоминалась важная черта: жители Подунавья имеют столь кроткий характер, что «подчиняются и повинуются всякому»³⁷ (слав. пер. – «и меншинѣ повиноуются и покаряются»³⁸). Это свойство прямо роднило их с полянами из летописи, которые имели “кроткий и тихий” нрав, выражавшийся в почтении («стыдѣнии») ³⁹, оказываемом близким родственникам.

Указанные пересечения ПВЛ и «Диалогов» Псевдо-Кесария неслучайны. У нас есть основания предположить, что помимо текста Амартола летописец привлекал и его источник, обращаясь непосредственно к сведениям Псевдо-Кесария при выстраивании образа восточнославянских племен. Как заметил А.Г. Кузьмин, фрагмент ХГА, использованный в летописи, “имеет характер не осуждения чужих нравов, а скорее любопытства”⁴⁰. Действительно, в подаче “этнографического” материала Хроника отличалась от ПВЛ тем, что в тексте Амартола отсутствовала острота противопоставления, присущая лето-

³⁵ Перевод приводится по критическому изданию фрагмента, осуществленному С.А. Ивановым. – Там же. С. 254.

³⁶ Там же. С. 257.

³⁷ “...καὶ τῶ τυχόντι ὑλοτατόμενοι καὶ ὑλείκοντες” (Там же. С. 254).

³⁸ Милтенев 2006. С. 386.

³⁹ Данная характеристика также иллюстрировалась покорным поведением полян в случае с хазарской данью, который описывался в летописи сразу после “этнографического” обзора. (См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 16-17).

⁴⁰ Кузьмин 1977. С. 307.

писи. Однако той же оппозиционной особенностью обладало “этнографическое обозрение” «Диалогов» Псевдо-Кесария, в котором автор в ходе антиастрологической полемики неоднократно прибегал к анти-тезе⁴¹. Такая черта трактата может служить дополнительным аргументом в пользу гипотезы об его прямом влиянии на ПВЛ.

Теперь, когда мы выявили следы связи «Диалогов» с ПВЛ, можно говорить о том, что при создании образа полян летописец выстраивал следующую ассоциативную цепочку: поляне – “сирии” и “брахманы” – “фисониты”. Поскольку ее центральное звено, по всей видимости, имело смыслообразующее значение, обратим внимание на то, как описывались в «Диалогах» Псевдо-Кесария китайцы–“сирии”: «...сирии, живущие на краю земли и имеющие законом отеческие обычаи: не восставать друг на друга, не красть, не гневаться и кумирам не кланяться и не молиться бесам. И нет у них ни кумиров, ни блудниц, ни прелюбодеев, ни воров, ни убийц, ни обкрадывающих могилы...»⁴²

Как было показано С.П. Шестаковым и С.А. Ивановым⁴³, в указанном фрагменте трактат Псевдо-Кесария опирался на аналогичный отрывок из сочинения Евсевия Кесарийского «Приготовление к Евангелию»⁴⁴. Сведения Евсевия в свою очередь восходили к «Книге о законах стран» Бардесана⁴⁵ (сирийского автора III в.), который позаим-

⁴¹ Например: “Да како аще на семь частии раздѣляется вселенная въ единой части многи и различны законы обретаем и не семь токмо по звѣздам или двѣ шестии подрѣжащимъ зодия, ни пакы тридесятии и шести по десятинамъ, но тмами поминаеми сут законы искони прѣдани. И нынѣ соуще како в тоиже земли человекаядца инды и от съдушных и заколения всего въздержашася врахманы пребывающа видим. Како же Вавилонѣне, егда съвокупяте сквернымъ браком, съ своено сердоболею сквернятся...” (Милтенов 2006. С. 385).

⁴² «Σῆρες οἱ τὸ ἄκρον τῆς χέρσου οἰκοῦντες νόμον ἔχοντες τὸ πατρῶον ἔθος μὴ ἐταίριζεσθαι μηδὲ σὺλᾶν, μὴ μοιχᾶσθαι, μὴ ζῳάνοις προσκυνεῖν ἢ ποτινεῖσθαι δαίμοσιν, μηδὲ ὁλως ἐν αὐτοῖς ὑπάρχειν εἶδωλον ἢ ἐταίραν ἢ μοιχάδα, οὐ σὺλῶτην, οὐ φονέα, οὐ λωποδύτην». (Riedinger 1989. P.84). Ср.: «сирие, иже на краи земли живуть, законъ имуще отець своих обычаи: на друга не встаяти, не красти, не сварити ся, ни кумиром кланяти ся или молити ся бѣсом. Никакоже в них быти кумиру или хоти (похоти?) или прѣлюбодѣица, ни тати, ни оубиинци, ни гробы крадушаго» (Милтенов 2006. С. 382).

⁴³ Шестаков 1891. С. 107; Иванов 1994. С. 252.

⁴⁴ Ср.: «У сириев есть закон никого не убивать, не заниматься прелюбодейством, не красть и не поклоняться идолам, и в этой огромной стране нельзя ни найти храма, ни женщину, занимающуюся прелюбодейаниями, ни изменщицу, ни вора, привлекаемого к суду, ни убийцу, ни убитого». («...νόμος ἐστὶ παρὰ Ζήρας μηδένα φονεῖν, μήτε πορνεῖν μήτε κλέπτειν μήτε ζῳάνα προσκυνεῖν, καὶ ἐν ἐκείνῃ τῇ μεγίστῃ χώρᾳ οὐ ναδὸν ἔστιν ἰδεῖν, οὐ γυναικᾶ πορνικῆν, οὐ μοιχαλῖδα ὀνομαζομένην, οὐ κλέπτῃν ἑλκόμενον ἐπὶ δίκην, οὐκ ἀνδροφόνον, οὐ πεφονευμένον». (Dindorfius 1867. P.316)).

⁴⁵ Ср. со сведениями о китайцах (“серах”) у Бардесана: «У серов закон запрещает убийство, проституцию, кражу и поклонение идолам. Во всей Стране серов не встретишь ни идола, ни проститутки, ни неверной жены, ни вора, которого тащит стражник, ни убийцы, ни жертвы убийцы”. (Берзин 1995. С. 27).

ствовал свои данные из несохранившегося прототекста. По этому поводу Э.О. Берзин отмечал, что сообщения об «исключительно высоком моральном облике и мудрости» китайцев-«сириев» появляются только у позднеантичных авторов⁴⁶. В более ранних древнегреческих сочинениях о благородных нравах «сириев» упоминалось очень скупо⁴⁷.

Таким образом, летописец мог познакомиться с обычаями этого народа лишь из кратких описаний Амартола и его источника – «Диалогов» Псевдо-Кесария. Примечательно, что в последнем трактате упоминалось о том, что у «сириев» отсутствовали идолопоклонство и моление «бесам». Эти сведения не вошли в ХГА, но, тем не менее, именно они могли быть истолкованы летописцем как своеобразная причина добрых «законов» «сириев».

Рассмотрим теперь характеристики, приписываемые в «Диалогах» «брахманам»: «Закон же и у бактрийцев, называемых брахманами, которые имеют от прадедов наставление: не вкушать мяса, вина и хмельных напитков не пить, **боясь моего Господа**»⁴⁸. Заметим, что Псевдо-Кесарий довольно ясно намекает на христианское вероисповедание «брахманов», указывая на него как на причину их благочестия.

В редакции, осуществленной Георгием Амартолом, данный фрагмент претерпел изменения: хронист добавил в него сведения об отсутствии «блуда» у «брахманов» и заменил концовку, пояснявшую истоки их добродетели, на расплывчатое выражение: «страха ради многа и Божия вѣры»⁴⁹. Причины замены станут ясны после анализа всех сведений ХГА о «брахманах», которые, как мы убедимся, весьма занимали Амартола. Дело в том, что прямо перед исследуемым «этнографическим» фрагментом в ХГА помещался обширный рассказ о жизни «брахманов», позаимствованный Амартолом из т.н. «Палладиевой ста-

⁴⁶ Доводы касательно несохранившегося протографа сочинения Бардесана см.: *Иванов* 1994. С. 252.

⁴⁷ Например, Гай Плиний Секунд (I в н.э.) говорил, что «серы – мирные». (Древний восток... С. 102). Помпоний Мела в «Хорографии» (I в н.э.) характеризовал их как «народ очень справедливый». (*Берзин* 1995. С. 249). Плиний Старший (I в н.э.) писал: «серы учтивы», хотя и, «подражая в этом самым диким дикарям», избегают общества иностранцев. (Там же. С. 249, 250).

⁴⁸ «Νόμος δὲ καὶ παρὰ Βακτριανοῖς ἤτοι Βραχμάνοις ἡ ἐκ προγόνων παιδεία, μὴ θύειν μηδ' ἐνψύχων ἀπογεύεσθαι, οὐκ οἶνον ἀπλοῦ ἢ νόθου μετέχειν, θεὸν τὸν ἐμὸν δεδουκόντας». (*Riedinger* 1989. P.84). Ср.: «законъ же и въ актианѣх рекше брахманех, еже от прадѣдъ наказание не закалати ни от съдушньихъ вѣкоушати, не вина просто, ни оловины приимати, Господа моего боящем ся». (*Милтенов* 2006. С. 382).

⁴⁹ *Матвеевко* 2006. С. 143. В подлиннике ХГА это место выглядит так: «διὰ κολὸν φόβον θεοῦ καὶ πίστιν» («...из-за великого страха и веры в Бога») (*Муральт* 1861. С. 27). Можно было бы предположить, что Амартол, работал со списком «Диалогов», отличным от того, что издал Р. Ридингер. Но, вероятнее всего, мы имеем дело с очередной редакционной правкой Амартола, который, как было уже показано выше, при случае правил компилируемый материал.

ть» «О народах Индии и брахманах», приписываемой Палладию Еленопольскому (IV в.)⁵⁰. В “этнографическом экскурсе” ХГА именно ему отводилась ключевая роль, тогда как отрывок из «Диалогов» служил его продолжением и, судя по ремарке Амартола, был интересен лишь поскольку «Кесарий... о тацѣх (о “брахманах” – М.А.) вѣщаваетъ». В компиляции из “Палладиевой статьи” Амартол приводил сведения о долгожителях, живших на большом “врахманском” острове, окруженном «великой рекой Окияном». “Брахманы” вели сугубо аскетическую жизнь: ходили нагими, не строили жилищ, не разводили скот, не занимались земледелием и ремеслом, не имели «злата и серебра». Они пили простую воду и питались растительной пищей. Благодаря здоровому климату и телесному воздержанию возраст долгожителей достигал 150 лет. Женщины-“брахманы” жили отдельно от мужчин «обоньполь соуть рѣкы Гала (Ганг – М.А.), текущи въ Окиянь къ странѣ Индиистѣи». Мужчины переправлялись к своим женам в июле и августе и проводили у них 40 дней. После рождения двух детей муж больше не приходил к жене, которая также к другому мужчине не приближалась, живя в строгом воздержании. В ХГА пояснялось, что нестяжательные “брахманы” «вѣроуютъ искрѣно Богу» «всѣя твари» и «беспрестани молятьсѣя», и такой образ жизни унаследовали от особой «Божией судьбы»⁵¹.

Упоминаемые в ХГА сообщения об особой судьбе “брахманов”, их вере в Бога и молитвенности отражали, прежде всего, точку зрения «Палладиевой статьи» и «Диалогов» Псевдо-Кесария. Однако позиция Амартола, расходилась с мнением его источников. Последний раз он упоминает “брахманов” в своих рассуждениях о пользе монашеской аскезы и о воздержании, присущем от природы некоторым язычникам: «создавъ бо человеческого рода Богъ вложи естествомъ благаго и злаго разума, иже и показуяи языки и оуча человеку разумѣти, сего ради не точью Съкратъ и Платонъ и инии от елинъ неправеднаго жития отвергоша, но и мнози от варваръ и... врахманы и в лѣсѣхъ живущемъ листвиемъ тѣло покрывающе и паче человекъ постящемся...»⁵². Амартол был склонен рационализировать причины аскетической жизни индийских долгожителей, считая их естественными проявлениями человеческой природы, заложенной Богом⁵³. Он полагал, что в добровольном выборе “брахманов” идти по пути добродетели и проявлялась их “Божья судьба”. Следуя этой идее, Амартол, по-видимому, скоррек-

---

⁵⁰ См.: Древний восток... С. 290.

⁵¹ Матвеевко 2006. С. 140-142.

⁵² Там же. С. 393.

⁵³ Вероятно, взгляды Георгия Амартола испытали влияние следующих рассуждений ап. Павла: “ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, она сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую”. (Рим. 2 14-15).

тировал как концовку рассказа о “брахманах” из трактата Псевдо-Кесария, так и начальную часть статьи Палладия:

“Палладиева статья”	ХГА
<p>“...οἱ Βραχμῆνες ἔθνος ἐστὶν οὐ προαρέσει ἀποτασσόμενον ὡς οἱ μοναχοί, ἀλλ’ ἔλαχον τὸν κλῆρον τοῦτον ἀνωθεν καὶ ἐκ θεοῦ κριμάτων, τὴν τοῦ ποταμοῦ παροικίαν, φυσικῶς ἐν γυμνότητι διαζῶντες”⁵⁴</p> <p>“Брахманы – это народ, не по своей воле обособившийся, как монахи, но им выпал этот жребий свыше, по решениям Бога. Они проводят жизнь у реки по-природному нагими”⁵⁵</p>	<p>“Οἱ τοίνυν Βραχμῆνες ἔθνος ἐστὶν εὐσεβέστατον καὶ βίον ἀκτήμονα σφόδρα κεκτήμενοι καὶ τὸν κλῆρον τοῦτον ἐκ τῶν τοῦ θεοῦ κριμάτων κρησάμενοι, καὶ τὴν τοῦ ποταμοῦ παροικίαν ἐν γυμνότητι φυσικῇ διαζῶσιν, ἀεὶ τὸν θεὸν δοξάζουσι”⁵⁶</p> <p>“Брахманы же народ благочестивый и ведущий очень нестяжательную жизнь. И, унаследовав по Божьему решению такое наследие – местоительство вблизи реки, в наготе естественной живут, все время прославляя Бога”⁵⁷</p>

Сопоставление двух фрагментов показывает, что создатель ХГА постарался лишить мистической окраски пояснение Палладия об особом “жребии” “брахманов”. Поэтому в варианте Амартола “Божье решение” о “брахманах” проявляется не в их обособленном монашеском образе жизни, как указывалось в “Палладиевой статье”, а в местоительстве у реки, в обычае ходить нагими и в постоянном прославлении Бога. Несмотря на стремление Амартола затушевать формулировки своих источников, сделать их менее определенными и, таким образом, более соответствующими его рационалистическим суждениям, образ “брахманов” в ХГА сохранил противоречивость, обусловленную его сложным компилятивным происхождением.

Отсюда у нас возникают два варианта понимания смысла, заложенного летописцем в соотнесение полян с “брахманами”: он мог признавать, подражая Амартолу, благочестие полянского племени естественным проявлением человеческой природы, предполагая в этом его “Божью судьбу”, или же, намекая на связь полян с христианством через аналогию с образом “брахманов” в «Диалогах» Псевдо-Кесария и фрагментах «Палладиевой статьи» в ХГА. В поисках ответа на этот вопрос, по-видимому, имеет смысл обратить более пристальное внимание на «Палладиеву статью» и историю ее бытования в Древней Руси, поскольку именно благодаря этому памятнику “брахманы” прочно утвердились «в сознании средневекового русского книжника как основной компонент... всей древнеиндийской культуры»⁵⁸.

⁵⁴ Palladius de gentibus Indiae et bragmanibus... S. 8.

⁵⁵ Перевод приводится по критическому изданию “Палладиевой статьи”, осуществлённому Г.А. Тароным. (Древний Восток... С. 292).

⁵⁶ *Муральт* 1861. С. 23.

⁵⁷ *Матвеевко, Щеголева* 2000. С. 52-53.

⁵⁸ *Бонгард-Левин, Шохин* 1987. С. 274.

Древнерусский извод «Палладиевой статьи» был тесно связан с Александрией Хронографической⁵⁹, и имел с ней общую литературную историю. В.М. Истрин предполагал, что первоначально статья представляла самостоятельный текст, шедший в соединении с Александрией⁶⁰. Исследователь не высказал соображений касательно того, в какой момент она появилась на Руси и стала исполнять роль «конвоя» романа об Александре Македонском. По этому поводу Т.Л. Вилкул указала, что «определить сколько-нибудь точно время присоединения статьи к Александрии невозможно». Вместе с тем, тот факт, что «на присутствует уже в списках Александрии 1-й редакции и в некоторых списках Псевдо-Каллисфена», говорит о том, что «многие писцы находили нужным связывать оба произведения»⁶¹. Таким образом, можно предположить, что оба памятника были переведены и получили распространение в одно время: в XI – начале XII в.⁶²

«Палладиева статья» состояла из двух частей: в первой рассказывалось о месте и образе жизни «брахманов», во второй содержался философский диалог Александра Македонского с «брахманским» учителем Дандамом. Г.М. Бонгард-Левин отмечал, что Палладий придал своему сочинению христианский характер, включив «специфические христианские понятия, термины, установки в ткань рассказа»⁶³. В древнерусском переводе памятника в полной мере отразилась тенденция к христианизации образа «брахманов»⁶⁴. В этой связи особенно показательна заключительная реплика Дандама, обращенная к Александру:

⁵⁹ Переведенный с греческого роман Псевдо-Каллисфена об Александре Македонском (сложился к IV в.). В Древней Руси встречался только в составе хронографических сводов. – Подробнее см.: *Творогов* 1987. С. 35-37.

⁶⁰ В таком виде выделенная В.М. Истриным Александрия 1-й ред. представлена в составе Елинского летописца первой редакции. (*Истрин* 1893. С. 121) Позднее, в середине XIII в., обширный фрагмент из «Палладиевой статьи» был интерполирован в аутентичный эпизод Александрии, повествовавший о знакомстве Македонского царя с брахманами. Такая версия Александрии дошла до нас в составе Архивского и Виленского хронографов. – Там же. С. 121, 126-127, 129.

⁶¹ *Вилкул* 2010. С. 390.

⁶² Подробнее о дате появления Александрии на Руси см.: *Истрин* 1893. С. 139; *Истрин* 1922. С. 308-309; *Вилкул* «Литредакция» летописи... 2008. С. 425-426; *Вилкул* Заимствования из Хроники Иоанна Малалы... 2008. С. 15-16.

⁶³ *Бонгард-Левин* 1985. С. 69.

⁶⁴ Приведем ряд фрагментов, свидетельствующих об этом: «<Брахмане> чтоуже Бога и разоумъ же имуще, не токмо ни такое оудобъ разумѣти и разлучити Божия словеса могуще, такоже и молитву творяще не prestaюще» (*Истрин* 1893. Приложение. С. 109); «Александр зѣло сладцѣ послушаше его <Дандамия> и не разгнѣвася, бяше бо и в немъ Духъ Святыи» и «глаголя Александръ, истинный оучителю рахъмановъ, о Дандамии, потворяя человекеы Божиену премоудростию, я же в тебѣ есть, ...обрѣтохъ всѣхъ человекъ выше Духа ради, еже в тебѣ, всѣмъ силамъ премудра, вѣдѣ, яко истинуоу все глаголеши, роди тя Богъ и тѣ спусти тя и в мѣстѣхъ сихъ» (там же. С. 121); «Дандамъ възлия масло на огонь, дондеже все изгори, и възда

“...никому же не хоцемъ, да емоу зло будетъ от нас, или от кого. Все бо акы одиному душоу и тѣло имамъ, а не якоже вы тогда ся радуете, егда видѣте бра- тью погыбающе. Егда душу свою Богъ за ня положити⁶⁵ и кровь свою за ня пролияти, подражающе владыку своего, яже сътворитъ нас дѣля, велми ны милоуя и любя, да потщися, да ты вси познают людие отшедша от жидовства на оувѣдѣние Христово и сказавшу жидовскыя памяти о Христъ...”⁶⁶.

В.М. Истрин указал на отсутствие этого фрагмента в греческом оригинале «Палладиевой статьи»⁶⁷. Очевидно, мы имеем дело с припиской древнерусского переводчика или редактора. В ней Дандам открыто призвал Александра отвергнуть иудейство (“жидовство”)⁶⁸ и уверовать в Христа. Откуда древнерусский автор мог почерпнуть сведения о знакомстве “брахманов” с иудаизмом и христианством? Вероятно, в приписке уже прослеживается отголосок переводного греческого апокрифа «Хождение Зосимы к рахманам» (V в.), который оказал существенное влияние на «Палладиевую статью» во 2-й, 3-й, 4-й и 5-й редакциях Александрии⁶⁹. Согласно «Хожению» “брахманы” были христианами, а по происхождению являлись потомками ветхозаветного Рехав⁷⁰, которые во времена пророка Иеремии чудесным образом перенесли из Иерусалима в земли по соседству с раем⁷¹. Таким образом,

---

славоу Богу, глаголя: “Бессмертныи Боже, хвалоу тебѣ о всемъ въздаю. Царь бо еси всѣмъ ты единъ вѣстинуу, подая своеи твари вся богатствия на наслаждение, сотворивъ бо ты мира сего, ты съблюдаеши, ожидая душа, яже посла к нему, да добру жизнь живышимъ почтеша акы Богъ, а еже не покорившуся имъ твоимъ заповѣдемъ предаси судоу. Весь бо соуд праведный от тебе, и бес конца жизнь от тебе оуготова- на есть, благодатию бо своею вся милуеши» (там же. С. 122-123).

⁶⁵ Ср.: 1 Ин 3:16

⁶⁶ Истрин 1893. Приложение. С. 128.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Указание на иудейскую веру Александра отсылает нас к эпизоду Александрии, в котором рассказывалось о посещении македонским царем Иерусалима. Согласно этому сообщению, Александр, поклонился имени Бога, начертанному на одежде иудейского первосвященника и принес положенные жертвы в Иерусалимском храме. В.М. Истрин полагал, что переводчик Александрии или кто-либо из ее первых переписчиков позаимствовал отрывок «Вшествие в Иерусалим» из Хроники Георгия Амартола (Истрин 1893. С. 110-120). Произошло это на раннем этапе бытования памятника, т.е. до того, как Александрия была включена в хронографы. Это подтвердила Т.Л. Вилкул (Вилкул 2011. С. 172). Текстуальная связь «Палладиевой статьи» и «Вшествия в Иерусалим» вновь ставит вопрос о времени включения этих рассказов в Александрию. У нас есть основания думать, что это могло произойти одновременно и обе вставки были сделаны автором христианской приписки к тексту Палладия. К сожалению, древнерусские списки «Палладиевой статьи» пока мало изучены источниковедчески и текстологически, и можно делать только гипотетические предположения касательно истории ее бытования.

⁶⁹ См.: Истрин 1893. С. 223-226, 306; Истрин 1893. Приложение. С. 218-219, 327; Бонгард-Левин, Шохин 1987. С. 274-279.

⁷⁰ Подробнее см.: Иер. 35:1-19.

⁷¹ Хождение Зосимы к рахманам... С. 78-92; См. также: Ванеева 1989. С. 489-491; Веселовский 1886. С. 280-303.

приведенный фрагмент «Палладиевой статьи» свидетельствует о том, что в среде древнерусских книжников довольно рано сформировалось мнение о “брахманах” как о христианах. Можно говорить о том, что к моменту складывания первой редакции Александрии уже существовали устойчивые представления такого рода. На их фоне рационалистические рассуждения Амартола о благочестии “брахманов”, очевидно, выглядели как частное единичное мнение. Однако это не дает нам повода пренебречь в истолковании исследуемых летописных сопоставлений точкой зрения Амартола и предпочесть мнение его источников.

По-видимому, ответ на интересующий нас вопрос о смыслах ассоциативной цепочки поляне – “сирии” и “брахманы” – фисониты следует искать в общем контексте летописных сведений о полянах.

Вначале, надо признать, что образ “сириев” в обрисованном в летописи соотношении играл второстепенную роль, что, по всей видимости, было связано с его скуными и расплывчатыми описаниями в источниках. Вслед за Георгием Амартолом, летописца, по-видимому, интересовали прежде всего “брахманы”. Именно с ними он ассоциативно связывал полян, о чем говорят текстовые реминисценции, присутствующие в ПВЛ. Так, летописное упоминание об обособленной жизни полян⁷² перекликалось с замкнутым, островным образом жизни “брахманских” долгожителей, а сообщение о том, что поляне “бяху мужи мудри и смыслени”⁷³, соотносилось с характеристикой “брахманов” в ХГА, где говорилось о “моужь тѣхъ скровенъна премудрости”⁷⁴. Поляне соседствовали с родственными, но чуждыми им по духу древлянами, подобно тому, как и “брахманы” жили близко к “прилежащим к нимъ” “сквернотворящим” соотечественникам-индийцам.

Важную роль в выстраивании образа полян сыграл также образ фисонитов (или “данувиев”) из «Диалогов» Псевдо-Кесария. Названия этого племени восходили к гидронимам «Фисон»⁷⁵ и «Данувий» – древнейшим наименованиям Дуная. Примечательно, что эта же река являлась основным “маркером” полянской прародины, которой в ПВЛ уделялось особенное внимание. В летописи говорилось, что поляне и

---

⁷² «Полянѡмъ же жившимъ особѣ...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7); «Подем же жившемъ особѣ и володѣющемъ и роды своими...» (Там же. Стб. 9); «Полянѡмъ же жиоущемъ особѣ» (Там же. Стб. 11).

⁷³ Там же. Стб. 9.

⁷⁴ Матвеевко 2006. С. 140.

⁷⁵ Фисон – одно из греческих наименований Дуная (Иванов 1994. С. 255). При этом наименование “Фисон” в греческих источниках имел не только Дунай, но и индийская река Ганг (Шохин 1988. С. 195). Под таким названием Ганг упоминался в «Палладиевой статье» (Истрин 1893. Приложение. С. 106). Неизвестно, был ли знаком создатель ПВЛ с этим памятником, но если это допустить, то знание о словоупотреблениях гидронима «Фисон» могло весомо упрочить в сознании летописца ассоциативную связь фисонитов с “брахманами”, а, соответственно, и с полянами.

прочие восточнославянские племена произошли от иллирийских славян, которым некогда проповедовал апостол Павел⁷⁶. По прошествии времени эти славяне переселились из Иллирика к Дунаю «и от тѣхъ Словѣнь разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, где сѣдше на которомъ мѣсте», затем в их земли пришли волохи, которые стали притеснять дунайских славян, что вызвало еще одну волну миграции, в результате которой «тии Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне...»⁷⁷.

В этой связи сходство образа полян с образом фисонитов-данувиев могло свидетельствовать не только о том, что летописец лишь ассоциативно связывал эти племена, но и о том, что он мог подразумевать между ними родственную связь. В ПВЛ сообщалось, что восточные славяне вели свое родословие от славян Иллирика, слышавших проповедь ап. Павла. В свое время это дало повод Н.К. Никольскому связать сведения о происхождении полян с указанием на их «тихий и кроткий» нрав и предположить, что летописец считал полян христианами⁷⁸. Схожее, но более осторожное мнение находим в исследованиях И.В. Ведюшкиной, предположившей, что летописец через сведения о происхождении восточных славян указывал на причастность восточнославянских племен и Руси к христианству с апостольских времен⁷⁹.

Обратимся вновь к рассматриваемой нами ассоциативной цепочке поляне – «брахманы» – фисониты.

Выводы исследователей о связи полян с христианством дают нам повод думать, что летописцу все же был ближе христианизированный образ «брахманов». Именно он как нельзя лучше поддерживал проводимые летописцем идеи о христианских корнях полян и помогал понять причину полянского благонравия. В свою очередь, схожие добрые нравы полян и фисонитов могли восприниматься как следы благочестивого христианского влияния их праотцев-иллирийцев. Можно допустить, что с помощью соотнесения полян с «брахманами» и фисонитами автор летописи подчеркивал значение и роль этого восточнославянского племени в будущей христианизации древнерусских земель, усматривая в этом его особую «Божью судьбу».

Летописец в среде чуждых ему восточнославянских язычников выделял «своих» полян. Последним в летописи отводилась ключевая роль, не только в христианизации восточных славян, но и в формировании древнерусского этноса («нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне»⁸⁰, «поляне, яже ныне зовомая Русь»⁸¹), а

⁷⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 28.

⁷⁷ Там же. Стб. 5-6.

⁷⁸ Никольский 1930. С. 88.

⁷⁹ Ведюшкина 2002. С. 21.

⁸⁰ ПСРЛ. Т.1. Стб. 9.

значит, образ полянского племени являлся важной частью автообраза современной летописцу Руси. Отсюда, по-видимому, и проистекали особое внимание и симпатия, с которыми поляне описывались в ПВЛ.

Подведем итоги. Описание восточнославянских племен в ПВЛ испытало влияние ХГА и, предположительно, ее источников – «Диалогов» Псевдо-Кесария и «Палладиевой статьи», без непосредственного знакомства с которыми летописец вряд ли смог выстроить уподобления, которые мы наблюдаем в исследуемом летописном фрагменте. Описания народных нравов и обычаев из указанных источников были использованы при создании летописного “этнографического обзора” как типологический образец. При этом были определены основные цепочки аналогий: поляне и “християне елико земля” – “брахманы” – фисониты; прочие восточнославянские племена и половцы – индийцы – склавины. Летописцу важно было с помощью “этнографического” описания обозначить полян как богоизбранное племя, которое, будучи языческим, обладало чертами, позволившими ему в конечном итоге воспринять и усвоить христианство.

Отметим также, что типологическим образцом летописцу послужили не только описания нравов и обычаев народов Индии, но и, по-видимому, географические сведения ХГА об этом регионе. В Хронике Индия представляла конгломерат областей: “брахманов”, индийцев и обитателей внутренней Индии⁸², среди которых первые отличались образом жизни от прочих обитателей. В ПВЛ восточнославянский регион также делился на части по проживанию тех или иных племен, и в нем обособленно жили поляне, поведением разнившиеся со своими соседями. Это говорит о том, что летописец соотносил типологически не только те или иные народы и племена, но и, по всей видимости, регионы, в нашем случае – индийский и восточнославянский. Как уже отмечалось выше, после христианизации восточнославянского региона роль темной языческой периферии перешла к половцам, чей образ в значительной мере был выстроен под влиянием описания вавилонян и халдеев из Хроники Амартола. Примечательно, что согласно той же ХГА индийская страна соседствовала с Персидой⁸³ или Вавилоном⁸⁴. Сходство образов половцев, халдеев и вавилонян не кажется случайным. Вероятно, и здесь мы соприкасаемся со своеобразным распределением аналогий, осуществленным летописцем в соответствии с географическими данными ХГА об Индии и окружающих ее землях.

---

⁸¹ Там же. Стб. 25-26.

⁸² Подробнее см.: Шохин 1988. С. 197.

⁸³ Там же. С. 194.

⁸⁴ Амартол смешивал эти географические понятия. – Матвеевко, Щеголева 2000. С. 42.

Что же касается таких “этнографических” подробностей, как упоминание полянского брачного обычая, особенностей восточнославянского погребения и прочих деталей, то сведения о них создатель летописи черпал, вероятно, из некоего предания. Однако выявленный нами метод работы летописца с письменными источниками дает повод думать, что “конструирование” летописных образов включало отбор легендарных сведений в соответствии с композиционными и идейными критериями, заданными “этнографическими” текстами Хроники Георгия Амартола и “Диалогов” Псевдо-Кесария.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Древний восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). М.: Ладомир, 2007. 652 с.
- Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М.: Университетская типография, 1893. 740 с.
- Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей). Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
- Леонид (Кавелин) архим.* Четыре беседы Кесария или вопросы святого Сильвестра и ответы преподобного Антония: Текст по рукописи XV в, принадлежащей Московской Духовной Академии. М.: Синодальная типография, 1890. 260 с.
- Матвееенко В.А.* Книги временные и образные Георгия Монаха: В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Интерпретированный текст Троицкой рукописи. М.: Наука, 2006. 634 с.
- Матвееенко В.А., Щеголева Л.И.* Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. М.: Богородский печатник, 2000. 542 с.
- Муральт Э. фон.* “Хронограф” Георгия Амартола. Греч. подлинник, приготовленный к изданию Э.П. фон-Муральтом по списку Моск. Синод. Библиотеки, открытому Оболенским с вариантами // Ученые записки II отделения Императорской Академии наук. Кн. VI. СПб., 1861. С. 1-1016.
- Хождение Зосимы к рахманам // Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. Т. 2. М.: Университетская типография, 1863. С. 78-92.
- Милтенов Я.* Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София: Авалон, 2006. 600 с.
- Dindorfius G.* Eusebii Caesariensis opera. Vol. I. Praeparationis Evangelicae (Libri I-X). Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri. 1867. 588 p.
- Palladius de gentibus Indiae et bragmanibus / Hsg. W. Berghoff.* Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain, 1967. 85 p.
- Riedinger R.* Pseudo-Kaisarios. Die Erotapokriseis. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. 312 s.
- S. Caesarius, B. Gregorii Frater.* Dialogi quatuor // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca Prior. T. XXXVIII. Paris: Excudebatur et Venit Apud J.-P. Migne Editorem, in via Dicta D'amboise, Prope Portam Lutetiae Parisiorum Vulgo D'enfer Nominatan, seu Petit-Montrouge, 1862. P. 851-1190.

Литература

- Берзин Э.О.* Юго-восточная Азия с древнейших времен до XIII в. М.: Восточная литература, 1995. 349 с.
- Бонгард-Левин Г.М.* Палладий о брахманах и диспуте Александра // Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения. Л.: Наука, 1985. С. 66-71.
- Бонгард-Левин Г.М., Шохин В.К.* Греческий рассказ Палладия о брахманах на Руси // Феодализм в России. Сб. ст. и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В. Черепнина. М.: Наука, 1987. С. 270-279.

- Ванеева Е.И. Хожение Зосимы к рахманам // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л.: Наука, 1989. С. 489–491.
- Ведюшкина И.В. Самоназвание и “чувство-мы”: формы проявления коллективной идентичности в “Повести временных лет” // Культура исторической памяти. Мат-лы науч. конф. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводск. ГУ, 2002. С. 18–25.
- Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. Вып. 1. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1886. 80 с.
- Вилкул Т.Л. Заимствования из Хроники Иоанна Малалы и Александрии Хронографической в Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3(33). М.: Индрик, 2008. С. 15–16.
- Вилкул Т.Л. “Литредакция” летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13. М.: Знак, 2008. С. 425–446.
- Вилкул Т.Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LXI. СПб.: Наука, 2010. С. 382–397.
- Гиттус А.А. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // В кн.: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 41–50.
- Данилевский И.Н. Восточнославянские “племенные союзы”: реальность или летописная легенда? // Книга картины Земли. Сб. статей в честь И.Г. Коноваловой. М.: Индрик, 2014. С. 66–75.
- Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
- Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Издательство восточной литературы, 1967. 213 с.
- Иванов С.А. Псевдо-Кесарий // Свод Древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.). М.: Изд. “Восточная литература” РАН, 1994. С. 251–259.
- Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А.А. Шахматова // Известия отделения русского языка и словесности. Т. XXVII. Л.: Типография Российской Академии наук, 1924. С. 207–251.
- Истрин В.М. Книги временья и образья Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т.2: Греческий текст “Продолжения Амартола”. Исследование. Петроград: Российская государственная академическая типография, 1922. 482 с.
- Корогодина М.В. Неизвестный отрывок славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария // Palaeobulgaria / Староболгаристика. XXXVII (2013). 2. София: Кирило-Методиевски научен център при Българска академия на науките, 2013. С. 23–33.
- Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М.: МГУ, 1977. 394 с.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения Литературы Древней Руси. СПб.: Азбука, 2014. 480 с.
- Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
- Лукин П.В. Восточнославянские “племена” и их князья: конструирование истории в Древней Руси // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. (Славяне и их соседи. Мат. XXV конференции, Москва, место проведения, 2010 г.). М.: Индрик, 2010. С. 83–89.
- Мирзоев В.Г. Былины и летописи. Памятники русской исторической мысли. М.: Мысль, 1979. 254 с.
- Михеев С.М. Кто писал “Повесть временных лет”? М.: Индрик, 2011. 280 с.
- Насонов А.Н. История русского летописания XI–нач. XVIII вв.: Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.

- Никольский Н.К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. 110 с. (оттиск из "Сборника по русскому языку и словесности Академии наук СССР", т. II, вып. 1).
- Петрухин В.Я.* Как начиналась Начальная летопись? // Труды Отдела древнерусской литературы. №57. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 33-41.
- Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 325 с.
- Ранчин А.М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 558 с.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 361 с.
- Рыбаков Б.А.* Нестор о славянских обычаях // Древние славяне и их соседи. (Отв. ред. Ю.В. Кухаренко). М.: Наука, 1970. С. 40-44.
- Творогов О.В.* Александрия Хронографическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV вв.). Л.: Наука, 1987. С. 35-37.
- Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 41-56.
- Черепнин Л.В.* "Повесть временных лет", ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды // Исторические записки. Вып. 25. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 293-333.
- Шайкин А.А.* "Повесть временных лет" о язычестве на Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 55. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 29-39.
- Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М.: Кучково поле, Академический проект, 2001. 375 с.
- Шестаков С.П.* О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // Ученые записки императорского Казанского университета. Т. 58. Кн. 3 (май-июнь). Казань: Типография Университета, 1891. С. 89-110.
- Шохин В.К.* Древняя Индия в культуре Руси (XI– середина XV вв.): Источниковедческие проблемы. М.: Глав.ая редакция восточной литературы изд-ва Наука, 1988. 342 с.
- Вілкул Т.Л.* "Вшестствие в Іерусалим" Александра Македонського, "Хроніка" Георгия Амартола в "Александрії Хронографічній" // Український історичний журнал. № 5. Київ: Інститут історії України НАН України, 2011. С. 162-178.
- Милтенов Я.* Ексерптите от Диалозите на Псевдо-Кесарий в Тълковната Палая // Известия на Научен център "Св. Дазий Доростолски". Кн. 2. Сицистра: Тибо, 2007. С. 183-196.
- Riedinger R.* Pseudo-Kaisarios. Überlieferungsgeschichte und Verfasserfrage. München: Beck, 1969. 471 s.

REFERENCES

Sources

- Drevnij vostok v antichnoj i rannekhristsianskoj tradicii (Indiya, Kitaj, YUgo-Vostochnaya Aziya).* М.: Ladomir, 2007. 652 s.
- Istrin V.M.* Aleksandriya russkikh hronografov: Issledovanie i tekst. М.: Universitetskaya tipografiya, 1893. 740 s.
- Lavrent'evskaya letopis' (Polnoe sobranie russkikh letopisej).* T.1. М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2001. 496 s.
- Leonid (Kavelin) arhim.* Chetyre besedy Kesariya ili voprosy svyatago Sil'vestra i otvety prepodobnago Antoniya: Tekst po rukopisi XV v, prinadlezhashchej Moskovskoj Duhovnoj Akademii. М.: Sinodal'naya tipografiya, 1890. 260 s.
- Matveenko V.A.* Knigi vremennye i obraznye Georgiya Monaha: V 2 t. T.1. CH.1. Interpretirovannyj tekst Troickoj rukopisi. М.: Nauka, 2006. 634 s.
- Matveenko V.A., Shchegoleva L.I.* Vremennik Georgiya Monaha (Hronika Georgiya Amartola). Russkij tekst, kommentarij, ukazateli. М.: Bogorodskij pečatnik, 2000. 542 s.
- Mural't E. fon.* "Hronograf" Georgiya Amartola. Grech. podlinnik, prigotovlennyj k izdaniyu E. fon-Mural'tom po spisku Mosk. Sinod. Biblioteki, otkrytomu Obolenskim s variantami // Uchenye zapiski II otdeleniya Imperatorskoj Akademii nauk. Kn. VI. Spb., 1861. S. 1-1016.

- Hozhdenie Zosimy k rahmanam // Tihonravov N.S. Pamyatniki otrechennoj russkoj literatury. T. 2. M.: Universitetskaya tipografiya, 1863. S. 78-92.
- Miltenov Y. Dialozite na Psevdo-Kesarij v slavyanskata r"kopisna tradiciya. Sofiya: Avalon, 2006. 600 s.
- Dindorfius G. Eusebii Caesariensis opera. Vol. I. Praeparationis Evangelicae (Libri I–X). Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri. 1867. 588 p.
- Palladius de gentibus Indiae et bragmanibus / Hsg. W. Berghoff. Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain, 1967. 85 p.
- Riedinger R. Pseudo-Kaisarios. Die Erotapokriseis. Berlin: Akademie-Verlag. 1989. 312 s.
- S. Caesarius, B. Gregorii Frater. Dialogi quatuor // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca Prior. T. XXXVIII. Paris: Excudebatur et Venit Apud J.-P. Migne Editorem, in via Dicta D'amboise, Prope Portam Lutetiae Parisiorum Vulgo D'enfer Nominatan, seu Petit-Montrouge, 1862. P. 851-1190.

Literature

- Berzin E.O. Yugo-vostochnaya Aziya s drevnejshih vremen do XIII v. M.: Vostochnaya literatura, 1995. 349 c.
- Bongard-Levin G.M. Palladij o brahmanah i dispute Aleksandra // Kul'turnoe nasledie Vostoka: Problemy, poiski, suzheniya. L.: Nauka, 1985. S. 66-71.
- Bongard-Levin G.M., Shohin V.K. Grecheskij rasskaz Palladiya o brahmanah na Rusi // Feodalizm v Rossii. Sb. st. i vospominanij, posvyashchennyj pamyati akad. L.V. Cherepnina. M.: Nauka, 1987. S. 270-279.
- Vaneeva E.I. Hozhdenie Zosimy k rahmanam // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI v.). Ch. 2: L–Ya. L.: Nauka, 1989. S. 489-491.
- Vedyushkina I.V. Samonazvanie i “chuvstvo-my”: formy proyavleniya kollektivnoj identichnosti v “Povesti vremennyh let” // Kul'tura istoricheskoy pamyati. Mat-ly nauch. konf. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodsk. GU, 2002. S. 18-25.
- Veselovskij A.N. Iz istorii romana i povesti. Vyp. 1. SPb.: Tipografiya Imp. Akademii nauk, 1886. 80 s.
- Vilkul T.L. Zaimstvovaniya iz Hroniki Ioanna Malaly i Aleksandrii Hronograficheskoy v Povesti vremennyh let // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. №3(33). M.: Indrik, 2008. C. 15-16.
- Vilkul T.L. “Litredakciya” letopisi (o vstavkah iz Aleksandrii Hronograficheskoy v Kievskom svode XII v.) // Germenevtika drevnerusskoj literatury. Sb. 13. M.: Znak, 2008. S. 425-446.
- Vilkul T.L. O hronograficheskikh istochnikah Kievskogo letopisnogo svoda // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. LXI. SPb.: Nauka, 2010. S. 382-397.
- Gippius A.A. K rekonstrukcii drevnejshih ehtapov istorii russkogo letopisaniya // V kn.: Drevnyaya Rus' i srednekovaya Evropa: vozniknovenie gosudarstv. Materialy konferencii. M.: Institut vseobshchej istorii RAN, 2012. S. 41-50.
- Danilevskij I.N. Vostochnoslavjanskije “plemnyne soyuzy”: real'nost' ili letopisnaya legenda? // Kniga kartiny Zemli. Sb. st. v chest' I.G. Kononovoj. M.: Indrik, 2014. S. 66-75.
- Danilevskij I.N. Povest' vremennyh let. Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnyh tekstov. M.: Aspekt-Press, 2004. 370 s.
- Zhivov V.M. Razyskaniya v oblasti istorii i predistorii russkoj kul'tury. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 758 s.
- Zahoder B.N. Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope. T. II. M.: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1967. 213 s.
- Ivanov S.A. Psevdo-Kesarij // Svod Drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah. T. I (I–VI vv.). M.: Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, 1994. S. 251-259.
- Istrin V.M. Zamechaniya o nachale russkogo letopisaniya: po povodu issledovanij A.A. Shamatova // Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti. T. XXVII. L.: Tipografiya Rossijskoj Akademii nauk, 1924. S. 207-251.
- Istrin V.M. Knigy vremen'nyya i obraznyya Georgiya Mniha. Hronika Georgiya Amartola v drevnem slavyano-russkom perevode. T. 2: Grecheskij tekst “Prodolzheniya Amartola”.

- Issledovanie. Petrograd: Rossijskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya, 1922. 482 s.
- Korogodina M.V.* Neizvestnyj otryvok slavyanskogo perevoda Dialogov Psevdo-Kesariya // *Palaeobulgarica / Starobolgaristika*. XXXVII (2013). 2. Sofiya : Kirilo-Methodievski nauchen cent"r pri B'Ilgarska akademiya na naukite, 2013. S. 23-33.
- Kuz'min A.G.* Nachal'nye ehputy drevnerusskogo letopisaniya. M.: Izd-vo MGU, 1977. 394 s.
- Lebedev G.S.* Epoha vikingov v severnoj Evrope i na Rusi. SPb., 2005.
- Lihachev D.S.* Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya Literatury Drevnej Rusi. SPb.: Azbuka, 2014. 480 s.
- Lihachev D.S.* Russkie letopisi i ih kul'turno-istoricheskoe znachenie. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1947. 499 s.
- Lukin P.V.* Vostochnoslavjanskije "plemena" i ih knyaz'ya: konstruirovanie istorii v Drevnej Rusi // *Predaniya i mify o proiskhozhdenii vlasti ehpoi Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni. (Slavyane i ih sosedi. Mat. XXV konferencii)*. M.: Indrik, 2010. S. 83-89.
- Mirzoev V.G.* Byliny i letopisi. Pamyatniki russkoj istoricheskoy mysli. M.: Mysl', 1979. 254 s.
- Miheev S.M.* Kto pisal "Povest' vremennyh let"? M.: Indrik, 2011.
- Nasonov A.N.* Istoriya russkogo letopisaniya XI – nach. XVIII vv.: Ocherki i issledovaniya. M.: Nauka, 1969. 556 s.
- Nikol'skij N.K.* Povest' vremennyh let kak istochnik dlya istorii nachal'nogo perioda russkoj pis'mennosti i kul'tury: K voprosu o drevnejšem russkom letopisanii. Vyp. 1. L.: Izd-vo AN SSSR, 1930. 110 s. (ottisk iz "Sbornika po russkomu yazyku i slovesnosti Akademii nauk SSSR", t. II, vyp. 1).
- Petruhin V.Y.* Kak nachinalas' Nachal'naya letopis'? // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. №57*. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2006. S. 33-41.
- Priselkov M.D.* Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. SPb.: Dmitrij Bulanin, 1996. 325 s.
- Ranchin A.M.* Vertograd Zlatoslovnyj: Drevnerusskaya knizhnost' v interpretacijah, razborah i kommentariyah. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 558 s.
- Rybakov B.A.* Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 361 s.
- Rybakov B.A.* Nestor o slavyanskij obychajah // *Drevnie slavyane i ih sosedi. (Otv. red. YU.V. Kuharenko)*. M.: Nauka, 1970. S. 40-44.
- Tvorogov O.V.* Aleksandriya Hronograficheskaya // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. I (XI – pervaya polovina XIV vv.)*. L.: Nauka, 1987. S. 35-37.
- Tihomirov M.N.* Nachalo russkoj istoriografii // *Voprosy istorii*. 1960. № 5. S. 41-56.
- Cherepnin L.V.* "Povest' vremennyh let", ee redakcii i predshestvovavshie ej letopisnye svody // *Istoricheskie zapiski. Vyp. 25*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1948. S. 293-333.
- Shajkin A.A.* "Povest' vremennyh let" o yazychestve na Rusi // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. 55*. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. S. 29-39.
- Shahmatov A.A.* Razyskaniya o russkij letopisyah. M.: Kuchkovo pole, Akademicheskij projekt, 2001. 375 s.
- Shestakov S.P.* O proiskhozhdenii i sostave hroniki Georgiya Monaha // *Uchenye zapiski imperatorskogo Kazanskogo universiteta. T. 58. Kn. 3 (maj-iyun')*. Kazan': Tipografiya Universiteta, 1891. S. 89-110.
- Shohin V.K.* Drevnyaya Indiya v kul'ture Rusi (XI– seredina XV vv.): Istochnikovedcheskie problemy. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva Nauka, 1988. 342 s.
- Vilkul T.L.* "V"shestvie v Ierusalim"" Aleksandra Makedons'kogo, "Hronika" Georgiya Amartola v "Aleksandrii Hronografichnij" // *Ukrain'skij istorichnij zhurnal. № 5*. Kiiv: Institut istorii Ukraini NAN Ukraini, 2011. C. 162-178.
- Miltenov Y.* Ekscerptite ot Dialozite na Psevdo-Kesarij v T"lkovnata Paleya // *Izvestiya na Nauchen cent"r "Sv. Dazij Dorostolski"*. Kn. 2. Silistra: Tibo, 2007. S. 183-196.
- Riedinger R.* Pseudo-Kaisarios. Überlieferungsgeschichte und Verfasserfrage. München: Beck, 1969. 471 s.

Андрейчева Марианна Юрьевна, соискатель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, руководитель по научно-методической работе Фонда гуманитарных проектов; anuta.andr@gmail.com

Ethnographical description of the Eastern Slavs in cosmographical introduction of the Primary Chronicle

The article considers descriptions of the habits and customs of eastern Slavic people and Cumans in the Tale of Bygone Years, represented in the undated part of it. Having analyzed the sources of this fragment, author defines the signs of direct and indirect influence of George Amartol's Chronicles on it, as well as Dialogues of Pseudo-Caesarius and Palladic Statement. The article shows how the texts from the Byzantine sources contributed to the approach of "ethnographical" material selection, used by the chronicler. Author pays special attention to the influence of these sources context on to The Tale's text and makes conclusion that major prototypes for the positive characters of The Tale - Polyans - were righteous "brahmans" and fisonits, while negative characters were established as an analogy to wild Indian tribes and Sklavins. The author considers that the chronicler uses this defined semantics of the characters to declare Polyans as the chosen tribe that being pagan had traits that allowed it in the end to take and understand Christianity.

Keywords: Primary Chronicle, Chronicle of George Amartol, "Dialogues" Pseudo-Cesarius, Palladius "Life of the Brahmans", Eastern Slavs, Polans, Drevlyans, Radimichs, Krivichs, Severians, Vyatichs, Cumans, paganism

Marianna Andreycheva, PhD Candidate, Lomonosov Moscow State University, Head of research and methodical work, Foundation for projects in the humanities; anuta.andr@gmail.com

Племя	Нрав	Пища	Отношение к родственникам	Брак	Погребение
поляне	кроток и тихъ		стыдѣние къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и к родителямъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣние имѣху	брачныи обычаи имяху: не хожеше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завѣтра приношаху по неи что владуче	
древляне	живяху звѣринскимъ образомъ, живууще скотски. Оубиваху друг друга	ядаху нечисто вся		брака оу нихъ не бываше, но оумыкиваху оу воды девица	
радимичи вятичи северяне кривичи	живяху в лѣсѣ, якоже всякии звѣрь	ядуще нечисто все	срамословье в нихъ предъ отъци и предъ снохами	брати не бываху в них и игрища межю селы схожахуся на игрища на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту оумыкаху жены собѣ, с нею же кто свѣщашесе. Имяху же по двѣ и по три жены.	Аще кто уомряше творяху к[р]яду велику и възложаху на к[р]яду мертвеца, сожъяху и посеми, собравше кости, вложаху в судину малу и поставяху на столпѣ на путех
половцы	законъ держать... кровь проливати, а хваляще о сих	ядуще мергвечину и всю нечистоту: хомѣки и сусолы		Поимають мачехи своя, ятровои	

М. А. СИДОРЕНКО

ОТ МАЗАРИНИ К ЛЮДОВИКУ XIV – ФОРМИРОВАНИЕ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОГО ОБРАЗА КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ПРИ СТАРОМ ПОРЯДКЕ

В середине XVII в. кардинал Мазарини инициировал постановку итальянских опер в театральных залах столицы Французского королевства – так он познакомил придворных и парижан с этим жанром музыкального театра. Как эти роскошные спектакли на иностранном языке с барочными декорациями и машинами повлияли на музыкальный театр Франции, на придворный балет, который был частью государственного церемониала Старого порядка, так как в его постановках участвовали монарх, принцы и гранды? Какую роль итальянская опера сыграла в создании образа королевской власти в первые десятилетия царствования Людовика XIV?

Ключевые слова: репрезентация власти, абсолютная монархия, Старый порядок, Людовик XIV, кардинал Мазарини, Анна Австрийская

В 1660–1670-е гг. придворный балет, придворные и городские празднества, музыкальный и драматический театр как никогда ранее были поставлены на службу королевской власти Франции. Именно барочные зрелища помогли Людовику XIV (1643–1715), пожалуй, самому классицистскому монарху в истории Европы, заложить основу целостного, до мелочей продуманного собственного общественного образа, из-за которого потомки закрепили за ним прозвище Короля-Солнце (современники так его не называли). Однако успеху выбранных Людовиком XIV средств реализации всеобъемлющей репрезентативной программы во многом способствовало последнее увлечение Наихристианнейших монархов идеалами итальянского Барокко.

Цель данной работы – раскрыть особенности первоначального этапа формирования репрезентативного образа королевской власти при Людовике XIV. Как правило, в изучении репрезентации монаршей власти Франции второй половины XVII в. пристальное внимание уделяется периоду самостоятельного правления Людовика XIV, которое началось с 1661 г., когда умер кардинал Джулио Мазарини (1602–1661, первый министр короля Франции с 1643) и король объявил о намерении править самостоятельно, не назначая нового первого министра. Мы же хотим обратиться к периоду, предшествующему данному событию, когда созданием положительного общественного образа королевской власти (впрочем, как и вопросами управления) занимался не монарх (прежде всего, в силу своего юного возраста), а его соправители и воспитатели, Анна Австрийская (1601–1666, регентша Французского королевства в 1643–1651) и кардинал Мазарини.

Первая была испанкой, второй – итальянцем, оба получили воспитание и образование при иностранных дворах, где сложились свои традиции искусства Барокко. Приехав во Францию, Анна Австрийская и Джулио Мазарини оказали огромное влияние на ее культуру, на формирование новых идеалов во французском искусстве. К тому же именно они воспитали Людовика XIV – короля-артиста, короля-танцора, короля-режиссера, монарха, который в полной мере воплотил в себе все эти ипостаси, необходимые правителю эпохи Барокко, когда было сложно провести четкую грань между политикой и искусством – одно сосуществовало в тесном тандеме с другим.

От матери Людовику XIV передалась страсть к театру. Анна Австрийская на протяжении всей жизни интересовалась многими искусствами, но больше всего она любила театр. Если французское театральное искусство в первые десятилетия XVII в. еще ждало своих великих драматургов и актеров, то с испанских подмостков уже звучали стихи великого Лопе де Вега. Приехав во Францию с многочисленной свитой (1615), юная королева постоянно ставила в своих апартаментах небольшие испанские комедии и балеты¹ (в 1660 г. со своей труппой испанских актеров к французскому двору прибыла другая принцесса из династии Габсбургов, также ставшая королевой Франции; желая расположить к себе придворных, скромная и застенчивая Мария-Тереза инициировала в своих апартаментах постановки испанских комедий, как некогда делала ее тетка²). В молодости Анна Австрийская сама выходила на сцену, участвуя в постановках придворного балета. В 1619–1621 гг., когда родители Людовика XIV переживали один из самых счастливых периодов своего супружества, они вместе разучивали роли для балетов. В 1623 г. по случаю визита в Париж будущего короля Англии Карла I был поставлен придворный балет «Праздники Юноны», в котором Анна вышла на сцену в образе одной из античных богинь.

Правда, Анна Австрийская, как и Людовик XIII (1610–1643), ценила музыкальный и драматический театр, скорее, как частное лицо, нежели как правитель, осознававший его значимость для создания положительного образа монаршей власти. Порой ее тяга к театру и вовсе приобретала гротескные формы. Так, в конце траура по Людовику XIII, на время которого при дворе были отменены все развлечения, королева-регентша, любившая итальянские комедии и пьесы Джованни-Батиста Андриани, тайно посещала театр³. Как писала фрейлина королевы мадам де Моттвиль, Анна Австрийская «ходила в театр, прячась за одной из нас (фрейлин. – М.С.), не желая во время траура открыто по-

---

¹ Дюлон 2009. С. 21.

² Sévigné, madame de. Lettres... P. 132.

³ Christout 2005. P. 42.

являться на публике в том месте, которое по праву могла бы занимать в любое другое время»⁴. Подобные проступки не подобало совершать правительнице, которой следовало заботиться о своей репутации, ведь в 1643 г. положение регентши было, достаточно, шатким. Стоило Анне стать единоличной хозяйкой в королевстве⁵, как ей тут же пришлось столкнуться с влиятельной оппозицией принцев и грандов. В сентябре того года был раскрыт так называемый Заговор важных, целью которого было физическое устранение кардинала Мазарини, протезе покойного короля и королевы, а это значит, что заговор был направлен и против авторитета монаршей власти.

В годы регентства Анна Австрийская оказывала покровительство итальянским артистам, приглашенным Мазарини в столицу Франции, что вызывало раздражение враждебно настроенных членов парламента Парижа. «Красные мантии» считали, что на иностранных певцов и музыкантов, на их роскошные и зрелищные постановки из казны государства уходило слишком много денег (хотя это была далеко не единственная претензия парламентариев к регентше). Неслучайно в 1649 г., когда противостояние двора и парламента достигло апогея, в Париже и по всей Франции не было поставлено ни одного балета. Исключением стала балетная постановка при далеком от беспорядков Фронды (1648–1653) дворе папского вице-легата в Авиньоне.

В начале 1660-х гг. покровительства «благочестивой королевы-матери» искал и директор труппы Месье⁶ Жан-Батист Поклен, называемый Мольером, которого преследовали члены общества Святых даров, ревностные сторонники католической церкви. В благодарность драматург посвятил своей венценосной покровительнице новую пьесу «Критика "Школы жен"» (1663): «Вы блистательно доказываете, что истинное благочестие нимало не мешает пристойным развлечениям. Ваше Величество из высшей сферы своих мыслей и важных дел так челоуечно снисходите к удовольствиям, доставляемым нашими зрелищами, и не пренебрегаете смеяться теми самыми устами, которые так горячо произносят молитвы Богу», – писал он⁷.

Однако Анна Австрийская, сторонница сохранения равновесия в театральном мире столицы, видя, что король также оказывал покровительство труппе Пале-Рояля, стала выказывать больше знаков расположения комедиантам Бургундского отеля, главным конкурентам труппы Мольера.

---

⁴ Цит. по: Монгретьен 2008. С. 26.

⁵ 18 мая 1643 г., спустя неделю после смерти Людовика XIII, Парижский парламент отменил завещание покойного короля, наделив его вдову «абсолютной, полной и свободной» властью.

⁶ Титул старшего брата короля Франции. На тот момент Филиппа I Орлеанского.

⁷ Мольер. Критика на «Школу жен»... С. 361.

Сложно переоценить и влияние, оказанное на Людовика XIV кардиналом Мазарини. Накануне своей смерти Людовик XIII предложил прелату-итальянцу, недавно перешедшему на службу Франции, стать крестным отцом своего первенца. Выбор, которым монарх удивил свое окружение, оказался на редкость удачным и судьбоносным для королевства: Мазарини со всей серьезностью отнесся к вверенному его заботам маленькому королю. Как писал Корнель, в лице Мазарини Рим сделал «бесценный подарок [...] юному королю»⁸. С одной стороны, драматург воздал традиционную хвалу влиятельному покровителю; с другой же, подданный выразил искреннюю благодарность за воспитание своего государя. Мазарини, назначенный 15 марта 1646 г. сюринтендантом воспитания короля, тщательно и самозабвенно принялся исполнять свои обязанности. Он нанял первоклассную команду учителей, равную которой тогда не имел ни один принц в Европе, сам же стал готовить Людовика XIV к роли самостоятельного правителя. В частности, кардинал-министр преподавал своему воспитаннику и уроки формирования положительного общественного образа правителя.

Подобно своему предшественнику, кардиналу де Ришельё (1585–1642 гг., главный министр Франции с 1624 г.), Мазарини щедро покровительствовал искусствам и ставил их на службу как собственным интересам, так интересам государства и подрастающего короля. Украшая свой парижский отель картинами, статуями и другими произведениями искусства, прелат-итальянец не просто старался заглушить тоску по родине. Коллекционирование предметов искусства, владение шедеврами с эпохи Возрождения считалось признаком богатства, власти и могущества, как в Италии, так и во Франции. Со времен короля Франциска I (1515–1547) главными коллекционерами во Франции считались монархи, однако принцы и гранды открыто соперничали с ними (так, одним из самых страстных коллекционеров первой половины XVII в. был дядя Людовика XIV Гастон Орлеанский). Это значит, что они по достоинству должны были оценить новичка, который не просто разделял их увлечение, но и весьма преуспел в этом. Однако у Мазарини была еще одна страсть, которая владела им больше, чем все остальное, – музыка⁹. Любовь к этому искусству, впрочем, как и страсть коллекционирования, он привил своему венценосному крестнику.

Первые годы жизни Мазарини прошли в Риме, где у знати за последние два века воспитался вкус к пышным музыкальным постановкам с декорациями. Эта эстетика не была чужда и юному Джулио, выросшему в аристократических семьях Колонна и Барберини. Будучи генеральным интендантом кардинала Антонио Барберини, Мазарини

---

⁸ Корнель 1984. С. 6.

⁹ Bertière 2007. P. 327.

впервые присутствовал на представлении оперы «Святой Алексей» Стефано Ланди осенью 1632 г. Тогда же он познакомился со многими итальянскими артистами¹⁰. В двадцать лет будущий князь церкви и первый министр короля Франции сам вышел на сцену: он исполнил (возможно, пел) роль святого Игнация в трагедиях-ораториях, которые отцы-иезуиты с успехом ставили в своих колледжах¹¹.

Мазарини, подобно некоторым своим современникам, считал, что музыка способна оказывать волшебное, успокаивающее воздействие на человеческий разум. Беря в расчет такой потенциал музыкального искусства, с его помощью кардинал хотел решить сразу три задачи: развлечь королеву-регентшу, отвлечь принцев и грандов от интриг и заговоров, а также усмирить неспокойных буржуа. Получается, что уже в первые месяцы после прихода к власти Мазарини сделал музыку инструментом своей политики¹². Так, по его инициативе обитатели королевского двора и парижане увидели зрелище, доселе им неизвестное и потрясающее: 14 декабря 1645 г. в Париже впервые была поставлена итальянская опера. Мазарини рассчитывал на то, что роскошные постановки с музыкой, пением (правда, на итальянском языке) и фантастическими декорациями покорят столичного зрителя. Для пушей уверенности он наполнил их балетными номерами, которые любили французы.

Называя пьесу Джулио Строщи и Франческо Сакрати «Безумное притворство» («*La Finta Pazza*») «оперой», мы несколько лукавим, поскольку в XVII в. жанр таких спектаклей определяли иначе¹³. «Прекрасная музыкальная комедия с машинами – зрелище, достаточно популярное в Италии, для нас же несколько экстравагантное, но поистине королевское»¹⁴, – писала мадам де Моттевилль об «Орфее» Луиджи Росси (поставлен при французском дворе 2 марта 1647 г.). Такое определение подходит и к «Безумному притворству», в котором гармонично сосуществовали музыка, пение, танец и декорации с машинами. Кстати, слова фрейлины Анны Австрийской свидетельствуют о благосклонном приеме придворной публикой оперных постановок на итальянском языке.¹⁵ В пользу этого говорит и тот факт, что семилетний Людовик XIV смотрел «Безумное притворство» несколько раз подряд. А ведь это

---

¹⁰ Christout 2005. P. 42.

¹¹ Губер 2000. С. 446.

¹² Christout 2005. P. 42.

¹³ Beaussant 2010. P. 17.

¹⁴ Motteville, Mme de. Mémoires. P. 226.

¹⁵ Первые знакомства французских придворных с итальянской оперой состоялись гораздо раньше. Еще в 1574 г. Генрих III со свитой, посетив Венецию, побывал на оперном представлении. В ноябре 1638 г. во время визита в Рим маршала д'Эстре, чрезвычайного посла Людовика XIII, была поставлена опера «Любовь Геркулеса», сочиненная в честь рождения будущего Людовика XIV.

было первое театральное представление, увиденное им. Впоследствии по инициативе кардинала-импресарио в Париже были поставлены еще три музыкальных спектакля: уже упомянутый «Орфей» Луиджи Росси (1647), «Свадьба Пелея и Фетиды» Карло Капроли (1654) и «Влюбленный Геркулес» Франческо Кавалли (1662)¹⁶. Две последние оперы включали в себя балетные выходы, в которых участвовали не только профессиональные актеры, но и юный монарх с придворными.

Так, 14 и 15 апреля 1654 г. на сцене Пти-Бурбона, зрительный зал которого вмещал 3000 чел.¹⁷, была поставлена «Свадьба Пелея и Фетиды, итальянская комедия, положенная на музыку, с балетом на тот же сюжет, в котором танцует Его Величество», – таково полное название спектакля¹⁸, весьма любопытное с точки зрения сосуществования театральных жанров, характерного для европейского музыкального театра XVII в. (неслучайно исследователи называют этот спектакль «еще большим гибридом», чем предыдущие итальянские оперы, поставленные во Франции¹⁹). Зрелище было столь же грандиозным, как и «Королевский балет ночи», данный годом ранее. В постановке придворного балета, которая знаменовала собой победу королевской власти над Фрондой, юный Людовик XIV вышел на сцену в шести образах, в т.ч. в роли Восходящего солнца. Так, постановка итальянской оперы становится интересной не только для искусствоведов, но и историков, изучающих государственный церемониал Франции Старого порядка. Ведь речь идет не о частной постановке, предназначенной для нескольких десятков избранных²⁰, а о спектакле, который был доступен многочисленным зрителям. Опера шла в Пти-Бурбоне десять вечеров подряд, следовательно, ее посмотрело около 30000 зрителей – десятая часть тогдашнего населения столицы Франции²¹. Король, как и годом ранее, вышел на сцену несколько раз: он танцевал шесть ролей, как бурлескных, так и героических. В последнем акте Людовик предстал перед публикой в costume Войны. Образ был выбран неслучайно, поскольку весной 1654 г. в условиях войны с Испанией королю Франции было что сообщить посредством музыкальной постановки своим подданным и представителям иностранных держав при французском дворе. На следующий день после своей коронации (7 июня) Людовик

---

¹⁶ Burke 2007. P. 65, 66.

¹⁷ Боссан 2002. С. 17.

¹⁸ Les Noces de Pélée et de Thétis, comédie italienne en musique entremêlée d'un ballet sur le meme sujet dansé par sa Majesté, Paris, Robert Ballard, 1654 // Christout 2005. P. 215.

¹⁹ Christout 2005. P. 75.

²⁰ Примером таких придворных «закрытых» спектаклей могут служить постановки, в которых участвовали маркиза де Помпадур и королева Мария-Антуанетта.

²¹ Боссан 2002. С. 17.

отправился к армии маршала де Тюренна, чтобы освободить Аррас, осажденный испанцами.

Благодаря постановкам итальянской оперы с участием Людовика XIV и придворных отличительной чертой королевских дивертисментов 50-х гг. XVII в. стало гармоничное сосуществование итальянского пения и французского балета. В последующие полтора десятилетия данная традиция нашла свое продолжение в комедиях-балетах и трагедиях-балетах (единственным образцом этого жанра является «Психея» Мольера и Люлли, поставленная в 1671 г.)²², с той разницей, что итальянское пение было заменено французским.

Чтобы поставить при французском дворе «Безумное притворство», Мазарини пригласил в Париж большое количество своих соотечественников – музыкантов, танцоров, певцов и декораторов. Все это были «люди с большой репутацией, истинные мастера своего дела» (мадам де Моттвиль)²³. Нельзя сказать, что парижане были шокированы таким наплывом уроженцев Апеннинского полуострова, поскольку это была уже третья волна приезда итальянских артистов во Францию, причем, самая мощная и яркая. Итальянские музыканты начали приезжать во Францию при Франциске I, но после женитьбы его наследника на флорентийке Екатерине Медичи при французском дворе их стало гораздо больше: «Во времена Екатерины Медичи миланские скрипачи состязались, чтобы войти в оркестр из 24 скрипачей короля под руководством Балтазарини из Бельджиоджозо (на французский манер – Бальтазар из Божуайе); музыканты развили французский стиль и создавали придворный балет [...] При Марии Медичи итальянское влияние усиливается: итальянское пение – предшественник оперы – ввели знаменитый Каччини, его дочь Франческа и не менее знаменитая Чеккина, они оказали серьезное влияние на французскую традицию»²⁴.

Когда Фронда закончилась, Мазарини, желавший воспеть торжество королевской власти, дабы указать оставшимся мятежникам на необходимость подчиниться монарху, инициировал постановку новых музыкальных спектаклей с машинами. Он вновь пригласил в Париж итальянских артистов (часть из тех, что приехали ранее, покинули Францию, погрузившуюся в пучину гражданской войны). Среди них была Леонора Барони, самая знаменитая певица того времени. Талант Барони очаровал Анну Австрийскую (королева постоянно желала ее слушать и осыпала подарками)²⁵ и покорила двор. Правда, парижского зрителя примадонне завоевать не удалось. Затем приехали молодой кастрат Атто Мелани и певица Франческа Коста. Также Мазарини

---

²² Biet 2007. P. 63.

²³ Motteville, Mme de. Mémoires. P. 226.

²⁴ Губер 2000. С. 445.

²⁵ Там же. С. 446.

пригласил арфиста и несколько гитаристов (что отвечало вкусам юного Людовика XIV, который предпочитал гитару лютне, самому модному тогда музыкальному инструменту во Франции).

Среди итальянцев, приглашенных Мазарини, был и Джакомо Торелли. Этот выходец из знатной итальянской семьи являл собой пример просвещенной и деятельной природы эпохи Барокко. Среди современников Торелли слыл не только искусным сценографом, но и математиком, механиком, поэтом, художником и архитектором. Приехав во Францию в 1645 г., он обновил машинерию в театрах Пти-Бурбон и Пале-Рояль, разработал декорации ко всем оперным постановкам и придворным балетам при французском дворе 1650-х гг., за что был прозван великим волшебником театра²⁶.

Торелли, как истинный мастер своего дела, постарался найти ключ к сердцу парижской публики, которой итальянские оперы с машинами были в новинку: он всячески потворствовал ее вкусам и пожеланиям. В свои декорации Торелли включил знакомые парижскому обывателю пейзажи (прием не был новым: работая в Венеции над «*Il Bellerofonte*», Торелли возвел на сцене Дворец дождей и кампанилу собора Святого Марка²⁷). Поэтому в парижской постановке *итальянской* оперы «Безумное притворство» в начале первого акта парижане увидели на сцене остров Сите между двумя рукавами Сены, Новый мост, статую Генриха IV, площадь Дофина и собор Нотр-Дам-де-Пари²⁸. Другой особенностью декораций барочных спектаклей было то, что сценографы зачастую помещали персонажей пьес в интерьеры волшебных садов и дворцов, напоминающих королевские резиденции. Так, в «Безумном притворстве» публика любовалась садами Флоры с тремя аллеями кипарисов, уходящих вдаль к дворцу. В «Орфее» дриады танцевали балет с кастаньетами в садах Солнца, а Аполлон спускался в свой дворец на сверкающей колеснице²⁹. Возможно, такие сценические картины, увиденные Людовиком XIV в детстве, оказали влияние на культурную программу его правления, подтолкнули его к созданию *своего* волшебного дворца, в котором царил культ Солнца и Аполлона.

Людовик не переставал забрасывать Торелли заказами вплоть до 1661 г., пока последний «не скомпрометировал» себя, работая на сюринтенданта финансов Франции Никола Фуке. Торелли создал декорации к первой комедии-балету Мольера «Докучные», поставленной 17 августа 1661 г. в Во-ле-Виконт³⁰. Через три недели после великолеп-

---

²⁶ Булычева 2004. С. 419.

²⁷ Christout 2005. P. 48.

²⁸ Beaussant 2010. P. 18, 19.

²⁹ Christout 2005. P. 53.

³⁰ В 1660 г., Торелли решил окончательно обосноваться во Франции и женился на парижанке Франсуазе Сю. – La Gorge J. de. 2005(c). P. 1522.

ного празднества в Во Фуке был арестован. Так, вскоре после смерти своего покровителя, кардинала Мазарини, Торелли, получив приказ покинуть Францию, вернулся в Венецию, где продолжил работать сценографом. Но была и другая, возможно более весомая причина внезапной отставки того, кого еще совсем недавно боготворили и называли великим волшебником театра. На театральном небосклоне Франции восходила звезда Карло Вигарани, другого итальянского декоратора, который тоже прибыл в Париж по приглашению Мазарини. После первого версальского празднества «Забавы волшебного острова» (1664) Вигарани стал главным театральным художником королевского двора и на долгие годы – бессменным товарищем Мольера и Люлли.

За годы работы во Франции (1645–1661) Торелли изменил французский театр до неузнаваемости. Его декорации к «Безумному при творству», «Андромеде», «Свадьбе Пелея и Фетиды» еще долго были востребованы в других постановках: их можно было увидеть на парижских сценах не только в первые годы после отъезда Торелли из Франции, но и после его смерти (1678)³¹. Подход Торелли к преобразению сценического пространства, сделавший из музыкальных постановок зрелища исключительной красоты, заложили основу новых стандартов зрительского вкуса, как придворной, так и городской публики Франции. Ту же оперу уже мало было слушать, ее еще и надо было видеть. То, что эти спектакли восхищали и поражали, способствовало укреплению авторитета королевской власти. Иностранцев великолепие сценического действия, танцевального и музыкального, убеждало в могуществе Франции и ее монарха не меньше, чем ее армия и победы.

О том, что с середины XVII в. парижане приучились к спектаклям с машинами, свидетельствует репертуар Королевской труппы в Марэ, одного из ведущих драматических театров Парижа. Труппа сделала ставку на постановку пьес с машинами. В 1663 г., давая «Золотое руно» Корнелия-старшего на музыку д'Ассуси, труппа пошла на существенные расходы, чтобы придать спектаклю больший блеск: штатный декоратор театра Денни Бюффекен получил за машины 1200 ливров, а потом еще по 22 ливра за каждое представление³². Постановка «Золотого руна» помогла театру Марэ справиться с временными трудностями (желая окупить расходы, труппа прилично увеличила плату за вход: поллуидора за место в партере, луидор за кресло в амфитеатре и восемь за ложу) и стала вехой в истории французского театра Старого порядка.

Получив эксклюзивные привилегии на постановку музыкальных спектаклей, а также назначение на должность главы Королевской академии музыки (1672 г.), Люлли отрекся от своего давнего компаньона и

---

³¹ Beaussant 2010. P. 66.

³² Монгрёдьен 2008. С. 83.

соавтора Мольера, разорвал с ним личные и творческие контакты, но, как и в прежние годы продолжил сотрудничать с Вигарани. Практически все музыкальные трагедии Флорентинца были поставлены с его декорациями. Позднее, когда оперу начали давать без машин, современники критично восприняли такое новшество: «Тот, кто утверждает, будто театральные машины – это детская забава, годная только для театра марионеток, вводит людей в обман и прививает им дурной вкус: машины украшают вымысел, придают ему правдоподобие, поддерживают в зрителе приятную иллюзию, без которой театр утрачивает большую часть своей прелести, ибо она сообщает ему нечто волшебное. Обои «Береникам» и «Пенелопе» не нужны полеты, колесницы, превращения, но опере они необходимы: смысл ее в том, чтобы с одинаковой силой чаровать ум, глаза и слух»³³.

Привив придворной и парижской публике любовь к спектаклям с машинами, Мазарини, как некогда Ришельё, инициировал строительство театрального зала в Париже, который должен был отвечать новым техническим требованиям и вмещать как можно больше зрителей – кардиналу-итальянцу нужна была достойная площадка для его роскошных оперных постановок, прославлявших короля Франции. О необходимости такого строительства говорили и несчастные случаи, происходившие в старых театральных залах столицы, причем некоторые из них чуть не стоили жизни монарху. Так, в 1653 г. во время одного из первых выходов Людовика XIV на сцену в «Королевском балете ночи», поставленном в зале Пти-Бурбон, внезапно загорелась декорация. По свидетельству «*La Gazette de France*», в этой ситуации юный суверен выказал «чрезвычайную храбрость»³⁴, что вызвало восторг у публики. На следующий год во время представления оперы «Свадьба Пелея и Фетиды» (снова в зале Пти-Бурбон) один из работников сцены погиб, упав с лесов в центр помоста, опять-таки неподалеку от короля³⁵.

Для воплощения своего замысла Мазарини в 1659 г. пригласил во Францию инженера, театрального архитектора и сценографа Гаспаре Вигарани, который построил театральные залы в Модене, Мантуе и Капри. С Гаспаре в Париж приехали его сыновья Лодовико и Карло. Вигарани-отец и не догадывался, сколь многое он сделал для короля Франции, для развития французского театра, взяв их с собой. Строительство зала Тюильри, которое было решено доверить Вигарани-старшему, продолжалось до 1663 г. Изначально Мазарини предлагал построить новый театр позади своего отеля, но Вигарани отверг этот проект, посчитав его «неподходящим и неудобным». Тогда возникла

³³ Лабрюйер 2005. С. 23.

³⁴ La Gorce 2005(b). P. 61.

³⁵ La Gorce 2005(a). P. 15.

идея постройки нового зала в Тюильри³⁶. Возможно, такой выбор обуславливался тем, что дворец был королевской резиденцией, именно здесь, в непосредственной близости от места проживания монарха, и должны даваться роскошные театральные представления. Придворным и парижанам следовало привыкнуть ассоциировать совершенство театрального и балетного искусства с персоной короля (а не кардинала-министра или другого мецената, как предполагалось изначально³⁷).

Планы строительства «прекрасного театра с машинами» в Тюильри предоставил и Торелли³⁸, но выбор уже был сделан. Как это ни прискорбно, но в 1662 г., когда великий волшебник театра покинул Париж, столичный зритель не заметил его отъезда. Все только и говорили о постановке оперы «Влюбленный Геркулес». Изначально Мазарини хотел приурочить ее к женитьбе Людовика XIV, но из-за строительства зала Тюильри премьеру пришлось отложить. Разработка декораций к спектаклю была доверена отцу и сыновьям Вигарани. На них лежала огромная ответственность, так как в постановке участвовал король, который с каждым годом нахождения на сцене, балетной и политической, все больше концентрировал внимание на себе – тому способствовали выбранные им роли и усложняющаяся хореография балетных выходов. Премьера «Влюбленного Геркулеса» состоялась 7 февраля 1662 г., после смерти Мазарини. В пятом акте Людовик вышел на сцену в костюме Солнца, его окружали Двенадцать дневных часов. Окончательно символ главного небесного светила был закреплен королем за собой на Карусели Тюильри, которая состоялась 5–6 июня того же года.

Одна из технических хитростей зала Тюильри заключалась в том, что Людовик XIV, оттанцевав свои партии, получал возможность тут же занять место в зрительном зале. Создав специальную потайную галерею, архитекторы Вигарани, Лево и д'Обрай позволили королю всегда находиться в центре театрального (репрезентативного) пространства, независимо от того, ограничивалось оно сценой, на которой он танцевал в окружении придворных, или охватывало весь зал, где располагались зрители-подданные. Теперь монарх постоянно был в центре внимания, как актер и как зритель (в рамках одного спектакля он присутствовал в двух ипостасях). В том и в другом случаях взоры присутствующих были направлены на монарха, который играл на публику независимо от того, танцевал на сцене или сидел среди них.

Итальянская опера, диковинный для французов жанр музыкального театра, оказала существенное влияние на придворный балет, зре-

---

³⁶ Ibid. P. 14.

³⁷ Что-то подобное уже было, когда кардинал де Ришелье построил театральный зал в своей новой парижской резиденции. Невольно (может и намеренно) кардинал указал на то, что он, не король, являлся главным организатором театральных зрелищ.

³⁸ Milizia 2005. P. 238.

лице, которое на протяжении десятилетий (с 1581 г.) помогало королям Франции формировать собственный репрезентативный образ, а также общаться с подданными. Здесь мы сталкиваемся с одной из метаморфоз века Барокко: сначала итальянская опера, или как тогда говорили, музыкальная трагедия, преобразовала придворный балет Франции, позволив ему стать поистине королевским жанром, затем уже придворный балет помог появиться новому жанру французского национального музыкального театра – музыкальной трагедии.

Придворный балет, возникший в конце XVI в. при дворе последнего Валуа, к концу царствования Людовика XIII был представлен героическим и буффонадным балетом. В первом случае король Франции, принцы, гранды и придворные появлялись перед публикой, придворной или городской, в костюмах героев Древности и античной мифологии; действие на сцене было подчинено благородному или героическому сюжету. В случае с буффонадным балетом монарх и его окружение танцевали перед придворными и горожанами в образах персонажей бурлескного, перевернутого мира.

Людовик XIII, любивший участвовать в балетных постановках не меньше своего старшего сына, отдавал предпочтение буффонадному балету, а в выборе ролей – второстепенным и незначительным персонажам³⁹. Но и тогда придворный балет служил для короля средством общения с подданными. Например, 29 января 1617 г. посредством балетной постановки 16-летний Людовик XIII поведал двору о своем желании править самостоятельно, за чем вскоре последовали убийство маршала д'Анкара (24 апреля) и ссылка Марии Медичи (2 мая). Правда, отец Людовика XIV прибегал к возможностям придворного балета, как орудия собственной политики, время от времени.

Людовик XIV, напротив, поставил балетные спектакли, облаченные в пышные одежды итальянской оперы, на службу интересам государства. В определенном смысле этому способствовало и то, что отныне в центре балетной сцены был уже не меланхоличный и замкнутый Людовик XIII, а его юный и харизматичный преемник.

«Он был хмур, недоверчив, нелюдим»⁴⁰, – так писал о Людовике Справедливом герцог де Ларошфуко. По словам Таллемана де Рео, Людовик XIII «говорил с трудом, и поскольку в придачу он отличался робостью, то и держался, как правило, нерешительно»⁴¹. Иные краски современники находили, описывая Людовика XIV. «То был государь, которому нельзя отказать во многих достоинствах и даже величии»⁴², – писал герцог де Сен-Симон. – Он, можно сказать, был рожден, чтобы

---

³⁹ См.: Сидоренко 2015.

⁴⁰ Ларошфуко Ф. де. Максимы. Мемуары. С. 205.

⁴¹ Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. С. 112.

⁴² Сен-Симон, герцог де. Мемуары... Т. 2. С. 103.

стать олицетворением величия, и среди остальных людей все в нем — рост, осанка, изящество, красота лица, сменившаяся с годами важностью выражения, вплоть до звучания голоса, тонкости, прирожденной приятности и величавости облика — до последнего дня выделяло его среди них, как выделяется матка среди пчел, и, даже не будь он королем, он все равно проявил бы тот же дар к празднествам, наслаждениям, покорению женских сердец и самым безрассудным любовным приключениям»⁴³. О красивой и представительной внешности Людовика XIV вспоминала и Великая Мадемуазель, встретившая его в августе 1657 г.⁴⁴ «Он высок, благороден, располагающ и приятен, лицо у него нежное и величественное, у него самые красивые волосы в мире [...] это самый красивый мужчина. В королевстве нет человека, лучше скроенного, об этом свидетельствует все его окружение», — описание Людовика, сделанное ею же двумя годами позже⁴⁵.

Впервые Людовик XIV вышел на балетную сцену 26 февраля 1651 г. в «Балете Кассандры». Ему тогда было 12 лет. Придворные и парижане настолько вдохновились видом танцующего монарха (сначала он исполнил роль Рыцаря, затем — Вязальщика из Пуату), что балет давали в театре Пале-Рояль пять вечеров подряд. Через несколько месяцев, 2 мая, Людовик вновь вышел на сцену — он исполнил уже шесть ролей в «Балете празднеств Бахуса». С тех пор каждая балетная постановка с его участием становилась событием, сенсацией и привлекала к себе пристальное внимание придворных, горожан и иностранцев.

Анна Австрийская и Мазарини, правление которых сопровождалось внутривластными кризисами, не преминули использовать балетные постановки с участием короля в политических целях. Мы уже писали, что победу королевской власти над Фрондой знаменовал «Королевский балет ночи». В день премьеры, 23 февраля, зал Пти-Бурбон был забит до предела. Успех постановки был феноменален, поэтому ее давали вновь 25 и 27 февраля, 2, 4, 6 и 16 марта — фактические правители Франции больше, чем кто-либо другой были заинтересованы в том, чтобы этот балет- послание могли увидеть как можно больше зрителей.

Смешение жанров итальянской музыкальной трагедии и французского придворного балета в середине XVII в., по нашему мнению, свидетельствовало о провале (хотя и не полном) попыток Мазарини привить французам вкус к итальянской опере. Им нравилось смотреть зрелищные постановки с машинами, но не слушать пение на иностранном языке на протяжении всего спектакля. Подданным короля Франции было неинтересно смотреть оперу без танца (в 1668 г. Мольер поставил «Скупого»), однако комедия не пользовалась популярностью

---

⁴³ Там же. Т. 2. С. 105.

⁴⁴ Grande Mademoiselle, Ie. Mémoires. P. 420.

⁴⁵ Mademoiselle de Montpensier. Divers Portraits. P. 54.

у парижан; не исключено, что ее провал был обусловлен отсутствием в спектакле музыки и танца⁴⁶). Так, министр иностранных дел Людовика XIV Юг де Лион, гостя в Риме у кардинала Барберини, писал, что итальянская опера является слишком длинной и монотонной⁴⁷. Возможно столь суровый вердикт был продиктован вкусом конкретного человека, ведь некоторые французы неприветливо высказывались и об операх Люлли, которые пелись на французском: «Не знаю, почему эта опера, несмотря на превосходную музыку и царственную роскошь постановки, все же нагоняет на меня скуку», – писал Лабрюйер⁴⁸.

В Париже конца 1650-х гг. даже проходили состязания между сторонниками итальянского и французского музыкального театра. Сначала 17 января 1657 г. в Большом зале Лувра перед двором был поставлен балет «Большая любовь», в основу которого легла итальянская музыкальная комедия⁴⁹. За исключением поэта-либреттиста Бенсерада, написавшего стихи к представлению, над ним работали итальянцы – аббат Бути (либретто), Люлли (музыка) и Торелли (декорации). Международная труппа была представлена итальянскими певцами и королем с придворными – так Людовик XIV указал на свои театральные предпочтения в данный период. Монарх вышел на сцену в образе Дивертисмента в первом акте и Друга молодых – в десятом. Балетные выходы чередовались интермедиями с пением на итальянском языке.

В следующем месяце двор любовался другой балетной постановкой, заказчиком которой был Анри II де Лоррен, герцог де Гиз (его брат, шевалье де Гиз в 1646 г. привез в Париж юного талантливого скрипача Джованни-Батиста Лулли). Для создания балета «Волнующие удовольствия» де Гиз, отдававший предпочтение традициям французского музыкального театра⁵⁰, привлек только французов – поэта Шарля де Беи и Луи де Мольера⁵¹, которые написали стихи, последний еще сочинил музыку и поставил танцевальные номера вместе с Доливе и Бошаном. Премьера прошла в парижской резиденции Гиза между 6 и 9 февраля, затем 11 февраля его дали в Лувре в присутствии короля.

Подобные музыкально-театральные состязания давали Людовику XIV, еще не взявшему всю полноту власти в свои руки, возможность выступить в почетной роли арбитра и примирителя двух течений: он танцевал в балете, поставленном итальянцами, но с удовольствием смотрел балет, созданный французами. Кстати, зрелище заслуживало

---

⁴⁶ Мори 2011. С. 240.

⁴⁷ Christout 2005. P. 35.

⁴⁸ Лабрюйер Ж. де. Характеры... С. 23.

⁴⁹ Christout 2005. P. 89.

⁵⁰ La Gorce J. de. 2005(b). P. 98.

⁵¹ Луи де Мольер (1615–1688) – композитор, танцовщик, лютнист. Музыкант на частной и королевской службе. Не путать с Жаном-Батистом Мольером.

внимания, поскольку герцог не скупился на постановку. Он заказал дорогие костюмы, о чем свидетельствуют письма послов из Рима и Флоренции. Иностранцы дипломаты заключили, что балет лотарингского принца получился более пышным, чем балет короля⁵².

Реакция придворной публики, следившей за состязанием, была неоднозначной, поскольку не каждый осмеливался критиковать балет с участием Его Величества. Однако события ближайшего будущего говорили сами за себя. Уже в следующем году Люлли, сочиняя музыку к «Королевскому балету Альсидианы», сотрудничал с Луи де Мольером и Жаном-Батистом Бюссе – команда, работающая над придворными балетами, становилась более французской. И слова пелись уже не только на итальянском языке, но и на французском. К тому же «Королевский балет Альсидианы» стал первым в репертуаре двора Людовика XIV, который отошел от стиля бурлескных сценок, приблизился к героическому и прециозному стилю. Как заметил современный французский искусствовед и историк Ф. Боссан, балет-маскарад исчезал, ему на смену приходил героический балет, который существовал до тех пор, пока король десятью годами позже не прекратил танцевать⁵³.

В выборе сюжетов для балетных постановок предпочтение стали отдавать тому, что уже давно нравилось французской публике. Большинство придворных балетов и дивертисментов 1650–1660-х гг. были вдохновлены античными мифами о богах и героях, а также сюжетами прециозной литературы – рыцарскими поэмами Лодовико Ариосто и Торквато Тассо, романами Жоржа и Мадлен де Сюдери⁵⁴. Такой смелой вкусов французский придворный балет обязан еще одной уроженке Апеннинского полуострова, Марии Манчини. В конце 1650-х гг. король был страстно влюблен в эту племянницу Мазарини, настолько, что даже просил у кардинала разрешения жениться на ней⁵⁵. В те годы на придворных празднествах часто можно было насладиться пением Марии Манчини под аккомпанемент Людовика на гитаре. Специально для влюбленных Люлли сочинял небольшие танцевальные арии.

Людовик XIV, который даже в зрелом возрасте весьма скромно отзывался о своей образованности⁵⁶, восхищался ее греко-латинским

---

⁵² Ibid. P. 98.

⁵³ Боссан 2002. С. 23.

⁵⁴ Christout 2005. P. 157.

⁵⁵ Лафайет 2007. С. 177.

⁵⁶ Герцог де Сен-Сомон резок и предвзят в оценке образованности короля, что, кстати, противоречит суждениям других современников: «Он едва научился читать и писать и остался совершенным невеждой, не зная самых общеизвестных сведений из истории, не зная о родственных связях, состояниях, деятельности, происхождении лиц, не зная законов и так ничего об этом не узнав. По причине своего невежества он неоднократно и нередко прилюдно попадал в самые нелепые положения» (Сен-Симон. Мемуары... Т. 2. С. 118).

образованием и умом⁵⁷. Девушка Манчини, действительно, была хорошо образована и начитана: она обожала самые модные романы своего времени (произведения мадемуазель де Скюдери, д'Юрфе, Ла Кальпренеда), знала наизусть монологи из «Сиды» и «Горация», итальянские пьесы в стихах, выказывала совершенные знания философов и историков Античности. Под влиянием Марии король проникся любовью к рыцарской тематике⁵⁸, сюжеты которой не раз ложились в основу придворных увеселений, даже после того, как она оставила двор (1659). Например, главная тема галантного празднества «Забавы волшебного острова», организованного в 1664 г. в версальском парке в честь мадемуазель де Лавальер (что читалось «между строк»), была заимствована из прециозных и барочных романов.

Впрочем, возможно Мария Манчини стала лишь долгожданным мостиком, который наконец-то соединил мир королевского двора с миром парижских салонов. Со времен Генриха IV они были истинной школой изящных манер и словесности для нескольких поколений французских придворных. Тем более, что молодой монарх, воспитанный утонченной Анной Австрийской, не был похож на своего отца и деда, грубость манер которых возмущала современников. Неслучайно следующей хозяйкой королевского двора после девушки Манчини стала не менее утонченная и рафинированная Генриетта Английская, герцогиня Орлеанская. Она довершила воспитание вкуса и манер Людовика.

«Свадьба Пелея и Фетиды» стала последней итальянской оперой, поставленной в Париже при Людовике XIV. Придворный балет, в котором танцевал король, прекратил свое существование в 1670 г., когда Людовик покинул балетную сцену⁵⁹. На смену ему пришел новый королевский жанр музыкального театра – французская музыкальная трагедия. И главную роль в формировании канонов этого жанра музыкального национального театра Франции сыграл еще один итальянец – Люлли. Кстати, он во многом способствовал окончательному поражению итальянской музыки во Франции⁶⁰.

В 1666 г. Людовик XIV предписал итальянским музыкантам покинуть королевство в течение двух недель. Имея своего гениального композитора, он давно перестал слушать музыку итальянцев, поэтому их дальнейшее пребывание при французском дворе стало бесполезным

---

⁵⁷ Блюш 1998. С. 4, 88.

⁵⁸ Fraser 2007. P. 75.

⁵⁹ См.: Сидоренко 2014.

⁶⁰ Как подчеркнул биограф Люлли, в «Балете сезонов», поставленном в Фонтенбло в 1661 г., больше не звучала итальянская музыка. Это стало поворотным моментом в творчестве «солнечного музыканта». Отныне итальянской музыке отводилась лишь эпизодическая роль в балетных постановках с участием Людовика XIV. – La Gorce J. de. 2005(b). P. 414.

(об этом аббату Никезу в письме от 16 июля 1666 г. рассказал писатель и композитор Рене Уввар⁶¹). А ведь за два года до этого итальянские музыканты участвовали в постановке первой совместной комедии-балета Мольера и Люлли «Брак поневоле» в Лувре. В том же году их пригласили в Версаль, где был дан концерт в честь папского легата кардинала Киджи. Тогда же, в 1664 г., итальянская певица Анна Бержеротти, приехавшая во Францию еще при Мазарини, пела в постановке придворного балета «Переодетая любовь» (либретто и стихи президента де Перини и Бенсерада, с музыкой Люлли). Больше Людовик XIV не прибегал к услугам итальянских музыкантов. Французская музыка отныне была способна самостоятельно обеспечивать потребности двора.

Итальянские комедианты, обосновавшиеся во Франции задолго до появления постоянных французских театров с легкой руки двух королев-флорентиек – Екатерины и Марии Медичи⁶², – еще долго оставались в Париже. Какое-то время они делили сцену театра Пале-Рояль с труппой Мольера (1660–1673), с 1680 г. им было предписано играть только на французском). Приказ покинуть Париж итальянским актерам был дан лишь 4 мая 1697 г. Причиной стала сыгранная ими пьеса, в одной из героинь которой зрители признали тайную супругу Людовика XIV, мадам де Ментенон⁶³. «Король внезапно приказал труппе итальянских комедиантов немедленно покинуть Францию [...], – писал де Сен-Симон. – До тех пор пока они изощрялись на сцене в непристойностях, а порой и в богохульствах, их представления забавляли публику; но они вздумали сыграть пьесу под названием “Мнимая Недотрога”, где без труда можно было узнать мадам де Ментенон. Публика повалила валом; спектакли давали полные сборы, и пьесу играли каждый день; однако после третьего или четвертого представления актерам приказали закрыть театр и в течение месяца покинуть пределы королевства. История эта наделала столько шума, комедианты поплатились за свою дерзость и легкомыслие утратой положения и доходов»⁶⁴.

В первые годы своего самостоятельного правления Людовик XIV взял курс на формирование национальной культуры Франции, причем с прицелом на ее шедевральность и монументальность. Стоит признать, что усилия монарха и его многочисленной команды, управленцев и артистов, увенчались успехом: уже при нем искусство Франции было взято за образец правителями других европейских стран. Хоть король и отдавал должное итальянскому искусству, акцент он сделал все-таки на создании французского стиля, причем во всем. В том числе в музыке и театре, которые при Людовике XIV стали еще и средствами формиро-

---

⁶¹ La Gorce J. de. 2005(b). P. 130.

⁶² Монгрעדьен 2008. С. 114.

⁶³ Desprat 2010. P. 322.

⁶⁴ Сен-Симон, герцог де. Мемуары... С. 310.

вания общественного образа королевской власти. Поэтому со временем итальянские музыканты и актеры оказались ненужными в культурном пространстве Франции, ее двора и столицы.

В 1640–1650-е гг. юный Людовик XIV еще не успел проявить себя в области искусства, впрочем, как и в вопросах управления. Анна Австрийская, Мазарини, сюринтендант Фуке... – роль этих людей в культурных процессах того времени была более заметна и значительна: они не только определяли политику Франции, но и задавали тон в культурной жизни двора, Парижа и всего королевства. Благодаря Анне Австрийской парижане еще больше пристрастились к театру, Мазарини пригласил в Париж многочисленных итальянских артистов и инициировал постановку итальянских опер. Эти спектакли изменили каноны театрального зрелища, привили французам вкус к роскошным музыкальным постановкам с декорациями.

Итальянская опера была необходима Мазарини для того, чтобы расположить к себе парижан, принцев и грандов, также она была средством репрезентации королевской власти и частью государственного церемониала Старого порядка. В балетных выходах, которые сопровождали музыкальные представления на иностранном языке, участвовали профессиональные актеры, придворные и король.

«Породнившись» с французским придворным балетом, итальянская опера оказала существенное влияние на него: балетные постановки следующего десятилетия отличались от предшествующих своей пышностью и грандиозностью. И дело не только в том, что героический балет пришел на смену буффонадному, но еще и в том, что придворный балет стал поистине *королевским* жанром. Каждая постановка придворного балета 60-х гг. XVII в. была событием, культурным и политическим. Балеты содержали в себе послания, обращенные к окружению короля, ко всем подданным или иностранным государствам. Такие обращения звучали более убедительно, если были облачены в роскошные декорации барочного театра.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блюш Ф. Людовик XIV / Пер. с фр. Л.Д. Тарасенковой, О.Д. Тарасенкова. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
- Боссан Ф. Людовик XIV, король-артист / Пер. с фр. А. Булычевой. М.: Аграф, 2002. 272 с.
- Булычева А. Сады Армиды: Музыкальный театр французского барокко. М.: Аграф, 2004. 448 с.
- Губер П. Мазарини / Пер. с фр. Л. Тарасенковой, О. Тарасенкова. М.: Крон-Пресс, 2000. 512 с.
- Дюлон К. Анна Австрийская: Мать Людовика XIV / Пер. с фр. И.А. Эгипти. СПб.: Евразия, 2009. 605 с.
- Корнель П. Помпей / Пер. с фр. Ю. Корнеева // Корнель П. Театр. Т. 2. М.: Искусство, 1984. С. 5–76.
- Лабрюйер Ж. де. Характеры, или Нравы нынешнего века / Пер. с фр. Ю.Б. Корнеева, Э.Л. Линецкой. М.: АСТ, 2005. 412 с.
- Ларошфуко Ф. де. Максимы. Мемуары / Пер. с фр. А.С. Бобовича. М.: АСТ, 2003. 556 с.

- Лафайет М.-М. де. История Генриетты Английской, первой жены Филиппа Французского, герцога Орлеанского / Пер. с фр. Н.А. Световидовой // Лафайет М.-М. де. Сочинения. М.: Ладомир, Наука, 2007. С. 169–214 (Литературные памятники).
- Мольер. Критика на «Школу жен» / Пер. с фр. В. Лихачева // Мольер. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2009. С. 361–377.
- Монгредьен Ж. Повседневная жизнь комедиантов во времена Мольера / Пер. с фр. Е.В. Колодочкиной. М.: Молодая гвардия, 2008. 261 с.
- Мори К. Мольер / Пер. с фр. Е.В. Колодочкиной. М.: Молодая гвардия, 2011. 308 с.
- Сен-Симон, герцог де. Мемуары: Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве / Пер. с фр. Ю.Б. Корнеева. М.: Прогресс, 1991. Т. 2. С. 103.
- Сен-Симон, герцог де. Мемуары. 1691–1701 / Пер. с фр. М.В. Добродеевой. М.: Ладомир, Наука, 2007. 992 с. (Литературные памятники).
- Сидоренко М.А. Буффонадный балет Людовика XIII и репрезентативная политика кардинала де Ришелье // Средние века. 2015. №76 (1-2). С. 248–267.
- Сидоренко М.А. Уход со сцены Людовика XIV // Вопросы истории. 2014. №8. С. 124–140.
- Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории / Пер. с фр. А.А. Энгельке. Л.: Наука, 1974. 316 с. (Литературные памятники).
- Beaussant P. Le Ballet des sines et des austruches. Paris: Le promeneur, 2010. 74 p.
- Bertière S. Mazarin: Le maître du jeu. Paris: Fallois, 2007. 950 p.
- Biet C. Les miroirs du Soleil: Le roi Louis XIV et ses artistes. Paris: Gallimard, 2007. 176 p.
- Burke P. Louis XIV. Les stratégies de la gloire / Trad. de l'anglais. L.: Éd. du Seuil. 2007. 327 p.
- Christou M.-F. Ballet de cour de Louis XIV: 1643–1672. Mises en scène. P.: Picard, 2005. 292 p.
- Desprat J.-P. Madame de Maintenon ou Le prix de la réputation. Paris: Perrin, 2010. 491 p.
- Fraser A. Les femmes dans la vie de Louis XIV. Paris: Flammarion, 2007. 414 p.
- Gorce J. de La. Carlo Vidarani, intendant des plaisirs de Louis XIV. Paris: Perrin, 2005(a). 275 p.
- Gorce J. de La. Jean-Baptiste Lully. Paris: Fayard, 2005(b). 912 p.
- Gorce J. de La. Torelli // Dictionnaire du Grand siècle / Textes réunis par F. Bluche. P.: Fayard, 2005(c). P. 1522.
- Grande Mademoiselle, le. Mémoires. Paris: Mercure de France, 2005. 716 p.
- Mademoiselle de Montpensier. Divers Portraits // Coubert P. L'avènement du Roi-Soleil. 1661. Paris: Hachette Littératures, 2008. P. 53–54.
- Motteville, Mme de. Mémoires // Les français vus par eux-mêmes: Le Siècle de Louis XIV. Anthologie des mémorialistes du Siècle de Louis XIV. P.: Robert Laffont, 1997. P. 226–229.
- Sévigné, madame de. Lettres. Paris: GF-Flammarion, 1976. 448 p.

REFERENCES

- Bljush F. Ljudovik XIV / Per. s fr. L.D. Tarasenkovej, O.D. Tarasenkova. M.: Ladomir, 1998. 815 s.
- Bossan F. Ljudovik XIV, korol'-artist / Per. s fr. A. Bulychevoj. M.: Agraf, 2002. 272 s.
- Bulycheva A. Sady Armidy: Muzykal'nyj teatr francuzskogo barokko. M.: Agraf. 2004. 448 s.
- Guber P. Mazarini / Per. s fr. L. Tarasenkovej, O. Tarasenkova. M.: Kron-Press, 2000. 512 s.
- Djulon K. Anna Avstrijskaja: Mat' Ljudovika XIV / Per. s fr. I.A. Jegipti. SPb., 2009. 605 s.
- Kornel' P. Pompej / Per. s fr. Ju. Korneeva // Kornel' P. Teatr. T. 2. M.: Iskusstvo, 1984. S. 5–76.
- Labrujer Zh. de. Haraktery, ili Nravy nyneshnego veka / Per. s fr. Ju.B. Korneeva, Je.L. Lineckoj. M.: AST, 2005. 412 s.
- Laroshfuko F. de. Maksimij. Memuary / Per. s fr. A.S. Bobovicha. M.: AST, 2003. 556 s.
- Lafajet M.-M. de. Istoriya Genrietty Anglijskoj, pervoj zheny Filippa Francuzskogo, gercoga Orleanskogo / Per. s fr. N.A. Svetovidovoj // Lafajet M.-M. de. Sochinenija. M.: Ladomir, Nauka, 2007. S. 169–214 (Literaturnye pamjatniki).
- Mol'er. Kritika na «Shkolu zhen» / Per. s fr. V. Lihacheva // Mol'er. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome. M.: Al'fa-Kniga, 2009. S. 361–377.
- Mongred'en Zh. Povsednevnaia zhizn' komediantov vo vremena Mol'era / Per. s fr. E.V. Kolodochkinoj. M.: Molodaja gvardija, 2008. 261 s.
- Mori K. Mol'er / Per. s fr. E.V. Kolodochkinoj. M.: Molodaja gvardija, 2011. 308 s.

- Sen-Simon, gercog de. Memuary: Polnye i dopodlinnye vospominaniya gercoga de Sen-Simona o veke Ljudovika XIV i Regentstve / Per. s fr. Ju.B. Korneeva. M.: Progress, 1991. T. 2. S. 103.
- Sen-Simon, gercog de. Memuary. 1691–1701 / Per. s fr. M.V. Dobrodeevoy. M.: Ladomir, Nauka, 2007. 992 s. (Literaturnye pamjatniki).
- Sidorenko M.A. Buffonadnyj balet Ljudovika XIII i reprezentativnaja politika kardinala de Rishel'e // Srednie veka. 2015. №76 (1-2). S. 248–267.
- Sidorenko M.A. Uhod so sceny Ljudovika XIV // Voprosy istorii. 2014. №8. S. 124–140.
- Talleman de Reo Zh. Zanimatel'nye istorii / Per. s fr. A.A. Jengel'ke. L.: Nauka, 1974. 316 s.
- Beaussant P. Le Ballet des singes et des autruches. Paris: Le promeneur, 2010. 74 p.
- Bertièrre S. Mazarin: Le maître du jeu. Paris: Fallois, 2007. 950 p.
- Biet C. Les miroirs du Soleil: Le roi Louis XIV et ses artistes. Paris: Gallimard, 2007. 176 p.
- Burke P. Louis XIV. Les stratégies de la gloire / Trad. de l'anglais. L.: Éd. du Seuil. 2007. 327 p.
- Christout M.-F. Ballet de cour de Louis XIV: 1643–1672. Mises en scène. P.: Picard, 2005. 292 p.
- Desprat J.-P. Madame de Maintenon ou Le prix de la réputation. Paris: Perrin, 2010. 491 p.
- Fraser A. Les femmes dans la vie de Louis XIV. Paris: Flammarion, 2007. 414 p.
- Gorce J. de La. Carlo Vidarani, intendant des plaisirs de Louis XIV. Paris: Perrin, 2005(a). 275 p.
- Gorce J. de La. Jean-Baptiste Lully. Paris: Fayard, 2005(b). 912 p.
- Gorce J. de La. Torelli // Dictionnaire du Grand siècle / Textes réunis par F. Bluche. P.: Fayard, 2005(c). P. 1522.
- Grande Mademoiselle, le. Mémoires. Paris: Mercure de France, 2005. 716 p.
- Mademoiselle de Montpensier. Divers Portraits // Coubert P. L'avènement du Roi-Soleil. 1661. Paris: Hachette Littératures, 2008. P. 53–54.
- Motteville, Mme de. Mémoires // Les français vus par eux-mêmes: Le Siècle de Louis XIV. Anthologie des mémorialistes du Siècle de Louis XIV. P.: Robert Laffont, 1997. P. 226–229.
- Sévigné, madame de. Lettres. Paris: GF-Flammarion, 1976. 448 p.

Сидоренко Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ); masid@list.ru

From Mazarin to Louis XIV – the formation of a representative image of royal power under the Ancien Régime

In the middle of the 17th century, Cardinal Mazarin initiated the production of Italian opera in the theater halls of the capital of the French kingdom, so he introduced this genre of musical theater to the court and Parisians. How did these luxurious performances in a foreign language with Baroque decorations and the machines influenced the French musical theater and court ballet, a part of the state ceremonial of the Ancien Régime, as monarch, princes and grandees participated in his production? What was the role played by Italian opera in the creation of a public image of the monarchy in the first decades of the reign of Louis XIV?

Keywords: representation of power, absolute monarchy, Ancien Régime, Louis XIV, Cardinal Mazarin, Anne of Austria

Maxim Sidorenko, PhD (History), associate professor of the Department of world economy, international relations and law, Novosibirsk State University of Economics and Management; masid@list.ru

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ 1812 ГОДА. СОСЛОВНЫЙ АСПЕКТ

Автор выявляет долю и характер участия духовного, дворянского и крестьянского сословий в коллаборационистском движении периода Отечественной войны 1812 г. в России. Также он критикует штампы коммунистической пропаганды во взгляде на этот вопрос, нашедшие отражение в советской исторической литературе.

Ключевые слова: *Российская Империя, Отечественная война 1812 года, коллаборационизм, духовенство, дворяне, крестьяне*

Обязательный для советской историографии классовый подход к интерпретации событий требовал предварительного деления сословных групп на «прогрессивные» и «реакционные». Исходя из этой, заранее сделанной расстановки акцентов, описывалась роль того или иного сословия в конкретной исторической ситуации. Такой метод, мешающий восстановить реальную картину прошлого, нашел себе место и во вполне для своего времени новаторских работах. Так, в нашумевшей около 30-ти лет назад книге Н.А. Троицкого «1812. Великий год России» можно встретить следующее, надо сказать, смелое определение:

«Третье из привилегированных сословий – духовенство – помогало народной войне главным образом “божьем словом”, патриотическими молитвами во славу русского оружия и за погибель “антихриста” Наполеона, которого Святейший Синод трижды (в 1806, 1812 и 1815 гг.) предавал анафеме. Не чуждалась церковь и материальных даяний: только в Петербурге к 16 августа 1812 г. она пожертвовала 750 тыс. руб. “на составление ополчения”. Некоторые ее служители участвовали даже в партизанском движении. Но среди духовенства больше, чем в любом другом сословии, оказалось предателей, сознательно – из личной и сословной корысти – переметнувшихся на сторону врага. Святейший Синод констатировал, что “две трети духовенства по могилевской епархии учинили присягу на верность врагу отечества”. Архиепископ Витебский и Могилевский Варлаам повелел тогда всей епархии величать “впредь... в благодарственных ко всевышнему молебствиях вместо императора Александра французского императора и италийского короля великого Наполеона”. Могилевская епархия не была исключением. *В Смоленске духовные отцы города встречали Наполеона с крестом в знак покорности, в Минске епископ служил торжественную обедню в честь завоевателя* (курсив мой. – Ю.С.), а в Подолии и на Волыни священнослужители раздавали своим прихожанам листки с текстом “Отче наш”, где “вместо имени бога было вставлено имя императора французов”. Такое отступничество тысяч пастырей от “веры, царя и отечества” рождало, по отзывам современников, “недоверчивость к законному правительству и к армии российской, заставляло слабых людей думать, что Россия пропала”. Тем самым церковь в Отечественной войне 1812 г. весьма скомпрометировала себя перед Россией. Хвалебные же труды дореволюционных историков о заслугах ее перед отечеством в 1812 г. необъективны»¹.

---

¹ Троицкий 1988. С. 215-216.

Эти слова давно вызывали справедливую критику специалистов. Например, исследовавшая историю Русской Православной Церкви Л.В. Мельникова еще в 2002 г. писала:

«Н.А. Троицкий в монографии “1812. Великий год России”, перечислив через запятую присягу Наполеону архиепископа Могилевского Варлаама (который действительно был православным) и богослужения, проведенные в честь завоєвателя в Минске (как показывают документы, на которые ссылается автор, богослужения эти проходили в католических костелах), сделал обобщенный вывод, касающийся Церкви в целом (не только западных губерний, но и всей страны), заявив, что в 1812 г. она «скомпрометировала себя перед Россией». [...] Поступок Варлаама (Шишацкого) в истории Русской Православной Церкви был настолько исключительным, что на протяжении столетия “Могилевская церковная смута” привлекала внимание многочисленных исследователей, которые пытались объяснить причины поведения архиепископа Варлаама»².

Рецензируя второе издание книги Н.А. Троицкого (2007), в котором процитированный пассаж остался без изменений³, А.И. Попов заметил: «...Среди духовенства нашлось более всего предателей (интересно узнать, кто и когда доказал это последнее утверждение?)»⁴.

Попробуем и мы рассмотреть те конкретные случаи «измены духовенства», которые упоминаются в книге. Итак, со ссылкой на 3-й том изданных под редакцией К.А. Военского «Актов, документов и материалов для политической и бытовой истории 1812 г.» (1912), Н.А. Троицкий писал, что «в Подолии и на Волыни священнослужители раздавали своим прихожанам листки с текстом “Отче наш”, где “вместо имени бога было вставлено имя императора французов”». При этом зачисляет пропагандистов именно в православные священнослужители. А что же говорится об этом у самого Военского? Да вот что: «...Русские подданные, из польской шляхты, не стесняясь, вступали в ряды войска, комплектуемого по приказу Наполеона Герцогством Варшавским, а в Подолии и Волыни раздавались листки с текстом “Отче Наш”, в котором вместо имени Бога было вставлено имя Императора французов»⁵. По смыслу цитаты видно, что листовки с искаженной молитвой распространяли не русские православные священнослужители, а польские шляхтичи. И здесь нет уже ничего странного, поскольку польская шляхта и позже боготворила Наполеона, с именем которого связывала первый опыт возрождения (после разделов Польши) национального польского государства в виде как раз Варшавского герцогства. Например, мистик Андрей Товянский (1799–1878), создавший в 1841 г. собственную секту, проповедовал: «Христос искупил род человеческий. Он – первый Мессия; за ним идут другие деятели – великие херувимы.

² Мельникова 2003. См. также: Мельникова 2002.

³ Троицкий. 2007. С. 354-355.

⁴ Попов. 2009.

⁵ Акты. Т. 3. С. XV–XVI.

Наполеон – предпоследний в этой святой колонне». В обязанность последователям Товянского вменялось даже паломничество на поле сражения в Ватерлоо⁶. Примкнувший к секте Товянского великий польский поэт Адам Мицкевич писал в книге 11-й своего «Пана Тадеуша», которая так и называется – «Год 1812»:

О незабвенный год, ты памятен для края!
Ты для народа был порою урожая,
Войной – для воинов, для песни – вдохновеньем,
И старцы о тебе толкуют с умилением.

.....
Война! и юноши тотчас же рвутся в битвы,
А женщины творят с надеждою молитвы,
И повторяют все с восторгом умиленным:
«С Наполеоном Бог и мы с Наполеоном!»⁷

Теперь о минском епископе, служившем «торжественную обедню в честь завоевателя». Православный минский архиепископ Серафим Глаголевский покинул свой кафедральный город перед полуночью 24 июня 1812 г. Утром 24 июня минский гражданский губернатор П.М. Добринский известил архиепископа Серафима через полицмейстера, «что в виду приближения к Минску неприятельской армии решено очистить город и поспешить «скорейшим выездом для спасения себя от рук неприятеля»». Как рассказывает историограф Минской архиепископии С.Г. Рункевич: «Преосвященный собрал церковную и все казенные, бывшие в его ведении, суммы, серебряные вещи своей домовою церкви, три больших серебряных подсвечника из Екатерининской церкви, пожалованные в нее Императрицей Екатериною, “лучшие вещи” из архиерейской и монастырской ризниц, и в 11 часов ночи этого же дня покинул Минск, направляясь в Смоленск, “яко безопаснейшее место”, куда преосвященный и прибыл 2 июля...»⁸ Но вскоре Смоленск также попал в зону боевых действий – и 11 августа архиепископ Серафим приехал в Брянский Свенский Успенский монастырь, далее в Орел и, наконец, в Севск⁹. Французы маршала Даву заняли Минск уже 25 июня и их торжественно встретили, опять-таки, местные поляки. Как пишет современный белорусский автор: «28 июня было назначено торжественное богослужение в костеле по поводу успехов французских войск и освобождения Минска от русского владычества, после этого богослужения Даву произвел смотр войскам»¹⁰.

У Н.А. Троицкого при упоминании епископского богослужения в Минске вновь дана сноска на «Акты...» К.А. Военского (т. 1). И по

---

⁶ Литовский 2002.

⁷ Мицкевич 1955. Т. 2. С. 501, 503. Перевод С. Мар (Аксеновой).

⁸ Рункевич 1893. С. 519.

⁹ Иерофей [Добрицкий], архимандрит 1866. С. 99, 164-165, 205-206.

¹⁰ Тарас 2012. С. 128-129.

ссылке мы находим переведенную с польского языка заметку «Празднование дня рождения Наполеона 15-го августа 1812 г.» из 10-го номера за 1812 г. «Временной минской газеты» («Tumcz. Gaz. Mińska»):

«В 11 часов все офицеры, военные и гражданские чиновники собрались к генерал-губернатору и принесли искренние поздравления нашему Великому Воскресителю. Затем во главе с генерал-губернатором отправились к обедне в Кафедральный собор. *Обедню служил Его Преосвященство Минский епископ* (здесь и далее курсив мой. – Ю.С.); этот ревностный пастырь, со дня вступления в город наших славных избавителей, возбуждал в нашем уважаемом духовенстве, при каждом удобном случае, патриотические чувства. Его окружали члены Консистории и монашеские ордена. *Во время богослужения присутствовали даже греко-российские священники, оставшиеся в нашем городе.* После обедни каноник Жилинский, капеллан Минской гимназии, в горячей проповеди побуждал всех быть благодарными Великому Монарху, который послужит предметом удивления настоящего и будущих веков. Костел наполняли войска, обыватели и дамы. Все они с радостным волнением, с прочувствованными слезами повторяли возгласы “да здравствует Великий Наполеон, да здравствует Избавитель и Воскреситель нашей родины”. Богослужение закончилось пением *Te Deum laudamus*»¹¹.

Итак, перед нами описание, вне всякого сомнения, католического богослужения в честь Наполеона. И на этом богослужении, в духе столь модного сейчас экуменизма, присутствуют русские православные (греко-российские) священники, оставшиеся в Минске. Но кто же этот загадочный, не названный по имени минский епископ? Узнать об этом несложно из процитированной К.А. Военским 8-ю страницами ранее заметки «Учреждение Минской Конфедерации», напечатанной во 2-м номере все той же минской польской газеты за 1812 г.:

«19 июля 1812 г. в местном Кафедральном костеле было отправлено богослужение. Губернатор генерал Брониковский [Миколай Брониковский, граф д'Оппельн, поляк на французской службе] присутствовал на нем со всем своим штабом и Временной Правительственной Комиссией. По окончании богослужения, по поручению губернатора, *Минский Епископ Дедерко сказал соответствующую обстоятельствам краткую речь, прославляя высокое покровительство Всемилостивейшего Императора и Короля, оказываемое Польскому народу и, между прочим, сказал следующие слова: “уже порваны московские цепи, мы вступаем под власть Императора Наполеона Великого”, а затем призывал всех сынов Родины объединиться под знаменами Освободителя*»¹².

Как видим, перед нами католический минский епископ по фамилии Дедерко и по национальности поляк, поскольку прославляет Наполеона за покровительство именно польскому народу. Яков Игнатий Дедерко, по воле французов ставший первым минским римско-католическим епископом, родом происходил с Волыни. Иезуит, долго служил в Вильне учителем семинарии, приходским священником и, наконец,

¹¹ Акты. Т. 1. С. 361.

¹² Там же. С. 353.

профессором права в академии. Еще в 1792 г. он был посвящен в епископа-суфрагана. Скончался 24 декабря 1829 г. С.Г. Рункевич пишет:

«Вступив в Минск, французы заняли для постоя архиерейский дом, жили в нем пять недель, пользовались всею его наличностью, но, уходя, с собою не взяли ничего. Едва только французы выступили из дома, оставшийся при доме архиерейский эконом Иннокентий получил от временного польского правительства в Минске чрез полицию повестку о немедленном оставлении дома всеми монашествующими и сдаче его доверенным римско-католического минского епископа Дедерки. “И вдруг” польское правительство отперло кладовую, забрало из нее всю посуду и, сложив ее в ризницу, приложило к двери ризницы печать. В поисках за скрытыми драгоценностями, члены этого “правительства” – ксендз Жилинский и лавник Лисовский – содрали пол в церкви, обыскали погреба, чердаки, и, конечно, напрасно. Затем приехал сам Дедерко, отнял ключи и “завладел всеми вещами”. На просьбу вернуть миро, антиминс, ризницу, он сначала отвечал безусловным отказом, но через две недели миро возвратил»¹³.

А как же быть с присутствием православных священников на католическом богослужении в честь Наполеона? Здесь, возможно, польская газета выдала желаемое за действительное. Вот что по этому поводу пишет С.Г. Рункевич:

«Водворившись в доме православного архиерея, римский архиерей (т.е. Дедерко. – Ю.С.) объявил себя начальником и православных монахов, бывших в городе, и заставлял их подчиняться его распоряжениям – присутствовать на молебнах, совершаемых по случаю французских побед и т.п., *чего, впрочем, монашествующие не исполняли*... Торжеством поляков спешило пользоваться латинство. В Хогляны, едва только отсюда вышли войска, наехал “декан”, согнал в православную церковь всех прихожан и в их присутствии “пересвятил церковь на унию”, сжег иконостас, привел крестьян к присяге на верность унии, изгнал православного священника и водворил на приходе “ксендза”. Это факт не единственный. О том, что православное духовенство... подвергалось посмеянию, надругательствам и т.п., излишне было бы и упоминать»¹⁴.

Как видим, Н.А. Троицкий в своей филиппике по адресу русских священнослужителей попытался выдать за минского православного архиерея епископа католического, гонителя православия и притеснителя православного духовенства. Но, возможно, мы и тысячи пастырей-отступников в Смоленске, где, по словам исследователя, «духовные отцы города встречали Наполеона с крестом в знак покорности»?

К счастью, среди смоленских «отступников» оказался человек пишущий, первый тамошний краевед священник Одигитриевской церкви Никифор Адрианович Мурзакевич (1769–1834). Обстоятельства дела отец Мурзакевич изложил и на страницах дневника своего, и в своей же истории Смоленска. Кроме того, судьбе этого батюшки посвящено специальное исследование «Священник Н.А. Мурзакевич, обвиняемый в измене в 1812 г.» смоленского историка и археолога Ивана

¹³ Рункевич 1893. С. 522-523.

¹⁴ Там же. С. 523-524.

Ивановича Орловского, опубликованное в 1903 г. в «Русской старине»¹⁵. Так вот, записи отца Никифора свидетельствуют, что после ухода из Смоленска русских войск и местных властей в городе осталось лишь... четыре (!) священника: сам отец Никифор Мурзакевич, протоиерей (протопоп) Поликарп Зверев, которого французы перехватили по дороге в русский тыл и вернули в город, священник Спасской церкви отец Яков Соколов, «которому нечего было терять, да в соборе лежал смертельно больной соборный священник Василий Щировский»¹⁶.

Каковы же были отношения смоленских четырех священников с Наполеоном и его армией? Больной отец Василий Щировский в тех отношениях не участвовал вовсе, так как умер 2 октября. Что касается оставшихся трех, то дело происходило так: 27 октября 1812 г. «французский губернатор Смоленска потребовал, чтобы наличное духовенство городское встретило бежавшего из Москвы Наполеона. Напрасно отговаривался Мурзакевич... В конце концов, опасаясь гнева Наполеона и разрушения собора и храмов и не видя особого преступления в вынужденной встрече *побежденного* врага, Мурзакевич с Зверевым и Соколовым пошли к Днепровским воротам»¹⁷. Далее отец Никифор пишет в своем дневнике: «Утром пришли о<тец> Поликарп и о<тец> Яков, чтоб идти встречать Наполеона. Зайдя в Собор, взяв ризы, крест, пошли к Днепровским воротам, где городское начальство ожидало. Часовые у ворот за нами присматривали. Продрогнув на холоде, с разрешения, мы разошлись. О. Поликарп сказал: Наполеона не будет». Но на следующий день судьба все же свела священника Мурзакевича с французским императором. Отец Никифор записал в дневнике 28 октября: «Идя к больному мещанину Ив. Короткому, что у Днепровских ворот возле дома Ив. Ковшарова, с черствою просвирую, нечаянно возле Троицкого моста попавшийся мне губернатор Жомини сказал мне по латыни: Вот Наполеон идет! – Я, не зная его, посторонился, но Наполеон у меня спросил: «форе? (поп?)» Я отвечивал: так. И когда ближе он подошел, я, в недоумении и страхе, вынул просвиру, которую он велел взять одному генералу. Всего этого никто не видел». Ну, вот, от «тысяч» встречавших Наполеона священнослужителей остался один испуганный священник. Прошло два дня, и 30 ноября отец Мурзакевич, «не давая ограбить свою церковь и сложенное имущество прихожан, поляками жестоко избит»¹⁸ был.

В декабре 1812 г. протопоп смоленской Никольской церкви отец Алексей Васильев донес духовному начальству о том, как трое батюшек ходили встречать Наполеона. 18 декабря с отца Никифора Мурза-

---

¹⁵ Орловский 1903.

¹⁶ Мурзакевич 1903. С. 10; Дневник. 1903. С. 66, 69.

¹⁷ Мурзакевич 1903. С. 11.

¹⁸ Дневник. 1903. С. 66.

кевича была взята консисторией подписка о невыезде. На следующий день в Смоленск для дознания прибыл в сопровождении местного епископа Иринаея (Фальковского) рязанский архиепископ Феофилакт (Русанов), который расследовал от имени Святейшего Синода дела духовенства, оставшегося на оккупированной французами территории (позже владыка Феофилакт потрудился на этот счет и в Минской, и в Могилевской епархиях). 20 декабря рязанский архиерей допрашивал отца Мурзакевича: «Зачем встречал Наполеона?» Отец Никифор отвечал: «Чтобы спасти храмы Божии: первосвященник иудейский Иоддай встречал язычника Александра Македонского, а папа Лев святой Аттилу, у врат Рима, угрожавшего граду разорением!» Поведение отца Мурзакевича духовное начальство сочло «ревностью не по разуму» и передало дело смоленского священника в уголовный суд. 24 декабря отцы Никифор Мурзакевич, Поликарп Зверев и Яков Соколов были запрещены в священнослужении.

Показательная деталь – светские власти судили смоленских «отступников» куда мягче, чем власти духовные. Более того, в глазах мирян героями выглядели как раз подсудимые, не бросившие своей паствы перед лицом врага, но не духовные судьи и не священник-доносчик, паству оставившие¹⁹. Такой вывод можно сделать из письма подмосковного и вологодского помещика, известного масона О.А. Поздеева графу А.К. Разумовскому от 21 сентября 1812 г., где, в связи с исходом жителей из Москвы 1-2 сентября 1812 г., сказано: «Религия, искаженная наружностью, пьянством и прочими пороками, до того испортилась в нашем духовенстве, что за день до входа неприятелей в Москву и накануне не слышно было в воскресный день колокола ни заутреннего, ни обеденного, а попы толпами бежали из Москвы от своих церквей»²⁰.

23 марта 1814 г. Смоленская уголовная палата оправдала протопопа Поликарпа Зверева, священников Якова Соколова и Никифора Мурзакевича. Но только 8 июля последовал синодальный указ, разрешающий всем трем священникам служить – и лишь 27 июля смоленские епархиальные власти допустили проштрафившихся отцов «в приходах к священнодействию»²¹.

---

¹⁹ Вот что писал в 1903 г. И.И. Орловский: 1812 год «поставил личность о. Никифора на такой высоте нравственного долга и гражданской добродетели, на какой она не могла быть поставлена ни его литературными трудами, ни уважением общества и вниманием лучших людей города. 1812-й год сделал личность Мурзакевича для исследователя нашей старины глубоко-драматической, невольно приковывающей к себе внимание, вызывающей сочувствие и преклонение пред нею, по силе равное лишь противоположным чувствам, которые вызываются тогдашними представителями общества, самим этим обществом, его нравами и царившими в нем порядкам и взглядами» (Русская старина. 1903. Т. 114. № 4. С. 106).

²⁰ Русский архив. 1872. Т. III. Кн. 10. Стб. 1860.

²¹ Дневник. 1903. С.68-70.

К слову – а может быть, «тысячи» изменивших священников набираются за счет действительно присягнувшего Наполеону греко-русского духовенства епархии Могилевской и Витебской? Для этого следует узнать, сколько в епархии было священнослужителей, которых к такой присяге следовало привести. В год присоединения к России из польского подданства в самом городе Могилеве действовали два монастыря мужских и один девичий, 7 церквей и семинария «Греко-русского исповедания»²². К 1788 г. православных приходских церквей в Могилеве было уже 16²³. На протяжении XIX в. число православных храмов в городе неуклонно росло – и в 1864 г. их насчитывалось уже 29²⁴. При этом в 1911 г. в Могилевской епархии было 197 православных монашествующих обоего пола, 48 протоиереев, 529 священников и 79 диаконов²⁵. Это те категории священнослужителей, с которых оккупанты могли потребовать присягу. Общее число таких лиц на 1911 г. равняется, следовательно, 835. Если принять во внимание столетнюю динамику роста православных приходов в Могилеве, то действующих православных священнослужителей и монашествующих в 1812 г. там должно было быть примерно вполтину меньше – около 400 человек. 2/3 из них, т.е. присягнувшие Наполеону по констатации Святейшего Синода – это не более 270 священнослужителей. Итак, даже здесь «тысяч» духовных коллаборационистов не набирается.

Но сословные претензии к духовенству – вовсе не единственное спорное заявление проф. Н.А.Троицкого в его книге о 1812 году. Подобные претензии историк поместил прежде всего в главе «Народная война», которая воспринималась как идеологический анахронизм уже в издании 1988 г. Однако Троицкий включил ее и в издание 2007 г., что вызвало справедливую критику А.И. Попова, который писал:

«В изложении Троицкого только крестьяне выступают бескорыстными и самоотверженными патриотами. В патриотизме всех остальных сословий он усматривает некий изъян, обусловленный их социальным положением: дворяне защищали отечество из-за своих социальных привилегий, купечество наживалось на войне, а среди духовенства нашлось более всего предателей... Абсолютно непогрешимым, беззаветным защитником родины показал себя только народ. “На фоне суесловного и корыстного патриотизма привилегированных сословий выделялся своим бескорыстием и действенностью патриотизм народных масс”, которые шли на неприятеля, “движимые отнюдь не сословными, а исключительно национальными интересами”. Это, разумеется, явная идеализация и преувеличение. Нельзя возводить патриотические чувства народа в непогрешимый абсолют. <...> С нескрываемым удовольствием рассказав об обострении классовой борьбы крестьянства в 1812, Троицкий

---

²² Могилев на Днепре.

²³ Новый и полный географический словарь. Ч. III. 1788. С. 188.

²⁴ Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. III. 1867. С. 279.

²⁵ Могилевская епархия. Стб. 1582.

стыдливо умолчал, что многочисленные мятежи и грабежи поместий (нередко совершаемые мужиками вместе с неприятельскими мародёрами) затрудняли положение правительства, занятого борьбой с грозным завоевателем и отвлекали от этой войны отряды русской армии, в том числе партизан. Уже тот факт, что Наполеон думал о возможности отмены крепостного права в России, чтобы привлечь к себе крестьянство, а русское дворянство заранее опасалось такой перспективы, говорит о “потенциальной направленности” антикрепостнического движения, вектор которого был прямо противоположен борьбе за национальную независимость. Но марксисты рассматривали классовую борьбу как некую самоценность (“двигатель прогресса”), и то, что в 1812 она обострилась именно из-за вторжения Великой армии и при подстрекательстве отдельных её представителей, нисколько их не смущало»²⁶.

Надо сказать, что А.И. Попов обстоятельно и предметно разобрал текст Н.А. Троицкого. Впрочем, для пропагандистской литературы хрущевского времени, когда в 1962 г. на правительственном уровне отмечали 150-летие Отечественной войны, общим местом стало классовое разделение подданных Российской Империи на «чистых и нечистых». Вот, например, слова из брошюры, изданной в 1962 г. в Калуге:

«Говоря о событиях 1812 года в Калужской губернии, нельзя не отметить волнений крепостных крестьян, направленных против помещиков. Классовая борьба не прекращалась даже в тот период. Дело в том, что многие крепостные справедливо ожидали, что за их героическую борьбу против Наполеона царь и помещики “пожалуют” им волю (к слову о крестьянском «бескорыстии». – Ю.С.). Этого не могло произойти. Сражаясь с французами, дворяне прежде всего, преследовали свои сословные интересы, и главное – сохранить в неприкосновенности феодально-крепостнический строй. Лишь немногие из офицеров-дворян, ставших впоследствии декабристами, были настроены прогрессивно. Крестьянские волнения в период Отечественной войны 1812 года – яркое свидетельство того, что крепостные ни на минуту не забывали о своих «внутренних» врагах – помещиках. <...> Власти боялись дать в руки крестьянам оружие. <...> Война 1812 года способствовала пробуждению классового самосознания у крепостных крестьян. Но в то время некому было оформить и организовать их. <...> Движимые патриотизмом, народные массы не раз принимались на борьбу против национального и классового гнета, против чужеземных завоевателей. Однако патриотизм прошлого существенно отличается от советского патриотизма. Хотя народ и в прошлом любил свою Родину, ее природу, язык, культуру, свои традиции и т.д., тем не менее в условиях феодализма и капитализма к этой любви примешивалась горечь от сознания несправедливости общественного устройства в своей стране. Представители господствующих классов в угоду своим интересам нередко шли на сделки с врагами народа, а иногда открыто переходили на их сторону. Патриотизм даже наиболее передовых и прогрессивных представителей из среды дворянства и буржуазии носил отпечаток классовой ограниченности. Только советский патриотизм, рожденный Великой Октябрьской социалистической революцией и нашим общественным строем, основанный на пролетарском интернационализме, на братском содружестве всех народов, превратился в могучую движущую силу советского общества»²⁷.

²⁶ Попов 2009.

²⁷ Недаром помнит вся Россия. С.33-36, 69-70.

А вот что писал Е.И. Корнейчик в книге «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года» (Минск, 1962):

«Продажная политика помещиков и ксендзов, их подрывная деятельность в пользу Наполеона вызвали в белорусском народе чувство глубокого негодования. Тем самым социальные противоречия между помещиками и крестьянами дополнились новыми политическими противоречиями. <...> Белорусское население с первых же дней войны поднялось на борьбу против захватчиков. Крестьяне повсеместно вышли из повиновения помещикам, приверженцам Наполеона. <...> Сильные крестьянские волнения происходили в это время повсеместно и в Могилевской губернии. “Крестьяне предавались волнению против властей помещиков, – писал впоследствии Могилевский губернский предводитель дворянства, – производили грабеж, разорили помещичьи усадьбы, расхищали имущество и, наконец, последнее стремление сделалось по всей губернии общим”. <...> В условиях острой освободительной и антикрепостнической борьбы крестьянства ярко обнаружился антинародный облик некоторых представителей верхушки православного духовенства, ставшего на путь предательства и измены своему народу. Таким предателем оказался глава Могилевской православной епархии, архиепископ Варлаам Шишацкий. <...> Народные массы возмущались предательством Могилевского духовенства. В ответ на призыв архиепископа Варлаама крестьяне разгромили его имения. <...> Так отомстил народ изменнику родины»²⁸.

Остается только поинтересоваться, а за что мстили мужики вполне верным русскому Царю и правительству помещикам и священнослужителям, участвуя в грабежах и погромах на незанятой Наполеоном территории страны? Можно было бы и остановиться на этом, но очень уж хочется разобраться на основании фактов главное положительное определение Н.А. Троицкого из главы «Народная война»:

«На фоне суесловного и корыстного патриотизма привилегированных сословий выделялся своим бескорытием и действенностью патриотизм народных масс. “Низам” чужды были местнические интриги и распри, подсчеты возможных убытков и прибылей, что так занимало “верхи”. Крестьяне (составлявшие тогда почти 9/10 всего населения страны), дворовые, работные люди поднимались против захватчиков, движимые отнюдь не сословными, а исключительно национальными интересами...»²⁹

В связи с процитированным интересно посмотреть, против кого на самом деле поднимались «народные массы» тогда, когда русское начальство уже ушло, а французы еще не появились. И здесь следует заметить, что напрасно, перечисляя участников одного социального лагеря, Троицкий включает в него через запятую крестьян и дворовых. Часто именно дворовые, лично принадлежащие помещикам люди, становились первой жертвой крестьянского «подъема». О.А. Поздеев, выехавший в начале сентября 1812 г. из Москвы в Вологду, 19 сентября сообщал «по горячим следам» С.С. Ланскому: «И, слышу, пишут теперь из подмосковной дворовые, что уже мужики выгнали дворовых

²⁸ Корнейчик 1962. С. 21, 33, 73-74.

²⁹ Троицкий 1988. С. 216; 2007. С. 349-357.

всех в одних рубашках вон теперь; а ныне уже зима – куда идти без хлеба и одежды? В леса? Замерзнут и погибнут с голоду»³⁰.

А вот впечатления от Москвы 1-2 сентября 1812 г., уже оставленной войсками, властью, дворянами – и попавшей во власть пресловутых «народных масс». Посреди всего этого оказался вызволивший семейное имущество генерал-лейтенант в отставке князь Дмитрий Михайлович Волконский (1769–1835), записавший в своем дневнике:

«В Москве столько шатающихся солдат, что и здоровые даже кабаки разбивают. Расстопчин афишкой клич кликнул, но никто не бывал на Поклонную гору для защиты Москвы. <...> Итак, 2-го <сентября> город без полиции, наполнен мародерами, кои все начали грабить, разбили все кабаки и лавки, перепились пьяные, народ в отчаянии защищает себя, и повсюду начались *грабительства от своих* (курсив мой. – Ю.С.).

В таком ужасном волнении 2-го числа поутру поехал я узнать, подлинно ли армии отступили. Подъехал к Арбату, нашел, что войски уже все прошли, а драгунская команда унимает разграбление погребов и лавок. Я взял у начальника 2-х ундер-офицеров и 6-ть драгун, с ними поехал на Самотеку. Едучи, нашел везде грабежи, кои старался прекращать, и успел выгнать многих мародеров, потом велел уложиться своим повозкам и 2½ часа пополудни, при стрельбе и стечении буйственного народа и отсталых солдат едва мог с прикрытием драгун выехать и проехать. Везде уже стреляли по улицам и грабили всех. Люди наши также перепились. В таком ужасном положении едва успел я выехать их городу за заставу»³¹.

Их этих записей видно, что у «грабительства от своих» классовой подоплеки не было, просто одна часть народа грабила другую.

Свидетельства О.А. Поздеева о том, что 1 сентября 1812 г. в Москве «не слышно было в воскресный день колокола ни заутреннего, ни обеденного», и князя Д.М. Волконского – о «грабительстве от своих» подтверждают составленные в 1865 г. и опубликованные в 1871 г. записки скончавшегося в 1870 г. пожилого наместника московского Донского монастыря архимандрита Павла (Егорова):

«1-е число сентября. В воскресенье с утра началось в Москве необычайное волнение. Все улицы и переулки захлебнулись народом: военными – пешими и конными, каретами, повозками, телегами из дальних губерний, кои все спешили выбраться из Москвы; в сей же день предали народу на расхищение Главную винную контору и все кабаки. Итак, от грома карет, шума и крика казалось, колебалась земля в Москве. Дома обывателей стали пустеть, колокольного звона в церк<овной> службе не слышно было. Полиция была выведена; сделалось безначалие, своеволие, насильство; все стали большие. <...> Сентября 3-го числа. Во вторник поутру из-за Сухаревой башни поднималась дымная черная туча, осыпаемая искрами и пересекаемая пламенными вихрями (это загорелись на Канаве бани, харчевни и мелочные лавочки), и приближалась к Сухаревой башне. Мародеры французские и польские, а с ними и наши русские солдаты, бежавшие или отставшие от своей команды, рассеялись для грабежа по всем улицам. Разбивали лавки, дома, винные погреба.

³⁰ Русский архив. 1872. Т. III. № 10. Стб. 1856.

³¹ Волконский 1990. С. 143.

<...> Подходя к Спасской улице, увидел русского солдата, продающего *в разбитой им лавке* (курсив мой. – Ю.С.) пшеничную муку. Я спросил у покупающих: почему мешок? Солдат отвечал: дешево пустил товар, по гривеннику мешок! При настоящей нужде к своему пропитанию я взял мешок для семейства <церкви Преображения Господня Сретенского сорока священника> Сергия Ив<анова Розонова>. Благодарил я солдата, что благоразумно поступил, иначе бы вся эта мука досталась неприятелям»³².

Следующий рассказ был записан в пору молодости своей Константином Николаевичем Леонтьевым (1831–1891), замечательным русским философом, публицистом и писателем. В 1851–52 гг. он гостил в имениях своего дяди, генерал-майора Владимира Петровича Коробанова – селах Спасское-Телепнево и Соколово Вяземского уезда Смоленской губернии, где записал рассказ о событиях 1812 г. местного дьякона, сына прежнего сельского священника. Дьякон вспоминал:

«Многие из здешних крестьян во время нашествия вели себя необузданно, как разбойники. Мне было тогда лет 8-9. Батюшка мой священником... Как только, перед вступлением неприятеля, Петр Матвеевич уехал служить в ополчение, а бабушка ваша в Костромское свое имение, сейчас же и здесь и в Соколове начали мужики шалить: то ташут, то берут, другое ломают. Батюшка покойный сокрушался и негодовал, но и сам опасался крестьян. Один раз идет он и видит, стоит барская карета наружи, из сарая вывезена, и около нее мужик с топором.

– Ты что это с топором? – спросил батюшка.

– Вот хочу порубить карету, дерево на растопку годится, и еще кой-что выберу из нее.

А лес близко. Нет, уж ему и до лесу дойти не хочется. Барская карета ближе! Стало батюшке жаль господской кареты, он и говорит мужику:

– Образуясь! Бессовестный ты человек! Тут неприятель подходит, а ты, христианин православный, грабительством занимаешься. А если вернется благополучно Петр Матвеевич и узнает, что тебе тогда будет?

А мужик ничуть не испугался, погрозился на батюшку топором и говорит:

– Ну, ты смотри, я тебя на месте уложу тут. Я и Петра Матвеевича теперь не боюсь; пусть он покажется, я и ему *брюхо балахоном растушу!*..

Вот какая дерзость!

Батюшка ужаснулся и ушел от него.

Итак, *разорение от своих* (курсив мой. – Ю.С.) продолжалось. Входили в дом крестьяне и делали, что хотели. Была, например, в Соколове у дедушки вашего одна комната; кабинет что ли, не знаю; обита вся по стенам и по потолку клеенкой на зиму для тепла. Клеенка эта прибита цельными полосами от пола вверх через потолок и на другую сторону вниз опять до самого пола... Кругом около потолка небольшим карнизом было обведено. Так вот это я сам своими глазами видел. Знаете детство, любопытствуешь, везде бегали с братьями. Обломали мужики верхний карниз; подрежут снизу клеенку, да так возьмут руками за один конец и отдерут все до другого конца безжалостно. И чего только они не делали! Наконец, посягнули на жизнь и батюшки моего, но Господь его спас.

Вот как это было. Сидели мы все дети с батюшкой и с матушкой поздно вечером и собирались уже спать, как вдруг слышим, стучатся в ворота.

– Отопри, хуже уьем!

³² Павел (Егоров), архимандрит 2012. С. 207-208.

Матушка перепугалась, и мы все как бы обезумели от страха, а мужики ломаются. Уж не помню я, вломились ли они, или сам батюшка им решился отпереть, только помню, как вошел народ с топорами и ножами, и всех нас мигом перевязали, матушку на печке оставили, нас по лавкам, а батюшку взяли за ноги, да об перекладину, что потолок поддерживает, головой бьют. Изба наша, конечно, была низенькая, простая. Вот они бьют отца моего головой об бревно и приговаривают: “А где у тебя, батька, деньги спрятаны? давай деньги!”

– Какие деньги! Была самая малость.

Они все бьют его головой с расчетом, чтоб сразу не убить, а узнать, где деньги. Постучат, постучат головой и дадут ему отдохнуть; видят, что он в памяти, опять колотить.

Мы видим все это и плачем... Однако Господь спас нас!.. Жила у нас девочка крестьянская, сиротка лет десяти.

Девочка умная, смелая. Никто и не заметил, как она выскочила из избы. Она выскочила в ту самую минуту, как мужики вломились, и побежала к одной соседке-помещице. Эта помещица была дама небогатая, только пресмелая, и дворовые люди ей были преданы. Она решилась никуда от французов ехать, а осталась в своем имени, очень близко от нас. Но так как грабежа и грубостей от своего народа опасалась она больше, чем от самого неприятеля, то и сама всегда ходила вооруженная и сформировала из слуг своих небольшой отряд телохранителей, молодец к молодцу! Сиротка наша прямо к ней и объясняет, что батюшку мужики убить хотят. Мигом помещица снарядилась, приехала с вооруженными людьми... Взoshли, накрыли разбойников, одолели их как раз; барыня сама командовала: “перевязать их таких, сяких!” И к ближайшему начальству отвели.

Так Бог спас нам батюшку. К счастью, барыня так поспешила, что большого вреда разбойники не успели ему сделать. Недолго поболел он и решился покинуть после этого свое жилище, и всей семьей собрались мы ехать в Калужскую губернию, в Медынский уезд. Там у нас были родные. *Французов мы еще не видали, хотя по слухам они были уже близко* (курсив мой. – Ю.С.)³³.

И снова люди, которые «французов... еще не видали», испытали «разорение от своих», как москвичи, по словам князя Д.М. Волконского, испытали «грабительства от своих». Жертвой здесь оказывается бедный сельский священник, человек добродетельный (приютил сиротку), отец малолетних детей. Избран он был целью грабежа лишь потому, вероятно, что показался мужикам достаточно слабым и неспособным дать им отпор. Показательно, опять же, что спасает священника и его семью отряд дворовых. Из рассказа, записанного К.Н. Леонтьевым, несложно понять, что уехать из родных мест русский священник в дни Отечественной войны 1812 г. мог не только из-за французов.

Интересно, что после «разорения своих» мужики из Спас-Телепнева переключились на французов. Как сообщает составленное на рубеже XIX–XX вв. описание сельских приходов Смоленской епархии: «Все жители села и прихода, пред нашествием французов, забрав свои вещи, пожитки и скот, удалялись в леса, которых возле села в то время было множество, и находились там во время кампании 1812 года. Му-

³³ Леонтьев 1913. С. 51-54.

жики и молодые собирались партиями, вооружался, кто чем мог, подкарауливал отставшие отряды французов, били и истребляли их и брали в плен. О некоторых предводителях таких партий и их действиях в народе сохранилось немало рассказов». Любопытно, какими мотивами руководствовались мужики, нападая на французов в тех местах – патристическими, или теми, что побудили их пытаться своего духовного отца, выбивая из него деньги?

При этом церковь села Спас-Телепнева, если верить местному устному преданию, «была осквернена неприятелем, а именно обращена в конюшню, каковое предание подтверждает следующая запись в шнуровой расходной денежной книге за ноябрь месяц 1812 года: “К освящению церкви, на исправление одежды на престол и прочие нужды издержано денег сорок рублей”». 19 ноября 1812 года храм освятили протоирей Филипп Руженцев и Симон Конокитин»³⁴. На самом деле, с приходом неприятеля грабительский разгул некоторых крепостных мужиков приобрел лишь более широкий размах. Вот что докладывал 14 сентября 1812 г. калужскому губернатору временно подчиненный ему предводитель дворянства Юхновского уезда Смоленской губернии:

«Вашему превосходительству сим честь имею донести, что сверх находящихся в Юхновском уезде французских мародеров, разоряющих деревни и дома жителей, крестьяне некоторых селений от вольнодумствия начинают убивать до смерти господ своих и подводят французов в те места, где оные от страха укрываются, что уже и случилось: майора Семена Вишнева по многим чинимым ему истязаниям, по поводу крепостных его людей, застрелили досмерти, а подпоручика Данилу Иванова крепостной его крестьянин Ефим Никифоров убил до смерти ж, за то, что советовал собирать с полей хлеб, а села Бородинского крестьянин Сергей Мартинов, кроме того что рассказывал неприятелям, где что в доме господском и даже в церкви из утвари церковной повергнуто было в землю, но все то вынута, а также гробы, в склепу стоявшие, с телами вынуты. Соединясь с французами и придя в село Лоцмену первой начал стрелять по казакам. О чем донеся вашему превосходительству покорнейше прошу снабдить меня разрешением, не повелено ли будет, описываемых смертоубийц и крестьян, наполненных вольнодумствием и уже соединившихся с французами в пример и к поддержанию других по нынешним военным обстоятельствам, приказать в тех же самых селениях расстреливать или вешать...»³⁵

Как раз 14 сентября 1812 г. партизаны подполковника Дениса Васильевича Давыдова захватили одного из названных юхновским предводителем мужиков. Сам Давыдов записал тогда в дневнике:

«К славе нашего народа, во всей той стороне известными изменниками были одни дворовые люди отставного майора Семена Вишнева и крестьяне Ефим Никифоров и Сергей Мартынов. Первые, соединясь с французскими мародерами, убили господина своего; Ефим Никифоров с ними же убил отставного поручика Данилу Иванова, а Сергей Мартынов наводил их на известных ему богатых поселян, убил управителя села Городища, разграбил церковь, вырыл

³⁴ Филиппова. 2014. С.60.

³⁵ В тылу армии. С.152-153.

из гробов прах помещицы села сего и стрелял по казакам. При появлении партии моей в ту сторону все первые разбежались и скрылись, но последнего мы захватили 14-го числа. Эта добыча была для меня важнее двухсот французов! Я немедленно рапортовал о том начальнику ополчения и приготовил примерное наказание.

Двадцать первого (сентября. – Ю.С.) пришло мне повеление расстрелять преступника, и тот же час разослано от меня объявление по всем деревням на расстоянии десяти верст, чтобы крестьяне собирались в Городище. Четыре священника ближних сел туда же приглашены были. 22-го, поутру, преступника исповедили, надели на него белую рубашку и привели под караулом к самой той церкви, которую он грабил с врагами отечества. Священники стояли перед нею лицом в поле на одной черте с ними – взвод пехоты. Преступник был поставлен на колена, лицом к священникам, за ним народ, а за народом вся партия – полукружием. Его отпевали... живого. Надеялся ли он на прощение? До верхней ли степени вкоренилось в нем безбожие? Или отчаяние овладело им до бесчувственности? Но вовремя богослужения он ни разу не перекрестился. Когда служба кончилась, я велел ему поклониться на четыре стороны. Он поклонился. Я велел народу и отряду расступиться. Он глядел на меня глазами неведения; наконец, когда я велел отвести его далее и завязать глаза, он затрепетал... Взвод подвинулся и выстрелил разом. Тогда партия моя окружила зрителей, из коих хотя не было ни одного изменника и грабителя, но были ослушники начальства. Я имел им список, стал выкликать виновных поодиночке и наказывать нагайками.

Когда кончилась экзекуция, Степан Храповицкий читал: “Так карают богоотступников, изменников отечеству и ослушников начальству! Ведайте, что войско может удалиться на время, но государь, наш православный царь, знает, где зло творится, и при малейшем ослушании или беспорядке мы снова явимся и накажем предателей и безбожников, как наказали разбойника, перед вами лежащего: ему и места нет с православными на кладбище; заройте его в Разбойничьей долине”. Тогда священник Иоанн, подняв крест, сказал: “Да будет проклят всякий ослушник начальства! Враг Бога и предатель Царя и Отечества! Да будет проклят!”³⁶.

Показательна в контексте коммунистической мифологии о «патриотичных» крестьянах и «корыстных» помещиках история смоленского дворянина Павла Ивановича Энгельгардта, расстрелянного французами 15 октября 1812 г. Вот что пишет о нем советский официоз – роскошно изданная в 1987 г. книга-альбом «Бородино, 1812»:

«В начале Отечественной войны П.И. Энгельгардт, подполковник в отставке, жил в своем поместье в Смоленской губернии (сельцо Дягилево Духовщинского уезда). Когда враг занял Смоленск, он возглавил крестьянский партизанский отряд. Позднее попал в плен. Французы пытались склонить его к измене Отчеству, перейти к ним на службу, но безуспешно. Оккупанты приговорили Энгельгардта к расстрелу. В Смоленске, за Молоховскими воротами, свершилась казнь. Мужественно, не позволив завязать себе глаза, патриот принимает смерть»³⁷.

А вот настоящая история, рассказанная со слов священника, присутствовавшего при последних часах жизни патриота:

³⁶ Давыдов 1985. С. 70-71.

³⁷ Бородино, 1812. 1987. С. 281.

«Крестьяне Энгельгардта, возбужденные слухами, распространявшимися агентами Наполеона о воле, отказались работать на него, в то время как все соседние крестьяне оставались спокойными. Энгельгардт пригласил стоявшего в Поречском уезде казачьего сотника с его казаками – образумить крестьян. Те исполнили свое дело и удалились. Тогда озлобленные крестьяне донесли смоленскому губернатору, будто Энгельгардт заставляет их убивать французов. Донос не подтвердился, и Энгельгардт был отпущен с миром. Чтобы отомстить клеветникам, он повторил над ними экзекуцию при помощи тех же казаков. На этот раз крестьяне придумали более верное средство избавиться от своего помещика. Они убили и закопали в его саду двух мародеров, а затем снова донесли в Смоленск на своего помещика. Найденные трупы послужили главной уликой против Энгельгардта; он был взят под стражу и посажен в Спасскую церковь (Смоленска. – Ю.С.). Здесь просидел он около двух недель. Наполеон на донесении о его деле наложил краткую резолюцию: “расстрелять!” <...> Энгельгардту стали читать приговор. Не дослушав его, он вскричал по-французски: “полно врать, пора перестать! заряжайте скорей и стреляйте, чтобы не видеть мне больше разорения моего отечества и угнетения моих соотечественников”. Когда хотели завязать ему глаза, он не позволил, говоря: “прочь! хочу видеть свою смерть!”»³⁸.

Эти слова и сделали Энгельгардта известным всей России.

Были в крестьянской среде и другие формы коллаборационизма. Так, например, 15 октября 1812 г. партизанский командир полковник князь Николай Данилович Кудашев, зять Кутузова, поймал под Подольском трех мужиков и направил их к тарусскому городничему со следующим отношением: «Пойманные под городом Подольском три мужика, из коих главный именуется себя Абрам Коновалов, – доставляли хлеб и рогатый скот французам. Для поступления с ними, как с изменниками, я препровождаю их к вам, и вы от себя для примерного наказания представьте их к своему начальству»³⁹.

Наконец, некоторые мужики умудрились еще в июле 1812 года вступить солдатами в Наполеоновскую армию. Накануне 30 августа 1812 г. в Масальском уезде Калужской губернии крестьянами деревни Подполево во главе с отставным солдатом Герасимом Васильевым и десятским Василием Козминым взяты были в лесу «незнаемо какие люди, три человека, называемые себя русскими; на вопрос же в суде означенные люди показали, что они Минской губернии Игуменского уезда... села Маторова крестьяне, Василий Евсеев, Андрей Михайлов и деревни Корович, Степан Сахаров, и в прошедшем июле месяце забраны они во французскую армию, с коей будучи из-под Смоленска от той армии отлучились без всякого оружия и ходили по разным неизвестным им местам и зашли незнаемо в какой лес, в коем их взяли и привели в Масальской земской суд; в пути ж они грабежей никаких нигде не делали...»⁴⁰. В этом последнем случае мы имеем, скорее все-

³⁸ Русская старина. 1903. Т. 114. № 5. С. 334-335.

³⁹ В тылу армии. С. 142.

⁴⁰ Там же. С. 139-140.

го, дело с крестьянами, подпавшими под 10-тысячный рекрутский набор, объявленный 25 июля 1812 г. созданной Наполеоном в Вильно комиссией временного правительства Великого княжества Литовского. Власть этой комиссии распространялась на Виленскую, Гродненскую, Минскую губернии и Белостокскую область⁴¹.

Конечно, как бы кому ни хотелось, но коллаборационизм в 1812 г. не был ни мужицкой, ни поповской «привилегией». Лица всех сословий в той ли иной степени либо демонстрировали достойные подражания верноподданничество и патриотизм, либо приспособлялись к обстоятельствам и «ловили момент». Дворяне и чиновники – не исключение. Например, Кутузов 27 ноября 1812 г. выслал из расположения Главной армии в Калужскую губернию «выбранных французским правительством из смоленских дворян комиссаров, а именно: коллежского советника Щербакова, помощника его прапорщика Колпина, поручика Миничкина, взятого с ними немца Карла Цобель, губернского регистратора Ефимовича, прапорщика Нежежина...» По месту ссылки эту компанию поджидал находящийся под судом в Калужской уголовной палате титулярный советник Андреевский из Малоярославца⁴².

Еще один случай описал в своем дневнике Денис Давыдов:

«Около Дорогобужа явился ко мне вечером Московского гренадерского полка отставной подполковник Маслеников, в оборванном мужичьем кафтане и в лаптях. <...> Он рассказывал свое несчастье: как не успел выехать из села своего и был захвачен во время наводнения края сего приливом неприятельской армии, как его ограбили и как он едва спас последнее имущество свое – испрошением себе у вяземского коменданта охранного листа. Зная по опытам, сколько охранные листы бесполезны к охранению, мы любопытствовали видеть лист сей, но как велико было наше удивление, когда мы нашли в нем, что г. Маслеников освобождается от всякого постоя и реквизиций в уважение обязанности, добровольно принятой им на себя, *продовольствовать находившиеся в Вязьме и проходившие чрез город сей французские войска.*

Приметя удивление наше, он хотя с замешательством, но спешил уверить нас, что эта статья поставлена единственно для спасения его от грабительства и что он никогда и ничем не снабжал войска французского в Вязьме.

Сердца наши готовы были извинить его: хотя русский, он мог быть слабее другого духом, прилипчивее другого к интересу и потому мог ухватиться за всякий способ для сохранения своей собственности. Мы замолчали, а он, приглася нас на мимоходный завтрак, отправился в село свое, расстоящее в трех верстах от деревни, в коей мы ночевали.

На рассвете изба моя окружилась просителями; более ста пятидесяти крестьян окрестных сел пали к ногам моим с просьбою на Масленикова, говоря: “Ты увидишь, кормилец, село его, ни один хранц, (то есть франц, или француз) до него не дотронулся, потому что он с ними же грабил нас и посылал все в

⁴¹ Корнейчик 1962. С. 50, 48. Интересно, что Е.И. Корнейчик, следуя постулату о патриотичных крестьянах и изменниках-дворянах, объектом помянутого рекрутского набора объявил... «мелкую разоренную шляхту», а вовсе не мужиков, этой шляхте принадлежавших.

⁴² В тылу армии. С. 155.

Вязьму, – всех разорил; у нас ни синь-пороха не осталось по его милости!” Это нас все взорвало. Я велел идти за мною как окружившим избу мою, так и встретившимся со мною на дороге просителям.

Приехав в село Масленикова, я поставил их скрытно за церковью и запретил им подходить ко двору прежде моего приказа. Казалось, мы вступили на благословенный остров, оставшийся от всеобщего потопления! Село, церковь, дом, избы и крестьяне – все было в цветущем положении! Я уверился в справедливости доноса и, опасаясь, чтобы после ухода моего страдальцы сами собой управы не сделали и тем не подали пример другим поселянам к мятежу и безначалию, что в тогдашних обстоятельствах было бы разрушительно и совершенно пагубно для России, я решился обречь себя в преступники и принять ответственность за подвиг незаконный, хотя спасительный!

Между тем товарищи мои сели за сытный завтрак... Я не ел, молчал и даже не глядел на все лишние учтивости хозяина, который, чувствуя вину свою и видя меня сумрачным и безмолвным, усугублял их более и более. После завтрака он показал нам одну горницу, нарочно, как кажется, для оправдания себя приговоренную: в ней все мебели были изломаны, обои оборваны и пух разбросан по полу. “Вот, – говорил он, – вот что эти злодеи французы наделали!”.

Я, продолжая молчание, подал потаенно от него знак вестовому моему, чтобы позвал просителей, и вышел на улицу будто бы садиться на коня и продолжать путь мой. Когда на улице показалась толпа просителей, я, будто не зная, что они за люди, спросил: “Кто они такие?” Они отвечали, что окрестные крестьяне, и стали жаловаться на Масленикова, который уверял, что они изменники и бунтовщики, но бледнел и трепетал. “Глас Божий – глас народа!”, – отвечал я ему и немедленно велел казакам разложить его и дать двести ударов нагайками.

По окончании экзекуции я спросил крестьян, довольны ли они? И когда передний из них начал требовать возвращения похищенного, то, чтобы прервать все претензии разом, я его взял за бороду и, ударив нагайкою, сказал сердито и грозно: “Врешь! Этого быть не может. Вы знаете сами, что похищенное все уже израсходовано французами, – где его взять? Мы все потерпели от нашествия врагов, но что Бог взял, то Бог и даст. Ступайте по домам, будьте довольны, что разоритель ваш наказан, как никогда помещиков не наказывали, и чтобы я ни жалоб и ни шуму ни от одного из вас не слышал. Ступайте!”⁴³.

В чем-то эта история напоминает историю Энгельгардта: в первом случае крестьяне расправились с помещиком руками французов, во втором – партизан Дениса Давыдова. И в обоих случаях прибежали к доносу. Впрочем, как видно из процитированного текста, русский партизан не питал иллюзий относительно своих осведомителей...

Следует сделать оговорку: перечисленные случаи бунтов и коллаборационизма были явлениями не особенно массовыми, а некоторые и прямо единичными. Но из всех социальных групп в Российской Империи на самые крупные и многолюдные антиправительственные выступления в 1812 г. пошли крестьяне. Признавал это и Н.А. Троицкий:

«Что же касается крестьян, то их классовая борьба с феодалами именно в тот год обрела размах, небывалый ни раньше, ни позже за всю первую четверть XIX в. <...> Волновались, восставали против своих господ крестьяне и в гу-

⁴³ Давыдов 1985. С. 98-100.

берниях, охваченных войной (Смоленской, Витебской, Могилевской, Минской, Московской), и в отдаленных (Вологодской, Пермской, Тамбовской, Саратовской, Оренбургской). Только в Вышневолоцком уезде Тверской губ. вспыхнуло больше 30 волнений. «Цельми селами» бунтовали крестьяне Волоколамского уезда Московской губ. Больше 4 тыс. взбунтовавшихся крестьян Ельнинского уезда Смоленской губ. уступили только регулярным войскам, а яростный бунт крестьян восьми деревень Дорогобужского уезда той же губернии так напугал местные власти, что они в официальных документах наименовали его “революцией”. Самыми крупными по масштабам были волнения 20 тыс. приписных крестьян в 12 волостях Пермской губ., а самыми упорными – бои крепостных заводчика А.И. Яковлева в Череповецком и Устюженском уездах Новгородской губ., где бунтари не поддались на уговоры архимандрита Паисия, а затем обратили в бегство регулярный кавалерийский полк. Важной особенностью классовой борьбы в России 1812 г. были восстания ополченцев, т.е. вооруженного народа, который, как этого и боялись дворяне, *поворачивал оружие против внутреннего врага*. Бунтовали осенью 1812 г. московские и саратовские ополченцы, но самым грозным был вооруженный бунт трех полков Пензенского ополчения 21 декабря одновременно в трех городах: Инсаре, Саранске и Чембаре. Больше 7 тыс. ратников, возмущенных крепостническими порядками в ополчении, захватили Инсар, посадили в городскую тюрьму своих офицеров и уже строили для них возле тюрьмы три виселицы. Простой люд Инсара поддержал ратников. “Это не Пугачево: тогда вас не всех перевешали, а нынче уже не вывернетесь!” – заверяли повстанцы “дворян-супостатов”. Против восставших были двинуты регулярные войска с артиллерией. Десятки ополченцев погибли в бою, а прочих ждала расправа...: только в Инсаре 38 из них были засечены кнутами; в Саранске 8 человек после кнутабойства с вырезанием ноздрей отправлены в Нерчинск на каторгу, 28 – биты шпицрутенами и 91 – палками»⁴⁴.

Бунт «воинов» (официальное их название в документах) 1, 2 и 3-го пеших казачьих полков Пензенского ополчения действительно произошёл 9 декабря (по принятому тогда в России юлианскому календарю) 1812 г. в Инсаре, Саранске и Чембаре. Только причиной бунта было не возмущение «крепостническими порядками в ополчении», а слухи о том, что ополчение будет распущено и нежелание ратников по этой причине принимать присягу и выступать в поход. Ополченцы считали манифест императора Александра I от 6 июля 1812 г. о созыве ополчения «старым» и не имеющим силы. Если же говорить о порядках в ополчении, то в ходе следствия в Инсаре тем, «что лежит до начальника полка, также и штаб- и обер-офицеров, воины при допросах отозвались довольными». И в Саранске «при следствии спрашиваны были подсудимые, не было ли им каких обид или удержания жалованья и провианта со стороны начальников их и полковника, но все подсудимые удостоверили, что они как жалованье, так и провиант получали сполна, а только из жалованья удержано по несколько в собственную воинов артельную сумму»⁴⁵.

⁴⁴ Троицкий 1988. С. 216-218; 2007. С. 357.

⁴⁵ Народное ополчение. С.384-386.

В Инсаре ратники потребовали объяснения, на каком основании держат их в ополчении:

«...Из числа составленного здесь ополчения воины 3-го пехотного казачьего полка, расположенного в вышеозначенном городе, приступив к правящему городническую должность уездному судье майору Бахметеву, спрашивали, с чьего позволения собрали их, а после ответа его, что на то была высочайшая воля государя императора, начали его, Бахметева, бить пиками, окровавили и волокли по улице, а полкового командира и офицеров ополчения засадили в тюрьму, дома дворянские в городе разбивают и дворян бьют»⁴⁶.

Еще одна фраза из книги Н.А. Троицкого: «Против восставших были двинуты регулярные войска с артиллерией. Десятки ополченцев погибли в бою...». А вот текст официального документа о том же:

«...Воины 2-го пехотного казачьего полка, сбегаясь в г. Чембар со всех сторон с рычагами (коляями, дубинами. – Ю.С.), становились толпою и запирали улицу, производя необычайный крик. В сие время три раза подъезжал полковник Дмитриев (командир полка. – Ю.С.) к мятежникам, повторяя им увещание, что[бы] те, кои не участвуют в возмущении, отошли бы прочь и стали особо, однако же они не только не внимали словам его, но еще и кричали: “Вы нам ничего не сделаете”, и на слова его, что будут стрелять по ним уже из пушек, ответствовали ругательством, крича: “Мы отыщем и пушки и всех побьем”, и приближаясь между тем к выстроенному уже фронту и выставленным пушкам так, что, кинувшись, могли бы оными овладеть. Находясь в такой крайности, полковник Дмитриев *отрядил офицера с 12 егерями* (курсив здесь и далее мой. – Ю.С.) с тем, чтобы они угрожали толпе мятежников выстрелами и старались отдалять их. Но мятежники и затем, подаваясь вперед, начали бить егерей рычагами и кидать палки в офицеров, из коих двое и зашибены, подаваясь сами к пушкам. В сие уже время полковник Дмитриев приказал егерям стрелять по мятежникам в том мнении, что придут они в робость, но, несмотря на то и хотя из них многие уже были ранены, с криком бросились они к пушкам, почему сделан был выстрел из одного орудия, но безвредный. Когда же и сие не могло удержать их, то ударили в другой раз картечью и в штыки. Таковое действие, от которого из числа мятежников *осталось на месте убитых 5 и тяжело раненых 10 чел.*, заставило всех прочих возмутителей обратиться в бегство. Полковник же Дмитриев, преследуя их по улицам, приказал офицерам сказать бегущим мятежникам, чтобы они остановились и шли с раскаянием на назначенное сборное место, куда вскоре более половины и сошлись, которые взяты и посажены под караул...»⁴⁷.

Итак, регулярных войск было 12 человек егерей, а десятки погибших превращаются в 5 человек убитых. Наказание бунтовщикам Н.А. Троицкий тоже представляет как немотивированный произвол. Но вот судебное определение, сделанное в Саранске:

«7 чел<овек> воинов и одного казака, который, слыша нехотение их идти в поход, не только не объявил о сем заблаговременно ни полицмейстеру, ни уряднику своему, но еще и говорил им: “Кто желает идти в поход, то с Богом, господа”, – наказать кнутом и с вырезанием ноздрей и с постановлением знаков сослать в Нерчинск в каторжную работу; 28 чел<овек> воинов прогнать

⁴⁶ Там же. С. 377.

⁴⁷ Там же. С. 380-381.

шпицрутен, а 91 чел <овека> наказать пред полком палками и отослать для определения в дальнейшие гарнизоны»⁴⁸.

Возможно, впрямую к нашей теме эти последние рассуждения и не относятся, но они лишний раз демонстрируют, что призванные в ополчение крестьяне были подчас куда как корыстны и совсем не желали поголовно жертвовать не то что собою, а даже своим временем и положением ни за Веру, ни за Царя, ни за Отечество.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. / Под ред. К.А. Военского Т. 1. СПб., 1909; Т. 3. СПб., 1912.
- Бородино, 1812 / Б.С. Абаляхин, Л.П. Богданов, В.П. Бучнева и др.; П.А. Жилин (отв. ред.). М., 1987.
- В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году. Обзор событий и сборник документов / Сост. В.И. Асонов. Калуга, 1912. II. Сборник документов.
- Волконский Д.М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А.Г. Тартаковского. М., 1990.
- Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. III. СПб., 1867.
- Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. Л., 1985.
- Дневник священника Никифора Адриановича Мурзакевича 1776–1834 г. Смоленск, 1903.
- Иерофей [Добрицкий], архимандрит. Брянский Свенский Успенский монастырь, Орловской епархии. М., 1866.
- Корнейчик Е. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года. Минск, 1962.
- Леонтьев К.Н. Рассказ смоленского дьякона о нашествии 1812 года // Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., [1913].
- Литовский А. Товянский Андрей // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электр. ресурс]. М.: ИДДК; Мультимедиа-изд-во «Адепт», 2002. DVD-ROM.
- Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002.
- Мельникова Л. В. Русская Православная Церковь в западных губерниях Российской империи во время Отечественной войны 1812 года // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. М., 2003. С.281-290 // http://www.borodino.ru/download.php?file_id=430
- Мицкевич А. Избранные произведения. В двух томах. Т. 2. М., 1955.
- Могилев на Днепре // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона...
- Могилевская епархия // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. СПб., [1911.]
- Мурзакевич Н.А., свящ. История города Смоленска. Смоленск, 1903.
- Н-ва Е. Из писем Осипа Алексеевича Поздеева к его друзьям // Русский архив. 1872. Т. III. № 10.
- Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / Под ред. доктора исторических наук Л.Г. Бескровного. М., 1962.
- Недаром помнит вся Россия... Очерки о событиях 1812 года в Калужском крае. Калуга, 1962.
- Новый и полный географический словарь Российского государства, или лексикон... Ч. III. Л.-Н. М., 1788.
- Орловский И.И. Священник Н.А. Мурзакевич, обвиняемый в измене в 1812 г. // Русская старина. 1903. Т. 114. № 4. С. 99-116; № 5. С. 331-349; № 6. С. 57-582.
- Павел (Егоров), архимандрит. Из воспоминаний о 1812 году // Отечественная война 1812 года глазами современников / Составление, подготовка текста и примечания Г.Г. Мартынова. М., 2012.

⁴⁸ Там же. С. 385.

- Попов А.И. Отечественная война 1812 года: «новые открытия» и псевдопроблемы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9-11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009 // http://www.borodino.ru/download.php?file_id=363
- Рункевич С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832 гг.). СПб., 1893.
- Тарас А. 1812 год – трагедия Беларуси. Минск, 2012.
- Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988.
- Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007.
- Филиппова А.А. Неизвестные архивные документы о событиях 1812 г. в пределах Вяземского уезда // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы Международной научной конференции, 2-4 сентября 2013 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2014.

REFERENCES

- Akty, dokumenty i materialy dlya politicheskoi i bytovoï istorii 1812 g. / Pod red. K.A. Voenskogo T. 1. SPb., 1909; T. 3. SPb., 1912.
- Borodino, 1812 / P.A. Zhilin (otv. red.). M., 1987.
- V tylu armii. Kaluzhskaya guberniya v 1812 godu. Obzor sobytii i sbornik dokumentov / Sost. V.I. Assonov. Kaluga, 1912. II. Sbornik dokumentov.
- Volkonskii D.M. Dnevnik 1812–1814 gg. // 1812 god... Voennye dnevniki / Sost., vstup. st. A.G. Tartakovskogo. M., 1990.
- Geograficheskoye-statisticheskii slovar' Rossiiskoi Imperii. T. III. SPb., 1867.
- Davydov D.V. Dnevnik partizanskikh deistvii 1812 goda. Durova N.A. Zapiski kavalerist-devitsy. L., 1985.
- Dnevnik svyashchennika Nikifora Adrianovicha Murzakevicha 1776–1834 g. Smolensk, 1903.
- Ierofei [Dobritskii], arkhimandrit. Bryanskii Svenskii Uspenskii monastyr', Orlovskoi eparkhii. M., 1866.
- Korneichik E. Belorusskii narod v Otechestvennoi voine 1812 goda. Minsk, 1962.
- Leont'ev K.N. Rasskaz smolenskogo d'yakona o nashestvii 1812 goda // Leont'ev K.N. Sobranie sochinenii. T. 9. SPb., [1913].
- Lipovskii A. Tov'yanskii Andrei // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. [Elektr. resurs]. M.: IDDK; Multimedia-izd-vo «Adept», 2002. DVD-ROM.
- Mel'nikova L.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Otechestvennoi voine 1812 goda. M., 2002.
- Mel'nikova L.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v zapadnykh guberniyakh Rossiiskoi imperii vo vremya Otechestvennoi voiny 1812 goda // Borodino i napoleonovskie voiny. Bitvy. Polya srazhenii. Memorialy. M., 2003. S. 281-290 // http://www.borodino.ru/download.php?file_id=430
- Mitskevich A. Izbrannye proizvedeniya. V dvukh tomakh. T. 2. M., 1955.
- Mogilev na Dnepre // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona...
- Mogilevskaya eparkhiya // Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar'. T. II. SPb., [1911.]
- Murzakevich N.A., svyashch. Istoriya goroda Smolenska. Smolensk, 1903.
- N-va E. Iz pisem Osipa Alekseevicha Pozdeeva k ego druž'yam // Russkii arkhiv. 1872. T. III. № 10.
- Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda. Sbornik dokumentov / Pod red. doktora istoricheskikh nauk L.G. Beskrov'nogo. M., 1962.
- Nedarom pomnit vsya Rossiya... Ocherki o sobytiyakh 1812 g. v Kaluzhskom krae. Kaluga, 1962.
- Novyi i polnyi geograficheskii slovar' Rossiiskogo gosudarstva, ili leksikon... Ch. III. L.-N. M., 1788.
- Orlovskii I.I. Svyashchennik N.A. Murzakevich, obvinyaemy v izmene v 1812 g. // Russkaya starina. 1903. T. 114. № 4. S. 99-116; № 5. S. 331-349; № 6. S. 57-582.
- Pavel (Egorov), arkhimandrit. Iz vospominanii o 1812 gode // Otechestvennaya voina 1812 goda glazami sovremennikov / Sost., podg. teksta i primech. G.G. Martynova. M., 2012.
- Popov A.I. Otechestvennaya voina 1812 goda: «novye otkrytiya» i psevdoproblemy // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Borodino, 9-11 sentyabrya 2008 g.). Mozhaisk, 2009 // http://www.borodino.ru/download.php?file_id=363
- Runkevich S.G. Istoriya Minskoi arkhiepiskopii (1793–1832 gg.). SPb., 1893.

Taras A. 1812 god – tragediya Belarusi. Minsk, 2012.

Troitskii N.A. 1812. Velikii god Rossii. M., 1988.

Troitskii H.A. 1812. Velikii god Rossii. M., 2007.

Filippova A.A. Neizvestnye arkhivnye dokumenty o sobyitiyakh 1812 g. v predelakh Vyazemskogo uезда // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 2-4 sentyabrya 2013 g. / Sost. A.V. Gorbunov. Borodino, 2014.

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук. Московский психолого-социальный университет, филиал в г. Брянске. *jur.solovjev@yandex.ru*

The collaboration of 1812. Class aspect

The author analyzes the proportion and nature of participation of clergy, noble and peasant classes in the collaborationist movement during the Patriotic war of 1812 in Russia. He also criticizes the clichés of Communist propaganda in looking at this issue, as reflected in Soviet historical literature.

Keywords: The Russian Empire, Patriotic war of 1812, collaboration, clergy, nobles, peasants
Yuri Solovyov, PhD (Philology), Moscow Psychological and Social University (branch in Bryansk); *jur.solovjev@yandex.ru*

С. С. ЛАЗАРЯН

**А.П. ЕРМОЛОВ И М.С. ВОРОНЦОВ
СТРАТЕГИИ ПОКОРЕНИЯ КАВКАЗА
В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ОТРАЖЕНИИ**

В статье сравниваются сущностные основы кавказского поприща А.П. Ермолова и М.С. Воронцова, дается характеристика направленности их деятельности посредством анализа используемой ими лексики, которой они отображали окружающую их действительность.

Ключевые слова: Кавказ, имперская администрация, покорение, устройство, лексика, концепт, экспрессия, противопоставление, языковая картина мира

Два исторических лица, которые волею российских императоров и долгом службы возглавляли имперскую администрацию в Кавказском крае с интервалом в 17 лет: А.П. Ермолов начальствовал на Кавказе с апреля 1816 по март 1827 г., а М.С. Воронцов – с декабря 1844 по март 1854 г. – оба герои, и у каждого – свой миф.

Автор статьи не преследовал цели столкнуть эти исторические фигуры и не собирался доказывать негатив одного или позитив другого. Цель: показать инаковость героев – личностей и государственных деятелей, в т.ч. через анализ семантического ряда лексических форм, при помощи которых каждый из них репрезентировал социокультурное пространство кавказского мира и реализовывал себя в нем. Несхожесть натур и личностных качеств не помешали им более 40 лет поддерживать приятельские отношения. Более того, кавказский опыт одного стал в отраженном виде продолжением кавказской практики другого. Объектом настоящего исследования стали тексты, аккумулировавшие лексику А.П. Ермолова и М.С. Воронцова. Анализ писем¹, записок², распоряжений, отчетов и рапортов³ позволил через изучение семантики языковых знаков проникнуть в индивидуально-авторскую концептосферу каждого из представленных персонажей, выяснить то, что было важно для них, что составило сердцевину их поля зрения.

Языковые знаки, в данном случае – лексемы, которые использовали А.П. Ермолов и М.С. Воронцов – не столько отражение реального мира Кавказа, сколько их собственное, индивидуальное видение, воплотившееся в образ-трактовку Кавказа. Это также позволило выявить индивидуальную картину мира каждого из них.

---

¹ Архив князя Воронцова. 1892; Воронцов 1882; 1890. № 2; № 3; № 4; Удовик 2004; Ермолов, 2014.

² Ермолов 1991.

³ Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК) 1875; 1885.

Для А.П. Ермолова, сына небогатого орловского дворянина, военная карьера – единственный путь к известности и славе. Первым этапом стала Отечественная война 1812 г. и Заграничный поход Русской армии. На полях сражений получена первая громкая слава, давшая известность в армии и новые знакомства – вел. кн. Константин Павлович, вел. кн. Елена Павловна и Екатерина Павловна и сам император Александр I. Там же были заложены основы дружбы с Арсением Андреевичем Закревским и Михаилом Семеновичем Воронцовым, которые скоро значительно преуспели в карьерном росте: Закревский назначен дежурным генералом Главного Штаба Его Императорского Величества, а богач и аристократ граф Воронцов – командующим оккупационным корпусом во Францию. Генералу Ермолову было предписано командовать Гренадерским корпусом, расквартированным в российской провинции. Ермолову с его необъятным честолюбием, сродни недавно поверженному Наполеону, трудно было согласиться с таким несправедливым поворотом событий и избежать комплекса обиды. Потому Кавказ, о котором он стал думать как о месте реализации своих смелых и сокровенных мечтаний, способен стать его Тулоном, Судьбой и Славой – сделался почти навязчивой идеей. При этом Кавказ им должен был быть покорен. Кавказ мыслился Ермоловым как средство и цель для достижения основной направленности его усилий – Величия!

Когда, наконец, было получено назначение на Кавказ, Ермолов не смог сдержать радости, которой поделился с графом Воронцовым (братом Михайлой): «готовлюсь ехать в Грузию, где сделан командующим. Вот... исполнившееся давнее желание моё...»⁴, а прежде того признавался А.А. Закревскому: «Поистине скажу тебе, что во сне грезится та сторона и все прочие желания умерли»⁵. И Роману фон дер Ховену чуть приоткрыл свои мечты: «...у меня счастье нечеловеческое. Если голова уцелеет, не Грузией кончу – не радоваться врагам нашим!»⁶.

Бесстрашный, стремительный и энергичный Ермолов был уверен в своем высоком жизненном предназначении. Ему хотелось не только сравняться с приятелями своими, его запросы были более значительными: он хотел повторить судьбу Бонапарта. Мыслью он взбирался на самые головокружительные высоты, открывавшие почти безбрежные перспективы: «В Азии целые царства к нашим услугам...»⁷. Выбора у него не было – подвело происхождение, не оставившее ему иных путей к желаемому величию. Унизительными были малые материальные возможности при огромных амбициях. К тому же Ермолова не любили в Петербурге и не доверяли цари. В то время как Кавказ, где у него не

---

⁴ Ермолов 2014. С. 26.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Гордин 2000. С. 104.

могло быть достойных конкурентов, давал необыкновенный шанс, упустить который было непростительно.

Жаждой судьбоносного дела определялось всё: доктрина управления краем и соответственное восприятие края, его людей и своеобразная артикуляция кавказских реалий. Как отмечает Я.А. Гордин: «Воспитанный на сочинениях Тацита и Цезаря, проникнутый идеями римской военной цивилизации, Ермолов по аналогии с противостоянием римского мира и древних германцев сопоставлял русскую армию и воинов прикаспийских ханств и кавказских горцев, понимая всю психологическую несовместимость этих двух миров»⁸. Ермолов на Кавказе не просто ощущал себя представителем великой империи, он сам был там Империей! На этом самоощущении он выстраивал отношения с Кавказом и его обитателями. «Римлянин» Ермолов (прокуратор Кавказа), как и его кумир на кавказском поприще князь П.Д. Цицианов, глубоко презирал жителей Кавказа с высоты имперских представлений и высот своих амбиций, не допуская мысли об их равенстве⁹. Выработанная им доктрина и практика покорения Кавказа сделали имя Ермолова громким и «ненавистным для многих поколений жителей Кавказа»¹⁰, а кавказские матери его именем пугали своих непослушных детей.

Прибыв на Кавказ, А.П. Ермолов сразу же дал понять о предстоящих переменах в крае, разослав манифесты его народам. Лексико-семантическое содержание сих посланий не оставляло сомнений – никому спуска не будет! «Здесь мои предместники слабостию своею избаловали всех ханов и подобную им каналью до такой степени, что они себя ставят не менее султанов турецких... Я начал вразумлять их, что беспорядков я терпеть не умею, а порядок требует обязанности послушания... Всю прочую мелкую каналью, делающую нам пакости и наглые измены, начинаю прибирать к рукам... некоторым уже обещал истребление, а другим казнь аманатов»¹¹. Послания были окрашены энергичной экспрессивностью негативно-презрительного отношения к априори недостойным существам – «канальям», которых равными людьми признавать не должно. Потому они – лишь «пакостники» и «изменники», которые заслуживают только строгостей и устрашения.

Беспощадность к беспорядкам не прощала не только горцев, но и кавказские войска. «Здесь нашел я войска, похожие на персидских сарбазов», «есть ужасная дрянь, которую потому терпят, что давно служит»¹², – это об офицерах и генералах. Во всем доминирует негативная экспрессия, а индого от столь мотивированного и стремительного

---

⁸ Ермолов 2014. С. 7.

⁹ Гордин 2000. С. 101-102.

¹⁰ Ермолов 2014. С. 15.

¹¹ Там же. С. 34.

¹² Там же. С. 35.

человека ожидать трудно. В нем никогда не было и не могло быть сентиментальности. Всюду разлита едва сдерживаемая сила. В нем все кипит и клокочет: «...жаль, что мир необходимо нужен (царь требует – С.Л.)... Но если успею, то ручаюсь, что после не по-прежнему будем оканчивать войну в здешнем краю»¹³. По мнению Ермолова, все неустройства в крае берут начало от прежних командиров, которым оценка также презрительно-негативная. Вот «скот Гудович, раздал богатейшие около Дербента селения одному владельцу, который одну отправляет службу, что дает убежище нашим дезертирам...»¹⁴.

Не жаловал Ермолов местных владельцев, выливая на них едкий сарказм: «У нас есть некоторый род собственных царьков. Это ханы... Лучший из них хан ширванский... Это сильнейший также, а потому я с ним приятель... Прочие ханы трепещут. Одного жду смерти нетерпеливо, как бездетного; другого хочется истребить, ибо молод, ждать долго, наделает скотина детей...»¹⁵. Используемый Ермоловым лексический ряд подобран намеренно так, чтобы не только и не столько выступать носителем информации, но самый информационный ряд одновременно продолжает быть оценочно-экспрессивным, заключающим в себе множество оттенков, касающихся не только природы описываемых объектов, но выражающим наклонности и сущность самого автора.

Социально-культурная среда Кавказа, по страстной убежденности Ермолова, такова, что не терпит никакого иного подхода, кроме устрашающей силы и презрения, которые не знают пощады. Это касалось не только народов «магометанских», но, например, относилось «к народу, Грузию населявшему...», которой «князья, не что иное есть, как в умеренном размере копия с царей грузинских. Та же алчность к самовластию, та же жестокость в обращении с подданными... Гордость ужасная от древности происхождения. Доказательства о том почти нет, и требование оно же приемлют за оскорбление. Духовенство необразованное, глупое, те же меры жестокости употребляющее в изучении истин закона, житием своим подающее пример разврата... Народ простой, кроме состояния ремесленников, более глуп, нежели одарен способностью рассудка... ленив и празден, а потому чрезвычайно беден. Легковверен, а потому удобопреклонен ко всякого рода внушениям»¹⁶. Сама Грузия – страна дикая и непросвещенная, «которой бытие кажется основано на всех родах беспутств и беспорядков»¹⁷.

Усиление экспрессии в речи «прокуратора Кавказа» достигается не только степенью негативизма, содержащегося в окраске применяе-

---

¹³ Там же.

¹⁴ Там же С. 43.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 57.

мой лексики, как в данном случае наполнены концепты *ДИКИЙ*, т.е. находящийся в первобытном состоянии, грубый, или *БЕСПУТСТВО*, т.е. разгульность, моральная неустойчивость, но и использованием концептов, выходящих за пределы предназначенных им семантических границ¹⁸. Таковым выступает часто употребляемый концепт *РАСПУТСТВО*, используемый не столько в значении ведения развратной и разгульной жизни, сколько в стремлении передать и подчеркнуть исключительную неприемлемость, негативность передающегося данным концептом образа действий в существующих обстоятельствах социокультурной жизни. Чтобы заклеить, унижить и пригвоздить к позорному столбу, окончательно лишить легитимности и вместе с тем уязвить плохо скрываемой иронией тех, на кого они направлены.

Вот и приговор: «Если бы князя менее были невежды, народ был бы предан нашему правительству, но как не понимают первые, еще менее могут разуть последние, что они счастливы, принадлежа России; а те и другие чрезвычайно неблагодарны и непризнательны. Словом, народ не заслуживает того попечения, тех забот, которые имеет о них правительство, и дарованные им преимущества есть бисер, брошенный перед свиньями...»¹⁹.

Ермолов возмущен и презрителен одновременно, что «господа сии», здесь слово *«господа»* в сочетании со словом *«свиньями»* особенный образец лексического напряжения в отношении к существам, которых рядом с людьми поставить нельзя, «...попробовали утратить меня» – и кто – сии твари! И как помыслить могли! – «что неудовольствия могут произвести неприятные следствия, а я им толкую, чтобы не смели думать о бунтах, что я имею единственное средство укрощать их... Толкую им, что прежде не так здесь усмиряли бунтовщиков, а что я так искусно обращаться умею к обязанностям, что на сто лет выбью из их голов не только действие, но даже самое слово бунта»²⁰.

Опыт и предопределенность подхода выработали в Ермолове стойкую убежденность в том, что Кавказ пропитан насилием, которое разлито в окружающей природе, в людях, в отношениях между ними, а потому не приемлет иного в поступках, отношениях, словах. Сами слова не просто должны быть средством отображения реального бытия, но делаться орудием превосходства, подбираться и произноситься так, чтобы подавлять и доказывать всю ничтожность несогласных, их ничтожность, доминировать над ними во всем и всегда.

Иное отрицается им и не только не может породить плодотворных побуждений, но смешит своим бессилием. Этот мир нельзя описать иначе, как его чувствуешь и понимаешь, а дух и понимание пере-

---

¹⁸ Ожегов 1975. С. 45, 152.

¹⁹ Ермолов 2014. С. 57.

²⁰ Там же. С. 54.

даются соответствующей лексикой. Презрение часто передается посредством брани, резкого порицания, содержащего высшую степень недовольства. Потому бранные слова превалируют в лексиконе «проконсула Кавказа». У него горские владельцы все суть люди «самых изменнических свойств, разбойники и злодеи, покрывающие себя гнусною изменою, злейшие русским неприятели»²¹, «...подлые бродяги и мошенники сии всеми презренные, никогда не возвратят того, что потеряли своими злодействами»²². Все внушает ему отвращение, и даже сама природа края с её «злодейским здесь климатом»²³, которая много вредит русским, отправляя в могилу многих солдат, вынуждая прибегать к известным предосторожностям и материальным затратам.

В связи с его отношением к миру Кавказа Ермолов выработал, как ему казалось, действенный инструмент, во всем сообразующийся с местными правилами и духом. Об этом он писал Денису Давыдову в январе 1820 г.: «Я многих по необходимости придерживался азиатских обычаев и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердием»²⁴. «Я начинаю вразумлять их (горцев – С.Л.) и, наконец, сделаю, что постигнут настоящий смысл, чего они стоят и как мало страшны... В три года с ними справлюсь, по крайней мере, столько, что они будут разумеать обязанности свои правительству и Государю, слишком для них милосердному»²⁵.

И далее в том же роде, но в отношении ханов в северо-восточной части Кавказа: «...Трудно найти величайших злодеев и между самыми злейшими врагами... Изменник аварский хан»²⁶. «Не прибавляйте к гнусной измене вашей Государю великому и великодушному обмана, что вы не перестаете быть Ему преданным. Мне давно известно поведение ваше и я знаю, что по вашему внушению возмущены жители Дагестана против Российских войск и осмелились сражаться. На вас падут проклятия обманутых вами Дагестанцев, вы не защитите их и если соберете подобных себе мошенников, тем жесточе наказаны будете. Всегда такова участь подлых изменников»²⁷.

Те же меры в Кабарде: «...чрезмерно, будучи полтора года снисходительным к подлым и мошенническим поступкам народа кабардинского, напрасно ожидая, что князья восчувствуют сколь гнусно изменять добровольно данной в верности присяге, я буду применять совсем другие меры. Трамов аул наказал я как притон разбойников»²⁸.

---

²¹ АКАК. 1875. С. 7, 9-11.

²² Там же. С. 14.

²³ Ермолов 2014. С. 54.

²⁴ Цит. по: Гордин 2000. С. 123.

²⁵ Ермолов 2014. С. 44.

²⁶ Там же. С. 188.

²⁷ АКАК. 1875. С. 25.

²⁸ АКАК. 1875. С. 466.

Постоянной бранью в адрес кавказских владельцев Ермолов стремился не просто запугать их, угрожая карательными мерами, но постоянно подвергать их психологическому давлению, раздавить их волю к сопротивлению. В то же время сила экспрессивности, которую эксплуатировал Ермолов в содержании постоянно тиражируемого лексического набора, не отменяла холодного и жестокого расчета.

Власть, которой Ермолов обладал на Кавказе, его представления о собственном месте и предназначении, формировала его как покорителя Кавказа. Отсюда его лексика и психологическое превосходство над «мошенниками», «гнусными предателями», «пакостниками», «шалунами», «хищниками» и прочей «канальей», которые в его интерпретации сделались почти официальным именем горцев. От них «зло так уже велико, что требует крутых и сильных мер»²⁹.

Он не мог допустить, чтобы кто-то противился воле всемогущего прокуратора Кавказа и покорителя Востока. Сообщая своему приятелю Арсению Закревскому о содержании и слоге манифестов, отправляемых к кабардинскому народу, он писал: «Здесь такие писать должно и что сим способом скорее успеешь. Ты в сем манифесте узнаешь слог Бонапарте, когда в Египте, будучи болен горячкою, говаривал он речи. Я брежу без горячки! Однако же, как бы то ни было, я в горах между неприязненными нам народами начинаю поселять великий ужас»³⁰.

Часто в лексическом ряду Ермолова используется сочетание теза/антитеза: *порядок – беспорядок*. Это отмечает Я.А. Гордин³¹. В трактовке Ермолова «порядок» – это цивилизация и устройство регулярной государственности, которые противостоят варварству и своеволию – «беспорядку», носителями которого выступали обитатели горных трущоб, «закоренелые в грубом невежестве» и в равной степени жители Грузии, «страны дикой и непросвещенной».

Выявленное противопоставление «порядок» – «беспорядок» применяется Ермоловым и при описании территорий, подконтрольных российским властям. Здесь семантическое содержание данных лексем близко их прямому значению, лишены сарказма или презрения, но вместе с тем отражают высокую степень возмущения и досады одновременно. Например, Ермолов писал Закревскому: «...не мог найти ни малейших выгод во время пребывания у вод, ибо в проезд мой чрез Георгиевск я был там нарочно и ужаснулся страшного беспорядка (курсив мой – С.Л.), которому не мог я помочь... Устройство вод в порядок должно бы, однако же, быть занятием правительства...»³².

---

²⁹ Ермолов 2014. С. 122.

³⁰ Там же С. 72.

³¹ Гордин 2000. С. 116.

³² Ермолов 2014. С. 81.

Та же теза/антитеза «*порядок – беспорядок*», обращенная к войскам Отдельного Кавказского корпуса (ОКК), полна горечи и констатации удручающего положения в войсках, находившихся на Кавказской линии и в Грузии: «..нашел многих частей *беспорядок* (здесь и далее курсив мой. – С.Л.), превышающий ожидания мои, вижу, однако же, что постоянным упражнением и временем могу восстановить уничтоженный и учредить доселе не введенный *порядок*»³³. «*Беспорядок*» Ермолов находит в неприемлемых для войск бытовых условиях или недостатках продовольственного снабжения: «Провиантская часть с ума сводит. В магазинах нет ничего. Денег не присылают вовремя, присылают мало... Теперь в таком *беспорядке* часть сия, что все войска в Грузии местными способами довольствуемые, останутся без запасов и живут от одного дня до другого»³⁴.

Недостаток снабжения войск он исправил, добившись, чтобы император Александр I распорядился присылать на нужды ОКК, состоявшего тогда из 16640 человек, ежегодно по 160000 (159 744) рублей ассигнациями. Чуть позже, после возвращения из дипломатической миссии в Персию, пригнал стадо баранов в 7000 голов, которых он обменял на подносимые ему дорогие подарки от ханов и шаха и передал на нужды войск в полки. Тем обеспечивалась прибавка в солдатский рацион мяса и полушубков, которые сберегали здоровье солдат³⁵. «*Беспорядок*» он видит и в том, что изнурялись войска на путях, «доселе на трудных и во многих местах почти непроходимых», и распорядился приступить к устройству военных дорог³⁶.

«*Беспорядком*» он помечает положение в делах по гражданской части. «Был в судах. Не удивлялся некоторым *беспорядкам*, ибо они везде одинаковы, но досадно мне нерадение, и кажется мне, что я заставил себя остерегаться»³⁷. Рецепт борьбы с беспорядками в пользу порядка уже проверенный – страх, угрозы, сила.

Теза/антитеза «*порядок – беспорядок*» отражается в отношении Ермолова к вверенному в его управление краю, в его преобразовательных действиях в отношении как мирных, так и неприязненных к русским горских обитателей, она часть его жизненного кредо. «*Порядок*» – это то, что он замыслил и реализовывал как покоритель Кавказа. «*Порядок*» – Альтер-эго Ермолова в назначенном ему судьбой поприще. В свою очередь, «*беспорядок*» для него – вместилище нечистоты, низменного, изменнического, мошеннического и презираемого, борьба с которым должна была вывести его к Славе и Предназначению.

---

³³ Гордин 2012. С. 386.

³⁴ Ермолов 2014. С. 34.

³⁵ Гордин 2012. С. 386-387.

³⁶ Там же.

³⁷ Ермолов 2014. С. 33.

Для графа М.С. Воронцова Кавказ – последнее поприще, о котором он не мечтал, как А.П. Ермолов. Оно было дано ему по выбору императора, ибо многие другие до него не сумели справиться с поставленными задачами в Кавказском крае. Кавказское поприще Воронцову «сулило огромные труды и заботы при весьма загадочных лаврах»³⁸. В то же время его прежняя европейская известность была достаточно прочной, чтобы ничто не могло отнять от его имени громкой славы: она у него уже была. Воронцову не нужно было что-либо доказывать.

Путь к широкой известности он, как и Ермолов, начал в 1812 г. Богатство позволило ему спасти реноме Русской армии во Франции, где он командовал оккупационным корпусом в течение 1814–1818 гг., заплатив офицерские и солдатские долги в полтора миллиона рублей, на что обратили благосклонное внимание, как в Европе, так и в столичном свете, и при имперском дворе. Несомненное развитие получили Новороссия и Бессарабия, куда он был назначен генерал-губернатором в 1823 г. и управлял ими до 1844 г. Там развился его созидательный талант и оттачивались тонкости дипломатических задатков.

Семнадцатилетний срок, отделявший кавказское поприще графа Воронцова от поприща генерала Ермолова, предопределил иные обстоятельства и иное предназначение. Воронцов пришел на Кавказ как устроитель, которому поручалось «водворять» край в состав России и оплодотворить его «гражданственностью» и благополучием, чтобы отнять «способы» сопротивления у «неприятных нам» народов. В Петербурге поняли, что покорить Кавказ одной военной силой нельзя. Выбор императора Николая Павловича назначить на Кавказ графа Воронцова объяснялся тем, что «ожидали большую пользу от назначения Воронцова, поскольку тот является любителем всего полезного»³⁹. На графа М.С. Воронцова работало его аристократическое происхождение, среда, в которой он проходил социализацию, пример его отца С.Р. Воронцова, английское воспитание. Он был «человек редкого в то время европейского образования, честолюбивый, мягкий и ласковый в обращении с низшими и тонкий придворный в отношении с высшими»⁴⁰. В нем не предполагали открытой брутальности – во всем прагматизм, все без мечтаний – по делу и обстоятельствам – в словах и поступках. Отсюда и способ мировидения, миропонимания и способ вербализации кавказского пространства – лексика отображения окружающей реальности и преобладающий смысловой конструктивизм⁴¹.

---

³⁸ Корф 1900. С. 51.

³⁹ Булгаков 1903. С. 457.

⁴⁰ Толстой 1976. С. 581.

⁴¹ Понимая концепт как «представление о фрагменте мира» (Пименова 2004. С. 8), можно утверждать, что лексика проявляет и выявляет это представление, раскрывая «своего рода свернутый глубинный смысл» концепта (Красных 2003. С. 269).

М.С. Воронцов – не покоритель Кавказа, а его устроитель. Потому начало его кавказского поприща открывалось посредством концепта *ВНИМАНИЕ*, заключавшегося в возможности сосредоточиться на одном из типов поступавшей информации, определенных (важных и актуальных) объектах, процессах и областях предстоявшей преобразовательной деятельности⁴². Его действия опирались на базовый принцип – «*обратил внимание*», как только он оказался на Кавказе, чтобы всему дать устроенный и законченный вид. Сам концепт *ВНИМАНИЕ* – тот горизонт, в рамках которого могла производиться позитивная и созидательная работа, в свою очередь, связанная с концептом – *МИРОУСТРОЙСТВО*, который предполагал дать направление и ход всем выявленным процессам, наладив и придав им нужный вид и порядок.

С приездом Воронцова по многим местам Кавказа стали устраиваться плодовые питомники, которые «принесут существенную и практическую пользу». С их помощью предполагалось «разлить по всему краю сведения и охоту к садоводству, виноделию и разного рода земледельческим занятиям»⁴³. Воронцов также приказал «сделать поиски каменного угля...» в разных частях Кавказского края, поскольку «...употребление его вместо дров, будет чрезвычайно *полезно*». Он же распорядился отдать имевшиеся в казенном распоряжении нефтяные колодцы в откупное содержание, чтобы вырученные деньги направить «для разных *полезных* предприятий в крае»⁴⁴.

Мироустроительная деятельность графа Воронцова в изначальной сущности своей была направлена на все *ПОЛЕЗНОЕ*, способное преодолеть любые препятствия и преграды в построении разумного и упорядоченного социально-культурного существования Кавказа.

В связи с устроительными усилиями в лексике Воронцова неизбежно появлялась теза/антитеза «*порядок – беспорядок*», которая присутствовала как центральная и смыслоопределяющая его пребывание на Кавказе, но, в отличие от Ермолова, в ней отсутствовала напряженность судьбоносности, предопределения сверхзадачи: пан или пропал! Все было спокойно, буднично и систематично, определялось этапностью задачи. Во всем было стремление «дать аккуратный отчет...»⁴⁵ с калькуляцией затрат и средств, с тщательным разбирательством дел «к *пользам и выгодам*»⁴⁶. У Воронцова концепт *ПОРЯДОК* как правильное и налаженное состояние невозможен и неотделим от концепта *ПОЛЬЗА*, от того, что содержит в своей основе положительные последствия. Он нацелен приносить *ПОЛЬЗУ* – в этом его предназначение и

---

⁴² Краткий словарь когнитивных терминов. 1997. С. 15-16.

⁴³ АКАК. 1885. С. 835.

⁴⁴ Там же. С. 836.

⁴⁵ Удовик 2004. С. 296.

⁴⁶ АКАК. 1885. С. 24.

самоосуществление. В своем нерасчлененном сочетании концепты *ПОРЯДОК* и *ПОЛЬЗА* выступали в его лексико-семантической системе как основополагающий способ бытия, как путь к Абсолюту.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА требовали приведения в ясность всех отношений для обеспечения твердых оснований в делах и положении всех сословий в Кавказском крае⁴⁷.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА состояли в том, чтобы «дать правильный ход здешней торговле»⁴⁸, и производить разбирательство дел «к пользам и выгоде (курсив мой – С.Л.) торговых сословий»⁴⁹.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это и необходимость, то, без чего нельзя было обойтись, и выгода устройства сообщений – «важный предмет здешнего края»⁵⁰.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это способ «водворить мир в стране вашей, восстановить... спокойствие, возратить всем племенам Кавказским тишину и безопасность, которые одне могут обеспечить счастье и благоденствие края»⁵¹.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это и устройство портов на побережьях Черного и Каспийского морей, это связующие прибрежные поселения морские пароходства, учрежденные им и снабжавшие мирное население и армию необходимыми жизненными припасами или вооружением.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это обустройство городов, городских садов и бульваров, развитие городского образа жизни с имперским качеством и обыкновениями просвещенного европейского существования.

ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА – это и развитие всех видов предпринимательской деятельности, способных не только обогатить выгодами предприимчивых людей всех сословий, но превратить Кавказский край в место благополучного и созидательного существования, способного стать преградой враждебности и войне.

Антитеза «*порядок – беспорядок*», как разрушение всякого устройства, полезности, удобства, выгоды, успеха, была неприемлема для созидательной природы графа Воронцова. «*Беспорядок*» «умедливал» всякие улучшения, перекрывал путь к «*успеху*» в делах, выступал на стороне, противной любым полезным усилиям со стороны Российской империи в Кавказском крае.

От открытых беспорядков граф Воронцов переживал неудовольствие, а его лексика получала некоторую порцию негативной экспрессии, которая, однако, не выходила за рамки нормы. Так, обозревая Кавказ сразу же по приезде в край, он выявил, что чиновники «по

---

⁴⁷ Там же. С. 11.

⁴⁸ Там же. С. 838.

⁴⁹ Там же. С. 24.

⁵⁰ Там же. С. 14.

⁵¹ Там же. С. 361.

гражданскому управлению негодия в большинстве...»⁵². В Тифлисе «...тотчас был замучен не только хаосом всякого рода дел и текущих, и запущенных, в дополнение всего этого, должен был открыть настоящие военные действия против некоторых ужасных злоупотреблений по разным частям, и, между прочим, по инженерству»⁵³.

Напряженность и драматизм ситуации, которую переживал Воронцов, передавались не словесной бранью, прибравшейся к границам нормативности, но усилением экспрессии в лексических сопряжениях. Посредством использования лексемы «хаос» он подчеркивал степень расстройств в делах, а предикатом «ужасный» характеризовал состояние дел, дополняя его лексикой из иного смыслового ряда. В приведенной цитате – «открыть настоящие военные действия» в ситуации борьбы с беспорядком в сфере невоенной.

БЕСПОРЯДОК у Воронцова – не сосредоточение низменного или измывающего, заслуживающего безоговорочного презрения и подавления, как у Ермолова, а скорее *недостаток полезного*, то, что препятствует осуществлению полезности и достижению выгоды. Это проявлялось в самых разных ситуациях: «С самого моего приезда в Тифлис, я обратил внимание на *недостаток* (здесь и далее курсив мой. – С.Л.) в нем театра и считал учреждение его здесь не только не лишним, но и во многих отношениях крайне *полезным*»⁵⁴; или когда «из-за *недостатка* переправ через Терек для всех военных действий, как летом, так и зимою... и часто от наводнения реки в самое нужное время, нельзя было ни переходить войскам по назначению, ни доставлять им все нужное во время экспедиции»⁵⁵; или когда «от *недостатка* удобных сообщений парализуются все действия правительства... и для торгующих лиц не только затруднительно, но и невозможно действовать»⁵⁶.

Рядом с концептами *ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА*, идущими в неизменной связке, обязательно существование целевой его установки – *ВЫГОДА*. Концепт *ВЫГОДА* в ментальном поле Воронцова выступает важным дополнением к концептам *ПОРЯДОК – ПОЛЬЗА*, в равной степени содействует положительному обустройству мира, которые Воронцов предлагал горцам в обмен на отказ от разрушительности войны и вражды, убеждая, что единственная цель его состоит в том, «чтобы прекратить претерпеваемые вами бедствия и даровать вам блага, коих вы можете пожелать»⁵⁷. Воронцов не запугивает и не старается устрашить, он предлагает *ВЫБОР*, взять нужное из наличного, указывая

---

⁵² Удовик 2004. С. 296.

⁵³ Там же. С. 302.

⁵⁴ АКАК. 1885. С. 10.

⁵⁵ Там же. С. 849.

⁵⁶ Там же. С. 839-840.

⁵⁷ Там же. С. 10.

горцам на пагубность их заблуждения, когда, «упорствуя в дерзком сопротивлении и беспрестанной враждебности», они сами подвергают опасностям свои семьи и разрушают благосостояние своей страны, которую «вовлекаете в неизбежные бедствия войны»⁵⁸. Он старается отговорить от ошибочного поведения, используя форму негативного качества «*дерзкий*», отождествляя с ним пагубное и ведущее от «*пользы*» действия, имеющее вид смелости, которая вырождается в грубую и оскорбительную выходку, без шансов для позитива⁵⁹.

Исторический опыт взаимоотношений между людьми показал Воронцову, что при возникновении спорных ситуаций и попыток их урегулирования, основанных на принципе: кто сильнее, тот и прав – как правило, приводит не к разрешению и исчерпанию спорных оснований, но к ожесточению и новым, более глубоким конфликтам⁶⁰. Потому в своих отношениях с немирными горцами он хотел продемонстрировать добрую волю российских властей, создать прецедент на будущее и, наконец, лишить враждебную сторону людей, способных укрепить её силы. Граф Воронцов встречался с горскими депутациями и вел мирные беседы, обольщал, «оказывал внимание, ласкал, поощрял, интересовался» условиями их существования, все время, указывая им на «*выгоды*» принятия русских условий⁶¹. Воронцов чаще пытался уговорить горцев, чем заставить покорствоваться перед вооруженной силой. Потому в его усилиях неожиданный глагол «*ласкать*» в ситуации противостояния использовался для обозначения направленности действия, связанного со стремлением успокоить, утешить, обнадежить, вывести за пределы вражды, предоставлял возможность немирным обществам выйти из сложного положения, в котором они пребывали, переложив всю ответственность за сложную ситуацию в горах на тех людей, кто своими честолюбивыми и коварными наущениями «употребляют во зло ваше доверие и вводящих вас в заблуждения»⁶².

Люди, откровенно враждебные России, её монарху, обозначаются в лексическом строе М.С. Воронцова «*честолюбцами*», чье качество и направленность усиливается негативно имманентным и скрытым содержанием, реализуемым концептом *КОВАРСТВО*, который определял существовавшую в их действиях злонамеренность, скрываемую показным смирением или вероломным отступничеством от даваемых присяг.

В системе отношений Россия – горцы, Воронцов большей частью маркировал жителей гор через лексемы «*заблуждение*» и «*неразумие*» и меньше – как «*хищники*» и «*злодеи*». В отношении к непримиримым

---

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Ожегов 1973. С. 148-149.

⁶⁰ Попов 2010. С. 16-17.

⁶¹ Волконский 1880. С. 212.

⁶² Там же.

горцам он не доходил до презрения, отдавая дань их находчивости и предприимчивости, храбрости и стойкости, хотя и не считал их равными, поскольку те существовали за пределами привычного для него русского и европейского миров. Его отношение к горцам определялось снисхождением к тем, кто находился в условиях естественной первобытности, не знавшей созидательного воздействия света просвещения и европейской цивилизации. Когда ему приходилось вразумлять неисправимых и неразумных, он не стеснялся прибегать к угрозам, обещая горцам: «Если же вы отвратите слух ваш от спасительных слов... то, будучи обязан сражаться с вами, я призову на вас гнев Божий за пролитую кровь»⁶³. Призывая в помощь беспредельную и священную мощь Бога, Воронцов усиливал эмоциональный заряд своего послания, придавая абсолютную правоту своим словам и поступкам и внушая своим противникам чувство вины и святотатства – неправоты.

Не менее важный концепт в ментальности Воронцова – *НЕОБХОДИМОСТЬ*, как настоящая потребность, надобность, то, без чего нельзя было обойтись⁶⁴. В нем сосредоточивалась категорическая императивность долженствования и торжества всего производившегося им в Кавказском крае. Это был главный камень в фундаменте возводившегося им здания *ПОРЯДКА – ПОЛЬЗЫ – ВЫГОДЫ*. Край необходимо имел «большую нужду в улучшенных способах возделывания земли и приготовления различных произведений», поэтому Воронцов находил «не только *полезным*, но даже *необходимым*... дать этому делу немедленно лучшее направление»⁶⁵.

Концепт *НЕОБХОДИМОСТЬ* характеризует здесь качество состояния, придает концепту *ПОЛЬЗА* оттенок безусловности и бескомпромиссности. *ПОЛЬЗА* следует за полезными, т.е. обязательно выгодными и продуктивными усилиями. «В Эриванском уезде мы начали возобновлять и улучшать старые водопроводы... дело идет с успехом... По части дорог я стараюсь устроить прибрежную дорогу от Сухумкале до Редут-кале», а «ген.-м. Бюрно делает прекрасное шоссе по Шинскому ущелью и речке Ахты-Чай. Эта дорога будет драгоценная во всех отношениях и укоротит более, нежели 200 верст для военных движений и торговли из Кахетии в Южный Дагестан и Дербент»⁶⁶.

«*Польза*» и распространение её «*необходимости*» в крае способствовали появлению людей, всегда готовых и всегда умеющих помогать во всем «*полезном*»⁶⁷, и тем самым способствовать преображению

---

⁶³ Там же.

⁶⁴ Ожегов 1973. С. 371.

⁶⁵ АКАК. 1885. С. 834.

⁶⁶ АКАК. 1885. С. 322-323.

⁶⁷ Там же. С. 841.

края и сближению его с Россией, приучать к мысли, что от России шло все самое «лучшее» и «полезное».

В то же время устройство Кавказского края требовало систематичности в действиях и терпения. Концепты *СИСТЕМАТИЧНОСТЬ*, т.е. последовательность в действиях, постоянно повторяющихся и не прекращающихся, и *ТЕРПЕЛИВОСТЬ*, т.е. настойчивость, упорство и выдержка – обязательная часть ментального поля Воронцова. Он убеждал Петербург, что производимые им работы – не порыв эмоций, а расчетливый и выверенный проект, требующий терпеливого каждодневного хода, рассчитанного на годы: «Я постоянно и терпеливо следовал системе... Мы начали зимой 1845 года и продолжаем две последующие зимы рубку лесов и расширение прежних просек...»⁶⁸.

Такой подход принесил «пользу» не только в сферах мирного гражданского существования, но и при необходимых военных мерах.

М.С. Воронцов сообщал в отчете императору за 1849 г., что «в течение последних трех лет, ни одно из неприятельских покушений не было успешно, после болезненной для него экспедиции в Кабарду...», а «все отчаянные усилия Шамиля для восстановления беспрестанно ослабевающей его власти, кончались, без исключения, к его стыду и дали только новые случаи храбрым войскам оказывать опыты усердия и храбрости... На восточном берегу Черного моря мы также не имели нигде ни малейшей неудачи». В Грузии и других областях закавказских, «если с одной стороны, есть и будут, на первый раз, несогласия и интриги, то они не будут нам долго препятствовать, тем более что общая масса жителей, как дворянства, так и простого народа не может не видеть собственной их пользы»⁶⁹.

В результате позитивных усилий многих людей, которыми руководил Воронцов, а также его собственного умения соединять задачи империи и находившегося под его управлением края, были выработаны гибкие механизмы и определены приемлемые для сторон начала общегития. Постепенно внедряя систему, выраженную концептами *ПОЛЬЗА* и *ВЫГОДА* в повседневное сосуществование России и Кавказа, Воронцову удалось поставить в центр межкультурных взаимодействий сущностное содержание концепта *БЛАГО*. Это сосредоточивало мысли и дела на том, что давало достаток, материальное благополучие, мирное и безопасное существование, удовлетворенность жизнью, и тем самым отгеснить враждебность и войну на их периферию.

Таким образом, фигуры А.П. Ермолова и М.С. Воронцова, имеющие непреходящее значение в истории инкорпорации Кавказского края в состав Российской империи, фигуры не только разные по свое-

⁶⁸ Там же. С. 849.

⁶⁹ Там же. С. 850-851.

му внутреннему содержанию и происхождению, но и по их пониманию Кавказа, своих целей и предназначения их кавказского поприща.

Это различие проявлялось во всем, в т.ч. в составе использовавшейся ими лексики, которой они маркировали социокультурное пространство Кавказа. Семантический ряд в лексиконе каждого из них характеризовал не только их отношение к миру Кавказа, но и самих акторов. Даже когда лексический набор совпадал по своей форме и месту приложения, он неизбежно наполнялся разным семантическим содержанием и качеством, по-разному интерпретировался.

Различие между А.П. Ермоловым и М.С. Воронцовым четко фиксируется в индивидуальной языковой картине мира. Лексический ряд отображает тот конструкт, который каждый из них хотел бы представить миру. Если отталкиваться от позиции В.В. Красных, который определяет языковую картину мира как «мир в зеркале языка»⁷⁰, то языковые картины Ермолова и Воронцова, фиксируют сознание и внимание на собственных манифестациях и интерпретациях реального мира, преследуя, осознанно или нет, цели, заданные их изначальными ментальными параметрами. Языковая картина не передает всей полноты реальной картины мира, а лишь фиксирует то, что интерпретирует каждый из них как индивид. В силу того, что языковая картина мира создается номинативными и функциональными средствами языка – лексемами и фразеологизмами, то репрезентация одних и тех же слов (концептов) у разных людей позволяет выявить специфику в способах интерпретации одного и того же концепта.

Если выделить ключевые слова, при помощи которых А.П. Ермолов выстраивал свою языковую картину мира, посредством которой он репрезентировал Кавказ (*каналья, злодеи, предатели, дерзкие шалости, дрянное существо, разбойники, беспутство, разврат, уроды, алчные народы, наглости, мошенники, скоты, накомники*), то в ней явно преобладали негативные категории, которые несли в себе качества пренебрежения, презрения, унижения, предназначенные подчеркнуть его превосходство и величие, но отнюдь не представить реальный Кавказ. У М.С. Воронцова языковая картина мира Кавказа опирается на совокупность ключевых слов иного качества. Большой частью Воронцов оперирует нейтральными или содержащими позитив лексемами: *польза, выгода, порядок, доверенность, усердие, устройство, благоустройство, усовершенствование, улучшение, успех, необходимость, безопасность, примирение*.

А.П. Ермолов прибыл на Кавказ, чтобы покорить его, получить в качестве трофея-награды за труды свои и в таком качестве преподнести его России, в то время как М.С. Воронцов, будучи на Кавказе, по-

---

⁷⁰ Красных 2003. С. 18.

звал его в Россию, предложив выбор между неустойчивыми войнами и вражды и пользой мирного сосуществования.

А.П. Ермолов демонстрировал на Кавказе, прежде всего, военную и карающую мощь империи, добивался покорности и безропотности, в то время как М.С. Воронцов убеждал Кавказ созидающей силой имперской культуры и образа жизни, добивался стабилизации общей обстановки, примирения большей части местного населения с Россией.

А.П. Ермолов полон нетерпения и ярости. Он намеревался преобразовать Кавказ в три года, для него губительна любая «медленность». М.С. Воронцов – человек холодный, его преобразовательная деятельность предполагала постепенность, систематичность и терпение.

Выявленные различия в темпераментах и целях обуславливали и различие лексических рядов, отражавших индивидуальные особенности концептосферы каждого из них. Доминирование лексического ряда негативной семантики у Ермолова возникает не столько от частоты использования соответствующих бранных слов, сколько от яркой экспрессивной окрашенности данной лексики, которая затмевает все многообразие остального лексического поля, которым он репрезентировал мир Кавказа. Словарный ряд Воронцова в семантическом наполнении спокоен и размерен, колеблется в рамках мировидения, очерченного лексемами *порядок – польза – выгода – благоустроенность*.

В интерпретации концептосферы каждого из акторов важна доминанта восприятия, определявшаяся направленностью их практической деятельности, предметной активностью, в которую она была вплетена.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, собранные кавказской археографической комиссией (АКАК) / Под ред. А.П. Барже. Тифлис, 1875. Т. VI. Часть 2. 950 с.; 1885. Т. X. 938 с.
- Архив князей Воронцовых. М., 1892. Т.38. 543 с.
- Воронцов М.С. Письма его к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1882. Т. 7.
- Воронцов М.С. Письма к А.П. Ермолову // Русский архив. 1890. №2. С.161-214; № 3. С. 329-365; № 4. С. 441-472;
- Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. 464 с.
- Гордин Я.А. Ермолов. М.: Молодая гвардия, 2012. 600 с.
- Ермолов А.П. Записки. 1798–1826. М., 1991. 463 с.
- Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816–1860. СПб.: ООО «Журнал «Звезда», 2014. 832 с.
- Корф М.А. Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. № 1. С. 25-56.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 197 с.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. проф. Н.Ю. Швецовой. Изд. 10-е стереотипное. – М.: Советская Энциклопедия, 1975. С.45, 152. 846 с.
- Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. 208 с.
- Булгаков К.Я. Письма К.Я. Булгакова к его брату А.Я. // Русский архив. 1903. Кн. 4. С. 449-491.

Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. М.: Международные отношения, 2010. 576 с.

Толстой Л.Н. Избранное. Л.: Лениздат, 1976. 664 с.

Удовик В.А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004. 413 с.

REFERENCES

Akty, sobrannye kavkazskoi arkhograficheskoi komissiei (AKAK) / Pod red. A.P. Berzhe. Tiflis, 1875. T. VI. Chast' 2. 950 s.; 1885. T. X. 938 s.

Arkhiv knyazei Vorontsovykh. M., 1892. T.38. 543 s.

Vorontsov M.S. Pis'ma ego k knyazyu V.O. Bebutovu // Russkaya starina. 1882. T. 7.

Vorontsov M.S. Pis'ma k A.P. Ermolovu// Russkii arkhiv. 1890. №2. S.161-214; № 3. S. 329-365; № 4. S. 441-472;

Gordin Ya.A. Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoi voine XIX veka. SPb.: Zhurnal «Zvezda», 2000. 464 s.

Gordin Ya.A. Ermolov. M.: Molodaya gvardiya, 2012. 600 s.

Ermolov A.P. Zapiski. 1798–1826. M., 1991. 463 s.

Ermolov A.P. Kavkazskie pis'ma. 1816–1860. SPb.: OOO «Zhurnal «Zvezda», 2014. 832 s.

Korf M.A. Iz zapisok barona (vposledstviu grafa) M.A. Korfa // Russkaya starina. 1900. № 1. S. 25-56.

Krasnykh V.V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003. 375 s.

Kratkii slovar' kognitivnykh terminov / Pod obshchei redaktsiei E.S. Kubryakovoi. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. 197 s.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka/ Pod red. prof. N.Yu. Shvetsovoi. Izd. 10-e stereotipnoe. – M.: Sovetskaya Entsiklopediya, 1975. S.45, 152. 846 s.

Pimenova M.V. Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku. – Kemerovo, 2004. 208 s.

Bulgakov K.Ya. Pis'ma K.Ya. Bulgakova k ego bratu A.Ya. // Russkii arkhiv. 1903. Kn. 4. S. 449-491.

Popov V.I. Sovremennaya diplomatiya: teoriya i praktika. Diplomatiya – nauka i is-kusstvo: Kurs lektzii. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010. 576 s.

Tolstoy L.N. Izbrannoe. L.: Lenizdat, 1976. 664 s.

Udovik V.A. Vorontsov. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 413 s.

Лазарян Сергей Степанович, доктор исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии «Пятигорского государственного университета; aflost@yandex.ru

A.P. Ermolov and M.S. Vorontsov: strategies of conquering the Caucasus in vocabulary and semantics

The article compares the foundations of the Caucasian campaigns and administration by A.P. Ermolov and M.S. Vorontsov, and produces a characteristic of their work through the analysis of their vocabulary that reflected reality that surrounded them.

Keywords: the Caucasus, Imperial administration, conquest, institutions, vocabulary, concept, expressionism, opposition, semantic world image.

Sergey Lazaryan, PhD in History, associate professor, Pyatigorsk State University; aflost@yandex.ru

Е. С. БЕРЕЗИНА

**«ПРИСТАЛЬНО ВСМАТРИВАЯСЬ В РИСУНОК
ШКАТУЛОЧНОЙ КРЫШКИ»
ЛАКОВАЯ МИНИАТЮРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ***

Визуальные исследования советского вводят в научный оборот новые изобразительные источники, среди которых внимания заслуживает и советская лаковая миниатюра. Уместность обращения к этому типу источников обосновывается через включение отдельного образа, украшающего крышку шкатулки, в систему репрезентации изображаемого феномена в других видах художественного производства. Благодаря такому подходу удастся подтвердить гипотезу о том, что образы лаковой миниатюры имели не только декоративное значение, но и были включены в процессы описания и структурирования советской действительности.

Ключевые слова: советская визуальная культура, визуальные исторические источники, советская лаковая миниатюра, советское декоративно-прикладное искусство, репрезентация «советского»

Декабрь 1926 и январь 1927 года немецкий философ Вальтер Беньямин провел в Москве. 11 января он сделал в своём дневнике следующую запись: «Как это со мной частенько бывает, наступило время, когда я, проходя по улицам, обращаю внимание только на одно: в этот раз на лаковые шкатулки. Так продолжается несколько дней»¹. Истинный собиратель, Беньямин сравнивает свою одержимость лакированными шкатулками, «искусно расписанными сверкающими красками», с короткой, страстной влюбленностью: одно за одним он покупает изделия с миниатюрной росписью². Влечение Беньямина к мелочам отмечал его близкий друг Герхом Шолем, Теодор Адорно приписывает ему уникальное «микроскопическое зрение», а Сюзан Зонтаг в эссе «Под знаком Сатурна» схватывает в его взгляде на фотографии 1927 года «рассеянное всматривание близорукого»³. Нравнодушие к «исчезающему малому» делало Беньямина идеальным владельцем лаковых миниатюр: зрителем, который готов пробираться через «бессмысленно-

---

*Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

¹ Беньямин 2012 [1927]. С. 122.

² Там же. С. 122, 124, 251.

³ Зонтаг 1997. С. 138-155.

прекрасную борьбу цветов»⁴ к «любковному изучению», включению рассматриваемого предмета в контекст всего миропорядка.

Рассуждая о том, что отличает коллекционера от простого владельца, Беньямин писал, что для собирателя каждый предмет становится «магической энциклопедией, чье содержание составляет судьба экспоната». Чтобы прочесть эту энциклопедию, необходимо увидеть за вещью её эпоху, создателя, обстоятельства производства, владельца и т.д. и таким образом поместить единичное в сферу всеобщего⁵. Историк – тот же собиратель: он «коллекционирует» факты и казусы, составляет собственные архивы, всматривается в запечатлевшие прошлое изображения. Как и собиратель, он занимается контекстуализацией: по историческим свидетельствам стремится в своих текстах к пониманию прошлой социальной реальности. Несмотря на известный прагматизм взгляда историка, который обращается к источнику с определенной исследовательской целью, в сравнении с незаинтересованным удовольствием рассматривания собирателя (по Беньямину)⁶, они двигаются в своем познании схожими путями, открывая за единичными артефактами многообразие жизни прошедшей эпохи.

Историк не только читающий и пишущий, но и «рассматривающий» – действующее лицо современной историографии. Изображения и фотографии в исторических исследованиях последних десятилетий – не просто иллюстрации, а неотъемлемая часть системы аргументации автора. Если в 1980–1990-е гг. «визуальный поворот» на карте исторической науки был обозначен благодаря работам отдельных «первооткрывателей»⁷, то в 2000-е обнаружившийся за ним новый регион приложения интеллектуальных усилий уже достаточно подробно описан⁸.

Одной из областей научной дискуссии, вклад в который в равной степени вносят как российские, так и зарубежные исследователи, является изучение советской визуальной культуры. Разнообразие видов визуальных свидетельств и вариативность подходов к их анализу были обозначены в сборниках «Советская власть и медиа» (2006), «Очевидная история: Проблемы визуальной истории России XX века» (2008), «Визуальная антропология: режимы видимости при социализме» (2009). Фотография, кинематограф, плакат, живопись, советская

---

⁴ Так описывает свой «опыт зрения» (рассматривания палехской шкатулки) советский писатель Ефим Вихрев (1901–1935), член литературной группы «Перевал». Вихрев 1930. С. 7. «Рыцарем Палеха» называет его Борис Пильняк, так как вся писательская работа и жизнь Е. Вихрева оказались связаны с Палехом. Пильняк 1936. С. 146, 220.

⁵ Беньямин 1983 [1931], С. 278–287.

⁶ Там же.

⁷ Например, см.: Mitchell 1986; Rotberg, Rabb, eds. 1988; Haskell 1993.

⁸ Например, см.: Burke 2001; Kivelson, Neuberger, eds. 2008; Jordanova 2012.

мода становятся объектом «рассматривания» в работах «визуальных» историков. Моё внимание привлёк ещё не включенный в этот корпус вид изобразительных источников — советская лаковая миниатюра⁹.

Обращение к лаковой миниатюре как источнику изучения советской визуальной культуры требует признания факта, что создание росписи на предметах из папье-маше не ограничивается декоративной функцией. Дневник Вальтера Беньямина или описание опыта «напряженного рассматривания» лаковой шкатулки, которое оставил Ефим Вихрев¹⁰, свидетельствуют в пользу такого утверждения. Немецкий философ и советский писатель видели на черной поверхности лака не только искусную работу, вызывающую эстетические переживания, но и сообщение об окружающей их реальности. Сюжет миниатюрной живописи всегда неслучаен: он включен в контекст современной ему визуальной культуры, укоренен в предшествующей художественной традиции, обусловлен экономическими интересами участников производства и т.д. Анализ и контекстуализация образов советской лаковой миниатюры позволяет нам приблизиться к опыту «узнавания» и «видения» новой социальной действительности, попытаться понять эпоху в представлении её современников.

Несмотря на доступность изданий с репродукциями миниатюрной живописи шкатулочных крышек, литература, в которой искусство художественных лаков рассмотрено в контексте социальной и культурной истории, ограничивается несколькими публикациями. В первую очередь стоит назвать монографию американского исследователя Эндрю Дженкса «Россия в шкатулке: искусство и идентичность в эпоху революции» (2005)¹¹. Он рассматривает историю художественных промыслов (до революции – иконописного, а после – лакового) в селе Палех в контексте поиска и визуальной репрезентации национальной идентичности, задачи, которая не теряла своей важности при смене политических режимов. Дженкс показывает, как в 1920-е годы бывшие иконописцы оказались активными участниками создания нового образа «русскости», через какие институты это «визуальное конструирование» национальной идеи контролировало государство, и какую роль в селекции образов играл рынок и вкусы потребителей.

Профессор Висконсинского университета в Мадисоне Ирина Шевеленко в настоящий момент работает над монографией «Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России».

---

⁹ Лаковая миниатюра — вид декоративно-прикладного искусства, представляющий собой производство изделий с художественной росписью на лакированных предметах из папье-маше. Роспись может быть исполнена масляными (Федоскино) или темперными красками (Палех, Мстёр, Холуй).

¹⁰ Вихрев 1930, С.7-10.

¹¹ Jenks 2005.

Может показаться, что исследовательские интересы автора далеки от изучения советской лаковой миниатюры. Однако, знакомство с её публикациями¹² помогает узнать о состоянии и проблемах иконописного промысла в начале XX в., что необходимо для понимания контекста трансформации центров религиозной живописи в советские артели «пролетарского искусства». Кроме того, И. Шевеленко обращается к анализу связи процесса переоценки наследия русского иконописания с возникновением архаизирующей эстетики в русском модернизме. Опыт знакомства с музейными фондами лаковой миниатюры позволяет мне предположить, что в советское время «архаизирующая эстетика» была характерна и для вновь открываемого, или «изобретаемого» как в случае с лаковой миниатюрой, декоративно-прикладного и народного искусства. Несмотря на призывы порвать с прошлым, лаковая миниатюра на протяжении всех этапов своего существования воспроизводила «русскую экзотику», сюжеты на фольклорные, крестьянские или «боярские» темы, которые пользовались экспортным спросом¹³. Важно и то, что Шевеленко использует аналитический аппарат понятия «изобретение традиции» (по Э. Хобсбауму) для установления связи между фактом признания иконописи как основания художественной традиции в России с развитием русского национализма в последние годы существования Российской империи. Вопрос о национальной идентичности и её художественном воплощении не был снят и с установлением социалистической идеологии, несмотря на первостепенность попыток конструирования «советскости» как идентичности гражданской.

Что касается искусствоведческой оптики, каталоги музеев и частных коллекций, как правило, имеют развернутую справку о лаковых промыслах в России. Одно из последних изданий, каталог предметов коллекции лаковой миниатюрной живописи Московского областного музея народных художественных промыслов в Федоскино (2015), содержит описания и шифры музейного фонда РФ для каждого предмета¹⁴. Хочется отметить не только грамотную и аккуратную работу составителей каталога по датировке и атрибуции лаковых миниатюр, но и практическую полезность издания для исследователя. Во-первых, каталог впервые делает видимыми зрителю предметы, не включенные в экспозицию музея, а хранящихся в его фондах. Во-вторых, наличие шифров делает обращение к визуальному источнику более точным, что особенно важно в работе с предметами массового художественного производства, где может существовать множество копий одной работы. Другой крупный просветительский и издательский проект посвящен советской тематике в лаковой миниатюре. Альбом «Агитлак» (2009),

---

¹² Например, см.: Шевеленко 2005. С. 141-183; 2013, С. 148-179.

¹³ Бакушинский 1933. С. 17.

¹⁴ Федоскино... Каталог музейных предметов... 2015.

составленный на основе коллекции адвоката Александра Добровинского, позволяет увидеть ранние работы миниатюристов, в которых они только начинают изучение революционной действительности через её художественное изображение¹⁵. Несмотря на то, что термин «агитлак» пришел из практики коллекционирования, он прижился и стал встречаться в академических текстах. Заслуживает внимания смелый подход к анализу советских лаков аспиранта Санкт-Петербургского государственного университета Дмитрия Лаврова. Он рассматривает типичные «агитационные образы» в их связи с иконописными каноническими образцами, которые воспроизводили художники лаковой миниатюры¹⁶.

В своем исследовании я ориентируюсь на подходы социальной и культурной истории. С одной стороны, невозможно понять логику развития лаковых промыслов, не разобравшись в том, как были устроены производства, кем были художники, работающие в артелях, какие отношения складывались у них между собой и с какими институтами власти они взаимодействовали, кто покупал шкатулки с лаковыми миниатюрами. С другой стороны, важно рассматривать результаты творчества художников в широком контексте культурных процессов советского времени. Безусловно, помимо систематизации и введения в научный оборот новых изобразительных источников, я полагаю, что результатом анализа образов лаковой миниатюры должно стать развитие современных представлений о формировании советской визуальной культуры, её технологиях, производителях, агентах и потребителях.

Медленное рассмотрение: о методологии визуальной истории

Исследователя, заинтересованного в работе с изобразительными источниками как историческими свидетельствами, подстерегает несколько специфических «призраков познания». Ольга Бойцова в рецензии на сборник «Picturing Russia: Explorations in Visual Culture» отмечает, что, к сожалению, нередки случаи, когда историки используют изображения «как повод для изложения фактических знаний автора или его теоретических построений»¹⁷. Это «вычитывание» в визуальном источнике уже известной из другого типа источников информации можно назвать методологической ошибкой, которая ограничивает эвристический потенциал работы с изобразительными свидетельствами.

Возможно, одна из причин подобного замешательства историка перед изображением – свойственный историографии текстоцентризм и, как следствие, недоверие к образу. Результатом этого является опасность объяснять визуальное исключительно как особый язык и пытаться разбирать его как текст, используя лингвистические категории.

---

¹⁵ Агитлак 2009; 2011.

¹⁶ Лавров 2014; 2015.

¹⁷ Бойцова 2011. С. 363-364.

Галина Орлова видит в таком подходе угрозу игнорирования исследователем самого зрения и практик, которые «задают условия возможности воспринимать и производить визуальные образы»¹⁸.

Другое препятствие связано с проблемой отбора источников исследования. Поражение в борьбе с этим «призраком» прежде всего ставит под сомнение выводы историков, обращающихся к массовым и тиражируемым видам изображений: фотографиям, плакатам, массовому искусству. У читателя возникает закономерный вопрос, почему автор строит свою аргументацию именно на этих примерах и игнорирует остальные? Подтверждаются ли заключения, к которым приходит исследователь в ходе своей работы, на основании других источников той же природы? Чтобы убедительно парировать эти вопросы, необходимо изначально обозначить принцип отбора свидетельств, используемых для построения системы аргументации. Иначе не исключена вероятность того, что тезис, защищаемый автором, первичен по отношению к материалу, который «подгоняется» под его интуицию.

Даже при соблюдении всех рекомендаций, анализ содержания изображения и его интерпретация представляет значительную сложность, ведь перед исследователем встает задача перевода визуального образа в вербальный текст. Изображение реализует заложенные в нем смыслы в нашем восприятии: транслируемые им значения не проговариваются смотрящим, а схватываются в их целостности. Поэтому общим местом в дискуссии о методах работы с визуальными источниками является обращение к проблеме границ и технологии перевода изобразительного художественного языка в вербальный. Как пишет Людмила Йорданова, историку необходимо развивать не только новые навыки «всматривания» в предмет, но и умение живо, точно и убедительно его описывать¹⁹. Однако язык описания, разработанный в искусствоведении, не позволяет решать специфические задачи исторического анализа: развернутые описания стилистических особенностей, техники исполнения, композиции и прочих характеристик изображения, которыми интересуется история искусства, могут быть избыточными в конкретно-исторических исследованиях, усложняя их структуру и затрудняя движение к решению поставленных проблем. Переход от рассматривания к описанию требует освоения новых «приемов речевой выразительности», адекватных академическому языку. Помня о том, что изображение всегда обладает менее ясным значением в сравнении со словом и открыто для большего числа толкований, исследователь пытается не потерять конкретики, но и не допустить значительных деформаций смысла при его переводе из визуального регистра в вербальный.

---

¹⁸ Орлова 2009, С. 68

¹⁹ Jordanova 2011, P. 33.

Одну из известных моделей работы с изображениями предложил Эрвин Панофски, выделив в произведении искусства три уровня, каждый из которых должен быть последовательно эксплицирован²⁰. Логика исследователя движется от доиконографического уровня (феноменального, отсылающего к простому чувственному опыту) к иконографическому, предполагающему отождествление изображения с известным событием или литературным сюжетом. Завершает процедуру иконологическая интерпретация, когда субъект анализа делает попытку установить «основополагающие принципы, характерные для определенной нации, эпохи, общественного строя, религиозных и философских убеждений», которые были восприняты художником и отразились в его произведении²¹. Согласно Панофски, благодаря этой технике, возможно выявить в визуальном неосознаваемом его автором «сущностные смыслы», воплощающие «дух эпохи». Несмотря на последующую критику, предложенный исследователем подход остается одним из наиболее популярных приемов работы с изображениями²².

Интересно отметить, что авторы, работающие с визуальными свидетельствами, приходят к выводу, что создать универсальный метод работы с изобразительными источниками невозможно²³. Помимо инварианта сопоставимого с классической критикой письменных источников, любой новый материал будет требовать уникальных процедур анализа. Методология исследования, таким образом, вырастает «изнутри», а не представляет собой предзаданную схему действий. По мнению Л. Йордановой, практический опыт интерпретации имеет большую ценность в анализе, чем изначальная презумпция определенной теории²⁴. Она настаивает на том, что применительно к практике анализа визуальных источников правильнее говорить о «подходе», а не о «методе». Чтобы научиться «размышлять глазами» (to think with smb eyes), нет ничего лучше знакомства с «убедительными подходами» к работе с изобразительными свидетельствами. В качестве такового Йорданова приводит «пионерскую» работу Майкла Баксандалла «Живопись и опыт в Италии XV века», посвященную вопросу связи стилевых особенностей изображения с социальными процессами эпохи²⁵. С одной стороны, пишет Йорданова, Баксандалл последователен и методологичен, но его метод «скроен» (tailored) с учетом места, времени, типа, материала, основных интеллектуальных категорий времени²⁶. Исследова-

---

²⁰ Panofsky 1939.

²¹ Панофски 2009. С. 32.

²² Гинзбург 2004. С.51-132.

²³ Например, Burke 2001; Jordanova 2012.

²⁴ Jordanova 2011. P. 30-47.

²⁵ Baxandall 1972.

²⁶ Jordanova 2011. P. 34-35.

тель привлекает большое количество источников разных типов для комментирования изображений и их контекстуализации на фоне интеллектуальной жизни эпохи, восстанавливая тем самым «условия их видимости». Визуальные источники в этом случае, как пишет Игорь Нарский, важны тем, что могут распалить любопытство и спровоцировать трудоемкий исследовательский процесс, в котором будут задействованы все доступные типы свидетельств²⁷.

Социологический подход и контекстуализация визуального источника обращают внимание исследователя не только на интерпретацию образного содержания, но и на обстоятельства создания, распространения и потребления изображений. Чем больше мы сможем узнать об обстоятельствах создания источника, его авторе, заказчике, истории владения, тем большая точность интерпретации содержания данного визуального сообщения окажется возможной. Например, при анализе образов лаковой миниатюры важно отличать «творческие работы» мастеров от производимой артелями массовой продукции («массовки»), так как принципы их создания и распространения, как и потребители, существенно различались. О значении подобной оптики замечательно написала Л. Йорданова²⁸. Она напоминает историку о том, что мир в действительности дан нам нерасчлененным, и только практика историографии разделяет свидетельства прошлого на различные типы. По мнению автора, для понимания прошлой социальной реальности нам следует обратиться к восстановлению её многомерной картины, что возможно при обращении к различным типам свидетельств.

«Портновская» метафора в подходах к анализу визуальных источников может быть продолжена упоминанием проекта Аби Варбурга (1866–1929), который получил название «Атлас “Мнемозина”». Интересом немецкого историка искусства было сопоставление образов, объединенных «формулами патоса», устойчивыми мотивами в изображении поз, жестов и эмоциональных состояний героев, которые наследовались европейским искусством эпохи Ренессанса и Нового времени от античности. Следуя своему методу, Варбург отказался от географического и хронологического принципа систематизации изображений и создал аналитический инструмент, позволяющий исследовать «влияние античности на формирование языка образной выразительности в последующие эпохи»²⁹. «Разрезая» хронологию истории искусства и объединяя образы различной природы (в свою «коллекцию» Варбург включал как репродукции картин признанных живописцев, так и вырезки из газет и журналов начала XX века), он наблю-

---

²⁷ Нарский 2008, С. 70.

²⁸ Jordanova 2012, P. 4-6.

²⁹ Торопыгина 2013, С. 16.

дал динамику символического содержания изображаемого при сохранении формального единства «формулы выражения страсти».

Могут ли «ножницы Аби Варбурга»³⁰ оказаться полезными исследователю, работающему с визуальными свидетельствами, не превратив его при этом в историка «ножниц и клея» (по Р. Коллингвуду)? Достаточно ли «острыми» они остаются спустя почти века использования? Адаптируя варбургинский подход к практике, следует отметить, что образные ряды возможно выстраивать как в синхроническом, так и в диахроническом отношении между элементами. Если в случае с лаковой миниатюрой наша задача состоит в том, чтобы увидеть образ на шкатулочной крышке в контексте советской визуальной культуры, то мы будем искать в других типах художественного производства похожие мотивы. Если же нас интересует вопрос о заимствованиях или влиянии на конкретный образ и практику художника предшествующей традиции, мы будем решать проблему поиска источника и причин «переселения» тех или иных изобразительных мотивов. Например, как пишет Дмитрий Лавров о художниках-миниатюристах из Палеха, «в ходе становления и развития лакового промысла палешане обращались к наследию самых разных эпох – от иллюстраций Г. Доре до средневековой персидской миниатюры». Выявление этих первоисточников, по мнению Лаврова, зачастую «затруднено сложным напластованием и творческим изменением изобразительных форм»³¹.

Одно из достоинств построения образных рядов заключается в том, что этот подход позволяет «занимать разумную дистанцию по отношению к лингвистически ориентированным моделям анализа», а именно это условие Г. Орлова называет необходимым для реализации проекта визуальных исследований «советского»³². Обнаружение связей образов лаковой миниатюры с изображениями, созданными в различных пространствах производства визуального, свидетельствует в пользу признания лаковой миниатюры одним из источников изучения советской визуальной культуры.

«Советская мадонна с папиросами»: опыт реконструкции образа

Одним из лаковых изделий, которые Вальтер Беньямин приобрел во время своего пребывания в Москве в январе 1927 года, была «довольно большая шкатулка, на крышке которой на черном фоне была изображена продавщица сигарет. Рядом с ней тоненькое деревце, а под ним мальчик». Среди сцен деревенского быта, троек, «селян у самовара, жниц и лесорубов за работой» этот сюжет Беньямин опреде-

---

³⁰ По названию одной из лекций К. Гинзбурга, с которыми он выступал в Москве в июне 2015 года.

³¹ Лавров 2015. С. 721.

³² Орлова 2009. С. 67.

лил как «совсем новый», ведь на фартуке продавщицы написано «Моссельпром»³³. В своем очерке «Москва», над которым он работал для журнала «Die Kreatur» по заказу Мартина Бубера, немецкий философ назовет это изображение советской «Мадонной с папиросами»³⁴.

Этот случай кажется мне удачным началом разговора о лаковой миниатюре как историческом источнике изучения советской визуальной культуры. Что увидел под слоем лака В. Беньямин, открывший для себя миниатюрную живопись, блуждая по замерзшим улицам Москвы в юбилейный год революции? Что видел в том же сюжете советский зритель? Что мы видим теперь? Рассуждая в традиции визуальной истории, мы должны признать, что ответы на эти три вопроса будут различны. То, что мы видим в живописном изображении шкатулочной крышки не эквивалентно зрительскому опыту наблюдателя из 1920-х гг.; очевидное спустя время может стать невидимым. Если зрительный аппарат человека как биологического существа едва ли претерпел существенные изменения за прошедшие сто лет, то «линзы» культуры, которые в конечном итоге и обуславливают нашу способность «видеть», различаются весьма значительно. Так как проблема данной статьи состоит в том, чтобы показать релевантность лаковой миниатюры как источника изучения визуальной культуры советской эпохи, центральным вопросом будет – что видел и мог видеть на лаковой миниатюре человек в 1920–1930-е гг., как он смотрел на неё и почему?

Я не теряю надежды найти в архивных документах эскиз или фотографию шкатулки с лаковой миниатюрой, которую Беньямин приобрел в Москве. Это задача отдельного архивного исследования. Пока у нас есть только эксфразис, описание этого изображения, зафиксированное владельцем в его дневнике. Проведем мысленный эксперимент и попробуем реконструировать визуальный образ, который мог быть воспроизведен на шкатулочной крышке.

Несмотря на то, что изображение, о котором пойдет речь, не дано нам в чувственном опыте, и потому, в строгом смысле, не является «визуальным» источником, цель такого упражнения состоит в обнаружении обеспечивающих целостность визуальной культуры эпохи связей, в которые оно было включено. Пусть читателя не смущает гипотетический характер наших предположений: следует признать, что свидетельства, в которых бы содержалось непосредственное описание опыта видения, обнаруживаются крайне редко. Следовательно, реконструкция того, как образ воспринимался в прошлом требует от историка не феноменального знакомства с изображением, но понимания контекста его возникновения и бытования.

---

³³ Беньямин 2012. С. 124

³⁴ Беньямин 2012. С. 231.

В воображении Бенямина изображение женщины на шкатулочной крышке оказалось связано с рядом секуляризированных образов Мадонны, несомненно знакомых немецкому интеллектуалу по работам его современников, немецких художников-авангардистов. Но такое прочтение могло принадлежать и образованному советскому гражданину: обращение к образу матери, связанному с иконографией Девы Марии, характерно и для искусства русского модернизма³⁵. Как отмечает Ирина Шевеленко, «прослеженная современными исследователями экспансия элементов иконописных техник и образных заимствований в русском экспериментальном искусстве всех направлений стала формой декларирования им своей новой родословной». Открытие в начале XX века «эстетического измерения» иконописи совпало со стремлением художественной элиты утвердить независимость современного русского изобразительного искусства от западной традиции. Именно в иконе модернисты обнаружили источник своих художественных экспериментов, восстановив тем самым «единство русской художественной истории». Результатом этого «удревления» была возможность говорить о русской художественной культуре как культуре древней, «равной среди равных в семье западноевропейских традиций». Икона, благодаря открытию её художественной значимости в авангардном искусстве, «была секуляризирована и эстетизирована», что позволило сохранить за ней статус высокого искусства даже в советское время, несмотря на меры антирелигиозной политики³⁶.

Обнаружить близость изображения на шкатулочной крышке к традициям иконного письма мог и менее «насмотренный» зритель. Бывшие иконописцы, а с 1924 г. мастера «Артели древней живописи» села Палех, во второй половине 1920-х гг. упорно пытались превратить «отжившее иконописное ремесло в полезное пролетариату искусство»³⁷. Владея техникой росписи темперными красками, миниатюристы начинают применять иконописную стилистику изображения к новой «советской тематике». Они сохраняли технику росписи, колорит, композиционные решения, проработку отдельных деталей, пластику фигур. Иконописный стиль, несомненно, оставался узнаваемым, даже когда автор брался за изображение современной темы, например, революционных сюжетов, смывки, подвигов индустриализации. Искусствовед А.В. Бакушинский настраивал мастеров, что традиционный иконописный стиль – самое ценное для палехского нового дела³⁸. В связи с вышеизложенным, не исключено, что человек, которому шкатулка

---

³⁵ См. работы К.С. Петрова-Водкина «Мать» (1915), «1918 год в Петрограде» («Петроградская мадонна») (1920), «Материнство» (1925).

³⁶ Шевеленко 2013.

³⁷ Вихрев 1934. С. 156.

³⁸ Зиновьев 1975. С. 67.

мастера из Палеха попалась бы на глаза, разгадал бы иконное прошлое нового образа. Это «сплавление» иконописного стиля с советской тематикой, помогает нам сегодня увидеть особый, гибридный характер советской визуальной культуры, которая продолжала ассимилировать и воспроизводить прошлую художественную традицию, несмотря на призывы к её преодолению.

Изображение женщины с фанерным лотком для выкладки папирос могло вызвать в сознании человека 1920-х гг. и другую ассоциацию. Возможно, советский зритель узнал бы в нём Зину Весенину, «Папиросницу от Моссельпрома», героиню одноименного фильма режиссера Юрия Желябужского, вышедшего на экраны в декабре 1924 г. Эта советская бытовая комедия построена вокруг сатирического сюжета времен нэпа: в торгующую на улицах Москвы папиросницу (Юлия Солнцева) влюбляется неуклюжий бухгалтер Никодим Митюшин (Игорь Ильинский), франтоватый кинооператор Латугин (Николай Церетелли) и американский коммерсант Оливер Мак-Брайт (Марк Цибульский).

О популярности фильма косвенно свидетельствуют несколько фактов. Во-первых, успех «Папиросницы от Моссельпрома» был гарантирован участием уже известных зрителю по фильму «Аэлита» (реж. Я. Протазанов) актеров: Юлии Солнцевой, Николая Церетелли и Игоря Ильинского. Последний вскоре утвердил свой талант в амплу комедийного актера главной ролью в фильме «Закройщик из Торжка» (реж. Я. Протазанов). Во-вторых, неизбежной популярности картины способствовал дефицит в прокате отечественных фильмов. По данным, приведенным в журнале «Советское кино» за 1927 г., в марте 1925 г. недавно созданная организация «Совкино»³⁹ выпускала в прокат только 13% советских фильмов, остальные кинокартины были заграничного производства⁴⁰. В вологодской газете «Красный север» от 19 августа 1926 г. можно найти небольшую заметку о повторном прокате «Папиросницы от Моссельпрома»⁴¹. Её автор отмечает, что «картина смотрится с интересом. В ней с большим остроумием и подлинным комизмом возводится целая галерея типов современной Москвы. <...> Остроумная, полная здорового юмора и свежести “Папиросница от Моссельпрома” больше выигрывает от сопоставления с идущей с ней в один сеанс картиной “Сын притона” – типичной заграничной “кинопродукцией”, рассчитанной на сентиментально-слезливые вкусы ме-

---

³⁹ В задачи Всероссийского фотокинематографического акционерного общества «Советское кино» («Совкино»), организованное постановлением СНК РСФСР от 13 июня 1924 г., входило идеологическое руководство советским кинематографом, производство и контроль над производством кинофильмов, организация кинопроката на территории СССР и импорт советских кинокартин.

⁴⁰ Цит. по: Жданова 2014.

⁴¹ Газета «Красный север» 19 августа 1926. С. 8

щанской публики». Но именно за «европейско-буржуазную идеологию» и отсутствие какого-либо «признака новой рабоче-крестьянской России» Вс. Мейерхольд клеймит картину в резкой рецензии, где открыто называет фильм «дрянью», предназначенной для удовлетворения мещанских вкусов⁴². Возможно, что заимствование отдельных сюжетных ходов и ориентация на западные образцы делали «Папиросницу» понятной иностранному зрителю: в 1926 г. картина в ряду 38 советских фильмов была продана для заграничного проката⁴³.

Ни одна из афиш к фильму «Папиросница из Моссельпрома» не подходит под описание изображения на лаковой шкатулке, которую приобрел Беньямин. Дневниковая запись свидетельствует, что надпись «Моссельпром», обозначающая принадлежность изображенной женщины к служащим Московского треста по переработке сельскохозяйственной продукции, была нанесена на фартук продавщицы. Однако, в самом фильме и в афишах к нему мы видим эту надпись на кеппи «папиросницы». В воспоминаниях 1920-х гг. имеются упоминания именно об этом атрибуте униформы заплывших улицы Москвы лоточников⁴⁴. Кеппи с надписью «Моссельпром» на появившихся «как грибы после дождя» уличных торговцах, стали опознаваемым визуальным знаком перемен, происходящих в городской повседневности Москвы.

Обнаружение связи стилистических приемов ранних образцов искусства лаковой миниатюры и плакатной графики определяет дальнейшее направление поисков соответствия между эксфразисом Беньямина и изображениями, известными зрителю 1920-х гг.⁴⁵ В 1927 г. был напечатан рекламный плакат Моссельпрома «Табачные изделия», подготовленный художником Михаилом Булановым. На нем изображена улыбающаяся лоточница, на её голове красуется фирменное кеппи, но и на белоснежном фартуке красными буквами вышито «Моссельпром». Таким образом, мы получаем еще одно подтверждение что униформа лоточников и её изображение были частью советской визуальной культуры, сообщением, понять значение которого мог каждый горожанин, независимо от своего образования.

О влиянии визуального языка плаката на практику миниатюристов, работающих с папье-маше, можно судить по экспонатам Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. Одной из определяющих черт советской плакатной графики 1920-х гг. было освоение метода монтажа изображений. Целостный образ «монтажного плаката» создавался благодаря комбинации отдельных фрагментов, существенно различавшихся по размеру, фактуре, стилистике,

---

⁴² Журнал «Жизнь искусства» 20 января 1925. С.2

⁴³ Жданова 2014.

⁴⁴ Например, см.: Маркус 1999; Булгаков 2005 [1923]; Федосюк 2011.

⁴⁵ Котов 1960. С. 6-10.

«точкам зрения» наблюдателя⁴⁶. Среди работ в коллекции ВМДПИ, где ясно прослеживаются попытки адаптировать методы монтажа, – шкатулка «В.С.Р.К.Х. (Всероссийский союз работников коммунального хозяйства)», выполненная художником С.М. Карповым в 1925 г. В центре композиции – женщина в красной косынке, с перекинутой через плечо кондукторской сумкой, в левой руке она держит дощечку с разноцветными билетами. Слева от нее, под уличными часами, изображена женщина с белой тростью, над которой склонился мужчина-контролер. Справа – столб с табличкой, которая, видимо, информирует горожан о расписании движения транспорта. Рядом с героиней – огромный знак В.С.Р.К.Х., на котором изображен трамвай одного из старейших в Москве «6» маршрута. В экспликации к выставленному предмету указано, что работа была выполнена в Кустарном музее, а значит и по его заказу. Возможно, зимой 1927 г. Вальтер Беньямин приобрел в музее шкатулку именно авторства С.М. Карпова из серии работ, посвященной появившимся в 1920-е гг. рабочим союзам.

Как уже было сказано, установить непосредственный источник (если таковой имеется) визуального образа, повторенного в лаковой миниатюре, довольно трудно, если речь не идет о прямом цитировании или копировании. Свою задачу я видела в том, чтобы определить «визуальное соседство» или возможные контексты существования изображения на шкатулочной крышке, описание которого оставил в своем дневнике Беньямин. Благодаря поиску схожих образов в различных медиа, свойственных визуальной культуре рассматриваемого периода, мы можем увидеть, что изображение лаковой миниатюры включено в «визуальность» эпохи. Его появление обусловлено не только желанием художника или полученным заказом, но определенной рефлексией, как индивидуальной, так и групповой, над происходящими изменениями в социальной структуре и городской повседневности.

Итак, в поле нашего внимания помимо самого образа попадает и совокупность контекстов, в которых он существовал. Рассуждая о произведении искусства как источнике изучения прошлого И. Нарский отмечает, что объект может «осветить среду, из которой он происходит», т.е. стать источником для её изучения. При этом, безусловно и сама среда оказывает влияние на форму и содержание произведения⁴⁷. Установление и признание этой каузальной связи в отношении предметов лаковой миниатюры позволяет говорить о том, что изображения на шкатулочных крышках, с одной стороны, являлись продуктом рефлексии «советского», в которую включались художники, а с другой – оказывали структурирующее действие на реальность, например, выде-

---

⁴⁶ Кукулин 2015. С. 102-139.

⁴⁷ Нарский 2008. С. 70.

ля в ней специфические типы персонажей-участников и практики взаимодействия в новой социальной системе. Эти изображения можно рассматривать как «нарисованное мнение», в которых нашла отражение коллективная конвенция о «советском».

Образы лаковой миниатюры, с одной стороны, обусловлены массовыми представлениями, а с другой – формируют их, так как тиражируются и становятся частью обыденного опыта людей эпохи. Более того, как справедливо пишет П. Берк, визуальные свидетельства документируют не столько социальную действительность, сколько социальные иллюзии, не повседневную жизнь, а специфические о ней представления⁴⁸. Именно поэтому лаковая миниатюра в ряду других визуальных источников так важна для тех, кто задается вопросом о понимании и репрезентации «советского».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агитлак: советская агитационная лаковая миниатюра из коллекции Александра Добровинского / сост. Евгения Гершкович. М.: Искусство-XXI век, 2011. 367 с.
- Бакушинский А.В., Масленников Н.Н.* Русские художественные лаки. М.: Всекохудожник, 1933. 31 с.
- Беньямин В.* Московский дневник / пер. с нем. С. Ромашко. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 264 с.
- Беньямин В.* Я распаковываю свою библиотеку (речь собирателя книг) / Пер. с нем. Н. Тишковой // Человек читающий. НОМО LEGENS. Писатели XX века о роли книги в жизни человека и общества / Сост. С.И. Бэлза. М.: Прогресс, 1983. С. 278–287.
- Бойцова О.* Рец. на кн.: *Picturing Russia: Explorations in Visual Culture* / eds. by V. Kivelson, J. Neuberger. New Haven; L.: Yale UP, 2008. 284 p.; Русский комикс: Сб. статей / сост. Ю. Александрова и А. Барзаха. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 352 с. // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 362-370.
- Булгаков М.А.* Собрание сочинений: в 5 т. М.: Литература; Престиж книга, 2005. Т. 5: Рассказы и фельетоны. 560 с.
- Визуальная антропология. Режимы видимости при социализме / под ред. Е. Ярской-Романовой, П. Романова. М.: Вариант, 2009. 448 с.
- Вихрев Е.* Палех. М.: Издательское товарищество «Недра», 1930. 185 с.
- Вихрев Е.* Палешане. Записки палехских художников о их жизни и творчестве, написанные летом 1932 года и иллюстрированные ими самими. М.: Московское товарищество писателей, 1934. 400 с.
- Гинзбург К.* Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М.: «Новое издательство», 2004. 348 с.
- Жданова В.А.* Пункт назначения. О вопросах экспорта-импорта фильмов и соотношении с зарубежным кинематографом в 1920-е годы // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 7. URL: <http://human.snauka.ru/2014/07/7370>
- Жданова В.А.* Шагнуть с экрана. О советском кинопроцессе 1920-х – начала 30-х годов. Просветительская деятельность «Совкино» // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2013/10/4023>
- Зиновьев Н. М.* Искусство Палеха Л.: Художник РСФСР, 1975. Изд. 2-е. 248 с.
- Зонтаг С.* Мысль как страсть. Избранные эссе 1960-70-х годов. / пер. с англ. Б. Дубина. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 208 с.
- Кино. В Доме искусств // Газета «Красный север». 1926. 19 авг. С. 8.

⁴⁸ Burke 2001. P.28.

- Кукулин И.В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 536 с.
- Лавров Д.Е. «Град социализма» как агитационный образ в палехской миниатюре 1930–1970-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. СПб., 2014. С. 90–101.
- Лавров Д.Е. Античные влияния в произведениях палехской лаковой миниатюры // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 5. / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. СПб.: НП-Принт, 2015. С. 721–724.
- Маркус Б.С. Московские картинки 1920–1930-х гг. М.: Эксмо, 1999. 234 с.
- Мейерхольд Вс. Папиросница от Моссельпрома // Журнал «Жизнь искусства». 1925. № 3 (20 янв.). С. 2.
- Нарский И.В. Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького) / Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия / под ред. И. Козыревой. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 55–74.
- Орлова Г. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Ярославской-Смирновой, П.В. Романова. М.: «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 57–104.
- Оче-видная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия / под ред. И. Козыревой. Челябинск: Каменный пояс, 2008. 480 с.
- Панюковский Э. Этюды по иконологии. СПб.: Азбука-классика, 2009. 432 с.
- Пильняк Б. Созревание плодов. Москва: Гослитиздат, 1936. 291 с.
- Советская власть и медиа / Под ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсген. СПб.: Академический проект, 2006. 621 с.
- Советская тема в искусстве Палеха. Каталог выставки 1958 года / Сост. В. Котов. Иваново: Книжное изд-во, 1960. 64с.
- Торопыгина М.Ю. Атлас «Мнемозина». Non finito в истории искусства // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Материалы международной конференции молодых специалистов на историческом факультете МГУ 24–27 ноября 2011 г. СПб., 2012. С. 314–320.
- Федоскино. Московский областной музей народных художественных промыслов. Каталог музейных предметов коллекции лаковой миниатюрной живописи. М.: Издательство «Лето», 2015. 193 с.
- Федосюк Ю. А. Утро красит нежным светом... Воспоминания о Москве 1920–1930-х годов. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 240 с.
- Чижов М.С. Среди миниатюристов. Записки федоскинского мастера / под ред. Б.И. Коромылова. Л.: Художник РСФСР, 1982. 264 с.
- Шевеленко И.Д. «Суздальские богомазы», «новгородское кватроченто» и русский авангард // Новое литературное обозрение. 2013. № 6. С. 148–179.
- Шевеленко И.Д. Модернизм как архаизм: национализм, русский стиль и архаизирующая эстетика в русском модернизме // Wiener Slawistischer Almanach. 2005. Bd. 56. S. 141–183.
- Art and History: Images and their meanings / eds. by R. Rotberg and T. Rabb. Cambridge University Press, 1988. 316 p.
- Baxandall M. Painting and experience in fifteenth century Italy. Oxford: Clarendon Press, 1972. 192 p.
- Burke P. Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence. London: Reaktion Books, 2001. 223 p.
- Haskell F. History and its images. New Haven: Yale University Press, 1993. 558 p.
- Jenks A.L. Russia in a Box: Art and Identity in an Age of Revolution. Northern Illinois University Press, 2005. 274 p.
- Jordanova L. Approaching Visual Materials // Research methods for history / eds. by S. Gunn. Edinburgh: Univ. Press, 2011. P. 30–47.

- Jordanova L.* The Look of the Past. Visual and Material Evidence in Historical Practice. Cambridge University Press, 2012. 263 p.
- Mitchell W.* Iconology. Image, Text, Ideology. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 236 p.
- Panofsky E.* Studies in Iconology: Humanist Themes in the Art of the Renaissance. Oxford University Press, 1939. 262 p.
- Picturing Russia: Explorations in Visual Culture. / eds. by V. Kivelson, J. Neuberger. New Haven; L.: Yale University Press, 2008. 284 p.

REFERENCES

- Agitlak: sovetskaja agitacionnaja lakovaja miniatjura iz kolekcii Aleksandra Dobrovinskogo / sost. Evgenija Gershegovich. M.: Iskusstvo-XXI vek, 2011. 367 s.
- Bakushinskij A. V., Maslennikov N. N.* Russkie hudozhestvennye laki. M.: Vsekhudozhnik, 1933. 31 s.
- Ben'jamin V.* Moskovskij dnevnik / per. s nem. S. Romashko. M.: OOO «Ad Marginem Press», 2012. 264 s.
- Ben'jamin V.* Ja raspakovyvuju svoju biblioteku (rech' sobiratelja knjig) / Per. s nem. N. Tishkovej // Chelovek chitajushhij. HOMO LEGENS. Pisateli XX veka o roli knjigi v zhizni cheloveka i obshhestva / Sost. S. I. Bjelza. M.: Progress, 1983. S. 278-287.
- Bojцова O.* Rec. na kn.: Picturing Russia: Explorations in Visual Culture / eds. by V. Kivelson, J. Neuberger. New Haven; L.: Yale University Press, 2008. 284 p.; Russkij komiks: Sb. statej / sost. Ju. Aleksandrova i A. Barzaha. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 352 s. // Antropologicheskij forum. 2011. № 15. S. 362-370.
- Bulgakov M.A.* Sobranie sochinenij: v 5 t. M.: Literatura; Prestizh kniga, 2005. T. 5: Rasskazy i fel'etony. 560 s.
- Vizual'naja antropologija. Rezhimy vidimosti pri socializme / pod red. E. Jarskoj-Romanovoj, P. Romanova. M.: Variant, 2009. 448 s.
- Vihrev E.* Paleh. M.: Izdatel'skoe tovarishhestvo «Nedra», 1930. 185 s.
- Vihrev E.* Paleshane. Zapiski palehskih hudozhnikov o ih zhizni i tvorcestve, napisannye letom 1932 goda i illjustrirovannye imi samimi. M.: Moskovskoe tovarishhestvo pisatelej, 1934. 400 s.
- Ginzburg K.* Mify-jemblemj-primety: Morfologija i istorija. M.: «Novoe izdatel'stvo», 2004. 348 s.
- Zhdanova V.A.* Punkt naznachenija. O voprosah jeksporta-importa fil'mov i sootnoshenii s zarubezhnym kinematografom v 1920-e gody // Gumanitarnye nauchnye issledovanija. 2014. № 7. URL: <http://human.snauka.ru/2014/07/7370>
- Zhdanova V.A.* Shagnut' s jekrana. O sovetskom kinoprocesse 1920-h – nachala 30-h godov. Prosvetitel'skaja dejatel'nost' «Sovkino» // Gumanitarnye nauchnye issledovanija. 2013. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2013/10/4023>
- Zinov'ev N. M.* Iskusstvo Paleha L.: Hudozhnik RSFSR, 1975. Izd. 2-e. 248 s.
- Zontag S.* Mysl' kak strast'. Izbrannye jesse 1960-70-h godov. / per. s angl. B. Dubina. M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1997. 208 s.
- Kino. V Dome iskusstv // Gazeta «Krasnyj sever». 1926. 19 avg. S. 8.
- Kukulin I.V.* Mashiny zashumevshego vremeni: kak sovetskij montazh stal metodom neoficial'noj kul'tury. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 536 s.
- Lavrov D.E.* «Grad socializma» kak agitacionnyj obraz v palehskoj miniatjure 1930-1970-h godov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Ser.2: Istorija. SPb., 2014. S. 90-101.
- Lavrov D.E.* Antichnye vlijanija v proizvedenijah palehskoj lakovoj miniatjury // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statej. Vyp. 5. / Pod red. S.V. Mal'cevoj, E.Ju. Stanjukovich-Denisovoj, A.V. Zaharovoj. SPb.: NP-Print, 2015. S. 721–724.
- Markus B.S.* Moskovskie kartinki 1920-1930-h gg. M.: Jeksmo, 1999. 234 s.
- Mejerhold Vs.* Papirosnica ot Mossel'proma // Zhizn' iskusstva. 1925. № 3 (20 janv.). S. 2.
- Narskij I.V.* Problemy i vozmozhnosti istoricheskoj interpretacii semejnoj fotografii (na primere detskoj fotografii 1966 g. iz g. Gor'kogo) / Oche-vidnaja istorija. Problemy vizual'noj

- istorii Rossii HH stoletija / pod red. I. Kozyrevoj. Cheljabinsk: Kamennyj pojas, 2008. S. 55-74.
- Orlova G.* «Karty dlja slepyh»: politika i politizacija zrenija v stalinskuju jepohu // Vizual'naja antropologija: rezhimny vidimosti pri socializme/ pod red. E. Jarskoj-Smirnoj, P.V. Romanova. M.: «Variant», CSPGI, 2009. S. 57-104.
- Oche-vidnaja istorija. Problemy vizual'noj istorii Rossii XX stoletija / pod red. I. Kozyrevoj. Cheljabinsk: Kamennyj pojas, 2008. 480 s.
- Panofskij Je.* Jetjudy po ikonologii. SPb.: Azbuka-klassika, 2009. 432 s.
- Pil'nyak B.* Sozrevanie plodov. Moskva: Goslitizdat, 1936. 291 s.
- Sovetskaja vlast i media / Pod red. H. Gjuntera, S. Hjensgen. SPb.: Akademicheskij proekt, 2006. 621 s.
- Sovetskaja tema v iskusstve Paleha. Katalog vystavki 1958 goda / Sost. V. Kotov. Ivanovo: Knizhnoe izd-vo, 1960. 64s.
- Toropygina M.Ju.* Atlas «Mnemozina». Non finito v istorii iskusstva // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. Materialy mezhdunarodnoj konferencii molodyh specialistov na istoricheskom fakul'tete MGU 24-27 nojabrja 2011 g. SPb., 2012. S. 314-320.
- Fedoskino. Moskovskij oblastnoj muzej narodnyh hudozhestvennyh promyslov. Katalog muzejnyh predmetov kolekcii lakovoj miniatjurnoj zhivopisi. M.: Izdatel'stvo «Leto», 2015. 193 s.
- Fedosjuk Ju. A.* Utro krasit neznyim svetom... Vospominanija o Moskve 1920–1930-h godov. M.: FLINTA: Nauka, 2011. 240 s.
- Chizhov M.S.* Sredi miniatjuristov. Zapiski fedoskinskogo mastera / pod red. B.I. Koromyslova. L.: Hudozhnik RSFSR, 1982. 264 s.
- Shevelenko I.D.* «Suzdal'skie bogomazy», «novgorodskoe kvatrochento» i russkij avangard // Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. №6. S.148-179.
- Shevelenko I.D.* Modernizm kak arhaizm: nacionalizm, russkij stil' i arhaizirujushhaja jestetika v russkom modernizme // Wiener Slawistischer Almanach. 2005. Bd. 56. S. 141-183. Art and History: Images and their meanings / eds. by R. Rotberg and T. Rabb. Cambridge University Press, 1988. 316 p.
- Baxandall M.* Painting and experience in fifteenth century Italy. Oxford: Clarendon Press, 1972. 192 p.
- Burke P.* Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence. London: Reaktion Books, 2001. 223 p.
- Haskell F.* History and its images. New Haven: Yale University Press, 1993. 558 p.
- Jenks A.L.* Russia in a Box: Art and Identity in an Age of Revolution. Northern Illinois University Press, 2005. 274 p.
- Jordanova L.* Approaching Visual Materials // Research methods for history / eds. by S. Gunn. Edinburgh: Univ. Press, 2011. P. 30-47.
- Jordanova L.* The Look of the Past. Visual and Material Evidence in Historical Practice. Cambridge University Press, 2012. 263 p.
- Mitchell W.* Iconology. Image, Text, Ideology. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1986. 236 p.
- Panofsky E.* Studies in Iconology: Humanist Themes in the Art of the Renaissance. Oxford University Press, 1939. 262 p.
- Picturing Russia: Explorations in Visual Culture / eds. by V. Kivelson, J. Neuberger. New Haven; L.: Yale University Press, 2008. 284 p.
- Березина Елизавета Сергеевна, аспирантка Школы исторических наук НИУ Высшая школа экономики (Москва); стажер-исследователь ИПИТИ им. А.В. Полежаева; eliz.berezina@gmail.com*

“Looking Closely at the Lid of the Box”**Lacquer Miniatures as a Source for a Study of Soviet Visual Culture**

Studies of Soviet visual culture introduce new pictorial sources into historical practice. Among them, soviet lacquer miniatures merit closer attention. This article examines the relevancy of these images by means of inclusion of a certain miniature image into the broad representation of the depicted phenomenon in different types of artistic production. Such an approach confirms the hypothesis that the images on a lacquer lid not only had an ornamental value but also were involved in the processes of description and structuring of the Soviet reality.

Keywords: Soviet visual culture, visual historical sources, Soviet lacquer miniature, Soviet applied decorative art, representation of “Sovietness”

Elizaveta Berezina, PhD student, School of historical sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow), research assistant at Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI); eliz.berezina@gmail.com

---

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Г. В. ШПАК

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ И КОГНИТИВНО-РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ТРАВЕЛОГОВ Г. Ф. МИЛЛЕРА

В статье на примере травелогов Г.Ф. Миллера рассматриваются особенности репрезентации пространственно-временных категорий во второй половине XVIII в. Путем сравнения текстов Г.Ф. Миллера и Н.М. Карамзина удастся выявить различия, говорящие о смене рецептивной парадигмы в России конца XVIII столетия.

Ключевые слова: травелог, репрезентация пространства и времени, Г.Ф. Миллер

Г.Ф. Миллер оставил достаточно большой комплекс произведений различной тематики, но мы остановимся только на травелогах или, как он сам их называет, «путевых примечаниях» или «описаниях путешествий».

К XVIII в. в Европе травелог становится общепризнанным жанром. Путешественник мог неплохо заработать на издании книг своих странствий. Одним из таких путешественников был Джон Тайлор (1578–1653). Он решил не только самостоятельно совершить путешествие по Англии, но и оплачивать его за счет будущей книги. Тайлор отправлял друзьям счета (их в итоге накопилось, по его словам, до трех тысяч), обещая подробный отчет по возвращении. Тайлор пишет:

This long walke (first and last) I undertooke
On purpose to get money by my Booke:
My friends (I know) will pay me for my paine,
And I will never trouble them againe¹.

Сей долгий путь предпринял я не зря
На книгу раскошелятся друзья:
Оплатят труд скитаний не простых,
И боле я не потревожу их.

В России вплоть до последней трети XVIII века путешественник, решивший зафиксировать свои впечатления, не мог руководствоваться только меркантильными интересами. Само путешествие было делом затратным ввиду отсутствия надежных карт, что, в числе прочего, вынуждало путешественника оплачивать услуги проводников. Травелог большей части XVIII века, если и составлялись, то представляли собой документальные отчеты о проделанном путешествии и были адресованы инстанции, снарядившей путешественника. Наибольшее число таких текстов было составлено за время академических экспедиций.

Экспедиционные травелог Миллера едины по своему плану и составлены в соответствии с академическими инструкциями. В инструк-

---

¹ Tylor 1649. P. 3.

ции «Об истории народов»², данной Миллеру перед экспедицией 1733–1743 гг., указывается, какие явления следует зафиксировать в первую очередь, что описать, какие находки отправить в Санкт-Петербург. Посмотрим на одиннадцатый пункт: «А особливо рассматривать надобно начала, нравы, обычаи и прочее тех народов, кои живут на северной стороне реки Амура, потому что слух носится, что и российский народ имел там древние свои жилища». История, а точнее, *слух о прошлом* выступает здесь как исследовательский фильтр, указывающий на пространство, которое нужно подвергнуть изучению. Подобную связь времени и пространства мы встретим и в поздних травелогах Миллера. Ближе всего к травелогу можно отнести миллеровские «описания путешествий». Они представляют из себя подневные отчеты о проделанном пути с описанием географических объектов и некоторых черт местных народов. В текстах фиксируются стороны жизни, рекомендованные к наблюдению академической инструкцией. Сами травелоги предельно схематичны. Мы не встретим в них ничего, что приблизило бы нас к пониманию личного восприятия автора. Образы пространства даются непосредственно, т.е. приводимые сведения получены эмпирически, что характерно для механистической научной парадигмы.

Мы не будем здесь подробно рассматривать «Путевые описания Сибири», а сосредоточимся на более поздних травелогах. Перед нами книга, изданная в 1996 г., в которой опубликованы путешествия Г.Ф. Миллера по Москве и Московской провинции в 1778–1779 г., а также описания, составленные за время путешествий и по собранным в них материалам. Эти тексты, хотя и несут черты, присущие ранним травелогам Миллера, имеют ряд важных особенностей. Здесь мы сталкиваемся с автором-путешественником, который помимо привычной фиксации деталей пространства и времени высказывает свое личное отношение к увиденному. Во многом именно из-за этого московские травелоги Миллера нельзя однозначно отнести к описаниям, составленным строго по инструкции. С.С. Илизаров утверждает, что «путевые описания, которые вел ученый во время маршрута, и подготовленные на их основе для публикации все четыре очерка, не соответствуют полностью ни одной научной программе или инструкции, которые во множестве известны в XVIII столетии, и среди которых, кстати говоря, немало принадлежит перу самого Г.Ф. Миллера»³.

Выходит, что та модель фиксации пространства, которую избрал Г.Ф. Миллер в московских поездках, еще не являлась традиционной. В ходе путешествия он составил четыре путевых очерка-травелога, а также ряд описаний и обзоров. Характерно, что стили этих произведе-

---

² Миллер 1937. Т. I. С. 460–461.

³ Миллер 1996. С. 24.

ний весьма различны. Описания и обзоры представляют собой скорее энциклопедические статьи, в которых сухим наукообразным языком, приводятся географические, исторические, экономические характеристики посещенных мест. Травелоги же больше похожи на дневниковые заметки, в которых автор фиксирует свое эмоциональное и физическое состояние, описывает свои впечатления в свободной форме.

За время путешествий по окрестностям Москвы было составлено четыре травелога: «Езда в Коломну в 1778 году», «Поездка к Свято-троицкому Сергиеву монастырю, в Александрову слободу и Переславль Залесский», «Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород», «Поездка в Дмитров». В отличие от описаний, травелоги, за исключением поездки в Дмитров, публиковались ранее на русском языке в журнале «Новые ежемесячные сочинения»⁴.

Путешествие в России XVIII в. по-прежнему является делом затратным и достаточно опасным. Генеральные ландкарты содержат ошибки, на что сетует Миллер. Однако уже учитывается, что путешествие может иметь и оздоровительную цель. Так Миллер пишет, что отправился в путь «для поправления здоровья», но праздная поездка не соотносится с идеалами эпохи Просвещения, т.е. травелог должен содержать сведения, применимые на практике. Веком ранее британская путешественница Селия Файнс также совершала путешествие с оздоровительной целью. Однако индивидуальное начало в ее тексте прослеживается гораздо четче, чем в травелоге Миллера. Так, в предисловии она пишет: «Мои странствия были начаты, чтобы восстановить здоровье разнообразием занятий и переменой воздуха. <...> Необходимо заметить, что здоровье моего тела не позволяло моему сознанию быть полностью свободным, и после беседы я обдумывала полученные сведения. Если в основном я беседовала свободно и просто, говорила и писала я соответственно моей болезни, так что не ждите изящности в этой книге, хотя какие-то украшения могут встречаться в описаниях, соответствующих изящному вкусу»⁵.

Текст Г.Ф. Миллера, напротив, и не имел цели быть изящным. Миллер – практик. Описания его кратки и точны. По пути он предельно лаконично описывает проезжаемые деревни, отмечая в первую очередь их принадлежность, населенность, особенность устройства, наличие церквей и все, что, по его мнению, может послужить благу Российского государства. Так, проезжая деревню Кусково, он отмечает, что летнее жилище Шереметьевых весьма любопытно «для презрительных там строений и во оных уборов, для саду, оранжереи, пруда, зверинца и

---

⁴ См. травелоги Миллера в журнале «Новые ежемесячные сочинения» 1789. Ч. XXXV. С. 69-93; Ч. XLI. С. 3-52; 1790. Ч. XLVI. С. 41-91.

⁵ *Fiennes* 1888.

проч., что все изчислить нынешнее мое намерение не дозволяет»⁶. До подробного описания Миллер не доходит в случае, если оно не может, на его взгляд, служить делу общего преуспеяния. Он подробно описывает «разные фабрики местных жителей», информацию о которых удалось получить. Иногда – давая рекомендации по их улучшению или восхваляя их владельцев. Миллер не дает нам никаких зарисовок местности, но сообщает, что «от Москвы до Коломны везде ровные хлебородные поля, но местами лесом скудно»⁷.

Одним из важных методов работы Миллера является установление происхождения названия упоминаемого места. *Имя служит ключом к прошлому*, т.е. современное ему название выступает как инструмент, содержащий в себе информацию об ушедшем времени. Проезжая деревню Островцы, он пишет: «Имя Островцов отчего, никто изтолковать не мог. Островов на реке в Москве в близости не сказывают»⁸. Интересно, что иногда он высказывает сомнения относительно принятых трактовок. Так о происхождении названия речки Коломенки он говорит, что «догадка некоторых, якобы от приезжих италианцов фамилии Колонны, ни на чем не утверждается».

Иногда в травелого встречаются замечания об устройстве природы, Миллер показывает свои естественнонаучные знания, которые на общем фоне смотрятся неуместно. Так, указывая принадлежность и наличествующую церковь в селе Марково, он вдруг сообщает, что «на здешнем берегу Москвы реки находились иногда окаменелые мадрепоры, но ныне оных не видно»⁹ Миллер приводит наблюдение о добыче белого камня: «... верхнего слоя камень крепче нижняго, но разщепляется от воздуха и затем в дело не годен. Он же желтоват и известных частиц в нем мало. <...> Фигурованных и окаменелых вещей в камне не сказывают».

В связи с четкой структурированностью текста некоторые сообщения кажутся необязательными и потому важно обратить на них внимание. Так, посещая Голутвин монастырь Миллер, описав его церкви, указывает, что «к приближающемуся вечеру преосвященный епископ проводил меня в город до моей квартиры и, посидев немного у меня, возвратился в свой загородный дом». Посещая церковь, название, которой не указывается, несмотря на подробные описания прочих церквей, Миллер скупко описывает святыню: «в одной церкви показал (архимандрит Арсений) посох святого Сергия чудотворца, первого основателя сего монастыря. Посох оной из простаго дерева, с деревянным же

---

⁶ Миллер 1996. С. 57.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Там же. С. 59. Это практически единственное естественнонаучное замечание в московских травелогах Миллера.

прямым поперешником и весь черной». В данном случае Миллер не сомневается в возможности существования такого посоха, что характерно для травелогов, написанных в механистической парадигме, но и, судя по описанию, не придает ему метафизического значения.

Здесь стоит подробнее остановиться на вопросе вхождения локальных мифов в общегосударственный нарратив. Д.Н. Замятин по этому поводу пишет: «В эпоху модерна происходит переход от собственно локальных мифов к мифам транслокальным, или панлокальным, то есть к таким устойчивым нарративам и образам, которые как бы заранее воспринимаются и воображаются в качестве необходимой, неотъемлемой и неотменимой онтологии пространства, “фиксируемого” не только и не столько конкретными мифологическими и легендарными местами, сколько интенсивными коммуникативными стратегиями проникновения, выхода в пространства смежные, пограничные или метагеографические»¹⁰.

Наименования мест играют значительную роль в формировании локальных мифов. Иван Лепехин рассказывает легенду об озере Плавучем под Владимиром, услышанную от местных жителей. Якобы князь Михаил, войдя в город, приказал казнить Кучковича и княгиню, зашить их тела в гробы и бросить в озеро. Далее Лепехин пишет: «Не мое дело испытывать справедливость сей повести. Для меня довольно сказать, что сия повесть во Владимире за истину почитается, и люди думают, что сих уопленников, за их безпримерной знак неблагодарности и злобы, земля не принимает; и так они до сих пор по оному озеру плавают»¹¹. У нас здесь не стоит задача сравнения травелогов Лепехина и Миллера, но в дальнейшем подобная работа позволит детальнее разобраться в характерных особенностях описания пространства-времени данного периода, тем более если учитывать их временную близость (травелог Лепехина писался в 1768 г., за десять лет до путешествия Миллера по окрестностям Москвы).

Описание пространства у Миллера непременно сопряжено с категориями времени. Говоря о постройке в селе Дединове Петром Первым ботика «Деда Российского флота», он пишет: «Толь достопамятные обстоятельства несумненно могут прославить место, которое и, кроме того, по разным причинам внимание заслуживает»¹². Пространство в восприятии Миллера может иметь значение только при наличии «славы». Места, не несущие на себе следов значительных, по мнению Миллера, событий, ограничиваются скудным описанием. В то же время *прошедшие события воспринимаются в контексте настоящего*, нет четкой границы между понятиями «есть» и «было», образы прошлого

---

¹⁰ Замятин 2014. С. 106.

¹¹ Записки путешествия академика Лепехина... С. 19.

¹² Миллер 1996. С. 61.

накладываются на образы настоящего или, можно сказать, образы времени накладываются на образы пространства, создавая единый монолитный пласт восприятия.

Не совсем ясна выборка, с которой Миллер описывает отдельные места. Посетив Брусенский девичий и Спасский мужской монастырь, он пишет, что «ничего особенного не заметил и о построении их известия не получил». В то же время про Бобренев монастырь он пишет довольно подробно, указывая, что тот лежит «в приятной равнине между пахотными полями, со всех сторон ввиду на много верст».

Он детально описывает «разные фабрики местных жителей», информацию о которых удалось получить. Иногда – давая рекомендации по их улучшению или восхваляя их владельцев.

Мы почти ничего не узнаем о быте Миллера в путешествии. В лучшем случае, он скупо сообщает, где отобедал и где переменял лошадей, не вдаваясь в дальнейшие подробности. Так, например, он указывает: «7 числа обедали у преосвященного архиерея Феодосия в Подлипках, угощены будучи весьма приятно». Подневная запись путешествия характерна тем, что даже если никаких значимых для путешественника событий не произошло, дата все равно будет зафиксирована. Основное событие седьмого дня – обед у архиерея, о котором кроме приведенной выше цитаты информации нет.

Мир – механизм, в котором от работы каждой детали зависит работа целого, отсюда и отсутствие интереса к бытовым деталям, описанию нравов местных жителей, культурных особенностей. Все подчинено общей цели – благополучию государства, которое воспринимается как механизм, а путешествие как описание деталей этого механизма.

За время путешествий Миллером был составлен ряд описаний, которые не вошли в основные путевые заметки. Подобное разделение «путевых заметок» и травелогов, с одной стороны, и описаний, с другой, характерно и для ранних работ Миллера. Похожая структура встречается и в его описаниях Сибири, где соседствуют путевые очерки и детальные разборы отдельных местностей. То же самое можно сказать и о «Путешествии по Сибири» И.Г. Гмелина, у которого повествование строится в виде путевых записей, где вслед за описанием пути следует описание населенных мест и различных земель.

Несмотря на то, что описание не предполагает наличия героя, иногда авторское «Я» прорывается и дополняет текст важными для автора замечаниями. Так, в описании Коломны наряду с исторической справкой, перечнем разных строений и описанием местного производства и торговли приводится небольшое воспоминание о путешествии: «Когда я был в Коломне, познакомился с одним дюжим, видным мясником, человеком вместе с тем разумным, который носил одежду вполне впопору бургомистру». Несмотря на положительное впечатление от мясника,

Миллер не может умолчать об одном его недостатке: «Вот только кулинарное искусство между здешними мясниками не практикуется, в то время как в Германии мясники часто бывают и поварами»¹³. Гастрономическая тема то и дело проникает на страницы Миллера, хотя никаких конкретных указаний на то, чем он питался, мы не найдем.

Второго июля 1778 года Миллер отправляется в путешествие, от которого останется травелог «Поездка к Святотроицкому Сергиеву монастырю, в Александрову слободу и Переславль Залесской».

Начинается он с весьма необычной для Миллера фиксации точного времени пути: «Почти час времени прошло, как я от моего дома до конца города ехал»¹⁴. Далее следует описание сел и деревень по устоявшейся схеме – расстояние от предыдущего места, происхождение названия, принадлежность, приносимый доход, наличие церквей.

Подробнее он останавливается на селе Воздвиженском, где царевной Софьей был казнен «старый и, как кажется, невинный князь Хованский» и его сын. Далее следует очень важное замечание, которое стоит проанализировать: «Сие привожу я затем, что места, в коих подобны сей достопамятности случались, заслуживают, чтобы упоминаемы были в землеописании, когда ничего особливаго об них сказать не можно. Таковыми сказаниями землеописание может много способствовать истории и читателям быть приятным. По сей причине упоминаю я при всяком случае о таких происшествиях»¹⁵. Таким образом, во-первых, Миллер считает, что *места, прошлое которых неизвестно, заслуживают только поверхностного описания*. Во-вторых, исторические вставки обогащают текст, делают его многомерным, что идет на пользу и истории, и читателю. В-третьих, читатель будет только рад, если автор добавит в текст больше исторических образов.

В отличие от описаний формат травелога дает автору куда большую свободу, что позволяет Миллеру вставлять критические замечания относительно новой разметки верст или положения крестьян: «могут ли они остаться при владении поправленных ими земель без возвышения оброка, то для сего нужно высочайшее императорское повеление, которым бы обнадежить и обеспечить можно было крестьян...»¹⁶.

Побывав в Святотроицком Сергиевом монастыре и посетив семинарию, Миллер оставил положительные отзывы и об устройстве образовательной части, и о наместнике монастыря: «Сей весьма достойный кроткий и ученый муж может со временем быть украшением высококачественного российского духовенства». Миллер выделяет приметившихся ему высокопоставленных лиц и фабрикантов, дает им рекомендацию.

---

¹³ Миллер 1996. С. 71.

¹⁴ Там же. С. 84.

¹⁵ Там же. С. 86.

¹⁶ Там же. С. 88.

Ни одного отрицательного отзыва о ком бы то ни было мы не найдем. Оптика Миллера настроена на улучшение ведения государственных дел, для чего он и выделяет отдельных лиц, хотя и не забывает несколько раз отметить «хороший обеденный стол» наместника.

Как ни странно, описания самого монастыря мы не встретим. Если посмотреть текст Карамзина «Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре», опубликованный в «Вестнике Европы» за 1802 г., можно увидеть, как изменяется парадигма описания пространства. Карамзин подробно описывает каждый свой шаг: «Я взехал на гору Волкушу... Руские Патриоты! это место должно быть вам известно»; «Я стал на вершине горы – и воображение представило глазам моим ряды многочисленного войска под сению распушенных знамен»; «Я обошел сперва вокруг стены монастырской и готических башен ея»¹⁷. Уже по этим строчкам можно увидеть, насколько травелог Карамзина отличен от текста Миллера.

Образы времени накладываются в воображении Н.М. Карамзина на образы пространства, сливаются, становясь доказательством прошедших событий. Миллер вдохновляет читателя на разыскания, *пространство для него есть резервуар, содержащий источники информации о прошлом*. Для Карамзина время и пространство сведены в одно за счет чувства и воображения. Чувствование или трансцендентализм есть метод познания у Лейбница и позднее у Канта. Карамзин в травелогe уходит от механистического описания мира к органистскому. В заключение он пишет: «Таким образом, два дни прошли для меня в исторических воспоминаниях, делающих места и предметы любопытными». Если *эмпирически* воспринимающий пространство Миллер останавливается на наиболее любопытных для него явлениях прошлого и настоящего, те же фабрики и заводы, то Карамзин отмечает их, как не наделенные особым *метафизическим значением*.

Формат травелога позволяет Миллеру делать самые разнообразные замечания: «Удивительно, что на новой генеральной карте Российского государства ни Александровской слободы, ни Святотроицкаго монастыря не означено. Сколь много исправлять должно изданныя до сего времени ландкарты!»¹⁸.

Эмпирическое познание для Миллера является первостепенным. Он приводит надпись с усыпальницы при Больничной церкви Александровского монастыря и, анализируя указанные в ней даты, признается, что «надпись не сам списал и, следовательно, числа точно не знаю». То есть *только личный контакт исследователя с источником может служить достаточным основанием для утверждения истин-*

---

¹⁷ Карамзин 1802. С. 290.

¹⁸ Миллер 1996. С. 93.

ности сделанных выводов. Подобный подход характерен для британских путешественников первой половины XVII века, когда механистическая парадигма только начинала формироваться в трудах Бекона, Декарта. К ним можно отнести хорографов и антиквариев, собиравших редкие материалы о разных регионах Британии. В их травелогах соседствовали географические, естественнонаучные, исторические и лингвистические замечания. То же мы видим и у Миллера, но у него акцент делается на описании места в контексте государства, а не как самостоятельной единицы.

Любовь Миллера к слову, а точнее, к фиксации его значения также довольно показательна. К примеру, он анализирует значение слова «посадский», указывая, что «всегда были посадские и не в городе живущие»¹⁹. Иногда он уходит от дальнейших рассуждений с помощью фразы: «но сие изыскать в точности предоставляю другому времени».

«Путешествие в Можайск, Рузу, Звенигород» составлено по той же схеме. Дается трактовка названия проезжаемых местечек и деревень, указание на наличие ручьев – «где я не упоминаю о ручьях, там подразумевать должно, что оных нет, и что жители имеют колодези, содержащие по большей части хорошую воду»²⁰, принадлежность места, историческая справка о владельце или достопамятном событии, если таковое было, описание монастырей и церквей. В Можайске он выделяет воеводу, указывая, «что он достоин бы был лучшаго звания, ибо здесь не может он в пользу употребить того, чему учился»²¹.

Если Миллеру попадаются на пути бедные городки, вину за это он возлагает на их жителей: «Когда я во время своего пребывания в Можайске удивился худому виду онаго, то говорили мне, что Руза еще хуже. Сие было справедливо. Ружане оправдывают себя тем, что они в разсуждении себя то же самое о Звенигороде утверждают»²².

Происхождение названия города Борисова он относит к Годунову, указывая: «неизвестно только, когда строение онаго заложено. Но поелику царствования его только 7 лет было, то сие и не важно». Миллер здесь допускает историческую погрешность в семь лет, которая не меняет общего положения дел. Однако в «Опыте новой российской истории», как Миллер пишет, «ничего об нем не упомянул».

Пейзажных зарисовок в тексте Миллера нет, эмоции выражены спокойно и кратко: «вид с горы к реке весьма хорош»²³. Роль наблюдателя практически нивелируется. *Пространство существует отдельно от наблюдателя, находящегося как бы вне описываемой реальности.*

---

¹⁹ Там же. С. 98.

²⁰ Там же. С. 113.

²¹ Там же. С. 118.

²² Там же. С. 124.

²³ Там же. С. 123.

На этом фоне совершенно иначе смотрятся описания Карамзина: «Сев на гнилой церковной паперти, я с удовольствием смотрел вокруг себя и на сельские ландшафты вдали, думая, что не только люди, образ их жизни и творения, но и самый вид Натуры переменяется со временем». Здесь обратная картина – пейзажа в отрывке нет, зато личность автора, авторское отношение становится частью описываемого пространства.

Одна из особенностей травелога – фиксация процесса создания текста. Часто путешественники указывают, где и при каких обстоятельствах им удастся найти время для редактирования текста. «Восьмого числа июня остался я дома для записки путевых моих примечаний»²⁴, «употребил то время, в которое княгиня еще покоилась, на приведение в порядок примечаний, сделанных мною в моем путешествии»²⁵.

Миллер не только фиксирует в тексте путевые примечания, но и разбавляет его историческими источниками, например, он приводит милостивую грамоту, данную Михаилом Федоровичем жителям Рузы, объясняя это тем, что «обыкновенно таковыя милостивыя грамоты, хотя и ничего важного в себе не заключающия, охотно читают»²⁶. Таким образом, несмотря на сугубо практическую нацеленность травелога, адресат также играет свою роль в структуре текста.

Скорое начало поста заставляет автора вернуться в Москву. «Я еще в Коломне слышал, что в пост ездить нехорошо». Неясно насколько распространено это правило, если Миллер отдельно указывает, где он с ним сталкивается.

Следующий травелог посвящен поездке в Дмитров, которая начинается 11 мая 1779 года. Опять же, как цель поездки, Миллером указывается желание «подкрепить некоторым образом чрез то свое здоровье». Но и познавательный аспект при этом не отбрасывается: «Охота моя полезным быть в землеописании при том не отставала»²⁷.

Описание путешествия ведется точно по той же схеме, что и предыдущие поездки по московским окрестностям. Особое внимание Миллер уделяет фарфоровой фабрике англичанина Франца Гарнера, которой «наипаче любопытство путешественника возбуждено быть может»²⁸. Он подробно описывает устройство фабрики, акцентируя ее значение для российского государства.

Миллер снова вставляет в текст исторический источник – царскую грамоту 1686 года. Подобные вставки делают травелог более энциклопедичным, пространство приобретает через них дополнительный уровень, но не сливается с ним, как в травелогах Карамзина.

---

²⁴ Там же. С. 62.

²⁵ Там же. С. 127.

²⁶ Там же. С. 124.

²⁷ Там же. С. 153.

²⁸ Там же. С. 160.

Из-за проблем со здоровьем 18 мая Миллеру пришлось вернуться в Москву. На этом его поездки и описания заканчиваются. Травелог Миллера отлично ложатся на механистическую научную программу. Мир для Миллера предстает эмпирически познаваемым механизмом. Прошлое создает пространство, оставляя в нем следы, которые требуют от путешественника детальной фиксации и пристального изучения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Замятин Д.Н.* В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой. М.: Изд-во «Индрик», 2014.
- Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. Т. 3. СПб., 1821.
- Карамзин Н.И.* Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре // Вестник Европы. 1802. № XV-XVI. Август.
- Миллер Г.Ф.* История Сибири. – М.; Л., 1937. – Т. I. – С. 460-461.
- Миллер Г.Ф.* Путешествия по московской провинции // Академик Г.Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / Подгот. текста, статья С.С. Илизарова. М.: ИИЕТ, 1996.
- Fiennes C.* Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary. L.: The Leadenhall Press, 1888.
- Taylor J.* Wanderings to See The Wonders of The West. Yerec, 1649.

REFERENCES

- Zamyatin D.N. V poiskah udalyayushchihsya prostranstv: istoricheskaya geografiya i ontologicheskie modeli voobrazheniya // Kniga kartiny Zemli. Sbornik statej v chest' Iriny Genadievny Konovalovoj. M.: Izd-vo «Indrik», 2014.
- Zapiski puteshestviya akademika Lepekina // Polnoe sobranie uchenyh puteshestvij v vos'mi tomah. T. 3. SPb., 1821.
- Karamzin N. I. Istoricheskie vospominaniya, vmeste s drugimi zamechaniyami, na puti k Troitse i v samom monastyre // Vestnik Evropy. 1802. № XV-XVI. Avgust.
- Miller G.F. Istoriya Sibiri. M.; L., 1937. T. I.
- Miller G.F. Puteshestviya po moskovskoj provincii // Akademik G.F. Miller – pervyj issledovatel' Moskvyy i moskovskoj provincii / Podgotovka teksta, stat'ya S.S. Iizarova. M.: IJET, 1996.
- Fiennes C. Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary. L.: The Leadenhall Press, 1888.
- Taylor J. Wanderings to See The Wonders of The West. Yerec, 1649.

Шпак Георгий Владимирович, аспирант кафедры Теория и история гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ; geo.shpak@gmail.com

Spatial, temporal and cognitive-rhetorical strategies of travelogues by G.F. Miller

The author discusses the representation of spatial and temporal categories in the second half of the 18th c. By comparing texts by G.F. Miller and N.M. Karamzin, the author identifies the change of receptive paradigms in Russia at the end of the 18th c.

Keywords: *travelogue, representation of space, representation of time, G.F. Miller*

George Shpak, Postgraduate Student, Department of History and Theory of the Humanities, Russian State University for the Humanities; geo.shpak@gmail.com

М. М. ГОРЕЛОВ

ЭВОЛЮЦИЯ И КОНТИНУИТЕТ АНГЛИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ФРИМЕНА

Статья посвящена отражению процессов эволюции английской государственности и законодательства в работах Э. Фримена (1823–1892). Автор подчёркивает идею непрерывного континуитета английских политических традиций на протяжении столетий, начиная с англосаксонской эпохи и заканчивая Британской империей.

Ключевые слова: Фримен, конституция, парламент, законы.

Имя и труды Эдварда Огастеса Фримена (1823–1892), профессора истории Оксфордского университета (с 1884 г.), занимают одно из центральных мест не только в британской, но и в европейской историографии, принадлежа к той классической эпохе, когда массово открывались и публиковались материалы архивов, бесценные исторические памятники, а сама историческая наука переживала расцвет, ещё не будучи отягощённой сложными политизированно-философскими рефлексиями XX в. Триумфальное шествие промышленной революции создавало в европейском обществе атмосферу непоколебимой веры в силу просвещения и технический прогресс. Эта атмосфера благоприятствовала развитию академической науки, гуманитарные направления которой вдохновлялись националистической идеологией, сопровождавшей развитие крупных европейских наций, и пользовались государственной поддержкой. В этом контексте, творческое наследие Фримена является блестящим образцом имперской историографии XIX века, олицетворяя присущие ей фундаментальность и всесторонний охват исследуемой тематики. В аналогичном духе писали в то время такие известные историки, как Ранке в Германии, Соловьёв в России и другие.

Эдвард Фримен родился 2 августа 1823 г. в семье обедневших землевладельцев в окрестностях Бирмингема. Родителей он потерял в возрасте года с небольшим. Воспитание детей стало делом бабушки, в чьём доме они выросли. Мальчик получил первичное образование в частных школах, а затем продолжил обучение в Тринити-Колледже в Оксфорде. В 1847 г. он женился на дочери своего бывшего преподавателя, а в 1860 г. приобрёл частную усадьбу в Сомерсете, где и осел с семьёй. Фримен имел степень доктора права в Оксфордском и Кембриджском университетах, а в 1884 г. стал профессором современной истории в Оксфорде. В последние годы жизни он болел и умер во время семейного путешествия в Испанию в 1892 г.¹

---

¹ Barlow 2004; Stephenson 2007. P. 120-121.

Следует отметить, что Фримен, помимо учёной карьеры, интересовался политикой, был сторонником известного британского либерального политика и государственного деятеля У. Гладстона, и даже пытался избираться в парламент, хотя и без особого успеха. Политическая карьера Фримена в целом ограничилась работой в органах местного самоуправления в графстве, а также в королевской комиссии по церковным делам в 1881 г. Фримен вполне в духе либеральных интеллектуалов того времени сочувствовал национально-освободительному движению народов Юго-Восточной Европы против Османской империи, за что имел награды от короля Греции и князя Черногории².

Российскому читателю более всего известен главный труд Фримена, многотомное капитальное исследование “A History of the Norman conquest of England, its causes and its results” (1867–1879), посвящённое переломному моменту британской истории – нормандскому завоеванию, повернувшему историю Англии на новый путь, в конечном счёте обусловивший своеобразие дальнейшего развития английской государственности и культуры. Однако перу Фримена принадлежит немало других работ, написанных на протяжении его научной карьеры, причем многие из них касаются отнюдь не британской истории, а охватывают широкий спектр исторических сюжетов, начиная с Античности и истории архитектуры и заканчивая историей Италии, Германии, Византии, исторической географией и вопросами эволюции политико-правовых институтов в Европе. Перечень его трудов внушительен (239 работ)³ и отличается поистине энциклопедическим характером. В методологическом смысле, Фримен являлся характерным представителем своего времени, с одной стороны, делая упор на фактографию и изучение политической истории, а с другой, будучи приверженцем и популяризатором сравнительно-исторического метода.

Творчество любого историка так или иначе носит на себе отпечаток политических концепций его времени, и Фримен в этом плане не был исключением. Более того, ему принадлежит афоризм: «История – это политика в прошлом, а политика – история в настоящем»⁴. Будучи сторонником либералов, он обращался в своих воззрениях к германистским, своего рода «почвенническим» позициям, отстаивая приоритет исконно англосаксонских традиций и институтов над привнесёнными извне феодально-европейскими, которые, в свою очередь, воспевались историками консервативной, «торийской» школы в качестве цивилизующих начал, обусловивших развитие средневековой Европы. Подобное противопоставление отчасти проистекало из актуальных в XIX в. дискуссий между «романистами» и «германистами», в свою очередь

---

² Stephenson. 2007. P. 128-130.

³ GB 133 EAF – Papers of Edward Augustus Freeman.

⁴ Adams. 1883. P. 12.

порождённых процессами становления националистической идеологии в разных странах ещё со времён Французской революции и наполеоновских войн, в ходе которых гражданский национализм пришёл на смену монархическому подданству и конфессионализму как критериям этнической идентичности. Таким образом, полемика в среде историков XIX в. о «корнях» и «истоках» тех или иных народов и институтов являлась результатом процессов нового этапа складывания национального самосознания и национальных государств современного типа.

Большой интерес представляет книга Фримена «Развитие английского конституционного устройства с древнейших времён» (“The growth of the English constitution from the earliest times”), впервые изданная в 1872 г. по материалам лекций, прочитанных им в британских университетах Лидса и Брэдфорда. Это наложило отпечаток на стиль повествования, преисполненный пафоса и в известном смысле риторический. В книге отразились идеи Фримена о непрерывном континуите демократических начал общественного устройства, восходящих к древнегерманской эпохе и плавно эволюционировавших в современную политическую систему английской монархии. Поэтому тот факт, что книга начинается с описания красот Швейцарии, не кажется странным; автор с самого начала обращается к традициям швейцарского кантонального самоуправления, экстраполируя их на общегерманское историческое наследие. Сравнивая древние устои «народоправства» с демократическим порядком религиозных общин, Фримен придает им в своём роде «Богом установленный» характер⁵. Он также находит очевидное сходство между швейцарским народным самоуправлением и порядками греческих полисов (р. 4-5). Те же самые традиции, по его мнению, лежали в основе общественного устройства древних германцев в целом, в т.ч. англосаксов во времена их обитания на континенте (р. 8). Характерная особенность самоуправления такого типа – то, что оно не было институтом общегосударственного (ввиду отсутствия в те времена государств) или племенного устройства, а являлось, по существу, региональным, объединяя общины свободных людей, населявшие ту или иную историческую область (р. 9). Таким образом, ядром политической организации, по мнению Фримена, были именно общины (*commune*, *Gemeinde*), аналогичные гражданским общинам античных полисов (р. 10). С другой стороны, он отмечает, что не следует отождествлять демократию с абсолютным равноправием всех членов социума, поскольку и в полисах, и в древнегерманском обществе она была уделом свободных слоёв населения, нормально уживаясь с социальным неравенством, наличием рабов и племенной аристократии. К трёхчастному делению древнего общества на знать,

---

⁵ *Freeman*. 1872. P. 2-3. Далее страницы этой книги указываются в скобках.

свободных и рабов, таким образом, прямо возводится современная Фримену модель парламентарной монархии, в которой представлены корона, Палата лордов и Палата общин. В свою очередь, это деление (как и традиции общинного самоуправления) восходит к «общеарийскому» наследию, которое видится автору практически тождественным у древних греков, римлян и германцев, отражаясь в языческих верованиях индоевропейских народов, в частности, в виде пантеона богов, окружающего верховное божество и разделяющего с ним власть на коллегиальной основе, как в народном собрании (р. 11-16).

Фримен подчёркивает, что, если в самой Германии древние демократические традиции постепенно угасти под давлением возвышающейся власти князей, то англосаксы в ходе переселения и расселения в Британии сумели сохранить и поддержать непрерывность континуитета этих традиций, придав им поступательное движение (р. 18). Это и обусловило своеобразие английского политического устройства, его отличие от континентальных государств, а следовательно – его преимущества. «Ни на миг не прерывалась связь между прошлым и настоящим... Каждый шаг в нашем развитии был естественным следствием предыдущего; каждое изменение в наших законах и устройстве было не принесением чего-то нового, а развитием и улучшением старого. В какие-то времена наш прогресс шёл быстрее, в какие-то – медленнее, порой, казалось, остановился или даже повернул вспять, но никогда не прерывался с того самого дня, когда германские завоеватели впервые начали превращать Британию в Англию» (р. 19). Впрочем, подобные патетические рассуждения о непогрешимой мудрости предков и исключительности политических традиций своей страны характерны для историографии XIX в., тесно связанной с националистическими настроениями, переживавшими в то время свой расцвет в Европе и Америке.

Характерно, что истоки современной английской нации Фримен видит непосредственно в англосаксах, а также в скандинавах, составивших вторую большую волну германских миграций на Британские острова, при этом чётко отделяя англичан от кельтов, населявших эти острова до прихода германцев. По мнению Фримена, англосаксы перенесли свои древние традиции политического и правового устройства с континентальной прародины практически в готовом виде, и далее им оставалось лишь развивать их в более современные институты, тогда как участью покорённого кельтского населения стало рабство, и никакого значения его прежние традиции уже не имели (р. 19-23).

Размышляя о социальной стратификации и природе власти в англосаксонском обществе, Фримен приходит к выводу о почти что «демократическом» характере королевской власти – в том смысле, что в ранних государствах монарх не был сакрализованным и неприкосновенным авторитетом, а «избирался народом и мог быть смещён наро-

дом»; сакральный характер королевской власти, в языческое время выражавшийся в возведении родословной королей к богам, а в христианское – в освящении должности монарха особыми религиозными церемониями, не смущает Фримена; напротив, он легко обходит это противоречие, утверждая, что избрание короля народом – это по сути выражение божьей воли, вполне в духе известного изречения «глас народа – глас божий» (р. 29). Для обоснования этой мысли Фримен прибегает к лингвистическим изысканиям, возводя древнеанглийские наименования понятия «король» (*cyning, theoden, drihten*) к общегерманским словам «род» (*суп*), «народ» (*theod, thiuda*), «семья» (*driht*), и таким образом подчёркивая, что король – это не стоящая над народом персона, а порождение самого народа. Вместе с тем, вполне современным для наших дней выглядит утверждение о том, что королевская власть и государственность сформировались у англосаксов в процессе завоевания и колонизации Британии, как и у других участников Великого переселения народов, а до этого пребывали на уровне племенных княжений во главе с родовой знатью (р. 32-34). Однако, чем больше прирастали контролируемые завоевателями территории, тем больше, по мнению Фримена, король отрывался от массы рядовых соплеменников, и королевская власть мало-помалу теряла свой изначальный «демократический» характер, обрастая особыми формальностями, ритуалами и сакральным статусом. В свою очередь, усложнение управления увеличившейся территорией вызвало необходимость в создании другого «демократического» органа – королевского совета, уитенагемота⁶ у англосаксов, в котором Фримен видит истоки английского парламента более поздних времён. Успешные попытки смещения короля с престола уитенагемотом в англосаксонскую эпоху он прямо отождествляет с процедурой импичмента в политической практике Нового времени (р. 37-40). Выборы короля уитенагемотом в раннее Средневековье дополнялись второй ступенью выборов в виде помазания его на престол церковью, также в известном смысле представлявшей народ (р. 140).

Сравнивая древнегерманские политические механизмы с римскими, Фримен акцентирует внимание на том, что римские граждане были ориентированы на преданность государству как безличному институту, а германцы – лично вождю, таким образом, подчёркивая важность личных связей в догосударственном социуме. У римлян аналогичный механизм существовал в виде отношений патрона и клиента в ранний период, но с разрастанием государства и превращением его в империю ушёл в прошлое, тогда как у германцев, переживавших более позднее историческое развитие, был как раз в полном расцвете во времена Ве-

---

⁶ Уитенагемот (досл. «Совет Мудрых», «Собрание Мудрых») - совещательный орган при англосаксонских королях, состоявший из церковных прелатов, представителей аристократии и военно-служилой знати.

ликого переселения народов. Подобная система личных связей на основе преданности и службы обусловила, согласно Фримену, дальнейшее своеобразие европейской средневековой цивилизации, распространяясь не только на военно-административную элиту общества, но и на прочие слои населения – например, в виде отношений мастера и ученика в среде бюргерства. Таким образом, узы личной преданности и покровительства, когда они дополнились земельными пожалованиями, стали основой того, что у современных историков обычно именуется «феодализмом», определив общеевропейскую тенденцию к постепенному «подавлению свободы» простолюдинов (р. 45-48, 51).

Вместе с тем, Фримен отмечает, что специфика развития английского общества в рамках феодальных тенденций обуславливалась непрерывной традицией существования коллективных органов, выражавших «волю народа», к которым он относит как англосаксонский уитенагемот, так и королевский совет нормандской эпохи, и далее парламент. Разница имела место лишь на низовом уровне, где в англосаксонскую эпоху существовала повсеместная практика местных народных собраний, помимо прочего, избиравших элдормена (графа) или епископа. Фримен с ностальгическим чувством говорит о «варварской свободе предков» и подчёркивает непреходящую роль этих демократических начал в трансляции ценностей свободы в реалии Британской империи, придавая этому процессу глобальное значение (р. 52-53).

Признавая, что англосаксонский уитенагемот состоял в основном из знати, Фримен приписывает ему демократический характер на том основании, что члены этого органа выражали общенародную волю в рамках представительного принципа, а кроме того, у рядового свободного человека никто никогда не отнимал права иметь голос на такого рода собраниях. Уитенагемот видится Фримену прямым предком Палаты лордов в британском парламенте. В аналогичном ключе он характеризует и войско, от позиции которого нередко зависело утверждение короля на престоле (р. 58-61). Эти идеи выглядят довольно искусственными, поскольку уже в VIII–IX вв. англосаксонское войско утратило характер общенародного ополчения свободных людей и постепенно превращалось в профессиональное, состоявшее из военной знати – тэнов, которые, хотя и были зачастую близки по укладу жизни к богатым крестьянам, но обладали иным социальным статусом. Что же касается уитенагемота, то его преимущественно аристократический состав вряд ли можно подвергнуть сомнению – этот вопрос относительно неплохо изучен в современной историографии⁷.

Таким образом, у Фримена вырисовывается непротиворечивая и вместе с тем политически ангажированная картина развития государ-

---

⁷ Глебов. 1998. С. 171-173.

ствообразующих институтов англосаксонского общества, к которой фактически напрямую возводятся основы политического устройства Великобритании XIX века. Эта картина является отражением древнейших порядков, характерных для всех индоевропейских народов (например, древних греков и римлян), отличие англосаксов (и далее англичан) от которых состоит разве что в более выгодной роли своего рода хранителей континуитета традиций, прерванного в остальной Европе различными социальными и политическими пертурбациями Средневековья. Это, в свою очередь, придаёт в его глазах английской нации и государственности цивилизаторскую миссию, причём в глобальном масштабе, демонстрируя характерные для историографии XIX века идеи национальной исключительности и культуртрегерства.

Все эти идеи развиваются Фрименом и далее, когда он переходит к описанию эволюции политических институтов Англии в период развитого Средневековья. По его мнению, особенность данной эволюции состоит в том, что даже такие судьбоносные документы, как Великая Хартия вольностей, не привносили чего-то нового, но апеллировали именно к старому, к традиционным правам и свободам, бытовавшим ранее и утерянным по каким-либо причинам. Например, до принятия Великой Хартии вольностей народ видел идеалом законы Эдуарда Исповедника, а после – саму Великую Хартию. «У нас иногда бывали новшества, – писал Фримен, – но эти новшества были одновременно и консервативными, и прогрессивными; консервативными – потому что прогрессивными, и прогрессивными – потому что консервативными. Они были применением старых принципов к новым обстоятельствам, заботливыми дополнениями к старому устройству, вставками нового» (р. 55-56). В частности, это выразалось в прецедентном характере английского права, что рассматривается Фрименом как следование «мудрости предков». «Таким образом, – отмечает он, – мы могли продвигаться вперёд хоть и в чём-то медленнее, зато более уверенно» (р. 56). Континуитет политических традиций в Англии противопоставляется ситуации в других средневековых государствах, в частности, в соседней Франции, на том основании, что английские традиции были плодом практического воплощения народных представлений о благе, а французские – детищем искусственно созданных политических идей и теорий, и, таким образом, оторванными от собственно народной жизни. Например, французские Генеральные Штаты были созданы по предписанию короля, а не по инициативе снизу, и потому не тождественны английскому парламенту и не столь долговечны, как он (р. 64). Франция шла путём революционных изменений на дальнейшем пути исторического развития и потому утратила все старые консервативные основы политических традиций, делая акцент на новшества, тогда как Англия, наоборот, придерживалась этих самых основ и избегала рево-

люционных новшеств, поэтому история Франции пестрит многочисленными названиями всё новых и новых политических институтов, а в Англии веками сохраняется одна и та же парламентская система, якобы выросшая ещё из англосаксонских корней (р. 65).

Даже рассматривая такой переломный момент английской истории, как нормандское завоевание, наложившее глубокий отпечаток на дальнейшее развитие страны, Фримен продолжает утверждать, что оно не нарушило прежнего континуитета. В частности, по его мнению, Вильгельм Завоеватель апеллировал в своей деятельности в сфере политических реформ к законам Эдуарда Исповедника, а следовательно – к прежним английским традициям. Франко-нормандская правящая элита, сменившая англосаксонскую, быстро ассимилировалась, особенно на уровне мелкого рыцарства, и, таким образом, вписалась в рамки английских традиций права и культуры, не разрушив их. Фримен делает акцент и на том, что сами нормандцы, будучи потомками скандинавских пришельцев, были в известной мере родственным элементом по отношению к таким же потомкам скандинавов, осевших в Англии в эпоху викингов (р. 70-71). Это утверждение выглядит спорным, так как сами скандинавы, поселявшиеся на отвоёванных ими территориях других стран, довольно быстро теряли свою изначальную этнокультурную идентичность и успешно ассимилировались в массах коренного населения, вплоть до самых верхних слоёв элиты⁸. Поэтому невозможно определённо сказать, до какой степени были близкими друг другу их дальние потомки, рассеявшиеся по всей Европе.

В негативном ключе Фримен оценивает церковную политику Вильгельма Завоевателя. По его мнению, в англосаксонскую эпоху церковь была единой с государством, и королевская власть не отделялась от церковной (что явно намекает на более позднюю англиканскую модель церковного устройства), тогда как нормандские короли заложили основу для их разделения на континентальный манер и тем самым нарушили древнюю целостность, оторвав церковь от национальных основ и подчинив её Риму. Это привело к тому, что «возникли конфликты между церковной и светской властями, неслыханные в прежние времена» (р. 74-75), а в конечном счёте – к объединению папской и королевской сторон против «английской свободы», что выразилось, в частности, в деспотическом правлении Иоанна Безземельного и борьбе вокруг Великой Хартии вольностей (р. 77), а затем и в «прямом союзе папы и короля против английской церкви и народа» в царствование Генриха III (р. 76). Таким образом, Фримен заметно упрощает сложные интриги и перипетии времён того же Иоанна Безземельного, которые далеко не ограничивались столь простой формулой, но, напротив, рас-

---

⁸ Подробнее см.: *Горелов 2008*.

полагали папство и корону, образно выражаясь, по разные стороны баррикад. В свою очередь, в кровопролитных распрях начала 1260-х гг., увенчавшихся созданием парламента, Фримен видит ни много ни мало борьбу всех слоёв английского общества, в том числе «национально ориентированных» представителей клира, против вышеупомянутого союза короны и папства, подрывавшего национальные интересы и опиравшегося на иноземных приближённых короля (р. 77). Эта точка зрения выглядит сегодня, конечно, спорной. Однако она вполне логично подводит к далеко идущим выводам Фримена о том, что борьба за парламент стала своего рода ренессансом английских национальных традиций государственности, уходящих корнями в англосаксонское время и противопоставляемых космополитической Анжуйской монархии, частью которой Англия была в XII в. Таким образом, английское общество возвращалось к своим древним истокам, и традиции одерживали верх над чужеземными порядками, привнесёнными нормандским завоеванием и франкоязычной правящей элитой.

В этом ключе, возникновение английского парламента выглядит вполне логичным продолжением староанглийских традиций политического устройства: местное самоуправление (сохранившееся как система и после нормандского завоевания) дало начало Палате общин как представительному институту законодательной власти со стороны низших и средних классов общества, а королевский совет – Палате лордов (как бы продолжая традицию ещё англосаксонского уитенагемота). Таким образом, по мнению Фримена, со времён Симона де Монфора и короля Эдуарда I, организовавших эти начала в единую систему в виде парламента, основы английского конституционного устройства были заложены навсегда и сохранялись практически в неизменном виде (р. 87).

Сравнивая средневековый английский парламент с аналогичными сословно-представительными органами за рубежом, Фримен делает акцент на социальную открытость английской элиты снизу, утверждая, что таковой не наблюдалось в других странах. В частности, даже пожизненное пэрство высшей знати в Палате лордов не имело наследственного характера. Подобный «демократизм» и персональное равенство всех и каждого перед законом, по мнению Фримена, придавали английскому социально-политическому устройству более прогрессивный и гибкий характер в сравнении с другими странами Европы, где были повсеместно распространены наследственные сословные привилегии и опиравшаяся на них корпоративность знати, составлявшей сильную оппозицию государственной власти (р. 88-90). Также Фримен отмечает, что именно в Англии депутаты от рыцарства и горожан относились к одной палате, тогда как в других странах рыцарство обычно отделялось от бюргерства в сословных представительствах. Это свидетельствовало о незамкнутом характере рыцарского сословия, сливав-

шегося с бюргерством и богатыми слоями свободного крестьянства в средний класс – опору государства, давая тем самым более широкий базис для истинно демократического представительства (р. 91-92). Специфика статуса английского духовенства в рамках парламента также заключалась в отсутствии отдельной палаты по сословному признаку, так как высший клир относился к Палате лордов, а низший – к Палате общин (р. 94). Таким образом, английское общество через призму двухпалатной парламентской модели видится Фримену менее сословным, чем общества континентальной Европы, а следовательно – более прогрессивным в своей политической организации.

Оценивая эпоху междоусобных войн Роз, с виду пагубную для внутреннего порядка в стране, Фримен оптимистично отмечает, что, тем не менее, институты народоправия сохраняли свою значимость (как и в эпоху баронских войн XII века), что выразилось в утверждении королей у власти при посредстве собраний лондонских горожан, а также в стремлении многих представителей знати занять место в Палате общин. Упадок парламентаризма он относит к эпохе Тюдоров (и далее Стюартов), объясняя его «деспотизмом» новых правителей Англии и гибелью старой аристократии в войнах Роз, в то время как сменившее её новое дворянство сильнее зависело от королевского абсолютизма, который в итоге вверг Англию в пучину религиозных конфликтов, связанных с Реформацией (р. 98-99). Возрождение парламентских традиций Фримен связывает с временем Гражданских войн в Англии XVII в., сравнивая их со смутой XIII века, давшей начало парламенту. Он подчёркивает: «В XVII в., как и в XIII, люди не требовали каких-либо новых прав и власти; они требовали лишь лучшего соблюдения тех, что уже были со старых времён» (р. 104). Таким образом, по мнению историка, континуитет законодательных традиций сохранялся в Англии по-прежнему, через века, не теряя своего постоянного характера и не завися от тех или иных внутривнутриполитических потрясений. Изменения выражались не столько в изменении законодательства как такового, сколько в учреждении новых административных институтов и структур; а новые законы лишь постепенно вырастали из старых (р. 106-107).

Выводы заключительной части книги подтверждают её главную мысль – идею континуитета. Не имея писаной конституции, Англия получила из своих не прерывавшихся традиций законодательства и демократических институтов конституцию неписаную, конвенциональную, воплощающую эти традиции «общего права» (common law) в их постоянно улучшавшейся и развивавшейся форме (р. 109-110). В свою очередь, практическое воплощение этой конституции выражается, по мнению Фримена, во всесии Палаты общин британского парламента, которая, являясь в его глазах органом традиционного английского народоправия, оказывала влияние на все важнейшие решения во внут-

ренней и внешней политике: объявление войны и заключение мира, утверждение и смещение высших государственных чиновников, и даже, в наиболее переломные моменты истории, конфронтация с королевской властью (р. 116). Эти полномочия Палаты общин основываются не столько на писаных законах, сколько на древних традициях народного самоуправления. Так, полномочия главы Палаты общин не прописаны в законах подробно, но, тем не менее, известны всем в силу традиции и не подвергаются сомнению. Более того, неписанные традиции оказывают мощное влияние на изменения в официальном законодательстве (р. 120-121). Таким образом, демократические традиции, идущие из старинных неписанных норм, имеют более живой и полезный для защиты прав граждан характер, чем искусственно созданные юристами классического Средневековья писаные законодательства, подготовившие почву для абсолютизма и ущемления прав и свобод (р. 123). Подобная сила «исконных», «народных» традиций самоуправления обусловила, по мнению Фримена, столь частые в истории Англии случаи, когда короли по воле народного представительства свергались с трона, возводились на него, или даже приговаривались к смертной казни (как в случае с Карлом I, который якобы проиграл борьбу с парламентом именно потому, что самонадеянно попытался возвысить абсолютистское начало над вековыми традициями подотчётности короны парламенту) (р. 128, 146). Фримен именует эти традиции «неискушённой мудростью англичан в те времена, когда законы уже были... но ещё не стали состязанием юристов в хитростях» (р. 130).

Своеобразную трактовку Фримен даёт эволюции поземельных отношений в средневековой Англии. Как известно, в условиях средневекового общества эти отношения затрагивали саму основу социального устройства и обычно описываются в историографии термином «феодализм», предоставляющим обширное поле для дискуссий. Специфика Англии в контексте общеевропейских тенденций состояла в том, что в англосаксонскую эпоху процессы феодализации там уже развивались, но не были завершены, а нормандское завоевание предопределило принцип верховной собственности короны на все земли государства, минуя присущую континентальным странам развитую феодальную иерархию⁹. В этом принципе Фримен видит поправление старых англосаксонских традиций, при которых король был лишь равным в юридическом отношении собственником земли, как и рядовой свободный общинник, а в ограничении парламентом этого принципа – возврат к исконным староанглийским традициям подобного «равенства» (р. 135-136). «Каждый акт, который ограничивал произвольные прерогативы короны, каждый акт, который защищал или увеличивал полномочия

---

⁹ Горелов. 2007. С.158.

парламента или свободу индивида, был возвращением, порой по букве и всегда – по духу, к нашему древнему Закону» (р. 137).

Королевская власть в Великобритании легитимна только потому, что одобрена и утверждена «волей народа» через парламент, и это также рассматривается как возврат к древним традициям англосаксонского / германского народоправства. Отличие английской монархической модели от прочих состоит в том, что Палата общин контролирует короля посредством неписаного права, как бы воскрешая в современных условиях модель выборной монархии англосаксонской эпохи (р. 139, 147-148). Эволюция государственной системы видится Фримену так: от выборных королей раннего Средневековья – через нарастающие тенденции к деспотизму и абсолютизму классического Средневековья – и далее к парламентской монархии, вновь возродившей древние начала в современном виде (р. 150-151). Ключевая мысль здесь заключается в том, что именно парламент от имени народа даёт королю право управления, т.е. народ уполномочивает монарха исполнять свои функции.

Таким образом, мы видим, что Фримену были присущи характерные для его времени и круга либеральные иллюзии о «народной монархии», при этом подкреплённые историческим обоснованием с изрядной долей политизированности. Надо отметить, что подобные иллюзии были отнюдь не специфическими именно для английской политической мысли. Достаточно вспомнить знаменитую российскую триаду «Православие, самодержавие, народность» или немецкую пословицу «Наш король самодержавен, когда он исполняет нашу волю». Скорее здесь можно говорить о специфических особенностях того или иного национального дискурса на данную тему, авторы которого искали теоретическую опору в исторических реалиях прошлого, подводя фундамент под здания своих национальных государств XIX века. В работах Фримена эти особенности сформированы соответствующей системой взглядов и методологических позиций учёного; он был в первую очередь характерным представителем политической истории и рассматривал исторический прогресс через призму эволюции политико-правовых институтов, определявших состояние общества в ту или иную эпоху. Политическая история в XIX в. носила отчётливый отпечаток позитивизма со всеми его положительными и отрицательными сторонами. Кроме того, Фримен был имперским историком – не только в том смысле, что писал во времена расцвета Британской империи, но и в том, что излюбленным предметом его внимания были империи прошлого (Древний Рим, Византия, Священная Римская империя), через которые происходила трансляция «арийских начал» современным великим державам, включая Великобританию¹⁰. Эта трансляция заклю-

---

¹⁰ *Stephenson. 2007. P. 126-128.*

чалась в континуитете обычаев, составлявших основы политического устройства и «национального духа», который в глазах Эдуарда Фримена – националиста, «германиста» и правоверного христианина – имел своего рода метафизический оттенок. Подобный взгляд на историю не был новым, восходя ещё к Гегелю, но в трудах Фримена и других европейских историков его времени он получил мощный импульс к развитию, приобретая завершённые формы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adams H.B. The Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. Johns Hopkins University Press, 1883.
- Barlow F. Freeman, Edward Augustus (1823–1892) // Oxford Dictionary of National Biography. OUP, 2004. URL: odnb2.pubfactory.com/view/article/10146/10146?docPos=25.
- Freeman, Edward Augustus. The growth of the English constitution from the earliest times. London: Macmillan, 1872.
- GB 133 EAF – Papers of Edward Augustus Freeman. ELGAR: Electronic Gateway to Archives at Rylands. The John Rylands University Library. URL: <http://archives.li.man.ac.uk/ead/html/gb133eaf-p2.shtml#id50842725>.
- Stephenson P. E.A. Freeman (1823–1892), a Neglected Commentator on Byzantium and Modern Greece // Historical Review / La Revue Historique. Vol. 4 (2007). P. 119–156.
- Горелов М.М. Скандинавская колонизация и национальная идентичность англосаксов в IX–XI вв. // Диалог со временем. 2008. № 25/2. С. 289–304.
- Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI в. СПб.: Алетейя, 2007.
- Глебов А.Г. Англия в раннее Средневековье. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998.

REFERENCES

- Adams H.B. The Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. Johns Hopkins University Press, 1883.
- Barlow F. Freeman, Edward Augustus (1823–1892) // Oxford Dictionary of National Biography. OUP, 2004. URL: odnb2.pubfactory.com/view/article/10146/10146?docPos=25.
- Freeman, Edward Augustus. The growth of the English constitution from the earliest times. London: Macmillan, 1872.
- GB 133 EAF – Papers of Edward Augustus Freeman. ELGAR: Electronic Gateway to Archives at Rylands. The John Rylands University Library. URL: <http://archives.li.man.ac.uk/ead/html/gb133eaf-p2.shtml#id50842725>.
- Stephenson P. E.A. Freeman (1823–1892), a Neglected Commentator on Byzantium and Modern Greece // Historical Review / La Revue Historique. Vol. 4 (2007). P. 119–156.
- Gorelov M.M. Skandinavskaya kolonizatsiya i natsional'naya identichnost' anglosak-sov v IX–XI vv. // Dialog so vremenem. 2008. № 25-2. S. 289–304.
- Gorelov M.M. Datskoe i normandskoe zavoevaniya Anglii v XI v. SPb.: Aleteiya, 2007.
- Glebov A.G. Angliya v rannee Srednevekov'e. Voronezh: Izd-vo VGU, 1998.

Горелов Максим Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru

Evolution and continuity of the English political traditions in works by E.A. Freeman

The article is devoted to the reflection of the evolution of English state and laws in the works by E.A. Freeman. The author emphasizes the ideal of continuity of English political traditions through the centuries.

Keywords: E.A. Freeman, constitution, Parliament, laws.

Maxim Gorelov, PhD, senior research fellow, Centre of Intellectual History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Email: heldenhammer@yandex.ru

**ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИНОНАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ НАРОДОВ
«ДУГИ НЕСТАБИЛЬНОСТИ» (XVIII–XXI вв.)**

Автор обращает внимание на ряд аспектов, которые надо учитывать при изучении стереотипов и образов, формировавшихся у народов России, Кавказа, Крыма и Балканских стран в процессе взаимодействия и противостояния на протяжении трех столетий. Начиная с XVIII в. в этой «дуге нестабильности» надолго схлестнулись геостратегические, политические, экономические и этноконфессиональные интересы России и Турции, Крымского ханства, Кавказских государств, Ирана, европейских держав и подключившихся позже США. Междисциплинарный комплексный подход позволит проследить трансформацию образов «Другого» вплоть до начала XXI в., для чего рекомендуется проведение эмпирических исследований.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Крым, Балканы, дуга нестабильности, стереотип, образ, историография, идентичность, социология

Россия, Крым и Балканские страны уже несколько столетий входят в так называемую «дугу нестабильности», но сам термин появился в XX в. Однако именно в XVIII в. на просторах рассматриваемой полиэтничной и поликонфессиональной территории как никогда ранее возросла напряженность и надолго схлестнулись геостратегические, политические, экономические и этноконфессиональные интересы Российской, Османской и Австро-Венгерской империй, Крымского ханства, Кавказских государств и политических образований, Персии, европейских держав и подключившихся позже США.

Данная статья не претендует на то, чтобы дать ответ на все вопросы, связанные с рассматриваемой проблемой. В ней только делается попытка осветить в рамках краткого обзора нескольких векторов, интегрирующих сопоставляемые территории в условиях межцивилизационного взаимодействия и противостояния – последнее предельно национализировано и четко обозначает образ «врага», конструируемый как *сверху* – правящей элитой, так и *снизу* – массами населения. Причем, как подчеркивает В.В. Дегоев: «В этом многоцветном и пульсирующем мире образ врага зачастую утрачивал свои классические формы, превращаясь в объект, вызывавший смешанные чувства и провоцировавший тягу к взаимопознанию и взаимоподражанию»¹. Трехвековые хронологические рамки нашего краткого обзора позволяют наметить несколько переломных этапов, влиявших на трансформацию стереотипов в «дуге нестабильности».

---

¹ Дегоев 2013. С. 8.

В отношениях между Западной Европой и Россией уже в XVIII в. сформировались устойчивые стереотипы, «которые в значительной мере воздействовали и на политическое мышление и политическую культуру европейцев, и на их обыденное массовое сознание, имея в виду их восприятие России»², и продолжают существовать в исторической памяти и политике в настоящее время. Точно так же и россияне имели к этому времени свой комплект стереотипов в отношении европейцев. Иная картина наблюдается во взаимоотношениях России, Кавказа, Крыма и Балканских стран. Давние, но в целом эпизодические отношения между народами, населяющими рассматриваемые территории, разумеется, успели заложить определенный фундамент представлений друг о друге, но с наступлением XVIII столетия ситуация стала меняться кардинальным образом в связи с активизацией в регионе России, которая на своих южных кавказских рубежах проявила себя сильным и опасным конкурентом. А в европейской политике она разрушила установившийся с XVII в. баланс сил на континенте.

XVIII век стал чрезвычайно важным этапом в истории российско-крымских отношений. «К этому времени в черноморско-восточно-средиземноморском регионе сложилось господство двух родственных тюркских гособразований – крымского ханства и оттоманской государственности...»³. Крымское ханство (турецкий вассал с XV по XVIII в.) служило ударной силой османской агрессии против России и других славянских стран. В переломном XVIII в. закончился долгий период почти непрерывного противостояния и оба народа начали постепенно переходить к практике мирного сотрудничества.

Крым можно сравнить с Кавказом, который с давних времен воспринимался и как пограничный регион, и как связующее звено между Западом и Востоком, а проблемы с образом «врага», исторической памятью и идентичностью стоят здесь столь же остро. Османская Порта и европейские соперники России прекрасно сознавали, что усиление России на Кавказе и в Крыму приведет рано или поздно к активизации ее политики на Балканском полуострове и на Ближнем Востоке. В последней четверти XVIII в. произошло идеологическое и военно-политическое оформление претензий России на регион Кавказа и Закавказья, определился еще один южный вектор (другим был балканский) ее внешней политики: присоединение Грузии (1801) и Азербайджана (1803), войны с Турцией (1812) и Ираном (1813), Кавказская война (1817–1864). К концу XIX в. Россия окончательно присоединила Чечню, Горный Дагестан и Северо-Западный Кавказ⁴.

---

² Чубарьян 2011. С. 18.

³ Харлампий Политидис. Русско-турецкое противоборство...

⁴ Сегодня Большой Кавказ (и российский Северный Кавказ как часть макрорегиона «Кавказ») представляет собой один из самых нестабильных регионов. Не слу-

В XIX в. Россия все активнее включается в разрешение балканских проблем. В результате сформировались противоречия, вошедшие в историю под названием «Восточного вопроса» (Крымская война 1853–1856 гг. часть этого «вопроса»), не имеющего аналогов в предшествующей истории Балкан, как и судьбоносная для Болгарии русско-турецкая война 1877–1878 гг. Болгария освободилась от османского господства, была восстановлена болгарская государственность. Однако Сербия с Румынией, Австрия с Англией и Османской империей остались недовольны успехами российских войск в Закавказье и на Балканском полуострове, что привело к созыву Берлинского конгресса.

Британский публицист Д.Э. Бакер в свое время писал: «Балканы и Малая Азия занимают самую важную стратегическую позицию в мире. Они представляют собой ядро и центр Старого Света, разделяют и одновременно связывают три материка: Европу, Азию и Африку...»⁵. Подобную роль играет и Большой Кавказ. С мнением Бакера перекликается тезис Харлампия Политидиса (член президиума Конгресса национальных объединений России) о том, что «Балканы, Кавказ и Крым в геополитическом смысле... могут быть в сфере влияния и контроля либо Великой Русской равнины, либо Анатолии (касательно Балкан, Кавказа и Крыма); либо Иранского нагорья (касательно Кавказа и Крыма и в меньшей степени Балкан)»⁶. Подобная «конфигурация» порождает притязания и нестабильность в регионе. В геополитическом смысле Кавказ, Крым и Балканы – буферные зоны, в которых помимо уже указанных интересов каждая из сторон стремилась утвердить свою ведущую роль в судьбах христианства или мусульманского мира.

После Первой мировой войны на территориях Российской, Османской и Австро-Венгерской империй возникли новые национальные государства, у которых произошло частичное или кардинальное переформатирование образов «свой-чужой», «друг-враг», например, Турция в период правления Кемаля Ататюрка. Вторая мировая война и ее последствия внесли новые коррективы в уже сложившиеся образы друг друга и в характер взаимоотношений между странами и народами рассматриваемого региона. Мир разделился на два лагеря: капиталистический и социалистический. В лагерь социалистических стран вошли и балканские государственные образования, в частности Болгарская Народная Республика, представляющая для нас особый интерес. Наконец, после ликвидации Варшавского блока и СЭВ, развала СССР (1991), иных коллизий и перемен произошел новый виток переформа-

---

чайно многие политологи и геополитики считают, что этому региону суждено стать «русскими евразийскими Балканами», выступив в качестве ключевого звена «евразийского пояса нестабильности», простирающегося от Балкан до Гималаев.

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф.776. Оп.32. Д.132. Л.311.

⁶ Харлампий Политидис. Русско-турецкое противоборство...

тирования инациональных образов. В итоге разбалансировки противоборствующих сил (лагерей) сложилась новая геополитическая ситуация, сопровождающаяся трансформацией взаимоотношений, где-то сменой образов «свой-чужой», «друг-враг», у других – озабоченностью тем, что последние события основательно расшатали однополярный мир под названием Pax Americana. И чтобы сделать систему устойчивой бывший госсекретарь США Генри Киссинджер предлагает вернуться к концепции балансиров, которая легла в основу Вестфальского мира по итогу первой общеевропейской Тридцатилетней войны⁷. Стоит, однако, вспомнить о том, что Версальская система договоров, основанная на праве наций на самоопределение, «не привела к ликвидации множества национальных противоречий. Новые границы снимали ряд старых противоречий, но порождали новые. При этом все балканские страны оставались многонациональными». Только в XX в. славянский мир трижды менялся самым кардинальным способом – после каждой из двух Мировых войн и после краха европейского социализма и окончания «холодной войны»⁸, что не раз приводило к национальным катастрофам, а во-вторых – влияло на изменение ориентиров в отношении к «своим» и «чужим», «друзьям» и «врагам».

В результате демонтажа советского режима на постсоветском и постсоциалистическом пространстве развернулась настоящая война, в т.ч. и за историю, имеющая, к сожалению, ярко выраженную антироссийскую направленность. Сегодня интерпретация прошлого стала одним из главных средств отдаления Азербайджана, Грузии и Украины от России. Они, как и ряд других постсоветских режимов, переосмысливая собственные истории, избрали главным инструментом легитимации начатых реформ критику советского прошлого и всего, что связано с Россией. К примеру, вхождение «украинских земель» в состав России расценивается ныне как уничтожение «Украинской казацкой державы», как одно из «тяжких преступлений царизма перед украинским народом»⁹, а итог пребывания «Украины» в составе России характеризуется как отрыв от европейской цивилизации и деградация. Украина не одинока в своем стремлении конструировать историю, противоположную той, что ей «навязывалась прежде»¹⁰.

Сказанное относится и к некоторым странам «постсоциалистического лагеря», в которых с конца 1980-х – начала 1990-х гг. наблюдается процесс изменения исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем. Подобную тенденцию отмечают многие исследователи и, как заметил В.И. Косик: «пожалуй, из всех

---

⁷ См.: В новом «мировом порядке» России не будет вообще...

⁸ Никифоров 2014. С. 4.

⁹ Турченко, Мороко 2003. С. 74.

¹⁰ Ферро 1992. С. 11.

балканских стран Болгария имеет больше всего страниц в своей истории, которые с удовольствием вычеркнули бы некоторые историки. <...> С точки зрения некоторых мыслителей, ...освободив Болгарию, самодержавная Россия тем самым нарушила естественный или, скажем, эволюционный процесс обретения государственности через демократическую трансформацию Османской империи»¹¹ и т.д. Говоря о подобных негативных тенденциях, Л.З. Копелев отмечал, что от предрассудков, связанных с образом врага «человечество страдает с самого начала своего существования. И все еще не может исцелиться»¹².

Таким образом, XIX и начало XX в., а также рубеж XX–XXI вв. ознаменовались чередой нескольких кардинальных перемен для автохтонных и старожильских народов балканской, крымской, кавказской территорий и для народов других государств сопредельных с «дугой нестабильности». Распад империй, раздробление больших стран и формирование национальных государств, порождают новые конфликты. Сейчас, по сути, происходит возвращение к ситуации конца XIX – начала XX в., с присущими тому времени взаимными территориальными и иными претензиями, этническим национализмом и т.п.

Следующий аспект нашей темы связан со сходством территорий Кавказа, Крыма и Балкан, который нельзя сводить к идентичности рельефа. «Каждое из этих пространств находится на пересечении великих лимитрофных зон, т.е. между западным и восточным христианством; между христианством и исламом. Они являют собой периферию, великое пограничье, для которых характерно многовековое сохранение ряда национальных и локальных культур, никогда не объединявшихся воедино»¹³. К тому же в отличие от Западной Европы, на огромном пространстве от Кавказа до Балкан в ментальности населения доминирует этнокультурная близость при этнической чересполосице, которая до сих пор провоцирует множество территориальных споров и порождает различные планы перекройки Балкан. Мировому капиталу невыгодно работать с сильными государственно-национальными образованиями. Если евро-американский проект дробления национальных государств

---

¹¹ Косик 2006. С. 144; Славянский мир... 2006. С. 111, 116-117, 127.

¹² Копелев 1994. С. 25. В этом плане интересен казус вокруг приглашения-неприглашения Р.Т. Эрдогана и В.В. Путина на празднование 138-й годовщины освобождения Болгарии. Шумиху, поднятую в медийных сетях вокруг этого вопроса, разрядил официальный представитель МИД Болгарии Бетина Жотева, заявив, что главы иностранных государств не приглашались на официальные мероприятия. Показательна реакция многих болгар – это, к примеру, двойной болгаро-российский флаг, сшитый жительницей Хасково, которая освятила его и сказала: «Теперь у нас есть еще один общий святой – Св. Серафим Соболев!», или слова профессора Румяны Михневой (в фейсбуке) о том, что Эрдогана «никогда не пригласят, пока наши дети учат стихи о “Шипке” и поют песню “Жители Клисурь стали москвичами, а все из Панагюрище - донские казаки”!». См.: Румяна Михнева [Элект. ресурс].

¹³ Плохотнюк 2015. С. 36.

на этнические и религиозные государственные образования будет вошел в жизнь, не исключено что наступит время, когда географические и политические границы будут проходить уже по этнокультурным и религиозным водоразделам.

В «дуге нестабильности» у народов сложилось свое понимание этнической идентичности, отличающейся и от «немецкой» концепции нации (по крови), и от «французской» (по гражданству), и от американского «плавильного котла». Как отмечал Н.А. Ерофеев: «образы-представления занимают ключевое положение в ментальности: именно в образы отливаются важнейшие мысли и чувства, волнующие общество в данную эпоху, в них фиксируется картина мира, опосредованно отражаются общественные институты и устоявшиеся формы быта»¹⁴. Этноконфессиональные связи прочнее гражданской/национальной идентичности. В условиях современной нестабильности этноконфессиональные предпочтения среди населения региона возрастают и зачастую оказываются сильнее иных так называемых «скреп».

Анализируя политические проблемы, сохраняющие актуальность до наших дней, исследователи, как и политики, используют определенные мифы и стойкие стереотипы – представления о дихотомии «свой-чужой», «друг-враг», которые варьировались в зависимости от изменения ситуации, что затрудняло непредвзятое восприятие «чужого». Однако во времена больших перемен (к ним относится и наше время) «народы как бы заново познают друг друга, когда открывается возможность, опираясь на уроки истории, на личный жизненный опыт и новую реальность, пересмотреть, проверить, скорректировать, опровергнуть или поддержать бытующие в сознании и культуре представления о других народах»¹⁵. В современных условиях деконструкция стереотипов национальных взаимопредставлений приобретает особое значение.

Для понимания других аспектов изучения процессов, происходящих в общественно-политическом и бытовом сознании разных народов, Л.Е. Горизонтов рекомендует отказаться от страноведческого подхода, не позволяющего «задействовать весь познавательный потенциал современной гуманитаристики». Продолжая эту мысль, автор указывает на прямую связь между этническими и этноисториографическими стереотипами (образы национальных историографий), которые в немалой степени «являются производными от первых, и потому аксиологически они заряжены однополярно. <...> Изменить историографические репутации... так же сложно, как изменить образ страны за рубежом в целом». Возможность оздоровления ситуации Горизонтов видит «на путях повышения профессиональной ответственности историков, углубления международной кооперации, проведения компаративных

---

¹⁴ Ерофеев 1982. С. 9.

¹⁵ Славомир Вольман 2014. С. 5-6.

исследований и разработок в русле *entangled history*»¹⁶. Такой подход должен способствовать изменению имиджа страны.

Благодатный материал для изучения взаимных «образов» русских, кавказцев, крымчан и балканцев (болгар) содержат разные виды источников: путевые дневники, мемуары, труды историков, военно-историческая и сатирическая публицистика, художественная литература и т.д. Но, принимая во внимание хронологические рамки исследования – более трех столетий, – считаю, что в данном случае можно отказаться от привлечения литературы (это требует большого самостоятельного исследования). К тому же, «художественная литература – это не единственный и не самый важный тип дискурса, посредством которого создаются, распространяются и усваиваются национальные стереотипы»¹⁷.

Процесс аккумуляции представлений друг о друге, формирования стереотипов и образов, к примеру, во взаимоотношениях России и Болгарии (ограничимся ими, поскольку охватить здесь остальных акторов «дуги нестабильности» не представляется возможным) в общих чертах можно изобразить следующим образом.

XVIII век – начало XIX в. В России при Петре I появились идеи по-новому изучать и осваивать славянский мир – светское измерение: Петр I и Г.Ф. Лейбниц, перевод книги М. Орбини; церковное – перевод книги Ц. Барония, оба сочинения были известны в России и популярны на Балканах на протяжении XVIII в. Формированию взаимопредставлений способствовали отдельные переселения болгар на черноморский юг России (Крым и современная территория Украины). Первые русско-турецкие войны спровоцировали новые волны переселения болгар в Россию. В 1920-е гг. – научные исследования: Румянцевский кружок, Калайдович, Венелин; начало активной деятельности одесских болгар; русско-турецкая война 1828-1829 гг. и новая волна массовой миграции болгар в Россию; военно-историческая публицистика России; учеба болгар на юге России; новые идеи о том, кому нужно изучение болгар. Среди самих болгар – стремление добиться российских стипендий и учиться в России – в лицеях, духовных академиях, университетах; переводы сочинений с русских оригиналов, компиляции¹⁸ и т.п.

В 20-е – 80-е годы XIX века появляются новые возможности для углубления взаимопредставлений и коррекции стереотипов. Творчество болгар: Спиридон Палаузов, Марин Дринов, создание Софийского университета; сотрудничество между историками; уход из жизни первого поколения («первой волны») российских университетских славистов – Бодянский, Григорович, Срезневский. Смещение центров обучения

---

¹⁶ Горизонтов 2015.

¹⁷ Павел Яначек 2014. С. 46-47.

¹⁸ Подробнее см.: Муртузалиев 2013.

болгар – основным центром притяжения становится Харьковский университет, где преподавал М. Дринов, хотя некоторые болгары заканчивали обучение в Петербурге или в Москве.

1880–1920-е годы. К 1920-м гг. в расцвете сил были болгарские историки, которые обучались в России или поддерживали контакты с ней. Они создавали образ прошлого и настоящего своей страны, а через это частично и образ исторического прошлого России и россиян. После Октябрьской революции 1917 г. в Софийском университете начали работать более 15-ти российских историков «Высшего сорта» – так их именовали сами болгары. Исследования и личное присутствие выдающихся историков во все периоды давало о себе знать в процессе формирования образа россиян у болгар и образа болгар у россиян.

Если взглянем на российскую дореволюционную историографию, то обнаружим солидный опыт изучения культурно-религиозных связей Русского государства с народами Кавказа, Крыма и Балкан. Сложные военно-дипломатические отношения Российской и Османской империй, культурные контакты с христианами, растущее внимание царского правительства и общества к южнославянским народам в XVIII–XIX вв. создавали ту среду, для которой информация о зарубежных славянах в османском государстве постепенно начинала представлять первостепенный интерес. Этому способствовали и резко возросшие в XIX в. возможности познания мира, что позволило некоторым исследователям уподобить активизацию путешествий европейцев с пандемией. Российские дипломаты, исследователи, туристы, представители духовенства, паломники к святым местам на Востоке, наконец, русские воины, контактировавшие с болгарами, способствовали формированию их образа в глазах россиян. Параллельно с этим и у болгар складывались определенные представления (стереотипы) о русских и о России¹⁹. Развитие подобных контактов способствовало углублению процесса взаимопознания. С конца 1850-х гг. прежде чисто теоретическое философское славянофильство перешло в плоскость реальной политики. Это совпало с подъемом национально-освободительной борьбы южных славян, в первую очередь борьбы болгар против Константинопольской патриархии за церковно-национальную независимость²⁰, что сопровождалось активизацией русско-болгарских связей и дальнейшим процессом взаимопознания, корректировкой стереотипов.

Мы подошли еще к одному важному аспекту проблемы. Если исследование предполагает проведение социологических опросов, тогда, следуя замечанию П. Яначека, нужно принять во внимание, что «в социологии под этническим/национальным стереотипом подразумевается

---

¹⁹ Муртузалиев 2015.

²⁰ Афон и русская литература XIX века...

одна из многих познавательных схем, созданных посредством определенной системы репрезентаций. С их помощью конкретная социальная группа... конструирует определенную социальную реальность». В связи с этим Яначек считает необходимым напомнить методических указаний: «1. Стереотипы – это существенное средство конструирования и изучения социальной идентичности, что необходимо для интеграции отдельных индивидов в группу. Общественная коммуникация невозможна без стереотипов. 2. Национальный стереотип отражает не реальность, к примеру, не национальный характер народа, но представление другого народа о нем. 3. Национальные стереотипы составляют систему гетеростереотипов (кто они такие) и автостереотипов (кто мы такие). 4. Национальный стереотип является не отражением непосредственного опыта общения, а результатом культурных традиций, передаваемых из поколения в поколение, социального влияния и влияния СМИ. 5. Национальный стереотип равнодушен к индивидуальному опыту, даже в случае если он с ним несовместим. 6. Национальные стереотипы носят оценочный характер, всегда обременены позитивными или негативными эмоциями. 7. Национальные стереотипы устойчивы к переменам, имеют продолжительный эффект, проявляют стабильность в течение короткого и более длительного исторических периодов»²¹.

Процесс взаимодействия с народами, обладающими иными ценностями, особенно если эти «чужие» ценности начинают оказывать давление, ускоряет самоидентификацию, приводит к национальной идентификации. Подъем национализма в мире – один из ответов на вызовы культурного глобализма через утверждение «осязаемых» этнокультурных ориентиров идентичности. Социолог И.С. Семененко подчеркивает: «Как система социально значимых ориентиров “узнавания” себя идентичность постоянно находится в процессе становления и переосмысления своих характеристик. Но в информационном обществе, в мире многоуровневой взаимозависимости социальных субъектов и индивидов сами референтные ориентиры становятся все более неопределенными, размытыми и изменчивыми. Они подвержены влиянию стремительно растущих потоков информации и сами формируют пространство информации и коммуникации»²². Это следует учитывать.

Решая поставленные задачи, надо помнить, что «преследуя свои цели, идеология институтов власти реанимирует и модернизирует возникшие в прошлом этнические/национальные стереотипы, перманентно обновляя исторический нарратив и актуализируя национальную мифологию. Это происходит путем выработки того, что теперь квалифицируется как “историческая политика”, которая реинтерпретирует

---

²¹ Яначек 2014. С. 40-41.

²² Поиск национально-цивилизационной идентичности... 2004. С. 40-41.

прошлое и интерпретирует настоящее под углом зрения текущей государственно-политической программы, разрабатываемой в ее рамках идеологии и вытекающей из нее массовой пропаганды»²³.

Именно на основе инокультурных стереотипов возникают так называемые «образы», которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт, и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы²⁴.

Представляется закономерным рост научного и практического интереса к изучению образов «Другого» как составной части картины внешнего мира с позиций историко-имагологического подхода. Исследования межэтнического взаимовосприятия открывают специфичные для каждой из этнических культур различия в представлениях о «других» и оценках «другого». Сложность изучения трансформации стереотипов других народов заключается в том, что на каждом из выделенных выше этапов, образы «другого» изменялись в представлениях каждого из акторов. Насколько – покажут дальнейшие исследования. Если обратимся к истории России XX столетия, то идентичности менялись дважды – первый раз в начале века, а старт второй был дан на рубеже XX–XXI вв. Причем одна идентичность наслаивалась на другую, из которой, мутируя, произрастала новая идентичность. В современной России пока только еще формирующаяся национальная идентичность представляет собой нечто вроде винегрета или слоеного пирога. Параллельно этому идет процесс переформатирования восприятия «других» соседей по «дуге нестабильности». Возрастающее значение расширения диалога требует учета культурного многообразия и уникальности каждой цивилизации, необходимости познания своего соседа и себя. В этой связи возрастает интерес к исследованию взаимных представлений, к оценке инаковости «другого/чужого» на основе собственной системы ценностей, что способствует самоидентификации и сплочению нации, столь необходимых и для современной России.

БИБЛИОГРАФИЯ

Афон и русская литература XIX века. URL: <http://afonit.info/biblioteka/russkij-afon/afon-i-russkaya-literatura?tmpl=component&print=1&layout=default&page=>

В новом «мировом порядке» России не будет вообще // <http://bditelnost.info/2016/02/15/1880/>
Вольман С. От редколлегии // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / отв. ред. А.В. Липатов, Ю.А. Созина. М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2014.

Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012.

Горизонтов Л.Е. Политизация истории и этноисториографические стереотипы: Восточно- и Центрально-европейские модели рубежа XX–XXI вв. // История – поле сражений / сост. А.Б. Давидсон. М.: Собрание, 2015.

²³ Липатов 2014. С. 50-51.

²⁴ Голубев, Поршнева 2012. С. 9.

- Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М.: Изд. Модест Колеров, 2013.
- Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. М.: Наука, 1982.
- Копелев Л.З. Чужие // Одиссей: Человек в истории – 1993. М.: Наука, 1994.
- Косик В.И. Футурология прошлого (К вопросу об исторической памяти) // Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2006.
- Липатов А.В. Историко-цивилизационный фактор инонационального восприятия (на примере польского отношения к русскости) // Россия и русский человек в восприятии славянских народов... .
- Муртузалиев С.И. Болгария в тени полумесяца. Изучение истории Болгарии и Османской империи в России (XV- первая половина XIX в.). М.: Мамонт, 2013.
- Муртузалиев С.И. Болгары в военных записках художника В.В. Верещагина // Места на всеидневиего на Балканите. Шумен, 2015.
- Никифоров К.В. Введение // Балканы в европейских политических проектах XIX-XXI вв. Сб. статей / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2014.
- Плохотнюк Т.Н. Кавказ-Карпаты-Балканы: немецкий элемент демографической структуры региона в XIX – XX вв. как фактор развития национального менталитета // Кавказ-Карпаты-Балканы: геополитические, этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв. / отв. ред. И.В. Крючков, К. В. Никифоров, Ф. Саваи. Ставрополь: СКФУ, 2015.
- Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации / Отв. ред. В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2004.
- Российский государственный исторический архив. Фонд 776. Оп. 32. Д. 132. Л. 311.
- Румяна Михнева // <https://www.facebook.com/ROUML.MIHNEVA/posts/10153956453634346>
- Славянский мир: проблемы истории и современности (Памяти Владимира Константиновича Волкова). М.: Институт славяноведения РАН, 2006.
- Турченко Ф.Г., Мороко В.М. Історія України. Кінець XVIII- початок XX століття. Підручник для 9 кл. загальноосвіт. навч. закл. Київ: Генеза, 2003.
- Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.
- Харлампий Политидис. Русско-турецкое противоборство как определяющий фактор геополитических реалий Кавказа и Малой Азии // URL: www.pravoslavie.ru/5113.htm
- Чубарьян А.О. Стереотипы и образы России в европейском мышлении и массовом сознании // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / [сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова]; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011.
- Яначек, Павел. «Русак», животное, добрая душа и художник. Национальные стереотипы русских и России в чешской литературе начала XXI века // Россия и русский человек в восприятии славянских народов...

REFERENCES

- Afon i russkaya literatura XIX veka. URL: <http://afonit.info/biblioteka/russkij-afon/afon-i-russkaya-literatura?tmpl=component&print=1&layout=default&page=>
- Chubar'yan A.O. Stereotipy i obrazy Rossii v evropeiskom myshlenii i massovom soznanii // Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akad. V.A. Tishkova / [sost. M.N. Guboglo, N.A. Dubova]; In-t etnologii i antropologii. M.: Nauka, 2011.
- Deгоеv V.V. Nepostizhimaya Chechnya: Sheikh-Mansur i ego vremena (XVIII vek). M., 2013.
- Erofeev N.A. Tumannyi Alb'ion: Angliya i anglichane glazami russkikh. M.: Nauka, 1982.
- Ferro M. Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira. M., 1992.
- Golubev A.V., Porshneva O.S. Obraz soyuznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh vojn. M.: Novyi khronograf, 2012.
- Gorizontov L.E. Politizatsiya istorii i etnoistoriograficheskie stereotipy: Vostochno- i Tsentral'no-evropeiskie modeli rubezha XX–XXI vv. // Istoriya – pole srazhenii / sost. A.B. Davidson. M.: Sobranie, 2015.

- Kharlampii Politidis. Russko-turetskoe protivoborstvo kak opredelyayushchii faktor geopoliticheskikh realii Kavkaza i Maloi Azii // URL: www.pravoslavie.ru/5113.htm
- Kopelev L.Z. Chuzhie // Odissei: Chelovek v istorii – 1993. M.: Nauka, 1994.
- Kosik V.I. Futurologiya proshlogo (K voprosu ob istoricheskoi pamyati) // Rossiya i Bolgariya. K 125-letiyu russko-turetskoi voiny 1877-1878 gg. M., 2006.
- Lipatov A.V. Istoriko-tsvivilizatsionnyi faktor inonatsional'nogo vospriyatiya (na primere pol'skogo otnosheniya k russkosti) // Rossiya i russkii chelovek v vospriyatii slavyanskikh narodov... 2014.
- Murtuzaliev S.I. Bolgariya v teni polumesyatsa. Izuchenie istorii Bolgarii i Osmanskoi imperii v Rossii (XV - pervaya polovina XIX v.). M.: Mamont, 2013.
- Murtuzaliev S.I. Bolgary v voennykh zapiskakh khudozhnika V.V. Vereshchagina // Mesta na vsekidnevnoy na Balkanite. Shumen, 2015.
- Nikiforov K.V. Vvedenie // Balkany v evropeiskikh politicheskikh proektakh XIX-XXI vv. Sb. statei / Otv. red. R.P. Grishina. M., 2014.
- Pavel Yanachek. «Rusak», zhivotnoe, dobraya dusha i khudozhnik. Natsional'nye stereotipy russkikh i Rossii v cheshskoi literature nachala XXI veka // Rossiya i russkii chelovek v vospriyatii slavyanskikh narodov... 2014.
- Plokhotnyuk T.N. Kavkaz-Karpaty-Balkany: nemetskii element demograficheskoi struktury regiona v XIX–XX vv. kak faktor razvitiya natsional'nogo mentaliteta // Kavkaz-Karpaty-Balkany: geopoliticheskie, etnokonfessional'nye, regional'nye i lokal'nye komponenty natsional'nogo mentaliteta v XVIII–XX vv. / otv. red. I.V. Kryuchkov, K.V. Nikiforov, F. Savai. Stavropol': SKFU, 2015.
- Poisk natsional'no-tsvivilizatsionnoi identichnosti i kontsept “osobogo puti” v rossiiskom massovom soznanii v kontekste modernizatsii / Otv. red. Lapkin V.V., Pantin V.I.). M. 2004.
- Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. Fond 776. Op. 32. D. 132. L. 311.
- Rumyana Mikhneva // <https://www.facebook.com/ROUMI.MIHNEVA/posts/10153956453634346>
- Slavyanskii mir: problemy istorii i sovremennosti (Pamyati Vladimira Konstantinovicha Volkova). M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 2006.
- Turchenko F.G., Moroko V.M. Istoriya Ukraïni. Kinets' XVIII - pochatok XX stolittiya. Pidruchnik dlya 9 kl. zagal'noosit. navch. zakl. Kiïv: Geneza, 2003.
- V novom “mirovom poryadke” Rossii ne budet voobshche // [http://bditelnost.info/2016/02/15/1880/Volman S. Ot redkollegii // Rossiya i russkii chelovek v vospriyatii slavyanskikh narodov... 2014.](http://bditelnost.info/2016/02/15/1880/Volman_S._Ot_redkollegii_//_Rossiya_i_russkii_chelovek_v_vospriyatii_slavyanskikh_narodov..._2014)
- Муртузалиев Сергей Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; msihistory2000@yandex.ru*

Studying ethnic stereotypes in the relations between the peoples of the “instability range”, 18th – 21st centuries

The author attracts attention to a number of aspects that should be taken into consideration when studying ethnic stereotypes and images that the peoples of Russia, the Caucasus, Crimea and the Balkans developed in the course of the three centuries of interaction and confrontation. From the 18th century, the “instability range” was the place where geopolitical, economic and confessional interests of Russia and Turkey, the Caucasian nations, Iran, European countries and later of the USA met and often clashed. An interdisciplinary approach allows to trace the transformation of the image of the “alien” to the early 21st century.

Keywords: *Russia, the Caucasus, Crimea, the Balkans, instability range, stereotype, historiography, identity, sociology*

Sergey Murtuzaliyev, Dr.Sc (History), Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; msihistory2000@yandex.ru

В. П. Литвинов

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО МУСУЛЬМАН РУССКОГО ТУРКЕСТАНА: МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

В статье рассматривается фактически неизученная проблема использования турецкой разведкой «святых мест» мусульман Средней Азии для проведения антироссийской пропаганды. Проникновение России в Туркестан вызвало испуг у правящих кругов Османской империи, отреагировавшей на это засылкой своих агентов в Прикаспийский регион. Османская агентура осуществляла подрывную деятельность, как правило, у «святых мест» ислама в Средней Азии, поскольку именно у них собирались значительные массы паломников-мусульман – благодатная аудитория для усвоения идей панисламизма и пантюркизма. Фактически все антирусские бунты в регионе «вырастали» у могил исламских «праведников».

Ключевые слова: Туркестан, «святые места», мусульмане, турецкая агентура, антироссийская пропаганда, военная администрация, панисламизм, пантюркизм

Когда речь заходит о Русском Туркестане, то отпадает необходимость в указании хронологических рамок исследования, поскольку общеизвестно, что регион с таким названием существовал с февраля 1865 г., когда была учреждена Туркестанская область, преобразованная в 1867 г. в одноименное генерал-губернаторство (край) до февраля 1917 г. – времени окончательного падения царизма. Кое-кому из националистически ориентированных историков стран т.н. «Центральной Азии» не нравится термин «Русский Туркестан», так как он напоминает им о каком-то «российском колониализме». При этом у них не вызывают никакого раздражения термины: «Китайский Туркестан» и «Афганский Туркестан», которые широко употреблялись до революции и сегодня тоже нередко вводятся в научный и публицистический оборот.

О Русском Туркестане было написано немало, особенно в досоветские времена. Проблемы края рассматривались всесторонне – в экономическом, политическом, социальном и проч. отношениях. О «святых местах» мусульман региона писали намного меньше, а проблема их использования зарубежными спецслужбами в антироссийских целях, вообще, была предана забвению. Данная статья нацелена на восполнение этого пробела в истории дореволюционной Средней Азии.

Османская империя была наиболее ярким противником на южных рубежах Российской империи. Действительно, история российско-турецких отношений изобиловала разного рода военными конфликтами – от масштабных войн до мелких пограничных стычек. Подрывная деятельность турок особенно обострилась после того, как во второй половине XIX в. Россия начала наступление на Среднюю Азию, присоединив к концу столетия огромные пространства Туркестана.

Об истории русско-турецких отношений существует весьма богатая литература. В одних только учебниках эта проблема рассматривается во многих десятках случаев, но ни один из них не находит эти отношения безоблачными и дружественными. Так, например, видный отечественный историк российской дипломатии, В.М. Хвостов отмечал, что в рассматриваемый период в геополитической структуре Восточного вопроса Порты всегда имела недружественную позицию по отношению к России¹. В постсоветский период научная и учебная литература не вынашивала никаких иллюзий относительно прошлого российско-турецких отношений². И в дореволюционный, и в советский, и в постсоветский период вопрос о подрывной деятельности турецких спецслужб в Русском Туркестане, в среднеазиатских ханствах – Бухарском, Хивинском и Кокандском (до 1876 г.) – рассматривался в исторической литературе, однако как-то «мимоходом», без углубленного исследования проблемы, в основном – через призму распространения идей панисламизма и пантюркизма в мусульманских анклавах царской России³. Понятно, что целостной картины деятельности агентуры Османской империи в Туркестане так и не было создано, тем более, применительно к «святым местам» ислама в регионе. В настоящей статье будет рассмотрен именно этот аспект указанной проблемы, нуждающейся, конечно, в более масштабной и глубокой разработке.

Туркестанская модель религии Пророка издавна именовалась «исламом гробниц». Несмотря на то, что Мухаммед категорически осуждал культ «святых», адепты его вероучения в Средней Азии изначально были привержены паломничеству к «мазарам» – местам захоронения разного рода «праведников». Таких объектов в регионе было великое множество и нам приходилось писать об этом подробно⁴.

«Пионером» агентурного освоения турками Средней Азии можно считать шейха Эфенди-Таура. Султан Мехмет II Фатих (1451–1481), захватив в 1453 г. Константинополь, отправил последнего в места, откуда пришел со своими полчищами хромой «язычник» Тимур, разгромивший в 1402 г. при Анкаре войска тогдашнего турецкого правителя Баязида I Йылдырыма (Молниеносного). Разумеется, Эфенди-Таур тогда еще не вел антироссийской пропаганды, однако, часто и охотно посещая «святые места» ислама в Туркестане, он проповедовал среди паломников идею о том, что турецкий султан – победитель христиан стал «халифом» всех «правоверных» (мусульман) мира. В конце XV в. шейх упокоился в Ташкенте, а его могила была объявлена «святой». Она ни-

---

¹ Хвостов 2006.

² См. напр.: Османская империя... 1995.

³ Евдокимов 1911; Аршаруни, Габидуллин 1931; Сабитов 1951.

⁴ См.: Литвинов 2006.

когда не была центром многолюдного паломничества, но, тем не менее, одна из 4-х частей города называлась «Шейхантаурской» (другие три: Кукча, Себзор и Беш-Агач)⁵.

Стоит заметить, что до прихода России в Туркестан среднеазиатские ханы относились отрицательно к признанию турецкого султана халифом всех «правоверных» планеты – они не хотели делить с ним власть над подданными, а, тем более, подчиняться ему. Так, в 1780-х гг. бухарский правитель Сейид Шах-Мурад Бохадыр-хан присвоил себе титул: «амир эль-муменин» («повелитель правоверных»). В начале XIX в. его примеру последовал кокандский правитель Алим-хан. Не остался в долгу и хивинский хан. Понятно, что это неприятно отразилось на претензиях турецких султанов быть халифами мусульман Туркестана.

Антироссийская деятельность турецкой агентуры в регионе началась после того, как в 1830-х гг. царское правительство стало устраивать форты на северо-восточном побережье Каспийского моря. Напуганные столь опасной стратегией России, власти Османской империи в начале 1840-х гг. направили в Туркестан трех агентов из числа турецких офицеров-накшбендийцев⁶. Старшим в «команде» был Кутлуг-хаджи, ему помогали Мухаммед-Шериф и Юсуф-ишан. Поскольку русские форты появились на полуострове Мангышлак, то и турецкие «миссионеры» обосновались здесь же. Условия для «работы» были благодатными – на полуострове насчитывалось 363 «святых» могилы одних только учеников Ходжа Ахмеда Яссави, проповедовавшего ислам среди кочевников Туркестана в XII в. Кроме них были мазары накшбендийцев, и даже «святых» выходцев из Персии – Масат-Ата и Данишменда⁷. Со временем турецкая агентура пополнялась за счет новых эмиссаров, привозивших деньги для подкупа кочевников полуострова, оружие и боеприпасы, поэтому деятельность турок разворачивалась уже именно во второй половине XIX в. Их контакты с аборигенами происходили, как правило, у тех или иных «святых мест», где всегда пребывало немало паломников. На Мангышлаке кочевали казахи («адаевцы») и туркмены. Настроить «адаевцев» против России было несложно – в 1836–1838 гг. в Казахстане было антирусское, восстание под предводительством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, а в 1840-х гг. против России восстал казахский султан Кенесары Касымов, одновременно жестоко избивавший кыргызов, которыми и был убит в 1847 г. Именно турецкая агентура организовала в 1870 г. антироссийское выступление казахов

---

⁵ См.: Центральный государственный архив Узбекистана (ЦГА Узб.). Ф. 1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора). Оп. 29. Д. 23. Л. 10об-11.

⁶ Накшбендийа – мусульманский суфийский орден (братство), названный в честь бухарского «святого» Бахаэтдина Накшбанд (1318–1389). Имел значительное распространение и влияние в Турции. – Прим. авт.

⁷ См.: Башилов, Кармашева 1997. С. 41.

на Мангышлаке; его лидеры были, однако, прощены царским правительством, а в 1873 г. приняли активное участие в Хивинском походе туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана. Османской агентуре удалось завоевать доверие и туркмен, напоминая им о том, что они являются близкими «сородичами» турок. Кутлуг-хаджи был даже объявлен «Каракум-ишаном». После смерти, он и его товарищи по «команде» были признаны «святыми», а их могилы превратились в объекты паломничества. Звание «Каракум-ишана» стало наследственным, и в 1916 г. туркестанская «охранка» арестовала правнука Кутлуг-хаджи в этом статусе – Идрис-хан Максума, открыто призывавшего мусульман собирать деньги в фонд Турции и Германии, воюющих вместе против «неверных» русских⁸.

Деятельность турецкой агентуры на Мангышлаке была в значительной мере пресечена учреждением в 1874 г. Закаспийского военного отдела⁹. Русские военные, отлавливая у «святых мест» полуострова турецких агентов, как правило, выдворяли их без права появления здесь вновь. Однако турецкие шпионы возвращались в неподвластные пока еще России районы Туркмении, орудуя так же у «святых мест». Признано, что турецкие «советники» безуспешно помогали туркменам сопротивляться войскам генерала М.Д. Скобелева, присоединявшим Закаспийский регион целиком к России в 1880–1881 гг. В мае 1881 г. была учреждена Закаспийская область¹⁰. Военная разведка вскоре установила «святые места», бывшие центрами деятельности турецких агентов, и изгнала многих османских «миссионеров» за пределы России. Как ни странно, но русским властям помогали в этом деле сами туркмены. Так, например, в 1883 г. старейшина иолотанских туркмен Сарыхан арестовал прибывшего к нему с проповедью «газавата» («священной войны») против русских турецкого агента – ишана Мансура. Позже выяснилось, что последнего, по заданию турецких спецслужб, выкупил у туркмена за 3 тыс. тенег бухарский еврей Исмаил. После этого ишан исчез, о чем туркестанскому генерал-губернатору М.Г. Черняеву сообщил 8 сентября 1883 г. лично бухарский Музаффар¹¹.

Понятно, что это не остановило турецких шпионов, которые продолжали проникать в Русский Туркестан. Примеров тому немало, но приведем один. С начала 1890 г. начальником Закаспийской области стал генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин (1890–1897), участник присоединения Туркмении. Он прекрасно понимал политическое значение

---

⁸ См.: ЦГА Узб. Ф. Р-2287 (Личный фонд Савицкого А.П.). Оп. 1. Д. 466. Л. 71-72об.

⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 49. Отд. 1. Собр. 2. СПб., 1876. № 53233. С. 338-339.

¹⁰ ПСЗРИ. Т. 1. Собр. 3. СПб., 1885. № 142. С. 66

¹¹ См.: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 29. Д. 702. Л. 14

«святых мест» ислама на фоне нарастающего в мире панисламистского и пантюркистского движения. Куропаткин приказал начальникам уездов и приставам области усилить контроль за мусульманским паломничеством и ограничить его определенными днями почитания могил «праведников». Так, например, при учреждении «святой» могилы Хасан-ишана в местности Сумбар, Куропаткин поставил местным мусульманам условие – совершать паломничество к гробнице только в годовщину смерти «праведника» и не допускать к нему «неблагонадежных» иностранцев¹². Поскольку в такие дни у «святых мест» присутствовали русские приставы, то турецкой агентуре стало трудно работать. Однако, после того как Куропаткин стал военным министром, его преемники ослабили наблюдение за «святыми местами» в области, вследствие чего здесь снова стала плодиться турецкая агентура. Уже летом 1898 г. начальник Мангышлакского уезда, подполковник Данилович арестовал 4-х турецких шпионов, которые переезжали от одного «святого места» к другому, выдавая себя за уроженцев Мекки и пропагандируя сбор средств в пользу Турции. При этом они собирали не только деньги, но и скот – от мелкого до крупного рогатого. Все это было у них конфисковано, а сами шпионы отправлены в тюрьму¹³.

Понятно, что османские агенты осуществляли подрывную антирусскую деятельность не только в Закаспийском регионе, но и на территории всего Русского Туркестана. В 1868 г. турецкие «советники» агитировали мусульман у «святых мест» идти на помощь войскам бухарского эмира Музаффера, пытавшимся отбить у русских Самарканд. Безуспешно. В 1872 г. мусульмане Ходжента выступили против кампании по оспопрививанию. Хотя конфликт был вскоре разрешен проведением разъяснительной работы, тем не менее, турецкие агенты сумели использовать административные огрехи русских для «подогрева» ситуации. И в последующем они придерживались такой же «методы».

Османская агентура принимала деятельное участие в Кокандском восстании 1873–1875 гг., приведшем к полному разрушению одноименного ханства. На его землях в феврале 1876 г. была образована Ферганская область в составе Туркестанского генерал-губернаторства (края)¹⁴. В том же году турки инспирировали движение т.н. «джетым-ханов» («лжеханов»), которые объявляли себя потомками кокандских правителей и претендентами на престол. Они действовали у «святых мест», поскольку нигде более не могли собрать «благодарную» аудиторию. Движение «лжеханов» было быстро подавлено, причем одного из них

---

¹² См.: Центральный государственный архив Туркменистана (ЦГА Тур.). Ф. 1. (Канцелярия начальника Закаспийской области). Оп. 2. Д. 2809. Л. 1-3об.

¹³ См.: ЦГА Тур. Ф.1. Оп. 2. Д. 2732. Л. 10-10об.

¹⁴ См.: ПСЗРИ. Т. 51. Отд. 1. Собр. 2. СПб., 1878. № 55593. С. 139; см. также: там же. № 55594. № 55594. С. 139-140

поймал лично первый военный губернатор Ферганской области, генерал-майор М.Д. Скобелев, о чем он 5 октября 1876 г. рапортовал генерал-губернатору фон Кауфману¹⁵. Подействовали и строгие меры. Так, в 1876 г. были оштрафованы жители трех кишлаков Ферганской области, собиравшиеся у «святых мест», чтобы послушать турецкого шпиона Абдул-Керим-бека, призывавшего к «газавату» («священной войне») против русской власти. Три кишлачных аксакала (сельские старшины) были преданы суду за то, что вовремя не сообщили администрации о появлении турецкого агента у «святых мест»¹⁶. Оперативность действий против «джетым-ханов» и турецких агентов объяснялась тем, что в Русском Туркестане всем управляли военные власти, подчинявшиеся военному министерству, а не МВД, как все прочие края.

В ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. османские шпионы в Туркестане пытались поднять восстания в разных местах края, привычно действуя у «святых мест». Но результаты были незначительными. Более успешно турецкие агенты действовали после печальных для них итогов указанной войны. Им удалось устроить новую волну движения «джетым-ханов» в Русском Туркестане, причем, преимущественно в недавно образованной Ферганской области. С начала 1880-х гг. в разных местах края начались волнения, организованные турками. Первое время военные власти успокаивали их мирными средствами, но вскоре потребовалось применение войск. В конце 1883 г., в Турук-Наукатской волости, Ошского уезда, Ферганской области у «святого места» – мазара «Ходжа-Калян» появился некий мусульманский проповедник, объявлявший себя ишаном и «диваной» (блаженным). В начале 1884 г. начальник Ошского уезда, капитан Томич в рапорте военному губернатору Ферганской области, генерал-майору В. Медынскому сообщал: «проповедник» призывает паломников к «газавату» против русских, славит турецкого султана и раздает им листовки с угрозами в адрес тех, «которые будут верить кафирам»¹⁷. Медынский доложил об этом генерал-губернатору Черняеву, и тот приказал немедленно задержать «проповедника», но на сторону диваны встали кыргызы-мюриды (послушники). К делу привлекли взвод солдат из Ошского линейного батальона. Завидев их, кыргызы в страхе разбежались, сдав «ишана» без боя. На допросе он показал, что носит имя Мулла Сейид-хальфа, обучался в Турции и был направлен её разведкой в Туркестан для возбуждения местных мусульман к «священной войне» против русских. После кратковременной «отсидки», турецкий агент был выдворен из края с запретом появляться вновь на его территории.

---

¹⁵ См.: Отдел рукописей Национальной библиотеки РФ (СПб.). Ф. 874 (Архив Шубинского С.Н.). Оп. 2. Д. 140. Л. 7

¹⁶ См.: ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 29. Д. 189. Л. 1-2об, 4, 6об и др.

¹⁷ ЦГА Узб. Ф. 1. Оп. 22. Д. 598. Л. 12-12об

Большие надежды турецкие агенты возлагали на «джетым-хана» Дервиш-хана-тюрю. Он объявил себя прямым наследником кокандских ханов и призывал людей к «газавату» против русских с целью восстановления независимости Кокандского ханства, обещая помощь в этом деле со стороны Османской империи. Лжехан обезжал «святые места», агитировал паломников, вручая им «Воззвание Мухаммеда к священной войне с неверными»¹⁸. Но выступление Дервиш-хан-тюри сорвалось в самом начале: в ночь с 16 на 17 августа 1885 г. он был схвачен с помощью прорусски настроенных кыргызов, причем именно у «святого» мазара. Сформированные им шайки мусульманских фанатиков были разогнаны отрядом капитана Брянова. Многие участники мятежа были арестованы и отданы под суд. Следствие длилось четыре года (до августа 1889 г.), 15 человек были приговорены к лишению всех прав состояния и смертной казни, но никто не был казнен – Правительствующий Сенат их помиловал, снизив наказание до лишения всех прав состояния и ссылки в Сибирь¹⁹. Было бы, однако, ошибочным считать, что движение «джетым-ханов» в Туркестане было безуспешным и провальным для турецкой агентуры. Видный советский историк национально-освободительного движения в Средней Азии А.В. Пясковский отмечал, что в течение 1876–1916 гг. только в Ферганской области было около 600 выступлений, возглавляемых «джетым-ханами»²⁰.

Турецкая агентура использовала в своих корыстных целях холерную эпидемию 1892 г. в ташкентском регионе. Действуя в интересах спасения людей от смертельной угрозы, военные власти приняли серьезные санитарно-гигиенические меры (хлорную известь и проч.) и запретили скопления людей в мечетях, на похоронах и у «святых мест». Но турецкие агенты и их приспешники из числа местного исламского духовенства стали утверждать, что все мусульмане, напротив, должны идти к могилам «святых» и просить у них спасения от болезни. В истории Русского Туркестана уже был такой прецедент. В 1872 г., во время холерной эпидемии в Ташкенте, протурецки настроенное духовенство предлагало русским властям сгонять людей в мечети и разрешить ритуальные шествия к «святых местам». Но военные власти края, понимая последствия больших скоплений людей во время эпидемии, отказали, хотя и «не запретили мусульманам молиться в мечетях»²¹. В 1892 г.

---

¹⁸ Архив С-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Ф. 33 (Кун А.Л.). Оп. 1. Д. 186. Л. 2.

¹⁹ Но сам приговор вступил в силу лишь после того, как император Александр III надписал на докладе министра юстиции по этому делу: «Утверждаю. 9 января 1891 года». См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405 (Министерство юстиции). Оп. 521. Д. 434. Л. 1.

²⁰ Пясковский А.В. 1958. С. 44.

²¹ Россель Ю. 1878. С.142

запретительные меры были жестче, и потому турки надеялись на «пожар» народного недовольства. Однако передовая часть ташкентских мусульман, понимавшая опасность эпидемии и гуманную суть санитарно-гигиенических мер, выступила на стороне русской власти. Делегация исламских лидеров города во главе с шейхом накшбендийского ордена 80-летним Абул-Касим-ханом посетила 30 июня 1892 г. туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского и вручила ему документ, поддерживавший мероприятия администрации и изобличивший врагов России²². В итоге, в Ташкенте случился только кратковременный бунт, а не широкомасштабное восстание, которого ожидали турки.

Наибольший резонанс действия турецкой агентуры получили во время Андижанского восстания, начавшегося с того, что в мае 1898 г. группа мусульманских фанатиков вырезала спящих в казарме русских солдат: жертвами оказались 21 убитых и 14 тяжелораненых «нижних чинов». Позже волны восстания прокатились по Ферганской долине, но были пресечены оперативными действиями военных властей края. Об Андижанском бунте мусульман написано достаточно много, и вряд ли есть нужда обращаться к его подробностям.

Вернемся к теме исследования. Как и в большинстве случаев, кадры мусульманских «инсургентов» вербовались у «святых мест» из числа паломников. К такой практике прибег вождь андижанских изуверов Мухаммед-Али, прозванный в народе «Дукчи-ишаном» («ишаном-веретенщиком»). Он совершил хадж в Мекку, а на обратном пути задержался в Стамбуле, где проходил, видимо, специальное обучение в органах турецкой разведки. Известно, что перед восстанием его дважды посещал турецкий эмиссар, уроженец Средней Азии Хаджи Абду-Джалиль Мир-Салык Кариев, доставивший «Дукчи-ишану» подарки от самого султана – священный волос из бороды Пророка, грамоту и халат с «царственного» плеча. Военный прокурор Туркестанского военно-окружного суда, генерал-майор Долинский в рапорте от 21 августа 1898 г. писал о том, что Абду-Джалиль «в молодости отправился в Мекку, а потом много лет жил в Константинополе»²³. Он отмечал, что за неделю до мятежа турецкий посланец вручил Мухаммеду-Али новые султанские дары – золотое кольцо и зеленое знамя «газавата». Таким образом, турецкий «след» в андижанском мятеже 1898 г. более чем очевиден. Туркестанский генерал-губернатор С.М. Духовской справедливо замечал 5 августа 1898 г. в рапорте военному министру А.Н. Куропаткину, что главной причиной Андижанского бунта «явилось вмешательство внешних антирусских сил»²⁴.

---

²² Туркестанские ведомости. 1892. № 27, 7 июля

²³ РГИА. Ф. 565 (Департамент государственного казначейства). Оп. 1. Д. 3193. Л. 43об.

²⁴ Т-ов С. 1908. С.664.

Андижанское восстание 1898 г. еще раз подтвердило, что нельзя оставлять без постоянного надзора «святые места» в Туркестане, всегда выступавшие центрами подготовки антирусских бунтов. Военные власти Туркестана не раз обращались по этому поводу в Петербург, указывая на недостаток участковых полицейских приставов, которые могли бы обеспечивать такой надзор, но им отказывали, ссылаясь на отсутствие средств. Неудивительно, что после андижанской «встряски» правительство нашло их и учредило в Туркестанском крае сразу 32 новых должности участковых приставов. Естественно, турецкой агентуре стало намного труднее вести свою подрывную деятельность. В частности, именно участковые приставы поймали в 1899 г. в Мерве вышеупомянутого турецкого шпиона Абду-Джалиля и препроводили его в Ташкент²⁵. В 1899 г. в Туркестанском военном округе были образованы два армейских корпуса, разведка которых повсеместно отслеживала действия турецкой агентуры. В 1903 г. в штабе округа было открыто VI (контрразведывательное) отделение, выявлявшее шпионов. В конце 1907 г. в Русском Туркестане были учреждены органы «охранки», занимавшейся, как известно, и контрразведкой. Казалось бы, турецкая агентура была «обложена» со всех сторон и должна была свернуть свою деятельность в регионе, но это не так. На волне растущих панисламистских настроений в Средней Азии в начале XX в., турецким спецслужбам удалось придать им и пантюркистский характер. Агенты Османской империи, действуя в основном у «святых мест» Туркестана, спровоцировали восстание 1916 г. в Туркестане, которое стало «ударом в спину» России, сражавшейся на фронтах Первой мировой войны.

Факты свидетельствуют о том, что на всем протяжении своего развития русско-турецкие отношения отличались напряженностью, нередко разрешавшейся открытыми военными конфликтами. На проникновение России в Туркестан в середине XIX в. правящие круги Османской империи отреагировали засылкой своих агентов в Прикаспийский регион. Присоединение Средней Азии к России в 1860-х гг. усилило антирусскую направленность политики Турции. Численность турецких агентов в Русском Туркестане возросла. Османская агентура осуществляла свою подрывную деятельность, как правило, у «святых мест» ислама в Средней Азии, поскольку именно у них собирались значительные массы паломников-мусульман. Фактически все антирусские бунты в регионе «вырастали» у могил исламских «праведников». Несмотря на серьезные меры противодействия, царским властям Туркестана так и не удалось вырвать с корнем турецкую агентуру из государственной и общественно-политической жизни края и свести на нет всю её подрывную деятельность.

---

²⁵ ЦГА Узб. Ф. 19 (Ферганское областное правление). Оп. 1. Д. 5632. Л. 1-2об и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аришаруни А., Габидуллин Х.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931.
- Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х.* Ислам у казахов. М.: Наука, 1997.
- Евдокимов Л.В.* Панисламизм и пантюркизм // Военный сборник. 1911, декабрь.
- Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006.
- Османская империя... // Новая история стран Азии (вторая половина XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 85-166.*
- Пясковский А.В.* Революция 1905–1907 гг. в Туркестане. М., 1958.
- Россель Ю.* Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. // Вестник Европы. 1878. Т. XIII. Кн.7, июль.
- Сабитов Н.* Панисламизм и пантюркизм на службе империалистической реакции // Вестник АН Казахской ССР. 1951. № 11. С 37-45.
- Т-ов С.* Андизанское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908, май.
- Хвостов В.М.* Дипломатия в Новое время // История дипломатии / Сост. А. Лактионов. М., 2006. С. 577-818.

REFERENCES

- Arsharuni A., Gabidullin Kh. Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii. M.: Bezbozhnik, 1931.
- Basilov V.N., Karmysheva Dzh.Kh. Islam u kazakhov. M.: Nauka, 1997.
- Litvinov L.V. Panislamizm i pantyurkizm // Voennyi sbornik. 1911, dekabr'.
- Litvinov V.P. Religioznoe palomnichestvo: regional'nyi aspekt (na primere Turkestana epokhi srednevekov'ya i novogo vremeni). Elets: EGU im. I.A. Bunina, 2006.
- Osmanskaya imperiya... // Novaya istoriya stran Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh vv. M., 1995. S. 85-166.
- Pyaskovskii A.V. Revolyutsiya 1905–1907 gg. v Turkestane. M., 1958.
- Rossel' Yu. Sredneaziatskaya kul'tura i nasha politika na Vostoke. // Vestnik Evro-py. 1878. T. XIII. Kn.7, iyul'.
- Sabitov N. Panislamizm i pantyurkizm na sluzhbe imperialisticheskoi reaktсии // Vestnik AN Kazakhskoi SSR. 1951. № 11. S 37-45.
- T-ov S. Andizhanskoe vosstanie i ego prichiny // Istoricheskii vestnik. 1908, mai.
- Khvostov V.M. Diplomatiya v Novoe vremya // Istoriya diplomatii / Sost. A. Laktio-nov. M., 2006. S. 577-818.

Литвинов Владимир Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. E-mail: vladlenli@yandex.ru

Regional pilgrimage of Muslims of Russian Turkestan: little-known pages

The article deals with an unstudied problem: the use by the Turkish intelligence of “holy places” of Central Asia Muslims to conduct anti-Russian propaganda. The penetration of Russia into Turkestan in the mid-19th century caused fear among the ruling circles of the Ottoman Empire, which reacted to this by sending agents to the Caspian region. Ottoman agents carried out their subversive activities, as a rule, at “holy places” of Islam in Central Asia, because large numbers of Muslim pilgrims gathered there – a gracious audience to assimilate the ideas of pan-Islamism and pan-Turkism. In fact, all anti-Russian riots in the region “grew” at the graves of Islamic “righteous men”.

Keywords: Turkestan, “sacred places”, muslims, turkish secret service, the antirusian propagation, military authorities, Pan-Islamism, Pan-Turkism

Vladimir Litvinov, PhD (History), senior lecturer of faculty of historical and cultural heritage, Elets State University named after I.A.Bunin; vladlenli@yandex.ru

С. М. СМАГИНА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ПУТИ ЕГО РЕШЕНИЯ В ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (1920-е – 1930-е гг.)

В статье исследуется малоизученный аспект истории либеральной российской эмиграции 1920–1930-х гг., в частности, представления ее различных кругов о решении национального вопроса в России. В социальном прогнозировании это выразилось в признании, кстати, впервые вошедшем в теоретический багаж русских либералов, возможности превращения постбольшевистской России в федеративное государство и необходимости снижения порога противостояния не только в постсоветском пространстве, но и в самой эмиграции.

Ключевые слова: либеральная эмиграция, национальный вопрос, федеративная республика, новотактики

Современным историкам удалось значительно углубить процесс конструирования объяснительных моделей прошлого, а также шире взглянуть на некоторые факты и события, рассматривая интеллектуальную, особенно партийно-политическую состязательность оценок их участников как важную предпосылку корректировки доктрин и идеологий, поведенческой ориентации в предполагаемой социально-политической практике. Последнее наглядно демонстрирует опыт российской политической эмиграции 20-30-х годов XX столетия.

Русское политическое зарубежье в лице своих идеологов пыталось свыкнуться с произошедшей катастрофой, выработать положительную программу действий и сформировать формулу социального прогресса для будущей России, опосредованную той или иной интерпретацией накопленного исторического опыта. Признав крушение, в известной степени, привычного варианта «целого политико-общественного мирозерцания»¹ – либерализма, многие его представители усилили адресность своих платформ и откорректировали их содержание.

Актуализирует рассматриваемую проблему и то обстоятельство, что именно определенной частью российских либералов уже в 1920-е годы была обозначена угроза, становившаяся реальностью в мировой практике решения национальных и социальных вопросов, когда «масса», в случае непротивления могла перейти «от безвольного принятия одного факта» – тогда большевистского строя – к такому же принятию какого-либо противоположного факта, «вроде фашистской диктатуры, которую теперь так настойчиво советуют»². Об этом лидер левого кры-

---

¹ Протоколы заграничных групп... Т. 6. Кн. 2. С. 133.

² Миллюков 1929. С. 4.

ла либеральной эмиграции П.Н. Милюков писал в 1929 г., но, в известном смысле, это звучит актуально и сегодня, если проследить историю некоторых так называемых «цветных» революций.

По ряду причин в центре российской политической эмиграции оказались именно либералы, прежде всего, в лице конституционных демократов и близких к ним кругов. И это не случайно, ибо, во-первых, либералы были носителями идеологии, которая исторически возникла как учение, осмысливавшее в первую очередь конфликтные ситуации, а также раскрывавшее опасность реализации примитивного участия масс в социальных конфликтах³. Во-вторых, российские либералы имели, хотя и небольшой, но все-таки опыт пребывания в статусе “правительственной” партии в короткий отрезок времени между Февралем и Октябрем, стремясь воплотить в жизнь идеи “либерального демократического строя” и попытавшись заручиться поддержкой умеренных социалистов в рамках трех коалиционных правительств, делая первые шаги политического блокирования.

В-третьих, не последнюю роль играло и то обстоятельство, что именно кадеты были той партией в составе российской образованной элиты, в которой пребывали личности, имевшие большой политический авторитет и в значительной степени сохранившие его даже после всех “южных опытов” периода гражданской войны. Эмиграция дифференцировалась зачастую не по платформам, программам и декларациям, а «по людям», которых привыкли «глубоко ценить». И, наконец, либерализм большинством его носителей продолжал восприниматься как своего рода индикатор состояния общества с его стремлением, с одной стороны, к изменениям в лучшую сторону, с другой – неприятием крайних методов исторического действия. Отсюда проистекало изменение форм либеральной идеологии и даже некоторых ее содержательных параметров и одновременно постоянное возрождение ее сущностных элементов. Последнее обстоятельство в эмиграции наглядно демонстрировали российские либералы, расслаиваясь по ценностным предпочтениям в трактовке концептуальных идей.

Как известно, часть российской либеральной эмиграции объединилась вокруг П.Н. Милюкова, сформулировавшего в декабре 1920 г. в Записке «Что делать после Крамской катастрофы?» идею пересмотра старых «интеллигентских лозунгов и доктрин»⁴, изложившего содержание так называемой «новой тактики». Она предполагала поворот кадетской партии по отношению к предыдущему периоду военной борьбы, а также «возвращение» к ее мировоззренческим и идеологическим истокам на уровне признания «завоеваний Февральской революции» с

³ Модели общественного переустройства России... 2004. С. 20.

⁴ Протоколы Заграничных групп... Т.4. С. 76-85.

одновременным обогащением «новой» теоретической сущности кадетизма на основе приобретенного опыта⁵. В социальном прогнозировании это выразилось прежде всего в признании, кстати, вошедшем впервые в теоретический багаж российского либерализма, возможности превращения постбольшевистской России в демократическую федеративную республику. Подчеркивалась мысль о допущении в недавнем прошлом четырех роковых ошибок, выявленных еще в мае 1920 г., одна из которых состояла в нежелании «пойти навстречу законным требованиям автономии и свободы национального самосознания»⁶. Теперь же в «Записке» доказывалось, что новая Россия должна быть государством, построенным на федеративных началах «с полным обеспечением прав на культурно-национальное самоопределение народностей».

Заключил «Записку» Милюков выражением надежды на то, что удастся добиться соглашения «разных оттенков партийной мысли» в этот важный момент. Однако на специально собранном совещании членов Центрального комитета кадетской партии, которое проходило с 26 мая по 2 июня 1921 года в Париже и рассматривало новую тактику П.Н. Милюкова, большинство присутствовавших [9 против семи] не поддержали «новую тактику», констатируя, что «правильная тактика» могла быть установлена лишь тогда, когда между партией и Россией в предстоящей борьбе за демократическую государственность и за восстановление на родине основ свободы и права будет установлена «живая связь»⁷. «Разногласия по существу» констатировались позднее Парижской кадетской группой на заседаниях, проходивших с 7 по 21 июля 1921 года. Завершились они уходом Милюкова и его сторонников [22 человека из общего числа 89-ти ее членов], отныне образовавших Парижскую группу новой тактики [в августе переименованную в Парижскую демократическую группу] партии народной свободы. Анализируя все произошедшее, П.Н. Милюков в своих многочисленных статьях, помещенных в эти дни в газете "Последние новости", настаивал на том, что раскол был результатом не тактических, а программных расхождений, и приветствовал выявление «каждой партийной группировкой своего политического лица».

Позиция же П.Н. Милюкова по вопросу о будущем государственном устройстве России и решении вопроса о сосуществовании в ее границах разных наций и народностей продолжала углубляться. К этому его подталкивал ряд обстоятельств: изменения, происходившие в России, усиление угрозы фашизма в Европе и одновременно достаточно пассивное настроение значительной части русской эмиграции, оста-

---

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Там же. С. 12-13.

⁷ Там же. С. 467.

вавшейся на позиции «непредрежденства». В статье «Три платформы Республиканско-Демократического объединения (1922–1924 гг.)», изданной в Париже в 1925 г.⁸, Милюков настаивал на том, что Россия утратила после 1917 года часть своих территорий не только потому, что Ленин объявил право наций на «полную самостоятельность», а в связи и с той «ассирийской» политикой русского правительства, «политикой управления всем из центра», которая закрыла нормальный исход для развивавшегося самосознания национальностей.

Отказав большевикам в продуктивности созданного ими национального объединения («нынешний СССР – федерация по недоразумению»⁹), Милюков предположил, что формы децентрализации в будущем могут быть самыми разными, не исключив и заключение договоров «на конфедеративных началах». Иначе, пророчески предвидел Милюков, народности придется «не просто удерживать, а... вновь завоевывать при неодобрении всего мира...» Поэтому, с еще большей категоричностью подытожил он свои рассуждения в 1929 г., «единственный действительный способ» восстановления России – это способ мирного и добровольного соглашения с другими народностями, «как равных с равными», на началах федеративного объединения, и одновременно полное обеспечение свободы национальной жизни в тех регионах, где национальности занимали «сплошные территории».

В качестве главного условия такого решения вопроса он назвал, прежде всего, отказ от признания в государстве «одной народности и одной [разрядка в тексте – С.С.] веры, господствующей над всеми остальными»¹⁰. В этом тезисе выразилась суть его понимания этноконфессиональной политики в таком многонациональном государстве, как Россия, в свое время совершенно «недоступной» самодержавию, в чем и состояла «глубокая разница» в подходах к национальному вопросу «тогда и теперь». Правомерным представляется и его тезис о том, что такое насилие над другими народностями, осуществляемое самодержавием, было исторически чуждо русскому народному духу. По его словам, не путем насилия русский язык был положен в основу общерусского литературного языка, не путем насилия русская литература на этом языке приобрела всемирную славу. Наконец, подчеркнул Милюков, не путем насилия русский мужик-переселенец осваивал новые земли и «прошел Россию до Черного моря и Сибирь до Тихого океана»: он мирно селился среди других народностей, зачастую сливаясь с ними и принимая их обличие. Именно самодержавное государство своими «крутыми попытками» ускорить этот вековой естественный процесс

---

⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 5. Д.110⁶. Лл. 1-32.

⁹ Там же. Л. 21.

¹⁰ Милюков 1929. С. 19.

путем насильственной ассимиляции вызвало и «ускоренный рост *нерусского* [разрядка в тексте – С.С.] национального сознания». Только федерализм, по словам Милюкова, «уничтожит сепаратизм и впервые откроет путь к созданию единой государственной «нации», принадлежностью к которой будут дорожить, ибо она одинаково создаст «покров над гражданами всех национальностей и религий, возвысит экономическую производительность и усилит общенародную мощь»¹¹.

Таким образом, вывод Милюкова звучал однозначно: русская монархия была «национальна» не в том смысле, что она смогла создать из всех народностей единую российскую «нацию», а в том, что она хотела поставить над этими «гражданами второго разряда» одну «национальность», великорусскую. Отсюда: старая монархия не только не могла, согласно Милюкову, восстановить русское единство, но она несла и большую долю ответственности за распад этого единства. Только преобразование России в федеративное демократическое государство способно со временем решить эту проблему. Выразил Милюков и определенную надежду на то, что «народ *сам* [разрядка в тексте – С.С.] решит свою политическую судьбу», назвав это не голой фразой, а признанием «факта, созданного двенадцатью годами непосредственного участия масс в народной революции»¹².

Характерно, что со временем позицию П.Н. Милюкова по данному вопросу, помимо его ярых приверженцев в Республиканско-Демократическом объединении [1924], состоявшем в большинстве своем из левых кадетов, поддержала еще одна группа в партии – т.н. «центристы», идентифицировавшие себя в качестве промежуточного слоя между ее двумя крыльями: старотактиками – правыми и милюковцами.

Официально группа кадетского центра была образована 15 декабря 1924 г. в Праге с филиалом в Париже, в которую вошел ряд лиц: Н.И. Астров, кн. В.А. Оболенский, П.П. Юренев, кн. Петр Д. Долгоруков, А.В. Макленцов, А.С. Изгоев, С.В. Панина, профессор Н.С. Тимашев и др. На протяжении первых трех месяцев 1925 г. «центристы» провели несколько заседаний, занимаясь обсуждением «материалов для платформы». Причем характерно, что постукившие замечания затрагивали в основном отдел о праве собственности и вопрос о предрешении «федеративной республики». При обсуждении последнего вопроса, например, А.А. Кизеветтер и А.С. Изгоев согласились на сохранение в тексте понятия «республики» в форме полного подчинения высшей цели – восстановлению России и в виде «противоположения Монархии, *если* [выделено нами – С.С.] с таковой неизбежно свяжутся реставрационные тенденции». При выяснении вопроса о построении «временной

---

¹¹ Милюков 1929. С. 19-20.

¹² Там же. С. 29.

власти» в переходный период, поставив его решение в зависимость от условий «падения» коммунистической диктатуры, наряду с Временным правительством или иным «верховным» органом власти, была названа центристами и такая ее форма, как «Правитель»¹³. Большинство членов группы высказалось против введения в редакцию «пацифистской» формулы, ибо не исключалась ситуация, когда борьба могла стать «неизбежной». И все-таки при этом подчеркивалось, что главной формой решения всех вопросов в постбольшевистской России должны стать соглашения, договоры и федеративные связи. В целом группа «центристов» признала идею «республиканской формы «правления»» и необходимости установления разных степеней самостоятельности и независимости частей России, соединяемых «автономными или федеративными связями в единое целое». В частности, активную позицию в разработке платформы «центристов» занял профессор Н.С. Тимашев, автор ее экономического раздела, назвавший главным принципом экономической целесообразности преемственность прав прежних собственников, хотя одновременно признавший неотторжимость земли «оккупированной» крестьянами. Соглашался он и с принципом федеративного устройства будущей России, подчеркнув, что в «союзном целом» все составляющие ее части, объединенные «не по принуждению», смогут реализовать свои собственные интересы¹⁴.

Позицию Н.С. Тимашева поддержал Петр Долгоруков, предложивший руководствоваться принципом «собственности и права», и другие «центристы». Они отдавали себе отчет, что России придется пройти ряд «чрезвычайно грубых и жестоких этапов», но при этом были готовы сохранить и пронести «начала культуры и либерализма», которые были постоянным достоинством русского общества¹⁵.

Менее однозначными в оценках всего происшедшего в России, в т.ч. – в жизни разных наций и народностей, а также и перспектив их дальнейшего сосуществования, представляются взгляды правой части либералов, не поддержавших «новую тактику» П.Н. Милюкова, но, тем не менее, попытавшихся после катастрофы Белого движения объединить эмиграцию на национальной и надпартийной основе, как высшей степени подлинной демократии.

Любопытно, что именно «второе поколение» либералов [если не по возрасту, то по положению в кадетской партии] стало одной из движущих сил политической жизни российской эмиграции. За исключением ставшего бессменным председателем Русского Национального Комитета, избранного на Зарубежном съезде национального объеди-

---

¹³ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. С. 365.

¹⁴ Тимашев 1923. С. 58.

¹⁵ Протоколы Заграничных групп... Т. 6. С. 350.

нения в 1921 г. в Париже, Антона Владимировича Карташева, либералы-участники этого комитета были «молодыми». Именно такие деятели, как Михаил Михайлович Федоров, Юлий Федорович Семенов и др., провели огромную работу по организации съездов эмигрантов и определили либеральный характер большей части их решений и программ, несмотря на чрезвычайно сильное давление со стороны монархических сил. Одним из главных обсуждаемых вопросов был национальный вопрос, рассматриваемый в двояком плане: с точки зрения определения национальной идентичности будущей России и выявления возможных форм проживания в ней разных наций и народностей, в первую очередь, находившихся на национальных окраинах.

Поэтому данный вопрос в интерпретации этой части либералов получил редакцию «окраинный вопрос» и стал одним из знаковых в эмигрантских политических баталиях. Характерно, что именно в сделанном А.В. Карташевым докладе на Зарубежном съезде Национального объединения (1921) о его задачах, характере и программах был поставлен вопрос о национальной идентичности будущей России, т.е. о России как «национальном государстве», созданном «на принципах: национальность и собственность»¹⁶. Эти либералы в чем-то предвосхищали современных теоретиков по национальному вопросу¹⁷, демонстрируя этнополитический подход к его решению в традициях французской государственно-национальной школы, берущей начало от Руссо. Как и представители этой школы, русские либералы исходили из политического понятия нации, предложив ее рассматривать в связи с революцией как сообщество всех граждан страны, объединенных единством политической воли и равных перед законом, независимо от социального положения, происхождения, языка или религии. Отсюда их программная установка на возрождение в постбольшевистской России суверенности общенародной воли и «демократического начала народо-властия»¹⁸. В то же время, осознавая «идеальность» обозначенного подхода применительно к российской исторической действительности, они ориентировались одновременно на его синтезирование с этнокультурным определением национальной идентичности, проистекавшим из постулатов германской культурно-национальной школы и предлагавшим учитывать культурные особенности национальной общности, исторические традиции ее развития и их преемственность. И неслучайно Карташев себя и своих сторонников назвал «национал-либералами», в отличие от «радикал-демократов» в лице милликовцев.

---

¹⁶ Карташев 1921. С. 12.

¹⁷ Альтерматт 2000.

¹⁸ Карташев 1921. С. 29-30.

На Зарубежном съезде Русского Национального объединения 9 июня 1921 г. был заслушан специальный доклад Ю.Ф. Семенова «Окраинный вопрос», который обсуждался еще до съезда на бюро Русского Национального Комитета и получил одобрение его участников. Главная идея доклада – переосмысление национальной проблематики с принятием произошедших за годы революции изменений в качестве необратимых. Как заметил автор доклада, революционный период не только в России, но и в центральной Европе «со всеми его многообразными последствиями» создал в национальном вопросе ряд новых фактов и подверг суровому испытанию ряд принципов, раньше считавшихся незыблемыми: именно войной и революцией «был резко» выдвинут принцип национального самоопределения, поскольку совокупность новых государственных, культурных, общественных и бытовых процессов коренным образом изменили народное сознание и ситуацию на окраинах; таким образом, возврата к старому не могло быть. Всероссийское Учредительное собрание в период своего «мимолетного» существования приняло резолюцию о том, что государственный строй России отныне являлся федеративной республикой. Однако, по мнению докладчика, это была лишь «декларация принципа», поскольку в постановлении не содержалось никаких указаний на границы «федерирующихся частей», ни всего того, что должно составить «тело закона». Продолжавшаяся война и революция усугубили ситуацию, способствуя образованию «окраинных» государств, отделившихся от России (северо-запад). Но при этом, как подытожил Ю.Ф. Семенов, не произошло распада России, ее государственного «ядра», подобного тому, что было с Австро-Венгрией (империей Габсбургов), хотя правительства европейских государств уже тогда вынашивали план расчленения коренной России на Великороссию (на севере) и Украину (на юге)¹⁹.

Особый интерес представляет попытка, необычная для русского либерала, представить анализ ситуации на национальных окраинах путем обращения к социальной проблематике. Отношение местного крестьянства к тем или иным возникшим национальным правительствам Семенов считал не менее важным фактором успеха национального движения, чем международное влияние (вмешательство) тех или иных государств. Как подчеркнул Ю.Ф. Семенов, именно крестьянство Украины, несмотря «на все австро-германские старания» выступить в роли ее защитника от большевистского засилья, не поддержало ни одно самостоятельное государственное образование; ни при Грушевском, ни при Скоропадском, ни при Петлюре эфемерные правительства не смогли фактически распространить свою власть дальше Киева, хотя германский оккупационный корпус занимал всю Украину, Донецкий

---

¹⁹ Семенов 1921.

бассейн и Крым. Своего рода предостережением современным политикам прозвучали слова Ю.Ф. Семенова о том, что хотя на тот момент говорить о государственном новообразовании на Украине не приходилось, ибо пока там не проявилось «...результатов народного творчества, новых привычек и традиций», но отрицать такой возможности «в будущем, быть может, отдаленном, быть может, ближайшем»²⁰, при соответствующих внутренних и внешних обстоятельствах он не стал.

Углубленный характер анализа национальных движений в России со стороны Ю.Ф. Семенова (даже в сравнении с П.Н. Милюковым и его «новой тактикой») проявился также в попытке дифференцировать национальные окраины путем выделения двух их групп: северо-западной (эмигрантское обозначение государств Прибалтики) и южной (четыре образовавшиеся на Кавказе республики). Что касалось северо-западных «окраин» (прибалтийских стран), то, согласно докладчику, краткий опыт собственной государственности в сочетании с представительной формой правления позволил им отстоять себя от национально-го обезличивания и разорения, грозившего «с коммунистического востока». Однако, как полагал автор, данные государства должны считаться с тем, что «вместе взятые», они отделили Россию от Балтийского моря, как и с наличием общих экономических интересов с нею. Поэтому метод соглашений между Россией и правительствами данных государств он назвал «принципиально наиболее правильным... и наиболее практичным».

Рассматривая вопрос о четырех образовавшихся кавказских республиках, докладчик правомерно констатировал наличие в них разной степени развития государственных форм, как и различной заинтересованности с их стороны в связях с Россией. Выделив особо горскую республику с ее «самым элементарным государственным скелетом», а также с ее моральным тяготением к другим «исламским» народам и одновременно экономическими связями с «севером», он предположил возможность *территориально-областного* самоопределения на основе, в первую очередь, «общности религии», а также «удовлетворительного» опыта мирного сожительства с Россией²¹.

В отношении же трех закавказских республик, особенно Грузии, Семенов был категоричен в оценках их положения при большевиках, как «наносного, поверхностного и чуждого народу». Он полагал, что будущее России, вся энергия народных масс будет направлена на создание новых государственных форм, в т.ч., и на национальных территориях. Он не пытался досконально определить, в какой последовательности это творчество будет осуществляться и какие формы примет.

---

²⁰ Там же.

²¹ Семенов 1921.

Однако, подводя итоги всему изложенному, он четко сформулировал несколько выводов, актуальных и сегодня: *во-первых*, Россия, в отличие от других империй, в процессе войны и революции не распалась на отдельные части, в целом оставшись единой, что свидетельствовало, при прочих других условиях, об определенном уровне национального самосознания; *во-вторых*, происшедшие в ней изменения необходимо принимать в терминах федеративного устройства и национально-областного самоуправления; *в-третьих*, принципиально наиболее правильным и практически единственно осуществимым методом разрешения «окраинного вопроса» являлся метод соглашения, в основе которого должны быть экономические интересы «коренной» России и окраин, а также некоторые общие начала гражданского правопорядка.

Российские либералы, несмотря на некоторые расхождения в их эмигрантской среде в определении содержания этноконфессиональной политики и решении национального вопроса в России попытались спрогнозировать снижение порога противостояния как в постсоветском российском обществе, так и в самой эмиграции. Представляется, что многообразный политический и интеллектуальный опыт российской либеральной эмиграции 1920-х гг. может быть востребован и на современном этапе, когда перед обществом и властью стоит важная задача не только разработки модели национальной политики на перспективу, но и определенного напряжения в идеологотворчестве с целью усиления духовного и этнического начал в реализации модернизационных проектов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Милуков П.Н. Республика или монархия? Издание республиканско-демократического объединения. 1929.
- Милуков П.Н. Три платформы Республиканско-демократического объединения (1922–1924 гг.). ГА РФ. Ф. 579. Оп. 5. Д. 110б. Лл. 1-32.
- Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии Май 1920 – июнь 1921. Т. 4. М.: Прогресс-Академия, РОССПЭН. 1996. 544 с.
- Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии 1923–1933. Т. 6. Кн. 2. М.: РОССПЭН. 1999. 560 с.
- Тимашев Н.С. Центр и места в послереволюционной России [К проблеме федеративного устройства России] // Крестьянская Россия. Прага, 1923. В. V.
- Карташев А.В. Задачи, характер и программа Русского Национального Объединения. Париж, 1921. 32 с.
- Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ. 2000. 366 с.
- Семенов Ю.Ф. Окраинный вопрос // Общее дело. Париж. 1921, № 328. 9 июня.
- Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН. 2004. 608 с.

REFERENCES

- Miljukov P.N. Respublika ili monarhija? Izdanie republikansko-demokraticeskogo ob'edinenija. 1929.
- Miljukov P.N. Tri platformy Respublikansko-demokraticeskogo ob'edinenija (1922–1924 gg.). GA RF. F. 579. Op. 5. D. 110b. Ll. 1-32.
- Protokoly zagranichnyh grupp konstitucionno-demokraticeskoy partii Maj 1920 – ijun' 1921. T. 4. M.: Progress-Akademija, ROSSPJeN. 1996. 544 s.

- Protokoly zagranichnyh grupp konstitucionno-demokraticeskoj partii 1923–1933. T. 6. Kn. 2. M.: ROSSPJeN. 1999. 560 s.
- Timashev N.S. Centr i mesta v poslerevoljucionnoj Rossii [K probleme federativnogo ustrojstva Rossii] // Krest'janskaja Rossija. Praga, 1923. V. V.
- Kartashev A.V. Zadachi, harakter i programma Russkogo Nacional'nogo Ob'edinenija. Parizh, 1921. 32 s.
- Al'termatt U. Jetnonacionalizm v Evrope. M.: RGGU. 2000. 366 s.
- Semenov Ju.F. Okrainnyj vopros // Obshee delo. Parizh. 1921, № 328. 9 ijunja.
- Modeli obshhestvennogo pereustrojstva Rossii. HH vek / Otv. red. V.V. Shelohaev. M.: ROSSPJeN. 2004. 608 s.

Смагина Светлана Михайловна, кандидат исторических наук, профессор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; kafedra12@yandex.ru

The National Question and Its Solution in the Liberal Projects of the Russian Emigration (1920-1930s)

This article considers a little-known aspect of the Liberal Russian emigration history of the 1920-1930s, in particular, the émigrés' opinion about the solution to the national question in Russia. In social perspective, this has resulted in the recognition, the first in the Russian liberal thought, of the possibility to developing Post Bolshevik Russia into a Federal state and the necessity to the decrease the level of opposition not only in the post-Soviet space, but also in the emigration.

Keywords: liberal emigration, national question, Federative Republic, new tacticians

Svetlana Smagina, Professor of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; kafedra12@yandex.ru

П. С. ГРЕБЕНЮК

СМЕХОВАЯ ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СССР (1940–1950 е гг.)

На региональном срезе Северо-Востока СССР в 1940–1950-е гг. на основе архивных документов анализируются функции смеха в контексте опыта государственного управления. По данным протоколов и стенограмм партийных конференций и активов Дальстроя и Магаданской области, раскрыто место смеховой практики в региональной политической культуре. Показано, как региональные руководители воспроизводили модели смеха, применяемые руководителями партии и правительства. Отмечается широкое использование элементов «народного» юмора, характерное для послесталинского периода. Использование смеховой практики в контексте государственного управления было направлено на консолидацию и сплочение аудитории вокруг генеральной линии, критику и разоблачение нежелательной линии и оппонентов, а также на демонстрацию близости власти к народу.

Ключевые слова: смех; комическое; Дальстрой; государственное управление; Магаданская область; смеховая культура; юмор; Северо-Восток СССР

Осмысление смеха и комического как особенностей человеческой природы и деятельности является одним из перспективных направлений исторических исследований. В историографии уделяется внимание изучению отдельных проявлений комического и использования юмора в политической культуре советского периода¹. Среди обобщающих работ следует выделить публикацию А.А. Фокина, проанализировавшего функции ремарки «смех в зале» в стенограммах партийных съездов 1950–1960-х гг. Автор отметил важность коллективности смеха, показал, что высмеивание противников и недостатков означало символическую победу над ними, а за внешним позитивом ремарки «смех в зале» можно разглядеть множество вариаций, от солидарности до агрессии². В зарубежной историографии в основном рассматриваются аспекты юмора в русской культуре в широком контексте, в том числе и в советский период истории России³.

В рамках настоящей статьи мы обращаемся к региональному срезу проявлений комического – анализу функций смеха на партийных конференциях и активах Дальстроя и Магаданской области в 1940–1950 гг. В качестве источников выступают опубликованные и неопубликованные документы, в основном архивные источники (материалы Государственного архива Магаданской области): протоколы собраний

---

¹ Невежин 2013; Фокин 2013; Abrahamian 1999.

² Фокин 2013. С. 118.

³ Draitser 1999; Reflective Laughter 2004; Oushakine 2011.

партийно-хозяйственных активов Дальстроя 1940-х гг., а также партийных конференций и активов Магаданской области в 1950-е гг. Партийные активы и областные конференции были одними из наиболее важных публичных региональных мероприятий – ключевыми в системе государственного управления. Такие конференции должны были доносить до членов партии генеральную линию и демонстрировать партийное единство. Ремарки «смех» и «смех в зале» часто встречаются в текстах стенограмм, и по количеству уступают только ремарке «аплодисменты». Это показывает важность данных эпизодов в официальном протоколе, так как существовала установка на фиксацию таких элементов и в печатных изданиях, с целью показать читателям настоящие эмоции и живых людей. При анализе учитывалось, что фактически смеховая практика проходила определенный отбор: во-первых, явление самоконтроля и самоцензуры говорящего, знавшего рамки, за которые нельзя выходить; во-вторых, во время протоколирования выступления участников конференции сотрудники протокольной части определяли уровень эмоциональной реакции зала, о чем делалась ремарка в тексте протокола; в-третьих, цензурная проверка перед публикацией материалов (или перед отправкой материалов в ЦК).

Методологически автор опирается на междисциплинарный подход и принципы французской школы Анналов, с помощью которых исследуются особенности использования смеха, а также на модернизационный подход, позволяющий в данном случае проследить изменения в системе государственного управления на Северо-Востоке страны в переходный период образования Магаданской области и демонтажа дальстроевской системы управления регионом (1953–1957 гг.).

Для руководителей партии использование смеха всегда было нормой и привычным явлением. Умение шутить воспринималось как достоинство, и в революционной практике не являлось чем-то необычным. Смех успешно использовали лидеры партии (В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев) как в повседневной практике, так и в качестве инструмента политической борьбы и критики оппонентов. Частота публичного использования смеха с образованием СССР и деятельностью новых институтов власти постоянно росла и достигла пика в 1930-е гг. Смеховая практика стала важным и неотъемлемым структурным элементом публичных мероприятий. Модели смеховых практик, используемых вождями партии, прежде всего И.С. Сталиным, успешно проецировались и на локальном уровне.

Линия активного использования юмора в управленческой деятельности на Северо-Востоке России была взята на вооружение начальником Дальстроя в 1939–1948 гг. Иваном Федоровичем Никишовым. Анализ протоколов партийных активов первой половины 1940-х гг. позволяет выделить сложившийся культ Ивана Никишова.

Известно, что на Колыме он получил прозвище «Иван Грозный». Этот образ был в народе ярким и понятным, совсем недавно на экраны вышел знаменитый фильм Сергея Эйзенштейна.

Приведём некоторые из высказываний И.Ф. Никишова. В докладе на совещании партийно-хозяйственного актива Дальстроя НКВД СССР 20 января 1943 г. он заявил, что следует развивать скотоводство на Колыме. Когда выступающий из Сусумана начал говорить о том, что оказывается, у них в районе имеется опыт овцеводства, Никишов с удивлением заметил: «Да, у вас ведь там всего одна овца! – Пусть одна, но мы с ней работу вели (Смех)». Никишов ответил: «Правильно. Необходимо вести опыт над разведением на Колыме овцеводства»⁴.

В одном из своих выступлений о борьбе с пьянством на совещании партийно-хозяйственного актива Дальстроя Никишов рассказывал: «Товарищи дико было бы с моей стороны заявлять Вам – не пить. Это был бы звук пространства. Да русский человек и не может этого делать, он всегда найдет причину, торжественный случай, устал, от горя, от нечего делания... я сам иногда позволяю себе выпить рюмку. Ведь вы мне не поверите, если я скажу, что совершенно не пью /смех/. Да и я вам не поверю, если вы мне об этом заявите /смех/. Но с пьянством нужно покончить, нужно вести беспощадную борьбу с пьянством... Вот я был на руднике. Сафронов пригласил обедать. Ну, заходишь, человек ставит на стол что-нибудь выпить. Вот сядешь и все сидят, смотрят на бутылку, но никто себе не наливает, делают вид непьющих /смех/. А я ведь знаю, что хочется выпить /смех/. Ну, я беру и наливаю. Ну, поработали, я дал указания, приходишь пообедать – что-же я буду корчить из себя невинную девушку. Я хочу, чтобы люди держали меня с собою проще»⁵. Начальник Дальстроя действительно любил отдохнуть, ввёл за правило совместные выезды на дачу, корпоративный отдых. Его поездки по трассе часто превращались в увеселительные мероприятия, после которых долго ходили разговоры. Никишов признавался, что иногда сам слышал такие рассказы: «Вот мы в Доме дирекции с комиссаром вместе выпивали. Комиссар частенько себе наливает /смех/. Рассказывают, что дивизионный комиссар (Сидоров – Авт.) 12 рюмок спирта сразу выпил. Ну тов. Сидоров никогда 12 рюмок сразу не выпьет. Я за это могу расписаться /смех/»⁶.

С помощью смеховой практики нивелировались проблемы, которые должны были решаться властью на территории деятельности

---

⁴ Государственный архив Магаданской области (далее – ГАМО). Стенограмма совещания партийно-хозяйственного актива Дальстроя НКВД СССР г. Магадан, 20 января 1943 г. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1373. Л. 94.

⁵ ГАМО. Стенограмма совещания партийно-хозяйственного актива Дальстроя НКВД СССР г. Магадан, 7 января 1942 г. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1246. Л. 48.

⁶ Там же. Л. 49.

Дальстрою, но при этом не являлись приоритетными. В этой связи, смех был одним из инструментов критики, но главной особенностью периода было то, что объектом юмора мог выступать широкий круг управленцев за исключением самого начальника Дальстроя. Как видно он очень уверенно себя чувствовал, выступая на публичном мероприятии партийно-хозяйственного актива. Юмор над собой мог позволить себе только сам начальник Дальстроя.

И.Ф. Никишов был жестким руководителем. В условиях военного времени с наличием особого контингента, ему надо было держать в узде своих подчиненных – руководителей управлений, и в то же время контролировать ситуацию на всей территории Дальстроя. В самые первые месяцы Великой Отечественной войны на Колыме было неспокойно. В этой связи показательна его речь на собрании городского партактива 20 октября 1941 г., проходившего в чрезвычайно напряженной обстановке. Для разрядки ситуации И.Ф. Никишов использует элементы комического: «Начали запасаться – кто, чем может и не только обыватели, не только какие-нибудь кумушки, но даже некоторые партийные люди, среди них есть и руководящие работники. Начали говорить о том, что японцы, мол, высадились в Гижиге, на Сахалине, в Охотске и скоро высадятся на Колыме. Потом перестали об этом говорить потому, что долго японцы не появляются на Колыме (смех). Надоело ждать японцев, решили сдать Колыму и Чукотку американцам в концессию. Вызов мой в Москву начали обсуждать: “А зачем он полетел?”. Одни говорят: “Наверное, на фронт отозвали”, другие “За инструкцией полетел?”. А вот член партии Муратов со своим помощником Кобоком, оказывается, обсуждали – зачем я вылетел в Москву, и решили, что я поехал получить указание о передаче Чукотки американцам»⁷.

Немцы в это время вели наступление по всем направлениям, столицу эвакуировали, на Колыме отсутствовала какая-либо информация о происходящем на фронте. Речь И.Ф. Никишова позволяет выявить слухи, которые получили распространение в это время: что Колыма и Чукотка будут отданы в концессию Соединённым Штатам Америки. Учитывая условия Колымы и Чукотки, наличие заключенных в Северо-Восточных лагерях, такие слухи можно рассматривать и как проявления ожиданий определённой части общества. Таким образом, юмор Никишова был направлен на высмеивание противников и консолидацию управленческого аппарата. Следует отметить, что в приведённом отрывке Никишов использует самые популярные объекты для высмеивания в политической смеховой культуре СССР – иностранные государства. Это характерная черта для всего периода советской истории.

---

⁷ ГАМО. Собрание городского партийного актива Дальстроя 20 октября 1941 г. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1083. Л. 20.

С изменением политической обстановки после смерти Сталина меняются и функции смеха: смех всё чаще используется в контексте критики. Самый большой поток острой критики, в т.ч. с использованием юмора, был связан с Дальстроем, и пришелся на 1953–1957 гг., так как в декабре 1953 г. была создана Магаданская область и начался процесс демонтажа системы управления краем, которая сложилась и действовала на Северо-Востоке России многие годы. На совещании дальстроевского актива 29 октября 1953 г., когда было уже известно о решении руководства страны о создании на территории деятельности Дальстроя новой Магаданской области, выступивший в прениях по докладу начальника Дальстроя Ивана Лукича Митракова секретарь Магаданского горкома КПСС Сергей Игнатьевич Чмыхов заявил: «Устав партии требует от всех коммунистов, чтобы они не на словах, а на деле проводили в жизнь политику партии. А действия товарища Митракова, на наш взгляд, являются непонятными. Неслучайно среди трудящихся ходит такая поговорка “о династии Иванов на Колыме”. Они говорят, что были у нас руководители: “Иван Грозный – Иван Федорович Никишов”, “Иван Мудрый – Иван Григорьевич Петренко”, а теперь у нас есть “Непонятный – Иван Лукич Митраков”»⁸.

Используя элементы комического С.И. Чмыхов высказал народное представление о системе действующей власти. В противостоянии с Дальстроем им был использован яркий и понятный народу образ, и фактически это выступление знаменовало собой выход критики за грань дозволенного. Когда на следующий день Чмыхову предоставили слово, он бросил такую фразу: «Я сказал лишь о том, что известно не только на базаре, но и в определенных кругах»⁹. Дальстроевские руководители требовали призвать секретаря горкома к партийной ответственности. Несмотря на то, что в 1953 г. бюро Хабаровского крайкома (которому формально подчинялся Магаданский горком) расценило это выступление в духе развития партийной критики и самокритики, а начальству Дальстроя было указано на неправильное поведение на активе, тем не менее, в следующем 1954 г. уже при новом руководстве Магаданской области секретарь горкома С.И. Чмыхов все-таки лишился своей должности. На наш взгляд, такое резкое выступление против руководства региона являлось исключением, которое стало возможным благодаря общей ситуации на Колыме после смерти Сталина, а также надеждам, связанным с образованием Магаданской области.

В этот период не только высшие партийные руководители, но и многие рядовые работники позволяли критические замечания и юмор в адрес Дальстроя. Смеховую составляющую критики отражают слова

---

⁸ Козлов 2004. С. 43.

⁹ ГАМО. Протокол Вседальстроевского собрания партийного актива 27-30 октября 1953 г. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 2239. Л. 460.

директора краеведческого музея Ухатова на сессии Магаданского городского совета: «В этом году исполняется 15 лет, как Дальстрой начал обещать строить новое здание для музея (смех). Городской исполнительный комитет должен принять решительные меры, чтобы обещанное здание было построено, тем более что в этом году Дальстройпроект, по указанию начальника Дальстроя Митракова изготовил проектно-сметную документацию. Было бы хорошо, если бы в день 20-летия музея 30-го марта 1954 г. приурочить закладку здания музея»¹⁰.

При анализе протоколов партийных конференций особый интерес представляют высказывания руководителей районного уровня, директоров и начальников предприятий и организаций. Районные руководители, «рабочие лошадки» в критике были острее и конкретнее областных руководителей, которые большей частью повторяли выкладки секретарей ЦК партии. Смех могли вызывать и отдельные высказывания: например, когда председатель поселкового совета (женщина), предложила дачу руководителей Дальстроя отдать под пионерский лагерь¹¹, когда критиковали Дальстрой за «плохое состояние дорог»¹². Смеялись, когда слушали откровенные слова участников о советской действительности, как в выступлении одного председателя колхоза: «Смотришь у какого-нибудь хозяйственника, который содержит корову или телку, сено сложено, огорожено, а у нас все разбросано. Даже веревки не имеем. Отсутствуют сенокосилки, коровы стоят буквально в грязи, и там же висит лозунг: “Получим надой молока 600 литров от каждой коровы”. Это просто смешно конечно (смех в зале)»¹³. Или из выступления делегата Чукотки тов. Этлену в 1958 г. на областной партконференции: «Насчет газеты “Советская Чукотка”. Там искажения большие получаются. Не знаю, спьяна это что ли, но очень плохо пишут в газете (В зале смех)... “Магаданская правда” – по телефону просят и торопятся скорее написать не проверив факта. ...написали в “Маг. Правде”, что колхоз им. Сталина начал трактором возить рыбу, а ведь только разговоры были, трактор на месте еще стоял (в зале смех)»¹⁴.

Последствия управленческих перегибов также становились объектом шуток, такие эпизоды, близкие и понятные сидящим в зале, неизменно вызвали эмоциональную реакцию. Так, на первой партийной конференции вызвало смех замечание, что один из начальников

---

¹⁰ ГАМО. Протокол № 1 XI сессии Магаданского городского Совета депутатов трудящихся третьего созыва и материалы к нему за 1953 г. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 40. Л. 101.

¹¹ ГАМО. Стенограмма I областной партийной конференции 10-12 мая 1954 г. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 3. Л. 77.

¹² Там же. Л. 41-42.

¹³ Там же. Л. 137.

¹⁴ ГАМО. Стенограмма III-й Магаданской областной партийной конференции 14-15 февраля 1958 г. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 134. Л. 142.

управлений облисполкома направил на имя заместителя председателя облисполкома телеграмму с просьбой подписать телеграммы в райисполкомы¹⁵. В другом случае, председатель Чаунского райисполкома на собрании областного и городского партийного актива жаловался: «Указание получаем, максимально сократите бытовые услуги, сократите пошив костюмов, платьев, ремонт обуви, а увеличьте выпуск пива, браги и пр. (аплодисменты, смех, оживление). – Из президиума – Кто дал такое указание? – Из облместпрома. Промкомбинат начал у нас осуществлять свою деятельность только с прошлого гола, он только начал действовать, вы не помогли, а в нынешнем году промкомбинат дает прибыль. Дайте возможность нам самим решать шить ли костюмы или варить брагу (аплодисменты)»¹⁶.

Приведенные примеры показывают проявления смеха как над самой системой, так и над отдельными проявлениями советской повседневности и управленческой психологии. В этом смысле, партийные мероприятия являлись местом, где было можно посмеяться над тем, над чем нельзя было смеяться вне партийно-управленческой среды. Таким образом, это был смех управленца, в т.ч. и над самим собой, было важно кто говорит речь с элементами комического и где это происходит, т.е. контекст. Если бы те же самые речи произносились в другое время и в другом месте, это было бы расценено как крамола.

Аплодисменты также позволяют выявить отношение публики. По всей видимости, ремарку «аплодисменты» в 1950-е гг. уже не вставляли в нужные места во время корректировки текста протоколов для отправки в ЦК. Так, на I областной партийной конференции 10-12 мая 1954 г. больше всех «аплодисментов» оказалось не у первого секретаря обкома, не у председателя облисполкома, а у товарища Примакова – начальника рудника имени Матросова, одного из ведущих в Тенькинском районе. Начальнику Дальстроя И.Л. Митракову он заявил: «Почему вы нарушаете партийный принцип? Кому нужны ваши разбухшие аппараты. Вы обязаны ликвидировать управления, в Главке создать отделы. Это будет самой лучшей с Вашей стороны самокритикой (Аплодисменты). Конечно, вы, наверное, в этом деле встретите определенное сопротивление со стороны отдельных начальников управлений. Вы не бойтесь, в этом деле вас поддержит партийная организация (аплодисменты). Поддержит также и областная партийная конференция (аплодисменты)»¹⁷. Первая областная конференция пропитана критикой Дальстроя. Только что, в начале 1954 г. были созданы партийные и советские органы управления, в Магадан приехали новые руководители,

¹⁵ Стенограмма I областной партийной конференции... Л. 65.

¹⁶ ГАМО. Стенограмма собрания областного и городского партийного актива Магаданской области от 23 марта 1956 г. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 100. Л. 82.

¹⁷ Стенограмма I областной партийной конференции... Л. 112.

генеральная линия заключалась в передаче властных полномочий от Дальстроя, и в этой связи демонстративно выставлялась напоказ неспособность Дальстроя справиться с выполнением планов развития территории. В этом русле и проходят критические высказывания, в т.ч. с использованием смеховой практики. Таким образом, и «аплодисменты», и «смех» в зале выражали одинаковое направление политических эмоций – солидарность с партийными установками и генеральной линией, которая была ясна и понятна участникам.

Выделим использование ремарки «смех в зале» как несравненно более активную реакцию слушателей на слова оратора, позволяющую понять реальное отношение к поднятому вопросу и отражающую коллективное восприятие участников конференции. Как верно отмечает А.А. Фокин, это было важнейшей составляющей смеха на уровне общесоюзных мероприятий¹⁸. В качестве примера приведём отрывок из выступления делегата в 1957 г. по поводу положения в Советской армии и личности Г.К. Жукова. Позиция большинства руководителей заключалась в безоговорочной поддержке решений ЦК КПСС и не отклонялась от генеральной линии партии. В русле центральных установок критиковали и Г.К. Жукова. Секретарь Чукотского окружкома А.Н. Грозин на собрании Магаданского областного актива 3 ноября 1957 г. рассказывал, как буквально на днях, еще до Пленума ЦК КПСС на Чукотке проверял воинские части маршал Судеец: «Приехал, несколько дней пробыл. Чувствуется в этом маршале воспитание Жукова. Начальник гарнизона, когда проезжали мимо райкома партии, сказал, здесь райком партии. Судеец сказал: давай дальше (смех в зале)»¹⁹.

В сравнении с предыдущим периодом, после образования Магаданской области объектом критики, разоблачений и юмора становились самые высокие руководители региона и области, включая начальника Дальстроя, секретарей обкомов и председателя облисполкома. Например, председатель колхоза на Чукотке тов. Козлов говорил на областной партийной конференции в адрес председателя облисполкома Павла Яковлевича Афанасьева: «Скажу об обкоме партии и облисполкоме. Здесь некоторые товарищи с “Бородами” в области, но под маркою того, что они новые, тоже “побрились” и чувствуют себя по-новому. Это больше всего относится к тов. Афанасьеву. Он был у нас тогда, когда еще был в крае заместителем. Я два раза с ним говорил, он выступал, все выслушал, записывал на бумаге, а результатов не видим до сих пор. Колхозники меня часто спрашивают: “И где тот дяденька в кожанке, на нем папаха была серая”. Я считаю, что тов. Афанасьев несерьезно под-

---

¹⁸ Фокин 2013. С.118.

¹⁹ ГАМО. Стенограмма собрания Магаданского областного актива от 3 ноября 1957 г. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 131. Л. 24.

ходит, если не умеете – не нужно братья и обещать, а то вроде получается, что я паровоз поднял, а ведь не поднял (смех, аплодисменты)»²⁰.

На III-й Магаданской областной партийной конференции 14-15 февраля 1958 г. секретарь Иультинского райкома Свешников критиковал руководство в лице того же П.Я. Афанасьева: «Мы неоднократно просили транспорт... Но нам не дали. Когда же сам товарищ Афанасьев проехал на нашей разбитой машине более ста с лишним километров, он сказал: «Да. Вам трудно приходится». (Смех в зале) Тут же решили выделить району автомашину. – т. Афанасьев. – Нарочно разбитую машину дали. (смех)»²¹. Однако в данном примере ответ Афанасьева помогает разглядеть эмоциональную атмосферу, понять, что критика в данном случае не выходила за определённые понятные участникам рамки, и кроме того характеризует самого Афанасьева как человека с чувством юмора. Данный эпизод также демонстрирует его уверенность. Приведённые наблюдения подтверждаются и самим фоном событий: Дальстрой к этому моменту уже был реорганизован, период «двоевластия» подошёл к концу, а новым первым секретарем Магаданского обкома в начале 1958 г., после снятия с должности Т.И. Абабкова, был утвержден П.Я. Афанасьев.

Председатель облисполкома в 1953–1958 гг., первый секретарь обкома в 1958–1967 гг. Павел Яковлевич Афанасьев часто использовал юмор в своих выступлениях, хорошо чувствовал аудиторию, любил обращать на себя внимание. Приведём характерные примеры из его выступлений. На собрании партийного актива Магаданской области 18 февраля 1955 г.: «Тов. Хрущев говорил, что нам нужно брать хорошее из иностранной техники, в чем не следует пренебрегать и не бояться, как бы не обвинили в преклонении перед иностранщиной (смех в зале)»²². «Необходимо покончить строить свою работу только на резолюциях и обращениях. Совещание провели, обращение приняли, значит дело пойдет, только отделяемся поправками на совещании, где усилить, где углубить (смех в зале)»²³.

Как видно, эти стандартные приемы позволяли оживить речь и саму атмосферу партийных мероприятий. Следует также отметить, что использование Афанасьевым в своих выступлениях юмора сыграло важную роль в его противостоянии с первым секретарём обкома в 1953–1958 гг. Тихоном Ивановичем Абабковым. Контраст был разителен: Абабков выступал сухо, всегда читал текст выступления, держа в руках печатный вариант, Афанасьев выступал ярко и «без бумажки».

---

²⁰ Стенограмма I областной партийной конференции... Л. 136.

²¹ Стенограмма III-й Магаданской областной партийной конференции... Л. 45.

²² ГАМО. Стенограмма партийного актива Магаданской области от 18 февраля 1955 г. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 62. Л. 61.

²³ Там же Л. 64.

Ещё один элемент – поговорки и пословицы – он также широко использовал. Так, на II-ом пленуме горкома 4 апреля 1956 г. в ходе выступления одного из делегатов Афанасьев вставляет поговорку: «Не зевай Фомка на то и ярмарка», чем вызывает смех в зале²⁴. Использование пословиц и поговорок было характерной особенностью периода Н.С. Хрущева. В этом смысле Афанасьев копировал многие элементы, используемые руководителем государства, а также часто прибегал к грубым, просторечным выражениям. Это показывает попытку приблизиться в своих выступлениях к народной смеховой культуре, т.е. показать близость к народу и понятность действующей власти.

Интересно, что А.Я. Гуревич относительно средневековой культуры писал о близкой связи смеха и страха: по его мнению, смех в средневековой системе сознания является необходимым коррелятом страха, который должен смягчить его, сделать переносимым²⁵. Думается, это замечание действует и в отношении народной смеховой культуры в СССР, неотъемлемым элементом которой являлся страх. Если говорить об изучении опыта государственного управления, то страх, несомненно, являлся постоянным спутником партийных и советских руководящих кадров. Как известно, после смерти Сталина начался процесс кардинальных изменений, который после XX съезда принял необратимый характер, однако, на наш взгляд, страх быть физически уничтоженным, оказаться в тюремном заключении сопровождал государственных управленцев вплоть до смещения Н.С. Хрущева в 1964 г.

Итак, анализ использования смеховой практики на партийных конференциях и активах Дальстроя и Магаданской области в 1940-1950 гг., показал, что смеховая практика выступала обязательным элементом публичной программы мероприятий на региональном уровне, коллективный смех использовался для корректировки эмоционального состояния слушателей в нужном направлении. Региональные руководители копировали модели смеха, применяемые на общесоюзном уровне, стараясь вызвать комическую реакцию слушателей. На региональном уровне воссоздаются модели поведения: в 1940-е гг. модель культуры личности воплотилась в образе начальника Дальстроя Ивана Никишова – «Ивана Грозного», в 1950-х гг. манеру поведения Н.С. Хрущева успешно копировал председатель облисполкома в 1953–1958 гг. Павел Афанасьев (первый секретарь обкома в 1958–1967 гг.). Таким образом, смех занимал важное место в региональной политической культуре в 1940–1950-е гг. На наш взгляд, это было продолжением традиций, сформировавшихся еще в революционный период. Можно констатировать, что отдельные трансформации наблюдаются в 1950-е гг. Для это-

---

²⁴ ГАМО. Протокол и материалы II-го пленума горкома КПСС от 4 апреля 1956 г. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 389. Л. 18.

²⁵ Гуревич 1981. С. 30-31.

го периода было характерно более широкое использование элементов «народного» юмора, что, как нам кажется, было связано с желанием руководства обеспечить широкую поддержку населения, опереться в проведении преобразований на народные массы.

Думается, делегаты партийных конференций и активы смеялись искренне, но осознанно. Это был смех в рамках системы, они не могли выйти за определенные рамки. Однако важное исключение составляет период «двоевластия» на Северо-Востоке России в 1953–1957 гг., когда начались события, связанные с образованием Магаданской области и был запущен процесс демонтажа дальстроевской системы управления краем. В этот период фиксируется использование критики и смеховых практик, которые нельзя отнести к условно принятым в системе государственного управления. Ярким примером такого выхода за рамки системы служит речь секретаря горкома И.С. Чмыхова (1953 г.) о «династии трёх Иванов» на Колыме. Это представляется важным для понимания особенностей истории государственного управления, учитывая что в использовании смеховой практики можно выделить несколько целей: это консолидация и сплочение аудитории вокруг генеральной линии; критика и разоблачение нежелательной линии и оппонентов; идентификация и демонстрация близости к народу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гуревич А.Я. О новых проблемах изучения средневековой культуры // Культура и искусство западноевропейского средневековья: («Випперовские чтения-80»). М., 1981. С. 8-25.
- Козлов А.Г. У истоков образования области // III Диковские чтения. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 28-45
- Невежин В.А. Как шутили большевики: смех и комическое на сталинских застольях 1930-х – 1940-х гг. // Инструментализация смеха в российской истории XX века: Сб. статей // под ред. И.В. Нарского, О.С. Нагорной, О.Ю. Никоновой, Ю.Ю. Хмелевской, Г.Т. Риттершпорна. Челябинск: Каменный пояс, 2013. С. 72-91.
- Фокин А.А. «Смех в зале»: комическое на партийных съездах (1950–1960-е гг.) // Инструментализация смеха в российской истории XX века... С.110-118.
- Abrahamian L. Lenin as a Trickster // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1999. V. 38. № 2. P. 7-26.
- Draitser E. Making War, Not Love: Gender and Sexuality in Russian Humor. Palgrave Macmillan, 1999. 320 p.
- Reflective Laughter: Aspects of Humour in Russian Culture / Ed. L. Milne. L., 2004. 222 p.
- Oushakine S. Laughter under Socialism: Exposing the Ocular in Soviet Jocularitry // Slavic Review. 2011. Vol. 70. No. 2. P. 247–255.

REFERENCES

- Gurevich A.Ya. O novykh problemakh izucheniya srednevekovoi kul'tury // Kul'tura i iskusstvo zapadnoevropeiskogo srednevekov'ya: («Vipperovskie chteniya-80»). M., 1981. S. 8-25.
- Kozlov A.G. U istokov obrazovaniya oblasti // III Dikovskie chteniya. Magadan: SVK-NII DVO RAN, 2004. S. 28-45
- Nevezhin V.A. Kak shutili bol'sheviki: smekh i komicheskoe na stalinskikh zasto'lyakh 1930-kh – 1940-kh gg. // Instrumentalizatsiya smekha v rossiiskoi istorii KhKh veka: Sb. statei

- // pod red. I.V. Narskogo, O.S. Nagornoi, O.Yu. Nikonovoi, Yu.Yu. Khmelevskoi, G.T. Rittershporna. Chelyabinsk: Kamennyi poias, 2013. S. 72-91.
- Fokin A.A. «Smekh v zale»: komicheskoe na partiinykh s'ezdakh (1950–1960-e gg.) // Instrumentalizatsiya smekha v rossiiskoi istorii KhKh veka... S.110-118.
- Abrahamian L. Lenin as a Trickster // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1999. V. 38. № 2. P. 7-26.
- Draitser E. Making War, Not Love: Gender and Sexuality in Russian Humor. Palgrave Macmillan, 1999. 320 p.
- Reflective Laughter: Aspects of Humour in Russian Culture / Ed. L. Milne. L., 2004. 222 p.
- Oushakine S. Laughter under Socialism: Exposing the Ocular in Soviet Jocularly // Slavic Review. 2011. Vol. 70. No. 2. P. 247–255.

Гребенюк Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН; grebenyuk.pavel@gmail.com

Laughter practice in public administration on the North-East of USSR (1940-1950s)

On the basis of archival documents the author analyzes the function of laughter in the context of public administration experience in the region of North-East of USSR in 1940-1950s. the article shows that, according to reports and transcripts of party conferences of Dalstroï and Magadan region, laugh practices occupied an important place in the regional political culture. The author shows how the regional leaders reproduced laugh models used by leaders of party and government, notes greater use of elements of “popular” humor, which was typical for post-Stalin time. The author concludes that the use of humor in the context of the practice of public administration was directed at consolidating and uniting audiences around the general line, to criticism and the exposure of unwanted lines and opponents, as well as to demonstrate the proximity of power to the people.

Keywords: laugh; comic; Dalstroy; public administration; Magadan Region; the culture of laughter; humor; North-East of USSR

Pavel Grebenyuk, PhD in History, research fellow, N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute (Magadan); grebenyuk.pavel@gmail.com

И. В. СИДОРЧУК

Н. Я. МАРР и МАРРИЗМ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

В статье рассматриваются работы западных специалистов, посвященные видному отечественному ученому Н.Я. Марру (1864–1934), его «новому учению о языке», а также роли в развитии отечественной и мировой лингвистики. Автор выявляет особенности отношения зарубежных специалистов к проблеме, начиная с работ, вышедших при жизни ученого, и заканчивая исследованиями последних лет. Показаны достоинства и недостатки их трудов, а также тенденции в изучении темы.

Ключевые слова: Н.Я. Марр, новое учение о языке, марризм, наука и власть

Среди зарубежных специалистов интерес к личности Н.Я. Марра и его теориям всегда был достаточно высок. По степени востребованности среди вопросов истории отечественной науки он уступает, пожалуй, лишь лысенковщине. Причины стоит искать как в оригинальности и радикальности его идей, претензиях на изменение мировой науки, так и в удивительной карьере и судьбе в непростых условиях существования советской науки 1920–1930-х гг.

Первые критические работы появились уже при жизни ученого. Среди них стоит выделить статьи К. Мэннинга² и А. Саважо³. К. Мэннинг, профессор Колумбийского университета, известный славист, находил многие выводы Марра интересными и ценными (прежде всего, в области исследования кавказских языков). По его мнению, положительным качеством ученого являлось умение уходить от консервативных научных положений, готовность смотреть на вопросы лингвистики свежим взглядом. К недостаткам его теории Мэннинг относил ее искусственное ограничение марксизмом, препятствующее дальнейшему развитию. Его французский коллега, профессор Школы восточных языков в Париже (впоследствии Национальный институт восточных языков и цивилизаций), Саважо называл критику Марром консервативного индоевропеизма справедливой и актуальной. При этом он с сожалением констатировал, что положительная часть концепции ученого не несет той новизны, которая позволила бы возродиться буржуазной лингвистике. Идеи Марра о классовом характере языка и четырех первичных элементах, по мнению Саважо, лишь гипотезы, доказательства которых еще более произвольны, чем у индоевропеистов. Отвергал он

---

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-6876.2016.6.

² *Manning* 1931. P. 143-146.

³ *Sauvageot* 1935. P. 160-168.

и претензии Н.Я. Марра на марксизм, одновременно полагая что банкротство яфетической теории отнюдь не означает бесперспективности марксистской лингвистики.

Начиная с 1950-х гг., во многом в связи с изменениями в советской лингвистике и развенчанием марризма, интерес к Марру растет. В частности, в 1951 г. вышла статья члена лингвистического общества Америки, сотрудника Мичиганского университета Г. Рубинштейна, посвященная последним изменениям в советском языкознании. Как Н.Я. Марру, так и его соратникам и последователям, он ставил в заслугу практическую деятельность по разработке грамматик для национальных окраин, ориентацию на практический результат, связь лингвистики с социальными задачами. Одновременно он полагал, что в таких условиях чистая наука остается без должного внимания и отсутствует разработка объективных методов⁴, следствием чего является недоказанность многих теорий академика.

В это же десятилетие были опубликованы работы, в которых серьезно анализировались причины возвышения и краха марризма. Так, в статье американского советолога Э. Гудмана, посвященной истории попыток создания в СССР единого мирового языка, Н.Я. Марр назван «отцом советской лингвистики»⁵. По мнению автора, причины провала реализации его проектов, первоначально близких стремлениям власти, крылись в послевоенном изменении отношения к русскому языку, ставшему претендовать на то, чтобы называться мировым языком социализма. Идеи Н.Я. Марра не могли быть приняты и по ряду внешнеполитических соображений. Во-первых, они шли вразрез с идеями панславизма, поддерживаемыми СССР в странах Восточной Европы, а, во-вторых, не были бы восприняты в дружественном Китае, так как согласно концепции Н.Я. Марра китайский язык был застывшим на низкой стадии развития⁶.

В вышедшей в 1957 г. монографии виднейшего зарубежного исследователя марризма, впоследствии сотрудника кафедры славянских языков и литературы Висконсинского университета Л.Л. Томаса⁷, идеи Марра в области лингвистики были рассмотрены в контексте исторического развития советской и мировой науки. Академик описан как честолюбивый конформист, с охотой подстраивающий свои научные выводы под политический заказ, и одновременно фанатик, ставящий свою теорию выше любой другой, в т.ч. и марксистской. В том же 1957 г.

---

⁴ *Rubenstein* 1951. P. 281-287.

⁵ *Goodman* 1956. P. 93. Э. Гудман также является автором монографии, посвященной анализу внутренней и внешней политики СССР в контексте попыток реализации идеи «всемирного государства», см.: *Goodman* 1960.

⁶ *Goodman* 1956. P. 96.

⁷ *Thomas* 1957(a).

Томас опубликовал статью, в которой были проанализированы причины успеха Марра и показана его связь с социально-политическими и культурными реалиями 1920–1930-х гг.⁸ Томас выделил две тенденции, присущие Марру как ученому с самого начала его научной карьеры – его готовность выступать против доминирующих в науке мнений и попытки связать родной язык своей матери-грузинки, который до этого считался изолированным, с другими⁹. Скептически Томас относился и к рассмотрению «нового учения о языке» как марксистской теории. По его мнению, не искусственная привязка к марксизму стала залогом успеха учения, а личность самого академика, сумевшего победить в научной борьбе¹⁰. Л.Л. Томас также стал первым исследователем, кто четко указал на уникальный интеллектуальный климат эпохи как важный фактор торжества зачастую фантастических идей Н.Я. Марра¹¹.

На рубеже 1950–1960-х гг. в журнале «The Slavic and East European Journal» вышли статьи сотрудника центра русских исследований Гарвардского университета Дж. Орнштейна и его коллеги из Университета Огайо М. Бенсона, посвященные истории советской лингвистики, в них рассматривалась фигура Марра, давалось краткое описание его теории и анализировалось ее влияние на языковую политику в СССР¹².

Некоторые зарубежные исследователи, в целом критикуя теории академика, признавали интересными ряд его мыслей. В частности, американский славист Дж.Л. Конрад, посвятивший Марру и «новому учению о языке» свою докторскую диссертацию, в статье 1963 г. признал не лишней смысла его версию о происхождении немецких языков как промежуточной стадии между яфетическими (в узком смысле) и индоевропейскими¹³. Французский славист, многолетний корреспондент «Юманите» и сотрудник Института славяноведения в Париже Р. Л'Эрмитт уделил Марру и его теории раздел своей статьи, посвященной советской лингвистике¹⁴. В ней он дал резко критическую оценку «новому учению о языке» и указал на то, что фантастические идеи Н.Я. Марра могли бы остаться чем-то вроде анекдота, если бы их распространение не совпало с особым периодом российской истории¹⁵. Впоследствии эти взгляды были более подробно раскрыты им в отдельной монографии, вышедшей в 1987 г.¹⁶

---

⁸ *Thomas* 1957(b).

⁹ *Ibid.* P. 325.

¹⁰ *Ibid.* P. 339.

¹¹ *Ibid.* P. 341.

¹² *Ornstein* 1959. P. 3-4; *Benson* 1961. P. 263-265.

¹³ *Conrad* 1963.

¹⁴ *L'Hermitte* 1969.

¹⁵ *Ibid.* P. 6.

¹⁶ *L'Hermitte* 1987.

В 1974 г. была опубликована коллективная монография под редакцией австрийского ученого Т. Борбе¹⁷, целью которой также являлась критика лингвистической теории Н.Я. Марра. Показательно, что марризм в данном случае рассматривался в контексте его претензий называться «марксистским языкознанием». Нам представляется очень удачным данный в работе анализ причин как симпатий, так и последующего отказа Сталина от теорий академика, возврата к поддержке русского языка. В частности, Борбе указал на то, что там, «где нет классов, не может быть и классовых языков»¹⁸. Издание также содержит статью профессора Иерусалимского университета В.П. Назарова, посвященную современному состоянию изучения кавказских языков и затрагивающую вопрос о вкладе Марра в исследование данной темы¹⁹.

В 1977 г. во Франции вышел специальный выпуск журнала «Langages», посвященный марризму. Его открывала статья редактора выпуска Ж.-Б. Марселлези²⁰, в которой он, в частности, провел сравнение марризма с лысенковщиной²¹. Впоследствии это сопоставление (во многом справедливо) стало общепринятым в отечественной и зарубежной историографии. В других статьях того же выпуска был проанализирован вклад Н.Я. Марра и его «нового учения о языке» в развитие лингвистики, показан его противоречивый характер²².

В 1982 г. В Норвегии вышла посвященная лингвистическим теориям Марра монография известного русиста Я.А. Бьёрнфлатена²³. Автор раскритиковал идеи академика, но не стал останавливаться на феномене марризма, оставив историко-культурную составляющую вопроса без подробного анализа. Другим крупным исследованием, посвященным Марру и его теории, стала монография немецкой исследовательницы Г. Брухе-Шульц 1984 г., в которой давалась резко негативная оценка роли Н.Я. Марра в истории отечественной науки, а торжество марризма трактовалось, наряду с лысенковщиной, как символ сталинской репрессивной политики в области науки²⁴. Брухе-Шульц в 1993 г. опубликовала также статью, посвященную марризму и его связи с марксизмом в контексте истории языкознания в СССР²⁵.

Если профессиональные лингвисты, несмотря на всю критику, все же склонны были искать рациональное зерно в теориях Марра, то

---

¹⁷ Kritik der marxistischen sprachtheorie Marr... 1974.

¹⁸ Borbé 1974. P. 14.

¹⁹ Nazarov 1974.

²⁰ Marcellesi 1977.

²¹ Ibidem.

²² Dupas, Lelievre 1977; Dupas 1977; Gadet 1977; Baggioni 1977.

²³ Bjørnflaten 1982.

²⁴ Bruche-Schulz 1984.

²⁵ Bruche-Schulz 1993. Интерес представляет и ее рецензия на книгу В.М. Алпатова «История одного мифа: Марр и марризм». Bruche-Schulz 1991.

для западных историков науки образ ученого почти всегда являлся символом бед, обрушившихся на русскую науку в период сталинизма. В частности, профессор Северо-Западного университета в Чикаго, член Национального совета по советским и восточноевропейским исследованиям Д. Жоравски понимал марризм как ярчайший пример торжества в СССР «самодурства», вульгарных антинаучных направлений²⁶. По его мнению, школа Марра установила в лингвистике диктаторский режим, подобный Аракчеевщине времен Александра I²⁷.

Еще более категоричную позицию занял профессор Университета Миннесоты А. Либерман²⁸. По его мнению, Н.Я. Марр являлся «маньяком», выглядевшим посмешищем в глазах западных ученых. При этом исследователь провел интересную параллель между ним и голландским языковедом Якобусом ван Гиннекеном. Последний, подобно своему российскому коллеге, отличался талантом и выдвигал схожие по степени своей незаурядности теории о родстве языков. Однако у голландца «не было другого оружия, кроме красноречия и силы убеждения», в то время как Марр активно использовал административный ресурс, вмешивал политику в научные дискуссии, а при случае просто уклонялся от ответа на критику. В результате в Советском Союзе после развенчания марризма произошел отказ от всех его идей, тогда как в Нидерландах антинаучные гипотезы Гиннекена умерли вместе с автором, а перспективные продолжали активно разрабатываться его коллегами²⁹.

В постсоветское время интерес западных специалистов к Марру не ослаб. В зарубежных изданиях регулярно появлялись статьи, в которых анализировалось как его учение, так и его история в контексте взаимоотношений науки и власти. В частности, финский исследователь М. Лахтемяки, в работе, написанной совместно с профессором Мордовского государственного университета Л.Н. Васильевым, исследовал влияние «нового учения о языке» на лингвиста В.Н. Волошинова³⁰. Авторы указали на то, что многих современников Марра поражала его неординарность, эрудированность и душевная широта, из-за чего они питали искренние симпатии к его оригинальным и смелым идеям, а также на то, что даже после признания учения Марра властью оно долгое время не принималось профессиональным ученым сообществом, и он не мог чувствовать себя абсолютным победителем в научном мире³¹. В другой статье М. Лахтемяки обратился к достаточно востребованной среди исследователей теме – истории попыток создания единого миро-

---

²⁶ Joravsky 1983.

²⁷ Ibid. P. 587.

²⁸ Liberman 1984.

²⁹ Ibid. P. 410-411.

³⁰ Lähteenmäki, Васильев 2005.

³¹ Ibid. P. 88-89.

вого языка³², активное участие в реализации которых принимал Марр. Наиболее подробно эта тема освещена В. Гречко, работающим в настоящее время в университетах Японии, а тогда в Рурском университете: он, в частности, показал, что работы ученого в этом направлении во многом повлияли на его поддержку Сталиным и гарантировали торжество его теории на рубеже 1920–1930-х гг. В данном случае Марру помогло умение доказывать важность и актуальность своих теорий для решения сиюминутных задач, а не для далекой перспективы³³.

Среди современных западных специалистов, благосклонно относящихся к Марру, можно назвать профессора Шеффилдского университета К. Брандиста. Анализ советской социолингвистики подвел его к выводу о ценности ревизионизма Н.Я. Марра, позволившего сделать существенный рывок в научном знании³⁴. Его коллега из Даремского университета, В. Резник, рассмотрела социологический аспект феномена марризма³⁵, являвшегося, по ее мнению, органичной составляющей утопического интеллектуального движения в рамках русского модернизма³⁶. Обратившись к теории научного поля П. Бурдьё, она рассмотрела идеологическую борьбу в советской лингвистике между марристами и их оппонентами на рубеже 1920–1930-х гг. сквозь призму анализа социального и профессионального статуса Марра до и после революции. Это позволило ей показать каким образом тактика, выбранная Марром, помогла ему не только не стать целью для атак молодых марксистских активистов, но и одержать его учению победу в борьбе за статус подлинной и единственной марксистской теории в уникальных условиях советской культурной революции.

В последние два десятилетия наибольшим вниманием фигура Н.Я. Марра и его учение пользуется среди франко-швейцарских исследователей. В первую очередь, стоит сказать о профессоре Лозаннского университета, заведующем Отделением славянской лингвистики и руководителе Научно-исследовательского центра по истории и сравнительной эпистемологии языкознания Центральной и Восточной Европы П. Серио. Сотрудники центра внесли важный вклад в исследование истории языкознания в России. В частности, стоит указать на выпущенное под редакцией П. Серио издание вестника центра, посвященное истории языкознания в СССР в сталинский период³⁷. Двумя годами позже, под его же редакцией вышел посвященный языкознанию в СССР номер вестника, в котором приняли участие ведущие за-

---

³² *Lähteenmäki* 2006.

³³ *Gretchko* 2010. P. 163.

³⁴ *Brandist* 2006.

³⁵ *Reznik* 2007.

³⁶ *Ibid.* P. 150.

³⁷ *Sériot* 2003.

падные и отечественные исследователи марризма.³⁸ В частности, отметим статью С. Морэ, в которой была проанализирована взаимосвязь марризма и эсперанто, а также их судьба в условиях сталинизма³⁹. В 2009 г. вышла статья П. Серио, в которой он рассмотрел влияние идей Марра на развитие советской социолингвистики 1960–1970-х гг.⁴⁰

Оригинальный подход к марризму применила коллега П. Серио по Лозаннскому университету Е. Вельмезова⁴¹. В эпистемологическом исследовании «нового учения о языке» она обратилась к принципам эпистемологического нейтралитета, сформулированным С. Ору. Также весьма интересным и перспективным стало ее обращение к концепции Серио, который ввел в науку понятия «дух времени» и «дух места». Несмотря на некоторую их неопределенность, они способствуют комплексному анализу социальной и пространственной среды, задающей тон и вектор интеллектуальных поисков научной элиты в рамках конкретной эпохи и конкретной страны с ее уникальным научным и культурным климатом. В другой статье Вельмезова провела сравнение взглядов Н.Я. Марра и филолога М.М. Покровского⁴².

Археологическая деятельность Н.Я. Марра, практически не попадавшая в сферу внимания западных специалистов, рассмотрена в статье Франсуа Джинджяна (Университета «Париж I Пантеон-Сорбонна»), в которой также существенного внимания удостоилась история инициированного Сталиным развенчания марризма в 1950 г.⁴³

Профессор Манчестерского университета, внучка Д.С. Лихачева В. Тольц-Зилитинкевич в монографии ««Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период» (переведена на русский язык)⁴⁴, как и многие исследователи, подчеркнула неоднозначность роли Марра в развитии отечественной науки: с одной стороны, очевидна его заслуга в ее организации, вклад в области археологии и даже перспективность многих лингвистических идей, а с другой – колоссальный вред, нанесенный его учением отечественной гуманитаристике, и связь с репрессиями в отношении ряда отечественных специалистов.

Стоит также упомянуть работы, посвященные О.М. Фрейденберг, на которую Н.Я. Марр оказал чрезвычайно сильное влияние, и потому в них его учению уделено значительное внимание.⁴⁵

---

³⁸ *Sériot* 2005.

³⁹ *Moret* 2005.

⁴⁰ *Sériot* 2009.

⁴¹ *Velmezova* 2007. См. рецензии на нее: *Helden* 2009; *Brandist* 2008.

⁴² *Velmezova* 2008.

⁴³ *Djindjian* 2010.

⁴⁴ *Тольц* 2013.

⁴⁵ *Kabanov* 2002; *Perlina* 2002.

Подводя итог, можно сказать, что в западной историографии доминирует негативное отношение к теориям Н.Я. Марра и отрицательные оценки его роли в истории как советской лингвистики, так и гуманитаристики в целом. Вместе с тем значительное число исследователей признавали важность и перспективность некоторых его идей, а тем самым их актуальность. Стоит также отметить, что общим недостатком работ западных специалистов является опора практически исключительно на опубликованные источники. Игнорирование многочисленных архивных материалов зачастую не позволяло им рассмотреть проблему комплексно.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Толыц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М.: НЛО, 2013.- 336 с. [Tol'ts V. «Sobstvennyi Vostok Rossiï»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period. M.: NLO, 2013.- 336 s.]
- Baggioni D.* Contribution à l'histoire de l'influence de la «Nouvelle Théorie du langage» en France // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). 1977. P. 90-117.
- Benson M.* Soviet Standardisation of Russia // *The Slavic and East European Journal*. 1961. Vol. 5. № 3. P. 263-278.
- Bjørnflaten Ja.I.* Marr og språkvitenskapen i Sovjetunionen: Bidrag til den Sovjetiske Språkvitenskaps Historie. Oslo: Novus Forlag, 1982.- 186 s.
- Borbé T.* Einleitung: Zur Kritik an der Lehre Marr's // *Kritik der marxistischen sprachtheorie Marr* / [hrsg. von] *Borbé T.* Kronberg: Scriptor Verlag GmbH, 1974. P. 5-16.
- Brandist C.* The rise of Soviet sociolinguistics from the ashes of Völkerpsychologie // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2006. № 42(3). P. 261-277.
- Brandist C.* Les lois du sens: La sémantique marriste. By Ekaterina Velmezova // *Historiographia Linguistica*. Vol. 35, Issue 1-2, 2008. P. 208-212.
- Bruche-Schulz G.* “Vladimir Michajlovic Alpatov. Istorija odnogo mifa. Marr i marrizm. Izd. Nauka Glavnaya Redaktsiya Vostochnoy Literatury, Moscow, 1991. 240 pp. // *Language Sciences*. 1993. Vol. 15. № 3. P. 255-60.
- Bruche-Schulz G.* Marr, Marx, and Linguistics in the Soviet Union // *Historiographia Linguistica*. 1993. Vol. 20. № 2-3. S. 455-472.
- Bruche-Schulz G.* Russische Sprachwissenschaft: Wissenschaft in historisch-politischen Prozeß des vorsowjetischen und sowjetischen Rußland. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1984. 156 s.
- Conrad L.J.* N.Ja. Marr on the origin of the Germanic languages // *Texas studies in literature and language*. 1963. Vol. 5. № 2. P. 283-293.
- Djindjian Fr.* Influences des 'ories linguistiques de Nicolas Marr et de l'article de Joseph Staline sur la pre 'histoire sovie 'tique: apports et autocritiques // *Ecrire le Passé. La fabrication de la préhistoire et de l'histoire à travers les siècles* / Ed. de Sophie A. de Beaune. CNRS Editions, 2010. P. 195-207.
- Dupas J.-Cl.* Pour et contre Marr: les arguments échangés // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). 1977. P. 38-58.
- Dupas J.-Cl., Lelievre Cl.* La controverse sur le marrisme : thèmes et déroulement // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). 1977. P. 24-37.
- Gadet Fr.* Théorie linguistique ou réalité langagière ? // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). 1977. P. 59-89.
- Goodman E.R.* The Soviet Design for a World Language // *Russian Review*. 1956. Vol. 15. № 2. P. 85-99.
- Goodman R.E.* The Soviet design for a world state. (Studies of the Russian Institute). New York: Columbia Univ. Press, 1960.- 512 pp.

- Gretchko V.* Между утопией и 'Realpolitik': Marr, Сталин и вопрос о всемирном языке // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 159-172. [Gretchko V. Mezhdū utopiei i 'Realpolitik': Marr, Stalin i vopros o vseмирном yazyke // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 159-172.]
- Helden v.A.* Velmezowa, E.: *Les Lois sens: la sémantique marriste* (Slavica Helvetica, 77). Bern, ect. Peter Lang, 2007, 392 pp. // *Russian Linguistics*. 2009. № 33. P. 319-345.
- Joravsky D.* The Stalinist Mentality and the Higher Learning // *Slavic Review*. 1983. Vol. 42. № 4. P. 575-600.
- Kabanov A.* Ol'ga Michajlovna Frejdenberg (1890-1955). Eine sowjetische Wissenschaftlerin zwischen Kanon und Freiheit. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002.- 420 s.
- Kritik der marxistischen sprachtheorie Marr / [hrsg. von] *Borbé T.* Kronberg: Scriptor Verlag GmbH, 1974.- 262 s.
- L'Hermitte R.* La linguistique Soviétique // *Langages*. 1969. № 15 (La linguistique en U.R.S.S.). P. 3-13.
- L'Hermitte R.* Marr, marrisme, marristes; science et perversion idéologique: une page de l'histoire de la linguistique soviétique.- Paris: Institut d'études slaves, 1987. 102 pp.
- Lähteenmäki M.* Nikolai Marr and the idea of a unified language // *Language and & communication*. 2006. № 26. P. 285-295.
- Lähteenmäki M., Васильев Н.Л.* Рецепция «нового учения о языке» Н.Я. Марра в работах В.Н. Волошинова: искренность или конъюнктура? // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29. № 1. P. 71-94. [Lähteenmäki M., Vasil'ev N.L. Retseptsiya «novogo ucheniya o yazyke» N.Ya. Marra v rabotakh V.N. Voloshinova: iskrennost' ili kon'yunktura? // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29. № 1. P. 71-94.]
- Liberman A.* Marr og språkvitenskapen I Sovjetunionen. Bidrag til den sovjetiske språkvitenskaps historie by Jan Ivar Bjørnflaten // *Language in Society*. 1984. Vol. 13. № 3. P. 409-412.
- Manning C.A.* Japhetology // *Language*. 1931. Vol. 7. № 2. P. 143-146.
- Marcellesi J.-B.* A Propos du Marrisme... "Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité" // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). P. 3-23.
- Moret S.* Marr, Staline et les espérantistes // *Cahiers de l'institut de linguistique et des sciences du langage*. 2005. № 20. P. 199-214.
- Nazarov V.P.* Der gegenwärtige Stand der Erforschung der kaukasischen Sprachen // *Kritik der marxistischen sprachtheorie Marr* / [hrsg. von] *Borbé T.* Scriptor Verlag GmbH; Kronberg Ts, 1974. P. 21-42.
- Ornstein Ja.* Soviet Language Policy: Theory and Practice // *The Slavic and East European Journal*. 1959. Vol. 3. № 1. P. 1-24.
- Perlina N.* Ol'ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington, Indiana, 2002 (Slavica). VII, 288 pp.
- Reznik V.* Succession or Subversion: Professional Strategies of Soviet Cultural Revolution: The Case of Nikolai Marr // *Slavonica*. 2007. Vol. 13: № 2. P. 150-167.
- Rubenstein H.* The recent conflict in Soviet linguistics // *Language*. 1951. Vol. 27. № 3 (Jul.-Sep.). P. 281-287.
- Sauvageot A.* Linguistique et marxisme // *A la lumière du marxisme: Essais: Sciences Physico-Mathématiques, Sciences Naturelles, Sciences Humaines*. Vol. I. Paris: Editions sociales internationales, 1935. P. 160-168.
- Sériot P.* La sociolinguistique soviétique était-elle néomarriste ? (contribution à une histoire des idéologies linguistiques en URSS) // *Cahiers de l'institut de linguistique et des sciences du langage*. 2009. № 26. P. 37-60.
- Sériot P.* Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne (Cahiers de l'institut de linguistique et des sciences du langage. 2003. № 14). 356 pp.
- Sériot P.* Un paradigme perdu: la linguistique marriste (Cahiers de l'institut de linguistique et des sciences du langage. 2005. № 20). 392 p.
- Thomas L.L.* The linguistic theories of N.Ja. Marr. Berkeley and Los-Angeles: University of California Press, 1957(a). 176 p.

Thomas L.L. Some notes on the Marr school // *American Slavic and East European Review*. 1957(b). Vol. 16. № 3. P. 323-348.

Velmezova E. Les lois du sens: la sémantique marriste (*Slavica Helvetica*, 77). Bern, etc. Peter Lang, 2007. 392 pp.

Velmezova E. The social semantics of Mikhail Pokrovskij and Nikolaj Marr // *Studies in East European Thought*. 2008. № 60. P. 349-362.

Сидорчук Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; *chubber@yandex.ru*

N.Ja. Marr and Marrism in Western historiography

The article is devoted to analysis of the famous Soviet scientist Nicholas Marr (1964-1934), his “new linguistic doctrine” and its role in the development of Russian and world linguistics as viewed by Western historiography. The author analyzed the characteristics of the research produced by foreign experts to the problem, starting with works published during the life of the scholar, and up to recent studies. The strengths and weaknesses of their works are indicated, as well as research trends.

Keywords: Nicholas Marr, “new linguistic doctrine”, Marrism, science and power in USSR in 1920’s.

Ilia Sidorchuk, PhD, assistant professor, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Faculty of Humanities, History department; *chubber@yandex.ru*

В. В. ТИХОНОВ

**“ПОЛИТЭКОНОМИЯ” АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ
ДИСКУССИЯ ПО ПОЛИТЭКОНОМИИ 1951 г., XIX СЪЕЗД И ИСТОРИК
А.Л. СИДОРОВ**

В статье рассматривается влияние политэкономической дискуссии 1951 г. на карьеру историка А.Л. Сидорова. На этом примере демонстрируются особенности достижения командно-административных высот в исторической науке эпохи «позднего сталинизма». Сделан вывод, что участие ученого в дискуссии должно было подтвердить его лидерство в экономической истории и показать значимость в качестве проводника актуальных исторических концепций. Показано также влияние дискуссии и XIX съезда КПСС на Институт истории АН СССР.

Ключевые слова: советская историческая наука, А.Л. Сидоров, политэкономия, дискуссия, сталинизм

Политэкономия играла особую роль в советской идеологии¹. Согласно марксизму, экономические процессы, тесно переплетенные с политическими факторами, считались базисом развития общества. Советская власть, всегда подчеркивавшая свою связь с наукой, старалась давать научное обоснование своим начинаниям, тем самым получая санкцию на их реализацию. В стране, где процесс формирования марксистских кадров шел полным ходом, партийной элитой остро осознавалась нужда в популярном изложении основ политэкономии. Пухлые сочинения Маркса и Ленина осилить мог далеко не каждый, тем более, что многие основополагающие догмы вообще были разбросаны по различным трудам. Самостоятельное освоение политэкономии имело и еще один существенный недостаток: мысли читателей могли пойти не в ту сторону, которая была необходима. Помимо нужд просвещения и формирования новой советской элиты учебник политэкономии и развернувшиеся вокруг него дискуссии решали и целый ряд важнейших внешнеполитических задач. Во-первых, остро стоял вопрос о путях экономического развития стран народной демократии. Учебник должен был дать четкие руководящие указания на этот счет². Во-вторых, Сталин смотрел на учебник как на идеологическое оружие в холодной войне³. Книга должна была показать несостоятельность капиталистической экономики и предложить всему миру альтернативу.

После успешного завершения работы над «Кратким курсом истории ВКП (б)», который стал историко-идеологической основой, с конца

---

¹ Маневич 2010. С. 150-187.

² Polock 2006. P. 170.

³ Ibid. P. 181.

1930-х гг. началась работа над учебником по политэкономии. Специальная, закрытая беседа с экономистами, на которой вождь давал понять, какой учебник требуется, прошла еще 19 января 1941 года⁴. Но только в начале 1950 г. работу над учебником ускорили. Встречи авторского коллектива со Сталиным состоялись 24 апреля и 30 мая. Во время второй беседы вождь посетовал, что авторы учебника «избегают историзма» и предложил свое понимание ключевых процессов в развитии мировой экономической истории⁵.

Наконец, с 10 ноября по 8 декабря 1951 г. прошла полномасштабная дискуссия. В ней приняли участие более 250 ученых. Ее проведение было поручено Маленкову⁶. Особенностью дискуссии было то, что она проходила в преддверии XIX съезда ВКП (б) и потому приобретала особое политическое значение⁷: она должна была выявить приоритеты дальнейшего развития советского государства. 1 февраля 1952 г. в дискуссию открыто вмешался Сталин, прислав свои размышления над основополагающими вопросами, все они в дальнейшем легли в книгу «Экономические проблемы социализма в СССР». В его рассуждениях можно отметить несколько ключевых моментов. Подчеркивалась независимость законов политэкономии от людей, их объективность. Под это подводилась необходимость дальнейшего развития социалистической (читай – государственной) экономики. Большое внимание уделялось тезису о нарастании непримиримых противоречий между капиталистическими державами и неизбежности войны между ними, а не сплочении их против СССР. В этой связи признавалась реальность построения социализма и в капиталистическом окружении.

В «исторической» части историки могли обнаружить рассуждения о разграничении товарного и капиталистического производства⁸. Это вносило новую струю в дискуссии о генезисе капитализма в России, поскольку давало серьезный аргумент противникам отождествления процесса формирования рынка и установления капиталистических отношений. Прописывалась вековая борьба между городом и деревней. Подтверждался закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Наконец, Сталин формулировал и «основной закон» капитализма: «...Обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран,

---

⁴ «Учебник должен пользоваться... С. 6-13.

⁵ Там же. С. 18-22. Анализ рассуждений Сталина представляет самостоятельный интерес, но не является предметом данной работы.

⁶ Опенкин 1991. С. 116; Polock 2006. P. 186-207.

⁷ Хлевнюк, Горлицкий. 2011. С. 194.

⁸ Сталин 1997. С. 162-163.

наконец, путем войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей». Подтверждалось требование описывать историю западных стран как историю хищнической эксплуатации человека человеком. Антитезой закону капитализма объявлялся закон социализма: «...Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»⁹. Специально выделялся вопрос об основе феодализма. Признавалось, что его базисом является не внеэкономическое принуждение, а феодальная собственность. Сталин счел нужным отказаться при описании процесса монополистического этапа развития российской экономики от термина «сращивание» и заменить его «подчинением государственного аппарата монополиям»¹⁰. Это преподносилось не как взаимодействие двух самостоятельных экономических институтов, а именно как подчинение государства интересам монополий, из чего можно было делать вывод о зависимости государства (надстройки) от экономического базиса.

Для историков новый «гениальный» труд вождя стал актуальным после XIX съезда, где, помимо прочего, прозвучали громкие призывы повысить общественную дисциплину, а также перегнать остальные страны в науке. Освоение новых указаний было простимулировано прозвучавшей тогда же критикой в адрес Института истории и журнала «Вопросы истории». 6 октября 1952 г. выступил протеже Л. Берии, первый секретарь Азербайджанского ЦК ВКП (б) Д.М. Багиров, до этого прославившийся в научном мире своей статьей против идеализации Шамиля¹¹. В своей речи он привел пример неправильной интерпретации истории и культуры народов СССР на страницах журнала «Вопросы истории» и возмутился дискуссией по письму М.В. Нечкиной «К вопросу о формуле “наименьшее зло”»¹². Багиров утверждал, что такие споры только мешают местным кадрам бороться с проявлениями буржуазного национализма. «Не видно, чтобы журнал “Вопросы истории”, руководствуясь высказываниями товарища Сталина о роли великого русского народа в братской семье советских народов, всесторонне, конкретно разрабатывал бы и освещал актуальный, жизненно важный для нас, для дальнейшего укрепления дружбы народов нашей страны вопрос – вопрос о неоценимой помощи, которую оказывал и оказывает всем народам нашей страны наш старший брат – русский народ!»¹³.

---

⁹ Там же. С. 181-182.

¹⁰ Там же. С. 184.

¹¹ Багиров 1950. С. 21-37.

¹² Нечкина 1951. С. 44-48; См. также: Письмо М.В. Нечкиной... С. 181-188.

¹³ <http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5>. См. также: Дубровский 2005. С. 594-596.

Впрочем, на XIX съезде произошла и приятная для Института неожиданность. Членом ЦК КПСС была избрана А.М. Панкратова. По свидетельству В.А. Виноградова, во многом такое избрание было случайным. Якобы, первоначально на это место намечалась М.В. Нечкина, но этого не произошло, так как она не была членом партии¹⁴. В свете того, что именно Нечкина подверглась серьезной критике на съезде, это свидетельство можно поставить под сомнение. Как бы то ни было, Институт приобретал серьезную опору в партийных структурах. В письме Б.А. Романову Е.Н. Кушева выразилась вполне определенно: «События [критика на съезде – В.Т.]... были приняты здесь очень нервозно. Сейчас атмосфера несколько разрядилась, отчасти в связи с новым положением Анны Михайловны. Она может помочь Институту в трудное время»¹⁵.

Но публичный разгром с трибуны главного съезда – это серьезный удар по репутации Института и его печатного органа. С учетом острой критики, прозвучавшей после проверки Института в 1950-м г., становилось очевидным, что радикальные перемены в его руководстве являются делом времени. С 1950 г. заместителем Б.Д. Грекова стал А.Л. Сидоров. Идеологические органы хотели с его помощью сменить вектор научной работы центрального научно-исследовательского учреждения в области истории. Доминирование специалистов по древним периодам рассматривалась как уклонение от актуальной, политически важной проблематики. Сложившееся положение, обусловленное особенностями развития советской исторической науки в 1930-е гг., хотели переломить. По воспоминаниям Л.Н. Пушкарева: «До нас [сотрудников] дошла оценка дирекции Института, которую дал Лихолат, курировавший институт тогда в Отделе науки ЦК КПСС: “Ну и дирекция подобралась! Сам директор Киевской Русью занимается, один зам – античник*, другой* – крымскими татарами увлекается, и даже ученый секретарь* сказочки изучает... Паноптикум какой-то, а не дирекция”»¹⁶.

Сидоров подходил для задачи практически идеально и это несмотря на то, что в 1935 г. он был исключен из партии и восстановлен только в следующем году¹⁷. Тем не менее, он более чем реабилитиро-

---

¹⁴ Виноградов 2003. С. 96-97.

¹⁵ Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. С. 267. Став членом ЦК, Панкратова сразу же стала эффективным патроном для тех, кому требовалась ее помощь и покровительство. Будучи отзывчивым человеком, она часто помогала чем могла. Так, совместно с В.П. Волгиным, она сыграла важную роль в судьбе С.Б. Кана, оставшегося без работы в 1952 г. См.: «...т. Панкратовой сообщены компрометирующие материалы». С. 71-74.

* С.Л. Утченко

* А.А. Новосельский

* Л.Н. Пушкарев

¹⁶ Пушкарев 1999. С. 164.

¹⁷ Воронкова 2000. С. 731.

вался в ходе борьбы с «безродными космополитами» в 1949–1950 гг.¹⁸ Но, помимо имеющихся научных трудов и административного опыта, по негласной традиции, ведущий историк должен был подкрепить свои амбиции лидерством в каком-либо направлении научных исследований. Новая идеологическая и методологическая ситуация, сложившаяся после выхода в свет «Экономических проблем социализма в СССР» и XIX съезда, оказалась как нельзя кстати. Сидоров, будучи специалистом по экономической истории, мог стать главным интерпретатором «гениальных» мыслей Сталина в их приложении к истории. Вполне вероятно, что на эту роль его специально толкали из Отдела науки ЦК.

Над программной речью Сидоров начал работать сразу после съезда. Уже 17 октября 1952 г. преподавателям кафедры истории СССР МГУ был представлен доклад, в котором подводились итоги прошедшей политэкономической дискуссии, и через нее оценивалось состояние советской исторической науки¹⁹. 27 октября на ученом совете Института истории прозвучал программный по всем меркам доклад «Гениальный труд И.В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”, решения XIX съезда КПСС и задачи Института истории АН СССР»²⁰, а в октябрьском номере журнала «Вопросы истории» вышла статья А.Л. Сидорова «Задачи Института истории Академии наук СССР в свете гениального труда И.В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” и решений XIX съезда КПСС». Содержательно доклад и статья практически идентичны, хотя можно обнаружить и некоторые отличия. В частности, в докладе подробнее разбирается вопрос о дискуссии вокруг статьи Нечкиной о формуле «наименьшее зло». Сидоров признает правильность критики Багирова. Ошибки советских историков он связывает с тем, что «они не понимают диалектики этого процесса [присоединения нерусских народов к России – *В.Т.*] и вкладывают в термин “прогрессивность” скорее моральное содержание, чем историко-экономическое»²¹. В связи с этим большое место в докладе занимал разбор изучения национальных историй народов СССР.

В докладе и статье акцент был сделан на два ключевых направления работы Института: теоретико-методологических (идеологических) и тесно с ними переплетенных административных. Композиционно статья очень сложная и где-то даже сумбурная. Ее смело можно разбить на несколько частей, которые сам автор (редакция?) разделил звездочками. Первая посвящена актуальной политической ситуации, возникшей в связи с прошедшим XIX съездом. Здесь же дается критика старо-

---

¹⁸ См.: Тихонов 2013.

¹⁹ Научно-исследовательский Отдел Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 632. (А.Л. Сидоров). К. 23. Ед.хр. 8.

²⁰ Там же. Ед.хр. 9.

²¹ Там же. Ед.хр. 8. Л. 99.

го руководства Института (имена не названы). В статье Сидоров подчеркнул недостаточные усилия Института по извлечению уроков из прошедших дискуссий (по языкознанию и политэкономии). Большинство указаний Президиума выполнялись формально, бюрократически. Намек был предельно ясен: предыдущее руководство не справлялось с работой. Осуждалась «хвостистская позиция» «Вопросов истории» и отсутствие помощи главному печатному органу историков со стороны руководства Института²². В качестве вопиющего примера зажима критики была приведена история с В.Т. Пашуто, который, будучи заведующим отделом в журнале, сделал все, чтобы не была опубликована критическая рецензия М.Н. Тихомирова на его монографию «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси» (М., 1950)²³. Ситуация, когда не на заседании партбюро или даже Ученого совета, а в официальной публикации обнародовались такие пикантные подробности, была крайне редкой. Это говорит о том, что Сидоров чувствовал себя очень уверенно, открыто порицая одного из ведущих институтских партийных активистов и давая понять, что порядок будет наводиться железной рукой. Критику, прозвучавшую в адрес Института и журнала на съезде, он назвал верной и принципиальной. Вновь были перечислены недостатки продукции института: «академизм» и фактографичность исследований, распространение буржуазных теорий и «космополитических» взглядов у ряда бывших и нынешних сотрудников, слабость планирования; отмечена низкая теоретическая подготовка кадров и «недостаточное пополнение их молодыми, свежими силами»²⁴.

Вторая часть, где пересказывались основные идеи труда Сталина «Экономические проблемы», вклинивалась в статью, не имея никакой логической привязки к первой и последующей части, касающейся достижений и задач советских историков. Главный акцент был сделан на программе исторических исследований в свете политэкономической дискуссии. Сидоров напрямую связал слабую изученность вопросов экономического развития национальных республик с имеющимися националистическими тенденциями²⁵. Тем самым экономическая история оказывалась центральным направлением в борьбе с местным национализмом, что было очень актуальным после критики культа Шамиля.

На основе новых работ Сталина предполагалось решить такой важный вопрос, как проблему генезиса капитализма в России. Ключевым объявлялся тезис о том, что товарное производство старше капиталистического. В ходе дискуссии о периодизации истории СССР на этот счет были сформулированы противоположные точки зрения. Так,

---

²² Сидоров 1952. С. 5, 8.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Там же. С. 5.

²⁵ Там же. С. 8.

Е.И. Заозерская доказывала, что мы вправе говорить о переходе к капитализму уже в 20-30-е гг. XVII в. Такой вывод делался на основании фактов появления крупных мануфактур, работающих на рынок. Сидоров расценил эту точку зрения как смещение товарного и капиталистического производства, объявив ее неправильной. Схожую ошибку он обнаружил в последних работах покойного С.В. Бахрушина, который доказывал, что складывание всероссийского рынка (он относил этот процесс уже к XVI в.) является признаком зарождения капиталистических отношений. Неверной объявлялась и позиция Н.Л. Рубинштейна, относившего появление капитализма к XVIII в. и на основании этого не признававшего существование всероссийского рынка²⁶.

В специальном разделе было отмечено, что история экономики — не в почете у сотрудников Института истории. Например, в секторе новой истории из 18 аспирантов, по уверению Сидорова, ни один не специализируется на экономической истории. Вообще особо подчеркивалась вредная роль бывшего заведующего сектором Б.Ф. Поршнева и его идей о реакционной роли буржуазии. Кстати, новистам «досталось» больше всего. Сидоров в свете политэкономической дискуссии усмотрел, что некоторые специалисты по новой истории «находятся в плену у источников» и не видят глубины противоречий между империалистами²⁷. В качестве примеров были приведены труды А.З. Манфреда, Ю.В. Борисова и А.М. Некрича. Отдельно подчеркивалось, что недостаточно ведется изучение и критика буржуазной историографии. Наконец (что уже касалось всех), мало исследуется история пролетариата. Одних усилий А.М. Панкратовой явно недостаточно.

Прозвучал призыв интенсифицировать изучение истории революций (особенно Октябрьской) и роли союза рабочих и крестьян. А основной закон социализма должен лечь в основу работы специалистов по истории советского общества. В докладе прозвучал недвусмысленный намек, что самое пристальное внимание нужно обратить на подготовку монографий²⁸. Кстати, документы Отдела науки ЦК свидетельствуют, что инициатива в этом исходила с самого верха. В письме П.П. Поспелову от 4 июля 1953 г. Сидоров прямо писал, что «дирекция института обязана была перестроить работу института под углом усиления монографической разработки наиболее актуальных проблем исторической науки как по истории СССР, так и по всеобщей истории»²⁹.

Обсуждение выступления Сидорова показало поддержку намеченной им линии³⁰, но иной была реакция рядового состава. Е.Н. Кушева

---

²⁶ Там же. С. 15-16.

²⁷ Там же. С. 21.

²⁸ Там же. С. 30.

²⁹ Власть и историческая наука. С. 81.

³⁰ В Институте истории. С. 16-25.

называет состоявшееся собрание «новым периодом» истории Института: «Под ударом работа Ин[ститута] всех последних лет, особенно многотомники... А[ркадий] Л[аврович] идет напрямик. В его критике много справедливого, но это не утешает тех, кто потратил годы на работу, которая сейчас под ударом»³¹. М.Н. Тихомиров, в свойственной ему саркастической манере, также отразил в своем дневнике (запись от 4 декабря 1952 г.) неясность в направлении дальнейшей работы Института: «Кафтан, сшитый гнилыми нитками, именуемый обычно Институтом истории, являет картину странную. Там ничего не разберешь. Остаются ли знаменитые многотомники или они уходят в область предания – пока еще полностью неясно. Б.Д. [Греков] отстаивает свое детище»³².

Доклад ясно показывал, что Сидоров намерен существенно усилить в Институте исследование не просто экономической проблематики, но истории нового и новейшего времени. Это было внесено в измененный в связи с XIX съездом план работы. Комиссия по проверке работы института за 1952 г. с удовлетворением отметила факт актуализации плановой работы научно-исследовательского учреждения³³.

Сидоров, при поддержке Панкратовой, развернул в Институте активную перестройку организационной работы. Фактически началось «выдавливание» духа грековского руководства. Прежде всего предполагалось укрепиться молодыми партийными кадрами. Еще в январе 1952 г. в аналитической записке, подготовленной от имени института для Отдела науки ЦК, указывалось на кадровые проблемы. Дирекция просила направить на постоянную работу следующих специалистов: Б.С. Тельпуховского, Н.И. Шатагина, С.Ф. Найду, Э.Б. Генкину, Н.С. Волокова, Г.М. Овсянникова, Э.Н. Бурджалова, Т.Ф. Грабарь, Л.С. Гапоненко, Д.В. Ознобишина³⁴. Но, видимо, эти запросы не были полностью удовлетворены, и буквально через год (17 февраля 1953 г.) от имени Панкратовой и Сидорова было направлено письмо М.А. Сулову и А.М. Румянцеву. В нем говорилось, что в связи с критикой на XIX съезде Институт серьезно перестроил свою работу, однако поставленные задачи, по уверению авторов, невозможно выполнить без серьезного укрепления руководящего состава: «До недавнего времени дирекция целиком состояла из специалистов по ранним разделам истории феодализма, секторами новой и новейшей истории заведовали специалисты по феодализму. При таких условиях было невозможно перестроить институт и повернуть его к разрешению актуальных задач»³⁵. Указыва-

---

³¹ Е.Н. Кушева – Б.А. Романову. С. 268.

³² Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 693. Оп. 4. Ед.хр. 41. Л. 16.

³³ Научный архив Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 778. Л. 1.

³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 776. Л. 7.

³⁵ Власть и историческая наука. С. 65.

лось, что в руководстве Института уже произошли заметные перемены: заместителем стал А.Л. Сидоров, а заведующим сектором новейшей истории – кандидат исторических наук А.Н. Филиппов, но этого мало. Дирекцию предлагалось укрепить к.и.н. Л.С. Гапоненко и д.и.н. И.С. Галкиным. Первый был выпускником АОН и специализировался на советской истории. Вторым считался хорошим организатором (ректорствовал в МГУ, а теперь возглавлял кафедру в АОН). На должность заведующего сектором истории советского общества планировался к.и.н. Д.А. Чугаев, заведующим сектором нового времени просили утвердить Ф.В. Потемкина с освобождением его от заведования кафедрой в ВПШ. Кроме того, авторы записки выразили пожелание привлечь к работе в Институте специалистов по истории советской эпохи из военных учреждений – полковников Г.Н. Голикова и Г.В. Кузьмина.

Задачи, поставленные новым руководством, очевидны. Главной из них была расстановка на ключевых постах партийных специалистов, хорошо зарекомендовавших себя на руководящих постах ранее и последовательно проводивших партийную линию. Но, видимо, письмо Сидорова и Панкратовой не помогло. Об этом свидетельствует то, что спустя месяц Суслову было послано еще одно письмо-просьба, теперь уже от имени Президента Академии наук А.Н. Несмеянова и вице-президента А.В. Топчиева. В нем признавалась плохая работа Института. Причины вновь обнаруживались в кадровых проблемах. Особенно плохо было с историей советского времени. Для улучшения работы учреждения предлагалось освободить А.Л. Сидорова и Ф.В. Потемкина от совместительства в других учреждениях, заместителем директора сделать И.С. Галкина. Заведование секторами предложить Г.Н. Голикову и Д.А. Чугаеву. М.С. Шарова пригласить на должность старшего научного сотрудника. Кроме того, из Академии общественных наук планировалось взять на работу 8 молодых аспирантов³⁶. Но просьбы не были удовлетворены: Чугаева не отпускал Госполитиздат, а Гапоненко не освобождали от работы в ЦК. 4 июля 1953 г., уже будучи и.о. директора Сидоров вновь поставил этот вопрос перед П.П. Поспеловым³⁷. Все же настойчивость нового руководителя Института была частично вознаграждена. Отдел науки и культуры ЦК дал добро на переход Гапоненко в Институт³⁸. В 1953 г. от должностей заместителей директора были освобождены А.А. Новосельский и С.Л. Утченко, «как не обеспечившие должного руководства»³⁹.

Итак, А.Л. Сидоров занял ключевые позиции в руководстве советской исторической наукой, став директором Института истории. Тако-

---

³⁶ Там же. С. 66-67.

³⁷ Там же. С. 81-82.

³⁸ Там же. С. 83.

³⁹ Павловская 2000. С. 85.

му карьерному рывку помогло несколько факторов. Во-первых, правильная биография старого члена партии, пусть и единожды оступившегося. Во-вторых, активное участие в реализации политики партии, в частности в антикосмополитической кампании. Заметим, что, например, для 1930-х гг. такого набора было бы вполне достаточно. Есть много примеров, когда научные учреждения возглавляли люди, замеченные в первую очередь в общественно-политической деятельности, но не как ученые. Однако в послевоенное время ситуация изменилась. Консервативный идеологический поворот, приведший в академической среде к возрождению ценностей традиционной науки, значительно повысил роль научно-исследовательских достижений. Вообще статус «человека науки» оказался в послевоенном СССР не менее значимым с идеологической точки зрения, чем партийного активиста или рабочего⁴⁰. Наконец, институциональные трансформации сообщества советских историков привели не только к инкорпорации носителей классической академической культуры в советскую историческую науку, но к формированию нового поколения, для которого научный этос органично комбинировался с партийной культурой⁴¹.

Набор перечисленных выше факторов сделал обязательным элементом карьерного успеха атрибуты не только партийно-административной, но и научной значимости. Именно поэтому Сидоров не мог оказаться в стороне от дискуссии по политэкономии, поскольку должен был поддержать свое научное и статусное реноме будущего директора Института истории и специалиста по экономической истории. Участие в дискуссии должно было закрепить его карьерный успех и стать трамплином при выборах в Академию наук СССР. Правда, эпоха «позднего сталинизма» диктовала свои законы. В данном случае подтверждение научной значимости реализовывалось при помощи интерпретации и конкретно-исторического приложения «гениальных» трудов Сталина. Таким образом, Сидоров демонстрировал теоретическую лояльность к режиму. Но для того, чтобы добиться окончательного успеха в виде избрания в Академию наук этого оказалось недостаточно: в 1953 г., уже после смерти Сталина, его провалили на выборах⁴².

БИБЛИОГРАФИЯ

- Багиров Д.М. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // *Большевик*. 1950. № 13. С. 21-37.
В Институте истории // *Вестник АН СССР*. 1953. № 1. С. 16-25.
Виноградов В.А. *Мой XX век. Воспоминания*. М., 2003. 416 с.
Власть и историческая наука / Публ. А.Д. Чернова // *Отечественные архивы*. 1992. № 3. С. 62-88.

⁴⁰ Трансформация образа советской исторической науки. С. 112-188.

⁴¹ Сидорова 2008.

⁴² Поляков Ю.А. Ровесник эпохи // *Отечественная история*. 2004. № 4. С. 149.

- Воронкова С.В. Сидоров Аркадий Лаврович // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 728-735.
- Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е). Брянск, 2005. 800 с.
- Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940-1957 годов / Сост. В.М. Панеях. СПб., 2010.
- Маневич В.Е. Сталинизм и политическая экономия // Подвласная наука? М., 2010. С. 150-187.
- Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло». Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1951. № 4. С. 44-48.
- Опенкин Л.А. И.В. Сталин. Последний прогноз будущего (Из истории написания работы «Экономические проблемы социализма в СССР») // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 2-23.
- Павловская А.И. Сергей Львович Утченко // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.-Иерусалим, 2000. С. 83-93.
- Письмо М.В. Нечкиной о формуле «наименьшее зло» // «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: документальная монография. М., 2011. С. 181-188.
- Поляков Ю.А. Ровесник эпохи // Отечественная история. 2004. № 4. 144-152.
- Пушкарев Л.Н. Сектор публикации источников Института истории СССР // Археографический ежегодник за. 1998. М., 1999. С. 164-175.
- Сидоров А.Л. Задачи Института истории Академии наук СССР в свете гениального труда И.В. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” и решений XIX съезда КПСС // Вопросы истории. 1952. № 10. С. 3-32.
- Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008. 296 с.
- Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 154-223.
- «...т. Панкратовой сообщены компрометирующие материалы» (о попытке коллег защитить от репрессий профессора С.Б. Кана) // Отечественные архивы. 1993. № 6. С. 71-74.
- Тихонов В.В. «... Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // "Genesis: Исторические исследования". Электронный журнал. 2013. № 2. // URL: http://e-notabene.ru/hr/article_701.html
- Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / Под ред. В.П. Корзун. М., 2011. 471 с.
- «Учебник должен пользоваться непрекаемым авторитетом»: Беседы И.В. Сталина с учеными-экономистами. 1941, 1950, 1952 гг. / Публ. В.Г. Бурхерт // Исторический архив. 2012. № 5. С. 6-13.
- Хлевнюк О.В., Горлицкий Йо. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. 231 с.
- Polock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton-Oxford, 2006. 270 p.
<http://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5>

REFERENCES

- Bagirov D.M. K voprosu o haraktere dvizhenija mjuridizma i Shamilja // Bol'shevik. 1950. № 13. С. 21-37.
- V Institute istorii // Vestnik AN SSSR. 1953. № 1. S. 16-25.
- Vinogradov V.A. Moj XX vek. Vospominanija. М., 2003. 416 s.
- Vlast' i istoricheskaja nauka / Publ. A.D. Chernova // Otechestvennye arhivy. 1992. № 3. С. 62-88.
- Voronkova S.V. Sidorov Arkadij Lavrovich // Istoriki Rossii: Biografii. М., 2001. S. 728-735.
- Dubrovskij A.M. Istorik i vlast': istoricheskaja nauka v SSSR i koncepcija istorii feodalnoj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-1950-e gg.). Brjansk, 2005. 800 s.
- Ekaterina Nikolaevna Kusheva – Boris Aleksandrovich Romanov. Perepiska 194–1957 godov / Sostavitel' V.M. Panejah. SPb., 2010.

- Manevich V.E. Stalinizm i politicheskaja jekonomija // Podvlastnaja nauka? M., 2010. S. 150-187.
- Nechkina M.V. K voprosu o formule «naimen'shee zlo». Pis'mo v redakciju // Voprosy istorii. 1951. № 4. S. 44-48.
- Openkin L.A. I.V. Stalin. Poslednij prognoz budushhego (Iz istorii napisaniya raboty «Jekonomicheskie problemy socializma v SSSR») // Voprosy istorii KPSS. 1991. № 7. S. 2-23.
- Pavlovskaja A.I. Sergej L'vovich Utchenko // Portrety istorikov. Vremja i sud'by. T. 2. Vseobshhaja istorija. M.-Ierusalim, 2000. S. 83-93.
- Pis'mo M.V. Nechkinoj o formule «naimen'shee zlo» // «Istorija v cheloveke» – akademik M.V. Nechkina: dokumental'naja monografija. M., 2011. S. 181-188.
- Poljakov Ju.A. Rovesnik jepohi // Otechestvennaja istorija. 2004. № 4. 144-152.
- Pushkarev L.N. Sektor publikacii istochnikov Instituta istorii SSSR // Arheograficheskij ezhegodnik za 1998. M., 1999. S. 164-175.
- Sidorov A.L. Zadachi Instituta istorii Akademii nauk SSSR v svete genial'nogo truda I.V. Stalina "Jekonomicheskie problemy socializma v SSSR" i reshenij XIX s'ezda KPSS // Voprosy istorii. 1952. № 10. S. 3-32.
- Sidorova L.A. Sovetskaja istoricheskaja nauka serediny XX veka: Sintez treh pokolenij istorikov. M., 2008. 296 s.
- Stalin I.V. Jekonomicheskie problemy socializma v SSSR // Stalin I.V. Sochinenija. T. 16. M., 1997. S. 154-223.
- «...t. Pankratovoj soobshheny komprometirujushhie materialy» (o popytke kolleg zashchitit' ot repressij professora S.B. Kana) // Otechestvennye arhivy. 1993. № 6. S. 71-74.
- Tihonov V.V. «...Zabit' poslednij gvozd' v kryshku politicheskogo groba Isaaka Minca i ego prihvostnej»: razgrom «gruppy» istorika I.I. Minca v gody ideologicheskikh kampanij «pozdnego stalinizma» // "Genesis: Istoricheskie issledovanija". Jelektronnyj zhurnal. 2013 № 2. // URL: http://e-notabene.ru/hr/article_701.html.
- Transformacija obraza sovetskoj istoricheskoi nauki v pervoe poslevoennoe desjatiletie: vtora-ja polovina 1940-h – seredina 1950-h gg. / Pod. red. V.P. Korzun. M., 2011. 471 s.
- «Uchebnik dolzhen pol'zovat'sja neprerekaemym avtoritetom»: Besedy I.V. Stalina s uchenymi-jekonomistami. 1941, 1950, 1952 gg. / Publ. V.G. Burhert // Istoricheskij arhiv. 2012. № 5. S. 6-13.
- Hlevnjuk O.V., Gorlickij Jo. Holodnyj mir. Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury. M., 2011. 231 s.
- Polock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton-Oxford, 2006. 270 p.
- <http://stalinism.ru/dokumenty/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=&start=5>.

Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; tihonovvitaliy@list.ru

The “political economy” of academic career in the Stalin period the discussion of 1951 on political economy, the 19th Congress and a historian A.L. Sidorov

The article evaluates the influence of the discussion of 1951 on political economy on the academic career of a historian A.L. Sidorov. This example shows how promotion to high academic positions worked in historical discipline in the “late Stalinist” period. The author concludes that the participation of A.L. Sidorov in the discussion was to confirm his leadership in economic history and to show his role as a promoter of important historical concepts. The article also shows the influence of the discussion and of the 19th congress of the Communist Party on the Institute for Russian history of the RAS.

Keywords: Soviet historical science, political economy, discussion, Stalinism, A.L. Sidorov
Vitaly Tikhonov, Ph.D., senior researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; tihonovvitaliy@list.ru

А. И. ПОЖАРОВ, С. А. КУЗЬЯЕВА

КРЫМ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Авторы рассматривают основные направления развития историографии событий на Крымском полуострове в годы Великой Отечественной войны, обороны полуострова от немецких и румынских захватчиков, его оккупации и освобождения от врага. Обозначены факторы, вызывающие противоречия в трудах учёных и затрудняющие работу по изучению истории Крыма на современном этапе.

Ключевые слова: историография событий в Крыму, Великая Отечественная война, оборона Крымского полуострова, оккупация Крыма, бои за освобождение Крыма, рассекреченные документы, исторические исследования.

Героическая борьба защитников Крыма в годы Великой Отечественной войны всегда находилась и продолжает оставаться в поле зрения историков. Историография данной тематики весьма обширна.

Советская историография, которую условно можно разделить на два периода (первый: середина 1940-х – середина 1980-х гг., второй: середина 1980-х – 1991 г.), берет свое начало еще в годы Великой Отечественной войны, когда военные историки начали обобщать боевой опыт на примерах обороны Севастополя, Керченско-Эльтигенской и Керченско-Феодосийской десантных операций, а также Крымской наступательной операции. Анализ литературы военных и первых послевоенных лет показывает, что она представлена не столько научными, сколько научно-популярными и публицистическими жанрами и нередко носит пропагандистский характер. Публикации в книгах и периодических печатных изданиях освещают массовый и индивидуальный героизм советских офицеров, солдат и матросов, оборонявших Крымский полуостров. Главное внимание в таких произведениях уделяется пропаганде подвига, а не анализу боевых действий¹.

Со временем стали отчётливее проявляться проблемно-тематические направления: оборона городов-героев – Керчи и Севастополя, руководящая роль Крымской областной партийной организации, подвиг комсомольцев и молодежи Крыма в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками². Можно также выделить работы об участии в боях за Крымский полуостров разных видов Вооруженных сил и родов войск (в первую очередь Военно-морского флота); издания, посвященные боевому пути общевойсковых объединений и вопросам взаимодействия армии и флота на примерах отдельных операций, а также партизанско-

---

¹ Замятин, Воробьев 1943; Исаков 1944; Мазунин 1949; и мн. др.

² Кононенко 1954; Петров 1955; Воробьев 1956; Шамко 1958; и др.

му движению в Крыму³. В более общем виде тема нашла отражение и в фундаментальных коллективных трудах, воплотивших официальный взгляд на историю Великой Отечественной войны⁴. На завершающем этапе советского историографического периода вышла в свет монография А.В. Басова «Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945»⁵.

Гласность и демократизация общественной жизни в СССР середины 1980-х гг. придали новый импульс исследованиям. Прекратилось кураторство со стороны партийных органов, были отменены идеологические установки и политическая цензура, появилась возможность свободно выражать свои взгляды на те или иные события. В то же время рассекречиванию в первую очередь подлежали материалы о репрессиях и иных преступлениях советского режима, а иные документы из ранее закрытых фондов центральных и региональных архивов в научный оборот практически не поступали. Отсутствие полной информации давало возможность трактовать многие события советского периода на основе домыслов и предположений.

Дальнейшее развитие историографии Великой Отечественной войны на Крымском полуострове предопределили крупнейшие политические и социально-экономические преобразования, связанные с распадом СССР. После появления 15-ти новых государств Крым стал частью Украины, а некогда единая советская историография развития региона разделилась на отечественную (российскую) и зарубежную (украинскую). Несмотря на то, что полуостров стал административно-территориальной единицей другого государства, он не остался без внимания со стороны российских ученых разного профиля, в т.ч. историков, хотя интерес со стороны последних к данной теме был незначительным.

Одной из наиболее заметных стала тема насильственного переселения народов в годы советской власти. Н.Ф. Бугай опубликовал по этой теме несколько работ как до, так и после распада СССР⁶. Занимался историей вопроса и Р.Р. Баев, сфокусировавший внимание на историко-юридических аспектах проблемы насильственного выселе-

---

³ Камалов 1966; Годлевский, Гречанюк, Кононенко 1966; Шамко 1959; Крым в Великой Отечественной войне; и др.

⁴ Очерки по истории Крыма...; Освобождение Крыма...; История Второй мировой войны...; и др. По сравнению с более ранними работами, их источниковая база была значительно расширена, в т.ч. за счет документов, прошедших процедуру рассекречивания и впервые введенных в научный оборот.

⁵ Басов 1987. А.В. Басов также являлся автором раздела «Крым в Великой Отечественной войне», в изданном в 1988 г. коллективном труде «Крым: прошлое и настоящее», в котором освещалась история полуострова с древности и до 1980-х гг. Появилось и множество популярных и публицистических изданий, прославлявших подвиги защитников Крыма. Несмотря на идеологические шаблоны и жанровую специфику эти издания также представляют определенный интерес для историков.

⁶ Бугай 1989; 1990 (а); 1996.

ния народов Крыма⁷. Малоизученная тема депортации крымских болгар нашла отражение в диссертации С.В. Калашниковой⁸.

Закономерным этапом в развитии отечественной историографии стало издание фундаментального 12-томного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Авторским коллективом Крым рассматривается в контексте проведения советским командованием оборонительных и наступательных операций, борьбы партизан с гитлеровскими оккупантами (Т. 3-4). Отдельными параграфами представлены изгнание гитлеровских захватчиков из Крыма и борьба Черноморского флота за полуостров в ходе Крымской наступательной операции 1944 г. (т. 4, с. 240). 6-й том издания посвящен участию в Великой Отечественной войне советских органов разведки и контрразведки. Авторы отметили высокий профессионализм отечественных спецслужб, в т.ч. в ходе операции по освобождению полуострова, масштабную и результативную работу подразделений ГУКР НКО «Смерш» 4-го Украинского фронта, Черноморского флота, Отдельной Приморской армии и НКГБ Крымской АССР.

Появился также ряд научных трудов, рассматривавших Крымский полуостров как один из театров военных действий⁹. Российские историки продолжали проявлять интерес к различным аспектам борьбы советских партизан с оккупантами. Так, Б.В. Соколов, изучив деятельность партизан, в т.ч. в Крыму, указал немало негативных фрагментов партизанской действительности¹⁰. Участие органов государственной безопасности в организации партизанского движения в опубликованных работах не затрагивалось. Эта тема получила освещение в трудах А.Ю. Попова¹¹ на обширной источниковой базе; часть документов была введена в научный оборот впервые.

Однако в научной литературе постсоветского периода в России и на Украине, несмотря на открывшиеся перед исследователями возможности, так и не появлялись крупные комплексные работы, всесторонне рассматривающие Крым в Великой Отечественной войне. Российские историки больше внимания уделяли советским Вооруженным силам, партизанскому движению и депортации народов в масштабе страны, нежели в отдельном регионе. Причина, вероятно, заключалась в принадлежности полуострова другому государству, что делало исследования по его истории для россиян менее значимыми и актуальными.

Особенностью украинской историографии исследуемой темы является ее региональный, «крымский», характер, так как на материковой

---

⁷ Баев 2007.

⁸ Калашникова 2012.

⁹ Абрамов 2007; Киселев 2009; Симоненко 2008; Морозов 2007; и др.

¹⁰ Соколов 2008.

¹¹ Попов 2004; 2007.

части Украины комплексное изучение истории войны в Крыму практически не велось, а изданные там работы были написаны с нарушением принципа историзма¹². Крымские историки в основном сосредоточили свое внимание на «местной» тематике – партизанском движении, межнациональных отношениях, оккупации, коллаборационизме, депортации народов и т.д. Плодотворным и разносторонним является творчество известного крымского ученого В.М. Брошевана, посвятившего истории полуострова военного периода несколько книг¹³.

Если в советской историографии укоренилось представление о массовом сотрудничестве крымских татар с оккупантами, то с началом перестройки и возвращением этого народа на полуостров новый импульс получила иная точка зрения, которая заключалась в обвинении руководства партизанским движением в намеренном искажении событий с целью переложить вину за свои неудачи на крымских татар. В работах украинских историков с новой силой выдвигались обвинения в клевете на крымских татар, в преуменьшении их роли в борьбе с оккупантами и преувеличении участия в коллаборационистских акциях¹⁴.

Изданная во Львове в 2008 г. книга «Партизанское движение в Крыму (1941–1944 гг.)»¹⁵ принадлежит перу жителя Севастополя, ветерана Великой Отечественной войны, участника партизанского движения на Украине подполковника в отставке Е. Б. Мельничука. Достоинство издания – богатая документальная база, почерпнутая из фондов Государственного архива автономной Республики Крым и других источников. Исследовав ситуацию в подготовительный период к партизанской борьбе (с июля по ноябрь 1941 г.), автор пришёл к выводу, что в Крыму заблаговременно создавалась стройная система для ведения партизанской войны, чего не было сделано в других районах СССР.

Проблемы перехода части местного населения полуострова на сторону немецко-фашистских захватчиков раскрывает директор Крымского республиканского краеведческого музея А.В. Мальгин в книге «Руководство партизанским движением Крыма 1941–1942 гг. “Татарский вопрос”»¹⁶. Опираясь на широкую источниковую базу, автор попытался объективно рассмотреть партизанское движение в регионе и

---

¹² Так, например, в работе Н.Н. Турбы сводится до минимума интернациональный характер партизанского движения в ходе войны и преувеличивается роль этнических украинцев в его организации (Турба 1998), а В.М. Грицюк, исследуя стратегические и фронтовые операции Красной Армии на территории Украины, «модернизировал» историческую ретроспективу военных лет в угоду националистической политике: в качестве «украинских» им рассматриваются Керченско-Эльтигенская и Крымская наступательная операции. См.: Грицюк 2010.

¹³ Брошеван 1994; 1997; 2001; и др.

¹⁴ Крымско-татарская энциклопедия...; Возгрин 2004; Бекирова 2005; и др.

¹⁵ Мельничук 2008.

¹⁶ Мальгин 2009.

реальное влияние на него «татарского фактора», приводя полярные точки зрения на минувшие события их непосредственных участников.

Специфика подпольной деятельности на территории оккупированного Крыма раскрывается в книге В.Е. Полякова¹⁷, не в первый раз обратившегося к истории партизанского движения на полуострове¹⁸. Партизанское движение, которому в книге отведено только две главы из шести (четвёртая и пятая), В.Е. Поляков справедливо представил как сложный, противоречивый социальный организм. Борьбу партизан с гитлеровскими оккупантами он характеризует как гражданскую войну, с чем можно отчасти согласиться, имея ввиду значительное количество коллаборационистов в Крыму с одной стороны, а с другой – наличие местного населения в рядах партизан. Вместе с тем, основной акцент в работе автор делает именно на добровольное сотрудничество местного населения с оккупантами, что на наш взгляд, неверно.

Крымские историки внесли свою лепту и в изучение проблемы депортации народов Крыма. В работах О.А. Габриеляна¹⁹ раскрываются различные аспекты расселения в автономной республике «возвращенных» из депортации народов. В историко-правовой плоскости рассматривается «крымско-татарская проблема» в диссертации Д.Р. Хаваджи. В его труде, как и в ряде других публикаций украинских историков по данной тематике²⁰, история крымских татар представлена частью истории Украины. Особняком стоит работа выпускника Симферопольского высшего военно-политического строительного училища В.В. Григоряна «Великая Отечественная война. Армяне в боях за Крым»²¹, в которой автор обработал и обобщил материал о малоизвестных фактах Великой Отечественной войны, в частности об участии летчиков-армян в воздушных боях над полуостровом.

К сожалению, в постсоветский период украинскими учеными практически не издавались сборники документов по крымской тематике периода войны. Как исключение можно отметить работу «Севастопольская эпопея 1941–1944 гг. в официальных документах (сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации)». Автор-составитель, вице-президент Севастопольского фонда истории и культуры В.Б. Иванов систематизировал официальную хронику событий: распоряжения, постановления, обращения, сводки Совинформбюро, газетные статьи центральной, иностранной и местной прессы, а также другие опубликованные в годы войны материалы.

---

¹⁷ Поляков 2013.

¹⁸ Поляков 2009.

¹⁹ Габриелян 1997(а); 1997(б); 1998; 2000.

²⁰ Хаваджи 2005; Хаялі 2010; Ачкинази 1997; Зарубин 2004; и др.

²¹ Григорян 2009.

Возвращение Крыма и Севастополя в состав России на правах субъектов федерации 18 марта 2014 года возродило интерес к крымской проблематике, что проявилось в издании ряда популярных книг²².

В 2014 г. в Симферополе вышло в свет второе издание монографии «Крымская АССР в годы II-й Мировой войны (1939–1945 гг.)», авторами которой стали крымские исследователи В.Н. Пашеня и Е.В. Пашеня²³. В работе прослеживается комплексный подход к исследованию вооруженного противоборства Красной армии и флота с немецко-фашистскими захватчиками, вопросов военно-политической, социально-экономической и этно-национальной ситуации в регионе. Затронуто множество вопросов, но деятельность органов военной контрразведки и НКВД на фронте и в тылу, а также обеспечение безопасности Ялтинской конференции силовыми структурами не рассматриваются. Авторы привлекают широкий круг источников, хотя имеющиеся ошибки и неточности снижают научную ценность работы.

Вышедшая в 2014 г. книга крымского историка О.В. Романько «Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение» – не первое издание автора по данной проблематике. Его перу принадлежит большое число публикаций, в которых наиболее полно и всесторонне рассматриваются вопросы партизанского движения, коллаборационизма, немецкой оккупационной политики и пропаганды на полуострове в годы войны²⁴. В монографии на базе обширного материала из архивов Крыма, Украины, России, Польши и Германии рассматривается комплекс вопросов: немецкий оккупационный режим, крымско-татарский фактор, история партизанского движения и др. Большой интерес также представляет книга «Крым 1944. Весна освобождения», автором-составителем которой является крымский историк С.Н. Ткаченко (вышла в 2014 г. в издательстве «Вече»). В ней подробно рассматриваются вопросы оккупационной политики немцев и румын на полуострове, ход боёв Крымской стратегической наступательной операции, разбирается деятельность Восточного соединения партизан Крыма. Появляются работы, тематика которых является достаточно новой с точки зрения отечественной и украинской историографии. Например, о действиях в годы войны частей и подразделений специального назначения Черноморского флота против немецких и румынских диверсантов⁴⁷.

---

²² См., напр.: Рунов, Зайцев 2014; История Крыма...; Стариков, Беляев 2015; Шагланов 2015.

²³ Пашеня В.Н., Пашеня Е.В. 2014. Историография проблемы рассматривается авторами в контексте Второй мировой, а не Великой Отечественной войны, что характерно для украинских изданий. См., напр.: Хаялі 2003.

²⁴ Романько 2001; 2003; 2004; 2005; 2006(а); 2006(б); 2007; 2008; 2009; и др.

⁴⁷ Колонтаев 2015.

Вопросы истории Крыма в годы войны освещаются и в некоторых общих изданиях, посвящённых многовековой истории полуострова⁴⁸ и непосредственно периоду 1941–1945 гг. В издание «Великая Отечественная война», пять томов которого выходили в свет с 2012 по 2015 гг., т.е. до и после возвращения Крыма в состав России, вошли документы из архивов ФСБ России: донесения военной контрразведки о положении в Севастополе⁴⁹. Там же опубликована статья А.П. Черепкова «Тактические десанты морской пехоты в наступательных операциях 1944 г.», где затрагиваются действия морских пехотинцев Черноморского флота в ходе освободительных боёв за полуостров⁵⁰.

Для всестороннего исследования истории Крыма периода Великой Отечественной войны необходим комплекс документальных источников, хранящихся в государственных и ведомственных архивах России, Украины и некоторых других государств. Представляют интерес материалы партийных, советских органов, военных ведомств, а также отечественных спецслужб. Говоря о последних, следует заметить, что тема участия в боях за Крым органов советской разведки и контрразведки только начинает разрабатываться²⁵.

Существенный вклад в историографию темы вносят публикации В.С. Христофорова²⁶. В вышедшей под его редакцией книге «Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945»²⁷ предпринята попытка критически осмыслить, обобщить и сопоставить информацию о деятельности военно-морской контрразведки всех флотов и флотилий, в т.ч. Черноморского флота в боях за Крым²⁸. В результате авторам удалось создать достаточно объективную картину деятельности чекистских подразделений на флоте в военное время, показать их роль в обеспечении безопасности страны и достижении Великой Победы.

За сотни лет территория Крымского полуострова неоднократно становилась ареной кровопролитных боёв за свободу и независимость России, и память о прошлом остаётся в умах и сердцах россиян. В ближайшие годы в связи с возвращением Крыма в состав Российской Федерации можно ожидать новых публикаций по истории полуострова, в том числе периода 1941–1944 гг., ибо историческая наука способствует не только пополнению знаний о прошлом великого государства, но и

---

⁴⁸ Верхоуров 2016.

⁴⁹ Великая Отечественная война. 1942 год. С. 495-519.

⁵⁰ Великая Отечественная война. 1944 год. С. 273-286.

²⁵ Так, например, получить информацию о борьбе органов «Смерш» с военно-морским разведорганом противника «Нахрихтенбеобахтер» (НБО) в годы войны на территории полуострова можно в статье: Макаров 2012.

²⁶ Христофоров 2014; 2015(а).

²⁷ Христофоров 2015(б).

²⁸ Это не первая работа историков, посвящённая участию флотской контрразведки в Великой Отечественной войне. См.: Черепков 2011; 2003.

воспитанию патриотизма, готовности отстаивать независимость и суверенитет своей Родины, укреплению морально-политического единства российского многонационального народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов Е.П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... док-ра ист. наук : СПб, 2007.
- Ачкинази И.В. К проблеме этнической истории Крымских болгар // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Баев Р.Р. Переселение и специальное поселение народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг. (историко-юридический аспект). Волгоград, 2007.
- Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1987.
- Бекирова Г. Крым и крымские татары в XIX–XX веках. М., 2005.
- Брошеван В.М. Симферополь, 1941–1944. Симферополь: Таврида, 1994.
- Брошеван В.М. Военная мобилизация в Крыму 1941–1944 гг. Симферополь, 1997.
- Брошеван В.М. Крымский штаб партизанского движения. Симферополь, 2001 и др.
- Бугай Н.Ф. Депортация народов в СССР – новое направление историографии: проблемы изучения // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М.: Кучково поле, 2011–2016.
- Великая Отечественная война. 1942 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. Ред. В.С. Христофоров. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012. С. 495–519.
- Великая Отечественная война. 1944 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. Ред. В.С. Христофоров. – М.: Издательство ГБУ «ЦГА Москвы», 2014. С. 273–286.
- Верхоуров Д.Н. Военная история Крыма. От Ивана Грозного до Путина. М.: Яуза, 2016.
- Возгрин В. Мокроусовцы против народа, или как крымских татар убивали «свои» // Голос Крыма. 11 июня 2004 г.
- Воробьев В.Ф. Оборона Севастополя в 1941–1942 годах. М., 1956.
- Габриелян О.А. Крым. Депортированные народы. Симферополь, 1997.
- Габриелян О.А. Политические процессы в Крыму. Последнее десятилетие XX в. Симферополь, 2000.
- Габриелян О.А. Крым. Депортированные граждане: возвращение, обустройство, социальная адаптация. Симферополь, 1997.
- Габриелян О.А. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь, 1998.
- Годлевский Г.Ф., Гречанюк Н.М., Кононенко В.М. Походы боевые: Эскадра Черноморского флота в Великой Отечественной войне М., 1966.
- Григорян В.В. Великая Отечественная война. Армяне в боях за Крым. Симферополь, 2009.
- Грицюк В. М. Стратегічні та фронтові операції Великої Вітчизної війни на території України. К., 2010.
- Замятин Н.М., Воробьев Ф.Д. Оборона Севастополя. М., 1943.
- Зарубин В.Г. Депортация из Крыма армян, болгар, греков и граждан других национальностей (1994 г.) // Историческое наследие Крыма. 2004. № 5.
- Исаков И.С. Военно-морской флот СССР в Отечественной войне. М.; Л., 1944.
- История Второй мировой войны: В 12 т. М., 1974–1982.
- История Крыма. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.
- Калашникова С.В. Крымские болгары: основные этапы исторического развития: середина XVIII – начало XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2012.
- Камалов Х.Х. Морская пехота в боях за Родину. М., 1966.
- Киселев И.В. Взаимодействие Красной Армии и Черноморского флота в ходе боевых операций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Майкоп, 2009.
- Колонтаев К. Крым: борьба спецназов. М.: Алгоритм, 2015.
- Кононенко В.М. Керченско-Эльтигенская десантная операция. М., 1954.

- Крым: прошлое и настоящее. М.: «Мысль», 1988.
- Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945. Симферополь, 1963.
- Крымско-татарская энциклопедия /сост. Музафаров Р. Симферополь, 1993, тт. 1-2
- Мазунин Н.П. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. М., 1949
- Макаров В.Г. «Спецоперация «Литера Э»» / «ФСБ. За и против», 2012. № 2(16). С 50-55.
- Мальгин А.В. Партизанское движение Крыма и татарский вопрос 1941-1944 гг. Симферополь: СОНАТ, 2009.
- Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму (1941–1944 гг.). Книга 1. «Накануне». Львов, 2008.
- Морозов М. Воздушная битва за Севастополь 1941–1942. М.: Яуза, Эксмо, 2007.
- Неменко А.В. О героических страницах борьбы Черноморского флота в годы войны 1941–1945 (Военные тайны XX века). М.: Вече, 2015.
- Освобождение Крыма // История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945: В 6 т. М.: Воениздат, 1964. Т. 4.
- Очерки по истории Крыма. Ч. 4. Симферополь, 1967.
- Пашеня В.Н., Пашеня Е.В. Крымская АССР в годы II-й Мировой войны (1939–1945 гг.): монография. Симферополь: ДИАИПИ, 2014. (1 изд. – 2009).
- Петров П.Е. Севастополь в Великой Отечественной войне. М., 1955. Вып. 5.
- Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму 1941-1944 гг. Симферополь: ИТ «АРИ-АЛ», 2013.
- Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». М.: Яуза-Пресс, 2009.
- Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2004.
- Попов А.Ю. Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории: 1941-1944 гг.: дисс. д-ра ист. наук. М., 2007.
- Романько О.В. Крым, 1941-1944. Оккупация и коллаборационизм. Симферополь, 2005
- Романько О.В. Крым в планах военно-политического руководства Третьего рейха (1941–1944): известные факты и малоизвестные проекты // Интеллектуал. 2006. № 4.
- Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004.
- Романько О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941-1945). Симферополь: Антика, 2009.
- Романько О.В. Немецкая пропаганда в Крыму (1941-1944): органы, их структура и деятельность // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия. Междунар. Науч. Симпозиум: материалы. Симферополь, 2001.
- Романько О.В. Советские партизаны и крымско-татарское население в годы оккупации (1941–1944) // Военно-исторический архив. 2008. № 12 и др.
- Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006.
- Романько О.В. Соединение специального назначения «Бергманн». К истории германских спецслужб на территории Украины и Крыма в 1941–1944 гг. // Military Крым. 2007. №7.
- Романько О.В. Формирования Русской освободительной армии на территории Крыма (1943–1944). К вопросу об организации и использовании // Голокост і сучасність. 2003. № 2(8) – № 3(9).
- Рунов В., Зайцев Л. Битва за Крым 1941–1944. От разгрома до триумфа. М.: Яуза-пресс, 2014
- Симошенко В. Г. Третья оборона Севастополя // Военно-исторический журнал. 2008. № 5.
- Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-Пресс Книга, 2002.
- Соколов Б.В. Фронт за линией фронта: партизанская война 1939–1945 гг. М.: Вече, 2008.
- Стариков Н., Беляев Д. Россия. Крым. История. СПб.: Питер, 2015.
- Турба Н.Н. Опыт и особенности партизанских действий в Крыму. 1941–1944 гг. (Социально-политический аспект). Одесса: Пед. ун-т, 1998.
- Хаваджи Д.Р. Політико-правове регулювання національної депортації з кримської АРСР та репатріації до Автономної Республіки Крим у складі України (1941–1996 рр.): історико-правове дослідження: дис. ... канд. юр. наук. Харків, 2005.

- Хаялі Р.І. Етносоціокультурна еволюція кримськотатарського народу в ХХ ст.: автореф. дис. ...д-ра істор. Наук. Львів, 2010.
- Хаялі Р. Крым в период Второй мировой войны: историография и опубликованные источники // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАН України. К., 2003. Вип. 23.
- Христофоров В.С. Участие отечественных органов разведки и контрразведки в освобождении Крыма / Крым в истории России: к 70-летию освобождения. 1944–2014. Материалы военно-исторической конференции. 28 мая 2014 года, г. Севастополь. М.: НИИ военной истории ВА ГШ ВС России, 2014. С. 103-109.
- Христофоров В.С. Архивные документы по истории нацистского оккупационного режима в Крыму / Труды отделения историко-филологических наук РАН. М.: «Наука», 2015(а). С. 408-424.
- Христофоров В.С. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945 / В.С. Христофоров, А.П. Черепков, Д.Ю. Хохлов. М.: Вече, 2015(б).
- Черепков А.П. Контрразведка «Смерш» Черноморского флота // Морск. сборник. 2003. № 8.
- Черепков А.П. Советская военно-морская контрразведка в начале войны // Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011
- Шагланов А. Севастополь останется русским! Оборона и освобождение Крыма 1941–1944. М.: Эксмо, 2015.
- Шамко Е.Н. Комсомольцы и молодежь Крыма в боях за Родину. Симферополь, 1958.
- Шамко Е.Н. Партизанское движение в Крыму. Симферополь, 1959.
- Ширококоряд А. Битва за Крым. От противостояния до возвращения в Россию. М., 2014.

REFERENCES

- Abramov E.P. Morskaya pekhota v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: avto-ref. dis. ... dok-ra ist. nauk : SPb, 2007.
- Achkinazi I.V. K probleme etnicheskoi istorii Krymskikh bolgar // Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik. Simferopol', 1997. Vyp. 1.
- Baev R.R. Pereselenie i spetsial'noe poselenie narodov Kalmykii, Severnogo Kavkaza i Kryma. 1943-1956 gg. (istoriko-yuridicheskii aspekt). Volgograd, 2007.
- Basov A.B. Krym v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945. M., 1987.
- Bekirova G. Krym i krymskie tatory v XIX–XX vekakh. M., 2005.
- Broshevan V.M. Simferopol', 1941–1944. Simferopol': Tavrida, 1994.
- Broshevan V.M. Voennaya mobilizatsiya v Krymu 1941–1944 gg. Simferopol', 1997.
- Broshevan V.M. Krymskii shtab partizanskogo dvizheniya. Simferopol', 2001 i dr.
- Bugai N.F. Deportatsiya narodov v SSSR – novoe napravlenie istoriografii: problemy izucheniya // Rossiya v KhKh veke. Sud'by istoricheskoi nauki. M., 1996.
- Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 gg. V 12 t. M.: Kuchkovo pole, 2011–2016.
- Velikaya Otechestvennaya voina. 1942 g: Issledovaniya, dokumenty, komentarii / Otv. red. V.S. Khristoforov. M.: Izd-vo Glav. arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy, 2012. S. 495-519.
- Velikaya Otechestvennaya voina. 1944 god: Issledovaniya, dokumenty, komentarii / Otv. Red. V.S. Khristoforov. M.: Izd- GBU «TsGA Moskvy», 2014. S. 273-286.
- Verkhourou D.N. Voennaya istoriya Kryma. Ot Ivana Groznogo do Putina. M.: Yauza, 2016.
- Vozgrin V. Mokrousovtsy protiv naroda, ili kak krymskikh tatar ubivali «svoi» // Golos Kryma. 11 iyunya 2004 g.
- Vorob'ev V.F. Oborona Sevastopolya v 1941-1942 godakh. M., 1956.
- Gabrielyan O.A. Krym. Deportirovannye narody. Simferopol', 1997.
- Gabrielyan O.A. Politicheskie protsessy v Krymu. Poslednee desyatletiya KhKh v. Simferopol', 2000.
- Gabrielyan O.A. Krym. Deportirovannye grazhdane: vozvrashchenie, obustroistvo, so-tsial'naya adaptatsiya. Simferopol', 1997.
- Gabrielyan O.A. Krymskie repatrianty: deportatsiya, vozvrashchenie i obustroistvo. Simferopol', 1998.

- Godlevskii G.F., Grechanyuk N.M., Kononenko V.M. Pokhody boevye: Eskadra Chernomorskogo flota v Velikoi Otechestvennoi voine M., 1966.
- Grigoryan V.V. Velikaya Otechestvennaya voina. Armyane v boyakh za Krym. Simferopol', 2009.
- Gritsyuk V.M. Strategichni ta frontovi operatsii Velikoi Vitchiznoi viini na territorii Ukraini. K., 2010.
- Zamyatin N.M., Vorob'ev F.D. Oborona Sevastopolya. M., 1943.
- Zarubin V.G. Deportatsiya iz Kryma armyan, bolgar, grekov i grazhdan drugikh natsional'nostei (1994 g.) // Istoricheskoe nasledie Kryma. 2004. № 5.
- Isakov I.S. Voenno-morskoi flot SSSR v Otechestvennoi voine. M.; L., 1944.
- Istoriya Vtoroi mirovoi voiny: V 12 t. M., 1974-1982.
- Istoriya Kryma. M.: OLMA Media Grupp, 2015.
- Kalashnikova S.V. Krymskie bolgary: osnovnye etapy istoricheskogo razvitiya: seredina XVIII – nachalo XXI v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Krasnodar, 2012.
- Kamalov Kh.Kh. Morskaya pekhota v boyakh za Rodinu. M., 1966.
- Kiselev I.V. Vzaimodeistvie Krasnoi Armii i Chernomorskogo flota v khode boevykh operatsii v period Velikoi Otechestvennoi voiny: avtoref. diss. kand. ist. nauk. Maikop, 2009.
- Kolontaev K. Krym: bor'ba spetsnazov. M.: Algoritm, 2015.
- Kononenko V.M. Kerchensko-El'tigenskaya desantnaya operatsiya. M., 1954.
- Krym: proshloe i nastoyashchee. M.: «Mysl'», 1988.
- Krym v Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soyuzha 1941–1945. Simferopol', 1963.
- Krymsko-tatarskaya entsiklopediya /sost. Muzafarov R. Simferopol', 1993, tt. 1-2.
- Mazunin N.P. Chernomorskii flot v Velikoi Otechestvennoi voine. M., 1949.
- Makarov V.G. «Spetsoperatsiya «Litera E»» / «FSB. Za i protiv», 2012. № 2(16). S 50-55.
- Mal'gin A.V. Partizanskoe dvizhenie Kryma i tatarskii vopros 1941-1944 gg. Simferopol', 2009.
- Mel'nichuk E.B. Partizanskoe dvizhenie v Krymu (1941–1944). Kn. 1. «Nakanune». L'vov, 2008.
- Morozov M. Vozdushnaya bitva za Sevastopol' 1941–1942. M.: Yauza, Eksmo, 2007.
- Nemenko A.V. O geroicheskikh stranitsakh bor'by Chernomorskogo flota v gody voiny 1941–1945 (Voennye tainy KhKh veka). M.: Veche, 2015.
- Osvobozhdenie Kryma // Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuzha 1941-1945: V 6 t. M.: Voenizdat, 1964. T. 4.
- Ocherki po istorii Kryma. Ch. 4. Simferopol', 1967.
- Pashchenya V.N., Pashchenya E.V. Krymskaya ASSR v gody II-i Mirovoi voiny (1939–1945 gg.): monografiya. Simferopol': DIAIPI, 2014. (1 izd. – 2009).
- Petrov P.E. Sevastopol' v Velikoi Otechestvennoi voine. M., 1955. Vyp. 5.
- Polyakov V. E. Partizanskoe dvizhenie v Krymu 1941-1944 gg. Simferopol': IT «ARIAL», 2013.
- Polyakov V.E. Strashnaya pravda o Velikoi Otechestvennoi. Partizany bez grifa «Sekretno». M.: Yauza-Press, 2009.
- Popov A.Yu. Diversanty Stalina. Deyatel'nost' organov gosbezopasnosti SSSR na okkupirovannoi sovetskoi territorii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M.: Yauza, Eksmo, 2004.
- Popov A.Yu. Deyatel'nost' organov gosbezopasnosti SSSR na okkupirovannoi sovetskoi territorii: 1941-1944 gg.: diss. d-ra ist. nauk. M., 2007.
- Roman'ko O.V. Krym, 1941-1944. Okkupatsiya i kollaboratsionizm. Simferopol', 2005.
- Roman'ko O.V. Krym v planakh voenno-politicheskogo rukovodstva Tret'ego reikha (1941–1944): izvestnye fakty i maloizvestnye proekty // Intellektual. 2006. № 4.
- Roman'ko O.V. Musul'manskie legiony vo Vtoroi mirovoi voine. M., 2004.
- Roman'ko O.V. Nemetskaya okkupatsionnaya politika na territorii Kryma i natsional'nyi vopros (1941–1945). Simferopol': Antikva, 2009.
- Roman'ko O.V. Nemetskaya propaganda v Krymu (1941-1944): organy, ikh struktura i deyatelnost' // Yalta 1945-2000: Problemy mezhdunarodnoi bezopasnosti na poroge novogo stoletiya. Mezhdunar. Nauch. Simpozium: materialy. Simferopol', 2001.
- Roman'ko O.V. Sovetskie partizany i krymsko-tatarskoe naselenie v gody okkupatsii (1941–1944) // Voenno-istoricheskii arkhiv. 2008. № 12 i dr.
- Roman'ko O.V. Sovetskii legion Gitlera. Grazhdane SSSR v ryadakh vermakhta i SS. M., 2006.
- Roman'ko O.V. Soedinenie spetsial'nogo naznacheniya «Bergmann». K istorii germanskikh spetssluzhb na territorii Ukrainy i Kryma v 1941–1944 gg. // Military Krym. 2007. №7.

- Roman'ko O.V. Formirovaniya Russkoi osvoboditel'noi armii na territorii Kryma (1943–1944). K voprosu ob organizatsii i ispol'zovanii // Golokost i suchasnist'. 2003. № 2(8) – № 3(9).
- Runov V., Zaitsev L. Bitva za Krym 1941–1944. Ot razgroma do triumfa. M.: Yauza-press, 2014
- Simonenko V.G. Tre'tya oborona Sevastopolya // Voenno-istoricheskii zhurnal. 2008. № 5.
- Sokolov B.V. Okkupatsiya. Pravda i mify. M.: AST-Press Kniga, 2002.
- Sokolov B.V. Front za liniei fronta: partizanskaya voina 1939–1945 gg. M.: Veche, 2008.
- Starikov N., Belyaev D. Rossiya. Krym. Istoriya. SPb.: Piter, 2015.
- Turba N.N. Opyt i osobennosti partizanskikh deistvii v Krymu. 1941–1944 gg. (So-tsial'no-politicheskii aspekt). Odessa: Ped.un-t, 1998.
- Khavadzhi D.R. Politiko-pravove reguluyuvannya natsional'noi deportatsii z krimsk'oi ARSR ta repatriatsii do Avtonomnoi Respubliki Krim u skladi Ukraini (1941–1996 rr.): istoriko-pravove doslidzhennya: dis. ...kand. yur. nauk. Kharkiv, 2005.
- Khayali R.I. Etnosotsiokul'turna evolyutsiya krimsk'otatars'kogo narodu v KhKh st.: avto-ref. dis. ...d-ra istor. Nauk. L'viv, 2010.
- Khayali R. Krym v period Vtoroi mirovoi voiny: istoriografiya i opublikovannye istochniki // Naukovi zapiski Institutu politichnikh i etnonatsional'nikh doslidzhen' NAN Ukraïni. K., 2003. Vip. 23.
- Khristoforov V.S. Uchastie otechestvennykh organov razvedki i kontrrazvedki v osvobo-zhdenii Kryma / Krym v istorii Rossii: k 70-letiyu osvobozhdeniya. 1944–2014. Materialy voenno-istoricheskoi konferentsii. 28 maya 2014 goda, g. Seva-stopol'. M.: NII voennoi istorii VA GSh VS Rossii, 2014. S. 103-109.
- Khristoforov V.S. Arkhivnye dokumenty po istorii natsistskogo okkupatsionnogo rezhima v Krymu / Trudy otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN. M., 2015(a). S. 408-424.
- Khristoforov V.S. Kontrrazvedka VMF SSSR. 1941–1945 / V.S. Khristoforov, A.P. Cherepkov, D.Yu. Khokhlov. M.: Veche, 2015(b).
- Cherepkov A.P. Kontrrazvedka «Smersh» Chernomorskogo flota // Morskoi sbornik. 2003. № 8.
- Cherepkov A.P. Sovetskaya voenno-morskaya kontrrazvedka v nachale voiny // Velikaya Ote-chestvennaya voina. 1941 god: Issledovaniya, dokumenty, kommentarii. M.: Iz-datel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy, 2011
- Shaglanov A. Sevastopol' ostanetsya russkim! Oborona i osvobozhdenie Kryma 1941–1944. M.: Eksmo, 2015.
- Shamko E.N. Komsomol'tsy i molodezh' Kryma v boyakh za Rodinu. Simferopol', 1958.
- Shamko E.N. Partizanskoe dvizhenie v Krymu. Simferopol', 1959.
- Shirokorad A. Bitva za Krym. Ot protivostoyaniya do vozvrashcheniya v Rossiyu. M., 2014.

Пожаров Алексей Иванович, доктор исторических наук, доцент, ведущий науч-ный сотрудник Института российской истории РАН; iriran@mail.ru

Кузьева Светлана Анатольевна, историк спецслужб; svanku@mail.ru

The Crimea in the Great Patriotic war: historiography

The authors analyse the main trends in the historiography of the war in the Crimea, the defense of the peninsula against German and Romanian invaders, its occupation and liberation. The article identifies factors that create contradictions in the works by historians and impede the contemporary studies of the Crimean history.

Keywords: historiography, the Great Patriotic war, Crimean peninsula defense, Crimea occupation, the battles for Crimea liberation, declassified documents, historical research

Alexey Pozharov, Dr.Sc. (history), associate professor, leading researcher, Institute for Russian History, RAS; iriran@mail.ru

Svetlana Kuzyeva, historian of special services; svanku@mail.ru

М. С. ТУТОРСКАЯ

ДВЕ КУЛЬТУРЫ НАЧАЛО ПРЕПОДАВАНИЯ “МЕДИЦИНЫ И ЛИТЕРАТУРЫ” В США

В данной статье рассматривается история создания курсов «медицины и литературы» в 70-х годах XX века в США. Целью преподавания этой дисциплины, входящей в комплекс гуманитарных медицинских предметов, было преодоление разрыва, появившегося между «двумя культурами» – естественнонаучной и гуманитарной, описанного Чарльзом Сноу в речи «Две культуры и научная революция». История направления «медицина и литература» рассматривается как неотъемлемая часть истории медицинской науки XX века.

Ключевые слова: медицина и литература, нарративная медицина, гуманитарные медицинские дисциплины, история медицины, биопсихосоциальная модель, медицинское образование

Рост средней продолжительности жизни, уменьшение смертности от инфекционных заболеваний и увеличение роли многофакторных хронических заболеваний привели к значительным изменениям, как в работе врачей, так и в медицинском образовании: подготовке медиков к ведению диалога с пациентами, умению понимать и анализировать различные нарративы, а также объяснять диагноз и обсуждать схему лечения на литературном, а не научном языке. Пионеры данного направления – Джоан Траутманн Бэнкс, Кэтрин Монтгомери, Энн Хадсон Джонс и Рита Шерон – разрабатывали первые учебные курсы, составляли учебные пособия и совершенствовали методику преподавания, опираясь на идеалы античности и Ренессанса – бога Аполлона, воплощавшего связь между врачеванием и искусством, и титанами Возрождения, «людьми универсальными», преуспевшими в различных областях знания. В статье приводятся цитаты из серии статей под общим названием «Почему медицина и литература?», написанных в разные годы врачами, литературоведами и специалистами в области биоэтики, в которых эта связь исследуется в контексте тех дисциплин, представителями которых являются авторы.

7 мая 1959 года Чарльз Перси Сноу прочел в Кембридже лекцию Рида¹, озаглавленную «Две культуры и научная революция²». В этой речи прозвучали идеи, которые, как напишет сам Сноу в 1963 г., носи-

---

¹ Лекции имени Сэра Роберта Рида – главного судьи суда общегражданских исков, жившего в XVI в. – читаются в Кембридже ежегодно с 1706 г. Лектор выбирается вице-канцлером университета.

² Сноу 1973. С. 18-31.

лись в воздухе³ – он лишь «нажал спусковой крючок». Он говорил о пропасти, появившейся между гуманитарным и естественнонаучным знанием, между искусством и наукой. «Поляризация культуры – очевидная потеря для всех», «В значительной мере проблема заключается в том, что литература, связанная с нашей традиционной культурой, представляется ученым “не относящейся к делу”», и что «люди, принадлежащие к двум культурам, утратили способность общаться друг с другом⁴». Причины появления «пропасти» Сноу в первую очередь видит в «фанатической вере в специализацию обучения». Одной из попыток преодоления существующего разрыва можно считать появление нового учебного курса «Медицина и литература».

В западной медицине специализацию и естественнонаучный уклон в обучении будущих врачей традиционно связывают с проведенной реформой медицинского образования, проведенной в США в начале XX в. Эта реформа адаптировала учебные программы медицинских школ Северной Америки к преподаванию биомедицины. Согласно докладу Абрахама Флекснера⁵, составленному по результатам инспекционной поездки по 163 американским и канадским медицинским учебным заведениям, врачи в первую очередь должны быть учеными, которые ставят во главу угла данные лабораторных исследований⁶. После публикации этого доклада в 1910 г. была проведена унификация медицинского образования и повышены требования, предъявляемые к ВУЗам, что привело к закрытию 124 североамериканских медицинских университетов, которые не соответствовали новым стандартам.

Далеко не все врачи безоговорочно разделяли позицию Флекснера. Уже в 1922 г. Фрэнсис Пибоди, председатель Гарвардской медицинской службы, предупреждал, что «лаборатория никогда не сможет и не должна стать главенствующим фактором медицинской практики». Его волновала то, что медицинские ВУЗы готовят «сотрудников лабораторий, а не врачей». Пибоди и Уильям Ослер – терапевт, патолог и историк медицины, которого современники называли «отцом современной медицины» – отмечали опасность сведения диагностики к оценке патофизиологических изменений, выявленных в анализах⁷, и отказывались принимать редуccionистский научный подход. Дальнейшая дискуссия о преобладании «технических» медицинских дисциплин над гуманитарными получила название «Дебаты Ослера – Флекснера». Ослер создал первую программу резидентуры для обучения врачей в универси-

---

³ Snow 1998. P. 54.

⁴ Сноу 1973. С. 21.

⁵ Американский патолог, бактериолог и организатор науки, бывший первым директором Рокфеллеровского института медицинских исследований.

⁶ Flexner, Pritchett, Henry 1910.

⁷ Tauber 1992. P. 598.

тете Джонса Хопкинса. Он указывал на необходимость занятий в клиниках, начиная с третьего курса медицинского факультета, настаивал на снижении роли дидактических лекций и выражал надежду, что на его надгробии будет написано: «Он привел студентов-медиков в палаты для обучения у постели больного». Ослер писал: «Тот, кто изучает медицину без книг, пересекает под парусом неизведанное море, но тот, кто изучает медицину без пациентов, не выходит в море вообще» и «Прислушайтесь к пациенту, он скажет вам диагноз⁸». Он считал, что медицинское образование должно строиться вокруг пациента и что врачи должны приходить в клиники с открытой душой, а не с набором готовых решений. Он утверждал, что практическую медицину можно понять только благодаря общению врача и пациента. С этой точки зрения, прогресс в медицине понятен только врачам, работающим с пациентами, а для тех, кто не входит в гильдию, понимание невозможно. Эта позиция и уважение к идеям Ослера укрепило общность врачей, но в то же время привело к интерналистскому подходу – медицинские проблемы стали исследоваться в контексте врачебной практики и науки, но изолированно от общего культурного контекста.

Понимание важности преподавания дисциплин, не относящихся к естественнонаучным медицинским предметам, снова возникло в середине XX в. Разочарование в возможностях «волшебной пули⁹», которая позволит победить все болезни, ознаменовало начало конца «золотого века медицины¹⁰». Биомедицинская парадигма, ориентированная на борьбу с бактериями, вызывающими болезнь, не всегда могла предложить адекватное лечение в случае заболеваний, вызываемых множественными факторами. Если в начале XX в. главными смертельными болезнями были болезни инфекционные, то в середине века статистические данные указывали на то, что основную опасность стали представлять системные хронические заболевания – рак, заболевания сердца и инсульты¹¹. Кроме того, обозначился кризис во взаимопонимании между врачами и пациентами: они оказывались чужаками в обезличенных и бюрократических медицинских учреждениях.

Борьба пациентов за свои права постепенно вела к смене патерналистской модели на модель медицинской помощи, включавшей «информированное согласие» и принцип сотрудничества. Результатом этого многолетнего процесса стал первый «Билль о правах пациентов», принятый в 1973 г. Американской Ассоциацией Больниц в 1973 г., согласно которому, пациент получал право на информацию о «диагнозе,

---

⁸ Bean 1954.

⁹ Термин, предложенный Паулем Эрлихом, создателем сальварсана – первого эффективного антибактериального препарата.

¹⁰ Brandt, Gardner 2013. P. 21-38.

¹¹ Brandt, Gardner 2000. C. 712.

лечении и прогнозе», право принимать решения, касающиеся плана лечения, и право на конфиденциальность¹².

Новый формат диалога «врач-пациент» требовал изменений программ подготовки будущих врачей. Впрочем, медицинские гуманитарные дисциплины стали динамично развиваться уже в 1960-х гг. С их помощью предполагалось уравновесить сложившийся в медицине дисбаланс. До этого предполагалось, что студенты-медики смогут обучиться эмпатии, тому, как общаться с пациентами, и другим гуманистическим основам медицины во время клинической практики. Однако ощущалось, что клинического опыта недостаточно, чтобы научить всему тому, что вкладывается в понятие «врачебное искусство», и что необходимы специальные дисциплины в этой области. Новые предметы, такие как биоэтика, история медицины, медицинская антропология и медицина и литература, предлагались не только студентам-медикам, но и практикующим врачам, которые рассматривали их как инструмент для профессионального и личностного роста.

Параллельно с обсуждением междисциплинарного направления и актуальности медицинских гуманитарных предметов в 1960-е гг., некоторые религиозные конфессии стали посылать священников в американские медицинские школы¹³. В 1962 г. стали проводиться встречи врачей и церковнослужителей. Выделились три лидера: Сэмюэл А. Бэнкс (Samuel A. Banks), доцент психологии и религиоведения, а также капеллан в Центре здравоохранения университета Флориды), Рональд Макнеур (Ronald W. McNeur), капеллан в медицинской школе университета Калифорнии, Сан-Франциско, Е.А. Вастиян (E.A. Vastyan), капеллан в медицинском отделении техасского университета в Галвестон.

Бэнкс и Вастиян специализировались на литературе и внедряли этот предмет в программу. Они часто встречались, и вскоре в их кружок вошли Джордж Т. Харрел (George T. Harrell) из университета Флориды и впоследствии университета Пенсильвании и Эдмунд Д. Пеллегрини (Edmund D. Pellegrino) из университета штата Нью-Йорк в Стоуни-Брук. Их общество стало официально называться Обществом здравоохранения и социальных ценностей. К 1982 г. в общество входило уже более 1000 членов. Большинство из них были теологами, философами и историками, но были и несколько литературоведов. Эта организация, созданная для «людей, преданных общечеловеческим ценностям в медицине¹⁴», впоследствии слилась с двумя биоэтическими обществами, в результате чего в 1998 г. сформировалось Американское общество биоэтики и гуманитарных наук.

---

¹² American Hospital Association et al. A patient's bill of rights...

¹³ Trautmann 1982(a). P. 8.

¹⁴ Brandon 2008.

Первой медицинской школой, открывшей в 1967 г. гуманитарное отделение, был Университет Пенсильвании. В это время им руководил д-р Джордж Т. Харрелл, который отстаивал важность гуманитарных дисциплин в обучении студентов-медиков. Этот университет стремился подчеркнуть «значение семьи и семейных ценностей в обществе, исследование влияния образа жизни и поведения на развитие хронических заболеваний и понимание философских, духовных и этических аспектов болезни и лечения¹⁵». В 1970-х медицинские гуманитарные дисциплины постепенно интегрируются в учебную программу университета. В 1972 г. официально началось преподавание дисциплины «медицина и литература» в медицинском колледже Пенсильванского университета. Первым преподавателем-литературоведом, приглашенным в медицинский вуз работать на полную ставку, была Джоан Траутманн Бэнкс (Joanne Trautmann Banks). Четыре года спустя, в 1976 г., университет пригласил на постоянную работу специалиста по этике, философа К. Даннер Клоузера (K. Danner Clouser). Как и литературоведы, специалисты по медицинской этике должны были способствовать обучению будущих врачей вопросам, связанным с моралью и нравственностью. Предполагалось, что литература может способствовать развитию чуткости у медицинских работников, а медицинская этика рассматривалась как источник разрешения моральных дилемм¹⁶. Впрочем, даже в первые годы преподавания этих дисциплин литературоведы часто оказывались вовлечены в чтение этических курсов, а преподаватели по этике использовали литературные примеры для иллюстрации возможных путей решения этических вопросов.

Другими пионерами преподавания «медицины и литературы», были Кэтрин Монтгомери Хантер (Kathryn Montgomery Hunter) и Энн Хадсон Джонс (Anne Hudson Jones). По инициативе Джоан Траутманн Бэнкс в 1982 г. был основан журнал «Литература и медицина» — первое научное издание по этой дисциплине, рецензируемый журнал, темами которого являются исследования литературных аспектов вопросов человеческого здоровья, болезни, инвалидности, насилия, травмы, властных отношений и биомедицинской науки. В журнале ежегодно рассматривается один тематический и один общий вопрос. Такими вопросами были: идентичность и инакость, контагии и инфекции, патогرافия рака, геномика, нарративы боли. Журнал печатался и продолжает печататься в издательстве Университета Джонса Хопкинса.

Номер, вышедший в 1982 г., стал сборником статей-ответов на вопрос «Почему литература и медицина?»¹⁷, написанных врачами, писателями, литературоведами и специалистами в области гуманитарных

---

¹⁵ Hawkins, Ballard, Hufford 2003. P. 1001.

¹⁶ Sugarman, Sulmasy 2010. P. 160.

¹⁷ Literature and Medicine. 1982. T. 1. №. 1.

медицинских наук. Главным редактором журнала с момента основания и на протяжении более десяти лет была Энн Хадсон Джонс. В 1996–1997 гг. в соавторстве с Фейф Маклеллан (Faith McLellan) Джонс подготовила серию из 12 статей, посвященную литературе и медицине, для журнала *Ланцет*, и темой первой из них был тот же вопрос, который ставился в журнале «Литература и медицина» пятнадцатью годами раньше: «Почему литература и медицина?»¹⁸. Кэтрин Монтгомери Хантер, также занималась публицистикой и популяризацией данного направления. В 1993 г. она опубликовала книгу «Врачебные истории: нарративная структура медицинских знаний»¹⁹, а в 2005 г. книгу «Как думают доктора: клиническое заключение и медицинская практика»²⁰. И в той, и в другой работе медицина рассматривается как искусство, которое опирается на рассказ и его интерпретацию.

Несмотря на то, что предмет «медицина и литература» играл относительно незначительную роль по сравнению с биоэтикой и историей медицины, он имел значительную поддержку в ряде медицинских вузов. С 1960-х несколько фондов, в т.ч. Национальный фонд поддержки гуманитарных наук, вызвались финансировать внедрение медицинских гуманитарных дисциплин в американских университетах. Национальный фонд финансировал встречи, посвященные медицине и литературе от имени Института общечеловеческих ценностей в медицине. В этих встречах участвовали как медики, как и литературоведы, обсуждая возможности взаимодействия. В 1970-х и 1980-х годах «медицина и литература» все чаще стала рассматриваться как самостоятельная академическая дисциплина. Ассоциация по изучению современного языка (MLA) провела специальную сессию по медицине в литературе в 1978 г. В ней приняли участие от 75 до 100 человек²¹.

В зависимости от специфики медицинских школ инициатива создания курсов «медицина и литература» могла исходить как от самих студентов, интересовавшихся теми или иными произведениями или фильмами, так и от преподавателей, желавших включить изучение литературных источников в учебный процесс. Мотивация литературоведов, работавших в медицинских школах, была отчасти экономической (ставок на отделениях английской литературы было меньше, чем выпускников), а отчасти объяснялась их исследовательскими интересами – преподавание в медицинских школах позволяло изучить новые аспекты взаимодействия культуры и литературы.

С началом преподавания дисциплины возникла дискуссия, связанная с методикой преподавания и составлением списков рекомендо-

---

¹⁸ McLellan, Jones 1996. С. 109-111.

¹⁹ Hunter 1991.

²⁰ Montgomery 2005.

²¹ Trautmann 1982(a). P. 10.

ванной литературы. Выбор текстов никак не регламентировался и зависел от целей, задач и личных предпочтений преподавателей. Были написаны первые учебники и антологии²², книга Энтони Р. Мура «Отсутствующий медицинский текст: гуманистический подход к уходу за больным²³», но большинство курсов читались не по этим учебникам, а тексты менялись из года в год. В списки рекомендованной литературы входят как классические произведения, так и работы неизвестных авторов. Окончательный выбор зависит от преподавателя или от самих студентов. Впрочем, как правило, студенты не проявляют интереса к текстам, в которых не рассматриваются медицинские проблемы²⁴ или которые противоречат их убеждениям. Несмотря на то, что единого списка не существует, многие используют классические произведения, в фокусе которых находятся проблемы здоровья, болезни и лечения. Среди них: «Король Лир» Шекспира и «Палата №6» А.П. Чехова (психические заболевания), «Женщина-врач» Артура Конан Дойля и «Миддлмарч» Джорджа Элиота (личностный рост врача), «Смерть Ивана Ильича» Л.Н. Толстого (смерть и умирание), «Франкенштейн» Мэри Шелли и сборники рассказов, написанные врачами Уильямом Карлом Уильямсом и Ричардом Зельтцером (медицинская этика), «Волшебная гора» Томаса Манна (туберкулез), «Декамерон» Джованни Боккаччо и «Чума» Альберта Камю (городские эпидемии). Эти произведения используются для того, чтобы обсудить аспекты клинической практики, этические вопросы и взаимоотношения врача и пациента²⁵. Список рекомендованной литературы зависит от специфики курса. Если проблематикой является «Человек и болезнь», то в него скорее всего войдут «Король Лир» и «Смерть Ивана Ильича», а если цель – обсуждение этических вопросов, то оно строится вокруг «Применения силы» Уильяма Карлоса Уильямса и «Бруга» Ричарда Зельтцера.

Несмотря на свободу выбора литературных источников, всегда есть вероятность того, что студенты-медики не будут разделять ту же интерпретацию произведения, что их преподаватель. Поэтому выбор текстов менее значим, чем методика преподавания. Показать, как один и тот же текст по-разному оценивается разными людьми, и помочь преодолеть барьеры в понимании между медицинскими работниками и пациентами, а также среди самих медиков – это основная цель нарративной медицины, направления, созданного Ритой Шерон²⁶. В отличие

---

²² Trautmann, Pollard 1975; Trautmann, Pollard 1982(6); *Medicine in literature...*

²³ Moore 1978.

²⁴ Trautmann 1982(a). С. 11.

²⁵ Некоторые медицинские школы пытались предложить студентам курсы, на которых бы обсуждались произведения, не связанные с медициной, но никто из студентов не хотел их посещать. См.: Trautmann 1982(a). С. 11.

²⁶ Narrative medicine. Master of Science...

от других пионеров медицины и литературы, Шерон – профессиональный врач по образованию, преподаватель клинической медицины в Колумбийском университете. В 1999 г. она получила степень по английской литературе, в 2000 г. ею была создана программа по нарративной медицине, а в 2009 г. – междисциплинарный магистерский курс для врачей, писателей и тех, кто закончил бакалавриат и только готовится поступать на медицинский факультет. Программа предполагает изучение структуры литературного текста, развитие навыков интерпретации, «пристального» прочтения и работу в группах для тренировки навыков активного слушания и понимания любого нарратива, как художественного произведения, так и истории болезни или рассказа пациента²⁷.

Резюмируя, следует отметить, что предмет «медицина и литература» стал одним из мостов над пропастью, обозначенной Сноу, между учеными и «литературными интеллектуалами»²⁸, одним из междисциплинарных интеллектуальных течений, порожденным объединением методик гуманитарных и естественных наук²⁹.

К 1994 г. уже более трети американских медицинских университетов включали медицину и литературу в свою программу³⁰, хотя еще в 1982 г. только три профессора-литературоведа преподавали медикам. Впрочем, многие преподаватели теологии и этики использовали литературные тексты на своих занятиях по другим предметам. Классический пример – «Смерть Ивана Ильича»³¹, обязательная для прочтения в рамках американских курсов, посвященных смерти и умиранию. Преподавание курса «медицина и литература» меняется с течением времени. Медицинские гуманитарные курсы постепенно включаются в учебную программу вместо того, чтобы преподаваться в качестве элективов. Эти изменения отчасти являются отражением того, что меняется восприятие гуманитарных наук для медиков. Они становятся неотъемлемой частью медицинского образования в рамках биопсихосоциальной, а не биомедицинской модели взаимодействия с пациентами. Кроме того, ввиду технологического прогресса в медицине необходимость преодоления пропасти актуальна уже не только для ученых естественнонаучных и гуманитарных направлений, но и между профессионалами в разных областях в рамках одной специальности. Так врачи-хирурги нуждаются в навыках понимания текста, написанного врачами-терапевтами – развитие медицинских технологий привело к дальнейшей специализации обучения и, соответственно, к формированию новых языков и систем координат, малопонятных неспециалистам.

---

²⁷ Charon 2000. P. 25.

²⁸ Сноу 1973. С. 22.

²⁹ Literature and medicine — генезис, история, методология. С. 16.

³⁰ Jones 2013. P. 415.

³¹ Monagle, Thomasma 2004. P. 288.

БИБЛИОГРАФИЯ

- American Hospital Association et al. A patient's bill of rights. The Association, 1975.
- Bean R.B., Bean W.B. Sir William Osler: Aphorisms from His Bedside Teachings and Writings. Springfield (IL): Charles C Thomas. 1968. 159 с.
- Brandon N. Reading more into the medical curriculum: The history of literature and medicine teaching in undergraduate medical education at American and Canadian Medical Schools //University of Ottawa, Ottawa. 2008.
- Brandt A.M., Gardner M. Antagonism and accommodation: interpreting the relationship between public health and medicine in the United States during the 20th century //American journal of public health. 2000. T. 90. №. 5. С. 707-715.
- Brandt A.M., Gardner M. The golden age of medicine? // Companion to medicine in the twentieth century. 2013. P. 21-38.
- Ceccio J. Medicine in Literature. New York: Longman, 1978. 324 p.
- Charon R. Literature and medicine: origins and destinies // Academic Medicine. 2000. T. 75. № 1. P. 23-27.
- Flexner A., Pritchett H., Henry S. Medical education in the United States and Canada. Bulletin number four (The Flexner Report). New York. 1910.
- Hawkins A.H., Ballard J.O., Hufford D.J. Humanities education at Pennsylvania State University College of Medicine, Hershey, Pennsylvania // Academic Medicine. 2003. T. 78. № 10. P. 1001-1005.
- Hunter K.M. Doctors' stories: The narrative structure of medical knowledge. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1991. 205 p.
- Jones A.H. Why teach literature and medicine? Answers from three decades // Journal of Medical Humanities. 2013. T. 34. № 4. P. 415-428.
- Literature and medicine – генезис, история, методология // Русская литература и медицина: тело, предписания, социальная практика / Под ред. К. Богданова. М., 2006.
- Literature and Medicine. 1982. T. 1. №. 1.
- McLellan M.F., Jones A.H. Why literature and medicine? // The Lancet. 1996. T. 348. P. 109-111.
- Monagle J. F., Thomasma D. C. Health care ethics: Critical issues for the 21st century. Burlington, 2004. 288 p.
- Montgomery K. How doctors think: Clinical judgment and the practice of medicine. Oxford: Oxford University Press, 2005. 256 p.
- Moore A. R. The missing medical text: humane patient care. Melbourne: MUP. 1978. 249 с.
- Narrative medicine. Master of Science // URL: <http://sps.columbia.edu/narrative-medicine>
- Snow C.P. Two Cultures / Introd. by Stefan Collini. Cambridge: CUP, 1993. 54 p.
- Sugarman J., Sulmasy D.P. Methods in medical ethics. Georgetown: GUP, 2010. 344 p.
- Tauber A. I. The two faces of medical education: Flexner and Osler revisited // Journal of the Royal Society of Medicine. 1992. T. 85. № 10. P. 598–602.
- Trautmann J. Can we resurrect Apollo? // Literature and Medicine. 1982(a). T. 1. № 1. С. 1-18.
- Trautmann J., Pollard C. Literature and medicine: an annotated bibliography. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1982(b). 228 p.
- Trautmann J., Pollard C. Literature and medicine: topics, titles, and notes. Philadelphia, 1975.
- Сноу Ч.П. Две культуры. Сборник публицистических работ. М., 1973. С. 18-31.

REFERENCES

- American Hospital Association et al. A patient's bill of rights. The Association, 1975.
- Bean R.B., Bean W.B. Sir William Osler: Aphorisms from His Bedside Teachings and Writings. Springfield (IL): Charles C Thomas. 1968. 159 с.
- Brandon N. Reading more into the medical curriculum: The history of literature and medicine teaching in undergraduate medical education at American and Canadian Medical Schools //University of Ottawa, Ottawa. 2008.
- Brandt A.M., Gardner M. Antagonism and accommodation: interpreting the relationship between public health and medicine in the United States during the 20th century //American journal of public health. 2000. T. 90. №. 5. С. 707-715.

- Brandt A.M., Gardner M. The golden age of medicine? // Companion to medicine in the twentieth century. 2013. P. 21-38.
- Ceccio J. Medicine in Literature. New York: Longman, 1978. 324 p.
- Charon R. Literature and medicine: origins and destinies // Academic Medicine. 2000. T. 75. № 1. P. 23-27.
- Flexner A., Pritchett H., Henry S. Medical education in the United States and Canada. Bulletin number four (The Flexner Report). New York. 1910.
- Hawkins A.H., Ballard J.O., Hufford D.J. Humanities education at Pennsylvania State University College of Medicine, Hershey, Pennsylvania // Academic Medicine. 2003. T. 78. № 10. P. 1001-1005.
- Hunter K.M. Doctors' stories: The narrative structure of medical knowledge. Princeton, N.J.: Princeton University Press. 1991. 205 p.
- Jones A.H. Why teach literature and medicine? Answers from three decades // Journal of Medical Humanities. 2013. T. 34. № 4. P. 415-428.
- Literature and medicine – genezis, istoriya, metodologiya // Russkaya literatura i meditsina: telo, predpisanaya, sotsial'naya praktika / Pod red. K. Bogdanova. M., 2006.
- Literature and Medicine. 1982. T. 1. № 1.
- McLellan M.F., Jones A.H. Why literature and medicine? // The Lancet. 1996. T. 348. P. 109-111.
- Monagle J. F., Thomasma D. C. Health care ethics: Critical issues for the 21st century. Burlington, 2004. 288 p.
- Montgomery K. How doctors think: Clinical judgment and the practice of medicine. Oxford: Oxford University Press, 2005. 256 p.
- Moore A. R. The missing medical text: humane patient care. Melbourne: MUP, 1978. 249 c.
- Narrative medicine. Master of Science // URL: <http://sps.columbia.edu/narrative-medicine>
- Snow C.P. Two Cultures / Introd. by Stefan Collini. Cambridge: CUP, 1993. 54 p.
- Sugarman J., Sulmasy D.P. Methods in medical ethics. Georgetown: GUP, 2010. 344 p.
- Tauber A. I. The two faces of medical education: Flexner and Osler revisited // Journal of the Royal Society of Medicine. 1992. T. 85. № 10. P. 598-602.
- Trautmann J. Can we resurrect Apollo? // Literature and Medicine. 1982(a). T. 1. № 1. S. 1-18.
- Trautmann J., Pollard C. Literature and medicine: an annotated bibliography. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1982(b). 228 p.
- Trautmann J., Pollard C. Literature and medicine: topics, titles, and notes. Philadelphia, 1975.
- Snou Ch.P. Dve kul'tury. Sbornik publitsicheskikh rabot. M., 1973. S. 18-31.

Турская Мария Сергеевна, заведующая методическим кабинетом Центра развития историко-медицинских музеев России, ГБОУ ВПО МГМСУ им. А.И. Евдокимова Минздрава РФ; Tutorskaya-MS@MSMSU.RU

The two cultures: teaching Literature and Medicine in the USA

This paper is devoted to the history of Medicine and Literature courses in the 1970s in the United States. The objectives of teaching of this discipline, one from the list of medical humanities complex, was to bridge the gap that appeared between two cultures - sciences and the humanities, discussed in the speech by Charles Snow: "The Two Cultures and the Scientific Revolution". Medicine and literature courses are scrutinized as an integral part of the history of medicine of the XX century.

Keywords: Medicine and literature, narrative medicine, medical humanities, history of medicine, biopsychosocial model in medical education

Мария Турская, head of methodology cabinet, Centre for the development of historical and medical museums of Russia, A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, Health Ministry of the Russian Federation; Tutorskaya-MS@MSMSU.RU

Ф. В. НИКОЛАИ

ОТГОЛОСКИ (ПОСТ)ГЕРОИЧЕСКИХ ВОЙН ТЕЛА, АФФЕКТЫ, ЭМОЦИИ

В центре внимания рецензии на коллективную монографию «Враждующие тела: телесность, материальность и способность к трансформации» под редакцией Пола Корниша и Николаса Сондерса¹ оказываются тактики выживания комбатантов и отголоски войны, которая никогда не заканчивается для ее участников в день подписания перемирия. Эти отголоски включают не только социальные стратегии поведения, но и материальные вещи, тела, аффекты и эмоции комбатантов. Исследователей интересует, прежде всего, физическая (телесная, материальная) механика власти, не укладывающаяся в рамки сознательной психологической мотивации и официального героического нарратива. На передний план при этом выходит не деконструкция дискурса власти/маскулинности, но феноменологическое описание воздействия войны на тела и психику комбатантов. Оно позволяет сосредоточиться на механизмах взаимодействия сознательных и бессознательных импульсов поведения солдат, а также проблематизировать как дисциплинарные рамки, так и социальные функции военной и исторической антропологии в целом.

Ключевые слова: исследования памяти, военная антропология, травма, аффект, постгероические войны

В последние двадцать лет количество работ на стыке истории тела, военной антропологии и истории эмоций существенно растет: эта проблематика привлекает не только историков, но и археологов, сотрудников музеев, искусствоведов, журналистов, психологов, независимых исследователей². Рецензируемое издание выступает показательным примером такого сотрудничества. В каком контексте формируется сегодня интерес к понятию аффекта? Что оно дает для понимания современных асимметричных конфликтов? Насколько они отличаются от столкновений XIX – первой половины XX в.? Имеет ли смысл называть их *новыми*³ или *постгероическими*⁴ войнами?

В центре внимания коллективной монографии «Враждующие тела: телесность, материальность и способность к трансформациям» под редакцией Пола Корниша из Имперского военного музея в Лондоне и профессора Николаса Сондерса из Бристольского университета⁵ ока-

---

¹ *Bodies in Conflict: Corporeality, Materiality and Transformation...* 2014.

² *Bourke* 1996; *Kinder* 2015; *Sylvester* 2015; *Emotions, Politics and War* 2015; *Battlefield Emotions...* 2016; etc.

³ *Калдор* 2015.

⁴ *Luttwak* 1995.

⁵ Годом раньше под их совместной редакцией выходил сборник *Contested Objects...* 2013. А в 2012 г. был опубликован сборник *Beyond the Dead Horizon...* 2012.

зываются стратегии выживания комбатантов и физические отголоски войны, которая никогда не заканчивается в день подписания перемирия. Редакторы сборника начинают свое «Введение» с тезиса: «Пределное насилие, которое предполагается на войне, имеет, прежде всего, телесную природу. Война оставляет свои следы именно на телах и внутри них» (1). Условно книгу можно разделить на три части:

Несколько ее глав посвящены **воплощению** - навязыванию рамок артикуляции телесного опыта и интериоризации дисциплинарного контроля, превращению его из внешних требований во внутренние бессознательные привычки. Так, например, Анна Карден-Койн из университета Манчестера в главе «Внутри боли: молчание, рассказы и тела солдат» рассматривает свидетельства о широко распространенной стоической молчаливости раненых во время первой мировой войны. На материале 25-ти дневников комбатантов автор доказывает, что их нарративы и саморефлексия в значительной степени оказываются опосредованы установками военной медицины: «Эта глава посвящена тому, как военные госпитали формируют пространство, внутри которого боль отслеживается и конструируется, а классовые и гендерные коды формируют смысл и стратегии выражения боли» (54). Боль ощущается как предельно субъективный телесный опыт, но артикулируется она в рамках определенного института (военного госпиталя), благодаря специфической культуре ухода за ранеными, вопросам и действиям медиков, социально закрепленным нормам поведения и представлениям о благородстве, мужестве (маскулинности)⁶ и т.д. Особенностью данного подхода представляется вынесение за скобки собственно физиологической составляющей боли⁷. Задачей исследователя становится преодоление крайностей избыточного психологизма и социального конструктивизма через поиск точек пересечения максимально приватного (субъективных ощущений боли) и публичного (культуры ухода за ранеными), а также анализ повседневных практик взаимодействия в госпитале. Близкая проблематика рассматривается в главе «Материальная культура и уход за ранеными после первой мировой войны в Великобритании» Джеффри Резника из американской Национальной медицинской библиотеки.

Главы «‘Возвращение мертвых домой’: легальная и нелегальная репатриация тел погибших во время и после первой мировой войны» Доминика Дендувена из бельгийского музея в Ипре; «Пропавшие и

---

⁶ «Кричать от боли, выражать боль – значит вести себя как женщина или ребенок, способствовать феминизации или росту инфантильности. <...> Молчание – это защитные доспехи маскулинности» (63). С другой стороны, собственные продолжительные страдания и наблюдение за болью других вызывают у раненых ревизию героического нарратива, признание уязвимости и прекарности тела.

⁷ Та же тенденция преобладает в работах наиболее известных историков боли – Дж. Бурк и Х. Москосо. *Bourke* 2014; *Moscoso* 2012.

найденные на полях Фландрии: антропологические и археологические исследования останков в проекте A19, Ипр, Бельгия» Педро Пайпа и Джаниек де Гриз; а также «Отсутствующие тела: судьба проигравших в гражданской войне в Испании» Альфредо Гонсалес-Руибал из Испанского музея научного наследия рассматривают судьбу солдатских тел и ритуалы траура по погибшим, пытаясь также избежать навязчивого психологизма. А. Гонсалес-Руибал, например, добивается этого через прямую отсылку к исследованиям экономии телесного наказания М. Фуко. Объектом его анализа становится франкистский террор в Испании, включавший не только аресты и пытки «неблагонадежных», но и похищения: «Прошедшее пытки, демонстрируемое или скрываемое тело как объект противоречивой экономии наказания играло центральную роль в фашистской идеологии 1930–1940-х гг. <...> Военное насилие, пытки и казни рассматривались как всего лишь хирургическая операция по удалению нездоровых элементов социального тела» (170). Важно, что «политика исчезновения» работала не только на символическом уровне (метафорически приравнивая республиканцев к «грязным дикарям», «животным» или «насекомым»), оправдывающем физический террор. Она была нацелена на эмоционально-аффективную сферу и телесные ощущения – страх, отвращение, стремление к выживанию. Поэтому перед историком встает важный вопрос: как работать с этим до-символическим уровнем? Следует ли исследователю присоединиться к ритуалам траура, которые важны для потомков жертв, или же дистанцироваться от них, настаивая на различии прошлого и настоящего? Чаще всего современные историки занимают компромиссную позицию, пытаясь регулировать движение на перекрестке памяти в рамках сложившейся профессионально-корпоративной культуры⁸.

Второй, небольшой, но, возможно, наиболее любопытный блок материалов посвящен движению *от телесного опыта к социальным и культурным практикам*. Эта стратегия парадоксальным образом объединяет бывшего морпеха Марка Бёрчелла (автора главы «Движения опытных: эволюция командос») и египетского журналиста Халида аль-Бери, в молодости примыкавшего к радикальным исламистам (глава «Мой ближний враг»). Оба они утверждают, что влияние дисциплинарной власти «сверху» лишь накладывается на повседневные практики, автоматические действия и аффекты, порождаемые на телесном уровне и служащие мобилизации организма ради выживания. Например, М. Бёрчелл подробно описывает армейские тренировки, и прежде всего, «Движение через пространство, [которое] предполагает установление отношений между телом и окружающими его объектами. <...> В результате тренировок с оружием тело запоминает серию дви-

---

⁸ Подробнее см.: Тоштендаль 2014.

жений, заканчивающихся положением для стрельбы. Этот комплекс технических действий должен автоматически воспроизводиться мышечной памятью из любого положения» (212). Какие-либо властные нарративы лишь закрепляют и легализуют эти практики – фиксируют их как осознанную идентичность. Они оказываются встроены в функциональные сети тренировок, скорее, как надстроечный (вторичный) фактор, а не исходный посыл для организации телесного опыта. Более того, эти нарративы могут меняться в зависимости от функционала, выполняемого солдатом: «В ходе тренировок нарратив “рекрутов, которые терпят издевательства” сменяется “преодолением любых предстоящих трудностей”» (214).

Третья часть глав предполагает обращение к *вещам*, оказывающимся на стыке телесного и дискурсивного. Трофеи, фамильные реликвии, ордена и фотографии рассматриваются при этом как материальные носители или «протезы»⁹ памяти, а не просто символы или метафоры. «Фамильные реликвии обычно рассматриваются как метафоры власти, авторитета предков, материализованный индекс генеалогии. Однако вещи, оставшиеся от прошлого, представляют собой не просто лингвистический троп. Их значимость и авторитет опирается на тот факт, что они были неотъемлемой частью чего-то или кого-то – они работают скорее как метонимия¹⁰, чем как метафора. <...> Часы, очки, кольца, ручки, бумажники, расчески и обувь, которые бережно хранят потомки погибших, – это не просто их личные вещи, но важная часть их тел и телесных привычек», – отмечает А. Гонсалес-Руибал (176).

Сара Фарман в главе «Сомнительные конфликты и тела солдат: вспоминая Вьетнам с черноногими» описывает коммеморативные практики индейцев указанного племени, которые опираются на хранение трофеев, медалей, военной формы и одежды. Почти все ветераны имеют материальную память о войне, которая оказывается скорее предметом гордости, чем скорби.

Работу трагического нарратива, опирающегося на ритуалы скорби и траура, рассматривают Джеймс Тайлор в главе «Лагерная форма как орудие подавления и символ Холокоста» и Хелен Эванс – «В их обуви: хранение и экспозиция в американском музее памяти о Холокосте». Здесь анализ символического уровня (проблем репрезентации) выходит на передний план, во многом отодвигая собственно материальность вещей. Даже запах оказывается в этом контексте чисто социальным феноменом (160). Показательно, что оба автора занимают весьма осторожную позицию в отношении «индустрии Холокоста» –

---

⁹ Landsberg 2004.

¹⁰ Этот троп чаще всего считается разновидностью метонимии (замены «по смежности»), а не «по сходству») и предполагает перенос свойств общего на частное.

их тексты нацелены скорее на критику или деконструкцию сложившихся техник репрезентации.

Более сбалансированную позицию занимает Николас Сондерс в главе «Тела и деревья: материальность ландшафтов Великой Войны», рассматривая многочисленные артефакты «траншейного искусства» первой мировой, а также трансформацию метафорических отношений, связывающих человеческие тела и деревья, – от мирового древа и креста в христианской культуре до повседневного материала крестьянской жизни. Работу с такими объектами (от сувениров до мемориалов павшим товарищам) можно интерпретировать как воплощение ностальгии: «Их изготовление и украшение представляло собой креативную запись эмоций и памяти, которые занимали лиминальное пространство – между миром и войной. Такие объекты могли вызывать ностальгию, связывая людей с довоенным миром» (28). Однако автора в равной степени интересует и физическое изменение ландшафтов (земли, лесов) в ходе Великой войны, которое он скорее феноменологически описывает, чем включает в сложившийся культурный нарратив «механической войны эпохи модерна».

Пол Корниш в главе «Противозаконные ранения: кодифицируя связь пуль и тел» рассматривает полемику о запрете пуль «дум-дум» на рубеже XIX-XX вв. и границах ущерба, который «допустимо» наносить на войне. Как убедительно доказывает автор, решения Гаагской мирной конференции, а также использующая страх тяжелых ранений и гуманистическую риторику полемика в прессе стали лишь поверхностным эффектом, тогда как подлинные причины запрета лежали в сфере технологической – проблемы смещения центра тяжести пули в обычных боеприпасах, стандартизация калибров и т.д. «<...> Именно технологическая материальность, а не декларативные документы, управляет отношениями между объектами и человеческими телами во время конфликта» (19).

Таким образом, важно отметить, что обращение представителей военной антропологии к проблематике телесного не является цельной аналитической стратегией – внутри нее возможны разные подходы и теоретические приоритеты (феноменологический, исследование аффектов и эмоций, деконструкция властного дискурса, гендерный анализ воплощения маскулинности и т.д.). Однако общим моментом, объединяющим авторов книги, представляется акцент на физическую (телесную, материальную) механику власти, не укладывающуюся в рамки психологической (сознательной) мотивации. Внимание большинства глав «Враждующих тел» привлекают проблемы феноменологического описания воздействия войны на тела и психику комбатантов. Однако такой ход лишь частично позволяет раскрыть механизмы взаимодействия сознательных и бессознательных импульсов поведения. Именно

детальное отслеживание стратегий и тактик такого взаимодействия представляется сегодня предельно актуальным как для военной, так и для исторической антропологии в целом. По сути, речь идет о тех же корреляциях между символическим и телесным, которые Джудит Батлер рассматривает в своей работе «Bodies that Matter» – тела здесь одновременно *материальны* и наделяются *символическим значением*¹¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Kaldor M.* Старые и новые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. М.: Изд-во института Гайдара, 2015. 416 с.
- Toshtendahl P.* Профессионализм историка и историческое знание / Пер. А.Ю. Серегинной. М.: Новый хронограф, 2014. 346 с.
- Battlefield Emotions 1500–1800: Practices, Experience, Imagination* / Ed. E. Kuijpers, C. Haven. Palgrave Macmillan, 2016. 326 p.
- Beyond the Dead Horizon: Studies in Modern Conflict Archaeology* / Ed. by N. Saunders. Oxford: Oxbow, 2012. 240 p.
- Bodies in Conflict: Corporeality, Materiality and Transformation* / Ed. by P. Cornish, N. Saunders. N.Y.: Routledge, 2014. 250 p.
- Bourke J.* Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain, and the Great War. University of Chicago Press, 1996. 336 p.
- Bourke J.* The Story of Pain: From Prayer to Painkillers. Oxford University Press, 2014. 416 p.
- Butler J.* Bodies that Matter: On the Discursive Limits of Sex. N.Y.: Routledge, 2011. 256 p.
- Emotions, Politics and War* / Ed. by L. Ahall, T. Gregory. N.Y.: Routledge, 2015. 262 p.
- Contested Objects: Material Memories of the Great War* / Ed. by N. Saunders, P. Cornish. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2013. 336 p.
- Kinder J.M.* Paying with their Bodies: American War and the Problem of the Disabled Veteran. University of Chicago Press, 2015. 368 p.
- Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. Columbia University Press, 2004. 240 p.
- Luttwak E.* Toward Post-Heroic Warfare // Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. No. 3. P. 109–22.
- Moscoco J.* Pain: A Cultural History. N.Y., London: Palgrave Macmillan, 2012. 316 p.
- Sylvester C.* War as Experience: Contributions from International Relations and Feminist Analysis. N.Y., Abingdon: Routledge, 2015. 262 p.

REFERENCES

- Kaldor M.* Starye i novye vojny: organizovannoe nasilie v globalnuju jepohu. M.: Izdatelstvo Instituta Gajdara, 2015. 416 p.
- Toshtendahl R.* Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie. M.: Novyj hronograf, 2014. 346 p.
- Battlefield Emotions 1500-1800: Practices, Experience, Imagination* / Ed. by E. Kuijpers, C. Haven. Palgrave Macmillan, 2016. 326 p.
- Beyond the Dead Horizon: Studies in Modern Conflict Archaeology* / Ed. by N. Saunders. Oxford: Oxbow, 2012. 240 p.
- Bodies in Conflict: Corporeality, Materiality and Transformation* / Ed. by P. Cornish, N. Saunders. N.Y.: Routledge, 2014. 250 p.
- Bourke J.* Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain, and the Great War. University of Chicago Press, 1996. 336 p.
- Bourke J.* The Story of Pain: From Prayer to Painkillers. Oxford University Press, 2014. 416 p.
- Butler J.* Bodies that Matter: On the Discursive Limits of Sex. N.Y.: Routledge, 2011. 256 p.
- Contested Objects: Material Memories of the Great War* / Ed. by N. Saunders, P. Cornish. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2013. 336 p.

¹¹ Butler 2011.

- Emotions, Politics and War / Ed. by L. Ahall, T. Gregory. N.Y.: Routledge, 2015. 262 p.
- Kinder J.M.* Paying with their Bodies: American War and the Problem of the Disabled Veteran. University of Chicago Press, 2015. 368 p.
- Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. Columbia University Press, 2004. 240 p.
- Luttwak E.* Toward Post-Heroic Warfare // Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. No. 3. P. 109–22.
- Moscoco J.* Pain: A Cultural History. N.Y., London: Palgrave Macmillan, 2012. 316 p.
- Sylvester C.* War as Experience: Contributions from International Relations and Feminist Analysis. N.Y., Abingdon: Routledge, 2015. 262 p.

Николай Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; fvnik@list.ru

Echoes of post-heroic wars: bodies, affects, emotions

The volume "Bodies in Conflict: Corporeality, Materiality and Transformation" edited by Paul Cornish and Nicholas Saunders is dedicated to survival tactics of combatants and echoes of wars, that never ends for participants on the day of Armistice. The echoes include not only social strategies of behavior, but also material subject, bodies, affects and emotions of combatants. Authors are interested in physical (bodily, material) mechanics of power that cannot be reduced to conscious psychological motivation or the effects of heroic narrative. Their aim is not the deconstruction of masculinity/authority discourse, but a phenomenological description of war effects on body and mind of combatants. The phenomenological approach focuses on the mechanisms of conscious and unconscious interaction, as well as problematizes disciplinary framework and social functions of military- and historical anthropology.

Keywords: memory studies, war anthropology, trauma, affect, post-heroic warfare

Feodor Nickolai, PhD in history, associate professor, department of World History, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; fvnik@list.ru

М. В. БЕЛОВ

НЕОКОНСЕРВАТОРЫ ИЛИ ОХРАНИТЕЛИ, ПАТРИОТЫ ИЛИ НАЦИОНАЛИСТЫ? РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ БОЛГАРСКОГО ИСТОРИКА

Книга болгарской исследовательницы Тины Георгиевой «Консерватизм и национализм в России. Вторая половина 60-х – середина 80-х гг. XIX века» (2015) анализируется в контексте текущей историографии проблемы. Позиция автора книги компромиссна по отношению к главенствующему тренду в пользу консерватизма в истории русской мысли, и к его критикам, а взгляды русских националистов пореформенного периода выявляются как реакция на ситуацию в имперских окраинах.

Ключевые слова: *Т. Георгиева, русский консерватизм, охранительство, русский национализм, реформы и контрреформы 1860–1880-х гг. в России*

В 2015 г. в великотырновском издательстве «Фабер» вышла в свет книга доцента Софийского университета «Св. Климент Охридский» Тины Георгиевой о консерватизме и национализме в России пореформенного периода¹. Консервативный тренд нулевых годов в России привел к формированию целой исследовательской индустрии, в которой магистраль русской общественной мысли конца XVIII – начала XX века решительно переместилась вправо. Новую когорту историков (политологов, философов, культурологов и т.д.), увлеченных постсоветской «реабилитацией» правого фланга российского «думанья», иногда называют «школой по изучению консерватизма», и ее продукция уже стала предметом критического анализа. Суммируя его, М. Суслов подчеркивает: «...недостатки новейшей историографии заключаются в методологическом вакууме, “историческом фундаментализме”, текстуализме и неадекватном понимании задач интеллектуальной истории. Но главная причина [бедности ее содержания] – это недостаток “историзма”. “Консерватизм” подается как необходимый и достаточный объяснительный факт для исторического события, а тем самым не учитываются ни влияние конкурирующих идеологий, ни другие, более сильные исторические факторы (социально-экономические, например)»².

Т. Георгиева частично учитывает эту критику, занимая компромиссную позицию в поисках «деидеологизированного» подхода к вопросу. Впрочем, импликация методологического фундамента исследования вовсе не сводится к идеологическим декларациям. Компромисс проявляется, в частности, в балансировании между *дискурсивным* и *доктринальным* определением вклада консервативно настроенных ав-

---

¹ Георгиева 2015. Далее страницы книги указываются в круглых скобках.

² Суслов 2008. С. 287.

торов. Георгиева признает существенные расхождения между ними, но «они одновременно, хотя часто и независимо друг от друга, споря между собой, участвовали в создании общей идеологической доктрины. И все они, независимо от различий, вносят нечто свое в формирование того, что можно определить как русское “патриотически-охранительное движение”» (15). Кавычки в данном случае вполне уместны, поскольку никакого оформленного движения охранителей с партийно-организационной структурой в рассматриваемый автором период еще не существовало, при этом попытка создания такой структуры («Священная дружина» 1881 г.) была задавлена на корню. Это не мешало проведению верноподданнических демонстраций, санкционированных и спланированных (полу)официально. Доктринальный осадок от публичной полемики и частных высказываний тех, кого причисляют к консерваторам, при таком подходе выглядит скорее исследовательским конструктом, содержательные грани которого слишком очевидны, хотя, конечно, многие топосы консервативного дискурса пореформенного периода стали лозунгами правых в более поздние времена электоральной политики. Концентрация на «общих местах», как это уже указывалось М. Сусловым в цитированной выше статье, приводит к сокращению принимаемого исследователем в расчет контекста дискуссии, а это в свою очередь упрощает итоговую картину.

Более последовательно дискурсивный подход выдержан в исследовании второго феномена, вынесенного в заголовок монографии: «Полагаем, что термины “национальный дискурс” и “национальный русский проект” (конкурирующий с другими национализмами. – М.Б.) наиболее отвечают тем задачам, которые мы ставим: представить основные проблемы, которые общество формулировало в тот период и рассматривало как национальные приоритеты для имперской власти. Во-вторых, представить предложения, выработанные в среде русской элиты для разрешения тех проблем, которые на практике вели к ревизии традиционной имперской политики. На последнем, но не по важности, месте – обозначить руководящие установки и представления, какие зарождающееся национальное движение формулировало, и которые превратятся в его идеологические рамки по национальному вопросу» (9–10). Здесь Георгиева во многом следует за идеями А. Миллера с его указаниями на различия имперских периферий, вызовов центру в лице местных националистов, необходимости учитывать межимперский контекст и говорить о вариативности реагирования – например, о «русификациях», а не об универсальной русификаторской политике по одноразовой рецептуре. У Миллера же заимствована и развернутая в главе 3 монографии идея проникновения русского националистического дискурса в официальную политику: «...было бы ошибкой считать, что даже до создания системы политического представительства между

общественным националистическим дискурсом и имперской бюрократией существовала непроницаемая мембрана. <...> Медленно, не без сопротивления и внутренних противоречий, но правящая элита усваивала определенные элементы идеологии русского национализма, что уже в середине XIX века сказывалось на мотивации ее политики³.

Сочленение консерватизма и национализма, заявленное в заголовке книги, проясняется во введении. Хотя в данный период в пространстве Российской империи соперничали разные национальные доктрины и движения, создавались проекты и концепции, имеющие, помимо прочего, и националистическую импликацию в рамках одного «национального» поля, речь идет о «специфической русской идеологии – уже не столько имперской, «российской», сколько подчеркнута русской; самобытной, но с подчеркнута консервативной направленностью» (15). В другом месте говорится, со ссылкой на М. Смолина и Ф. Селезнева, о «национально-охранительном направлении» (20). При этом понятия охранительство и (нео)консерватизм синонимизируются, как, равным образом, и термины национализм и патриотизм. Такое сближение двух терминов, за пределами современной методологической рефлексии на этот счет, продемонстрировано в схожей по тематике коллективной монографии, вышедшей в том же году на русском языке⁴. Впрочем, отдельные авторы этой объемной книги предпринимают персональные попытки различения этих терминов и/или феноменов.

Терминологическая новация Тины Георгиевой – предложенное ею определение «неоконсерватизм» для правых публицистов и идеологов пореформенного периода, с тем чтобы отделить их от идеологов т.н. «официальной народности» Николаевской эпохи. Хотя, как признает автор монографии, для консервативной волны времени Александра II характерно возрождение известной уваровской триады («православие, самодержавие и народность»), в новые времена она утратила однозначную «официальность» и старые доктринальные ограничения, более того, в условиях реформ с оттенком либерализма, она выражала «своеобразную оппозиционность». Поэтому, если в момент своего появления триада выступала «предохранительной» концепцией, призванной не допустить распространение опасных мнений и настроений, следовательно, она не могла получить творческого развития, то, сражаясь с реформистской бюрократией в 1860–1880-е гг., правые публицисты вынуждены были систематически оттачивать свои идеи и аргументы (16–17)⁵. Развивая мысль Георгиевой, можно добавить, что сама кон-

---

³ Миллер 2008. С. 152–153.

⁴ Патриотизм и национализм... 2015.

⁵ Другая отличительная черта неоконсерватизма пореформенного времени, в понимании Георгиевой, – все более тесное сочленение «охранительства» с националистической риторикой, что под впечатлением от Польского восстания 1863–

сервативная волна пореформенного времени оказалась возможной только после цензурных преобразований и возникшего вследствие них публичного поля, поэтому правая публицистика оказалась порождением модернизации не обязательно в чисто негативном смысле, т.е. как враждебная реакция на нее.

Относительно проведенного автором книги различия между «предохранительным» и собственно «охранительным» (отложенные вопросы: кем? кого? от чего?) этапом, следует принять во внимание еще одну поправку. Каким бы ни был идейный генезис краткой уваровской формулы, о чем спорят историки, совершенно понятно, что главными политическими обстоятельствами ее появления стали вызовы декабризма, европейских революций 1820–1830-х гг., восстания в Царстве Польском (1830–1831). Иными словами, задачи защиты самодержавия уже стояли в повестке дня. Другое дело, что угрозы были купированы тогда в основном полицейскими мерами, а узкое пространство «общественного мнения» почти полностью контролировалось бюрократией (исключение, быть может, составляли резервации «эзоповой» литературной критики и университетской науки в зазорах конкуренции ее сановных попечителей). Своеобразие ситуации консерваторов пореформенного периода заключается в том, что ходом реформ они были оттеснены от очага власти, как минимум, на периферию, и пытались занять место своих конкурентов, новым «сверхбюрократическим» путем – наращиванием влияния в печати. К середине 1880-х гг., указывает Георгиева, охранительство, в силу изменившихся обстоятельств, вновь превратилось в официальную позицию, что «лишило его жизненности и воспрепятствовало его идейному развитию» (т.е. ресурс доктрины полагается до конца не исчерпанным?). Поэтому этот рубеж обозначил финал работы исследователя; в свою очередь, ее начальной точкой стал выстрел Каракозова.

В первой главе книги анализируются как раз те «общие места» (нео)консервативной публицистики, о которых упоминалось ранее. Поскольку они мыслятся самодовлеющими идеологемами, то их представление дается в виде крайних проявлений, что нивелирует их ситуативное использование и прямой полемический адресат высказываний. Противопоставление России и Европы (идея «особого пути») возводится к наследию ранних славянофилов и М.П. Погодина с С.П. Шевыревым, хотя можно найти и предшествующие им источники; ближайший – круг «любомудров», с которым соприкасались последние, равно как и А.С. Хомяков и братья Киреевские. Странно, что в этой связи не упомянуты официальная трактовка победы над Наполеоном и первое «Фи-

лософическое письмо» П.Я. Чадаева: они бы разнообразили среду кристаллизации этой идеологии. По мнению автора монографии, славянофилы ограничивали свое увлечение русской самобытностью вопросами культуры⁶, однако, повторюсь, это было во многом вынужденное ограничение, а обостренный интерес к политике (и сопутствующее антизападничество) проявились у некоторых из них очень ярко во время революций 1848–1849 гг. и в ходе Крымской войны⁷. Другое дело, что их высказывания того времени не могли быть преданы широкой огласке. Во всяком случае, легко согласиться с Георгиевой в следующем: в пореформенных условиях противопоставление России Западу (Европе) стало дополнительным аргументом против модернизации (36–37). Ее псевдонимами в правой публицистике выступали «космополитизм», «прогресс», «либерализм», «эгалитаризм», «парламентаризм» и т.д. Впрочем, как замечает Георгиева, для М.Н. Каткова прогресс обретал позитивные коннотации, поскольку его истинным источником, в рамках его ранней концепции, являлось самодержавие (47). И в этом его позиция сходилась с воззрениями тогдашних российских либералов (но и того же Погодина), что не удивительно, учитывая правый дрейф Каткова из лагеря «западников». Этот казус ставит закономерный вопрос об эволюции воззрений каждого из причисляемых к консерваторам авторов, и о гибридных вариантах идеологического выбора. Стоит задуматься, о применимости к кому-то из них формулы «либеральный (реформистский) консерватизм»⁸, о степени «реакционности», ригидности (или, напротив, лабильности) той или иной позиции.

В первой главе работы Георгиева неоднократно указывает, что «именно славянофильство предоставило неоконсерватизму готовый идейный инструментальный и славянофильские положения были использованы для защиты по существу антиреформаторской политики» (83)⁹. В частности, это видно в интерпретации «простого народа» как носителя истинно русских ценностей и убеждений, моральной правды и истинной (интуитивно-иррациональной) точки зрения на общественные дела. Однако, при всем сходстве такой риторики, практические выводы поздних славянофилов и неоконсерваторов, порой, радикально различались. Хотя консервативно сконструированный «народ», в который мысленно инкорпорировалось патриархальное дворянство, иногда представлялся субъектом, а не объектом исторического развития, «правые идеологи далеки от мысли допускать его к участию в управлении

---

⁶ Ср.: Rabow-Edling 2006.

⁷ Белов 2017. С. 111–113.

⁸ Это распространенное определение, тем не менее, не было включено в энциклопедию «Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века» (2010) под редакцией В.В. Шелохаева, что отметил ее рецензент: Китаев 2012. С. 285.

⁹ Ср.: Engelstein 2009.

под какой-либо формой» (69–71). Расхождения со славянофилами сказались в этой связи по вопросу о возможности созыва Земского собора.

Другой пример: «в то время как славянофильская концепция атаковала элиту обобщенно, как самую образованную и состоятельную часть русского общества, идеологи справа превращают в объект критики только часть ее» (90–91). Это, прежде всего, университетские профессора, учителя семинарий, студенты, либеральная пресса, но также и реформистская бюрократия (к выразителям ее мнения, в пылу полемики, издатель «Гражданина» князь Мещерский причислял и сторонников славянофила И.С. Аксакова). Лжелиберальное европейничанье, нигилизм, «отрицательство» суммировались в правом дискурсе понятием «крамола» – начало его использования относится к восстанию в Царстве Польском в 1863 г. (98–99)¹⁰. Данный архаизм служил опознавательным сигналом в языке правых публицистов и дискурсивно отражал зреющие в их картине мира «теории заговора», где в соответствии ростом ксенофобии роль коварных недоброжелателей досталась полякам и евреям. Вероятно, стремлением к обрусению понятийного словаря объясняется и отмеченная Георгиевой холодность правых к слишком «западному» термину «консерваторы», напротив, большая склонность к самоопределению «охранители»; показательно, что И.С. Аксаков так себя не именовал (108–109). В то время как охранители занялись реабилитацией Николаевского царствования, круг последнего и в целом славянофилы сохранил к нему негативное отношение (120–121).

Вторая глава монографии посвящена выработке правыми программы контрреформ. Анализируя в начале ее динамику, автор отмечает волнообразную интенсивность критики реформ, определяемую колебаниями правительственного курса, но также и нарастание ее силы в конце 1870-х и начале 1880-х гг. Далее последовательно рассматривается аргументация правых критиков в отношении всех реформаторских начинаний (местное самоуправление, судебная система, образование и печать)¹¹ в сравнении с позицией славянофилов, прежде всего, изданий И.С. Аксакова. В результате были выявлены существенные отличия между ними, а также оттенки мнений и колебания внутри охранителей. «...Отсутствие единства среди правых идеологов сделало проведение контрреформ половинчатым, не позволило сойти с реформаторского курса времен Александра II», – делает вывод автор (186). Хотя, конечно, возврат к крепостному праву и рекрутским повинностям был невозможен совсем по другим причинам. Крайняя реакционность и отсутствие позитивной программы у охранителей отмечены и Георгиевой в заключительной части книги (294–295).

¹⁰ Ср.: Сафронова 2014. С. 142–151.

¹¹ Похожий анализ В.А. Твардовской, ограниченный 1880-ми гг. см.: Русский консерватизм... 2000. С. 276–360.

Различия между изданиями Аксакова (шире: славянофилами)¹² и охранителями сформулированы в конце второй главы. Во-первых, круг Аксакова не разделял фаворитизации правыми дворянства и отстаивал формулу «земской монархии». Во-вторых, славянофилы никогда не отрекались от реформ 1860-х гг. и никогда не думали о возврате к до-реформенным принципам управления, но только о корректировке нововведений в соответствии с русскими традициями. В-третьих, местное самоуправление они рассматривали как «исконную часть русской жизни», совместимую с самодержавием. В-четвертых, нигилизм в их трактовке – внутренняя болезнь русского общества, а не занесенная извне «зараза». Поэтому, делает вывод автор, в оценке реформ «славянофилы намного ближе либеральной среде, чем консерваторам. Аксаков и идейно близкие ему представители русской элиты до конца оставались защитниками основных либеральных принципов – свобода слова и печати, ограничение произвола и верховенство закона» (194).

Определение позиции поздних славянофилов (и самого Аксакова) в пореформенной полемике вызывает стойкие сомнения среди историков. Как правило, они отмечают его колебания между либеральным и консервативным лагерями в стремлении выгородить себе отдельную общественную площадку¹³. Автор свежей биографии «последнего из «отцов»» славянофильства так заключает одну из ее глав: «Существенным образом изменив и конкретизировав учение своего брата, Иван Сергеевич Аксаков создал достаточно отчетливую концепцию “неполитического либерализма”, где постоянное указание на “неполитичность” могло повторяться и утверждаться лишь за счет предельно суженного понимания “политического”, высвобождая тем самым пространство для складывания *политического общества* (курсив автора. – М.Б.) как пространства оформленного общественного мнения»¹⁴. И, как видно из цитат, приводимых Георгиевой, Аксаков часто пользовался моралистической аргументацией в «борьбе за дискурс». Однако пространства публичности формировались в пореформенный период помимо избранной им стратегии полемики и даже за пределами доступных его влиянию социальных сетей, институций и сфер активности.

В третьей главе история русского национализма второй половины XIX в. прослеживается через отношение его идеологов к разным имперским перифериям. Примерно до 1863 г., который, как полагает Георгиева, можно считать датой рождения русского национализма, тот

---

¹² С одной стороны, в этот период, по признанию Георгиевой, в славянофильстве, утратившем к тому же внутреннее единство, усиливаются консервативные элементы, с другой – изменилось восприятие общества: то, что при Николае I звучало либерально, в пореформенной России уже выглядело консервативно (189).

¹³ Русский консерватизм... 2000. С. 246–252.

¹⁴ Тесля 2015. С. 305.

проходил «позитивный» этап антикварного интереса к истории, языку, быту и т.д. Политика поддержания лояльности центру через делегирование привилегий местным элитам (их кооптация в имперский центр) не подвергалась сомнениям, что было, впрочем, невозможно, как и любое вторжение в сферу государственного управления. Затем Восстание в Царстве Польском сформировало своеобразный «польский синдром», соединивший консерватизм с национализмом, и поставило вопрос о пересмотре прежнего институционально-правового разнообразия на окраинах. Георгиева выделяет два варианта русского национализма, называя первый, с долей условности, «государственным» (М.Н. Катков), а второй «православно-славянским» (И.С. Аксаков). При некоторых различиях в адресации своих посланий оба варианта склонялись к «введению общих для государства правовых норм и управленческих принципов» (200), т.е. к имперской унификации, но, переходя от общего принципа к конкретным предложениям, их подходы программировались специфическим раскладом сил и предполагаемым ассимиляционным потенциалом каждого региона. В результате такого националистического поворота прежняя политика привилегированных относительно центра периферий, связываемая с именем Александра I, виделась уже «непатриотичной» и «антирусской» (202–203). Другими мотивами в развитии русского национализма, как это видно из проведенного автором книги анализа, стали качественно новая социальная мобильность, усилившаяся экономическая конкуренция и перемены на международной арене с образованием Второй Германской империи.

После демонстрации общего подхода, сравнительно кратко рассматриваются случаи Прибалтийских губерний (он расширен за счет усиливающейся германофобии внутри империи) и Финляндии, а более развернуто – еврейский и польский вопрос, сопряженный с соперничеством национальных проектов в т.н. Западном крае, а также поиски «исконных русских земель» или «Другой Руси» за пределами Российской империи¹⁵. Последний случай свидетельствует об обостренном межимперском соперничестве (с Австро-Венгрией) в условиях ускоряющейся национальной мобилизации. Межгосударственная политическая конкуренция только способствовала ей. Содержательно третья глава работы, быть может, представляет наибольший интерес для читателя, поскольку она базируется на широком круге периодических и иных изданий, выявляет множество нюансов в тактике националистов (программирующей ее логике мышления) и оттенки в позиции некоторых из них. Все это связывается с восприятием предложений русских националистов в правительственных сферах, селективно или с отсроч-

---

¹⁵ Пропуск других окраин (Кавказа, новоприсоединенной Средней Азии и т.д.) специально не оговаривается.

кой реагировавших на них. Многократно отмечены парадоксы противодействия сепаратизму на окраинах, росту национального самосознания нерусских народов или культурной обособленности (религиозных евреев). Они суммированы автором в заключении: «Подобно консерватизму национализм достиг обратного эффекта. Во имя сохранения порядка и стабильности консерватизм пытался воспрепятствовать процессу реформ в государстве и, по возможности, «подморозить» Россию – политика, которая в будущем привела к расшатыванию авторитета власти, радикализации общества и усилению антиправительственных настроений в нем. Сходным образом акцент на ограничительной политике вел к мобилизации соперничавших с русским национализмом, причем мобилизации не только местных элит, но и широких слоев населения, поэтому на практике способствовал усилению и обострению национальных противоречий» (299).

Новая книга о консерватизме и национализме в пореформенной России, соответствующая уровню современной историографии (хотя и компромиссно нивелирующая ее проблемы), конечно, будет полезна болгарскому читателю, которому она и адресована в первую очередь. Однако она же демонстрирует, во всяком случае, в какой-то своей части (об охранительстве), и некоторую исчерпанность традиционного предмета исследования. Дальнейшее изучение национализмов модернизирующейся Российской империи (включая русский) будет еще теснее учитывать их конкурентный, реактивный, взаимозависимый характер. Предложенные русскими националистами проекты административной унификации и ассимиляционного давления (стимулирования) следует сопоставить с вариантами имперского строительства (реформирования) в других пространствах, прежде всего, в Австро-Венгрии и бисмарковской Германии, которые их, безусловно, интересовали¹⁶. Еще одна интересная тема: социальные и политические ресурсы русских националистов, возможности и трудности (в т.ч. внутриконкурентные) их влияния на императорскую власть. Нельзя сказать, что эта тема ранее не разрабатывалась, но изучение сетей персональных контактов посредством дневников и переписки сулит еще немало открытий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белов М.В. «Молодые славянофилы» на пути к «славянскому братству»: балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 1. С. 103–119.
- Георгиева Т. Консерватизм и национализм в Русия (Втората половина на 60-те гг. – средата на 80-те години на XIX век). В. Търново: Фабер, 2015. 311 с.
- Китаев В.А. Большая история русского консерватизма: решения и проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4. С. 282–286.

---

¹⁶ Выходом за пределы «российской исключительности» стал бы компаративный анализ националистической мифологии и самой идеи «особого пути», характерного для обществ под стрессом модернизации.

- Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
- Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
- Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 440 с.
- Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 376 с.
- Суслов М. Новейшая историография российского консерватизма: его исследователи, критики и апологеты // *Ab Imperio* 2008. № 1. С. 253–288.
- Тесля А.А. «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 799 с.
- Engelstein L. Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2009. 256 p.
- Rabow-Edling S. Slavophile thought and the politics of cultural nationalism. Albany: State Univ. Of N. Y. Press., 2006.

REFERENCES

- Belov M.V. «Molodyye slavyanofily» na puti k «slavyanskomu bratstvu»: balkanskiye puteshestviya 1840-h gg. // *Slavyanovedeniye*. 2017. № 1. S. 103–119.
- Georgiyeva T. Konservatism i nacionalizm v Rusiya (Vtorata polovina na 60-te gg. – sredata na 80-te godini na XIX vek). V. Tyrnovo: Faber, 2015. 311 s.
- Kitayev V.A. Bol'shaya istoriya russkogo konservatizma: resheniya i problemy // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2012. № 4. S. 282–286.
- Miller A. Imperiya Romanovyh i nacionalizm. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2008. 248 s.
- Patriotizm i nacionalizm kak faktory rossijskoj istorii (konec XVIII v. – 1991 g.) / Отв. ред. V.V. Zhuravlev. M.: Politicheskaya ehnciklopediya, 2015. 783 s.
- Russkij konservatism XIX stoletiya. Ideologiya i praktika / Pod red. V.Y. Grosula. M., 2000. 440 s.
- Safronova Y. Russkoye obshchestvo v zerkale revolyucionnogo terrora. 1879–1881 gody. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 376 s.
- Suslov M. Novejshaya istoriografiya rossijskogo konservatizma: yego issledovateli, kritiki i apologety // *Ab Imperio* 2008. № 1. S. 253–288.
- Teslya A.A. «Poslednij iz “otcov”»: biografiya Ivana Aksakova. SPb.: Vladimir Dal', 2015. 799 s.
- Engelstein L. Slavophile Empire: Imperial Russia's Illiberal Path. Ithaca; L., 2009. 256 p.
- Rabow-Edling S. Slavophile thought and the politics of cultural nationalism. Albany, 2006.

Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; belov_mihail@mail.ru

New conservatives or okhraniteli, patriots or nationalists? Reflections on the book of Bulgarian historian

The book by Bulgarian researcher Tina Georgieva "Conservatism and Nationalism in Russia. The second half of the 60's - mid 80's of XIX century "(2015) is analyzed in the context of contemporary historiography. The position of the historian is a compromise between the supremacy of the trend, which favors conservatism in the history of Russian thought, and its critics. Georgieva reveals the position of Russian nationalists in the post-reform period as a reaction to the situation in the imperial outskirts.

Keywords: T. Georgieva, Russian conservatism, okhranitelstvo, Russian nationalism, reforms and counter-reforms in the 1860s, 1870s, and 1880s in Russia

Michael Belov, Ph.D., the Head of the Department of Modern and Contemporary History, the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; belov_mihail@mail.ru

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК КОНСТИТУИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ЕВРОПЕЙСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

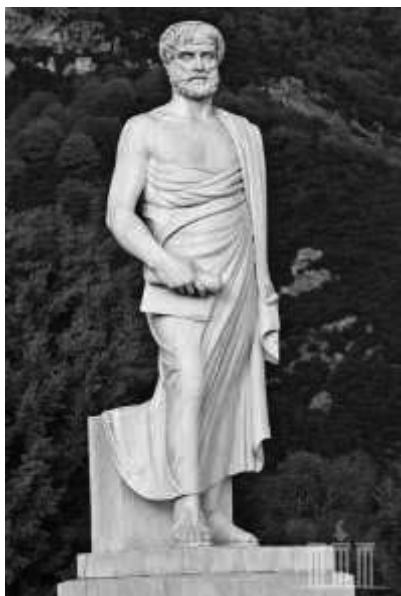
МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ*

Обзор Московской международной научной конференции «Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности», прошедшей с 17 по 19 октября 2016 г. в Институте философии РАН.

Ключевые слова: Аристотель, наследие, концепции, гуманитарное знание.

Проведение Московской международной конференции 17–19 октября 2016 г.¹ (организованной в рамках прошедших в Европе и США конференций, образующих многоступенчатый конгресс «Аристотель сегодня» и посвященных 2400-летию Аристотеля), явилось важным научным событием². В составе ее участников были исследователи из разных регионов и городов России (Волгоград, Киров, Санкт-Петербург, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Томск и другие), стран ближнего зарубежья (Узбекистан, Украина), а также Великобритании, Греции, Италии, Португалии, Турции, Чехии, Ирана, Бразилии. В целом, в

---

* Статья написана при поддержке РФФ (Проект № 15–18–30005). На иллюстрации – статуя Аристотеля в Стагире: <http://www.grekomania.ru/attractions/archea/99-stageira> (декабрь, 2016). Изображение находится в открытом доступе.

¹ См.: www.c-h-o.eu/aristotle-today; <https://www.evensi.com/2016-moscow-international-aristotle-conference-institute-of/161471236> (декабрь, 2016). Московская конференция явилась частью всемирного конгресса “Aristotle today – Aristoteles heute – Aristote aujourd’hui”, проводимого в 2016 году в 10 странах в честь 2400-летия Аристотеля. О мероприятии, предвещающем конференцию, см.: Петрова 2016, С. 388–395; http://roii.ru/dialogue/55/roii-dialogue-55_25.pdf (декабрь, 2016).

² Основными организаторами конференции выступили Институт всеобщей истории РАН и Институт философии РАН (Центр античной и средневековой философии и науки).

работе конференции приняло участие 83 российских³ и 14 зарубежных специалистов из самых разных дисциплинарных областей (интеллектуальная история, история философии, история идей и ментальности, история медицины, история математики и физики).

Многочисленность состава участников обусловлена интенсивным развитием в мире аристотелевских исследований в последние десятилетия⁴. Возрастающий интерес ученых к наследию Аристотеля стимулирован многими причинами. Среди таковых, с одной стороны, понимание того, что наследие греческого мыслителя явилось фундаментом развития науки как в западной Европе (латинская и греческая традиции), так и на Востоке (арабская и греческая). С другой стороны, осознание того, что общая направленность аристотелизма на научный подход к изучению природы и человека, заложившего основы развития естественных и гуманитарных дисциплин, составляет отличительную черту именно европейской рациональности⁵, поскольку всё последующее развитие европейской мысли характеризуется его усвоением, трансформацией и развитием – будь то Античность, Средние века или Новое время.

Программный комитет конференции ставил перед собой задачу комплексного рассмотрения наследия Аристотеля⁶, что, в свою очередь, подвигло его членов на формирование программы конференции с максимальным количеством докладов по следующим направлениям: «Аристотель и его учение» (6 докладов), «Аристотель и Платон» (7 докладов), «Аристотелизм в греческой христианской традиции IV–XII веков» (7 докладов), «Аристотелевское наследие в традиционной и современ-

---

³ В составе российских участников исследователи из ведущих академических институтов (ИФ РАН, ИВИ РАН), университетов (МГУ, СПбГУ, Новосибирский ГУ, Томский ГУ, Красноярский ГУ, Южный Федеральный университет, Вятский ГУ) и высших учебных заведений (МГУ, РГГУ, НИУ ВШЭ, Первый ММГУ им. И.М. Сеченова) страны.

⁴ При этом достижения российского аристотелеведения все еще остаются достаточно скромными, поскольку сама аристотелевская традиция изучена недостаточно. До сих пор на русском языке отсутствует полное собрание сочинений Аристотеля, не говоря уже о сочинениях его комментаторов; нет исследований по истории изучения и переводов трудов Аристотеля, а также рецепции его идей в русской интеллектуальной культуре, поскольку история «русского Аристотеля» практически не получила специальной разработки не только в зарубежной, но и в отечественной науке. Настоящая конференция призвана заполнить этот пробел, так как она направлена на консолидацию научного сообщества вокруг изучения наследия Аристотеля во всей его полноте и формирование научной среды, которая сегодня могла бы способствовать выполнению этой цели.

⁵ В трудах греческого философа были впервые дифференцированы и оформлены дисциплинарно не только физика, этика, учение о первых началах (метафизика), но и многие другие отрасли современного научного знания.

⁶ Программу конференции см. на сайтах: http://iph.ras.ru/miac_2016.htm; aristotletoday.ru; видеозапись см.: <http://iph.ras.ru/page28244950.htm>; фоторепортаж см.: <http://iph.ras.ru/page16345229.htm> (декабрь, 2016).

ной логике» (9 докладов), «Аристотель и его мысль» (17 докладов), «Аристотель в философской и научной традиции» (14 докладов), «Аристотель в средневековой латинской традиции XIII–XIV веков» (6 докладов), «Аристотелевская этика» (6 докладов), «Политическая мысль Аристотеля» (7 докладов), «Рецепция учения Аристотеля в античной и средневековой традиции» (7 докладов), «Аристотелевская традиция в русской средневековой книжности» (7 докладов), «Аристотелевская традиция и естествознание (7 докладов)», «Аристотелевская традиция в Новое и Новейшее время» (7 докладов), «Аристотелевская традиция в России» (5 докладов)⁷.

Таким образом, отобранные сообщения были направлены и на обсуждение теорий греческого мыслителя (И.В. Берестов, М.Н. Вольф и др.) в различном сочетании (сравнительном, критическом, аналитическом и др.) с таковыми Платона (И.Н. Мочалова, И.А. Протопопова и др.), и на рассмотрение особенностей усвоения и влияния основополагающих идей Аристотеля собственно в античной традиции I–VI вв., как языческой (М.А. Маяцкий, М.С. Петрова), так и христианской (А.Р. Фокин, Т.А. Щукин); их трансформации в период патристики (М.Н. Варламова, С.Б. Акишин) и эпоху схоластики (напр., О.С. Воскобойников, М.Л. Хорьков, А.А. Социлин). Участниками конференции также обсуждались вопросы, связанные с рецепцией идей Аристотеля в исторической перспективе и постаристотелевской парадигме Нового и Новейшего времени (И.И. Блауберг, В.А. Яковлев). Особую значимость имел блок докладов, направленных на изучение тех концепций Аристотелевской натурфилософии, которые имели отношение к человеку (телу и душе), его психосоматике (чувствам, эмоциям, переживаниям) (О.П. Зубец, М.А. Солопова, А.Ш. Алимжанова), впоследствии воспринятыми античной медициной (Д.А. Балалыкин, Н.П. Шок), а также коррелирующие с антропологией (П.С. Гуревич), этикой (П.А. Гаджикурбанова, А.В. Серегин) и психологией (А.В. Марей).

На широком временном диапазоне (от Античности до Современности [XX век]) детально рассматривалось проникновение идей Аристотеля о теле и телесности в различные концепции (В.В. Петров), а также ментальные (Н.П. Волкова) и социальные практики (Т.П. Минченко), с выявлением в них тех составляющих, которые – зародившись в Античности, были усвоены в Средние века (напр., Л.Г. Тоноян) и восприняты в трансформированном виде в Новое время в своей (европейской) (А.Ю. Серегина) и «чужих» культурах (О.В. Окунева) – заложили фундамент современного научного знания (В.А. Яковлев).

Изучался вопрос возможного влияния политических установок и идей Аристотеля на восприятие государственности как достижения че-

---

⁷ Материалы к докладам см.: Петров 2016 (ред.). С. 3-58.

ловческой цивилизации (И.А. Ерохов, А.Н. Мишури, Т.П. Минченко); В фокусе внимания также находились вопросы, связанные с «приведением к норме» и концептуализацией представлений об убеждении в философии Аристотеля (В.В. Линьков), формированием его идей свободы и верховенства естественного права (А.М. Мишури, Т.П. Минченко), устанавливающих новые стандарты «цивилизованного» поведения.

Важное значение имели доклады, направленные на изучение проблем, связанных с Аристотелевской традицией в русской средневековой книжности (А.В. Соколов, Н.Ю. Сухова) и, шире, Аристотелевской традицией в России (М.В. Егорочкин, Д.И. Файзиходжаева, А.Л. Доброхотов, В.В. Кравченко, Н.Т. Абрамова), призванные заполнить лакуны, имеющиеся в отечественной историографии.

Как представляется, результаты конференции не только окажут многонаправленное и комплексное воздействие на целый ряд научных дисциплин, стимулируя их развитие (в их числе – интеллектуальная история, история философии, история идей и ментальности, история науки, культурология и многие, многие другие), но внесут вклад в преодоление исторически обусловленной обособленности отечественной гуманитарной науки от мирового научного сообщества, что будет способствовать повышению престижа российской научной школы за рубежом.

М.С. Петрова

БИБЛИОГРАФИЯ

- Петров 2016 (ред.) – Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. Московская международная конференция. 17-19 октября 2016 г. Институт философии РАН. Материалы к докладам / Отв. ред. В.В. Петров. М.: Аквилон, 2016. 64 с.
- Петрова 2016 – Аристотелевское наследие в биологии, медицине и этике. Осенняя школа молодых ученых / Диалог со временем 55 (2016), 388-395.

REFERENCES

- Petrov 2016 (red.) – Aristotelevskoe nasledie kak konstituirujushhij jelement evropejskoj racional'nosti. Moskovskaja mezhdunarodnaja konferencija. 17-19 oktjabrja 2016 g. Institut filosofii RAN. Materialy k dokladam / Otv. red. V.V. Petrov. M.: Akvilon, 2016. 64 s.
- Petrova 2016 – Aristotelevskoe nasledie v biologii, medicine i jetike. Osennjaja shkola molodyh uchenyh / Dialog so vremenem 55 (2016), 388-395.

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, руководитель Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН, beionyt@mail.ru.

The Legacies of Aristotle as Constitutive Element of European Rationality: 2016 Moscow International Aristotle Conference

An overview of 2016 Moscow International Aristotle Conference “The Legacies of Aristotle as Constitutive Element of European Rationality”, held on 17–19 October, 2016 at the RAS Institute of Philosophy.

Key Words: Aristotle, legacy, conference, the humanities.

Maya Petrova, Dr.Sc. (History), Head of the Center for Gender Studies of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, beionyt@mail.ru

CONTENTS

History and theory

<i>Irina Savelieva</i> History in the 21 st century. Key Words.....	5
<i>Igor Kobylin</i> The “autonomy of affect”: history, becoming, biopolitics.....	25

Intellectual history today

<i>Valentina Voloshina, Valentina Korzun</i> A.A. Kiesewetter’s life of emigrant in the light of “professorial culture”.....	39
<i>Olga Protasova</i> A “Free artist” of Marxism: the life and ideological views of N.V. Volsky.....	71
<i>Andrey Kuznetsov</i> N.I. Kareev’s letters to S.I. Arkhangelsky.....	88
<i>Kirill Yudin</i> Alberto Sordi and the post-war Italian cinema in the conservative historical and philosophical perspective.....	105

World of sociocultural history

<i>Aleksey Pantelev</i> “For the training and preparation of ones to come” early hagiographic texts as instructions for Christians.....	125
<i>Georgy Zakharov</i> Arian crisis of the 4th century and the formation of West-East opposition in the Early Christian tradition.....	141
<i>Marianna Andreycheva</i> ‘Ethnographical’ description of the Eastern Slavs in cosmographical introduction of the Primary Chronicle.....	155
<i>Maxim Sidorenko</i> From Mazarin to Louis XIV – the formation of a representative image of royal power under the Ancien Régime.....	181
<i>Yuri Solovyov</i> The collaboration of 1812. Class aspect.....	201
<i>Sergey Lazaryan</i> A.P. Ermolov and M.S. Vorontsov strategies of conquering the Caucasus in vocabulary and semantics.....	224
<i>Elizaveta Berezina</i> “Looking Closely at the Lid of the Box” Lacquer Miniatures as a Source for a Study of Soviet Visual Culture.....	242

Historical notes

<i>George Shpak</i> Spatial, temporal and cognitive-rhetorical strategies of travelogues by G.F. Miller.....	261
<i>Maxim Gorelov</i> Evolution and continuity of the English political traditions in works by E.A. Freeman.....	272

<i>Sergey Murtuzaliyev</i>	
Studying ethnic stereotypes in the relations between the peoples of the “instability range”, 18 th – 21 st centuries.....	285
<i>Vladimir Litvinov</i>	
Regional pilgrimage of Muslims of Russian Turkestan little-known pages.....	297
<i>Svetlana Smagina</i>	
The National Question and Its Solution in the Liberal Projects of the Russian Emigration (1920–1930s).....	307
<i>Pavel Grebenyuk</i>	
Laughter practice in public administration on the North-East of USSR (1940–1950s)	318
<i>Ilia Sidorchuk</i>	
N.Ja. Marr and Marrism in Western historiography.....	330
<i>Vitaly Tikhonov</i>	
The “political economy” of academic career in the Stalin period: the discussion of 1951 on political economy, the 19 th Congress and a historian A.L. Sidorov.....	340
<i>Alexey Pozharov, Svetlana Kuzyaeva</i>	
The Crimea in the Great Patriotic war: historiography.....	352
<i>Maria Tutorskaya</i>	
The two cultures: teaching Literature and Medicine in the USA.....	364
Reading books	
<i>Feodor Nickolai</i>	
Echoes of post-heroic wars: bodies, affects, emotions.....	374
<i>Michael Belov</i>	
New conservatives or okhraniteli, patriots or nationalists? Reflections on the book of Bulgarian historian.....	381
Events	
<i>Maya Petrova</i>	
The Legacies of Aristotle as Constitutive Element of European Rationality: 2016 Moscow International Aristotle.....	391

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>И.М. Савельева</i> Историческая наука в XXI веке: ключевые слова.....	5
<i>И.И. Кобылин</i> “Автономия аффекта”: история, становление, биополитика.....	25

Интеллектуальная история сегодня

<i>В.Ю. Волошина, В.П. Корзун</i> Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике «профессорской культуры».....	39
<i>О.Л. Протасова</i> «Вольный художник» марксизма: жизнь и идейные взгляды Н.В. Вольского....	71
<i>А.А. Кузнецов</i> Письма Н.И. Кареева С.И. Архангельскому.....	88
<i>К.А. Юдин</i> Альберто Сорди и кинематограф постфашистской Италии в консервативной историко-философской перспективе.....	105

В мире социокультурной истории

<i>А.Д. Пантелеев</i> «Для упражнения и подготовки тех, кто намеревается» ранние агиографические тексты как наставления для христиан.....	125
<i>Г.Е. Захаров</i> Арианский кризис IV в. и возникновение оппозиции Запад–Восток в раннехристианской традиции.....	141
<i>М.Ю. Андрейчева</i> “Этнографическое” описание восточных славян в космографическом введении Повести временных лет.....	155
<i>М.А. Сидоренко</i> От Мазарини к Людовику XIV – формирование репрезентативного образа королевской власти при Старом порядке.....	181
<i>Ю.П. Соловьев</i> Коллаборационизм 1812 года. Сословный аспект.....	201
<i>С.С. Лазарян</i> А.П. Ермолов и М.С. Воронцов: стратегии покорения Кавказа в лексико-семантическом отражении.....	224
<i>Е.С. Березина</i> «Пристально всматриваясь в рисунок шкатулочной крышки» лаковая миниатюра как источник изучения советской визуальной культуры.....	242

Исторические заметки

<i>Г.В. Шпак</i> Пространственно-временные и когнитивно-риторические стратегии травелогов Г.Ф. Миллера.....	261
<i>М.М. Горелов</i> Эволюция и континуитет английских политических традиций в творчестве Э. Фримена.....	272

<i>С.И. Муртузалиев</i>	
Задачи изучения инонациональных стереотипов во взаимоотношениях народов «дуги нестабильности» (XVIII–XXI вв.).....	285
<i>В.П. Литвинов</i>	
Региональное паломничество мусульман Русского Туркестана: малоизвестные страницы.....	297
<i>С.М. Смагина</i>	
Национальный вопрос и пути его решения в либеральных проектах российской эмиграции (1920-е – 1930-е гг.).....	307
<i>П.С. Гребенюк</i>	
Смеховая практика в контексте государственного управления на Северо-Востоке СССР (1940–1950-е гг.).....	318
<i>И.В. Сидорчук</i>	
Н.Я. Марр и марризм в западной историографии.....	330
<i>В.В. Тихонов</i>	
“Политэкономия” академической карьеры в сталинскую эпоху дискуссия по политэкономии 1951 г., XIX съезд и историк А.Л. Сидоров.....	340
<i>А.И. Пожаров, С.А. Кузьева</i>	
Крым в Великой Отечественной войне: к историографии проблемы.....	352
<i>М.С. Тутурская</i>	
Две культуры: начало преподавания «медицины и литературы» в США.....	364
Читая книги	
<i>Ф.В. Николаи</i>	
Отголоски (пост)героических войн: тела, аффекты, эмоции.....	374
<i>М.В. Белов</i>	
Неоконсерваторы или охранители, патриоты или националисты? Размышления над книгой болгарского историка.....	381
Хроника событий	
<i>М.С. Петрова</i>	
Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. Московская международная конференция	391
CONTENTS.....	395

ПЕРИПАТЕТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ. РЕЦЕПЦИЯ УЧЕНИЙ АРИСТОТЕЛЯ В ФИЛОСОФИИ, НАУКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

НОВОСИБИРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(АКАДЕМГОРОДОК)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА

Сентябрь 1 – 10, 2017 г.

Организации — участники проекта

Новосибирский государственный университет • Институт всеобщей истории РАН • Институт философии РАН •

Афинский университет (Греция) • Институт философии и права СО РАН •

Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова

Илл.: — см.: <https://goo.gl/images/ttziZJ>

Влияние перипатетической традиции на развитие античной и средневековой философии (как западной, так и восточной) многогранно. *Аристотелевский корпус*, *Комментарии* к нему и различные *Переводы* перипатетического наследия на западные и восточные языки стали теми вехами, которые, каждая в свое время, оказали формообразующее влияние на развитие философии и науки. Предполагается, что программа будет включать в себя как лекции приглашенных профессоров, так и тематические круглые столы, посвященные различным аспектам рецепции перипатетической философии в интеллектуальной культуре Востока и Запада. Участие в школе будет полезным как для специалистов в данной области, так и для начинающих исследователей. Школа проводится при поддержке РФФ, проект «Наследие Аристотеля как конституирующий элемент европейской рациональности в исторической перспективе».

Информационная поддержка:

Журналы

Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем:

<http://roii.ru/publications/intellectual-tradition>

ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция:

www.nsu.ru/classics/schole

Интернет-ресурсы

Центр изучения древней философии и классической традиции Института философии и права Новосибирского государственного университета:

www.nsu.ru/classics

Сектор античной и средневековой философии и науки Института философии РАН: <http://iphras.ru/amphas.htm>

Аристотель сегодня: <http://aristotletoday.ru>

Крайний срок подачи заявки — 30 марта 2017 г.

Контакты: Е.В. Афонасин, Институт философии и права, Новосибирский государственный университет; Институт всеобщей истории РАН;
afonasin@gmail.com

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

58 / 2017

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Подписано в печать 01. 03. 2017
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история,
история философии, филология.
Журнал включен в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030).
Журнал включен в базу данных SCOPUS (с 2016 г.)
Полные электронные версии статей представлены на сайте:
<http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.